

Неужели непонятно – преступность, жестокость, терроризм – это явные признаки глубокой болезни общества, и одним только ужесточением карательных мер добиться успеха трудно, надо лечить общество, людей. А общественные болезни основательно лечатся только справедливым правлением, когда высшие власти страны по-отечески заботятся обо всех народах, обо всех людях страны. Исходя из этих соображений и надо искать причины и жестокости, и преступности, и даже такого позорного явления, как терроризм. А у нас пока ищут только преступников, и то не очень успешно...

Магомет Кучинаев

Магомет Кучинаев

ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ

с древнейших времен и до конца XX века

В двух книгах
книга вторая

Нальчик

ГП КБР «Республиканский
полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.»
Издательский центр «Эль-Фа» 2006

Книга выходит в авторской редакции

БАШКАРНИ

Содержание

1. Введение
2. История башкарни
3. Состав и приготовление
4. Рецепты башкарни
5. Заключение

© М. Ю. Кучинаев, 2006
© ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», Издательский центр «Эль-Фа», 2006

ISBN 5-88195-776-8

КНИГА ВТОРАЯ

**ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ
XX ВЕКА**

Новейшая история

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СВЕТЛОТ»

© Издательство «СветлоТ» 2000 г.

Кязим Мечиев

с картины Б. Гуданаева

1

Часть

**ОТ ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ
ДО ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ**

Басяит Шаханов –

выдающийся деятель общественной мысли Северного Кавказа времен революционных смут, организатор и первый руководитель политической партии «Союз объединенных горцев», в рядах которой впервые сплотились представители горских народов

1. XX век – век несбывшихся надежд, войн, катастроф и трагедий

Мы живем уже в XXI веке, XX век, в котором родились все взрослые люди земли, уже стал историей, прошлым веком. И мы, пережившие многие войны и катастрофы этого окаяннoго века, оглядывая теперь это время, как говорится, с «головой до ног», вправе сказать несмотря на то, что многие умные люди называли этот век то веком радио, то веком электричества, то атомным веком, то веком космоса – что этот XX век все-таки был для человечества в целом, а для балкарцев и карачаевцев тем более, веком несбывшихся надежд, страшных войн, величайших катастроф и горьких трагедий. Да, и еще раз да – несмотря на небывалый, фантастический прогресс во всех областях человеческой деятельности, доминирующей силой в XX веке все равно оставались все еще не изжитые людьми животные, пещерные устремления и страхи: желание кого-то победить, потеснить, а если удастся – убить, уничтожить; страх перед сильными хищниками – империями, тиранами, правителями, страх потерять награбленное, страх умереть с голоду, страх, страх, страх... Сильные государства и народы терзают и уничтожают слабых, тираны губят миллионы людей, не проходит на Земле ни одного дня без войн, насилия и крови.

Стоит ли после всего этого, после осознания того, что человечество по сути все еще остается сообществом пещерных людей, неспособных в глобальном масштабе подчиниться разумной логике, поставить на службу себе и природе свои умственные и физические возможности и жить в мире и достатке, поистине построив на земле рай, восторгаться тем, что мы изобрели радио, открыли электричество, расщепили атом, полетели в космос? Ведь, по сути, все эти успехи человеческого ума все еще в большей степени используются опять же для достижения извечных целей пещерных людей – победить или убить кого-то. А потому с великим огорчением мы должны констатировать: XX век в истории человечества был обычным веком – во все годы и этого века, как и в другие времена, люди неистово воювали, стремясь убить других как можно больше. И, пожалуй, в этом отношении – насколько люди мира преуспели в истреблении друг друга – XX век был, наверное, самым успешным со дня сотворения мира. За всю историю человечества в войнах погибло в несколько сот раз меньше людей, чем в одном только XX веке. Конечно, ведь в войнах XX века люди использовали все свои поистине большие знания для убийства друг друга: расстреливали из пулеметов и пушек, травили, как тараканов, газами, сжигали в топках, испепеляли тем самым расщепленным атомом. Так что, будет совершенно верно, если скажем, что XX век

в истории человечества был обычным в том смысле, что в этом веке люди все еще в основе своей оставались такими же, какими они и были в предыдущие века – с доминирующей психологией, основу которой составляет основной инстинкт животного мира: уничтожь, убей других и присвой себе их пищу и жилье!

Именно люди, движимые подобными пещерными инстинктами, и начали XX век с войн и захватов.

Известно, что в предыдущие века, когда совершались Великие географические открытия, сильные в те времена государства – Англия, Франция, Испания, Россия, Португалия, Голландия – присвоили себе в виде колоний громадные территории. Англии, к примеру, принадлежали территории таких современных государств, как США и Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия, Пакистан, Бангладеш, Южная Африка, Родезия и многие территории и острова по всему миру. Испания и Португалия владели почти всей Южной Америкой, Франции принадлежала почти половина Африки – ее северо-западная часть. Россия захватила Кавказ, Сибирь, Среднюю Азию, Дальний Восток и уже намеревалась перейти Великую китайскую стену.

Набравшиеся сил в последний век США, Германия и Япония, естественно, никак не хотели, чтобы все так и оставалось. Они с завистью смотрели на то, как богатеют старые колониальные державы, пользуясь дешевым сырьем своих колоний, почти дармовой рабочей силой. И конечно же долго терпеть подобное положение они не хотели, ведь с этими государствами управляли обычные люди, т. е. люди, которые не могут жить спокойно, если у соседа есть больше, чем у него, и если сосед, к тому же, уже стар и не очень силен.

Таким старым и не очень сильным соседом Соединенных Штатов Америки – этого молодого американского тигра – оказалась Испания, уже стареющая держава, которая не смогла, как Англия, укротив свою чопорность, проявить торгашескую и деловую сноровку, набраться новых сил и продолжать гонку по дороге жизни наравне с остальными сильными государствами мира. Штатам очень нравились земли, лежащие в не такой уж дали от них, но которые принадлежали Испании – это Куба, Пуэрто-Рико, да и Филиппинские острова тоже. Как известно, поработанные народы всегда стремятся обрести свободу и ведут борьбу. И тот, кто желает присвоить себе их земли, отобрав их у хозяина, всегда найдет повод для этого. Нашли такой повод и США. Они в ультимативной форме потребовали от Испании «не обижать народы». И хотя Испания готова была обсудить ультиматум США, американцы объявили Испании войну. В результате Филиппины и Пуэрто-Рико отошли к США, а Куба стала зависимой от США «независимой». Кроме того американцы и немцы различными способами приобретали разные острова в Тихом океане, ранее принадлежавшие Испании.

1900 год Англия начала с войны с бурскими республиками юга Африки – с Трансваалем и Оранжевой республикой. К июню обе эти республики были присоединены к Британской империи. Другим местом схватки молодого тигра со старым хищником в начале века стал Дальний Восток. Быстро набравшая сил Япония никак не могла примириться с тем, что Россия присвоила себе не только Сибирь и Дальний Восток, но даже вплотную приблизилась к самим Японским островам, захватив Курилы и Сахалин. Особенно же раздражало Японию то, что Россия все-речь собиралась отхватить еще и солидный кусок от слабеющей Китайской империи и даже поглядывала в сторону Кореи.

По примеру молодых хищников – Германии и Японии – Россия тоже навязывала Китаю кабальные соглашения на «аренду» Люйшуня (Порт-Артура) и Даляня (Дальнего) и о постройке южной ветки Китайско-Восточной железной дороги. В итоге Китай фактически был поделен сильными странами – США, Японией, Францией, Германией, Англией и Россией на сферы влияния. Правящая маньчжурская династия Китая не предпринимала никаких мер в защиту национальных интересов Китая. Маньчжурские царедворцы открыто заявляли, что «лучше отдать свои владения друзьям, чем делиться ими со своими рабами».

Друзьями они считали иностранцев, а рабами – китайцев. И хотя маньчжуры составляли всего лишь малую толику многомиллионного Китая (около 300 тыс. человек), но они являлись привилегированной частью населения, во главе всех основных государственных органов управления стояли они. В стране царил произвол чиновников, взяточничество и казнокрадство.

Все это и делало Китай легкой добычей крупных империалистических держав.

Япония считала, что по естественному праву соседа она имеет в Китае особые права, а Россия, уже отхватившая пол-Европы и пол-Азии, вообще не должна была и сметь глядеть в сторону Китая. Пусть радуется, что пока ее саму не трогают!

Но Россия считала наоборот – что у нее имеются жизненно важные интересы в Маньчжурии и Китае. Умный и высокообразованный человек в тогдашнем правительстве России, имевший большой авторитет в обществе, министр финансов Сергей Юльевич Витте был тоже сторонником экспансии России в Китае, но только мирным путем – посредством торговли, другими экономическими методами, а также культурным влиянием, как и в начале XIX века генерал Раевский был сторонником привлечения кавказских народов на сторону России торговлей и обменом, но не пулей и кнутом. Тогда царь не послушался Раевского, а сделал так, как предлагал генерал Евдокимов, командующий войсками на Кавказе, – пулей и кнутом стал принуждать народы Кавказа покорности, и с тех пор война на Кавказе все еще продолжается. Не послушался царь и на этот раз ра-

зумных советов умного человека, а поступил так, как того хотели бравые генералы. И получил войну, которую сразу же с позором проиграл, но которая и до сей поры все еще не закончилась – между официально воевавшими друг с другом во Второй мировой войне Россией и Японией до сих пор не подписан мирный договор из-за спорных Курильских островов.

Итак, на Дальнем Востоке стареющий русский медведь схватился с молодым японским тигром. Первым напал тигр.

В ночь на 9 января 1904 года японская эскадра под командованием адмирала Того без объявления войны напала на русский флот, стоявший в Порт-Артуре. Лишь 10 февраля Япония объявила войну России. Японцы одновременно напали и на русские корабли и войска, стоявшие в Корее. Там и погиб (был потоплен самим экипажем) легендарный крейсер «Варяг» после неравного боя с японской эскадрой.

13 апреля вблизи Порт-Артурса подрывался на mine и затонул броненосец «Петропавловск», на котором находился новый командующий Тихоокеанским флотом адмирал С. О. Макаров. Погиб находившийся на этом корабле и друг адмирала, великий русский художник В.В. Верещагин. Японские сухопутные войска, воодушевленные успехами своего флота, разгромили русские войска в Корее и вторглись в Маньчжурию. Одновременно две другие японские армии высадились на Ляодунском полуострове севернее Порт-Артурса и осадили крепость. Порт-Артур долго героически оборонялся. Но 2 января 1905 года он пал.

В марте 1905 года под Мукденом генерал Куропаткин потерпел крупное поражение. А в конце мая еще одна военная катастрофа постигла Россию – в Цусимском проливе была уничтожена эскадра под командованием Рождественского, так долго добиравшаяся сюда из Балтики.

5 сентября 1905 года при посредничестве США между Россией и Японией был подписан мирный Портсмутский договор. Россия уступила Японии Южный Сахалин, уходила из Кореи и передавала Японии Порт-Артур с принадлежащей крепости областью и южную ветку Китайско-Восточной железной дороги.

Позорное поражение огромной Российской империи в войне с маленькой Японией, к которой все время толкали страну шовинисты и реакционеры, напуганные народными бунтами, думая, как и в наше время горе-маршал Грачев, что маленькая молниеносная война пойдет на пользу, со всей очевидностью показала неспособность стоящих у власти разумно управлять страной.

Обычный нормальный человек знает, что не стоит продолжать есть и после того, как наелся, т. е. утолил голод. А то ведь, если не остановишься, и допнуть можно. Любой нормальный полководец знает, что одной ротой фронт длиной в сто километров не удержать. Точно также любой нормальный государственный деятель обязан знать, что страна (если она агрессивна) должна захватывать не больше территории, чем может «пере-

варить», т. е. установить на этой территории нужные ей порядки.

Все великие империи древности, начиная с Ассирии и кончая империей Чингиз-хана, рушились по одной только причине – они слишком много «ели», т. е. завоевывали слишком большие территории, у них потом не хватало ни сил, ни ума нормально управлять завоеванными землями и народами, и они разваливались. Начиная с XVI века Россия непрерывно «ела», т. е. завоевывала все новые и новые земли. Еще совсем недавно – 500 лет назад – Рязань была ее пограничной областью, а к началу XX века она, «проглотив» остаток Европы до Урала, бросилась рвать Сибирь и Дальний Восток, а справившись с ними, почти прибрала к рукам и Маньчжурию, не упуская из виду Корею и остальную Китай. Тайно, наверное, мечтала прыгнуть и на Японские острова. Аппетит, как говорится, приходит во время еды. А у России, как известно, всегда прекрасный аппетит на чужие земли. Как, впрочем, у всех империй.

Короче, к началу XX века, ко времени начала Русско-Японской войны, Россия еще была «сыта по горло» – она еще не успела как следует освоить и ранее завоеванные земли. Ресурсы и силы страны расплывались на всю ее огромную территорию, на строительство железных и обычных дорог, казарм и кораблей, чтобы охранять и защищать новые земли. Веками народ жил в бедности из-за бесконечных захватнических войн. Война на далеких китайских землях, куда, казалось бы, русские не сами пошли, а дьявол их заманил, ясно показала, что Россия и так уже «сыта по горло» – она уже была неспособна ни завоевать, ни освоить новые территории.

И тогда народ зароптал. Он более не хотел жить в нищете, не хотел завоевывать чужие земли, тратить на это силы и средства.

Народ, как известно, состоит в основном из простых людей. И он, народ, знает гораздо лучше, чем думают правители, о том, как к нему, к народу, к людям относятся власти – цари, президенты, министры. Народ России в начале XX века ясно видел – и царю, и его министрам в сущности было наплевать на народ, на его страдания и заботы. Они больше думали о величии империи, а не о благополучии народа. А когда годами, веками накапливается нелюбовь и даже ненависть к правителям трудно бывает избежать стихийных народных бунтов, которые также опасны, как и природные катастрофы.

Имперские амбиции царей и их окружения, извечный милитаристский дух большей части генералитета, совершенно пренебрежительное отношение к нуждам народа неуклонно толкали Россию на катастрофы, на войны.

В результате Россия не успела сколь-нибудь оправиться от поражения в Русско-Японской войне, как опять ввязалась в новую войну в 1914 году, которая обернулась для страны чудо-

вищной катастрофой. В результате и стал XX век для России веком войн, катастроф и трагедий, весь век Россия и ее дети – люди страны – проплакали в буквальном смысле слова. Попытка построить рай в отдельно взятой стране под надзором ангелов-большевиков закончилась постройкой огромной тюрьмы и сжиганием в огне репрессий миллионов людей, не сумевших вовремя возвестить мир о своей великой любви к новым богам – Ленину и Сталину.

2. Балкарцы и карачаевцы на сопках Маньчжурии

Горячее дыхание войны на Дальнем Востоке, в какой бы дали она не находилась, ощущалось и в горах Кавказа. На Кавказе началось формирование Терско-Кубанского конного полка из горцев-добровольцев. В Нальчикском округе из кабардинцев и балкарцев была сформирована сотня, которая стала называться Кабардинской сотней.

Командиром сотни был назначен ротмистр Федор Бекович-Черкасский, молодой, но уже опытный и смелый офицер.

В сотне было всего 14 добровольцев из Балкарии. В начале апреля сотня приняла присягу и прибыла в место сбора Терско-Кубанского полка – на станцию Прохладная. Здесь всадники сотни, как и все бойцы полка, получили оружие и снаряжение, прошли подготовку и 22 мая, погрузившись в эшелоны, отправились на Дальний Восток. Через месяц доехали до ст. Маньчжурская и пересекли китайскую границу. 1 июня сотня наконец добралась до г. Ляоян, где находился штаб генерала А. Н. Куропаткина, командующего Маньчжурской армией, и вскоре вступила в боевые действия.

Первый тяжелый бой сотне пришлось выдержать 13 августа, когда японцы атаковали Анпилинский перевал. Во время боя был ранен командир сотни Бекович-Черкасский, но князь продолжал командовать сотней. За тот бой он получил орден св. Анны III степени. Среди награжденных был и 32-летний чегемский бий Каншаубий Келеметов и 28-летний бий из Аушигера Зулкарней Абаев – оба были награждены знаком отличия Военного ордена IV степени, названный в народе Георгиевским крестом.

Месяц спустя русские войска вели тяжелые бои под Мукденом на реке Шахэ. За личное мужество командир сотни Бекович-Черкасский был награжден орденом св. Станислава II степени. И опять отличился Каншаубий Келеметов. Он во время боя пробрался в распоряжение противника, отбил у него 9 лошадей, нагруженных военным имуществом, и привел их в расположение своей сотни. За этот подвиг Каншаубий был награжден Георгиевским крестом III степени. За мужество во время этих тяжелых боев под Мукденом был награжден Георгиевским крестом и Жюньос Акаев из Кенделена.

Как было сказано выше, после долгих кровопролитных боев, когда русские войска потерпели ряд крупных поражений, осажденный Порт-Артур (был в осаде более 200 дней) не выдержал – комендант крепости генерал Стессель сдал его японцам. Для русских войск, сдерживавших натиск японцев у Мукдена, это известие было вдвойне печально. Во-первых, это было сильным моральным ударом. Во-вторых, японские войска, осаждавшие Порт-Артур, теперь, разумеется, двинутся в Маньчжурию на помощь своим, к Мукдену. В этих условиях командующий войсками в Маньчжурии генерал Куропаткин отдает приказ направить в рейд по тылам противника крупный конный отряд под командованием генерала Мищенко. В состав отряда входила и Кавказская конная бригада с Терско-Кубанским полком. Кабардинскую сотню, как и прежде, вел Бекович-Черкасский.

Всех поставленных задач этой довольно крупной группировке русских войск достичь не удалось, но она все-таки сумела разрушить железную дорогу, взорвать мосты, уничтожить несколько гарнизонов противника, а также ряд складов с боеприпасами. Один из стратегических вражеских мостов был взорван бойцами Кабардинской сотни.

В начале января отряд вернулся назад, на позиции под Мукденом. Отличившиеся во время рейда всадники получили награды. Вскоре японцы начали новые наступления. Развернулись жаркие бои. Опять отличился все тот же бесстрашный Каншаубий Келеметов. Когда японцы стали окружать сотню, он первым бросился в рукопашную на наступающих японцев, за ним последовали другие, и положение было спасено. За этот подвиг Каншаубий Келеметов был награжден Георгиевским крестом II степени. У него это был уже третий Георгиевский крест. Этот орден военного отличия, вручаемый младшим чинам российской армии, состоял из четырех степеней. Тот, кто удостоивался Георгиевских крестов всех четырех степеней считался героем России. Как, скажем, в советское время солдат, награжденный орденом Славы всех трех степеней приравнивался к Герою Советского Союза.

В феврале отважный воин Каншаубий Келеметов, сражаясь под Мукденом, вновь совершит подвиг и будет представлен к награждению Георгиевским крестом I степени. Таким образом, балкарский князь, младший урядник Каншаубий Келеметов был первым из горцев, удостоенных столь высокой воинской награды царской России.

При отступлении от Мукдена Каншаубий был ранен в руку. Вскоре он был «за отличное мужество» в боях против японцев произведен в старшие урядники. А 10 апреля 1905 года «был отпущен на поправку в родные места». Вскоре война остановилась, и Каншаубий на фронт больше не вернулся.

В сентябре 1906 года десять человек из Кабардинской сотни, награжденных Георгиевскими крестами, были повышены в чине – они стали юнкерами милиции. Первым в списке значилась фамилия Каншаубия Келеметова. Келеметов поселяется в Нальчике и начинает службу в милиции.

В 1914 году Каншаубий Келеметов награждается медалью «За усердие». Направляя наградной лист в область, начальник Нальчикского округа подполковник Султанбек Клишбиев писал: «За ревностную и усердную службу полагал бы наградить серебряной медалью с надписью «За усердие» на Станиславской ленте для ношения на шее».

Сохранилась фотография, сделанная 12 июня 1911 года при закладке здания реального училища в Нальчике (ныне здание медицинского факультета КБГУ). На фото – много горцев в черкесках, у многих погоны, Георгиевские кресты на груди.

Двое высоких статных горцев стоят у знамени. Один из них – Каншаубий Келеметов, другой – тоже герой русско-японской войны «кабардинский уздень» Оли Гетаов, кавалер трех Георгиевских крестов. Из этого следует, что в то время знаменосцами почетного знамени, подаренного «кабардинским жителям» императором Николаем I в 1844 году, являлись герои битв на сопках Маньчжурии Каншаубий Келеметов и Оли Гетаов...

Весной 1920 года, когда красные приближались к Нальчику, «царский офицер» Каншаубий Келеметов был тяжело болен, но все равно оставаться в Нальчике было опасно и его отвезли в Былым. Вскоре он умер и был там же похоронен.

И жене Каншаубия, и его детям, всем его родственникам в советское время пришлось испить полную чашу страданий. Скрываясь на чужбине, они оказались в Дагестане, как и многие другие гонимые судьбой и большевиками бедные «князья-кровопийцы». Но вездесущие ГПУ-шники нашли их и там и выслали (еще хорошо, ведь могли запросто расстрелять!) в Среднюю Азию.

Другим балкарцем, активным участником Русско-Японской войны был Ибрагим Урусбиев – племянник широко известных на Северном Кавказе людей – братьев Урусбиевых; Исмаила Урусбиева, того самого знаменитого Исмаила, имя которого знали многие знаменитости не только России, а также полковника Александра Урусбиева, многие годы прослужившего в конвое императора, а потом жившего во Владикавказе. Да и сам отец Ибрагима довольно известная личность – это третий из братьев Урусбиевых – Хамзат.

Ибрагим Хамзатович окончил военное училище в Москве, перед Русско-Японской войной служил в 84-ом Ширванском пехотном полку, который был расквартирован в Пятигорске. Оттуда и уехал на войну. Было тогда ему тридцать лет и имел звание поручика. В сентябре 1904 года и встретились земляки – командир Кабардинской сотни подъесаул Федор Бекович-Чер-

касский и поручик Ибрагим Урусбиев. И Кабардинская сотня и полк, где служил Урусбиев, входили в состав 5-го Сибирского армейского корпуса, который вел тяжелый бой под Мукденом у реки Шахэ.

Ибрагим впоследствии был участником и Первой мировой войны, воевал на Кавказском фронте, под Карсом, Эрзерумом. Был ранен, лечился в Пятигорске. Здесь его и застала Февральская революция. Ибрагим Хамзатович был человеком высокообразованным, в политике придерживался либеральных, демократических взглядов, а потому его после Февраля избрали членом Пятигорского городского гражданского исполнительного комитета – так в то время назывался орган, в руках которого находилась вся исполнительная власть.

Десять лет спустя в июне 1927 года «Урусбиев Ибрагим Хамзатович, 53 лет, из балкарских дворян, уроженец селения Верхний Баксан Кабардино-Балкарской автономной области», к тому времени отец шестерых детей, был арестован органами ГПУ в Дагестане.

Как он сам рассказывает на допросе, в мае 1917 года по решению народного съезда Балкарии Урусбиев был освобожден от военной службы и направлен на работу в родные края. Он стал работать в исполкоме Нальчикского округа, полковник Ибрагим Урусбиев был избран членом Нальчикского гражданского исполнительного комитета, а в президиуме комитета стал заместителем председателя. А в сентябре 1918 года, на 5 съезде народов Нальчикского округа Урусбиев был избран помощником (заместителем) военного комиссара округа генерала Хандокова.

Урусбиев не пошел и против Советской власти, хотя и не был сторонником радикального направления в политике. Был избран председателем Сельского Совета Верхнего Баксана, а потом председателем «всего Балкарского Совета», как потом он заявит сам.

После окончательного установления Советской власти, укрепившись, большевики, как известно, стали каленым железом выжигать все непролетарские элементы общества, а в первую очередь, конечно, людей из бийского сословия и зажиточных узденей. В 1923 году Ибрагим был арестован, но ему как-то удалось выкрутиться из лап чекистов, – как-никак он все-таки был одним из авторитетных людей в округе. Он, опытный политик, вероятно почувствовал, что маятник большевистских репрессий только-только начал раскачиваться, а потому счел целесообразным уехать в другие края, где не каждый прохожий будет знать, что он из бийской семьи. Так он оказался в Дагестане.

Там его и арестовали вездесущие агенты ГПУ в 1927 году. Ему тогда было 53 года, у него было шестеро детей. 12 августа 1928 года «буржуазный националист» (в этом «преступлении»

и был он обвинен) Урусбиев Ибрагим Хамзатович был расстрелян в Ростове-на-Дону.

Так печально, не только без почестей, а даже гонимые, словно они были не храбрыми защитниками России и ее чести, а заклятыми врагами, ушли из этой жизни два героя боев на сопках Маньчжурии, два храбрых сына балкарского народа. Такое позорное явление, когда страна преследует лучших своих сыновей, и вместо того, чтобы воздавать им почести, убивает их, наверно, возможно не во многих странах. Но в России это, к сожалению, дело обычное. Кто сейчас помнит имя майора Евдокимова, который в самый опасный момент для страны в августе 1991 года во время путча ГКЧП-истов перешел со своим танковым батальоном на сторону Белого Дома, на сторону занявшей оборону демократической России. Этот настоящий русский офицер, для которого в критический момент превыше всего стала судьба России, судьба ее народов, а не глупый, антиконституционный приказ генералов, на сегодняшний день оказался фактически изгоем. По телевидению недавно немного рассказывали о нем. И до чего же типична его судьба, судьба верного сына Родины, в России! Оказывается, генералы, для которых встать на сторону путчистов – это нормальное исполнение своего долга перед Родиной, не смогли простить майору Евдокимову того, что он не стал на сторону мятежников, как они, а перешел на сторону законного правительства и Верховного Совета России, которые и стали в тот момент единственными конституционными органами верховной власти в стране, заменив собой разогнанные ГКЧП органы власти СССР.

Поступок майора Евдокимова – это верх мужества и верно-го понимания своего офицерского и сыновнего долга перед Родиной. Ни один из сотен и сотен генералов и адмиралов в Москве не оказался способным на такой мужественный и политически верный и решительный шаг. Все, как марионетки, исполняли волю мятежников, которые хотели повернуть колесо истории вспять и вернуть нас опять в большевистский нищий рай и тюремный порядок.

И что же? Какие почести воздала благодарная Россия своему верному сыну?

Глупо задавать подобные вопросы, когда дело касается России. Здесь всегда все делается «своим путем», а не так, как в других нормальных странах.

Случись что-то подобное, скажем во Франции, этот майор Евдокимов уже давно был бы если уж не министром обороны, то командующим танковыми войсками – это точно. Да к тому же слава героя нации на всю жизнь осталась бы с ним. А о том, что он стал бы кавалером ордена Почетного легиона, и что его постоянно осаждали бы журналисты и говорить нечего. Короче говоря, он был бы окружен всю жизнь почетом и уважением всей страны.

А что случилось с нашим национальным героем? Генералы-предатели, нарушившие присягу и перешедшие на сторону мятежников, выгнали майора Евдокимова из армии. И, скорее всего, без пенсионного обеспечения – он ведь еще молод, да к тому же он того, нарушитель дисциплины. И даже по месту жительства найти работу не может. Ездит за много километров на старом «Запорожце» в какое-то районное отделение «Вторчермета», где еле-еле нашел работу. Вот и все почести.

Но, честно говоря, и это тоже немало, если учесть, что наши brave генералы вполне могли засадить Евдокимова за решетку «за мятеж», «за захват военной техники с целью мятежа» или, скажем, за «воровство танков» и т. д.

У нас ведь все возможно, коль захотят генералы!

И где же в это время был президент Ельцин, которого, выходит, грудью защитил майор Евдокимов? Помните знаменитое сталинское: «Мы солдат на фельдмаршалев не мзнаэм». Ельцин, если хотите, «не хуже Сталина», он тоже «солдатскими делами» не занимается, понимаешь ли!

Сталин не захотел немцам вернуть какого-то их служаку и спасти жизнь своему собственному сыну Якову Джугашвили. Не захотел – потому что уже давно в нем ничего человеческого не было. Ельцин тоже забыл про Евдокимова – потому что в нем тоже все давно зачерствело, и до человеческого в его душе доскрестись было не так-то легко. Вспомним хотя бы то, как жил его родной брат в Свердловске, в то время как он сам, президент и глава «семьи», жил в сказочной роскоши. Хотя бы на малую толику из своих гонораров он мог дать родному брату, чтобы тот купил нормальную квартиру и машину? Мог, но не дал.

Нашим российским начальникам, начиная от бригадиров и кончая президентами, почему-то всегда «неудобно» быть людьми, проявлять заботу о близких и родных. А разве человек будет думать о благополучии других, если он никогда не бывает озабочен судьбой и благополучием самых близких и родных людей? Нет, наверное. У нас в России издревле, еще с Юриковых времен, так и повелось – правители не любят народ, не думают о нем, а народ в свою очередь не любит правителей и всегда готов им «насолить».

Горцы говорят: «Там, где нет уважения и любви, нет и благополучия». В нашей стране люди не приучены уважать и любить друг друга. Потому и нет у нас благополучия, нет счастья. И это очень печально. Так как у нас другой родины, кроме России, нет.

3. Причины и начало Первой мировой войны

Русско-Японская война была первым конфликтом между крупными хищниками на Дальнем Востоке, в результате которой японский тигр прогнал русского медведя за Амур. Но этим, конечно же, не были решены глобальные мировые проблемы, которые все обострялись, вели дело к мировой войне. Потому что ни одна из великих мировых держав не была довольна своим положением.

О чем же мечтала каждая из них? Разумеется, когда мы говорим о намерениях, о мечтах той или иной державы, не следует это понимать буквально, словно, скажем, говоря о мечтах России стать единовластной хозяйкой Черного моря, Босфора и Дарданеллов, а также «покровительницей» всех балканских народов, имеем в виду всю Россию: и ее народ, и ее правителей. Мы имеем ввиду только мечты правителей той или иной державы.

Итак, о чем же мечтали правители наиболее могущественных держав мира в начале XX века?

Начнем со Страны Восходящего Солнца – с Японии. Япония мечтала, разумеется, взять под свое управление как можно больше китайских земель, а попутно, конечно, и Корею. Но если Небо будет благосклонно к японцам, и Россия будет побита ее западными соперниками, то Япония, конечно же, не упустит случая прогнать русских хотя бы за Урал. А там будет видно. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Плох тот правитель, который не мечтает стать правителем мира...

Россия (Россия генералов и национал-патриотов, каковой она была со времен Рюрика и остается по сей день) воспринимала свое поражение от «япошек» вообще-то не очень серьезно, считая это поражение «неправильной», какой-то случайностью, и сразу же после подписания Портсмутского мира начала вынашивать планы реванша. Но Дальний Восток у русских царей и генералов всегда находился как бы на втором плане. А на первом месте всегда были европейские дела – Черное море, Кавказ, Проливы (Босфор и Дарданеллы), Крым и Балканы. На Черном море Россия уже довольно хорошо хозяйничала, овладела Кавказом и Крымом. Теперь надо было браться за Иран, Проливы и Балканы. Владеет же эта старуха Англия Гибралтаром, почему бы не владеть России Босфором? Турция за последние десятилетия состарилась на все сто лет – теперь осмеливаются угрожать ей войной даже Болгария и Сербия, совсем недавно находившиеся под ее пятой. Наглеет Германия, и Ан-

каре приходится даже назначать немцев на высокие посты командующего ВМС и мэра Стамбула. Англия прибирает к рукам Египет. Франция захватывает Северную Африку. Османская империя еще жива, а шкуру ее уже раздирают на части. Австро-Венгрия, уже завладевшая Боснией и Герцеговиной, стремилась укрепить свое влияние в Болгарии и Румынии, хотела разгромить Сербию, чтобы сделать ее своим вассалом. Таким путем она хотела стать гегемоном на Балканах. Но Россия, пока жива, этого, конечно, не допустит.

Турция, раздираемая на части европейскими хищниками, тоже не переставала все-таки мечтать о лучших временах, когда она, блестящая и сильная, какой она была совсем недавно, вновь засияет на небосклоне Европы. И тогда она вновь вернет себе и Крым, и Кавказ, и властной рукой будет держать в послушании народы Балкан. Рядом Азербайджан, дальше – кумыки, а там – татары, казахи, туркмены, узбеки. Почему бы не объединиться всем тюркам и стать в мире такой же могущественной силой, как эти англизы или немцы? Ведь это вполне возможно...

Еще более грандиозные планы зрели в Германии. Немецкие банкиры и генералы давно мечтали о «Великой Германии», которая, охватив Австро-Венгрию, Прибалтику, Голландию, часть Франции, а также Балканы и Переднюю Азию, простиралась бы от Средиземного моря до Ледовитого океана. Кроме того предполагалось создание огромной колониальной империи Германии в Африке, в бассейне Тихого океана, расширить сферу влияния в Южной Америке.

Точно так же планы по созданию еще более «Великой Британии» намечались и в Англии.

Франция тоже мечтала вернуть себе не только Эльзас и Лотарингию, но и захватить Рурский бассейн, а также расширить свою колониальную африканскую империю, включив в нее германские колонии.

Как видно, все великие державы мира непременно хотели быть еще более великими. Но так как на Земле уже больше не было ни Африки, ни Америки, то им, естественно, можно было расширяться только за счет друг друга или же за счет захвата чьих-то «друзей». А это, как известно, делается в основном силой, то есть дракой. Драка народов или стран называется войной.

Все великие державы Европы, мечтавшие стать «еще более великими», разделились на две группы, точно так же, как делятся на группы обычные уличные хулиганы. В одной группе оказались Германия, Австро-Венгрия, Италия и «примкнувшая» к ним, но пока что вроде бы нейтральная Турция. В другой группе оказались Англия, Франция и Россия, союз этих держав называется Антантой (Согласие).

В середине июня 1914 года в гор. Конопиште встретились канцлер Германии Вильгельм II и наследный принц Австро-Венгрии Франц-Фердинанд. Оба политика пришли к выводу, что

в настоящее время в более выгодном положении находятся они, члены Тройственного союза, чем страны Антанты. В случае начала войны, занятая своими нелегкими внутренними делами, думали они, Россия навряд ли сумеет ввязаться в новую войну, да и Англия не сможет сразу же начать военные действия.

После переговоров Франц-Фердинанд отправился к сербской границе, вблизи которой намечались маневры австро-венгерской армии. Сам факт проведения маневров у границ Сербии, а потом и поездка наследного принца в гор. Сараево, в столицу недавно оккупированной Боснии, расценивалось сербскими официальными органами и лицами, а также националистически настроенной молодежью как наглая провокация со стороны агрессивной Австро-Венгрии, что, конечно же, в какой-то степени действительно соответствовало сути дела. Но это, разумеется, не служит ни в коем случае оправданием действия террориста – сербского студента Г. Принципа, члена полувоенной организации «Черная рука», который 28 июня 1914 года убил на улице в гор. Сараево наследника австро-венгерского престола Франца-Фердинанда.

Как говорится, не было счастья да несчастье помогло: жаждающие войны Германия и Австро-Венгрия получили прекрасную возможность немедленно начать войну. Недаром Вильгельм II, когда он узнал о гибели наследника австро-венгерского престола, сказал: «Теперь или никогда!» 5 и 6 июня в Потсдаме велись переговоры между Австро-Венгрией и Германией. Вопрос о войне был решен сразу же, представители обеих сторон лишь заботились о том, чтобы составить ультиматум Сербии в таком тоне и с такими требованиями, который был бы неизбежно отвергнут. Тогда формально вина за развязывание войны легла бы на Сербию. Это имело немаловажное значение для мобилизации населения обеих стран на ведение войны, которая в этом случае приобретала бы черты возмездия.

23 июля австрийский ультиматум был вручен Сербии. Сербия обвинялась в попустительстве террористическим актам, в поддержке движения, направленного против Австро-Венгрии, а посему ей предъявлялись требования, выполнение которых практически означало утрату сербским государством своего суверенитета.

Берлин торопил Вену не тянуть с началом боевых действий. Австрийский посол в Германии Сёгени сообщал, что немцы «советуют самым настоятельным образом немедленно выступить и поставить мир перед совершившимся фактом».

Но вопреки ожиданиям Германии и Австро-Венгрии, Россия сразу же начала решительно готовиться к войне. Уже 24 июля, как только стало известно об ультиматуме, предъявленном Сербии, Россия объявила о мобилизации в своих западных военных округах.

Англия тоже склонялась к тому, что в этом конфликте ее интересы совпадают с интересами Франции и России. Британия не хотела чрезмерного усиления Германии, что стало уже замечаться.

25 июля Сербия дала ответ на предъявленный ей ультиматум. Сербия лишь изъявила готовность разрешить конфликт, но основные требования отклоняла. И тогда Австро-Венгрия объявила ей войну. 28 июля австро-венгерская армия начала боевые действия против Сербии.

30 июня Николай II утвердил решение о всеобщей мобилизации в России.

Посол Германии в Лондоне Лихновский прислал телеграмму в Берлин, в которой сообщил о готовности Англии вступить в войну.

«Англия открывает свои карты в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении» – написал на телеграмме Лихновского раздраженный Вильгельм.

Хотя по плану германского генерального штаба предполагалось в случае войны первый удар нанести Франции, в тот момент правительство Германии решило все-таки сперва объявить войну России, а потом, когда в дело вмешается Франция, тогда и ударить по ней. В этом случае вина за конфликт между Германией и Францией формально ложилась на Францию.

Поздно вечером 1 августа 1914 года посол Германии в Москве граф Пурталес явился к министру иностранных дел России Сазонову за ответом на ультиматум, требовавший отмену русской мобилизации. Получив отказ, Пурталес тут же вручил Сазонову ноту с объявлением войны.

Вот так, выступлением двух могущественных держав Европы – Германии и России – и началась Первая мировая война. Хотя таких, охватывавших весь известный мир, войн в истории человечества и до сих пор было не мало.

Как только началась всеобщая мобилизация в Германии, Франция немедленно приняла такое же решение. Но Франция, как и Германия, не хотела первой начинать войну, а хотела возложить вину за ее развязывание на Германию.

Германия в тот же день, когда предъявляла ультиматум России, потребовала от Франции соблюдения нейтралитета в будущей Русско-Германской войне. Одновременно был подготовлен текст объявления войны Франции в связи с якобы полетами над Германией французских военных самолетов. Получив отказ, Германия 3 августа объявила войну Франции. Но еще накануне – 2 августа в ультимативной форме потребовала от Бельгии пропустить немецкие войска через Бельгию к французской границе. Бельгия отклонила наглое требование Германии и обратилась за помощью к Англии. Англия решила использовать ситуацию как формальный повод для объявления войны Герма-

нии. Англия в ультимативной форме потребовала от Германии не нарушать нейтралитет Бельгии. Срок ультиматума истекал в 11 часов вечера по лондонскому времени. В 11 часов 20 минут командующий военно-морскими силами Великобритании Уинстон Черчилль, тот самый великий Уинстон Черчилль, который во время Второй мировой войны будет премьер-министром Англии, сообщил кабинету министров, что он уже отдал приказ всем военным кораблям страны начать боевые действия против Германии.

Внимательно наблюдая за ссорой европейских хищников, японское правительство решило, что настал удобный момент для решительных действий. Японцы, видно, сумели предугадать, кто из этой всеобщей потасовки выйдет победителем, а потому предъявили ультиматум главной стране той группировки, которая, по их мнению, была обречена на поражение – Германии. Япония потребовала от Германии немедленно убрать военные корабли с китайских и корейских территориальных вод и не позже 15 сентября передать японским властям арендованную (а на самом деле – захваченную) территорию Цзяочжоу с портом Циндао.

Германия отклонила ультиматум, и 23 августа Япония объявила ей войну.

США и большая группа европейских стран объявили, что они будут придерживаться нейтралитета. Турция, хотя формально заявила о своем нейтралитете, но уже 2 августа подписала с Германией секретный договор, согласно которому она фактически передавала свою армию в распоряжение германского генерального штаба. В день подписания договора Турция объявила всеобщую мобилизацию и под прикрытием нейтралитета стала спешно готовиться к войне.

Вскоре германские крейсера «Гебен» и «Бреслау» прошли через Дарданеллы в Мраморное море, а прибывший на «Гебене» немецкий адмирал Сушан был назначен на пост командующего турецкими военно-морскими силами. В Стамбул из Германии один за другим прибывали поезда с вооружением, боеприпасами, офицерами и военными специалистами.

Но в правительстве все еще не было твердого решения что делать – вступать в войну или нет. Россия, Англия и Франция не смогли воспользоваться этим и удержать Турцию в рамках нейтралитета. А Германия оказывала на Турцию сильный нажим. В этих условиях немцы, опираясь на своих влиятельных сторонников в турецком правительстве во главе с военным министром Энвером, решились на провокацию, стремясь поставить страну перед совершившимся фактом. 29 октября германские и турецкие корабли напали на Черноморский флот России и подвергли бомбардировке Одессу, Севастополь, Феодосию и Новороссийск. В результате Турция тоже вступила в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии.

Итак, к концу лета в состоянии войны уже находились Австро-Венгрия, Германия, Турция – с одной стороны, и Россия, Франция, Англия, Сербия, Бельгия, Черногория и Япония – с другой стороны.

С обеих сторон на театр военных действий были вовлечены миллионы людей и тысячи орудий. В армиях Антанты в начале войны насчитывалось более 6 миллионов человек и более 13 тысяч орудий. Германская коалиция имела армию в 3,5 миллиона человек и тоже 13 тысяч орудий.

К началу войны страны Антанты значительно превосходили Германию и ее союзников по военным кораблям. Антанта имела 23 линейных корабля, а австро-германский блок – 17. Еще большее превосходство было у Антанты по крейсерам, эскадронным миноносцам и подводным лодкам.

Так что, военно-морские силы Антанты господствовали на Северном и Средиземном морях. Австро-германский блок имел лишь некоторый перевес в Черном море благодаря быстроходным немецким крейсерам, и на Балтийском море, где еще не было завершено обновление русского флота.

Превосходство Антанты в военно-морских силах впоследствии сыграло немаловажную роль на исходе войны, так как мощный английский флот оказался в состоянии осуществить блокаду германских портов, что, конечно же, имело большое значение.

На западе немецкая армия, пройдя через Бельгию и Люксембург, вторглась на французскую территорию и стала стремительно продвигаться к Парижу.

С 5 по 9 сентября на равнинах между Верденом и Парижем развернулось грандиозное сражение, в котором приняли участие шесть англо-французских и пять германских армий – всего около 2 миллионов человек. Свыше шестисот тяжелых и около 6 тысяч легких орудий грохотали на берегах Марны. В этом сражении войска Антанты взяли верх – они остановили германские войска. Это был провал плана генерального штаба Германии на скорую победу в результате окружения Парижа.

На восточном фронте русские армии вторглись в Пруссию и вели здесь тяжелые бои. Более успешно наступали русские войска на южном фронте, где войсками командовал талантливый полководец Брусилев.

Здесь русские разбили австро-венгерские войска и заняли Львов и подступы к Карпатам.

Но союзники требовали от России более решительного наступления на севере в сторону Германии, чтобы ослабить ее силы на западе. Россия была вынуждена направить часть своих сил с юга на север – в сторону Варшавы. Но и немцы выдвину-

ли навстречу русским значительные силы. В результате долгих тяжелых сражений, где обе стороны понесли тяжелые потери, противники перешли к позиционным боям.

Не имела ожидаемого успеха Австро-Венгрия и на сербском фронте. Сперва сербы потерпели серьезное поражение и оставили Белград. Но потом, получив помощь Антанты, прогнали австрийцев за пределы Сербии.

На море, как и ожидалось, ощущалось явное превосходство Антанты.

4. В «Дикой дивизии»

Мало-помалу горцы начали забывать насилия и жестокости русских генералов в первой половине XIX века, так как с тех пор в мирных условиях уже подрастало второе поколение. И большинство взрослых горцев, а молодые в особенности – уже чувствовали себя людьми, гражданами России наравне со всеми. Теперь служба в армии, в административных органах не считалось чем-то необычным и даже предосудительным, как в начале века, а было делом престижным, и многие горцы, в том числе балкарцы и карачаевцы, служили в армии, в административных органах, в милиции.

Впервые за всю историю владычества России в наших краях должность руководителя Нальчикского округа, который состоял из Кабарды и Балкарии, была доверена, хоть и царскому офицеру, но все же представителю местного народа – Султанбеку Клишбиеву, уроженцу селения Клишбиево (ныне с. Нартан), подполковнику.

Как и все чиновники в России еще с незапамятных времен, Султанбек Клишбиев тоже не мог упустить момента, чтобы показать свое усердие, когда настало время.

Как было сказано выше, в период реформ горцы Северного Кавказа тоже были признаны гражданами России, а потому стали военнообязанными.

Но служба в армии для них было не обязательным, вместо службы они платили военный налог.

Но начальник округа Султанбек Клишбиев развернул бурную патриотическую деятельность, дабы показать высокому начальству, что люди вверенного ему округа просто горят желанием отправиться на войну.

Он собрал в Нальчик стариков и от их имени в Петербург самому царю была послана телеграмма с просьбой разрешить горцам-добровольцам поехать воевать. И вскоре начальник Терской области сообщил радостную для Клишбиева новость: «Государь император вполне одобрил и удовлетворил распоряжение относительно формирования Кабардинского полка и рад горячему порыву населения Кабарды и Горских обществ».

Приободренный тем, что сам государь император рад его инициативе, Клишбиев в тот же день 26 июня разослал старшинам селений и копию телеграммы, и уведомление о том, что надо срочно подбирать добровольцев. В каждом селе должны были найти определенное количество добровольцев с конем и обмундированием. Формируемый полк должен был иметь четыре сотни всадников. Командиром полка был назначен сын самого наместника на Кавказе полковник Илларион Илларионович Воронцов-Дашков.

Добровольцами могли быть кабардинцы и балкарцы от 18 и до 40 лет, здоровые, хорошие ростом и не бывшие под судом, могущие стойко переживать тяготы походной и военной жизни.

Заместителем командира полка был назначен участник Русско-Японской войны князь Федор Николаевич Бекович-Черкасский, специально отозванный из Иркутска, где он служил комендантом крепости. Должность старшего врача занял Бекмурза Шогенов, окончивший медицинский факультет в Петербурге. В это же время другой врач – балкарец Исмаил Абаев тоже уходил на фронт, но только на Кавказский.

В начале сентября завершилось формирование полка. Командир полка граф Воронцов-Дашков в те дни получил телеграмму из Тифлиса от начальника штаба главнокомандующего Кавказской армией генерала Николая Николаевича Юденича, где тот сообщал список офицеров, назначенных в полк. Среди них значился и капитан Мамышев. Это Барасбий Салихович Мамышев, уроженец чегемского ущелья, но живший в то время в Вольном ауле и служивший в окружном управлении помощником (заместителем) начальника округа Клишбиева. По просьбе самого Мамышева чуть ранее Клишбиев обращался в штаб военного округа с ходатайством о его зачислении в формируемый Кабардинский полк.

В четырех сотнях Кабардинского конного полка числилось 615 всадников. Среди них были и двадцать семь ветеранов Кабардинской сотни, участвовавшей в Русско-Японской войне, 15 из них были кавалерами Георгиевских крестов.

В полку было 75 балкарцев, среди них были и джигиты из княжеских родов – Абаевы, Шакмановы, Биевы, Айдаболовы, Шахановы, Келеметовы, Мысаковы... Из Абаевых, к примеру, уходило на войну сразу 4 джигита.

По случаю полного формирования полка 5 сентября в Нальчике состоялся торжественный обед, на котором присутствовали почетные представители Кабарды и Балкарии. Командир полка граф Воронцов-Дашков на обеде объявил, что Кабардинский полк входит в Кавказскую конную дивизию из шести полков – это Кабардинский, Чеченский, Ингушский, Черкесский, 2-й Дагестанский и Татарский, и что командиром дивизии назначен великий князь Михаил Александрович, родной младший брат царя Николая II.

На следующий день полк отправлялся в лагерь под станцией Прохладной, где всадники должны были пройти краткий курс военного обучения.

Утром 27 сентября специальным поездом в Прохладную прибыл командир Кавказской конной дивизии великий князь Михаил Романов, совершавший смотр полков, входивших в дивизию. На встречу с ним еще накануне прибыли сюда начальник округа и почетные представители Кабарды и Балкарии. Великому князю была преподнесена в дар шашка прекрасной отделки, а командиру полка – конь.

Кабардинский полк стал первым полком первой бригады дивизии, куда еще вошел и 2-й Дагестанский полк. Командиром бригады был назначен князь Дмитрий Багратион. По словам Николая Брешко-Брешковского, автора романа «Дикая дивизия», Багратион «являл собой полное ничтожество и как человек, и как воин вообще, и как кавалерийский генерал в частности. Сначала командуя бригадой дивизии, а потом и всей дивизией, Багратион не был ни разу не только в бою, но даже и в сфере артиллерийского огня».

В отличие от Багратиона, великий князь «всегда ходил там, где опасно и где противник развил губительный огонь. Толкала Михаила в этот огонь личная отвага сильного физически, полного жизни спортсмена и кавалериста, затем еще толкала мысль, чтобы кто-нибудь из подчиненных не заподозрил, что своим высоким положением он желает прикрывать свою собственную трусость. А между тем, если подчиненные и упрекали его, то именно в том, что он часто без нужды для дела и для общей обстановки стремился в самое пекло».

И еще одна цитата из романа «Дикая дивизия»: «Он одним появлением своим наэлектризовал горцев. И они полюбили его, полюбили за многое: прежде всего за то, что он брат государя, храбрый джигит, а потом уже за стройность фигуры, тонкость талии, за умение носить черкеску, за великолепную посадку, за приветливость и за то, наконец, что у него была такая же ясная, бесхитростная душа, как и у них, этих наивных всадников».

Под командой вот такого человека и отправлялись на войну кавказские джигиты осенью 1914 года. Эшелоны с всадниками Кавказской конной дивизии один за другим еще только двигались в сторону фронта, а легенда о ней, как о бесстрашной дикой дивизии, сформированной в глубинах Азии, неслась далеко впереди ее самой. Дивизия еще не прибыла на фронт, а рассказы о ней уже бросали в дрожь обывателей Вены и Будапешта.

Первый раз горцы вступили в бой в ночь с 17 на 18 декабря в предгорьях Карпат юго-западнее Львова. Эта была территория Австро-Венгрии.

О первом бое джигитов из Кабарды и Балкарии сообщил в своей телеграмме в Нальчик начальнику округа командир полка. «Рад сообщить о блестящей ночной схватке. Взяты нами пленные, оружие. Батальон противника понес большие потери. Паника. Враг, бросив позиции, отступил».

Радостную весть Клишбиев передал всем старшинам сел округа, чтобы те сообщили народу.

Но позже пришла и печальная весть – в том бою погибли и горцы, среди них Асланбек Абаев, Амуш Шакманов, Крым Абаев и другие.

Живые герои получили награды. Среди них старший урядник Исмаил Келеметов – Георгиевский крест 4 степени, старший урядник Магомет Абаев – Георгиевский крест 4 степени. Георгиевским крестом посмертно был награжден и Крым Абаев, так как даже тяжело раненным он продолжал бой до самой смерти.

Зимой 8 армия генерала Брусилова, так успешно начавшая войну, вела тяжелые оборонительные бои в Карпатах в районе Станиславова (нынешнего Ивано-Франковска). В составе этой армии сражались и всадники Кавказской дивизии, которую у самого начала все стали называть Дикой дивизией (впоследствии она и официально стала так называться). В этих тяжелых боях отличились и были награждены командир взвода, старший урядник Магомет Абаев, который «проявил выдающуюся храбрость и мужество, увлекая за собой товарищей и подчиненных, и выбил противника из занимаемых им окопов». За этот подвиг Абаев удостоился Георгиевского креста 3 степени. Впоследствии этот храбрый воин стал юнкером, а потом и офицером.

В феврале же были награждены: ветеран Русско-Японской войны Исмаил Гемуев из Чегема, Аслан-Али Эфендиев из селения Кашхатау, Кёккёз Гелястанов из Чегема, Ибрагим Биев из Большой Балкарии, Хасан Зукаев из селения Кашхатау, Шохай Боттаев из Хулама.

Был награжден Высочайшим приказом и командир дивизии великий князь Михаил, он удостоился Георгиевского оружия – шашки с надписью: «За храбрость». Эту почетную награду он получил за храбрость, проявленную им при взятии деревни Глувач, когда он сам лично руководил боем, находясь среди атакующих бойцов.

Между тем в Нальчике набирались новые добровольцы для запасных сотен Кабардинского конного полка.

И уже к январю 1915 года первая запасная сотня, где были 250 кабардинских и 30 балкарских джигитов, была сформирована. Потом были сформированы еще три сотни. Первая сотня отправилась из Нальчика на фронт 26 января и в начале марта уже влилась в ряды полка. Среди новобранцев были и двадцатипятилетний бий Асланбек Шаханов и тридцатипятилетний Али Настуев, оба из Большой Балкарии. Против фамилии Настуева было записано: «Играет на зурне».

Ранней весной в результате мощного наступления сил Австро-Германского блока в Галиции русским войскам пришлось отступать с тяжелыми боями. Были оставлены Львов, Станиславов, Тлумач... Кавказская конная дивизия заняла оборону на левом берегу Днестра. Немцы и австрийцы постоянно наступали, завязывались тяжелые бои. Командование русских, вместо того чтобы быстро отвести войска и занять выгодные позиции, непрерывно ввязывалось в позиционные бои с превосходящими силами противника, неся большие потери. Особенно тяжелые бои были в апреле-мае. Всадники-горцы сражались отчаянно, показывая чудеса храбрости. Атту Черкесов из селения Кашхатау: «В бою 20 мая 1915 года, будучи старшим в вылазке, уничтожили неприятельские посты». Великим князем Георгием Михайловичем от имени государя императора награжден Георгиевским крестом 4 степени.

Суфьян Гергоков из Хулама: «29 мая 1915 года в бою у Жезавского леса под действительным огнем противника, вызвавшись охотником, доставил важное известие в огневую линию пехоты. Великим князем Георгием Михайловичем от имени государя императора награжден Георгиевским крестом 4 степени».

В бою 25 мая 1915 года у деревни Видинева погибли сразу четыре джигита из Балкарии – Казий Эфендиев, Абдулла Батчаев, Али Саракаев и Нузир Мисиров.

Нелегкие бои происходили почти ежедневно. Бойцы совершали подвиги, погибали. Младший урядник Аслан-Али Эфендиев из селения Кашхатау вновь отличился во время боя 3 июля и был опять награжден Георгиевским крестом – на этот раз 3 степени.

Георгиевской медалью «За храбрость» 4 степени был награжден и Хаджи-Умар Айдаболов, отличившись «в боях 2 и 3 июля у деревни Шупарки блистательным выполнением долга». В этом тяжелом бою у деревни Шупарки погиб отважный воин Исмаил Келеметов, которому было двадцать девять лет. Отец Исмаила Хан-Герий защищал ставшую уже Отечеством Россию на далеком Дальнем Востоке, но сумел вернуться живым, а вот Исмаил, защищая Россию на другом конце, в середине Европы, погиб. Тело прапорщика Исмаила Келеметова, награжденного двумя Георгиевскими крестами и орденом св. Анны 4 степени, по решению командира полка в сопровождении двух всадников и офицера было отправлено для погребения на родину. Командир полка в своем письме матери Исмаила писал:

«Госпоже Келеметовой.

Сын Ваш, прапорщик вверенного мне полка, Измаил Келеметов, находясь в рядах 4-й сотни, в бою у деревни Шупарки 2 июля сего года, пал смертью храбрых, сраженный дерзким врагом. Память о дорогом товарище прапорщике Келеметове никогда не умрет в полковой семье. Честь Вам за то, что Вы сумели воспитать горячо преданного царю и Родине сына».

А в августе из фронта в Нальчик на имя начальника округа подполковника Клишбиева пришел пакет. Временно командовавший Кабардинским конным полком полковник Бекович-Черкасский писал: «При сем препровождаю Георгиевский крест 3-й степени за № 44248 и орден св. Анны 4-ой степени с надписью: «За храбрость», прошу выдать таковые родственникам убитого в бою прапорщика вверенного мне полка Измаила Келеметова».

Также храбро сражались и карачаевские джигиты, которые составляли 3-ю сотню Черкесского полка, которым командовал князь Александр Чавчавадзе. В формировании карачаевской сотни принимал активное участие работавший в то время в Баталпашинском округе Мисост Абаев.

Между прочим, первым из частей Кавказской конной дивизии вступили в бой сотни Черкесского полка в декабре 1914 года в Карпатских горах.

В это время австро-германские части со стороны Карпат рвались на помощь окруженным в крепости Перемышль немецким войскам. Поэтому-то и пришлось кавказским джигитам с первых же дней прибытия на фронт вести тяжелые бои.

Первыми встретили грудью наступавшие части врага сотни Черкесского и Ингушского полков. О мужестве и храбрости карачаевцев красноречиво свидетельствует хотя бы тот факт, что среди награжденных в декабре-январе сразу же оказались трое Крымшамхаловых – Сейт-Бий Крымшамхалов, урядник Магомет-Герий Крымшамхалов и Бекир-Бий Крымшамхалов. Все трое были награждены Георгиевскими крестами 4 степени. Георгиевским крестом был также награжден и Крым Айсанов, а Джатий Байрамуков – медалью «За храбрость» 4 степени...

В конце мая на южном фланге фронта, значительно усилившись, австро-германские войска предприняли наступления с целью прорыва фронта. Части 9 армии, в составе которой была и Кавказская дивизия, с трудом сдерживая противника, отходили с Прута на левый берег Днестра.

Ночью 29 мая, сосредоточив значительные силы у правого берега, рано утром, когда еще стоял густой туман, австро-венгерские войска начали переправу на левый берег Днестра у деревни Жежава.

Весь день сотни Кавказской конной дивизии при поддержке двух полков Заамурской конной дивизии вели тяжелые бои по всему берегу Днестра, где располагались части Кавказской дивизии.

К концу дня все планы противника были сорваны. «13 сотен Кавказской Дивизии, Заамурцы и две ополченские дружины под огнем шести вражеских батарей, сдержали натиск 12-ти батальонов австро-германской пехотной дивизии генерала германской службы Кейзера, – говорится в «Описании боевых действий» Кавказской конной дивизии. – Из числа этих войск

29 мая нами уничтожены целиком два батальона, причем в плен взято более 1000 человек».

За мужество и героизм, проявленные в этом бою, Магомет-Герий Крымшамхалов был награжден орденом Св. Станислава 3 степени с мечами и бантом. Георгиевскими крестами были награждены всадник Леон Дудов – 2 степени, всадник Бекир-Бий Крымшамхалов – 3 степени, всадник Джатий Байрамуков – 3 степени, всадник Хамид Байрамуков – 3 степени.

В конце 1915 года австро-венгерские войска еще раз попытались прорвать фронт, удерживаемый 9 армией. Наступление началось с атакой позиций, занимаемых кавказскими конными полками. Но всадники и офицеры сотен Кавказской конной дивизии не только не дрогнули, но и сумели отбросить противника.

О воинской доблести всадников и офицеров из Кавказа говорят и наградные представления на героев.

Прапорщик Магомет-Герий Крымшамхалов – «29 сентября в бою у деревни Петликовце-Нове, когда под давлением значительно превосходящего в силах противника полк, потеряв связь с 1-м Заамурским полком, вынужден был отойти, прапорщик Магомет-Герий Крымшамхалов, вышедший с разездом для восстановления связи, находясь все время под действительным огнем противника, блестяще выполнил возложенную на него задачу.

Ходатайствую о награждении орденом Св. Анны 4 степени с надписью: «За храбрость».

Прапорщик Сейт-Бий Крымшамхалов – «29 сентября в бою у деревни Петликовце-Нове примером личной храбрости ободрял чинов своей полусотни, а во время второй контратаки полка, несмотря на действительный ураганный огонь противника, безостановочно продвигаясь вперед, одним из первых закрепился на нашей старой позиции у высот 359–336.

Ходатайствую о награждении прапорщика Сейт-Бий Крымшамхалова орденом Св. Анны 3 степени с мечами и бантом».

Эти наградные представления писал командир Черкесского конного полка князь Александр Чавчавадзе, который тоже был представлен к ордену Св. Владимира 4 степени. И все они потом получают эти ордена.

Орден Св. Владимира получит и прапорщик Кабардинского полка Магомет Абаев, а в конце ноября он вновь будет представлен к награде, на этот раз к ордену Св. Анны 3 степени с мечами и бантом.

В конце 1916 года, 29 декабря командир 4-ой сотни Кабардинского полка штабс-ротмистр Керим хан Эриванский составил рапорт командиру полка полковнику Старосельскому:

«Ходатайствую о награждении за выдающиеся боевые отличия нижеследующих всадников:

...Урядник Кокос (Кёккёз) Гелястанов – имеет медаль 4 степени, Георгиевские кресты 4 и 3 ст., представляется – Георгиевский крест 2 ст.

Урядник Келлет Ульбашев – имеет Георгиевские кресты 4 и 3 ст. Представляется – Георгиевский крест 2 ст.

Так заканчивался 1916 год, год боевой доблести и славных ратных дел сынов Кавказа на полях сражений Первой мировой войны. Наступал новый 1917 год. Все знали, что и этот год для России и для ее воинов будет нелегким, но лишь немногие догадывались, что этот год станет для России и народа ее годом бед и трагедий.

5. Год тревог и надежд

Новый 1917 год воины-кавказцы встречали в Восточных Карпатах на Румынском фронте.

Следует кратко рассказать об истории открытия этого фронта.

Когда назревала война, правители Румынии посчитали нужным пока что, до выяснения шансов на победу одной из сторон, придерживаться нейтралитета, так как Румыния мечтала присоединить к себе Трансильванию, населенную румынами территорию Австро-Венгрии (если Австро-Германский блок потерпит поражение) и Бессарабию, находящуюся в России (если поражение потерпит Антанта) и создать таким образом «Великую Румынию». К лету 1916 года в Румынии стали склоняться к тому, чтобы принять сторону Антанты. И действительно, к этому времени, несмотря на тяжелое положение России, стало сказываться явное превосходство Антанты над Австро-Германским блоком. К примеру, в это время Антанта уже имела на фронтах на 100 дивизий больше, чем ее противники. Стратегическая инициатива тоже уже перешла в руки Антанты. Так что, Румыния летом 1916 года сделала правильный выбор. Но Россия совсем не хотела, чтобы Румыния ввязалась в войну. Потому что она была слаба и быстро потерпит поражение. И тогда не она будет помогать Антанте, а Антанте придется ей помогать. А из членов Антанты лишь Россия граничила с Румынией, то России и придется ей помочь. А сделать это России, которая и так еле-еле выдерживала тяготы войны, было бы очень нелегко.

Но Румыния руководствовалась лишь своими интересами, к тому же слишком недооценивая все еще мощную силу австро-венгерских войск. Да и Англия с Францией сильно нажимали на Румынию, требуя ее вступления в войну, в надежде, что она оттянет на себя значительные силы с Западного фронта.

27 августа 1916 года Румыния объявила войну Австро-Венгрии и начала завоевывать Трансильванию. Но вскоре потерпела, как и предполагали в русских военных кругах, тяжкое по-

ражение. Германские войска вторглись в Румынию и заняли Бухарест. России пришлось оказывать нежеланной союзнице срочную помощь. На Румынский фронт были направлены 35 пехотных и 11 кавалерийских дивизий, в том числе и Кавказская конная дивизия. С трудом удалось вытеснить немцев с Центральной Румынии и стабилизировать фронт по линии: Фокшаны (на устье Дуная) – Окна (на северо-западе Румынии). Незадолго до нового года Кавказская дивизия попрощалась со своим легендарным командиром Михаилом Александровичем Романовым. Он был назначен генеральным директором российской кавалерии и выехал в Петербург. Туда же, в столицу, и была послана новогодняя поздравительная телеграмма великому князю Михаилу Александровичу из штаба Кавказской конной дивизии. В ответной телеграмме великий князь писал: «Сердечно благодарю Вас за поздравление и добрые пожелания и, в свою очередь, приветствую Вас с Новым годом. Всей душой скорблю о потерях, понесенных моей славной и доблестной дивизией; буду ходатайствовать об отдыхе. Прошу мне сообщить подробнее о потерях и делах дивизии».

И действительно, вскоре дивизия была выведена для отдыха и «приведения себя в порядок» из Румынии в Бессарабию в район гор. Кишинева.

Здесь и застала дивизию ошеломляющая весть – в России произошла революция и 2 марта царь Николай II отрекся от престола в пользу своего младшего брата Михаила Александровича.

Здесь, прежде чем продолжить рассказ о делах Дикой дивизии в том тревожном 17-ом году, следует вкратце поведать о том, как это царю и его окружению «удалось» довести много-терпеливый народ России до такого отчаянного состояния, что он взбунтовался и скинул «Николашку» с трона.

Ну, главная причина бедственного положения народов России с первых же лет образования Руси и до сегодняшнего дня – это неограниченные никакими разумными рамками имперские устремления ее правителей, начиная с варяг Рюрика и Олега и кончая тандемом Брежнев-Суслов.

Во все времена практически все силы России уходили на бесконечные войны, которые она вела со всеми своими соседями или же сама с собой, когда после Святослава она разделилась на княжества. Войны между русскими княжествами прекратились лишь при Василии III, когда Москвой были завоеваны Волоколамское (1514), Калужское (1518), Угличское (1521), Рязанское (1522) княжества. А чуть раньше у Великого княжества Литовского были отвоены Псков (1510) и Смоленск (1514). Таким образом, с IX века до начала XVI века Русь непрерывно воевала не только со своими соседями и пришлыми врагами, но и сама с собой. Русские княжества продолжали борьбу друг с

другом даже в период владычества над ними Золотой Орды, несмотря на то, что этим они вызывали сильное недовольствие ханов. А после 1480 года, после падения Золотой Орды, и до окончания Второй мировой войны Русь (Россия, Советский Союз) постоянно находилась в состоянии войны или напряженного ожидания войны практически со всеми своими соседями.

Вот эти войны и конфликты, естественно, отнимали жизненные соки народа и, хотя Россия росла «не по дням, а по часам», а все же оставалась бедной страной, где народ с незапамятных времен так и жил в жалких хибарах, имея в семьях в 5–6 и более ртов всего-то богатства «коровенку, лошаденку да пару поросят».

Так, по вине алчных правителей, народ Руси, покоренный варягами в IX веке, к началу XX века стал народом великой Российской империи, которая простиралась от Атлантики (Черное море) до Тихого океана, и от льдов Северного ледовитого океана до седых гор Кавказа и пустынь Средней Азии, но все еще продолжал жить практически так же, как и тысячу лет назад – в бедности и в тревогах.

Итак, Россия, взнузданная имперскими мечтами царя и его окружения, ринулась в бой, совершенно неподготовленная к такому тяжелому ратному делу, каковой, совершенно было ясно, будет война с Австро-Венгрией и Германией, с этими империями, полных жизненных (и военных) сил. Россия в промышленно-экономическом отношении была настолько слаба, что даже в самом начале войны уже не хватало 400 тысяч винтовок, чтобы вооружить мобилизованных в армию людей, а к октябрю 1914 года не хватало уже 800 тысяч. А спустя два года у России иссякли почти все силы. В армии были тысячи солдат без винтовок, у артиллеристов катастрофически не хватало снарядов.

Мобилизация трудоспособного населения на войну пагубно сказалась не только на селе, но и в городе. Немилитаристские отрасли народного хозяйства приходили в упадок, правительство старалось всячески развивать лишь военную промышленность. Практически оставшись без работников-мужчин, селу было не в силах обеспечить продовольствием огромную страну и огромную армию. К концу 1916 года холодная хватка голода стала душить Россию. В городах тысячи людей стояли в очереди за хлебом. Все чаще в булочных Питера и Москвы стали появляться объявления: «Сегодня хлеба нет и не будет». В столице в январе 1917 года имелся только 10-дневный запас муки, 3-дневный запас жиров, а мяса не было совсем. Стали плохо кормить солдат. Государственный долг России увеличился с 8,8 млрд рублей в 1913 году до 50 млрд рублей в 1917 году.

Резко увеличилась зависимость России от иностранных кредиторов. За оружие, боеприпасы и снаряжения, получаемые от западных союзников, Россия расплачивалась огромными материальными ресурсами, золотом и... людьми.

В Лондон было отправлено золота стоимостью в 640 млн рублей. Пароходы, привозившие в Россию оружие и боеприпасы, обратно увозили зерно, масло, лес, спирт, которых очень не хватало и самой России. В обмен на вооружение во Францию в 1916 году было отправлено 400 тысяч русских солдат, которые направлялись и на Салоникский фронт, где шли самые ожесточенные бои.

Плюс ко всему этому раздражало народ, чиновничество и генералитет так называемая распутинщина, то есть возрастание влияния на царя и его ближайшее окружение всяких авантюристов и мошенников во главе с Григорием Распутиным. Этот «провидец», пришедший в столицу из таинственных глубин Сибири, согласно легенде, сжав кровоточащий палец малолетнего царевича Алексея, больного гемофилией, остановил кровь. После этого он приобрел неограниченное влияние на царицу, а через нее – и на царя Николая II. Распутин и его клика стали чуть ли не фактическими правителями империи – по их хотению назначались и снимались со своих постов важные государственные чиновники, министры...

Таким образом, нарастал не только народный бунт, вызванный непосильными тяготами разорительной войны, но и резкое недовольство влиятельных правящих верхов общества безответственными поступками царя. Все больше и больше людей, простых и влиятельных, становились недовольными монархическим строем, полагая, что это совсем негоже, когда судьба могущественной империи оказывается в полной зависимости от слишком уж сердобольной и эмоциональной царицы и ее мягкотелого супруга.

В результате и случилось то, чего и боялись многие дальновидные люди – доведенный до отчаяния, рассерженный народ взбунтовался и скинул с престола «Николашку». Власть перешла к Временному правительству. 2 марта царь вынужден был отречься от престола.

А теперь вернемся к рассказу о Дикой дивизии и ее бывшему легендарному командиру – великому князю Михаилу Александровичу, в чью пользу отрекся Николай II.

2 и 3 марта 1917 года – и трагические, и судьбоносные дни для России и ее многострадального народа.

В эти дни Россия стояла на распутье: или, вполне законно, царем России становился безгранично преданный ей и ее народу, честный и храбрый человек, доблестный генерал Михаил Александрович Романов, который и в силу своего огромного авторитета в армии и в обществе, и в силу своих недюжинных способностей сумел бы спасти Россию от анархии и стихии бунта, постепенно и спокойно разворачивая ее с пути агрессии и вечных войн на путь созидания и мира; или же ничто и никто не сможет обуздать стихию народного гнева и случится катастрофа, в результате которой, как говорится, к власти придут негодяи.

К сожалению, Россия пошла по второму пути. И во многом по вине великого князя Михаила Александровича. Его вина состояла в том, что он был честным человеком, храбрым воином, но совсем бездарным политиком. А ведь он уже в силу своего происхождения (из царского рода), и в силу своего положения (родной брат царя и боевой генерал) обязан был быть политиком. К тому же политиком высокого ранга – уметь видеть стратегические перспективы, выгоды и всякие полезности для страны, а также предвидеть неприятные последствия от тех или иных поступков и действий как своего царствующего брата, так и своих.

Но, судя по всему, Михаил Александрович был настолько честным, что даже и не пытался, видимо, давать какие-либо советы своему старшему брату, боясь, что тот может заподозрить его в попытках занять место как бы соправителя.

И в те трагические и критические дни начала марта 1917 года, когда на карту была поставлена судьба России, Михаил Александрович не смог подняться на такую высоту политического сознания, чтобы понять – настал момент истории, когда от него, и только от него, от его решительных и правильных действий зависит дальнейшая судьба и благополучие России. И он, вместо того, чтобы подхватить знамя России (судьбу России!), выпавшее из ослабевших рук брата и поднять ее еще выше, и позвать за собой народ и армию, застеснялся, как всегда, боясь показаться рвущимся к власти и почестям, боясь обидеть брата, отрекается от престола и издает никому ненужный манифест, где наивно сообщает народу России: «Одушевленный одною со всем народом мыслью, чтобы выше всего благо Родины нашей, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому подлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные законы Государства Российского». И в связи с таким своим решением великий князь Михаил Александрович обращался ко всем гражданам «Державы Российской» с призывом подчиниться Временному правительству, «облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок на основе всеобщего, прямого, равного голосования Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа».

Откуда он, честный и прямодушный человек, никогда не стремившийся к власти и почестям, мог знать, что власть – это такая вещь, которую, коли потеряешь или доверишь другому, никогда уже не возвращают. И всегда правым оказывается тот, кто ею владеет. Если даже и украл ее.

Не пройдет и года, как большевики, меньшевики, кадеты и эсеры выбросят Керенского и его министров из Зимнего Дворца и сами сядут на золоченые стулья. Но, как известно, власть не любит толпу, она всегда благосклонна относится к решительным людям, совершенно не обращая внимания на другие их человеческие качества. А так как к решительным радикальным действиям, как говорится, сломя голову бросаются чаще всего горячие, неуравновешенные люди, то и к власти в «суматошные» мгновения истории чаще всего и приходят именно такие люди. Как, скажем, Саддам Хусейн в Ираке, Муаммар Каддафи в Ливии, Фидель Кастро на Кубе, Пол-Пот в Камбодже... И, добавим, Владимир Ульянов в России.

Так вот, войдя во вкус власти, Ленин и большевики прогнали, расстреляли и посадили в тюрьмы всех своих недавних соратников – всяких там меньшевиков, эсеров, кадетов и прочих, – и стали единоличными хозяевами Российской империи.

Но откуда мог знать великий князь Михаил Александрович в марте 1917 года о том, что может произойти в октябре? Не только он, далекий от политики человек, но и многие маститые политики всерьез тогда думали, что действительно скоро соберется Учредительное Собрание, и в стране все наладится.

Но, увы, в жизни не всегда действуют законы логики, здесь чаще всего действуют законы жизни по Дарвину: убей, отними, растопчи!..

Ну, а жизнь в Дикой дивизии шла по-прежнему, то есть не так, как во всей стране. Здесь не радовались, как повсюду, революции и тому, что царь отрекся от престола. Здесь не любили и не принимали большевистских агентов, не только не оскорбляли и прогоняли офицеров, а по-прежнему уважали и слушались их. И воевали с врагами.

В марте в числе многих получили награды за мужество в боях с неприятелем на Румынском фронте корнет Кабардинского полка Чепеллеу Урусбиев – орден Св.Анны 3 степени с мечами и бантом; корнет Черкесского полка Магомет-Герий Крымшамхалов – орден Св.Станислава 2 степени с мечами; корнет Черкесского полка Сеит-Бий Крымшамхалов – орден Св.Анны 2 степени с мечами. В апреле «за оказанные ими отличия в делах против неприятеля» были произведены юнкер Кабардинского полка Ибрагим Биев в прапорщики, а младший урядник Крым Абаев – в юнкера.

К весне 1917 года положение в стране уже было катастрофическим. Голод и разруха, преступность и анархия, безвластие и продажность парализовали не только гражданскую политическую жизнь страны, но и разложили армию. Солдаты не подчинялись офицерам, офицеры – генералам, а те не очень-то рвались исполнять не всегда внятные приказы Керенского (как главнокомандующего). Многие полки, дивизии и армии, хотя и числились таковыми, но на самом деле уже ими не были, это были обычными скопищами людей, одинаково одетых и живущих совместно в казармах, – и не более. Так как они никого не слушались, и даже присланных «революционным» Временным прави-

тельством комиссаров. А слушались лишь тех командиров и комиссаров, которые сами в свою очередь слушались солдатской толпы.

Совершенно иное положение, как уже было отмечено, было в Дикой дивизии. Здесь, как и всегда, соблюдалась дисциплина, уважали и слушались офицеров, беспрекословно исполнялись приказы.

Об этом ярко свидетельствует смотр, устроенный командующим 8-й армией Лавром Георгиевичем Корниловым частям Кавказской конной дивизии 12 июня на левом берегу реки Прут перед наступлением. Дивизия тогда входила в состав 8-й армии.

Об этом смотре печатали материалы и «Терский вестник» и журнал «Донская волна»: «Косыми послеполуденными лучами жаркое июньское солнце освещает огромную площадь, отгораживающую железнодорожную станцию от самого города»... «Здесь собралась Туземная Кавказская дивизия», чтобы «показаться» командующему армией – «легендарному генералу Корнилову».

Темпераментные горцы не могут совершенно без дела долго стоять и ждать даже очень уважаемое высокое начальство – они организовали танцы. «Причем в каждом из полков свой мотив и своя лезгинка. Танцуют, подоткнув полы черкесок, поблескивая глазами и холодной сталью обнаженных кинжалов, и всадники, и офицеры».

Но вот дозорный сообщает о том, что генерал Корнилов с офицерами штаба армии на конях приближаются к расположению дивизии. По приказу командира дивизии Багратиона бойцы и офицеры стремглав бросаются к своим коням, и через несколько минут полки замерли в парадном строю.

«Выстроенные части представляли из себя картинку; особенно выделялись Чеченцы и Ингуши с желтыми и синими башлыками, а также 4-я сотня Черкесского конного полка, состоявшая из абхазцев и бывшая в своих национальных головных уборах (головы обвязаны белыми башлыками)».

При приближении генерала Корнилова к выстроившимся полкам дивизии трубачи и зурначи всех полков заиграли встречный торжественный марш. Командующий обошел все полки, останавливаясь возле каждого и беседуя с всадниками. Потом Корнилов произнес речь, обращаясь к воинам дивизии:

«Орлы Кавказа! Я не ожидал, но я счастлив видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска.

Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон и большое спасибо вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину, что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами. Еще раз спасибо вам, славные горцы, за службу!»

Горцы ответили громогласным «ура»! И началось прохождение частей дивизии перед командующим генералом Корниловым. «Стройно, полк за полком, под звуки музыки прошли кавказцы...

Генерал Корнилов пропускает их мимо себя разными аллюрами, и лицо его горит восторгом при виде порядка и стройности движения, свойственной регулярной коннице».

Покидая дивизию Корнилов сказал командиру дивизии Богратиону: «Я наконец дышал военным духом!»

Наступление войск Юго-Западного фронта начали части 7-й и 11-й армий, но вскоре они были остановлены австро-германскими войсками.

23 июля начали боевые действия и части 8-й армии Корнилова. В результате двухдневных кровопролитных боев дивизии генерала Корнилова прорвали фронт и углубились на территорию противника.

Взяты в плен 131 офицер, 7000 солдат противника, захвачено 48 орудий и много пулеметов.

Наступление армии Корнилова продолжалось и в последующие дни несмотря на ожесточенное сопротивление врага.

Во время этих боев 27 июня 1917 года погиб 22-летний юнкер Кабардинского полка Аслан-Али Эфендиев, прославленный герой, кавалер трех Георгиевских крестов и Георгиевской медали. Это случилось во время выезда Эфендиева и его товарищей на разведку у деревни Бабино. За героизм, проявленный во время разведывательных действий Эфендиев был посмертно награжден Георгиевским крестом 1 степени, став таким образом полным Георгиевским кавалером, то есть Героем России.

В тот же день в бою за деревню Блудники отличились оба джигита Крымшамхаловых – Магомет-Герий и Сеит-Бий.

В приказе командующего армией генерала Корнилова о них говорилось следующее:

«По представленной мне власти награждаю за отличия в делах против неприятеля по удостоению местной Георгиевской Кавалерийской Думы орденом св.Победоносца Георгия 4 степени:

Черкесского конного полка корнета Магомет-Герия Крымшамхалова за то, что в бою 27 июня 1917 года у деревни Блудники, под сильным артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем противника, кинулся во главе сотни в конном строю через реку Ломницу, развернул свою сотню под огнем и, примером личной храбрости увлекая людей, повел сотню в атаку, достиг удара холодным оружием, сбив две цепи противника, обратив последнего в паническое бегство, занял деревню Блудники».

Корнет Магомет-Герий Крымшамхалов, таким образом, стал, как и ранее полковник 2-го Дагестанского полка Арац-

хан Хаджи-Мурат, кавалером ордена Св.Георгия 4 степени и Георгиевского оружия – двух самых почетных наград России.

«По представленной мне власти, – говорится в приказе о Сеит-Бие, – награждаю за отличия в делах против неприятеля по удостоению Георгиевской Кавалерийской Думы Георгиевским оружием: Черкесского конного полка корнета Сеит-Бия Крымшамхалова за то, что 27 июня 1917 года, будучи со взводом в разъезде, исследовал броды через реку Ломницу, ориентировал в обстановке развернутый в лесу полк. Когда было получено приказание атаковать полком в конном строю австрийцев, оборонявших деревню Блудники, корнет Крымшамхалов со взводом первым врубился в цепи противника, привлекая на себя огонь его, облегчил атаку и занятие полком деревни Блудники».

В бою за деревню Блудники отличились массовым героизмом 3-я и 4-я сотни Черкесского полка, которым командующий объявил благодарность. Как было ранее отмечено, 3-я сотня целиком состояла из карачаевцев.

Рассказ о боевой доблести сыновей Балкарии и Карачая во время Первой мировой войны по защите нашего Отечества завершим сведениями о тех, кто был удостоен самых высоких наград России в те годы – это орден св.Георгия, Георгиевского оружия и четырех степеней Георгиевского креста (полные Георгиевские кавалеры), а также офицеров, награжденных «солдатскими» Георгиевскими крестами – такая награда среди офицеров особо почиталась. Награждены: Корнет Магомет-Герий Крымшамхалов – орденом св. Георгия 4 степени; корнет Магомет-Герий Крымшамхалов, корнет Сеит-Бий Крымшамхалов – Георгиевским оружием; юнкер Аслан-Али Эфендиев (посмертно) – Георгиевскими крестами всех 4-х степеней.

6. Не следовало гневить богов!..

К началу XX века, как уже было сказано, горцы Северного Кавказа, а балкарцы и карачаевцы тем более, уже полностью адаптировались к жизни в России и чувствовали себя такими же полноправными ее гражданами, как и люди многих других народов, которые по воле судьбы оказались в пределах Российской империи.

Этому способствовала и политика центральной власти, которую со второй половины XIX века отличали некая разумность и гуманность по отношению к горским народам, если не брать во внимание общее незавидное их положение, в каком почти все они очутились после окончания Кавказской войны, – это то, что все они оказались загнанными вплотную к горам и в ущелья, где теперь жили в страшной тесноте, постоянно конфликтуя друг с другом из-за клочка земли.

Но это, так сказать, было раньше, тогда шла война, а на

войне действуют законы войны, которые неукоснительно требуют уничтожения противника или же лишения его основ жизни, главной из которых является земля. Так случилось и на Кавказе. Во время войны царские генералы уничтожали горцев, сжигали их села, угоняли скот, отнимали землю и загоняли их, горцев, подальше в горы. А потом, когда закончилось завоевание Кавказа и началась мирная жизнь, генералы отошли на второй план, главными стали фабриканты и заводчики, которым нужен мир в стране, дешевые рабочие руки, народные ум и смекалка для развития производства.

А так как кавказцы вообще-то всегда отличались не только воинственностью, но и умом, и смекалкой, то они оказались востребованными во всех сферах жизни Российской империи. Из сыновей горских князей получались отличные служаки, трудолюбие горцев и их терпение использовалось купцами и фабрикантами – по всей России было модно носить башлыки, бурки и черкески. Горцы поставляли на общероссийский рынок огромное количество скота и шерсти, различные изделия домашнего промысла и т. д.

И надо признать, что царская власть во второй половине XIX века создала довольно сносные условия для горцев, по крайней мере их никто не ущемлял в чем-либо только из-за того, что они нерусские. И после полувековой мирной жизни горцы стали нормальными гражданами России, которые были не менее верными ее сыновьями, чем сами русские, если не более.

Это и стало ясно, когда разразилась Первая мировая война.

Нигде в России не формировались добровольческие полки, да еще за счет самого населения, кроме как на Кавказе. Лишь спустя месяц-другой после начала войны с Северного Кавказа добровольно отправились на войну около 5 тысяч джигитов, а всего их было в рядах Кавказской добровольной конной дивизии более 7000 человек. Половина из них за героизм и мужество были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Все офицеры дивизии без исключения были награждены орденами. Такой «геройской», если можно так сказать, дивизии в России больше не было!

И это результат всего лишь нормального, невраждебного отношения царской власти во второй половине XIX века к горцам, хотя с решением жизненно важной проблемы горских народов – катастрофической нехватки земли – власти, можно сказать, особо и не торопились, несмотря на то, что она, эта проблема, уже тогда стояла остро. Вспомним в связи с этим, что основной целью поездки балкарской делегации в Санкт-Петербург к царю зимой 1852 года как раз и было стремление добиться прибавления к Балкарии земли на плоскости. Власти вроде бы занимались этой проблемой (а в Осетии она даже частично была выполнена), но она так и не была решена вплоть до 1917 года, когда уже было не до этого. А потом пришла Советская

власть, при которой все люди обязаны были быть счастливыми, если даже они жили не только в бесплодных горах, но даже и в печально знаменитом КарЛАГе (Карагандинский лагерь для жен и детей «врагов народа»). А сегодня, когда Россия фактически находится в руках Грачевых, Баркашовых, Шамановых, Будановых, Трошевых и других шовинистически настроенных ура-патриотов, пытаться решить проблему малоземелья горцев за счет возвращения им хотя бы части земли их предков, разработав нормальную государственную программу по этой проблеме, будет также бесполезно, как попытка Раевского решить в начале XIX века кавказскую проблему не войной, а мирным путем...

И хотя, как уже было отмечено, царская власть по отношению к горцам Кавказа во второй половине XIX века и проводила довольно разумную и гуманную политику, в глобальном же масштабе о ней такое сказать затруднительно, так как царская власть, как и всегда, слишком уж пренебрежительно относилась к жизненным нуждам основной массы населения страны. Царская Россия всегда жила как бы двойной жизнью. Жизнь, заботы и тревоги царя и придворных, помещиков и фабрикантов, жизнь в роскоши и интригах – эта одна жизнь России, ее официальная жизнь, которая и видна была чаще всего остальному миру. И жизнь простого народа, который, сколько бы ни старался, из года в год, из века в век жил трудно и в бедности и все никак не мог выбраться к полосе нормальной жизни, где есть достаток и благополучие.

Для официальной царской России забота о том, чтобы в европейских столицах о ней говорили бы с восхищением и боязнью – восхищаясь роскошью царского двора, высоким классом русского балета, Зимним дворцом, и в то же время страшась гнева царя и его диких казачьих полков, – всегда было более важно, чем забота о жизненных нуждах собственного народа.

Многие политики и в самой России, и на Западе недоумевали, и сегодня недоумевают по поводу того, почему это Россия сломя голову кидается каждый раз выручать братьев-славян то от турков, то от европейцев, хотя история не знает ни одного примера, когда бы эти же самые «братушки» пришли когда-нибудь на помощь России, когда ее душили то немцы, то литовцы, то татары, то опять немцы.

Эти политики просто бывают сбиты с толку, они никак не могут понять, что официальная Россия в прошлом, и сегодня не столько заботится о братьях по крови, сколько о собственном авторитете. А так как главным делом властей всегда должна быть забота о благополучной жизни народа, а не поддержание дутого авторитета страны за рубежом, то такая политика не может не быть вредной как для авторитета самой страны, так и для благополучия ее народа.

Это наглядно видно хотя бы на двух последних примерах, когда Россия грудью встала на «защиту» Сербии. Без оглядки

кинувшись «защищать» Сербию в августе 1914 года (а на самом деле стремясь подмять под себя Балканы, в том числе и Сербию!) Россия обрекла себя на страшную катастрофу, так как ей в это время в собственных же интересах не воевать надо было, а просто работать, учиться и догонять остальные страны Европы по уровню жизни – народ и так бедствовал!

В результате война превратила миллионы в нищих, отчаявшихся людей, фактически – в потенциальных разбойников, которые лишь ждут своего Разина или Пугачева. И этот вождь не замедлил явиться – им стал Владимир Ульянов, брат террориста Александра Ульянова, казненного царскими властями. Он оказался похитрее и Разина, и Пугачева, и сумел захватить власть. И почти целый век хозяйничала в стране шайка Ленина-Сталина, регулярно расстреливая всех тех, кто просто не хотел врать и мстить. Таков результат неразумной политики официальной России в начале века, когда она, уже «сытая по горло», пожелала все же еще проглотить разом и балканский «торт». Не удалось, подавилась...

Неразумной была политика официальной России и в конце века, когда она опять грудью встала на «защиту» все той же Сербии, где правил режим Милашевича, фактически загнавший косовских албанцев в большой концлагерь. Неразумной она была в первую очередь по отношению к самой Сербии, так как поддержка антинародного националистического диктаторского режима Милошевича Россией еще более разжигало в Сербии национализм, что несомненно укрепляло Милошевича во власти. Если бы не поддержка Милошевича Россией, возможно, он и его окружение не осмелились бы так нагло отвергать требование мирового сообщества соблюдать элементарные права человека в собственной стране, и Сербия не подверглась бы бомбардировке со стороны сил НАТО, нанеся непоправимый вред как народному хозяйству страны, так и ее престижу.

Вредной оказалась политика России и для ее авторитета на международной арене. В то время как весь мир сурово осуждал национал-диктаторский режим Милошевича, Россия, которая из кожи лезла вон, чтобы убедить мир в том, что она демократическая страна, непонятно почему со всей решимостью защищала до последнего этого самого Милошевича. И этим самым еще раз подкрепляя суждения о том, что Россия – совершенно непредсказуемая страна, умом ее не понять, а потому и иметь с ней какое-либо серьезное дело не стоит...

Но в то далекое время, когда началась Первая мировая война, и Россия стала воюющей страной, кавказцы особо не рассуждали о том, почему это Россия влезла в эту войну, они просто, как и все другие ее сыновья, уходили воевать – защищать свое Отечество. И выполняли свой сыновний долг перед Россией мужественно и честно. О чем свидетельствуют не только

архивные материалы, но и многочисленные публикации в газетах и журналах России тех времен. О мужестве, верности долге перед Родиной, героизме сыновей Кавказа на фронтах войны рассказывали потом в своих книгах многие русские офицеры и генералы, служившие вместе с горцами и оказавшиеся потом в эмиграции.

Наиболее популярная публикация о Кавказской туземной конной дивизии, которая в настоящее время известна у нас, – это роман в двух частях журналиста и писателя Николая Николаевича Брешко-Брешковского «Дикая дивизия».

В Дикую дивизию он приехал в середине июля 1915 года. Тогда он работал корреспондентом популярного столичного журнала «Нива». Вот что он писал о кавказских джигитах в своем очерке «Кавказские орлы в Галиции»: «На каждом шагу попадаются – вот уже никак неожиданные-невиданные здесь – всадники Кавказской дивизии. Одни в парадных черкесках, другие попросту в черных бешметах, оружие – шашки, револьверы и кинжалы в серебре... Папахи лихо откинута назад на бритых головах, и лица, обожженные солнцем, с таким резким очертанием линий, говорящих о другой, далекой стране, и других небесах, улыбаются с наивным приветом... К своим прежним Георгиевским крестам они успели заслужить новые, заслужить ценою этих самых подвигов, о которых уже прокатилась молва по всем закоулкам необъятного отечества нашего...

Подстать легендарным кавказцам и доблестный вождь их, Его Императорское Высочество Великий князь Михаил Александрович...

Горцы, все на подбор лихие джигиты, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным восточным фанатизмом боготворят своего вождя... Между собою они любовно называют Великого князя «наш Михаил».

Великий князь всегда на передовых позициях, всегда в сфере самого действительного, не только оружейного, но порою и винтовочно-пулеметного огня. Великий князь ободряет ласковым, приветливым словом сидящих в окопах, спешенных всадников своих».

Сегодня, читая эти строки, приходится с горечью констатировать – да, далеко нынешним правителям России до царя Николая II, до великого князя Михаила в понимании того, как следует править многонациональной империей! За короткий срок своего правления Николай II и его братья сумели сделать так, что горцы, еще в середине века люто ненавидевшие Россию, в начале нового века грудью встали на ее защиту. И каждый из горцев, по свидетельству многих, на фронте дрался за десятых. Легенда о неустрашимых всадниках с Кавказа гуляла по всей России и Европе.

И после, в момент гибели Российской империи, когда безвольный Керенский, любуясь собой, сидел в Зимнем, а в Смольном гудели пьяные солдаты и немецкие агенты, Дикая дивизия

без особого труда могла бы взять столицу и навести порядок. Но в то время не нашелся человек, который повел бы ее на Петроград. Корнилов, правда, отправил ее в столицу именно с этой целью, да к тому же, вероятно, с ведома Керенского, но командиром дивизии в это время был князь Багратион, трусливый и бездарный, который фактически задержал дивизию в пути. Корнилов, вопреки утверждению советских историков, вовсе не стремился к диктаторской власти, а не то он, главнокомандующий армией в то время, мог бы сам возглавить дивизию во время ее броска в Петроград. Но он не сделал этого – он был слишком уж честным человеком для того времени, он не хотел «своровать» власть. И тогда вместо него это сделали большевики, а вернее – меньшевики, которые почему-то прозвали себя большевиками.

И они, лже-большевики, начиная с Ленина и Сталина, кончая Суловым, Горбачевым и Ельциным, Россию, уже становившуюся на нормальный общечеловеческий демократический путь развития, превратили в Россию тупых авантюристов и национал-шовинистов. И сегодня их воспитанники в Москве регулярно устраивают погромы под лозунгом «Россия – для русских!» Эти фашиствующие молодчики, конечно, и представления не имеют о том, что Россия с первого же дня своего рождения была многонациональной страной. А когда она завоевала Великую Степь, Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток, то тут уж и говорить нечего: ведь в составе России оказались десятки народов, не пришлых, а живущих на земле своих предков и насчитывающих сотни тысяч, миллионы человек. И люди этих народов, как граждане России, имеют право жить в своей стране где им угодно, в том числе и в Москве. Точно такое же право имеют и русские. И они, действительно, живут везде, где хотят. Нет у нас в стране уголка, где бы не жили русские. Но стоит только нерусской семье поселиться в области или крае, где абсолютное большинство населения составляют русские, как люди этой семьи сразу же становятся «инородцами», которым каждый прохожий может нагло заявить в лицо при малейшей возможности: «Понаехали сюда всякие! Убирайтесь к себе домой и там ищите свои права!». Такое вполне могут заявить горцам Северного Кавказа даже на Кубани и в Ставрополье, где «инородцем» может быть кто угодно, но только не житель Северного Кавказа, тем более карачаевцы, балкарцы, ногайцы и адыги, чьи предки жили в этих землях испокон веков. Такое могут заявить не только полуграмотные рассерженные чем-то бабки на базаре, но даже люди, находящиеся на очень высоких государственных должностях.

Своими шовинистическими взглядами и делами были известны Сулов и его воспитанники, длительное время возглавлявшие Ставропольский крайком КПСС, которые при любой возможности с особым удовольствием издевались над карачаевцами и их представителями в руководстве области, коль вдруг,

несмотря на тщательный отбор подхалимов и бездарных карьеристов, кто-нибудь из них оказывался не глупее самих крайкомовских руководителей, да еще смел высказывать свое мнение.

Теперь первенство в разжигании расистских взглядов и межнациональной розни в стране одновременно занимают вот уже более 10–15 лет подряд два очень крупных субъекта страны – это Москва и Краснодарский край.

В Москве фашиствующие молодчики, как сказано выше, регулярно, два-три раза в году, совершают погромы, избивая и убивая на своем пути всех, кто им кажется «черномазым», т. е. нерусским. А знаменитая московская милиция, насчитывающая, наверное, многие тысячи человек, не только не ловит этих подонков, а сама тоже не прочь хотя бы раз в год под каким-нибудь благовидным предлогом (самый излюбленный прием – проверка паспортного режима, кстати, совершенно незаконная) поразмяться, нещадно лупя резиновыми дубинами азербайджанцев и дагестанцев, приехавших продавать в Москву арбузы, дыни или виноград.

За неполные 100 лет хозяйничанья большевиков-разбойников вкуче с национал-шовинистами бедная Россия вновь оказалась у разбитого корыта. В начале XX века, Россия, если говорить более конкретно, оказалась у двух своих разбитых корыт – разбитыми были и ее золотое корыто под названием «генофонд» и просто деревянное – хозяйственное корыто.

В результате того, что было катастрофически повреждено «золотое корыто» генофонда, в России теперь честные, умные, высокообразованные люди типа Андрея Сахарова, Бориса Пастернака, Галины Вишневской, генералов Владимира Семенова, Бориса Громова и майора Евдокимова уже не в почете. Теперь у нас лучшими людьми России считаются награбившие миллионы и миллиарды, косноязычные, полуграмотные, но зато хамовитые и бессовестные люди. Такие люди у нас теперь везде – они и депутаты, и губернаторы, и министры, а то и забираются иной раз до самой верхушки власти.

Вред, нанесенный России революциями, гражданской войной и постоянными дикими большевистскими репрессиями против лучших людей народа невозможно исправить в полной мере никогда, точно так же, как потерявший руку человек на всю жизнь так и останется безруким, несмотря на то, что он может воспользоваться даже самым лучшим протезом. Если говорить грубо и прямо, то следует сказать: элитность народа России (и в умственном, и в физическом смысле) опустилась на несколько ступеней, и это ничем невозможно исправить. Будет, конечно, идти естественный отбор, слишком уж слабые (в умственном и физическом отношении) будут уменьшаться вследствие и того, что многие из них не заводят даже семей, а значит и потомства, и того, что они раньше других подвержены порокам всего мира: и пьянству, и наркомании, и ненормальной сексу-

альной жизни. Но и этот естественный процесс будет сдерживаться все более улучшающейся социальной обстановкой по мере того как Россия будет потихоньку выбираться на общечеловеческий демократический гуманный путь развития – ведь на это уже появилась надежда. Так что, процесс улучшения генофонда России затянется на сотни лет, и все равно раны, нанесенные ей XX веком, никогда не заживут. Как бы ни улучшался генофонд России, он всегда будет на более низком уровне, по сравнению с тем, какого уровня он смог бы достичь, если бы не Октябрьский переворот, Гражданская война, расстрелы и ГУЛАГи большевиков.

А теперь, в предверии XXI века, ко всему этому Россия еще оказалась и перед своим разбитым моральным и духовным корытом.

Сегодня честь, ум, совесть, патриотизм уважительное отношение к старшим – словом все то, что составляло основу жизни людей с пещерных времен, – в России стали как бы ненужными пережитками старины. Сегодня налоговый инспектор, полицейский или даже простой постовой, обирающие народ и строящие хоромы, в большем уважении, чем профессора и академики, если, конечно, они тоже не обирают студентов, а живут бедно, как им и положено жить у нас.

Припоминая все те катастрофы, которые случились с нашей страной, даже самый отчаянный атеист станет суеверным – а не гневим ли мы богов своей гордыней и глупыми поступками? Паралич большевизма впервые пережила наша страна, непослушный атомный тигр тоже впервые прыгнул на нас, и всегда в самые ответственные моменты истории во главе нашей страны оказываются фанатичные идиоты или просто глупые авантюристы. Почему? Не потому ли, что мы постоянно гневим богов своими глупостями, и они, как строгие отцы, наказывают нас? Чтоб мы не лезли решать все земные проблемы вместо них, а занимались бы только своими делами?

7. Героев-защитников Отечества – под расстрел!

Любое грубое нарушение эволюционного развития природы – это катастрофа. Человечество – венец природы и самая чувствительная ее часть, а потому нарушение законов эволюционного развития здесь ощущаются особенно болезненно. Революция – это попытка искусственно ускорить развитие человеческого сообщества. И хотя революция совершается с благими намерениями, но она все равно нарушает законы эволюционного развития природы, а потому неизбежно ведет к катастрофе, в результате которой гибнут люди, нарушается созидательный процесс, грубеют нравы и т. д. В этом смысле Великая Октябрьская социалистическая революция действительно стала самой великой революцией из всех революций, когда-либо

происходивших на земле: ни одна из революций, даже Великая Французская революция, не идет ни в какое сравнение с ней – трагические последствия Октябрьской революции, этой грандиозной катастрофы, оказались столь губительными для человечества. Надо помнить, что никаких Пол-Потов, Саддамов, Кастро, Чаушеску, Милошевичей не было бы, коль не «свет» Великого Октября, осветившего им и им подобным путь к власти.

А о том, чем обернулась «диктатура пролетариата» для России не стоит и говорить – об этом теперь-то уж хорошо известно. Лучшая часть народа сгорела в огне революции и Гражданской войны, погибла в лагерях и тюрьмах, расстреляна в подвалах ОГПУ. Жизнь в атмосфере тоталитарного режима развивалась трудно и медленно, словно в зоне тундры. Монополия неразумно управляемого государства на все привело к небывалой милитаризации всей промышленности, что явилось причиной резкого отставания разделов народного хозяйства, работающих на нужды народа. А это привело к хронической бедности всего населения страны.

О том, как ломались судьбы людей, с каким остервенением истребляли большевики всех порядочных людей страны говорит и то, как они отнеслись к недавним защитникам Отечества, героям войны с австро-германскими войсками. Проследим это на примере из жизни карачаевцев и балкарцев.

Подполковник Барасбий Салихович Мамышев осенью 1918 года, хотя и поддерживал Даутокова-Серебрякова, но в его отряд не вступил, так как не хотел участвовать в братоубийственной войне. Во время правления белых в 1919 году был назначен начальником государственной стражи Нальчикского округа и одновременно был произведен в полковники. Оказывал всяческую помощь людям, которых преследовали власти якобы за связь с большевиками. После разгрома белых, не видя за собой ни перед кем никакой вины, остался в Нальчике. Но, чувствуя, что все-таки здесь полагаться на разум людей, пришедших к власти, не стоит, переехал с семьей в Кисловодск. Работал судьей Мало-Карачаевского района.

Его не раз арестовывали, обвиняя то «в контрреволюции», то в том, что он «служил белым». Но каждый раз, из-за совершенного отсутствия улик, ему чудом удавалось освобождаться. И все-таки в 1926 году его арестовали и сослали в Сибирь. Но и в этом случае ему удалось добиться пересмотра дела и освободиться, что было, конечно же, совершенным чудом для того времени. Но уже в следующем году бдительные власти Кабардино-Балкарской области вновь арестовывают Мамышева, и на этот раз его уже не выпускают. Вскоре он был расстрелян. А спустя 10 лет был арестован и расстрелян и его подросток сын Исмаил только за то, что был «сыном расстрелянного орга-

нами ОГПУ бывшего полковника Мамышева Барасби, бывшего дворянина и помещика».

О подвигах Магомет-Герия Крымшамхалова, кавалера двух самых высоких военных наград России – ордена св. Георгия 4 степени и Георгиевского оружия, а также трех других орденов и двух Георгиевских крестов, сумевшего своим мужеством и храбростью удостоиться того, чтобы, постоянно повышая в чине, за два года произвели его в поручики, было кое-что рассказано выше. Здесь следует лишь добавить, что он, верный присяге, воевал в рядах Добровольческой армии Деникина против сил, свергнувших царя, а потом и «законного» в то время Временного правительства. В Добровольческой армии за боевые заслуги орденами не награждали (их, «законных» орденов, просто не существовало к тому времени), а повышали в чине, и Магомет-Герий быстро дослужился до чина полковника. После поражения белого движения, как и многие тысячи его участников, эмигрировал и Магомет-Герий Крымшамхалов. По некоторым сведениям, в эмиграции он жил в Париже и был женат на француженке и имел детей...

Другой офицер из рода Крымшамхаловых, удостоенный пяти орденов и двух Георгиевских крестов – корнет Черкесского полка Сеит-Бий Крымшамхалов после поражения белых не убежал, а остался в родном краю. Жил в Кисловодске. Там он и был арестован сотрудниками ОГПУ и расстрелян...

Урядник Кабардинского конного полка Ибрагим Биев, уроженец Большой Балкарии, за мужество и героизм, проявленные им на полях сражений против австро-венгерских войск был награжден Георгиевским крестом 4 степени, медалью «За храбрость», дослужился до чина прапорщика. Отличившись в последних боях Кавказской дивизии в Галиции летом 1917 года, он был награжден и орденом св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость».

Во время Гражданской войны служил в белой армии. После поражения белых остался в Нальчике, решив ни в коем случае не бежать из родины. После прихода красных его сразу же арестовали и перевели во Владикавказ.

В августе дело Ибрагима Биева «белого офицера и контрреволюционера» было рассмотрено коллегией ЧК Терской области. Биева, который «по своему имущественному положению принадлежит к классу врагов Соввласти» – он имел «собственный дом в Нальчике, корову, лошадь и домашнюю обстановку», решили отправить в Ростов в Особый отдел Кавфронта. А оттуда его, «белого офицера и контрреволюционера», отправили этапом на Север в лагерь, где содержались в заключении такие же «преступники» как он. После окончания Гражданской войны он все-таки вернулся в Нальчик и жил здесь до 1926 года. Хотя о дальнейшей его судьбе ничего и не известно, но не трудно догадаться, что и его погубили большевики, так как в том

1926 году он числился среди «Списка бывших помещиков и землевладельцев Балкарского округа».

Магомет Таусултанович Абаев за мужество и героизм, проявленные на полях сражений с противником, был награжден двумя Георгиевскими крестами и шестью орденами, среди которых и орден св.Владимира 4 степени с мечами и бантом, дослужился от рядового до офицера – поручика.

Летом 1918 года Абаев вступил в отряд своего бывшего командира Заурбека Даутокова-Серебрякова, который, между прочим, был женат на девушке из Большой Балкарии, откуда был родом и Магомет Абаев. Затем служил в рядах белогвардейской Кабардинской конной дивизии, которая сражалась с красными в районе Царицина. В марте 1920 года, когда большевики пришли к власти повсюду на Северном Кавказе, отступил вместе с отрядом Бековича-Черкасского. Воевал в Крыму в войсках Врангеля. Потом, как и тысячи других белогвардейцев, эмигрировал в Турцию. Оттуда он перебрался в Болгарию и женился на русской девушке-эмигрантке. Умер в 1962 году в Софии. Остались сын и дочь, они со своими детьми и ныне живут в Софии.

В рядах белой армии служил еще один герой Дикой дивизии – поручик Чепеллеу Урусбиев, награжденный четырьмя боевыми орденами. И он тоже, как и Магомет Абаев, после поражения белых, ушел с отрядом Бековича-Черкасского. Когда отряд вышел к Грузии и стал переправляться в Крым, Чепеллеу, к тому времени тяжело больной туберкулезом, остался в Грузии.

После улучшения здоровья переправился в Турцию и поселился в г. Самсун. Поправившись, стал работать на табачной фабрике, которая принадлежала карачаевцу Барасбию Крымшамхалову, выехавшему из России еще до войны. ГПУшники, как известно, следили за своими врагами, наверное, даже и на том свете. А на этом – это уж точно. 4 марта 1924 года был составлен «Список граждан селений Балкарского округа, эмигрировавших из пределов КБАО». В этом списке под № 20 значился «Урусбиев Чепе Биясланович, 33 года». В графе «где находится» было написано: «Турция», а в графе «семейное положение» записано: «Осталось 5 душ семье».

В Верхнем Баксане, в бывшем родовом селении Урусбиевых, в это время жили родители Чепеллеуа и его жена Алтынчач Исламовна, урожденная Балкарокова с четырехлетней дочерью Гюльджан. Каким-то чудом Алтынчач Исламовна сумела уехать к мужу в Турцию вместе с дочерью. И там, в Самсуне, у них родится потом и младшая дочь Фатима. Умер Чепеллеу Урусбиев в 1932 году. А его дочери и ныне живут в Турции со своими детьми. Гюльджан в Анкаре, а Фатима – в Стамбуле.

Трагичной была судьба и первого командира Дикой дивизии великого князя Михаила Александровича Романова. В феврале 1918 года по распоряжению Совнаркома (читай – Ленина)

был задержан в Гатчине и отправлен в ссылку в Пермь. Где и был расстрелян 12 июня того же года.

Прапорщик Чеченского конного полка Ахия Кургокович Джабоев, награжденный за боевые заслуги орденом св. Станислава 3 степени с мечами и бантом, был хорошо известным в Кабарде и Балкарии народным учителем. Он родился в 1874 году в Хуламском ущелье Балкарии. Учился в Нальчикской городской школе, а потом закончил учительскую семинарию в Закавказье, в Гори. После этого и работал учителем в селах Кабарды и в Нальчикской горской школе, где когда-то сам учился.

В 1915 году, когда ему было уже более 40 лет, Ахия Кургокович добровольно уходит служить, и его направляют в школу прапорщиков. Весной 1916 года, закончив курсы прапорщиков, Ахия Джабоев был направлен для продолжения службы на Кавказский фронт и назначен командиром 1-го конного «вьючного транспорта». В этой должности прапорщик Ахия Джабоев пробыл до марта 1917 года, доставляя подвозимые с тыла боеприпасы и продовольствие для действующей армии к линии фронта, на передовые позиции.

Но ему не очень нравилось командовать подводчиками, ему самому хотелось воевать, ведь для этого он и уходил на войну. Наконец, в марте удовлетворяют его просьбу и направляют в Чеченский конный полк Дикой дивизии. Таким образом он оказался вместе со своим родственником ротмистром Барасби Салиховичем Мамышевым – Ахия был женат на сестре Барасбия.

После возвращения осенью 1917 года Кавказской конной дивизии на Северный Кавказ прапорщик Джабоев продолжал нести службу в Чеченском полку. Поздней осенью он сумел перевестись из Чеченского полка, стоявшего в Грозном, в Кабардинский полк, расквартированный в Нальчике. Командир полка полковник Абелов своим приказом назначит его «младшим офицером в 3-ю сотню». И он служил в полку до марта 1918 года, пока полк не был распущен. Тогда же ему, как человеку, пользующемуся большим авторитетом в Кабарде и Балкарии, предложили должность комиссара 2-го участка Нальчикского округа, в состав которого входили все общества Балкарии. На этой должности он пробыл до декабря 1918 года, то есть до прихода белых. Белые его мобилизовали и вновь направили служить в транспортную команду.

После поражения белого движения вернулся в Нальчик и вновь взялся за свое любимое дело – учительствовал. Но его часто арестовывали как белогвардейского офицера, но каждый раз освобождали (в первые годы Советской власти такое еще случалось), так как он не принимал активного участия в боевых действиях, а был мобилизован белыми для вспомогательных служб, избежать чего ему не удалось. С 1923 года был заведующим школой в Вольном Ауле.

Время шло, Советская власть крепла, и все круче стала расправляться со всеми «контрреволюционными элементами», куда теперь без особых сомнений зачислялись все люди княжеских фамилий, а также зажиточные горцы, когда-либо служившие в органах государственного управления до Октябрьского переворота, да и просто все, кто осмеливался быть умнее, авторитетнее среди народа, чем большевистские начальники или своевольничал, одеваясь в более чистую, ладно скроенную одежду, да еще умел носить ее аккуратно.

А Ахия Жабоев как раз и был таким человеком – он пользовался большим авторитетом в народе, любил чистоту и аккуратность, вовсе не был глуп, был офицером, имел царские награды. По новым меркам он полностью соответствовал требованиям, предъявляемым к «врагам народа и Советской власти», к «контрреволюционным элементам», к «царским офицерам» и т. д.

И в 1926 году, в декабре, его арестовывают. Теперь ОГПУ взялся за него всерьез – народный учитель Ахия Кургокович Джабоев обвиняется в «антисоветской деятельности», «в связях с бандитами» и распространении ложных слухов «в контрреволюционных целях». Теперь его можно было смело обвинять в чем угодно – ведь его родственник и защитник «законник» Барасби Мамышев был уже в Сибири.

Рассмотрев сфабрикованное ОГПУ дело «по обвинению гражданина Джабоева Ахии Кургоковича в бандитизме» и «считая его элементом неисправимым и вредным Союзу ССР, тройка постановила: применить к нему, Джабоеву Ахие Кургоковичу, высшую меру социальной защиты – расстрел».

Так был расстрелян в Нальчике весной 1927 года народный учитель, ветеран прославленной Дикой дивизии, кавалер боевого ордена Ахия Джабоев.

И самое чудовищное в этом деле было то, что подлое преступление совершалось якобы для «защиты» СССР и советского народа от вредоносных действий учителя Джабоева.

Как могла быть счастливой страна, где заслуженный и уважаемый учитель объявлялся врагом государства...

8. Балкария в огне Гражданской войны

В 1914–1917-х годах Россия неудержимо шла к катастрофе. В эти годы в стране неуклонно ухудшалась жизнь, росла преступность, падал авторитет власти, крепили авантюристические, революционные и анархические корни. В конце концов дело дошло до всеобщего народного бунта, который сверг самодержавие. Но на этом остановить бунт и навести в стране порядок не удалось. Пришедшие к власти политики-краснобаи типа адвоката Керенского были неспособны на практике управлять даже благополучной нормальной страной, а с Россией 1917-го года,

вставшей на дыбы, они, естественно, справиться не могли. Народная стихия, анархия, опьянение вседозволенностью, а говоря короче – разинщина и пугачевщина – смели Временное правительство, словно горный селевой поток картонный домик на своем пути. Власть в стране перешла в руки пьяных солдат и матросов, доведенных до отчаяния голодом и нищетой наиболее пролетарской части рабочих и сельских батраков, в вожаки которым сумели навязать себя политические авантюристы из левацких экстремистских элементов, называвшие себя большевиками.

Лишь только тогда поняло большинство серьезных политических деятелей, чувствующих свою ответственность за судьбу Отечества, генералы и офицеры, а также средние и зажиточные – наиболее сознательные слои крестьянства, что это негоже отдавать Россию в руки политических авантюристов. И тогда началась Гражданская война, которая длилась долгих четыре года. Но оказалось, что зараженных несбыточными мечтами о равенстве и земном рае обнищавших и голодных людей невозможно ни переубедить, ни одолеть. И тогда победили большевики, объединившие в своих рядах и фантазеров-мечтателей, и политических авантюристов, и просто главарей разбойничьих шайк – искателей приключений, и анархистов, и всякий иной сброд, для которых главным было – властвовать, иметь право отнимать, раздавать, сажать, расстреливать, отпускать. В общем – командовать и делать все, что им вздумается.

А пришла страна к этому в результате неразумной внешней политики царя и правящих кругов, а если сказать более ясно – их агрессивных имперских устремлений, вследствие чего Россия вступила в войну, к которой она не была готова. Не была готова не только в том смысле, что не сумела вовремя провести мобилизацию и перегруппировку войск, а и в том смысле, что она, в силу значительного отставания в своем экономическом развитии от передовых стран, не могла иметь и не имела достаточно хорошо вооруженную и обученную армию, не имела надежный тыл, так как народ жил в бедноте. А воевать она собиралась с такими высокоразвитыми и достаточно могущественными странами как Австро-Венгрия и Германия. Эти годы, годы Первой мировой войны, Февральской революции, Октябрьского переворота, а затем и Гражданской войны были для народов Балкарии и Карачая, впрочем, наверное, как и для всего народа России, годами смуты и трагических событий, смысл и значение которых в то время не так-то легко было понять.

Война с иноземными врагами – это ясно и понятно. Во все времена мужчины уходили на войну – и это тоже было понятно. Хотя отцы и матери провожали своих сыновей на войну не с очень-то большой охотой.

Непонятное для горцев началось тогда, когда там, в далекой северной стороне, в главном городе страны народ прогнал царя. Зачем? Разве может народ жить без хана-царя? «Не бывает сказки без хана», – говорится в народе. А страны тем более.

В Нальчике, во Владикавказе грамотные люди, князья, офицеры и генералы эту весть, разумеется, воспринимали совсем иначе, чем простые горцы. Они тревожно суетились, создавали какие-то союзы, о чем-то договаривались, получали и слали телеграммы, но все это народа особо не касалось.

Абсолютное большинство людей и не думало о том, что гром, грянувший в Петербурге, докатится и до гор Кавказа, и молнии, рождаемые им, подожгут и бедные хижины горцев, и их сыновья будут в скором времени гибнуть в этом огне.

Да и не было в первое время после свержения самодержавия на Северном Кавказе, как и во многих окраинах России, каких-либо явных признаков того, что скоро грянет второй удар политического урагана, который сокрушит все на своем пути. Так, правители Северного Кавказа – губернаторы и начальники – заявили о том, что принимают новую власть и подчиняются ей, к чему призывали и народы, им подвластные. Органы управления на местах теперь стали именоваться гражданскими комитетами. И все, ничего особого. Так, Нальчикское окружное управление теперь стало называться Нальчикским окружным гражданским комитетом. Правда, вскоре генералов и полковников, посаженных на должности царем, стали менять, вместо них начальниками становились другие генералы и полковники, именовавшиеся комиссарами. Так, органом Временного правительства в Терской области стал Областной гражданский комитет, куда вошли представители тех же правивших при царизме слоев общества – богатые и знатные люди: князья, фабриканты и купцы, верхи казачества и старые чиновники. Почетным председателем Терского областного гражданского комитета стал казачий атаман М.А. Караулов, а членами – кумыкский князь Рамазан Капланов, ротмистр Чеченского полка миллионер Абдул-Меджит (Тапа) Чермоев, кабардинский коннозаводчик Пшемахо Коцев и другие.

Комиссаром Нальчикского округа, Председателем Нальчикского окружного гражданского комитета стал Хамид Исмаилович Чижаков, его товарищем (заместителем) – полковник Ибрагим Хамзатович Урусбиев. В Комитет также входили Б. Шаханов, Б. Карачаев, Т. Шакманов и др.

Одновременно с органами Временного правительства, как и по всей стране, и на Северном Кавказе тоже возникали Советы из представителей рабочих, крестьян, солдат, горцев и казаков. Советы становились как бы второй властью наравне с органами Временного правительства.

Особо следует отметить создание «Союза объединенных горцев», который организовали горские интеллигенты. 6 марта 1917 года был избран Временный Центральный комитет Союза объединенных горцев во главе с известным адвокатом и политическим деятелем Северного Кавказа Басиатом Шахановым.

В Центральный комитет Союза объединенных горцев входили лучшие представители интеллигенции и офицеры коренных народов Северного Кавказа, в том числе и уже находящиеся у власти, такие как Тапа Чермоев, Пшемахо Коцев, Рамазан Капланов, Бекович-Черкасский и другие.

Басият Шаханов с головой окунулся в новую жизнь, активно действует, стараясь убедить многих своих соратников в том, что настоящее демократическое общество можно построить только на фундаменте братской дружбы всех народов Северного Кавказа в составе обновленной России. С этой целью он готовит съезд горских народов Кавказа, который состоялся в мае 1917 года. На съезде он предложил созвать в скором времени объединенный съезд горских народов и казачества.

Но, видно по всему, тогда на Северном Кавказе имелись довольно влиятельные силы в лице казачьих атаманов и царских генералов, воспитанных в духе непримиримой вражды к горцам, которым удалось спровоцировать казаков на ингушский погром во Владикавказе, в результате чего имелись и жертвы. После этого официальные власти Терской области, где верховодили казачьи атаманы и генералы, стали проводить политику репрессий по отношению ко всем оппозиционно настроенным людям, и в особенности к горцам. В такой ситуации и Союз объединенных горцев стал обособливаться, становясь политической партией только горских народов Кавказа. Шаханов не был согласен ни с позицией власти, ни с позицией большинства руководителей Союза объединенных горцев, так как неизменно считал, что новую жизнь народы Кавказа должны строить совместно с казаками, в дружбе с ними, не обособляясь друг от друга.

Не найдя сторонников ни во властных структурах, ни в партии, которую он выпестовал, Шаханов ушел со всех должностей и постов в Терской области. В августе он был избран комиссаром Дагестанской области. А через месяц произошла Октябрьская социалистическая революция. Она и явилась началом Гражданской войны в России.

Советская власть в Терской области, в том числе и в Нальчикском округе, была провозглашена в марте 1918 года, а уже осенью этого же года на юге России генерал Деникин возглавил белое движение. На войну большевики только из Балкарии мобилизовали 1500 человек, из которых и был укомплектован балкарский кавалерийский полк, который вскоре и вступил в бой. В неравной схватке с передовыми частями Деникина, во главе которых находился генерал Шкуро, полк понес большие потери и стал отступать.

Так втянулись и балкарцы под жернова братоубийственной Гражданской войны, в результате которой тысячи джигитов легли на полях бессмысленной бойни.

Нет никакой надобности подробно излагать все перипетии этой войны – о ней написано сотни книг, поставлены десятки кинофильмов. Мы же здесь лишь расскажем о нескольких балкарских революционерах-мечтателях, поверивших в возможность построения коммунистического рая на земле и ради этой цели поднявших на братоубийственную войну сотни своих соплеменников, многие из которых сгорели в пламени этой войны.

Юсуп Батиевич Настуев, родился в 1888 году. Несколько лет перед Февральской революцией жил во внутренних губерниях России, где и примкнул к революционерам. После Февраля 17-го года вернулся в Балкарию и сразу же стал лидером балкарских большевиков. На II съезде народов Терека, проходившем в гор. Пятигорске в феврале 1918 года, где была провозглашена Советская власть, он, как глава балкарской делегации, был избран в областной Совет. Летом и осенью 1918 года активно работал по установлению власти Советов в Балкарии, формировал балкарские красноармейские отряды. В период Деникинщины работал в политорганах II Красной армии, участвовал в боях за Царицын и Астрахань, а потом участвовал в освобождении Северного Кавказа от деникинцев. В марте 1920 года Настуев вернулся в Нальчик и вновь стал активным участником строительства Советской власти. Он занимал должности заместителя председателя Нальчикского окружного ревкома и члена президиума Нальчикского окружкома РКП (б).

В начале 1922 года Юсуп Настуев был назначен заместителем Народного комиссара внутренних дел Горской республики. В начале этого же года по делам службы он был в центре Балкарского округа в хуторе Долинском. Узнав о том, что Ю. Настуев приехал в Балкарию, руководитель Кабардинского округа Б. Калмыков связался с ним по телефону и предложил встретиться и обсудить кое-какие дела. Настуев сказал, что завтра с утра, прогуливаясь по берегу реки Нальчик, спустится вниз, и там, у моста в Вольный Аул, они и встретятся. А на другой день на половине пути Юсупа Настуева застрелил неизвестный убийца.

Другим и даже более популярным впоследствии балкарцем-большевиком был Магомет Алиевич Энеев. Он был почти на 10 лет моложе Настуева, и после гибели того стал лидером балкарских большевиков. Для своего времени Магомет Энеев был довольно высокообразованным человеком: с детских лет знал грамоту, три года проучился в Стамбульской духовной академии.

После Февральской революции двадцатилетний юный Магомет Энеев увлекся революционными идеями и примкнул к социалистам-революционерам (эсерам). Но после встречи с С. М. Ки-

ровым (1919) стал большевиком и одним из лидеров балкарских общественно-политических деятелей.

Участвовал в боях с деникинцами, освобождал Дагестан от белогвардейцев, а потом стал там работать заведующим облОНО.

В июне 1920 года по просьбе Ю.Настуева М.Энеев переводится на работу в Нальчикский округ, где опять возглавляет отдел народного образования. Летом этого же года Энеев избирается членом Исполкома Советов Терской области и одновременно является секретарем Нальчикского окружного комитета РКП(б).

В январе 1921 года была образована Горская АССР, куда Балкария, как и Кабарда, вошла самостоятельным округом. В апреле 1921 года состоялся первый съезд Советов Балкарского округа. Председателем Исполкома Балкарского окружного Совета был избран Магомет Энеев. И как руководитель одного из округов, стал членом Исполкома Советов Горской республики и членом Горского обкома РКП(б).

Вся первая половина 1922 года была для Балкарии, а в особенности для ее руководителей очень тяжелой и напряженной. В мае этого года был убит наемным убийцей признанный лидер балкарского народа, умный и опытный политик, последовательно отстаивавший интересы балкарского народа, когда Калмыков с помощью Сталина решил присоединить Балкарию к Кабарде на правах лишь одного из ее округов. После этого злодейского убийства лидером балкарцев стал Магомет Энеев. Но в это время ему было всего-то 25 лет!

Видно по всему, Калмыков и полагался на это – на то, что молодой Энеев не сможет так спокойно и умело ему противостоять, как Настуев. Но он ошибся. Магомет Энеев и Ако Гемуев и в дальнейшем так же упорно, как и при Настуеве, продолжали настаивать на том, чтобы власть в объединенной области строилась на паритетных началах, как и предусматривалось решением высшего органа страны – Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом от 16 января 1922 года.

Как будет показано в главе «Организация КБАО», Калмыков и Сталин, вопреки решению ВЦИК, сумели-таки исполнить мечту Калмыкова – хотя официально область и называлась Кабардино-Балкарской, но на самом-то деле она стала вотчиной Калмыкова. Произошло это 6 сентября 1922 года на заседании, созданного Сталиным и Калмыковым, Кабардино-Балкарского областного Исполнительного Комитета, где председателем Исполкома был избран Калмыков, его заместителями Энеев и Фаддеев.

Глубоко интеллигентному Энееву, конечно же, было очень трудно работать под началом одновременно невежественного, но в то же время злопамятного и упрямого Калмыкова, и вскоре, как только представилась возможность, он переходит на другую работу. Северо-Кавказский крайком РКП(б) направляет его секретарем Чеченского обкома партии. Произошло это в конце 1923 года.

На этой должности М.Энеев работал 2 года – до декабря 1925 года. В декабре 1925 года крайком направляет его на двухгодичные курсы Коммунистической академии.

В характеристике, представленной крайкомом РКП(б) в Академию, говорилось: «Благодаря умелому, тактичному товарищескому подходу М. Энеев сумел объединить и сплотить малочисленный партийный и беспартийный актив Чечни и дал правильное партийное направление работе». На обычном языке это означало, что за время работы в Чечне Энеев сделал очень многое, чтобы наладить мирную созидательную жизнь в этом беспокойном регионе Кавказа, сумел внести уверенность в души людей в лучшую жизнь.

После окончания курсов его направляют опять в распоряжение Северо-Кавказского крайкома. Крайком оставляет его в краевом центре – в Ростове, на должности заместителя председателя – Ответственного секретаря Краевого национального Совета. Стоит ли говорить о том, что эта должность, учитывая всю сложность жизни многих коренных народов Кавказа, была одной из ответственных в крае. И Магомет Энеев, молодой, полный мечтаний и планов по налаживанию мира и взаимопонимания между всеми народами родного Кавказа, работает увлеченно и неустанно. Он верил в то, что главные в человеческой сущности все-таки являются добро и справедливость, стремление жить мирно и в дружбе с соседями. Но оказалось, что в жизни зачастую бывает и так, что зависть и зло, желание всячески навредить соседу, украсть или отнять у него завладевает душами людей. И тогда такие люди идут на всякие ухищрения и подлости, чтобы достичь своих целей – погубить тех, кому они завидуют, завладеть тем, что принадлежит соседу, навредить ему. Такие темные желания и мысли в одинаковой степени могут завладеть душами как темных, невежественных людей, так и людей высокообразованных, считающих себя интеллигентами. Но если образованные люди, в душе своей так и не сумевшие подавить зависть и зло, действуют скрытно и тонко, по-кошачьи, шаг за шагом подбираясь к своей жертве и к своей цели, то люди неграмотные и невежественные идут к своей цели в открытую, так как они не способны на сложную интеллектуальную борьбу. К тому же зависть и зло в душах невежественных людей, находящихся у власти, – это, в сущности, тот же грязный селевой поток, который сметает и сокрушает все на своем пути. Ничего не может быть страшнее злого невежды, наделенного властью. За примерами далеко ходить не надо.

Сталин практически уничтожил всех лучших людей страны. То же самое сделал Калмыков в Кабардино-Балкарии. Всех грамотных, честных, интеллигентных людей, которых он лично знал, которым он завидовал и которых люто ненавидел – за то, что они во всем были лучше него: и образованы, и умны, и интеллигентны, – таких людей он преследовал до конца, где бы

они не находились. В сущности это – преследовать, настигать и уничтожать всех, кто ему не угоден, – и было главным делом всей жизни Калмыкова. Известно, что многих лучших людей Кабарды и Балкарии, всемогущая рука ОГПУ, направляемая Калмыковым, настигала и в Дагестане, и в Азербайджане, и в Грузии, и на Дальнем Востоке, и в Ростове, и в Москве. Одних просто убивали, других арестовывали, третьих шельмовали и затравливали.

Калмыков люто ненавидел Энеева. За его высокообразованность, ум, интеллигентность. Сперва он его недооценивал, считая мальчишкой, а потом тот вообще уехал из Кабардино-Балкарии – находился то в Чечне, то в Москве, то в Ростове. Казалось бы – с глаз долой, так и из сердца (из переполненного злобой и завистью) вон. Ан нет! Энеев, живой Энеев, – грамотей и умница, любимчик народа и (это – самое главное!) многих высоких крайкомовских начальников, не давал Калмыкову спокойно жить. Но что с ним делать, он не знал. Расправиться с ним, как со многими другими здесь, в Кабардино-Балкарии, он не мог – руки коротки. И даже не объявишь его «чужим элементом» – он не княжеского происхождения.

Не найдя иного способа расправиться с Энеевым, с одним из уважаемых высокопоставленных работников края, Калмыков решил затравить его, ошельмовать, вспомнив в какой-то миг про «трудовой балкарский народ», с помощью которого он в свое время обобрал его же, этот самый «трудовой балкарский народ», лишив конституционных возможностей защитить самого себя от враждебных действий местных чинуш от власти.

Травля Энеева – самая, наверное, тонкая «работа» Калмыкова по уничтожению неугодного ему человека, хотя и она «шита белыми нитками»: всем ясно, что без одобрения, а если быть еще точнее – без прямого указания хозяина Калмыкова никто бы не посмел набраться наглости шельмовать видного революционного деятеля и советского работника краевого масштаба, каким являлся Магомед Энеев.

А если вдруг разом все начальники балкарских сел осмелились шельмовать Энеева, значит, учитывая время и место события, становится ясно, как дважды два, что их все-таки «сделали» смелыми.

Что же произошло тогда – в том далеком 1928 году? Во все краевые органы власти из Балкарии полетели письма, где «трудовой балкарский народ» выражал свое крайнее возмущение тем, что от его имени на высоком посту находится «сын эфендия» Энеев.

Нетрудно себе представить как себя чувствовал Магомед Энеев, когда по поводу этих писем его стали вызывать то в ОГПУ, то к высокому начальству и беседовать, выражая то сожаление, то сочувствие. И еще – не надо забывать, что это происходило в 1928 году, и охота на «чуждых элементов» все еще продолжалась. А потому даже в самом лучшем исходе дела

Энееву все равно не повезло бы. Его все равно сняли бы с должности. А потом – неизбежный арест...

Энеев, к этому времени уже опытный советский работник, видно, прекрасно понимал, что настоящее время – это время таких как Калмыков: время людей, беззащитно пользующихся трескучими фразами, лозунгами и через трупы товарищей движущихся к власти и к славе. Да, он понимал, что Калмыков все равно победит. Хотя бы потому, что он, Магомет Энеев, не способен даже в момент смертельной опасности на подлости и всяческие ухищрения, коими свободно пользуется враг. И он застрелился, чтобы не доставить тому еще большей радости, оказавшись в его руках беспомощным пленником.

Случилось это 27 августа 1928 года. После гибели Настуева и Энеева в живых остался только Ако Гемуев из тех руководителей Балкарского окружного исполкома, которые не хотели, чтобы Балкария оказалась в будущем конституционно беззащитной в объединенной области, где численное превосходство кабардинцев националистически настроенные их лидеры при желании легко могут использовать во вред балкарскому народу.

Но расправиться с одним уже Гемуевым, находящимся на территории Кабардино-Балкарской области, которая теперь полностью находилась в его руках, Калмыкову ничего не стоило.

По примеру своего учителя Сталина, выдумывавшего по именам своих соперников-врагов якобы вражеские движения и таким образом уничтожавшего не только прямых врагов, но еще и тысячи таких же, как и они, невинных людей: Троцкий – троцкизм, Зиновьев – зиновьевщина – так и Калмыков выдумал «гемуевщину» и уничтожил не только А. Гемуева, но и десятки, сотни других таких же людей, как Гемуев, – тех, кто был не по праву ему самому и его подручным: по области прошли массовые аресты под предлогом борьбы с «гемуевщиной», хотя никто и не мог толком объяснить, в чем именно выражается сущность этой самой «гемуевщины».

Воспользовавшись случаем, Калмыков избавился и от последнего балкарского лидера, который был живым свидетелем того, что были некогда в Балкарии джигиты, которые не склоняли свои головы перед ним, «легендарным вождем кабардино-балкарских большевиков Беталом Эдикивичем Калмыковым», – от Келлета Ульбашева, кавалера Георгиевского креста за мужество по защите Отечества еще в Первую мировую войну, и кавалера ордена Ленина за мужество в борьбе за Советскую власть, командира балкарского красного полка в период Гражданской войны, а ныне председателя Кабардино-Балкарского облисполкома и члена ВЦИК СССР. Даже самая высокая должность в области по государственной линии и самая высокая награда страны не спасли ни в чем неповинного перед Советской властью Ульбашева от гибели, когда его смерти захотелось Калмыкову. Он был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и погиб в тюрьме на далеком Алтае в 1938 году.

Так жили, боролись за свои идеалы и погибли от рук своих же более прагматичных и нахрапистых друзей-большевиков первые балкарские мечтатели-революционеры – Юсуп Настуев, Магомед Энеев, Ако Гемуев и Келлет Ульбашев.

Здесь мы вынуждены сделать небольшое отступление от темы, чтобы предупредить не очень опытных в политике молодых читателей.

Не следует приведенные в этой главе факты систематического уничтожения Калмыковым лучших людей Балкарии поспешно оценивать как поступки махрового националиста, так как точно с таким же усердием он изводил и лучших людей Кабарды. Значит, в данном случае действия Калмыкова следует рассматривать как действия завистливого и злобного тирана, ненавидевшего всех, кто его в чем-либо превосходил.

Вместе с тем, конечно, надо помнить и о том, что интеллектуально менее развитые люди быстрее поддаются, так сказать, природным, но для наших дней уже древним, пещерным инстинктам и чувствам зависти (а почему у меня нет?), национализму (он не из нашего рода-племени – значит он враг) и мести (он не согласен со мной – значит, теперь он мой враг, надо его уничтожить!).

Впрочем, у тиранов и диктаторов удивительно легко сочетаются вместе все качества детей Дьявола: зависть и злость, хамство и упрямство, ура-патриотизм и шовинизм, хитрость и лицемерие.

9. Образование Кабардино-Балкарской автономной области

Всю политико-историческую важность Февральской демократической революции в России в 1917 году осознавали лишь грамотные слои общества. Для простого народа это было лишь сенсационной новостью – «скинули Николашку». А что за этим последует об этом никто по-существу и не знал.

Да и вправду, оттого что в стране была свергнута монархия и установлено республиканское правление в жизни народа мало что изменилось, да моментально и измениться ничего не могло.

Тем более на окраине огромной империи – в Балкарии. В Балкарии, как и во всей провинциальной России, свержение династии Романовых было воспринято всего лишь как сенсационная новость – «Царя с тахты скинули!» – «Что ты говоришь?!» – «Клянусь Аллахом, точно!» – «А что теперь будет?» – «Оллахий, не знаю». Вот и все.

Правда, в Нальчике вместо начальника окружного управления появился комиссар округа. Начальника – полковника Клишбиева – убрали, комиссара Чижокова поставили. А так все осталось по-прежнему – в селах Балкарии оставались все те же старшины, что и были в царское время.

Более или менее спокойную и мирную жизнь, как страны в целом, так и Балкарии, прервал захват большевиками власти в Петрограде 25 октября 1917 года, позже названный ими Великой Октябрьской социалистической революцией. Хотя многие историки и политологи к концу века, после свержения коммунистического режима, и называют Октябрьскую социалистическую революцию просто – большевистским переворотом, – но они все равно не правы: вооруженный захват большевиками власти 25 октября 1917 года по всем канонам вполне соответствует требованиям термина «революция» – это насильственный захват власти одним слоем населения, называемый в марксистской литературе классом, лишив другой слой на право обладания ею. Октябрьская революция отобрала власть у высших и средних слоев населения (у буржуазии) и передала ее беднейшим слоям народа (пролетариату и батракам).

Существует высказывание: «Революцию начинают мечтатели, совершают прагматики, а плодами ее пользуются подлецы». В этом смысле Октябрьская революция – классический пример. Как впрочем и все другие революции, которые «раскручиваются» до конца – то есть, до того, что к власти приходит вожди люмпена, уличной толпы.

Как известно, революцию в России начинал интеллигентный инженер и мечтатель Георгий Плеханов, совершали прагматики С. Е. Львов, П. М. Милюков, А. И. Гучков, а плодами ее стали пользоваться безграмотные подлецы Сталин, Буденный, Ворошилов, Калинин, пролившие потом реки крови.

То же самое произошло и на местах. В Кабарде и Балкарии в царское время за демократические перемены в обществе боролись высокообразованные интеллигенты А. Шаханов, М. Абаев, В. Кудашев, И. Урусбиев и другие, а после установления Советской власти «из грязи в князи» вылезли Б. Калмыков, А. Сарбашев, Х. Настуев, А. Мусукаев и подобные им люди, которые стали местными Сталинчиками, Ежовыми и Буденными.

Практически сразу же после Октябрьской революции в стране началась Гражданская война. Войну против насильственного захвата власти большевиками начали наиболее активно участвовавшие в общественно-политической жизни страны слои общества – генералы и офицеры, либерально-демократическая часть интеллигенции, фабриканты и заводчики, помещики и коммерсанты. С ними, естественно, была значительная часть зажиточного крестьянства и казачества, часть солдат и матросов, – иначе и Гражданской войны не было бы.

Братоубийственная Гражданская война в целом по стране продолжалась долгих четыре года, но на Северном Кавказе она закончилась к весне 1920 года. 24 марта 1920 года в Кабарде и Балкарии была установлена Советская власть.

Верховным органом власти был провозглашен Кабардино-Балкарский ревком во главе с Беталом Калмыковым.

20 января 1921 года был издан Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) «Об образовании Автономной Горской Социалистической Советской Республики», в которую Балкария и Кабарда входили как отдельные самостоятельные округа. В Горскую Республику кроме Балкарии и Кабарды тоже на правах самостоятельных округов входили: Чечня, Ингушетия, Осетия и Карачай. В состав Кабардинского округа вошла северная часть бывшего Нальчикского округа, а в состав Балкарского округа – южная часть. Между Балкарией и Кабардой была определена граница. Центром Кабардинского округа стал город Нальчик, центром Балкарского округа – хутор Долинский.

Вскоре IV съезд Советов Кабардинского округа, состоявшийся 13 июня 1921 года, постановил: «Просить высшие органы власти РСФСР и ГССР о выделении трудящихся Кабарды... в автономную Кабардинскую область». Несмотря на возражение руководящих органов Горской АССР, 1 сентября 1921 года ВЦИК РСФСР принял постановление о выделении из состава Горской АССР «автономной области кабардинского народа, непосредственно связанной с РСФСР».

Так же, согласно решению съезда Советов Балкарского округа, представители Балкарии направили в Наркомнац докладную записку, в которой просили исполнить волю съезда Советов Балкарии – выделить Балкарию в самостоятельную автономную область, «непосредственно подчиненную центру РСФСР».

Коллегия Наркомнаца, рассмотрев 6 января 1922 года заявление представителей Балкарии, подготовила проект постановления ВЦИК РСФСР, где было сказано: «Выделить Балкарский округ из территории Автономной Горской Социалистической Советской Республики в Автономную область Балкарского народа с административным центром на местности Долинской, непосредственно связанную РСФСР».

Но определенные силы, не заинтересованные в том, чтобы Балкария стала самостоятельной областью в составе РСФСР, приложили все свои возможности, чтобы сорвать исполнение решения коллегии Наркомнаца об образовании самостоятельной Балкарской области. Судя из дальнейших действий Калмыкова в период образования Кабардино-Балкарской Автономной области, всячески старавшегося ущемить интересы балкарской стороны и не выполнять постановление ВЦИК об образовании органов управления областью на паритетных началах, во главе этих сил и стоял Калмыков. В результате уже через 3 дня, 9 января 1922 года коллегия Наркомнаца меняет свое решение и выносит постановление, в котором говорится: «Во изменение постановления коллегии от 6 января 1922 года признать целесо-

образным выделение из состава Горской территории, занимаемой ныне балкарцами, и образование из нее вместе с Кабардой объединенной Кабардино-Балкарской Автономной Области, непосредственно связанной с РСФСР...»

Здесь явно чувствуется рука хамовитого и политически безграмотного И.Сталина – ведь данным решением коллегия Наркомнаца грубо нарушала статью 8 действующей тогда Конституции РСФСР, где было записано, что сами народы через свои съезды Советов определяют свой политический статус.

В результате этого появилась антиконституционное постановление ВЦИК от 16 января 1922 года, которым предписывалось:

«1. Во изменение постановления ВЦИК от 1 сентября 1921 г. об образовании Кабардинской Автономной Области, образовать объединенную Кабардино-Балкарскую Автономную Область, непосредственно связанную с РСФСР, выделив для сего из состава Горской Автономной Республики территорию, занимаемую ныне Балкарией, и объединив Балкарию с Кабардой.

2. В состав Кабардино-Балкарской Автономной области включается территория Кабарды, указанная в декрете ВЦИК от 1 сентября 1921 г., и территория Балкарии в составе районов...

3. Съезды Советов Кабарды и Балкарии избирают на общих основаниях, каждый в отдельности, свои собственные Исполкомы, которые составляют на паритетных началах из своих представителей общий объединенный Кабардино-Балкарский Областной Исполком, коему приписываются права Губисполкома».

Антиконституционные действия Наркомнаца (Сталин), поддержанные ВЦИК-ом, где, видно, решающую роль играл «нацспец» Сталин, осложнил политическое положение в Балкарии и Кабарде. Бегал Калмыков прилагал все свои усилия для того, чтобы превратить Балкарию в один из округов Кабарды, а руководители Балкарии Юсуф Настуев, Магомет Энеев и Ако Гемуев, чувствуя намерения Калмыкова, стремились, если уж не удалось сохранить самостоятельный статус Балкарии, то хотя бы теперь не отступать от принципов паритетности – то есть основы защищенности населения Балкарии от неправомερных действий руководства объединенной области. Но этого-то как раз и не хотел Калмыков. В результате долгое время не удавалось образовать объединенный Исполком. Тогда к делу вновь подключился Сталин. И коллегия Наркомнаца 19 июня 1922 года обращается во ВЦИК с просьбой:

1. Обязать Кабардинский и Балкарский национальные исполкомы под личной ответственностью т. Калмыкова и т. Энеева в двухнедельный срок организовать объединенный Исполком на паритетных началах.

2. Предложить Наркомфину не отпускать никаких средств по открывающимся кредитам ни Кабарде, ни Балкарии впредь до получения от Наркомнаца сообщения о состоявшейся организации объединенного Кабардино-Балкарского Исполкома».

Но и после этого сформировать объединенный Исполком не удалось. Тогда Президиум ВЦИК от 2 июля 1922 года постановил: «Вопрос (объединения Кабарды и Балкарии) рассмотрен и отложен. Предложить НКНацу обсудить вопрос о выделении Балкарии в автономную область». Однако Наркомнац (Сталин) отвергает целесообразность образования самостоятельной Балкарской автономной области.

Поощряемый противоправными действиями Наркомнаца (Сталина), Калмыков осмелел. Теперь он решил осуществить задуманное другим путем, раз через законные советские органы управления Балкарии ему ничего не удалось достичь. Он организывает так называемое Балкарское окружное оргбюро РКП(б), созывает объединенное заседание Кабардинского областного комитета РКП(б) и этого самого, организованного им же самим Балкарского окружного оргбюро РКП(б), на котором принимается Положение по объединению Кабарды и Балкарии, которым Калмыков фактически отменял Постановление ВЦИК, высшего государственного органа страны, и вводил свои правила. Вот они: «Национальный Исполком в отдельности для Кабарды и Балкарии не создавать». «Балкарский исполком считать окружным на положении других округов».

А еще раньше, в июне, от имени Кабардинского обкома РКП(б) Б. Калмыков предлагал внести изменения в Постановление ВЦИК от 16 января 1922 года, после чего Балкария фактически стала бы одним из округов Кабарды, а в июле, опять же от имени обкома, «ставил в известность», что балкарские руководители «продолжают добиваться отделения Балкарии от Кабарды в ущерб интересам балкарского трудового народа».

Это удивительно – все большевистские и советские руководители с первых же дней Советской власти и до последних дней выдают себя за ревностных борцов за «интересы трудового народа», а на самом деле им всем было наплевать на эти самые интересы народа – для них личные интересы всегда были выше всего. В данном случае Калмыков, так заботящийся об интересах «балкарского трудового народа», на самом-то деле пекся о собственных интересах. А его интересы, человека недалекого и безграмотного, но с гипертрофированными амбициями, как и у всех таких людей, были просты: быть народным вождем, вернее – повелителем, перед которым все падали бы ниц. И этих «все», т. е. людей, подвластных ему, должно быть как можно больше. А если ему будут подвластны еще и другие народы – это вообще отлично!

Вот и мечтал Б. Калмыков стать именно таким властелином. И к великому прискорбью – стал! Это стало возможным, так как точно такой же, как и он сам, безграмотный, но коварный и жестокий человек по имени Сталин вскоре добился своей цели и стал властелином огромной империи – Советского Союза. И как все диктаторы-самодержцы, Сталин также нуждался в рабски верных сатрапах по всей стране, чтобы они, как его тени, держали подвластных в страхе и покорности. Таким сатрапом Сталина и стал в Кабардино-Балкарии Бетал Калмыков.

Кстати, отметим здесь, что конституционные основы будущих непоправимых бед, обрушившихся на Балкарию – и Черкесская трагедия, и трагедия насильственного выселения балкарцев, в результате чего безвинно погибли тысячи и тысячи людей – были заложены Калмыковым, который сумел достичь своей цели – лишил Балкарию политических механизмов самозащиты от посягательств извне со стороны сумасшедших националистов, как он сам и Кумехов. Их наследники и воспитанники живы и сегодня. Так, в начале 90-х годов прошлого уже столетия они предложили объединить Адыгею, Карачаево-Черкессию и Кабардино-Балкарию в одну Черкесскую республику, тоже, как и Калмыков, видимо, в интересах «трудового народа» карачаевцев и балкарцев. И многие из этих нынешних Калмыковых и Кумеховых и сегодня находятся на довольно высоких должностях – видимо, они кое-кому сильно нравятся.

А совсем недавно, уже на втором году XXI века, Совет республики Кабардино-Балкарской (Кабардино-Балкарской!) республики назло балкарскому народу высказался за возвращение имени кровопийцы Сталина Волгограду, переименовав его опять в Сталинград. Этот факт еще раз наглядно продемонстрировал, что на сегодня балкарский народ в своей родной республике, как и в 1944 году, не имеет конституционных возможностей защитить свою честь и достоинство, отстоять свои интересы.

Одна из заразных болезней, перешедшая к нам от большевистского режима – это тотальный национализм по всей стране. И повсюду одно и то же: более многочисленная нация стремится потеснить, обделить, зажать менее малочисленную. Обычная демократия, взращенная в мононациональных странах и хорошая основа жизни для них, для нас, живущих в многонациональной стране или республике, – она оборачивается юридической ширмой притеснения национальных меньшинств. Так, даже «самая демократическая в мире Советская Конституция» и родная автономная республика не спасли балкарский народ от бед, когда один единственный националист Кумехов захотел очистить территорию республики от балкарцев. И он, как и Калмыков, добился своего! Он сумел добиться того, что часть балкарцев расстреляли, часть сослали в Сибирь, а остальных загнали в Среднюю Азию.

Не надо замалчивать такие уродливые явления как национализм, расизм и фашизм.

Ведь этими душевными болезнями заражены в нашей стране тысячи, миллионы людей. Их надо лечить. И должна это делать власть страны, республики, края, области. Все руководители прекрасно знают как лечатся эти болезни. Но не все руководители хотят быть «докторами». Видимо, сами тоже заражены и нуждаются в лечении...

Из истории братского карачаевского народа

10. Образование Карачаевской автономной области

После выхода Кабарды из состава Горской АССР судьба последней фактически уже была предreshена, несмотря на оптимистическое заявление Сталина о том, что «Выделение Кабарды вовсе не означает развал Горской Республики, последняя может сохраниться как республика, ибо у нее остается около миллиона населения». Как будто прочность государственного образования зависит от численности населения. Кабарда находилась в центре Горской Республики, после ее выхода западная часть Республики – Балкария и Карачай – оказалась от нее отрезанной. И в этих условиях любой человек, хоть что-то смыслящий в политике и в государственном устройстве, понял бы, что Горская республика долго не просуществует. Но, видимо, Сталин в таких тонкостях тогда еще особо не разбирался или же, скорее всего, как это и бывает у людей, предрасположенных к авторитаризму и тирании, в их поступках в каждом конкретном случае определяющими становятся не логика и целесообразность, а личные пристрастия и амбиции. А в то время, как мы уже отмечали, Сталин и Калмыков были в дружеских отношениях... Разумеется, каждый оставаясь на своем месте: Сталин – на месте хозяина, а Калмыков – на месте слуги.

Так что, в данном случае Сталин решил удовлетворить слезную просьбу своего слуги – дать ему возможность самому стать, хоть и маленьким, но независимым хозяином, нежели печься о какой-то политической целесообразности и о государственных интересах.

После ни на чем не обоснованного оптимистического заявления Сталина Горская республика просуществовала всего 1,5 года – 7 июня 1924 года она была расформирована.

Как известно, после выхода Кабарды из состава Горской республики Балкария и Карачай оказались отрезанными от остальной части Горской АССР и были вынуждены выйти из нее. В результате чего в январе 1922 года декретами ВЦИК были образованы Кабардино-Балкарская (9 января) и Карачаево-Черкесская (12 января) и автономные области.

Карачаево-Черкесская автономная область имела к 1925 году территорию в 107 908 десятин с населением в 133 000 человек, в том числе русских – 71 930, карачаевцев – 50 740, абазин – 14 290, черкесов – 13 965, ногайцев – 6229.

Эта так называемая первая Карачаево-Черкесия просуществовала всего около 4-х лет и была расформирована в апреле 1926 года.

В чем же причина расформирования первой Карачаево-Черкесской автономной области? В это время, как известно, в стране повсеместно победила Советская власть, и если вспомнить, что она в сущности-то победила именно потому, что всем обещала все, о чем они и мечтали: крестьянам – землю, рабочим – заводы и фабрики, нациям – право на самоопределение, а всему народу – волю и свободу. Теперь-то нам известно, что по всем этим пунктам Советская власть ухудшила положение людей и народов во много раз по сравнению с тем, что было при царе, а тем более после Февральской демократической революции – крестьяне потеряли землю (а многие – и свои жизни), рабочие не только не стали хозяевами заводов и фабрик, а были обречены теперь на рабский труд за мизерную плату, нации лишились права на некоторое самоуправление и духовную свободу, а народ в целом лишился и той доли свободы, которая была ему дарована Февральской революцией. Но все это свершилось потом, по мере укрепления Советской власти, а на первых порах, в середине и в конце 20-х годов, она еще не решалась на те глобальные антинародные действия, которые она начнет осуществлять в последующие годы.

Пока Советская власть допускала игры и в демократию, и в вольность, лишь бы все делалось в дозволенных рамках: пусть народ собирается на митинги и съезды, но чтобы он непременно хвалил Советскую власть и мудрых вождей, ведущих страну в светлое будущее, да заодно не забывал клеймить международный капитализм; пусть нации и народности объединяются в края и республики, в отдельные автономные области, пусть выйдут из них – так сказать, самоопределяются – лишь бы не вздумали вообще обрести действительную свободу – выйти из состава России или СССР.

Вторая причина недолговечности первой Карачаево-Черкесской автономной области состоит в том, что в те годы многие лидеры народов и в самом деле верили в то, что Советская власть действительно хочет позволить народам многонациональной России строить свою жизнь согласно своим обычаям и законам, практически, а не на словах, пользоваться привилегиями автономии, а потому всячески стремились к самоопределению – т. е. к обретению для своего народа статуса отдельного, зависимого только от Центра субъекта России.

В этом смысле не были исключением и руководители народов, вошедших в состав первой Карачаево-Черкесской автономной области.

В результате этого 26 апреля 1926 года декретом ВЦИК РСФСР Карачаево-Черкесская автономная область была сформирована, а на ее основе были организованы: Карачаевская автономная область, Черкесский национальный округ, Баталпашинский округ (вскоре стал районом Армавирского округа), Зеленчукский округ (тоже вскоре стал районом Армавирского округа).

В 1925 году был организован Северо-Кавказский край, в состав которого вошли все административно-территориальные образования Северного Кавказа за исключением Дагестана, в том числе и Карачаевская автономная область.

Но на этом политико-административные изменения на территории бывшего Баталпашинского отдела не прекратились, так как сложившиеся связи между людьми за много лет существования этого округа требовали восстановления бывшего единства территории их обитания.

20 ноября 1931 года решением Центрального Исполкома СССР к Карачаевской автономной области были переданы Зеленчукский, Кардоникский, Красногорский и Усть-Джегутинский сельсоветы.

А через четыре года, в январе 1935 года, когда в Северо-Кавказском крае утверждался новый план районов, в составе Карачаевской автономной области были организованы пять районов: Зеленчукско-Карачаевский, Мало-Карачаевский, Учкуланский, Усть-Джегутинский и Хумаринский. К КАО передавалась и станица Преградная.

А в конце 1938 года решением крайисполкома к Карачаевской Автономной области переданы земли Андроновского, Ахметовского, Псебайского, Псеменовского сельских советов и хуторов Бешеный и Щелканка.

Таким образом, в границах Карачаевской Автономной области к началу Второй мировой войны была собрана большая часть земель бывшего Баталпашинского отдела Кубанской области. На западе граница Карачая выходила к реке Б. Лаба, которая являлась исторической и естественной границей «больших карачаевцев».

11. Коллективизация и раскулачивание

Уже первые два-три года хозяйничанья большевиков в стране показали, что они не способны организовать мирную жизнь страны. Безответные краснобаи, воспользовавшись бедственным состоянием народа, в котором он оказался в результате участия в совершенно ненужной войне, большевики обещали бедным, отчаявшимся людям все, о чем они мечтали веками: всем – волю, крестьянам – землю, рабочим – фабрики и заводы, солдатам и матросам – право выбирать себе командиров. И наивный народ поверил им – он восстал против всех своих прави-

телей, против помещиков и фабрикантов, против командиров и офицеров. Обеспечил победу большевикам. Но большевики не дали народу ничего из того, что обещали – народ свободу не получил, крестьянам землю не дали, рабочим заводы и фабрики не дали, солдат и матросов подчинили комиссарам.

И тогда народ рассердился. Первыми поднялись крестьяне Тамбовской и Воронежской губерний. Большевики послали туда армию – 50 тысяч красноармейцев во главе с Тухачевским. С восставшими крестьянами жестоко расправились, ссылка в Сибирь, тюрьмы. Но это не испугало других. Крестьяне поднимались повсюду – они с горечью поняли, как их подло обманули большевики. Но было уже поздно – что они, крестьяне, с вилами да с одним ружьем на десяток человек могли поделывать? И везде крестьянские бунты подавлялись с особой жестокостью, дабы застрашивать других. Так «народная власть» загоняла народ в тиски жестокой диктатуры. Диктатуры группы авантюристов, которые и представления не имели о том, насколько это тонкая и сложная работа – управлять государством. Они умели лишь стрелять, бросать бомбы, сжигать и при этом говорить высокопарные слова о свободе, равенстве и братстве.

И поверивший им народ прогнал царя, помещиков и богачей. Но от этого он не стал жить лучше, а наоборот – жить стало хуже во сто крат. И тогда народ поднялся и взялся за вилы. Но регулярную армию в XX веке вилами одолеть невозможно. И по всей стране расстреливали, сажали в тюрьмы, ссылали в Сибирь недовольных, взбунтовавшихся крестьян.

О том, что большевики обвели вокруг пальца всех, в том числе и их, красноармейцев и краснофлотцев, чьи родители, братья и сестры голодали и умирали в разоренных деревнях, поняли, наконец, и они. И тогда восстал Кронштадт – гордость Октябрьской революции. Чего же требовали военные моряки? Они требовали то, за что и проливали кровь во время Октябрьской революции и Гражданской войны – они требовали свободы и справедливости: свободу слова, печати, землю крестьянам, свободу торговли и т. д.

Прочтите этот документ – крик души обманутых большевиками людей – Резолюцию Временного революционного комитета восставшего Кронштадта:

«Всем крестьянам, рабочим, морякам и красноармейцам!

Товарищи и граждане!

К населению Петрограда!

В Кронштадте 2 марта 1921 года на основании воли широких народных масс моряков и красноармейцев власть в городе и крепости от коммунистов перешла без единого выстрела в руки Временного революционного Комитета. Предстоит произвести выборы в Совет на основании тайных выборов. Вывести страну из разрухи сможете только вы совместно с моряками и красноармейцами...

Коммунистическая партия осталась глухой к вашим справедливым, идущим из глубины души, требованиям.

Рабочие, моряки и красноармейцы, установите между собой прочную, непрерывную связь.

Не поддавайтесь нелепым слухам, что будто в Кронштадте власть в руках генералов и белых. Это неправда. Вы, товарищи, давно уже ждали новой жизни, ждали безнадежно. Так создавайте же ее сами.

Власть Советам, а не партиям. На горьком опыте 3-летнего властвования коммунистов мы убедились к чему приводит партийная диктатура...

Вот почему на знамени восставшего Кронштадта написан лозунг: «Вся власть Советам, а не партиям!»

Между прочим, Временный Ревком восставшего Кронштадта не хотел кровопролития, а хотел лишь, чтобы Советская власть поистине стала советской, народной, т. е. такой, за которую и проливал свою кровь народ во время революции и Гражданской войны. Но, как известно, невежды и самодуры не любят, когда хотят их поправить, пусть даже и очень им близкие люди, которые желают им добра. Точно также поступает и невежественная, амбициозная власть, а власть большевиков таковой именно и была. И никогда она не прислушивалась ни к чьим советам, в том числе даже и к советам видных коммунистов, коль они предлагали что-то более разумное, чем то, что делалось.

Не прислушалась большевистская Советская власть и к разумному совету восставшего Кронштадта, а наоборот, считала революционных моряков своими злейшими врагами.

Подавить мятеж кронштадцев поручалось самому тому, на есть ярому коммунисту того времени – Троцкому. Погубив тысячи людей, Советская власть с большим трудом победила восставшую крепость – настолько правда, бывшая на стороне моряков, увеличила их силу и во столько же раз она ослабила силы большевиков. И опять расстрелы, тюрьмы, ссылки в Сибирь. Время, когда большевики правили страной именно так, как хотели и могли – время насилия, расстрелов и совершенной анархии, когда везде и повсюду властью и законом были лишь комиссар и его маузер, именуемый в исторической литературе временем «военного коммунизма» и показало, что шайка авантюристов-большевиков совершенно неспособна управлять страной. Но тем не менее большевики ни с кем не хотели делить власть, – ни с партиями, с которыми они вместе делали Октябрьскую революцию, ни с народом. Меншевиков, кадетов и эсеров, верных своих союзников, они расстреляли, отправили в тюрьмы и в Сибирь. Власть у Советов (у народа) отобрали и оставили их лишь как вывеску, к тому же и их прибав к своим рукам.

Страшась, что страна вновь может оказаться ввергнутой в пропасть неуправляемой стихией народного гнева, большевики

поспешили принять совет меньшевиков, данный им еще летом 1919 года под названием «Что делать», но сделали вид, что до этого – до принципов Новой экономической политики – они додумались сами.

И в этот один-единственный раз, когда большевики приняли разумный совет, пусть даже и сделав вид, что до этого они дошли своим умом, все убедились, что в нашей стране тоже возможна нормальная жизнь, если правители хоть чуточку будут нормальными.

НЭП был введен в момент жесточайшей разрухи и голода, куда привели страну большевики с маузерами, – в 1921 году, и уже через год-два сказались результаты. Миллионы крестьян, получивших право на продажу излишков хлеба, уже в 1923 году наполнили рынки городов дешевыми продуктами и товарами. А к 1925 году – хотя в это и трудно поверить – страна фактически восстала из руин войны и разрухи: экономика достигла уровня довоенного – 1913 года.

Несмотря на явные успехи НЭП вскоре началась борьба за ее отмену. Кто же был против? В первую очередь чрезмерно разросшийся партийно-государственный аппарат. Начальники-большевики привыкли приказывать, махать маузерами и пугать тюрьмами. НЭП не позволяла им этого делать. НЭП уменьшила число дармоедов-чиновников. НЭП требовала грамотного, умелого, тактичного отношения к экономике со стороны государства, а среди руководителей-большевиков хороших специалистов, уважающих законы и порядки рынка, да и просто вежливых людей практически не было, а потому НЭП и государство стали антагонистами.

Во-вторых, годы процветания НЭПа, само собой понятно, стали годами новой волны подъема люмпенской идеологии, когда беднейшие слои общества во всех своих бедах винят более богатых. А очень богатых – ненавидят люто. А рыночные отношения без конкуренции не бывают. В том числе и среди работников. Не умелых, ленивых, не желающих учиться новым методам и технологиям вытесняют с рынка труда хорошие специалисты, энергичные и быстро осваивающие новые виды работ, необходимые на производстве. Отсюда и безработица, и недовольство многих.

Но главное все-таки было то, что НЭП отвергала большевистские принципы руководства – приказы и команды, она требовала свободы действия и свободы рынка. А какие коммунисты-большевики на это пойдут? Таких большевиков нет, не было их и в России в конце 20-х годов. И НЭП потихоньку был задан. Опять пошли команды и приказы. И для крестьян, и для рабочих, и для ученых...

Кабарда и Балкария, хоть и были глухими дальними окраинами величайшей в мире империи, но все-таки были ее окраинами, ее частями. А потому и здесь все делалось так же, как и в центре, но с одной лишь разницей – если в Петрограде и в Моск-

ве вожди большевиков хоть чуть-чуть ограничивали свою бурную деятельность в присущей им области – в грабежах, убийствах и всяческих насилиях, – в связи с тем, что там все-таки были и другие партии, и больше было интеллигентов, всегда являвшихся в основной своей массе не сторонниками радикальных мер, то на местах вожди большевиков были ничем не ограниченными царьками-диктаторами. И чаще всего – безграмотными, завистливыми и жестокими.

Таким вождем большевиков в Кабардино-Балкарии и был Бетал Калмыков. Все его образование – это два года учебы в медресе селения Куба, где он родился в бедной крестьянской семье. Он пытался поступить в железнодорожное училище в гор. Екатеринограде, но его, неграмотного, туда, конечно, не взяли.

Повзрослев, увлекся революционными идеями. Был активным участником Гражданской войны – командовал красной кабардинской кавалерийской дивизией.

После установления Советской власти ему удалось прибрать всю власть в области к своим рукам и он стал жестоким диктатором.

Безграмотный невежда, он люто ненавидел всех интеллигентных и культурных людей. Утвердившись во власти, он, как и его «друг» и духовный отец Сталин, начал безжалостно уничтожать всех в своем окружении, кто был умнее, грамотнее, интеллигентнее его, кто со вкусом и опрятно одевался. А так как в области, а потом и в республике более безграмотных невежд чем он сам было не так уж и много, то репрессии, начатые им сразу же – уже в середине 20-х годов – не прекращались до самого его ареста в 1938 году.

Первыми жертвами, само собой разумеется, стали самые грамотные, умные и интеллигентные люди из его окружения, а также их родственники. Среди балкарцев – это Исмаил Абаев, его отец Мисост Абаев, Юсуф Настуев и Магомет Энеев. Исмаил Абаев – за то, что был с высшим образованием и честным, не сумел стать подхалимом, а еще происходил из княжеского «чуждого» рода. Первый историк Балкарии Мисост Абаев – за то, что был князем, отцом интеллигентного, но никак не умеющего юлить перед бездарным начальством Исмаила. Юсуф Настуев – за то, что был и умнее, и грамотнее, и авторитетнее Калмыкова. Магомет Энеев – тоже за то, что был и умнее, и грамотнее Калмыкова, был честным, да еще был интеллигентным и опрятным. К тому же без его, Калмыкова, разрешения посмел работать в северокавказских краевых органах.

Калмыков повсюду в районах и селениях насаждал начальниками таких же, как и он сам, малограмотных, жестоких и завистливых людей. И те, в свою очередь, тоже очищали балкарские и кабардинские села от уважаемых, грамотных, культурных и просто опрятно одевающихся людей. Дело дошло до того, что люди специально стали одеваться неряшливо, чтобы не по-

пасться на глаза завистливого комиссара. Беспричинные аресты, конфискации имущества и скота, ссылки в Сибирь стали обыденным делом – они случались каждый день в каждом селе. И в особенности после начала сплошной коллективизации, когда тысячи и тысячи крестьян, сумевших обеспечить своим семьям безбедную жизнь, пусть даже и не богатую, а просто безбедную жизнь, были объявлены кулаками и врагами народа и Советской власти. Власти, то есть большевики, фактически любого человека могли арестовать в любое время, объявив его или кулаком, или выходцем из «чуждого элемента (княжеского происхождения)», или же просто врагом народа, а на худой конец – и подкулачником).

12. Сын кулака и враг народа – Герой Социалистического труда (Шохайб Келеметов)

Казалось бы, что те немногие из людей, чудом оставшихся в живых после того как их, назвав кулаками и врагами народа, с таким остервенением топтали и уничтожали большевики, должны были возненавидеть не только Советскую власть и эту страну, но даже и всех людей, ставших безропотными овцами, а также и весь белый свет.

Разумеется, говорить, что чем более их мучила страна, тем сильнее разгоралась в них любовь к ней, было бы неверно, но так же было бы неверно утверждать, что все раскулаченные и сосланные ожесточились настолько, что, словно волки, не могли уже и жить-то по-человечески.

Наоборот, эти люди, понимая жизнь и суть происходящего более реально и глубже чем все остальные, усердно хлопающие в ладоши своим новоявленным помещикам и палачам, жили более по-человечески: сами страдающие, они понимали всю глубину беды, постигшей народ, и всячески сочувствовали людям, живущим рядом с ними, коли наставал их черед нести большевистский крест – если из-за какого-нибудь пучка колосьев отчаявшуюся мать пятерых детей отправляли на Магадан, или из-за неосторожно оброненного слова среди друзей в адрес «вождя народов» народный учитель переселялся на Колыму, откуда редко кто возвращался.

И во многих случаях именно они, «кулаки и враги народа», сосланные на чужбину, проявляли чудеса жизнелюбия и крепости духа, веры в будущее и в справедливость, и, показывая пример всем «строителям коммунизма», работали на стройках и в колхозах так, что даже Советская власть, забывшись, восхитенно приглашала их к почетному президиуму и награждала самыми высокими наградами. Это просто смех и горе – Советская власть иногда удостаивала высших наград людей, которых всячески растаптывала и уничтожала! Такое происходило

не только с учеными, чьи имена известны всему миру, но, что более всего и удивительно, и с простыми людьми. Если скажем, гениальный авиаконструктор, то его талант, хоть он и в тюрьме, надо использовать, что и делалось, потому что другого такого в стране более нет.

И награждать его приходилось – чтобы продолжал свое дело. А чего, спрашивается, возиться с простым человеком, с полуграмотным кулаком, отец которого был так глупо трудолюбив и опрометчиво смекалист, что всего за десять лет до Октября стал зажиточным, как сам помещик? Или с тем же бием, которого в документах царских времен величали князем, но который в момент высылки был простым пацаном десяти лет, а потом, когда подрос, стал обычным трактористом? Да пусть хоть пупы у них развяжутся от того, что от зари и до зари работают на колхозном поле где-нибудь в Сибири или в Средней Азии, не обращать внимания – и все! Пусть даже околеют, работая в поле, – и то не следует на них обращать внимания. А как же иначе – они же кулаки, враги народа, кровопийцы-князья!

Конечно же, так и было повсюду. Тысячи и миллионы смекалистых крестьян, которых стали называть кулаками, и на новых местах, куда их выслали, лишив всего имущества, не могли работать вполсилы, как привыкло большинство населения России, а потому быстро встали на ноги. И везде они фактически были лучшими работниками колхозов и совхозов. Не потому, конечно, что они хотели своим трудом выслуживаться перед властью и заслужить прощенья, они прекрасно понимали, что эту власть ни чем не проймешь и не разжалобишь, – а просто не могли жить и работать иначе, так, как все – кое-как, помаленьку.

Местные начальники, разумеется, прекрасно понимали, что ни «кулаков», ни «врагов народа», ни их подросших и прекрасно работающих детей, каких бы успехов они не добивались, к государственным наградам представлять не следует.

Иначе тебя самого вполне могут «наградить» Колымой – не будешь восхвалять всякий «вражий элемент». А потому самой большой наградой для «этих» могло быть: отрез на платье, Почетная грамота, портрет на Аллее почета, денежная премия, благодарность в связи с юбилеем Октября...

Но были и такие случаи, когда местное начальство оказывалось ослепленным действительно героическим трудом этих ссыльных настолько, что на время забывало о том, что они «враги», и отправляло наверх бумаги, где просило самой высокой награды для героя, работающего у него под рукой. Следует обязательно отметить следующее: местное начальство могло забыть, но могло и «забыть» – т. е. секретарь райкома, обкома партии, первый секретарь ЦК Компартии союзной республики мог прекрасно знать, кого именно представляет к высокой государственной награде, но, будучи человеком умным и не со-

всем еще лишенным чувства справедливости – редко, конечно, но и тогда попадались такие люди в высших эшелонах власти, – «не обращал внимания», «вовсе и не задумывался» над тем, кто в прошлом был представленный к награде человек. И тогда происходило чудо: ссыльный, который даже официально считался врагом Советской власти, из рук этой же власти получал самую высшую ее награду.

Именно такое чудо и случилось в мае 1948 года в Казахстане. Указом Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик от 17 мая 1948 года руководителю механизированного звена по выращиванию сахарной свеклы совхоза «Мерке» Талды-Курганской области Казахстана Шохайбу Исмаиловичу Келеметову было присвоено высокое звание «Герой Социалистического Труда» с вручением медали «Золотая звезда» и ордена Ленина.

А ведь Шохайб был сыном «врага народа» – чегемского князя Исмаила Келеметова, который сам был арестован, а его семья в 1936 году выслана в Казахстан. Разумеется, что все вражеские отношения сына Исмаила Шохайба к народу заключались в том, что он посмел родиться в княжеской семье, в чем, само собой понятно, он был абсолютно не виновен. Но был наказан – антинародная Советская власть, назвавшая себя народной, обобрала до последней нитки весь род Келеметовых, Исмаила и других взрослых мужчин отправила на Колыму, где они и сгинули, а их семьи – в вечную ссылку в Среднюю Азию.

Шохайб повзрослел в Казахстане, выучился на механизатора и вскоре стал передовым рабочим в своем совхозе.

Руководителям совхоза нравился этот высокий молодой и необычайно трудолюбивый кавказский парень, что они порой забывали о том, что он сын бия и ссыльный. А парень все больше и больше загорался мечтой – вырастить самый богатый урожай сахарной свеклы, основной культуры, которую выращивали. А о чем еще мог мечтать бесправный ссыльный – не об университете и министерских должностях же! И с каждым годом там, где работал Шохайб, получали самый хороший урожай в совхозе.

И вот в 1946 году происходит интересное событие, возможно, даже впервые в СССР, – в совхозе «Мерке» было создано отдельное, не подчиненное какой-либо бригаде, механизированное звено по выращиванию сахарной свеклы. И возглавил это звено ссыльный балкарец, князь Шохайб Келеметов. И еще – абсолютное большинство механизаторов в звене составляли официальные «враги народа» – ссыльные и репрессированные карачаевцы, балкарцы, немцы, калмыки, русские, украинцы. В звене были и местные – казахские парни.

Днем Шохайб учил своих товарищей тому, что знал сам, а сам учился ночами – читал все, что находил о механизированной работе в поле, об урожайности сахарной свеклы и т. д.

В характеристике на Шохайба, написанной в те годы, гово-

рится: «В 1946 году по инициативе Келеметова в совхозе «Мерке» было организовано механизированное звено по выращиванию сахарной свеклы. Благодаря умелому руководству звеном, мастерскому использованию техники, а также правильному соблюдению правил агротехники, порою и улучшению этих правил, Келеметов и его товарищи из года в год выращивают высокие урожаи сахарной свеклы».

Известно, что в эти первые послевоенные годы механизация сельхозработ только-только начиналась, и людей, скептически относящихся к тому, что с помощью машин можно не только пахать и бороновать, но так же удобрять поля и бороться с сорняками, было предостаточно, в том числе и среди руководителей, большинство из которых были малограмотными практиками. Но звено Келеметова, преодолевая все преграды своими успехами, из года в год уверенно собирало высокие урожаи. Уже в первый же год своей организации звено вырастило рекордный урожай свеклы. За что и были награждены ценными подарками все члены звена. Конечно, то, что их имена, имена ссыльных парней, с благодарностью произносилось руководителями совхоза и района, еще больше вдохновляло Шохайба и его товарищей.

Разумеется, поздними вечерами ссыльные балкарцы, карацаевцы, немцы, парни других репрессированных национальностей вспоминали и свои родные края, рассказывали друг другу о красоте отчих земель. И всякий раз с обидой говорили о том, что родная страна обошлась с ними жестоко и несправедливо, ни с того ни с сего обвинив их в несовершенных преступлениях. И тогда некоторые говорили сгоряча: «Раз страна обошлась с нами как с нелюбимыми пасынками, мы тоже, если по-справедливости, должны были относиться к ней как к мачехе – делать ей одни пакости!» Тогда Шохайб обычно говорил, печально-снижительно улыбаясь: «Но мы же – люди. Разве не бывает так – у взбалмошной женщины подрастают прекрасные, нормальные ребята, и порой она, сгоряча или сдуру, побьет кого-нибудь из них. Ну и что? Разве ее сын, обидевшись, может делать ей что-то пакостное? Нет, если даже мать и сто раз неправа, сын не имеет право сознательно делать ей плохо, а тем более поднять на нее руку. Так и мы – не имеем право обижаться на страну, на Родину. С нами плохо обошлись плохие люди, а не Родина, не страна.

А мы, назло этим плохим людям, которые толкнули страну на эту несправедливость, будем работать лучше остальных, и таким образом докажем всем, что мы вовсе и не хуже остальных. А даже и лучше!»

И ребята, в конце концов, соглашались с ним. Иной, более разумной, дороги у них и не было.

К тому же директор совхоза Холодов и главный агроном Бабкин всячески помогали и поддерживали ребят передового механизированного звена, вовсе и не обращая никакого внимания на то, что и руководитель звена, да и большинство его товари-

щей – репрессированные и ссыльные. А разве можно не отвечать добром на добро?

Нет, конечно. Надо было «не подводить» хороших людей, надо было так работать, чтобы и им было приятно...

Осень 1946 года. Урожай собран, отшумели поздравления, пожелания. Казалось бы, можно и отдохнуть до весны, до начала работ за новый урожай. Такое могли себе позволить многие, но только не Шохайб и его товарищи. Они уже знали, что за хороший урожай будущего года надо начинать бороться уже осенью этого года. Шохайб и его товарищи, на удивление многим, чтобы хоть немного отдохнуть после сбора урожая, тут же ввязались в новое дело – стали вывозить на свое поле навоз из совхозных ферм. Торопились – осень может выкинуть такой фокус, что потом не особенно-то и разъедисься. И вновь, как и летом, работа от зари до зари. За короткий срок сумели сделать то, что и намечали – вывезли и рассыпали по полю по 30 тонн органических и по 3 центнера минеральных удобрений в расчете на каждый гектар. Потом – обильный полив. А когда почва подсохла, чтобы можно было пахать – вспахали. И вскоре хорошо удобренную, напоенную и вспаханную землю укрыл первый снег...

И только тогда «отдохнули» Шохайб и его товарищи – т. е. стали работать как и остальные: в восемь приходили в мастерскую, ремонтировали свои механизмы, а в пять часов возвращались домой. И отдыхали, пили чай, беседовали. Иногда жена Шохайба Рагиба готовила царское для того времени угощение – хычины. И вновь вспоминали Кавказ и родные горы.

Первые послевоенные годы – это годы небывалого героизма советского народа по восстановлению разрушенного фашистами народного хозяйства в европейской части СССР и дальнейшему его развитию на остальной территории страны. Никакие беды и невзгоды не могли сломить мощный дух народа, победившего сильнейшего врага. Радость победы была настолько большой и сильной, что даже люди голодные и истощенные, коих было абсолютное большинство, и то шли на работу радостные, с песнями.

В феврале 1947 года состоялся очередной пленум Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), который призвал коммунистов, всех советских людей на самоотверженный труд по восстановлению и развитию народного хозяйства. Время было такое – каждое звено, каждая бригада, колхоз и совхоз, завод и фабрика, и даже научно-исследовательский институт и конструкторское бюро брали по такому случаю повышенные социалистические обязательства по зову партии.

Взяли такие обязательства и Шохайб со своими товарищами. Они обязались вырастить в среднем по 700 центнеров сахарной свеклы с каждого гектара закрепленной за их звеном земли. Это было что-то невероятное. Никто не верил в то, что

звено сможет сдержать данное слово и собрать столь фантастический урожай. Все знали, что так бывает – пряткие передовики, которых за уши тащили в стахановцы, брали высокие обязательства, говорили громкие слова, а потом все это забывалось. Келеметов и его товарищи, думали многие, тоже одни из таких дутых стахановцев, – само собой, мол, разумеется, что они не смогут выполнить свои обязательства. 500 центнеров с гектара – это был предел, к чему стремились уже организованные к тому времени многие механизированные звенья колхозов и совхозов.

Настала весна 1947 года. Она пришла как-то неожиданно быстро. Зима поспешно отступала, лишь по оврагам да в зарослях камыша оставляя грязные, не успевшие оттаять сугробы. И сразу же опять пошла все та же круговерть – жизнь в согласии со святым Солнцем: вставай вместе с Солнцем, работай неустанно весь день, как и Солнце, и отдыхай и спи, когда на отдых уходит и Солнце. Все дни, как близнецы, были похожи друг на друга. Шли дни, и как бы само по себе на поле делалось все, чему и положено было: бороновалась почва, чтобы уничтожить молодые ростки сорняков да сохранить влагу, засеивалось поле похожими на маленькие ежики семенами свеклы, прореживались ростки в рядах, чтобы взрослым свеклам потом не было тесно, уничтожались сорняки в междурядьях.

Не успели Шохайб и его товарищи прийти в себя от весенней напряженной работы, как в ровных рядах плантации, тесня друг друга, выросли крупные свекольные корни. Лето, оказывается, было уже на подходе. В это время, конечно же, свекле нужна была только вода. И все ребята звена стали поливальщиками. Аккуратно, по-маленьку, чтобы вода не бежала, а шла потихоньку, проникая вглубь, поливали грядки. Большой частью ночью, так как вода, говорили, в жаркое время не очень-то утоляет жажду земли... Еще задолго до сбора урожая зачастили гости со всей округи на поле звена Келеметова – все хотели своими глазами увидеть то самое поле механизаторов из совхоза «Мерке», о котором говорили повсюду.

И вот настала осень. Собрали урожай, подсчитали. Оказалось, что вырастили гораздо более богатый урожай, чем обещали – по 830 центнеров с гектара! Такого богатого урожая еще никто не выращивал!

Все бумаги, как и положено, были чин-чином оформлены и посланы в Москву. Только в этих документах, разумеется, совсем и не заикались о том, что лучший звеновод-свекловод страны был «врагом народа» и «классовым врагом пролетариата» – ссыльным князем из Чегемского ущелья Балкарии. И 17 мая 1948 года вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении Шохайбу Исмаиловичу Келеметову высокого звания «Герой Социалистического труда» с вручением ему Золотой Звезды героя и ордена Ленина.

Это, конечно же, был миг торжества справедливости. Но, к великому нашему сожалению, такие моменты – минуты торжества правды и справедливости – в нашей стране были слишком уж редки.

Конечно же, этот год был счастливым годом. Но до самой своей заветной мечты – увидеть хотя бы краешком глаза родную Балкарию и ее горы – ему не суждено было дожить. Он умер в 1952 году в Казахстане и там же похоронен. Пусть пухом будет ему казахская земля, ставшая для него второй родиной. Но обидно, что его родина – Балкария совсем забыла своего славного сына, прославившего ее имя в самые тяжкие для нее годы ссылки и бесправия.

Ни одна улица, ни одна школа и даже ни одна колхозная бригада не названа его именем.

Вот такой мы народ – мы не уважаем свое прошлое, не ценим настоящее, не думаем о будущем. А еще хотим, чтобы люди нас уважали.

Герой Советского Союза
Алим Байсултанов

2

Часть

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ВОЙНА 1941–1945 гг.**

Герой Советского Союза
Мухажир Уммаев

1. Мир и СССР перед Второй мировой войной

Прошло только 15 лет со времени окончания Первой мировой войны, а в Европе уже сложилась такая ситуация, что новая большая война практически стала неизбежной. Главными очагами напряженности стали фашистская Германия и коммунистический СССР.

Недаром многие политологи отмечают, что крайние течения как правых, так и левых в конечном итоге приводят к одному и тому же – к тоталитарному режиму, когда диктатура контролирует в стране все стороны жизни, вплоть до семейных отношений. Такие именно режимы установились в Германии и в России. Но в то же время режимы в этих странах резко отличались друг от друга в главном – в официально провозглашаемых идеологиях. Хотя и в Германии, и в СССР официально власти провозглашали, что их целью является строительство такого общества, где народ будет жить счастливо и в достатке (такие же цели, как известно, провозглашал еще Чингиз-хан!), но идеологические основы их были разные.

Для мобилизации нации, динамического развития хозяйства и быстрой психологической подготовки народа к предстоящим неординарным действиям правительства (вступление в войну) с целью достичь поставленных задач (счастливая, обеспеченная жизнь народа) идеология Гитлера и его окружения – нацизм – оказалась более действенной, чем идеология Сталина и коммунистов.

Нацисты Гитлера говорили немецкому народу – мы, германцы, трудолюбивая, дисциплинированная нация, таких, как мы, на земле не так уж и много. Но народы, окружающие нас, из-за зависти к нашему уму, к нашему умению хорошо работать и хорошо жить, объединились и победили нас во время Первой мировой войны. Они хотят, чтобы мы вечно стояли на коленях! Не будет этого! Мы добьемся того, что положено нам по природе – мы станем ведущей нацией мира! Идите за нами и мы поднимем вас с колен! И вы будете не рабами, а господами!

И как некогда монголы пошли за Чингиз-ханом, так и в середине XX века немцы пошли за Гитлером. И он действительно выполнял свои обещания – вскоре Германия, оскорбленная и придавленная Версальским договором, разорвала фактически его пути и встала с колен – она стала самым мощным и динамично развивающимся государством Европы, да, пожалуй, и всего мира.

В СССР, другой хищнической тоталитарной стране мира, идеология была несколько иной. Коммунистическая идеология обещала рай земной не завтра-послезавтра, как нацизм в Германии, а лишь в далеком будущем, когда в большинстве веду-

щих стран мира победит социализм, а потом только, мол, человечество приступит к строительству коммунизма. А пока от народа требовалось работать не покладая рук на коммунизм.

Разумеется, нацизм в Германии нанес ощутимый удар по интеллекту страны, так как тысячи и тысячи людей «не арийской расы» – евреи в основном – были отправлены в концлагеря и многие из них погибли. Но он же явился и цементирующей нацию силой.

Но большевистская идеология, которая объявила своими врагами практически все слои общества кроме батраков и люмпенпролетариев, в корне подрывала основы единства народа и общества. В обществе всегда будут люди более умные, более ученые, более предприимчивые, чем все остальные. И если сегодня арестовать всех этих умных, ученых и предприимчивых людей, объявив их врагами народа, кадетами, троцкистами и тому подобными «чужими элементами», то завтра вместо них все равно появятся другие, которые опять же будут выделяться из общей рабоче-крестьянской толпы своей смекалкой, грамотностью и деловитостью. И, конечно же, они будут и жить лучше, и есть лучше, и одеваться лучше, чем многие другие. Опять их, «спекулянтов, хапуг и империалистических агентов» придется арестовывать, ссылая в Сибирь.

Так, Советская большевистская тоталитарная диктатура и не дала народу страны пожить спокойно хотя бы 5–10 лет перед началом смертельной схватки СССР и Германии, этих двух динозавров XX века в Европе. Репрессии в СССР тянулись вплоть до самого начала войны. И постоянно в тюрьмах и ссылках оказывались лучшие люди страны, более грамотные специалисты, более разумные политики, более даровитые полководцы.

А перед самым началом войны немецкой разведке ничего не стоило натравить подозрительного и вечно боящегося заговоров Сталина на военное руководство страны. В результате этого к началу войны практически все руководство Красной Армии было репрессировано.

Так, жертвами Сталина стали:

из 5 маршалов – 3

из 5 командармов I ранга – 3

из 10 командармов II ранга – 10

из 57 командиров корпусов – 50

из 186 командиров дивизии – 154

из 16 армейских комиссаров – 16

из 26 корпусных комиссаров – 25

из 64 дивизионных комиссаров – 58

из 456 полковников – 401.

Среди расстрелянных был и маршал Тухачевский, который придерживался иной точки зрения на строительство армии, чем сам Сталин и его любимчики Ворошилов и Буденный. Тухачевский считал, и, конечно же, совершенно верно, что в новых условиях ядро армии должны составлять мощные механизированные части, танковые соединения, а не кавалерия. А потому и предлагал сократить расходы на кавалерию, увеличить ассигнования на механизацию армии, на строительство танков. Таким образом, Тухачевский смел иметь иное мнение, чем легендарные Буденный и Ворошилов, к тому же был неприлично высокообразованным, опрятным и красивым. Короче, он не был похож на всех, ну, хотя бы на народных маршалов. И, естественно, стал «агентом империализма», «врагом народа» и был расстрелян. А вслед за ним и все те, о которых сказано выше. В результате к началу Второй мировой войны СССР пришел с запуганным народом, люто ненавидевшим тиранию большевиков, и с обезглавленной по сути армией, неспособной умело вести боевые действия.

Сталин, Ворошилов, Буденный, Калинин – эта кучка безграмотных невежд, каждый более всего озабоченный личной своей безопасностью, чем судьбой страны, в международной сфере творили такие же глупости и преступления, как и внутри страны. Конечно, много от них, понимающих жизнь лишь только как победы и поражения, захват и присвоение, и ожидать не следовало.

И в то время, когда почти весь мир, поняв, что подстегнутый наркотиком наглого национализма гитлеровская Германия представляет огромную опасность для всего человечества, делал все для сплочения стран, не поддавшихся под влияние фашистских режимов Гитлера и Муссолини, СССР и Сталин начинают сближаться с Германией, с Гитлером.

Англия и Франция, после долгих и безуспешных усилий убедить СССР, что Германия – это агрессивная страна, и для того, чтобы остановить агрессора необходимо объединение всех миролюбивых держав, решили действовать по-другому. Они пришли к выводу, что лучше одного сумасшедшего натравить на другого, чем драться с одним и уговаривать другого. В результате появилось Мюнхенское соглашение, которое в советской исторической литературе получило название «Мюнхенский сговор». Конечно, это действительно был сговор, так как действие договора было направлено против страны, не участвовавшей в этом соглашении – против Чехословакии. В сентябре 1938 года премьер-министр Великобритании Чемберлен, премьер-министр Франции Даладье с одной стороны, Гитлер и Муссолини с другой стороны, подписали соглашение, по которому Судетская область Чехословакии, где большую часть населения составляли немцы, должна была отойти к Германии. Это соглашение явилось мощным действием западных стран, в результате которого им удалось развернуть германского хищника мордой на

восток, а Судетская область стала как бы куском мяса, после которого Германия должна была кинуться далее на восток в поисках новой добычи. Так вроде бы и случилось – через шесть месяцев у германского хищника вновь разыгрался аппетит, и он проглотил всю Чехословакию, которая, кстати, имела достаточно большую армию, чтобы дать отпор фашизму. Но чехословацкое общество не было идейно мобилизовано для этого. Чемберлен и Даладьё радовались, уверенные, что теперь-то Германия точно набросится на другого хищника, пока что притворившегося мирным спящим медведем – на СССР.

Но гитлеровская дипломатия оказалась хитрее и советской, и франко-английской дипломатии. Риббентропу, министру иностранных дел Германии, удалось обыграть всех своих основных соперников и достичь почти всех целей, стоявших в то время перед ним. Ему удалось переманить СССР от лагеря противника в свою сторону. Это была победа над дипломатами Франции и Англии, которые не смогли удержать СССР на антигитлеровской позиции. Эта была победа и над советской дипломатией, так как сближение с Германией было для СССР роковой ошибкой. Так как в результате этой иллюзорной дружбы с Германией Советский Союз резко уменьшил реальные силы антифашистского лагеря и придал наглости и самоуверенности фашистской Германии.

Но в то же время следует отметить, что договор о дружбе и ненападении между Германией и СССР, подписанный в Москве Риббентропом и Молотовым, министрами иностранных дел двух стран, вполне соответствовал хищническому, звериному духу режимов этих стран. Согласно тайному протоколу этого договора, эти два хищника договорились вместе разорвать на части и съесть те страны Европы, которые оказались между ними. Согласно этой секретной договоренности, СССР достались восточные части Польши, Чехословакии, Румынии, а также Прибалтика и Финляндия. Германскому хищнику давалась воля действовать по его собственному усмотрению в остальной части Европы. И он не стал долго ждать. 1 сентября в 4 часа 45 минут 1939 года Германия напала на Польшу. На Польшу была двинута армия в 58 дивизии.

Польская армия была значительно слабее германской, и, несмотря на ее героическое сопротивление, уже 8 сентября немецкие войска прорвались к окрестностям Варшавы. Целых 20 дней – с 8 по 28 сентября – героически оборонялась столица Польши Варшава, хотя правительство убежало в Румынию еще 17 сентября.

Польша еще дралась, стояла насмерть Варшава, когда совершенно неожиданно с востока на израненную Польшу напал другой хищник – СССР. Оба хищника, согласно договоренности, разорвали Польшу пополам.

Тем временем союзницы Польши Франция и Англия объявили войну Германии.

Время нападения Германии на Польшу – 1 сентября – считается началом Второй мировой войны, так как за этим сразу же, уже 3 сентября, страны антифашистского лагеря – Франция, Англия, Индия, Канада, Австралия и другие страны вступили в войну. Так началась Вторая мировая война.

А Сталин в Кремле потирал руки, он думал, что задушит империалистов руками самих же империалистов. А пока на полях Европы «враги мирового пролетариата» убивали друг друга, Сталин решил потихоньку начинать прибираться к рукам «свои» куски от разбитой Европы.

Не зная как «придраться» к Финляндии, Сталин просто предложил ей «уйти» подальше от Ленинграда, дать в аренду СССР полуостров Ханку у входа в Финский залив и т.д.

Финляндия не хотела удовлетворять все наглые требования Сталина, и Сталин объявил войну Финляндии. 30 ноября 1939 года войска Ленинградского военного округа перешли советско-финляндскую границу. Так началась Финская война.

Основу укрепления финнов по границе с СССР составляла так называемая «линия Маннергейма» (кстати, названная в честь бывшего отважного русского генерала во время Первой мировой войны, а теперь генерала финской армии), которая была хорошо подготовлена к войне. Советское командование рассчитывало завершить разгром финской армии в 2–3 недели. Но оказалось вдруг, как это часто у нас бывает, что советские полководцы не очень-то умело могут водить полки, а бойцы «всегда готовые», тоже не очень-то готовы умело воевать. В результате советские войска понесли большие потери, и война затянулась аж до самой весны.

12 марта правительство Финляндии, оказавшись под угрозой прорыва советских войск к центральным районам страны, было вынуждено подписать мирный договор с СССР. Советский Союз добился всего, что требовал от Финляндии.

Нападение СССР на Финляндию показало всему миру агрессивную сущность режима Сталина. СССР, как и Германия, Италия и Япония, был исключен из Лиги Наций как страна-агрессор.

Но это, конечно же, мало волновало Сталина.

Какой огромный вред приносит стране и народу жестокий и хищнический режим Сталина видно на этом «военном» примере. Германия, разгромив и оккупировав почти всю Западную и Центральную Европу, потеряла убитыми 40,5 тысяч человек. А Советский Союз, чтобы только «оттолкнуть» Финляндию, эту небольшую болотистую страну, хоть на немного от Ленинграда, воевал всю зиму и потерял 72 тысячи человек.

Это была дорогая цена за тупость и самоуверенность и руко-

водства страны, и бездарных наших прославленных (самими собой!) полководцев.

И даже этот горький опыт ничему не научил руководителей СССР, в том числе и военных руководителей. Ничего удивительного в этом и нет. В силу своего невежества как в управлении государством, так и в командовании – безграмотные, но «осененные» безграничной гордыней горе-политики Сталин и Калинин, такие же безграмотные, но «прославленные» маршалы Ворошилов и Буденный, по уровню своего военного развития так и оставшиеся унтер-офицерами, высшее советское политическое и военное руководство просто было неспособно к анализу происходящих событий и к соответствующим действиям. У них ведь высшим достижением считалось разгромить, захватить. Вот они и громили, и захватывали. И были очень даже довольны собою. А какой ценою делались эти захваты и разгромы, нужны ли были они вообще – это их не касалось. А потому они продолжали то, к чему они и были приучены.

В 1940 году СССР захватил и присоединил к себе прибалтийские государства – Латвию, Литву, Эстонию, сделав их советскими союзными республиками. А так как народы этих стран теперь стали советскими, то и они не были обойдены «отцовской заботы» Сталина – десятки тысяч лучших их сыновей и дочерей были репрессированы: расстреляны, сосланы в лагеря и в ссылку как кулаки, враги Советской власти и буржуазийные националисты. Часть людей из этих стран сумела убежать на запад.

Репрессии обрушились и на жителей присоединенных к Украине и Белоруссии областей Польши, и здесь тоже часть жителей (каждый пятый) убежала в западную часть Польши.

Потом СССР отобрал у Румынии Бессарабию и Северную Буковину. Из Бессарабии и Молдавской АССР была образована Молдавская ССР, а Буковина была передана Украине.

Занятые захватами и завоеваниями руководители страны и армии совершенно забыли о том, что в долинах Европы все сильнее и сильнее разгорается пламя большой войны, в которой уже участвуют многие страны мира.

Сталин думал, что он обманул Гитлера, навязав ему дружбу, и теперь он может спокойно лежать на боку, переваривая проглоченную пищу – то есть неторопливо обживая захваченные территории. А Гитлер пусть грызется там, на западе, и пусть они, капиталисты, убивают друг друга, и тогда...

А пока надо делать все, чтобы Гитлер на своего друга Сталина не обижался. И шли друг за другом эшелоны в Германию, доставляя фашистам так необходимые им продовольствие и сырье.

Вот в таком виде – благодушно осматривающим свои новые владения, неспеша переводящим свои не очень-то обу-

ченые войска к новым западным границам и застал грозный 1941 год Советский Союз. Немцы, разгромив на западе Францию и высланные на материк английские войска, уже спешно перебрасывали свои дивизии на восток, к границам СССР. Все советские разведчики доносили в центр, что Германия вот-вот нападет на СССР. Но Сталин никому не верил. Он верил только себе, а сам считал, что его дружба с Гитлером на «многие лета». Дело дошло до того, что Берия приказал арестовывать всех провокаторов, распространяющих слух о намерении Германии напасть на СССР. В число «провокаторов» попадали и разведчики.

СССР предупреждали даже Англия с Францией, понявшие наконец, что за Россию (СССР) надо бороться до конца, надо стараться все-таки увести ее из гитлеровского стана в антифашистский лагерь.

Но Сталин никого не хотел слушать, никому не верил. Он думал, что он умнее всех и лучше всех знает, что будет делать Гитлер. Откуда ему, «вождю народов и всего прогрессивного человечества» было знать, что он – обыкновенный, самонадеянный и упрямый невежда, которому невозможно втолковать, что он ошибается. Не пытался втолковать ему это и хваленый наш маршал Жуков, бывший тогда начальником Генерального штаба. Должность эта не маленькая, и он, начальник Генерального штаба Красной Армии, обязан был доложить Сталину, что мощная концентрация германских войск на границе с СССР – это верный признак скорого начала войны, а страна к ней практически не готова. Но Жуков такого доклада не сделал. Почему? Возможно потому, что он, как и «народные» маршалы, фактически так и остался унтер-офицером по уровню своего военного образования. Он отличался от Ворошилова и Буденного лишь жесткостью своего характера и упрямством, но не своими военными знаниями.

В результате армады хорошо вооруженных и опытных фашистских войск ворвались на территорию СССР, где к войне фактически была готова только Черноморская флотилия, где командующим был Кузнецов, настоящий высокообразованный военачальник. А потому и стала эта война для советского народа огромной трагедией, где погибли миллионы людей, были сожжены сотни городов и тысячи деревень.

Были бы советские руководители хотя бы просто нормальными людьми, а не людишками, лишь заботившимися о своем дутом авторитете, страна смогла бы хорошо подготовиться к войне, понимая ее неизбежность и, возможно, что она действительно велась бы на вражеской территории, как всегда говорили наши маршалы. А, возможно, Германия вообще не осмелилась бы на нас напасть. Тем более, если бы с самого начала СССР пошел на сближение с Францией, Англией, Польшей и Чехословакией, а не с Германией...

2. Сыны Балкарии на фронтах Великой Отечественной войны

Война во все времена для народов, участвующих в ней, была страшным бедствием, и в особенности для тех народов, на земле которых проходили боевые действия. Но последние две мировые войны довольно существенно отличались от всех войн, происходивших до этого на земле, к тому же в худшую сторону – во время этих последних двух войн театр военных действий разворачивался на всей территории противника, нанося непоправимый урон как материальной культуре народа, так и его численности.

Особенно жестокой была война между Советским Союзом и фашистской Германией, между двумя главными хищниками в Европе.

Но если большинство народов СССР за годы войны и послевоенное лихолетье прошли через ад войны с сильным врагом, а потом через голод и разруху, то балкарцы и карачаевцы, как и все люди других репрессированных народов, наряду с этими бедами, прошли и через ад неравной войны с собственной сильной и жестокой страной, которая задалась целью вообще уничтожить их. Эта война, война с собственной страной, была для карачаевцев и балкарцев более тяжелой, чем война с фашистами. Не только потому, что среди них не было воинов – все способные носить оружие ушли на войну с фашистами – но и потому, что балкарцы и карачаевцы в то тяжелое время думали, как и все, лишь о том, как спасти свою Родину, а не о войне с ней. Но наша Родина, за которую на фронтах Отечественной войны воевали тысячи и тысячи самых лучших сыновей Балкарии и Карачая, объявила войну отцам и матерям, сестренкам и братишкам своих защитников, оставшимся в горах, победила их, пленила и прогнала в степи Казахстана и Средней Азии. И эта, вторая война, где оружие было только у одной стороны – у нашей Родины, принесла балкарцам и карачаевцам во сто крат больше беды, чем война с Германией. И если во время войны с Германией погиб, наверное, каждый пятый или шестой балкарец и карачаевец, то во время войны СССР с балкарскими стариками, женщинами и детьми погибли, вернее – были убиты – каждый третий! И ничего тут поделать было невозможно – СССР оказался гораздо сильнее стариков, женщин и детей!

А в это время балкарцы и карачаевцы, как и сыновья многих других народов нашей страны, сражались на всех фронтах войны, не щадя своих жизней.

С первых же часов этой жестокой войны вступили они в смертельную схватку с фашистами в рядах Красной Армии. Были они и в рядах героических защитников легендарной Брестской крепости.

«Только в одном 125-м стрелковом полку служило около 20 уроженцев Кабардино-Балкарии, – вспоминал впоследствии

участник обороны Брестской крепости Хазретали Дзамихов. – Наш полк удерживал правое крыло Северных ворот. С первых же минут войны мы оказались в трудных условиях. Но горстка людей из нашего полка мужественно сражалась с фашистами. За давностью лет фамилии многих земляков я забыл. Хорошо помню храброго воина пулеметчика Батчаева из Верхней Балкарии, который в первый же день боев показал образцы мужества.

Вместе со мной бой приняли Осман Чочаев из Кёнделена, Зуха Созаев из Белой Речки, Мухадин Чеченов, Озруко Чеченов из Урвани, Аюб Купшинов и многие другие».

«Я никогда не забуду храброго воина-балкарца Джаппуева Тахира, – писал много лет спустя в газету «Коммунизмге жол» бывший командир минометного расчета, ставший впоследствии доктором наук Владимир Иванович Фурсов. – С первых же часов войны мы оказались в тяжелых условиях. Напротив нашего участка немцы установили артиллерийские орудия. Вражеские снаряды ложились почти на каждом квадратном метре. Мы стали пробираться к конюшням. Завязалась ожесточенная рукопашная схватка. В том бою Тахир Джаппуев уничтожил несколько фашистов. Еще мне запомнился один эпизод. Это «психологическая» атака немцев. Гитлеровцы пошли в атаку в четыре шеренги, в шахматном порядке, причем первый и третий ряды, приставив автоматы к животу, непрерывно стреляли, второй и четвертый подавали диски. И эта атака врага не увенчалась успехом. В этом была большая заслуга и Тахира Джаппуева».

Гитлеровское командование, конечно же, рассчитывало овладеть крепостью в первый же день войны, но этого не случилось. Крепость продолжала сражаться даже тогда, когда, казалось, что там уже не должно быть ни одной живой души. Это просто невероятно, но защитники Брестской крепости сражались почти целый месяц, окруженные со всех сторон.

Брестская крепость – это символ несокрушимого духа нашего народа.

Так же храбро сражались советские солдаты, жертвуя своими жизнями, и во всех участках Советско-германского фронта. Но просчеты Верховного командования и политического руководства страны свели на нет результаты массового героизма советских людей. В результате чего фашистские войска, ни в чем не превосходившие Красную Армию – ни в вооружении, ни в численности – уже к осени 1941 года оказались у стен Ленинграда и Москвы, а к осени 1942 года вышли к Сталинграду и к подножию Кавказских гор. Над страной нависла смертельная угроза. И лишь благодаря массовому героизму сыновей всех народов нашей страны удалось остановить немецко-фашистские полчища и погнать их на запад, туда, откуда они и пришли. А потом, весной 1945 года они, героические сыны совет-

ских народов, которых, к великому сожалению, до последнего дня войны нисколько не жалели наши хваленые генералы и маршалы во главе с сумасшедшим Сталиным, возомнившим себя величайшим полководцем, сумели все-таки придушить фашистскую гадину в его же логове.

Вспомним же об их подвигах, о мужестве и стойкости наших земляков на фронтах Великой Отечественной войны.

Ибрагим Мусукаев был первым секретарем Эльбрусского райкома комсомола, когда в 1935 году поступил в военное кавалерийское училище. И уже в 1939 году в должности командира взвода принимает участие в боевых действиях по освобождению Западной Украины.

Так что, к началу войны Ибрагим был уже кадровым офицером Красной Армии.

Великая Отечественная война застала Ибрагима Батокаевича Мусукаева как раз на рубежах западной границы нашей Родины в качестве командира эскадрона 14-й кавалерийской дивизии.

И он тоже, как и многие другие бойцы и офицеры, стоявшие в тот грозный 41-й год на западных рубежах и чудом оставшиеся в живых, видел и смерть товарищей, и их героизм, пережил и горечь поражения, и радость побед. С первого дня войны и до весны 1943 года участвовал Ибрагим Мусукаев со своим эскадронам в тяжелых боях, что пришлось вести войскам Юго-Западного фронта по обороне Украины, Донбасса, Ворошиловграда, Ростова, а потом и по их освобождению.

В конце 1941 года в районе Диканьки по приказу командира полка полковника Маскаленко 3-й эскадрон Мусукаева предпринял стремительную контратаку и выбил фашистов из деревни. Впоследствии такие же дерзкие неожиданные налеты на врага стали обычным делом для бойцов эскадрона Мусукаева. Очень тяжелые бои вела наша 14-я кавалерийская дивизия в начале июля 1941 года с частями 11-й танковой дивизии противника. В течении целой недели советские кавалеристы сдерживали натиск немецких танкистов!

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян в своих воспоминаниях, озаглавленных «Так начиналась война» о подвиге наших кавалеристов написал так: «Они нанесли сильный удар 11-й танковой дивизии противника, занявшей Бердичев, разгромили ее штаб, перерезали коммуникации. Окружение танковой дивизии всполошило немецкое командование... Оставалось только изумляться, как удавалось малочисленным сводным отрядам и частям кавалерийской дивизии не только запереть в Бердичеве мощную группировку фашистских танковых моторизованных войск, но и непрерывно атаковать ее».

Как уже было отмечено, эскадрону «горячего горца» Ибрагима Мусукаева часто поручались наиболее дерзкие по замыслу задания. Надо полагать, что и в этих боях эскадрон Мусукаева также был исполнителем не одной дерзкой вылазки.

Как-то в районе Ворошиловграда Мусукаев во главе группы солдат пошел в тыл противника – разведать огневые точки врага и захватить «языка». Операция была проведена блестяще.

За мужество и героизм в боях по защите нашей Родины Ибрагим Батокаевич Мусукаев был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Школьник Муса Джаппуев из селения Верхний Баксан с завистью смотрел на своего односельчанина-танкиста Магомета Залиханова и на его друга Магомета Атмурзаева из селения Кенделен, когда они приехали ненадолго домой после Финской войны. Об их подвигах знали все, так как о них писал журнал «Большевик». Еще тогда Муса твердо решил стать танкистом.

И когда началась война он стал проситься в танковые войска, но его направили не напрямую на фронт, а в военное училище, танковое.

Через год с небольшим – война не давала большего времени, – окончив училище, лейтенант Муса Джаппуев направляется заместителем командира танковой роты.

Вскоре Муса становится участником Курской битвы.

В результате зимних наступательных боев советские войска освободили Курскую область, часть Орловской и Белгородской областей. В районе Курска образовался выступ, глубоко врезавшийся в расположение противника. Немецкие группы армий «Центр» и «Юг» угрожающе нависали у основания выступа с севера и с юга.

Гитлер и его окружение очень хотели летом 1943 года провести несколько успешных операций с тем, чтобы нанести СССР сокрушительные удары, восстановить престиж Германии и таким образом вновь перехватить военную инициативу в свои руки. Победоносная битва у Курской дуги, по мнению Гитлера и его генералов, могла иметь решающее значение в этой войне.

Операция «Цитадель» – так назывался план по окружению и уничтожению советских войск у Курска, – готовилась с особой тщательностью. К местам предполагаемых прорывов к Орлу и в район Белгорода-Харькова стягивались свежие германские дивизии, оснащенные новейшей техникой.

Всего для осуществления своего плана «Цитадель» немцы у выступа сосредоточили около миллиона солдат и офицеров, 10 тыс. орудий, 2700 танков и самоходных орудий, среди которых были и такие новые танки, как «тигр», «фердинанд», «пантера». С воздуха наступление войск должны были поддерживать 2 тысячи самолетов.

Но следует сказать, что сосредоточенные на Курской дуге советские войска значительно превосходили немецкие войска: в артиллерии почти вдвое, в танках – 1,8 раза, в самолетах – 2,8 раза.

А так как наступающая сторона, по законам войны, несет потери почти в два раза больше, чем обороняющаяся (кстати,

для конца XX века уже устаревшая (операция «Буря в пустыне», проведенная США против Ирака и разгром талибов опять же Америкой почти без потерь всего за месяц), то уже заранее было предопределено поражение фашистов.

Но Гитлер и его генералы, видно, уж очень полагались на «арийский» боевой дух своих войск. Но они не учли, что этот мифический дух советские солдаты уже изрядно из них выбили.

Но как бы там ни было, Курская битва отличалась особой ожесточенностью и яростью, проявляемых с обеих сторон.

В истории грандиозной битвы на Курской дуге танковое сражение у села Прохоровка занимает особое место. Муса Адеевич Джаппуев как раз и был участником этого сражения. Он находился в составе 25-й танковой бригады 5-й гвардейской танковой армии генерала П. А. Ротмистрова.

Когда танковые соединения противника стали прорываться к Прохоровке, наши танковые части устремились им навстречу, но немцы обрушили на них шквал артиллерийского огня, и им пришлось перейти к обороне. Два дня шли самые жаркие схватки.

«О том, каковы были эти бои, достаточно сказать, что после нам пришлось, чтобы выводить наши уцелевшие танки с поля боя, использовать тягачи, чтобы очистить им путь от подбитых и искореженных танков и машин, – вспоминал впоследствии Муса Адеевич. – В течении 12 и 13 июля мне казалось, что ничего не может уцелеть в этом аду. Но сознание того, что я являюсь частицей огромной военной силы, против которой не может устоять враг, помогало преодолевать страх. Все мысли и поступки были направлены к тому, чтобы как можно точнее и быстрее сразить фашистские танки с ненавистными черными крестами и свастиками на башнях».

Из того боя Муса и его экипаж выбрались живыми, и их танк был цел – значит, они победили. По иному из того ада выбраться было невозможно. За мужество, проявленное в дни Курской битвы, Муса получил свою первую награду – медаль «За отвагу».

После Курска Джаппуев участвовал в операции «Багратион» по освобождению Белоруссии, воевал в Прибалтике, в Восточной Пруссии. Там и встретил гвардии капитан Муса Джаппуев радостную весть о Победе. К концу войны он имел уже следующие награды: орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга».

«Командир 3-го мотострелкового батальона 3-й гвардейской механизированной бригады 1-го гвардейского орденов Ленина и Кутузова механизированного корпуса Х. М. Байзуллаев на полях сражений с немецко-фашистскими захватчиками показал себя бесстрашным воином, талантливым офицером. За образцовое выполнение боевых заданий неоднократно отмечался в приказах командования. Беспредельно предан делу партии и народа».

Это слова из характеристики, написанной генералом И. Руссияновым, командиром дивизии в 1943 году, когда Байзуллаева хотели отправить учиться в военную академию.

Видно, Байзуллаев действительно показал себя в боевых действиях храбрым и смекалистым офицером, раз командование в разгар войны собиралось отправить его в академию.

Да, он еще с юности был серьезным, смелым и смекалистым. До войны уже был секретарем райкома комсомола, и когда представилась возможность, поехал в военное училище. Войну он встречал уже офицером и с первых же дней стал участником тяжелых отступательных боев в составе 100-й стрелковой дивизии генерала Руссиянова. Только во время боев под Минском дивизия уничтожила триста немецких танков. В те дни немцы так и не смогли одолеть дивизию и прорвать ее оборону. Одной из первых ей было присвоено звание «гвардейская». Вот выписка из приказа о награждении Хусея Байзуллаева медалью «За отвагу»: «В боях под Викторовкой Сумской области в сентябре 1941 года, под городом Тим силами взвода смело контратаковал противника. Личным примером воодушевлял бойцов на преодоление минометно-пулеметного огня. Под селом Старицы поднял роту в атаку. Обеспечил выполнение задания. Лично убил в бою семь вражеских солдат».

После Байзуллаев сражался под Сталинградом, а потом гнал со своим батальоном фашистов на запад.

В октябре 1943 года при освобождении села Светлогорское он в последний раз поднял своих бойцов в атаку. Рана, уже десятая за два года войны, оказалась смертельной.

А ведь тогда ему было всего-навсего 24 года! Ушел из жизни таким молодым. Ушел, чтобы была любимая Родина.

Тема Великой Отечественной войны в балкарской литературе

3. Прорыв

*Отрывок из повести Магомета Кучинаева
«Третий батальон»*

Шесть дней и ночей идут бои в окружении. Говорят, в кольцо попали целых две армии. Как ни странно, но это многих утешает – где столько войск, столько сил, не может быть такого, чтобы не нашлось способа вырваться из окружения. Да и слухи о том, что там, на Большой земле, генерал Рокоссовский собрал мощный кулак войск и вот-вот ударит по фашистскому кольцу, разорвет его – тоже, наверное, неспроста.

На седьмой день вечером, когда наступило некоторое затишье, окруженцы с восточной стороны явно услышали отдаленные звуки канонады. «Рокоссовский! Рокоссовский идет нам на помощь! Завтра поднажмем – и будем на свободе!» – вот такая радостная весть вскоре дошла и до окруженцев на западе. И вправду, вскоре командиры батальонов и комиссары провели беседы во всех ротах, где говорили одно и то же – завтра с рассветом начинаем бои с целью прорвать окружение, надо всем как следует подготовиться.

– Вместе с нами, ровно в четыре ноль-ноль, пойдут в наступление и войска Рокоссовского, у них тоже одна цель – прорвать окружение. Теперь, товарищи бойцы, все зависит от нас самих, от нашего мужества, от нашей решительности. Знаем – трудно, мы все устали до смерти, голодны, нет сил, не хватает боеприпасов. Но все равно: чем остаться в окружении, а потом неминуемо попасть в плен, испытать позор и издевательства фашистских палачей, – лучше смерть в бою или свобода! – говорили командиры и комиссары.

Поздно вечером Половцев вызвал к себе командиров батальонов. Комиссар полка и начальник штаба тоже были у него.

– Перейдем сразу к делу, – сказал Половцев. – Что случится завтра, кто погибнет честно в бою, кто будет жив и прорвется к своим, – этого никто не знает. Война, тем более то, что будет завтра, – это не шутка. Чтобы с нами ни случилось, но знамя полка и документы должны быть в сохранности и, так сказать, вырваться на свободу. Не очень важные документы мы сожгли. Вот эти два чемоданчика остались. И документы, и знамя не должны быть в одном месте. Сердце полка – знамя. Нас здесь шестеро и если мы будем знать, где находится знамя, – этого, думаю, достаточно. Встань-ка, Василий Петрович, покажи.

Арбатов встал, снял ремень, приподнял гимнастерку, и все увидели, что комиссар полка опоясан знаменем.

— Значит мы, остальные пятеро, по мере возможности, должны помнить об этом и стараться держать Василия Петровича в поле зрения. Конечно, с ним будут штабные люди, но все-таки.. Да и ты сам, Василий Петрович, зазря в пекло не лезь — помни, что судьба полка с тобой.

У меня все. Кто что хочет сказать? Значит, все понятно. Ну, отдыхайте, времени осталось не так уж много.

На рассвете началась схватка не на жизнь, а на смерть, такая долгая и трудная, что, казалось, никогда конца ей не будет. Из боя в бой ведет свой батальон Мисиров, и людей остается все меньше и меньше. К полудню там, на востоке, стали явственно слышны звуки боя. Батальон устремился вперед. Видимо, бой шел не в такой уж дали. Впереди возле леса видна небольшая деревенька. В ней — никого. Бойцы других батальонов полка по нескошенной ниве севернее деревни бегут в лес.

— Быстро в лес! До наших совсем близко! Вперед! — крикнул Мисиров.

Когда до леса оставалось совсем немного, там вмиг, словно подожженная солома, вспыхнула яростная стрельба из автоматов и пулеметов, послышались разрывы гранат. «Фашисты ждали нас в лесу! — догадался Мисиров. — Кто же первым напоролся на засаду? Скифский? Калашников?»

— Вперед! В атаку! — крикнул комбат и бросился в лес, увлекая за собой батальон. Ворвавшись в лес, бойцы сразу же очутились в бою. Где кто — трудно разобраться: повсюду видны и немцы и наши — идет рукопашная. В общем шуме, гаме и треске часто, оглашая лес, раздаются душераздирающие крики несчастных, в кого вонзился штык или нож.

— Со стороны деревни видны машины с автоматчиками! Скорее за овраг, в лес! — это кричит Арбатов, комиссар полка. А схватка у кромки леса все еще не закончена — идет перестрелка, слышны взрывы гранат. Заметив, что Арбатов с небольшой группой скрылся в глубоком овраге, Мисиров крикнул:

— Третий батальон, за мной! — и бросился вслед за Арбатовым. На бегу оглянувшись назад, увидел всего девять-десять бойцов, следующих за ним. «Кто там твою команду слышит в этом аду! Кто ушел вперед, кто все еще там — в бою, наверное», — подумал комбат. Впереди раздались автоматные очереди, одиночные выстрелы. Ахмат бросился туда. На дне оврага неожиданно оказался по колено в болоте, едва выбрался, вскарабкался наверх и застыл на месте — как-то неудобно схватившись за живот обеими руками, скорчившись, лежал на земле Арбатов. А вокруг него лежали и остальные его спутники.

Ахмат в один миг оказался возле Арбатова, перевернул его на спину, приподнял голову. Комиссар был мертв. Отбросив автомат в сторону, расстегнул ремень Арбатова и завернул гимнастерку – на красном кумаче знамени в нескольких местах видны багровые пятна. Комбат не видел, но чувствовал, что сторонкой мимо него пробегают красноармейцы, но не понимал почему это никто не обращает на него внимания, не подходит. Он лихорадочно ищет булавку, которой, вероятно, закреплен конец полотнища. А там, откуда он только что прибежал, с новой силой разгорается перестрелка. «Немцы, гады, идут», – мелькнула мысль. Наконец, нашел булавки, отстегнул и начал аккуратно, словно комиссар был лишь тяжело ранен, разматывать знамя. И в это время почувствовал, что кто-то, пробежавший мимо, резко остановился возле него. Глянул – перед ним с автоматом в руках, тяжело дыша, стоял Назир, сын Хутая-собаки.

«Сейчас он сделает то, что однажды сделал его отец», – как-то спокойно подумал Ахмат. Делая вид, что не придает присутствию Назира особого значения, он взглядом поискал свой автомат – до него было слишком далеко. Нет, не схватишь его в один миг! «Хлопнет, гад, сейчас, никто и не узнает. Раньше, дурак, об этом надо было думать!» – ссорится сам с собой Ахмат, а руки его сами по себе продолжают свое дело.

– Отходи, что стоишь?! – крикнул комбат в надежде на то, что солдат невольно подчинится неожиданному приказу командира. Но нет, Хутаев сын не думал уходить. Видимо, хорошо чувствовал, что здесь он может командовать, а не комбат. Как-то невольно оба огляделись. В отдалении то там, то здесь мелькали фигуры бегущих бойцов. До них далеко, если даже и крикнешь – навряд ли кто и остановится. А пальба с той стороны оврага все приближается и приближается. Вот-вот немцы будут здесь.

– Ну, что стоишь? Уходи! – сказал по-балкарски Ахмат, глянув прямо в глаза сына Хутая.

– Как это «что стоишь»? А ты? – Назир быстро положил автомат на землю, подскочил к Ахмату. – Ранен, что ли?

– Нет. Под гимнастеркой комиссара – знамя полка. Надо взять.

Назир отстранил Ахмата в сторону и быстро снял знамя с тела. Потом, взяв и свой, и комбата автоматы, поторопил: – Быстро, давай быстро!

Все еще не осознавший смысла того, что произошло, Ахмат с трудом расстегнул ремень и сунул под гимнастерку знамя. Сын Хутая протянул ему автомат. И вместе побежали туда, куда и все, – на восток, в сторону своих. Назир бежит чуть впереди. Когда от лица отводит ветку или врывается в молодую поросль, то оглядывается назад, убеждается, что ни ветка, которую он отпустит, ни молодое деревцо не хлестнут по лицу

Ахмата, и лишь тогда отпускает-отбрасывает их. Добежали до какого-то пологого спуска – то ли в овраг, то ли в ложбину. Назир, как в детстве, не сдерживаясь, побежал вниз и тут, прямо перед глазами Ахмата, кувыркнувшись раза два, растянулся на земле. Когда Ахмат добежал до него, тот сидел и, потирая щиколотку правой ноги, ругался и ныл.

– Что случилось? – комбат присел рядом.

– Оступился, что ли... – заныл вновь Назир.

– Вставай, вставай! Некогда нежиться! – сказал комбат и, кинув автомат на плечо, помог ему подняться.

Но едва Назир ступил правой ногой, как тут же вскрикнул от боли и опять опустился на землю. Он побледнел, на лбу выступил пот. – Иди, Ахмат, на меня не смотри, – сказал он упавшим голосом. – Видимо, это я за отца расплачиваюсь. Ты не бойся: я – горец, живым в руки врагу не дамся. Останешься в живых, передай салам нашим горам. Давай уходи!

– Вот слюняй, а? Только из-за того, что оступился! Тоже мне, комсомолец! Павку Корчагина хотя бы вспомнил!

– Я не комсомолец. Кто это, интересно, стал бы пускать сына врага народа в комсомол? Но – ничего! Иди! Слышишь, уже как близко перестрелка! Скоро немцы будут здесь.

– Много говоришь, парень, давай вставай! Не бойся – и в комсомол вступишь. Давай быстро!

Ахмат попытался было поднять Назира, но рана на руке дала о себе знать – сильная боль заставила его оставить эту затею. К тому же Назир был рослым парнем, как пушинку его не понесешь.

– Ничего у тебя не получится, Ахмат. Если хочешь мне чем-то помочь, то дай сюда мой автомат. Больше ты ничего не сделаешь. Нога, наверное, поломана.

Да Ахмат и сам понимал свою беспомощность, но все-таки он, советский офицер, не мог вот так запросто оставить на произвол судьбы, а точнее – кинуть под ноги врагов своего же подчиненного, как-никак все еще живого. Вот если бы он оказался таким же подлецом, как его отец, тогда другое дело. Вот если бы не было с ним хотя бы знамени полка!.. Ну и что?.. Остался бы вместе с сыном Хутая? Но он разве Хутаев сын?.. Нет! Назир – очень даже нормальный, самоотверженный, честный красноармеец! И если он, зная все это, бросит его и убежит, спасая свою шкуру, какой он тогда офицер?.. Подлец, а не офицер!.. А знамя, знамя?.. Знамя – выше нас всех! Знамя – это Родина!

Ахмат так живо представил себе эту картину, что явственно видел: короткая схватка, они гибнут, подходят немцы, начинают шарить, находят знамя и, хохоча, глумятся над ним, топчут.. «Нет! Этого не должно случиться!» – говорит сам себе комбат. Заметив одного красноармейца, пробежавшего в отдалении и постоянно оглядывавшегося назад, дал очередь в воздух. Сол-

дат резко остановился, но, увидев своего, вновь пустился наутек.

– Стой! – крикнул Мисиров. Выдернул знамя из-под гимнастерки. – Стой! Возьми знамя!

Увидев знамя, солдат вновь остановился, но, оглядевшись вокруг и заметив, что поблизости, кроме Ахмата, никого нет, шархнул в сторону.

Ахмат машинально поднял автомат, но стрелять в своего же солдата не решился. Так и остался стоять с автоматом в опущенных руках. Вновь спрятав знамя под гимнастерку, он повернулся к Назиру.

– А ну, встань сейчас же! Уже взрослый мужчина, а расхныкался, как ребенок, только из-за того, что оступился! Что теперь – сидеть нам здесь, что ли? – в сердцах крикнул Мисиров.

– Ахмат! Оставь пустые разговоры. Еще пять-шесть минут и не будет ни тебя, ни меня, ни знамени. Не лучше ли и тебе остаться в живых, и знамя спасти? Это ведь так понятно и разумно! А я останусь на милость Аллаха. Не теряй времени – дай сюда мой автомат и скорее уходи!

Он был прав, совершенно прав, этот парень. И кто бы мог подумать, что дело обернется так? Надо было уходить, надо было спасти знамя. Но удивительно – Ахмат не может сдвинуться с места. Разум ясно говорит «уйди!», но сердце не слушается. Ахмат очередью из автомата срезал довольно толстый сук дерева, сломал тонкую ненужную часть, сунул палку в руки Назиру.

– Много не болтай! Вставай сейчас же! – и почти силой поднял его, а сам прихватил оба автомата.

Назир, опираясь на палку, совсем не касаясь больной ногой земли, ковыльнул раза два и остановился – он был бледен, пот градом катился с него.

– Оставь, Ахмат, – зря стараешься. Не трать попусту время, – сказал он.

– Много не болтай! Держись за шею! – Ахмат повернулся и подставил спину.

Еле-еле выбрались из ложбины и присели отдохнуть возле поваленного дерева. Но долго здесь отлеживаться, конечно, было нельзя.

– Давай, пошли! – Ахмат встал, но парень не пошевелился.

– Вставай, говорю! – крикнул Ахмат, подставляя спину.

– Посмотри туда, – спокойно сказал Назир, кивнув головой на запад.

Ахмат обернулся – там, на той стороне ложбины, среди деревьев и увидел немцев. Они шли не очень-то спеша, рассыпавшись по всему лесу, зорко поглядывая по сторонам и прислушиваясь. Назир более удобно устроился за деревом.

– Дай сюда автомат! – сказал он.

Ахмат подал ему автомат и вновь ясно осознал: или ему следует остаться вместе с Назиром и провести свой последний бой с фашистами, или немедленно уйти и спасти знамя, если сможет. Других возможностей не было.

– Прошу Аллахом! Коль останешься в живых – расскажи обо мне дома, в горах! – сказал Назир.

– Да поможет тебе Аллах, Назир! Будь молодцом! Ты прав – надо попытаться спасти знамя. А если останусь в живых – все расскажу. Аллах всемогущ, возможно, и сам расскажешь...

Ахмат не стал более сдерживаться: он обнял его, как брата родного, и, что-то еще пробормотав на прощание, побежал в глубь леса, пригинаясь. Он не помнил, сколько времени бежал, далеко ли ушел, когда явственно услышал, как там, где остался Назир, раздались автоматные очереди...

Всем окруженцам было приказано построиться. Как обычно – по полкам.

Не было видно ни Половцева, ни Аланидзе. Мисиров построил полк. Их было всего двести пять, этих ребят, вырвавшихся из ада. Они не составляли и батальон, не то что полк. А из офицеров, кроме Ахмата остались только двое.

– Командиры частей, сохранивших знамена, отдать рапорт! – приказал полковник, ответственный за эту группу окруженцев.

Ахмат и его однополчане стояли на правом фланге строя и первым отдавать рапорт следовало ему. Он четким шагом подошел к полковнику и отдал рапорт:

– Товарищ полковник! Полк по вашему приказанию построен! В составе полка двести три солдата и два офицера, За командира полка – командир третьего батальона капитан Мисиров!

– Поздравляю вас, товарищ капитан, и ваших товарищей с воссоединением с частями доблестной Красной Армии. За сохранение полкового знамени – символа нашей великой Родины – от имени командования объявляю вам благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

– Спасибо, капитан! – и полковник при всех обнял Мисирова и крепко пожал ему руку. – А сейчас выведи свой полк сюда и построь отдельно. Недельки две отдохнете, получите пополнение, оружие, боеприпасы – и вновь на фронт. Ясно, товарищ капитан?

– Так точно, товарищ полковник!

– Исполняйте приказ!

– Есть!

Он не знал, что ждет его впереди, останется ли в живых или нет к концу войны. Единственное, что он знал, во что твердо верил, – это то, что и он сам, и все его товарищи: и те, что погибли на полях сражений, и те, что остались в живых, – честно выполнили свой сыновний долг перед Родиной.

4. Они защищали Москву

Уже к концу сентября – началу октября фронт стал вплотную приближаться к Москве – к сердцу нашей Родины. В течение сентября-октября продолжались тяжелые ожесточенные бои сразу на подступах трех крупнейших, имеющих стратегическое значение, городов нашей Родины – у Ленинграда, Москвы и Сталинграда.

Первое генеральное наступление фашистов на Москву началось 30 сентября 1941 года. 3 октября немцы взяли Орел и стремились развивать наступление на Москву по шоссе Орел-Тула-Москва. В рядах бойцов, ставших на пути этой группировки врага, был и командир пулеметной роты Махмуд Гелястанов. Полк, где служил лейтенант Гелястанов, занимал оборону южнее Мценска. Как и все наши бойцы, воины роты Гелястановова тоже стояли насмерть – они жгли танки, истребляли живую силу врага. Не раз случалось так, что немцы иногда прорывались к нашим позициям, и тогда Гелястанов поднимал своих товарищей в рукопашную и с призывом «за Родину!» бросался в бой первым. И так – день, другой, третий... В один из дней в расположение роты пришел командир полка подполковник Пирышев и сказал Гелястанову: «Держись, лейтенант! Мы должны выстоять! Нам нельзя отступить – ведь мы защищаем Москву! Скажи всем об этом, скажи своим бойцам и командирам, надо держаться, держаться до последнего человека. Не видать фрицам нашей Москвы. Держись, лейтенант! Может, еще свидимся в Москве, где товарищ Калинин будет вручать всем нам орден. Этот день придет! А Москву мы не отдадим немцу!»

Бойцы и командиры 34-го полка НКВД, где служил Гелястанов, прославили себя в битве за Москву.

10 октября во время ожесточенных боев под Мценском лейтенант Гелястанов был контужен и ранен.

За героизм и отвагу во время оборонительных боев под Москвой он был награжден орденом Отечественной войны II степени. Кстати, в это время были на фронте еще и четверо родных братьев Махмуда Гелястановова. Политрук артиллерийской батареи Шарафутдин Гелястанов бился с врагом на западных подступах Москвы и погиб осенью 1941 года во время очень важного для обороны столицы Смоленского сражения, командир взвода лейтенант Бахаутдин Гелястанов погиб в 1944 году при освобождении Крыма, а старшие братья Зеке и Магомет громили врага до дня Победы.

15 ноября 1941 года началось уже второе и, согласно планам Гитлера, решающее генеральное наступление на Москву. Предполагалось мощными механизированными группировками

разгромить обороняющие Москву советские войска, по мнению немецких генералов уже и так обескровленные, и окружить Москву. Но, между прочим, немцы не собирались сразу же входить в город, боясь... эпидемий. Гитлер решил, «что капитуляция Москвы не должна быть принята, если даже она будет предложена противником». Сперва предлагалось войскам просто окружить город и дать коридор, чтобы население города ушло. «Чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их», — так говорилось в инструкции Главного командования сухопутных сил фашистской Германии от 12 октября 1941 года.

Но Гитлер зря боялся, что его солдаты могут заболеть в Москве. Потому что судьба (читай — наши солдаты!) распорядилась так, что многие тысячи немцев так и погибли, не увидев воочию Москвы, а тем, кому все-таки удалось увидеть ее, Золотую Москву, почему-то не очень хотелось ее разглядеть — они были пленными!

Итак, на Москву было двинуто сразу 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 8 моторизованных. Самые кровопролитные бои развернулись к северо-западу от Москвы, где крупные танковые соединения врага рвались прорвать фронт и выйти в тыл Москвы.

Под Волоколамским и Клином, у Солнечногорска и Истры, у Яхромы и Дмитрова шли ожесточенные бои. Всему миру известны слова политрука В. Г. Клочкова из 316 стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова, с которыми он обратился к бойцам 16 ноября. В этот день у разъезда Дубосеково политрук Клочков и 28 его товарищей встали на пути 50 немецких танков, которые пытались прорваться на Волоколамское шоссе. Тогда, вступая в бой, и сказал политрук бойцам: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» Но только чудо могло удержать 50 стальных немецких танков, и чудо случилось — они не прошли. Бойцы Клочкова сожгли 18 танков, и немцы вынуждены были прекратить здесь попытки прорваться. Но и бойцы почти все погибли — в живых остались только пятеро.

Так воевали во всех участках фронтов на подступах к Москве, в том числе и сотни наших земляков. Младший лейтенант Хусейн Алиев из селения Кара-Су Черекского района Кабардино-Балкарии, командир минометной батареи, вступил в партию в разгар боев за Москву, что было равносильно клятве умереть, но врага к столице не пропустить. И он свою клятву сдержал. Сражалась батарея минометчиков Алиева на самом опасном участке Волоколамского направления. За эти бои Алиев получил свою первую награду — медаль «За отвагу». А вторую награду он получил за личное мужество и умелые действия во время освобождения старинного русского города-крепости Смоленска — орден Красной Звезды. Сразу пятеро родных братьев Мусукаевых из селения Кёнденен сражались на фронтах Вели-

кой Отечественной войны – Мустафа, Юсуф, Ибрагим, Мажит и Хызыр. Хызыру, когда он ушел на войну добровольцем, было всего 17 лет.

Мустафа и Юсуф сперва воевали в составе 115 Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Старший из братьев Мустафа погиб в боях на подступах к Ростову в печально известном селе Мартыновка. Юсуф был ранен. После госпиталя попал на Калининский фронт, что прикрывал Москву с северо-запада.

Как и везде на подступах к Москве, бои под Вязьмой были тяжелыми. Не был исключением и тот эскадрон, в котором служил Юсуф Мусукаев.

Наши уже раза два поднимались в атаку, но невидимый нашим пулемет противника каждый раз косил ряды наступающих, заставляя залечь оставшихся в живых.

Вот командир посылает двух опытных бойцов с заданием – пробраться в тыл врага и уничтожить пулеметную точку. Бойцы уходят и не возвращаются. Опять атака – опять пулемет косит бойцов. Командир посылает еще двух бойцов. Один из них – Юсуф Мусукаев. Двое отважных уничтожили пулеметную точку врага. Но и сами погибли...

Это было под Ржевом. Старший сержант Ханафий Ахматов с группой разведчиков был послан в тыл врага с целью уничтожить пулеметный дзот противника на холме у деревни за рекой.

Атаковать село при наличии этой пулеметной точки было бессмысленно. Тихо перешли линию фронта и притаились у реки, присматриваясь и прислушиваясь... И в это время заметили немца у берега, который, кажется, искал брод через речку. Решили взять его в качестве «языка».

Немец стал готовиться, чтобы войти в реку, и в это время ребята навалились на него. Один из разведчиков повел немца назад, к своим. Остальные перешли реку и тихо приблизились к высоте.

Заметили силуэт немца, тот оказался связистом – разматывал катушку. Взяли и его, и опять один из разведчиков повел «гостя» домой. Остальные продвинулись к самому холму. Ахматов оставил четырех солдат здесь для прикрытия, а сам с одним бойцом пополз дальше. Они были почти у цели, когда фашисты их заметили. Разведчики приняли бой и сумели уничтожить пулеметную точку.

И сразу же дали сигнальную ракету. Деревня была взята с малыми потерями.

За мужество и смелость в этом бою Ханафий Ахматов был представлен к награде. Но он получил свой орден Красной Звезды за этот бой лишь в 1958 году – а тогда он был тяжело ранен и пролежал в госпитале около двух месяцев.

Потом он воевал, освобождая Новгород, Ригу, участвовал в разгроме Курляндской группировки врага.

В первые же жаркие дни битвы за Москву был ранен парень из высокогорного села Харун Аттоев. После лечения в госпитале в гор. Орехово-Зуеве вновь попал на фронт под Москву. В начале декабря наши войска пошли вперед. Аттоев командовал отделением. Ни сильные морозы, ни глубокий снег, ни ожесточенное сопротивление врага не в силах были остановить наших солдат. Под Москвой немцы впервые потерпели крупное поражение.

Это было уже в марте 1942 года. Командир роты вызвал к себе группу солдат, среди которых были Харун Аттоев и его земляк Эльбай Кульбаев. Перед группой была поставлена задача – занять высоту у деревни, которую предстояло атаковать. Повел группу старший лейтенант Селезнев. После ожесточенной схватки высота была взята. В этом бою и Харун Аттоев, и Эльбай Кульбаев показали себя бесстрашными бойцами. Но вскоре в одном из боев Харун Аттоев пал смертью храбрых, защищая Москву.

Эльбай Кульбаев свою первую награду – медаль «За отвагу» – получил в начале 1942 года за умело проведенную разведку с боем. Хоть он сам и был ранен, но в результате боевых действий разведчиков под его командованием удалось уточнить огневые возможности врага на этом участке фронта, что облегчило потом наступление наших войск.

После госпиталя Кульбаев воевал на Курской дуге, был награжден орденом Славы III степени.

Один из отважных сыновей Кавказа Хаким Демпуев, впоследствии ставший первым боевым балкарским генералом, в том горьком 41-м году воевал у стен Москвы. Танковая рота капитана Хакима Демпуева была среди тех частей, которые прикрывали столицу со стороны Наро-Фоминска...

Ранним утром после артподготовки наши пошли в атаку. Немцы стали отступать. Но тут наши наблюдатели заметили, что на помощь обороняющимся немцам спешит механизированная колонна – пехота на мотоциклах, машинах, танки, а за ними и артиллерия. Навстречу им вышла рота Демпуева и заняла удобную позицию.

И вот, когда колонна вытянулась на гребне дорожной насыпи, а местность была болотистой, танки Демпуева дали залп. Загорелись первые машины. Колонна застопорилась. Тогда одни стали съезжать с дороги, намериваясь проскочить опасный участок, но тут же застревали в трясине. А наши танки продолжали расстреливать машины и танки противника. Но немецкие артиллеристы, оказавшиеся в более выгодных условиях, чем вся колонна, сумели установить пушки и стали обстреливать танки роты Демпуева. Вот подбит один из наших танков. Потом второй... Демпуев выследил, откуда били немецкие пушки, и сумел уничтожить один из них. Теперь вторая пушка перенесла

свой огонь на танк Деппуева. Вокруг раздавались разрывы вражеских снарядов, в танке было трудно дышать от бензиновой гари и порохового дыма. Наконец, удалось уничтожить и вторую пушку врага. Деппуев перенес огонь на танки и машины фашистов. Колонна была уничтожена.

Полк пошел в наступление, рота Деппуева – тоже. Вот танки Хакима прорвались на позиции противника. Оставив пушки, разбежались в стороны фашистские артиллеристы.

Водитель танка сержант Матросов заметил справа пулемет противника, который непрерывно вел огонь по нашей наступающей пехоте и доложил об этом командиру.

– Дави его, гада! – приказал Деппуев.

Матросов развернул танк вправо, и пулемет врага остался под гусеницами танка.

Ближайшее село было занято. Всюду виднелись разбитые немецкие машины и пушки, трупы фашистов.

Вскоре майор Деппуев стал командиром танкового батальона и громил фашистов у Смоленска и в Белоруссии. Потом стал командиром полка. И до самого Берлина прокладывал путь нашей пехоте, громя фашистские механизированные и танковые войска.

В рядах защитников Москвы сражались также командир пулеметного взвода 134-го пехотного полка Шарафутдин Гулиев, артиллеристы Мамаш Таппасханов, Дадаш Османов и многие другие наши земляки.

Молодым лейтенантом связи встретил войну Дадаш Османов у западных границ нашей страны. В нелегких условиях отступления и бесконечных боев очень трудно было своевременно доставлять в штаб полка приказы командования, тем более, что и полк, и дивизия, неся большие потери, постоянно отступали.

На Южном Буге нашим войскам было тяжело. Здесь под угрозой окружения оказалась 18-я армия, сражавшаяся на западном берегу реки, когда у гор. Вознесенска немцы уже наступали вниз по восточному берегу. Очень тяжелые бои вели кавалеристы 5-й кавдивизии, в течение нескольких дней сдерживая противника, тем самым давая возможность частям 18-й армии форсировать Буг. 96-й полк вел бои уже почти окруженный. Связи с полком не было. А надо было доставить в полк приказ об отходе. Приказ об отходе повез Османов. Надо было прорваться в полк по очень узкому коридору, который еще не был занят немцами, но постоянно находился под пулеметным и артиллерийским обстрелом фашистов. Дадаш прекрасно понимал, что сейчас только от него зависит жизнь сотен людей. Сумеет он доставить приказ – полк отступит, люди останутся в живых, будут воевать, бить фашистов. Не сумеет – значительно превосходящие силы врага сметут всех бойцов полка, втопчут в землю.

Дадаш прорвался в расположение полка, и полк сумел вовремя отступить, задержись он на позициях еще хотя бы на один час, то неминуемо попал бы в окружение.

В наградном листе Османова, написанном командиром полка Есауловым и комиссаром Беляковым, говорится: «В бою под Вознесенском 8. 8. 1941г., доставляя в полк боевой приказ, т. Османов попал под сильный артиллерийский огонь. Одним из осколков снаряда он был ранен в руку, другим у него пробито фуражку. Это не задержало т.Османова в пути, и боевой приказ в полк он доставил своевременно. Будучи ранен, отказался эвакуироваться в госпиталь и продолжал нести свою боевую службу». Здесь хочется обратить внимание на одну, кажущуюся незначительной, деталь: раненный Дадаш отказался от госпиталя, когда, казалось, что в это адское время вполне естественно было бы на неделю-другую укрыться в госпитале вдали от смерти, что бродила по окопам передовой.

За этот подвиг Дадаш Османов был награжден орденом Красной звезды.

В конце октября 5-я кавдивизия была направлена на укрепление обороноспособности Москвы. Конники сражались в снежных полях в районе Серпухова и Каширы.

За время наступления зимней кампании 1941–1942 гг. ст. лейтенант Дадаш Османов прошел более 400 километров, освобождая села и города Подмосковья, Тульской и Калужской областей.

В начале 1943 года капитан Османов воевал на берегах Северного Донца, осенью форсировал Днепр севернее Киева, освобождал Житомир, Луцк. В 1944 году майор Османов стал офицером оперативного отдела 1-го гвардейского Краснознаменного Житомирского кавалерийского корпуса.

Весной 1944-го года корпус занимал позиции в Ростовской области. На фронте было затишье. А Османов вновь был представлен к награде.

Случилось следующее. «...Майор Османов 19.03.44 г. был направлен в штаб 25-го танкового корпуса для передачи устного распоряжения командира корпуса. Возвращаясь в штаб, гвардий майор Османов обнаружил в районе высоты 246,6 у 17-го километра северо-восточнее Радзивиллова группу противника силою до батальона пехоты, производящую окопные работы.

Наличие противника в указанном районе ставило под угрозу штаб корпуса, с одной стороны, и с другой – создавала возможность противнику нанести фланговый удар по действующим частям корпуса. По личной инициативе гвардии майор Османов с целью разведки под огнем проскакал перед фронтом окапывающегося противника и установил его численность и огневую мощь», – говорится в наградном листе.

Группировка врага, пробравшаяся в тыл наших войск, в тот же день была уничтожена. А вскоре в списке награжденных воинов 1-го Украинского фронта можно было прочесть и фамилию Дадаша Османова – он был удостоен ордена Отечественной войны II степени.

До Победы Дадаш Жунусович Османов не дожил всего две недели. Погиб уже на подступах к Берлину 24 апреля 1945 года.

5. Сражались и в окопах Сталинграда

Летом 1942 года, окрыленные своими успехами в южном направлении, немецкие генералы решили по советским войскам, державшим здесь оборону, нанести сразу же два мощных удара с тем, чтобы потом, развивая наступление, прорваться к Сталинграду и Кавказу. Соответственно были организованы две группы армий. Группа армий «А» под командованием генерал-полковника Э.Клейста должна была наступать по направлению на Кавказ, группа армий «Б» под командованием генерал-полковника М.Вейхса – на Сталинград.

С нашей стороны этим немецким войскам противостояли армии Сталинградского фронта, в состав которого входили 62, 63, 64 и 21 армии и 8 воздушная армия. Вскоре этому фронту были переданы и отступавшие с большими потерями 28, 38 армии, а также 57 армия и Волжская флотилия. Командующим фронтом был назначен маршал С. К. Тимошенко.

17 июля 1942 года 16 пехотных, 1 танковая, 2 моторизованные дивизии 6-й армии генерал-полковника Паулюса перешли в наступление. У реки Чир завязались жестокие бои. К концу июля немцы прорвали фронт и вышли к Дону. Но переправиться через реку немцам не удалось, так как к этому месту подошли только что сформированные две наши танковые армии.

19 августа немцы начали новое наступление на Сталинград. После жестоких боев, длившихся день и ночь несколько дней, немцы прорвали фронт, форсировали Дон и севернее Сталинграда вышли к Волге, разорвав таким образом войска Сталинградского фронта на две части. Это случилось 23 августа. В этот же день гитлеровцы подвергли город массовой бомбардировке. Рушились и горели дома, нефтехранилища, тысячами гибли люди. Бомбардировка города продолжалась и на следующий день. Но и в этих условиях предприятия города продолжали работать, поставляя фронту пушки, танки, снаряды. Женщины и дети в основном были переправлены за Волгу. С юга к Сталинграду подошла 4-я танковая армия гитлеровцев и нанесла сильный удар по нашим войскам. 62-я и 64-я армии отступили к городу, чтобы избежать окружения. Начиная с 13 сентября развернулись бои непосредственно за город.

Как и на всех фронтах, в окопах Сталинграда тоже мужественно сражались карачаевцы и балкарцы, как и сыновья всех народов страны.

Магомет Хуламханов был одним из них. В составе курсантов Орджоникидзевого пехотного училища с июля по сентябрь он воевал с наступавшими на Сталинград немцами еще на дальних подступах. В этих боях курсанты подбили 38 танков, сбили 11 самолетов, уничтожили сотни гитлеровцев. А 10 сентября лейтенант Хуламханов был назначен командиром взвода противотанковых ружей 42-го гвардейского полка, где командиром был прославившийся впоследствии полковник И. И. Людников. Полк входил в состав опять же прославившейся в боях за Сталинград 13-й стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева. Так молодой лейтенант Магомет Хуламханов оказался в самом пекле Сталинградской битвы. День за днем все ожесточеннее были бои. Смелого лейтенанта вскоре назначают политруком гвардейской стрелковой роты. Рота воевала на рубежах – мельница, Мамаев курган, берег Волги.

Бои шли за каждый квартал, за каждый дом. Бывало, что один и тот же дом переходил из рук в руки несколько раз. 13 раз захватывали фашисты вокзал, и каждый раз наши их оттуда выбивали. И Мамаев курган – господствующая высота в центре города – тоже не раз переходил из рук в руки. Ожесточенные бои шли за тракторный завод, поселки заводов «Красный Октябрь» и «Баррикады». Отважно сражались войны дивизии генералов Родимцева и Людникова (он уже стал генералом и командовал 308-й дивизией). Здесь и сражалась рота, где служил Хуламханов, и он не раз поднимал бойцов в полку.

Особенно тяжелыми были бои во второй половине сентября. Не считаясь с огромными потерями, фашисты упорно, день за днем пытались захватить город. К этому времени и сам город уже лежал в руинах, повсюду пожары, дым, гарь, постоянный грохот пушек, гул самолетов, разрывы бомб и снарядов. 2-я рота сражалась на улице Краснооктябрьской. 21 ноября рота в ходе наступательных боев вышла к знаменитому «дому Павлова». Во время штурма погиб командир роты гвардии капитан Иван Наумов, и Хуламханову пришлось взять командование на себя.

С 10 сентября по 21 декабря 1942 года однополчане Хуламханова уничтожили более 2500 гитлеровцев, 36 танков, 13 самолетов и много другой военной техники врага. И не было дня, когда бы политрук Хуламханов с призывом: «Коммунисты, за мной!» не поднимал бойцов в атаку.

Около 200 дней бился с фашистами в окопах сражающегося Сталинграда гвардии лейтенант Магомет Хуламханов. Дважды был ранен. Вторая рана оказалась тяжелой. Это случилось 21 декабря 1942 года. После излечения он вновь вернулся в Ста-

лингград, в 62-ю армию. Он был назначен политруком роты в 154 стрелковый полк.

8 августа 1943 года Хуламханов был вновь тяжело ранен. Медики признали его негодным к военной службе, и он был демобилизован. К этому времени его грудь украшали орден Отечественной войны II степени и несколько медалей.

Сражался в Сталинграде и рядовой Шаухал Мисиров из селения Верхняя Балкария. Бои в городе, лежащем в руинах, были особыми – там каждое отделение, каждый взвод имел как бы свой объект боя: дом на противоположной стороне улицы или даже развалины соседнего здания.

Однажды в разгар ожесточенных сентябрьских боев отделение, где служил Мисиров, получает приказ: выбить фашистов из дома на противоположной улице. В подвале этого дома засели немецкие пулеметчики и не давали нашим головы поднять. Несколько смельчаков пытались быстро перебежать улицу, но были сражены фашистскими пулями. Мисиров поливал оконные проемы подвала пулеметными очередями, но ничего не выходило – оттуда стреляли еще яростнее. Тогда Мисиров бросился вперед. Он успел упасть на землю раньше, чем фашист подкосил и его. Когда пулемет умолк, он еще раз рванулся вперед. На этот раз Мисиров успел убежать в сторону так, что пулемет из подвала его достать не мог. Стремительно подбежав к проему окна – пока не подстрелили другие фрицы! – бросил гранату. И сразу же ворвался туда, куда и кинул гранату. Но оказалось, что там кое-кто из немцев все же уцелел – на Шаухала набросились сразу несколько гитлеровцев. Одного из них Мисиров успел уложить автоматной очередью, но второй сумел ударить его прикладом по голове – видно, его хотели взять в плен. Но тут подоспел командир отделения сержант Бабенко и расстрелял находившихся в подвале немцев. Дом был взят, но не так дешево – погибли четыре бойца из отделения. Когда осмотрелись после боя, удивились тому, что Мисиров уцелел – на его шинели были десятки дыр от пуль, но сам он даже не был ранен.

Выдержав весь ад Сталинградского сражения, Мисиров вместе со всеми сослуживцами гнал фашистов от Волги, пленил солдат Паулюса, воевал на Курской дуге, под немецкими пулями форсировал Днепр, Волгу, Одер и вернулся домой с победой.

Мужество и отвага Мисирова во время Великой Отечественной войны отмечены шестью правительственными наградами. Среди них самые дорогие для солдат прошлой войны – медали «За отвагу», «За оборону Сталинграда».

Самый младший из пятерых братьев Мусукаевых, сражавшихся на фронтах Отечественной войны – восемнадцатилетний лейтенант Хызыр, командир взвода, после ранения попал в 98-ю стрелковую дивизию, которая держала оборону на южной

стороне Сталинграда. Яростные атаки частей 4-й танковой армии врага поддерживали тяжелая артиллерия и авиация противника. Бои были тяжкими, кровопролитными. Многие части советской армии здесь стояли насмерть, сдерживая врага. Взвод Мусукаева уничтожил около десяти танков противника. Героически сражаясь, погибли многие бойцы взвода, в том числе и командир – лейтенант Хызыр Мусукаев. Он посмертно награжден медалью «За отвагу».

Одним из защитников Сталинграда был и Магомет Якубович Настуев. В составе 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии в августе 1942 года он воевал еще на дальних подступах к Сталинграду – в степях Ростовской области. Вместе с ним тогда сражались и многие его земляки: М. Бабаев, В. Хоханаев, Б. Уянаев, А. Соттаев, А. Рахаев и другие.

В ноябре Настуев оказался у станицы Красноармейской, расположенной под Сталинградом. 19 ноября 1942 года началось стратегическое наступление советских войск, сражавшихся у Сталинграда. Наступление началось мощной артиллерийской подготовкой. Вместе со своими боевыми товарищами Магомет Настуев сражался в районе реки Аксай и станицы Котельниково. Особенно жаркие бои завязались у Котельникова, куда сумели подойти свежие танковые части гитлеровцев. Бои шли днем и ночью.

После победы у стен Сталинграда, Настуев громил фашистов на Украине и в Белоруссии. Вчитаемся в строки строго партийного документа времен войны, характеризующего гвардии сержанта Магомета Настуева: «...как младший командир хорошо знает свое дело, пользуется заслуженным авторитетом среди личного состава. В боях против немецко-фашистских захватчиков показывал образцы мужества и отваги, являлся участником многих рейдов по тылам противника в составе дивизии, полка, в которых также проявлял беспримерную смелость; трудные вопросы решал быстро и правильно. За проявленный героизм награжден орденом Красной звезды, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Варшавы»... Политически подготовлен, принимал активное участие в партийной жизни полка, был парторгом батареи и членом партийного бюро полка, принципиален. Делу партии Ленина предан.»

Завершил войну Настуев западнее Берлина, в городе Ратенау.

В окопах Сталинграда рядом с Магометом Настуевым сражались еще многие его земляки из Балкарии и Карачая. Один из них – Магомет Сопаяевич Гуртуев из селения Белая Речка возле Нальчика.

Войну Магомет Гуртуев встретил уже опытным воином: еще до Отечественной он прошел действительную военную службу, воевал с белофиннами.

В первый год войны участвовал в тяжелых боях за Перекоп, Симферополь, Севастополь.

В конце мая 1942 года Гуртуев был направлен в 316-й полк

115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. В составе дивизии он участвует в ожесточенных боях за Мартыновку, Ново-Николаевку, Цаган-Нур. В одном из боев, где полк потерял тяжкое поражение, Гуртуев спас полковое знамя, обмотав себя им и скрыв его под форменной одеждой. Вырвавшись к своим, он передал знамя командиру дивизии. За этот подвиг он был удостоен ордена Красной Звезды.

После расформирования дивизии Магомет Гуртуев, как и многие его земляки, попал в части, оборонявшие Сталинград. Он воевал на одном из самых опасных участков Сталинградского фронта, хотя на этом фронте, на этой войне нигде не было спокойных мест – это район Котельникова, куда была двинута с Кавказского направления 4-я немецкая танковая армия гитлеровцев на поддержку штурмовавших город фашистов. Здесь на берегах Аксая и начались ожесточенные бои, когда немецкие механизированные и танковые войска прилагали все усилия, чтобы прорваться к Волге, к Сталинграду. В этих боях дивизион М. Гуртуева уничтожил 19 вражеских танков. В эти страшные сентябрьские дни 1942 года на подступах к Сталинграду воевали, проявляя беспримерную выдержку и храбрость Магомет Бабаев, Ахач Рахаев, Ахия Соттаев и многие другие бойцы.

Не считаясь ни с чем, противник упрямо продвигался вперед все ближе и ближе к Волге. Казалось, стоит только немцам еще один раз решительно рвануться вперед, и они прорвутся. Но каждый раз из руин на пути наступающего врага вставали наши бойцы.

Тяжелые, затяжные бои изматывали не только наших бойцов, но и немецких солдат. В развалинах города гибла фашистская спесь, которая давала уверенность немецкой армии. Вот как пишет об этом немецкий офицер, служивший в армии Паулюса: «В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены: в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат».

Выдержав и ежедневные артобстрелы, и бомбардировки противника, и постоянные атаки, советские войска во второй половине ноября начали стратегическое наступление из-под стен Сталинграда. Хотя сильный туман и снегопад не дали возможности использовать бомбардировочную авиацию, но артиллерия свое дело сделала – она разрушила передовые оборонительные позиции противника. Советские дивизии стремительно продвигались вперед, и уже 23 ноября в районе поселка Советский встретились передовые части Юго-Западного и Сталинградского фронтов, полностью окружив немецко-фашистскую группировку войск в 22 дивизии.

Гитлер делал все, чтобы разорвать кольцо блокады, но из этого ничего не вышло. 8 января Паулюсу, командующему группировкой немецких войск, окруженных в Сталинграде, был предъ-

явлен ультиматум с предложением капитулировать. Ультиматум был отклонен, и 10 января началось уничтожение группировки немцев в Сталинграде. К 12 февраля группировка была уничтожена, в плен попали более 90 тысяч немецких солдат и офицеров, был пленен и сам генерал-фельдмаршал Паулюс.

В этих тяжелых боях участвовали сотни сынов Балкарии и Карачая.

После разгрома гитлеровцев под Сталинградом Магомет Гуртуев был направлен на учебу в высшее кавалерийское училище. После окончания училища воевал в составе 4-го гвардейского корпуса под командованием генерала Плиева, он был командиром эскадрона.

В мае 1944 года, как сын репрессированного народа, был отозван из действующей армии, направлен в Алма-Ату, а через два года демобилизовался.

За мужество и героизм в боях за Родину награжден орденом Боевого Красного Знамени и несколькими боевыми медалями.

Так сражались сыны Балкарии и Карачая во всех фронтах Великой Отечественной войны.

6. На огненной земле

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом, оккупанты спешно отступали с Кавказа, боясь, что и здесь, на Северном Кавказе, они окажутся в «мешке». Но на Таманском полуострове и в Новороссийске они решили закрепиться во что бы то ни стало. Во-первых, Таманский полуостров мог стать плацдармом для нового наступления, если даст бог, или же, на худой случай, будет прикрывать Крым с востока.

Но время, когда генералы верхмахта планировали и более или менее успешно выполняли свои планы, теперь уже прошло. Теперь настало время, когда задуманное выполняли, тоже, конечно, более или менее, советские генералы.

Правда, при выполнении задуманного, как и немецкие генералы, так и наши за «ценой не стояли» – но в том и сущность тоталитарных режимов, что для них кровь людская просто вода, лишь бы достичь поставленную цель...

Началом операции по освобождению Новороссийска стала высадка морского десанта в 250 человек в предместье города. Вскоре десантники расширили плацдарм до горы Мысхако – это и есть та самая знаменитая Малая земля, которую прославил своей книгой впоследствии маршал Советского Союза Л. И. Брежнев, в то время начальник политсовета 18-й армии, части которой в основном и высаживались после на этом плацдарме.

Конечно же, на Малой земле все войны действительно были

героями. Были среди них и более сотни уроженцев Кабардино-Балкарии. Среди них и Евгения Иванько. Вот что она писала впоследствии: «205 дней наша дивизия вела бои на Малой земле. Малая земля – это 28 квадратных километров... Вдоль и поперек она была перепахана ожесточенным артобстрелом и свирепой бомбежкой. Здесь воронки от бомб, снарядов и мин слились в одну сплошную черную рану. Немцы сами писали, что на каждого бойца Малой земли они израсходовали по 5 снарядов одной только тяжелой артиллерии. В апреле 1943 года враг задумал уничтожить и смести все живое на Мысхако. Он бросил авиацию. С 17 по 24 апреля день и ночь нас бомбили, нельзя было выйти из окопов... Но и это не помогло: немцы не проšli...».

В сражении за освобождение Новороссийска с первых чисел февраля участвовал бывший учитель из села Белая Речка лейтенант Абдулла Кучмезов, заместитель командира роты по политической части. Эта рота первой ворвалась на улицы города. И замполит роты Абдулла Кучмезов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Особо отличился необычайным мужеством во время боя за Новороссийск и кавалер ордена Боевого Красного Знамени командир полка майор Иосиф Койчужев из селения Яникой Чегемского района Кабардино-Балкарской Республики.

В начале февраля 647-й стрелковый полк, которым командовал Койчужев, занимал позиции юго-восточнее Новороссийска. Когда началась битва за освобождение Новороссийска, перед полком Койчуева была поставлена задача – прорвать линию фронта у высоты «531» и овладеть станицей Крымской. Полку были приданы батальон морской пехоты под командой капитана 3-го ранга Петра Мирошниченко и рота автоматчиков под командой Героя Советского Союза Сергея Панченко.

Немцы здесь рассчитывали на длительную оборону и их позиции были сильно укреплены – имелись три линии обороны. На первой линии находились пулеметы, на второй – власовцы, и лишь на третьей сами немцы – «арийцы».

Перед атакой полка наша артиллерия хорошенько «обработала» позиции немцев. После батальоны полка стремительно бросились вперед. Первую линию обороны заняли сравнительно легко, но на второй линии бойцы полка встретили яростное сопротивление изменников. Жаркий, яростный бой длился не так уж долго – власовцы были уничтожены все до единого.

На подступах к третьей линии бойцам полка пришлось залечь – со стороны станицы Крымской немцы открыли по ним ураганный огонь из всех видов оружия – и из автоматов, и из пулеметов, и из минометов.

Койчужев связался со штабом дивизии и попросил помочь артиллерией. После 20-минутной артподготовки бойцы стремительно пошли в атаку. Впереди, увлекая бойцов, бежали Кой-

чув и другие офицеры полка. Нового натиска гитлеровцы не выдержали – высота «531» была взята и дорога к станице была открыта. Вскоре вслед за полком Койчуева пошла в атаку и вся дивизия. Бой длился до самого вечера. Враг отступал, но и наши понесли большие потери: многие погибли смертью храбрых, многие были ранены.

Командира полка майора Койчуева тоже отправили в госпиталь с тяжелым ранением.

За мужество в боях за освобождение Новороссийска майор Койчуев был представлен к награждению вторым орденом Боевого Красного Знамени. Он получил этот орден лишь через 20 лет.

После освобождения Новороссийска 318-я Новороссийская стрелковая дивизия получила приказ: форсировать Керченский пролив, захватить плацдарм и закрепиться на нем. Стояла глубокая осень, было холодно. Наши штурмовики переправлялись на всем, что имелось у них – и на плоскодонных баржах, и на кораблях. Корабли до берега не доходили, приходилось по пояс в холодной воде добираться до берега. Немцы встретили храбрецов шквальным огнем, но нашим все-таки удалось захватить рыбацкий поселок Эльтиген и закрепиться там.

Оправившись от неожиданного удара нашей штурмовой группы, немцы начали атаки на поселок, стремясь сбросить в море десантников и уничтожить их. Так началась история этой битвы у поселка Эльтиген, ставшая потом легендой о героизме и стойкости советских воинов. Плацдарм наших войск у п. Эльтиген составлял небольшой участок земли длиной в 3 километра и шириной не более 1,5 километра. 40 дней и ночей длилась неравная борьба одной стрелковой дивизии советских войск со всей мощью фашистов, что имела у них, а имели они здесь, конечно же, не одну дивизию.

В первые дни немцы ходили в атаки особо не таясь, во весь рост, да еще вышагивая, правда, вслед за танками – мол, куда вы денетесь, не сегодня, так завтра мы вас утопим в море. Но на эти «психические» атаки наши отвечали огнем из пулеметов, автоматов и гранатами.

Видя, что дело принимает серьезный оборот, немцы стали ожесточенно обстреливать плацдарм артиллерией, бомбить из самолетов. Казалось, на этом участке уже ничего целого, никого живого не осталось. Но когда фашисты шли в атаку, их вновь встречали огнем наши бойцы.

Десант был блокирован и с моря, и, конечно же, с суши. Вскоре стала серьезно ощущаться нехватка боеприпасов, питания, воды. Чтобы утолить жажду пили дождевую воду из ям от разрыва бомб.

Лишь только в начале декабря удалось славной Новороссийской стрелковой дивизии прорвать блокаду и перейти в атаку. На «Огненной земле», как прозвали военные журналисты и историки плацдарм наших войск в Крыму у поселка Эльтиген,

героически сражались сыновья многих наших народов. В том числе карачаевцы и балкарцы.

Один из них Абдулла Кучмезов, который освобождал Новороссийск. Рота, в которой Кучмезов был замполитом, на «Огненной земле» держала оборону в районе школы, которая стояла на возвышенности и являлась как бы форпостом оборонительной линии десантников. Немцы ежедневно несколько раз штурмовали район школы. Они разрушали и школу, и все, что вокруг нее, сосредотачивая на ней огонь артиллерии и минометов, иногда били по школе из орудий прямой наводкой. И каждый раз после очередного обстрела шли на штурм, думая, наверное, что уж на этот раз им русские особого сопротивления оказать не смогут.

Но русские, а вместе с ними и балкарец Абдулла Кучмезов, каждый раз отбрасывали их назад. Когда немцы шли в атаку, Абдулла всегда находился там, где более всего было опасно. Он расстреливал фашистов из пулемета, кидал в них гранаты – волевал, как и все. И еще не забывал подбадривать солдат, поддерживать в них уверенность в нашу победу. А однажды группа бойцов в пятьдесят человек во главе с замполитом Абдуллой Кучмезовым отбила целых 12 атак немцев, которых поддерживали пять танков и самоходная установка «фердинанд». В тот день замполит лично сам уничтожил одиннадцать фашистов.

А в другой раз целая армада фашистов, не менее двух рот, поддержанная танком и самоходной пушкой, атаковала правый фланг роты, где были всего лишь пять наших воинов – командир роты старший лейтенант Колбасов, замполит лейтенант Кучмезов, старшина Покорный и телефонисты Кучеренко с Годобиным. Даже патроны, и то были на исходе.

Абдулла, стрелявший практически без промаха, взял себе два автомата и винтовку, и из них поочередно бил по фашистам. Кучеренко был его заряжающим. В первые же минуты Кучмезов убил 8 фашистов, Колбасов – троих. Не выдержав, армада фашистов отступила.

Чуть отдохнув, немцы снова пошли в атаку. Но их опять отбили. Несколько десятков фашистов были убиты. Но вот в тот момент, когда Кучмезов перевязывал рану командира, фашисты подкрались к блиндажу и забросали его гранатами. Уверенные в том, что там никто в живых не остался, немцы стали тут же устанавливать два пулемета. Но находившиеся в блиндаже Кучмезов и Колбасов чудом уцелели, лишь Колбасов был ранен повторно. Подхватив командира левой рукой, Кучмезов вместе с ним вышел к ходу сообщения, бросил в немцев один за другим две гранаты, и только потом кинулся с командиром в траншею. Немецкие пулеметы были уничтожены.

Тяжелораненого командира роты заменил замполит Кучмезов. И до последнего дня существования «Огненной земли» Абдулла Кучмезов командовал легендарным гарнизоном школы. Было приятно, что именно ему, так и оставшемуся в душе учите-

лем, и его боевым друзьям пришлось здесь, в этом пекле, защищать школу. Ведь школа – это надежда народа, его будущее. Нельзя, чтобы советской школой владели фашисты. Он, коммунист Кучмезов, не допустит этого пока жив. И он действительно не отдал эту школу немцам...

В краткие минуты затишья он часто вспоминал свою родную школу в Белой Речке, где сам учился в детстве, а, став взрослым, учил детей. Учил литературе, родному языку. Нет, он не хочет быть военным, он хочет остаться учителем. Не поедет он и в академию, о чем мечтают многие лейтенанты, а как только кончится война, сразу же поедет домой. Туда, где его родные синие горы, где ждет его школа – будущее его народа...

Мечту молодого лейтенанта оборвала фашистская пуля во время боев за освобождение легендарного города русских моряков – Севастополя. Это случилось 10 мая 1944 года при штурме Сапун-горы.

Неделю спустя в «Правде» был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении заместителя командира батальона по политической части Абдуллу Юсуповича Кучмезова орденом Ленина за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте и проявленные при этом доблесть и мужество.

7. Алим Байсултанов: сын Балкарии и сокол Балтики

Первым удостоенный высокого звания «Герой Советского Союза» за мужество и отвагу в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов из сыновей Кабардино-Балкарии Алим Юсуфович Байсултанов родился в 1919 году в селении Яникой Чегемского района, что находится недалеко от столицы республики гор. Нальчика.

В семье он был старшим, у него еще было шестеро братьев и сестер. Но, рассказывают, что характером он не «вышел» старшим – был весельчаком и балагуром. Таким, видимо, он и оставался до конца дней своих, коли даже будучи уже курсантом аэроклуба, как рассказывал другой наш замечательный летчик Борис Чабдаров, во время учебных полетов, отклонившись от курса, пролетел на низкой высоте над своим родным селом, помахивая крылами самолета – знайте, мол, наших! За это самовольство тогда его чуть было не исключили из аэроклуба...

А стать летчиком он мечтал с детства. После окончания семилетней школы поступил в Нальчикское педучилище и сразу же, по вечерам, ходил в местный аэроклуб. Усиленно занимался спортом, закалялся – ведь летчиками могут быть, как он слышал, только очень здоровые и сильные люди.

И вскоре его мечта осуществилась – его зачислили курсантом Ейского военно-морского авиационного училища. Но ле-

рых ими были сбиты, потоплены и подбиты немало вражеских самолетов, судов и наземной боевой техники, первыми на Балтике было присвоено звание Героя Советского Союза Алексею Антоненко и Петру Бринько.

У них и учился боевому мастерству Алим, и вскоре тоже открыл свой счет сбитым немецким самолетам. Бои в небе над Ханко становились все жарче и упорнее. Алим теперь сам командир звена, и ведомый у него Анатолий Кузнецов – друг и боевой товарищ, с которым Алим был знаком еще с училища.

Обычной «работой» летчиков-истребителей полка было сопровождение наших бомбардировщиков на задание, охота за вражескими бомбардировщиками, всяческая помощь наземным войскам – не пускать к ним вражескую авиацию, штурмовать вражеские колонны и позиции.

Враг рвался к Ленинграду. Героизм советских наземных войск, моряков и летчиков сдерживал его натиск, но он все же шаг за шагом продвигался к цели. В конце августа разгорелись ожесточенные бои за Таллин, где находилась основная база Балтийского флота. После двух дней кровопролитных боев было решено перебазировать флот в Кронштадт, укрепить обороноспособность Ленинграда. Немцы пытались не пропустить наши корабли в Кронштадт, но это им не удалось. И здесь летчики-истребители, а вместе с ними и Алим Байсултанов, сумели оградить наши корабли от вражеской авиации при их переходе из Таллина в Кронштадт.

За подвиги в боях за Ханко и Таллин, за смелые действия во время перехода Краснознаменного Балтийского флота в Кронштадт многие летчики-истребители были отмечены правительственными наградами. Алим получил второй орден Боевого Красного знамени.

Вскоре и истребительный полк авиации под командованием Героя Советского Союза Ивана Романенко тоже был передислоцирован в Ленинград.

Здесь и получил Алим письмо от земляков, узнавших из газет о его подвигах и награде. «Дорогой Алим! – писали они. – От души поздравляем тебя с высокой наградой – орденом Боевого Красного знамени. Защищать свою Родину от иноземных захватчиков – священный долг каждого человека... И впредь беспощадно уничтожай фашистских бандитов! Таков наш наказ тебе, дорогой Алим! Мы верим тебе, наш горный сокол!

Чтобы победить врага должен быть крепкий тыл. Мы твердо усвоили это, и в дни Отечественной войны от мала до велика самоотверженно работаем в своем колхозе. В этом году мы собрали богатый урожай хлеба, овощей. На наших пастбищах пасутся тучные стада. Всемерно помочь Красной Армии – под таким лозунгом мы досрочно сдали отборные продукты сельского хозяйства.

Мы верим и знаем, дорогой Алим, что победа будет за нами,

подлый враг будет стерт с лица нашей земли. Желаем тебе и впредь так же мужественно и бесстрашно расправляться с врагами, вероломно нападшими на нашу священную землю».

А на подступах к Ленинграду и в небе над ним бои завязывались все упорнее и ожесточеннее. 14 сентября немцы уже штурмовали Пулковские высоты, бомбили железнодорожные вокзалы, трассы, идущие к городу, по которым перемещались воинские части, идущие на помощь Ленинграду.

Как-то Алим Байсултанов со своим ведомым Анатолием Кузнецовым сошлись в небе с пятью «юнкерсами». Алим удалось с первой же атаки подбить ведущего «юнкерса», и тот начал терять высоту. Анатолий тоже сбил одного фашистского бомбардировщика. Остальные фашисты смогли убежать.

Но в этот же день полк понес тяжелую утрату – не вернулся с задания любимец всего полка Петр Бринько. С начала войны Петр сбил 15 вражеских самолетов. В тот день, 14 сентября, немцы особо ожесточенно штурмовали город и с земли, и с воздуха. Огонь вражеской артиллерии корректировался с азростата, нависшего в небе на подступах к городу. Бринько сбил этот проклятый азростат, а потом атакывал наступавшие вражеские наземные силы. И в это время был смертельно ранен...

Один «мессершмитт» повадился в одиночку охотиться за нашими истребителями, когда те обычно возвращались из задания – когда летчик как бы успокаивался, думая, что он, слава богу, уже дома. И в это время немецкий ас внезапно выныривал из облаков и атакывал. Так, однажды наши четверо летчиков смело вступили в бой с семью вражескими «мессерами». Никто не обратил внимания на одного из «мессеров», нырнувшего в облака. В первые же минуты боя были сбиты два вражеских самолета, остальные убежали.

Довольные победой, наши летчики возвращались на свой аэродром. И в тот миг, когда они пошли на посадку, из облаков вылетел «мессершмитт», бросился на наших, сбил одного, повредил два других самолета и опять скрылся в облаках.

Так было не раз.

– Разрешите, товарищ командир, подкараулить этого гада, – попросился Байсултанов, который, как и остальные летчики, горел желанием отомстить слишком уж обнаглевшему фашисту.

Группа наших улетела на выполнение очередного задания. Когда стало приближаться время их возвращения, Алим поднял свой самолет и стал кружить возле аэродрома, дожидаясь появления немецкого аса. День был безоблачный. Появится ли в такой день фашистский «охотник»?

Алим немного волновался – он знал, что на одиночную охоту выходят только очень опытные немецкие асы, которые прошли войну в Испании и Франции. Одолеть такого не так-то легко...

Но вот Алим заметил наконец на горизонте черную точку, которая быстро приближалась. Это, наверняка, летел немец, который уже знал, что наши возвращаются.

Видно, фашистский летчик тоже увидел нашего «караульного» и решил сперва убрать его, чтоб не мешал. Машины стали быстро приближаться друг к другу. Типичная ситуация во время воздушных боев, когда идет смертельное соревнование летчиков на стойкость, выдержку и мужество. Это соревнование легко может закончиться гибелью обоих летчиков, если никто из них не свернет в сторону или не собьет противника вовремя.

Скорее всего немецкий ас испугался, что фанатично воспитанный советский летчик, как он думал, не свернет, а потому нервы у него не выдержали первым – когда до столкновения оставались какие-то мгновения, фашист резко кинул самолет в сторону и постарался набрать высоту. Но Алим не «отпустил» его – неотступно следовал за ним. Вот настает момент, и Алим нажал на гашетку. Хвост «мессера» задело. Фашист резкими маневрами старался сбить пламя, но это ему не удавалось. Алим ринулся в атаку второй раз. Поймав на прицел врага, опять нажал на гашетку. «Мессершмитт» вспыхнул и пошел к земле.

К началу декабря обстановка на героическом полуострове Ханко становилась все труднее и труднее. После того, как немцы взяли Таллин, наша база на Ханко оказалась в тылу врага. А после блокады Ленинграда ее снабжение было очень затруднено. Эвакуировать людей и технику с базы было трудно. Залив практически был заминирован. Кое-как, с большими потерями, базу в основном эвакуировали в Кронштадт. На базе оставалось всего 16 человек – 8 летчиков и столько же техников. Стоял сплошной туман, лететь было невозможно. За ними должен был прийти катер, но он задерживался. А возможно даже, что он по пути на базу подорвался на mine. В случае необходимости, если улететь невозможно и придет катер, надо было уходить, уничтожив самолеты. Но как летчику сжечь свой самолет?

Может полететь? От Ханко до Кронштадта далеко, везде враги, сплошной туман – как лететь, если даже и не собьют, сами заплутаются, погибнут.

Решили все-таки лететь, ночью, когда есть хоть какой-то шанс на успех. Густая облачность, туман. В обычных условиях, конечно же, о полетах и речи быть не может. Но война – это не обычные условия, это постоянный риск. И летчики рискнули. Не было видно ни зги, летели по приборам.

Бывший командир полка, а ныне комбриг И. Г. Романенко все-таки верил, что его ребята что-то сделают и вопреки всему смогут прилететь. Сам был на аэродроме, приказал держать аэродром постоянно освещенным, чтобы при подлете летчики увидели.

Посадить самолет, когда земли почти не видно – дело тоже нелегкое. Самолет молодого летчика Старухина разбился при посадке, другой летчик, довольно опытный – Цокалаев – сел на «брюхо» в снег. Остальные приземлились удачно.

Когда командующий военно-воздушными силами флота генерал Самохин узнал об удачном перелете группы летчиков с Ханко, воскликнул:

– Быть не может! В такую погоду – ночной перелет над территорией врага?!

Он прекрасно знал, что такое дело могут совершить только очень сильные духом, мужественные люди. Они и были такими, морские летчики Балтики...

За неполный год боевых действий отважный сын Балкарии совершил около 300 боевых вылетов, громил механизированные колонны врага, сопровождал наших бомбардировщиков. Участвовал в 45 воздушных битвах, сбил сам 8 самолетов противника и еще 13 – в паре с товарищами.

За мужество и храбрость в боях с немецко-фашистскими захватчиками капитану Алим Юсуфовичу Байсултанову 23 октября 1942 года было присвоено первым из сыновей Кабардино-Балкарии высокое звание Героя Советского Союза.

Алим Байсултанов погиб в воздушном бою в небе над Балтикой, защищая Ленинград и свой родной Кавказ 23 августа 1943 года.

8. Мухажир Уммаев – герой из Черека

Весна 1990 года, Москва. В аэропорту приземляется самолет. Подполковник Галашкин из Министерства обороны специально приехал на аэропорт, чтобы встретить прилетевших в столицу из Нальчика Байханат Бозиеву и ее сына Байдуллаха и устроить их в уже заказанные для них номера лучшей гостиницы Москвы – «России». Устроив гостей, подполковник пожелал им спокойного отдыха. На следующее утро тот же подполковник отвоз гостей из Нальчика в Кремль. Здесь Байханат Бозиевой вручили Золотую Звезду Героя Советского Союза, которой был посмертно удостоен ее брат Мухажир Магомедгериевич Уммаев, во время войны – гвардии старший лейтенант, командир стрелковой роты.

До войны Мухажир закончил Нальчикский педтехникум и работал учителем в своем родном селении Верхняя Балкария. Однажды он сказал родителям, что хотел бы продолжить учебу. Мать Аминат, конечно, не хотела отпускать еще раз надолго сына из дому, но отец Магомедгерий благословил, сказав: «Наше время было темное, мы остались неучами, пусть учится».

Родители, разумеется, думали, что Мухажир будет совершенствовать свои знания как педагог, или же будет после «боль-

шой учебы» доктором или инженером. Но Мухажир поступил в военное училище.

К первой своей награде – медали «За отвагу» – он был представлен за храбрость и умелые действия во время боя за освобождение хуторов Верхне-Астаховский и Давыдо-Никольский. В разгар боя заклинило пулемет, и тогда немцы пошли в контратаку. Командир роты Уммаев вмиг оказался у замолкшего пулемета, быстро исправил его и сам открыл огонь по наступающим фашистам. А потом в атаку пошли бойцы Уммаева. Бой был выигран – были освобождены оба хутора. В этом бою рота Уммаева уничтожила три пулеметные тачки противника, истребила 57 солдат и офицеров врага и захватила еще 32 человека в плен.

Было в это время Мухажир Уммаеву всего 20 лет.

Весной 1943 года наши войска на южном направлении стремительно продвигались вперед. Нередки были случаи, что и фашисты организовывали контратаки. Во время одной из таких контратак фашистов рота Уммаева оказалась в окружении. В тот день немцы пять раз атаковывали позиции роты с использованием танков, но каждый раз бойцы Уммаева давали им отпор. И сами ходили в атаку. В тот день рота нанесла противнику большой урон в живой силе и технике. За мужество и отвагу, проявленные в эти дни, командир героически сражавшейся роты старший лейтенант Мухажир Уммаев был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

В начале сентября 1943 года Краснознаменная, орденов Суворова и Богдана Хмельницкого 59-я гвардейская стрелковая дивизия начала штурм города Краматорска. Среди штурмовавших город подразделений и пулеметная рота гвардии старшего лейтенанта Мухажира Уммаева.

Жаркие бои завязались уже на подступах к городу. Напротив роты Уммаева оборону держали две роты противника, которых к тому же хорошо поддерживали минометчики. В очередной раз после шквального минометного огня немцы опять поднялись на контратаку. Несмотря на полученную рану, Уммаев продолжал руководить боем. И воевать – он сам лежал за станковым пулеметом и вел прицельный огонь по наступающему врагу. Немцы были отброшены назад. А вскоре начался общий штурм города.

За мужество и отвагу, проявленные бойцами во время освобождения города Краматорска, дивизии было присвоено почетное наименование «Краматорская».

Освободив Краматорск, полки дивизии устремились далее на запад, изгоняя фашистов из городов и сел. А в это время, когда Мухажир со своей ротой приносил радость свободы в села и города Украины, палачи Сталина, «величайшего полководца», лишали свободы отца и мать героя, его односельчан и в товарных вагонах вывозили в степи Средней Азии.

В апреле 1944 года развернулись бои за освобождение Одессы. Командир дивизии, где служил Уммаев, так напишет о действиях Уммаева в его наградном листе: «В боях 10 апреля 1944 года за овладение городом Одесса командир стрелковой роты гвардии старший лейтенант Уммаев проявил исключительное героичество и отвагу. На подступах к городу Одесса противник перешел в контратаку. Товарищ Уммаев, командуя стрелковой ротой, отразил три ожесточенные атаки противника. Вместе со своей ротой ринулся вперед и с криком «ура» первым ворвался на окраины города. В этом бою товарищ Уммаев в рукопашной схватке с противником сам лично уничтожил 18 немцев, а его рота уничтожила 200 гитлеровских солдат и офицеров, при этом захвачены в плен 10 немецких солдат и боевые трофеи. Преследуя отступающего противника, товарищ Уммаев ворвался в центр города Одесса и уничтожил со своей ротой еще сто немецких солдат и офицеров».

Далее командир дивизии писал о том, что Уммаев Мухажир Магометгериевич достоин звания «Герой Советского Союза».

Командир дивизии, видимо, не знал о том, что сыновей репрессированных народов не следует представлять к званию «Герой Советского Союза», если даже каждый из них по одному, без чьей-либо помощи, будут уничтожать целые армии противника, отбивать у фашистов города. «А этот «старлей» всего-навсего убил только около 20 фашистов и первым ворвался со своей ротой и в город, и в центр города – подумаешь! К тому же балкарец – «сын бандитов», – так, наверное, сказал один из военных чинов, просеивавших бумаги, идущие на имя Верховного.

И на груди героя появляется не звезда Героя, а орден Александра Невского...

В том же бою, но скорее позже, Мухажир был очень тяжело ранен в грудь и долго лечился в госпитале. Демобилизовался он в конце войны и года два работал в военкомате города Семипалатинска в Казахстане. Нашел родных лишь спустя два года, в 1947 году в Южно-Казахстанской области в совхозе имени Кирова. А уже через год, в марте 1948-го года, он умер. По рассказам его сестры Байханат, его рана на груди еще тогда не совсем зажила и она сама его перевязывала...

Спустя более сорока лет после смерти Мухажира на имя его сестры Байханат из Кремля пришла телеграмма от Президента СССР Михаила Горбачева. «Уважаемая Байханат Магометгериевна! – писал Президент страны. – Вашему брату Мухажиру Магометгериевичу Уммаеву Указом Президента Союза Советских Социалистических Республик от 5 мая 1990 года за неукоснительное выполнение приказов командования во время Великой Отечественной войны и проявленные при этом мужество и героизм присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Сердечно поздравляю Вас с 45-летием Великой Победы советского народа!

Желаю Вам крепкого здоровья, счастья и всяческих успехов в благородном деле укрепления нашей любимой Родины.

С уважением

Президент Союза Советских Социалистических Республик
М. Горбачев.

1990 год, 7 мая».

Такие же поздравления Байханат получила и от министра обороны СССР Дмитрия Язова и от Президента Кабардино-Балкарской Республики Валерия Кокова. А 9 мая 1990 года – Праздник Победы – в Верхней Балкарии по существу стал днем помертного чествования Мухажира Уммаева, героя-балкарца, отдавшего свою молодую жизнь за независимость своей любимой Родины, но которая только теперь, спустя почти полвека, после долгих уговоров земляков Мухажира, наконец-то смилостивилась зачислить имя героя в список Героев. Конечно, лучше поздно, чем никогда. Но все-таки гораздо лучше все делать в свое время. Если бы Мухажиру присвоили звание Героя Советского Союза в свое время, конечно же, его, Героя, не отправили бы домой так – не долечив от тяжелой раны. И тогда... Но история, говорят, не имеет сослагательного наклонения. А потому все было так, как и было.

А кто теперь скажет, что заставило его, героя войны, задержаться на целых два года в Семипалатинске, а не найти свою семью и сразу же переехать туда, где родные? И как он, человек своей грудью, в буквальном смысле слова, защищавший Родину, воспринял весть о том, что всех его родственников, всех его соплеменников эта же Родина, которую он так яростно защищал, обозвала бандитами и сослала на погибель в знойные степи? Может быть, он как раз и не хотел встречи с родными, с соплеменниками, боясь, что они с горечью спросят его, увешенного орденами: «Стоило ли тебе за такую Родину кровь проливать? И зачем тебе эти красивые железки на груди? Можешь ими не хвастаться перед нами – ведь ты тоже теперь, как и мы, бандит!».

Как рассказывают очевидцы, Мухажир, этот жизнерадостный молодой человек в довоенные годы, почти всегда был грустным после войны. А в первые дни даже глаз не поднимал, слушая печальные рассказы родных о пережитом горе – он словно боялся с кем-либо встретиться взглядом, как будто он был виноват в той трагедии, что случилась с народом, пока он воевал.

Да и прожил-то он после переезда к родным всего ничего – один только год. Один только год, но это триста шестьдесят дней и ночей горьких дум и размышлений: как, как это могло случиться, что наша любимая Родина-мать вдруг оказалась нашей злой мачехой, жестокой и бессердечной? Как же теперь жить, коль не осталось ничего святого, ничего светлого? К кому

пойти жаловаться, где искать правду? Наверное, вообще правды нет на свете.

...А спустя почти полвека в Верхней Балкарии был праздник – праздновали присвоение высокого звания Героя Советского Союза отважному сыну балкарского народа Мухажир Уммаеву. Более тысячи сыновей послала Верхняя Балкария в ту войну защищать родину, многие из них пали на полях сражений, честно исполняя свой долг. На торжественном митинге выступали ветераны войны, гости из Украины, Нальчика и из кабардинского селения Аушигер, откуда был родом Кабард Карданов, которому тоже посмертно присвоено высокое звание Героя Советского Союза, говорили красиво, хорошо. Гости из Аушигера сказали, что одну из улиц села обязательно назовут именем Мухажира Уммаева. Поистине – праздник со слезами на глазах. Пусть будет так, чтобы поменьше было на нашей земле таких праздников – праздников, посвященных погибшим героям, которых сперва Родина и вовсе не хотела признавать героями.

9. Голубое небо было для них домом родным

Рядом с мужественными сынами всех народов нашей страны в годы Великой Отечественной войны на земле и в небе бесстрашно сражались и джигиты из Балкарии и Карачая.

С первых же дней войны советские летчики смело вступили в смертельную схватку с фашизмом и многие из них прославили свои имена беспримерной храбростью и смелостью. Трижды удостоились высокого звания «Герой Советского Союза» Иван Кожедуб и Алексей Покрышкин, весь мир удивил своим мужеством Алексей Маресьев, до последней минуты своей жизни бился с врагом Николай Гастелло...

Среди советских соколов было немало и посланцев гордого Кавказа, в том числе балкарцев и карачаевцев. Это и Алим Байсултанов, и Солтан Малкаров, и Мухтар Гаев и многие другие. Одним из них был Ибрагим Баззаевич Чабдаров...

1934 год. Тогда весь мир следил за героической эпопеей челюскинцев. Научно-исследовательское судно «Челюскин» с научной экспедицией во главе с академиком Отто Юлиевичем Шмидтом, вышедшее из Ленинграда во Владивосток по Северному морскому пути, было раздавлено в феврале льдами Северного ледовитого океана и затонуло. Экипаж судна и ученые оказались на льдине и целых два месяца в тяжелых условиях Арктики продолжали вести научную работу.

В операции по спасению челюскинцев участвовали корабли и самолеты. Летчики полярной авиации А. В. Ляпидевский, С. А. Леваневский, Н. П. Каманин, М. В. Водопьянов, И. В. Доро-

нин, В. С. Молоков, М. Г. Слепнев, несмотря на неблагоприятные условия, спасли всех ученых и членов экипажа.

Именно тогда, 16 апреля 1934 года, было учреждено высокое звание «Герой Советского Союза» и первыми героями страны стали летчики-полярники, спасшие челюскинцев. Первым Героем Советского Союза стал А.В. Ляпидевский.

Как и многие юноши тех лет, Ибрагим Чабдаров тоже не раз с завистью глядел на газетные фотографии героев-летчиков. Он тогда учился в Нальчикском педучилище. И, конечно же, как только в следующем году в Нальчике открылся аэроклуб, он стал одним из первых его курсантов. А через год, в 1936 году, он уже стал курсантом Луганского военно-летного училища. Так что, к началу войны Ибрагим Чабдаров был уже вполне опытным летчиком-истребителем, командиром звена. И она, эта жестокая война, застала его как раз там, где и было труднее всего – на западной границе, в районе Брест-Литовска.

Как известно, первые фашистские бомбы были сброшены именно на военные аэродромы, так как немецкое командование планировало в первый же день войны уничтожить почти весь военно-воздушный флот СССР в западной части страны. Это, конечно, немцам не удалось. Но большинство наших самолетов из аэродромов, расположенных вблизи западных границ, так и не смогли подняться в воздух – они сгорели на земле. И тогда летчикам, которым все-таки удалось подняться в воздух и встретить врага, было вдвойне тяжело, так как на каждого из них приходилось чуть ли не по десятку фашистских асов. Но, как известно, на войне никогда и не бывает легко. И Ибрагим Чабдаров вместе со своими боевыми друзьями ежедневно поднимался в небо навстречу немецким бомбардировщикам, несущим смерть на наши позиции. И не так уж редко, окутанные пламенем, падали вниз бомбардировщики «юнкерсы» и сопровождавшие их истребители «мессершмитты».

Тяжелые бои, отступление. Полк, в котором служил Ибрагим Чабдаров вот уже под Смоленском, почти у Москвы. После одного тяжелого воздушного боя Ибрагим остался без машины – его самолет был изрешечен так, что не подлежал восстановлению. Он и еще несколько летчиков, оставшиеся без самолетов, быстро обучились летать на новых самолетах и были отправлены на Ленинградский фронт. Тогда, осенью 1941 года, вокруг осажденного Ленинграда не только на земле и на море шли ожесточенные бои с фашистами, но и в небе. В небе, возможно, даже более тяжелые, так как к городу ежедневно рвались армады немецких бомбардировщиков. В этих боях Ибрагим Чабдаров сбил три вражеских самолета. Но и сам был два раза подбит и горел, не раз был ранен.

После очередного выздоровления вновь оказался под Моск-

вой, а когда здесь немцы потерпели поражение, был направлен туда, где на берегу Волги разворачивалась самая грандиозная, как мы теперь знаем, битва Второй мировой войны – Сталинградская битва.

После провала наступления на Москву прямо в лоб, немецкие стратеги решили отрезать центр России, а значит и Москву, от Юга и Кавказа, богатого продовольствием и нефтью района страны. Сюда были направлены лучшие и боеспособные немецкие армии, большей частью механизированные. Наземные войска поддерживали армады фашистских самолетов-бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей. И они, как известно, господствовали тогда в воздухе. А это значит, что нашим летчикам приходилось очень и очень тяжело. Ибрагим Чабдаров воевал в небе Сталинграда с первых до последних дней этой грандиозной битвы.

Один раз командир полка подполковник Горев еще с пятью товарищами летел на задание – штурмовать аэродром противника. Неожиданно наши увидели перед собой большую группу фашистских бомбардировщиков в сопровождении 12-ти истребителей, которые направлялись бомбить наши позиции.

Горев сообщил в полк о случившемся и приказал, чтобы остальные ребята поспешили им на помощь, и что он сам со своими товарищами атакуют фашистов. Среди тех летчиков, которые летели вместе с командиром, был и Ибрагим Чабдаров.

– Пропустить их нельзя, ребята! Спокойствие и решительность! Начали! – услышали в наушниках летевшие с командиром летчики его голос – спокойный и уверенный.

Командир напрямую ринулся к «онкерсам». И вскоре один из тяжелых бомбардировщиков задымил и медленно пошел вниз. Бой разгорелся вовсю. И в очередной раз рванувшись вверх, Ибрагим привычно окинул взглядом «поле боя», ища очередную цель, как вдруг увидел, что командира, слишком уж увлекшегося охотой за бомбардировщиками, два «мессера» начинают зажимать в клещи. Ибрагим кинулся на помощь и с ходу подбил одного «мессершмитта», уже изготовившегося для атаки. А второй «мессер» во время этой сватки, оказывается, пристроился к хвосту ибрагимовского самолета. Но командир эскадрильи капитан Веселов, видно, тоже был поблизости и видел все: он сбил фашиста и спас Ибрагима от неминуемой беды. Вскоре в небе появились остальные летчики полка, спешившие на помощь, и тогда немцы постарались поскорее выбраться из боя...

После Сталинграда Ибрагим Чабдаров очищал небо над родным Кавказом, над Новороссийском и Ростовым.

В 1944 году Ибрагима Чабдарова направили в Новосибирск. В это время авиационные заводы страны собирали все больше и больше боевых самолетов для фронта, но перед отправкой каждый самолет должен был пройти испытание. Опытных лет-

чиков-испытателей не хватало. Вот так и стал Ибрагим Чабдаров летчиком-испытателем.

Летчик-испытатель – это профессия сильных и смелых людей, которые ежедневно совершают подвиги, рискуя жизнью.

Бывало всякое – в небе то загоралась машина, то неожиданно отказывал мотор, но каждый раз прекрасное знание техники, высокое летное мастерство, бесстрашие и смекалка выручали его из беды, и он сажал на землю то горящий самолет, то поврежденный. Тем самым спасая и свою жизнь, и дорогостоящую технику.

Целых 25 лет испытывал в небе новые самолеты Ибрагим Чабдаров, стал настоящим асом своего дела. Свидетельство тому – высокое звание Заслуженного летчика-испытателя СССР, которого он удостоился в 1967 году.

В 1971 году Ибрагим Чабдаров вышел в отставку и вернулся в родную Кабардино-Балкарию, жил в городе Нальчике.

Да, в последние годы жизни он уже не летал, жил в Долинске, в курортном пригороде Нальчика. Но все время поглядывал на небо, где, оставляя белый след, стрелой пролетали самолеты. Он часто гулял по парку, по проспектам родного и любимого города, но всегда мысленно был там – в синем, высоком небе, где он летал соколом. Небо было для него домом родным, где у него было немало друзей и знакомых – авиаконструкторы Артем Иванович Микоян, Михаил Иосифович Гуревич, дважды Герой Советского Союза, лауреат Ленинской премии, заслуженный летчик-испытатель Владимир Константинович Кокинакки и многие другие...

Это было в марте 1944 года. Летчик-истребитель лейтенант Алийсолтан Хайыров после излечения в военном госпитале в городе Саратове возвращался в свою часть. На какой-то станции между Саратовым и Астраханью его поезд почему-то долго стоял, и Алийсолтан пошел вдоль поезда, видно, желая узнать в чем дело.

Алийсолтан спешил на фронт, он хотел поскорее встретиться с фашистами в небе – чтобы отомстить: ведь они два раза сбивали его и оба раза он едва спасся, выпрыгнув с горящего самолета.

Правда, он тоже не остался в долгу: сам лично сбил три вражеских самолета и еще три – вместе с товарищами. Лежа в госпитале, он часто вспоминал воздушные бои и теперь хорошо знал свои промахи в те моменты, когда оказывался мишенью для немца. Теперь он будет более решительным, но в то же время и более расчетливым и осмотрительным...

В это время со стороны Астрахани прибыл товарный поезд и остановился на соседнем пути.

Алийсолтан так и стоял, пораженный, удивленный услышанным: люди в вагонах разговаривали (вернее – стонали и зывали о помощи!) на родном балкарском, у дверей, никого не выпуская, стояли солдаты. И вдруг Алийсолтан узнал своих од-

носельчан! И они узнали его. «Алийсолтан! Твой отец здесь, с нами!» – кричали из вагона. Охранники не пустили Алийсолтана в вагон, тогда к дверям подошел его отец, Таусолтан.

«Что случилось, отец? Чем вы провинились и куда вас везут?» – с отчаянием в голосе спросил Алийсолтан.

«Мы ничего не знаем, сын мой, – ответил отец. – Но ты на Родину не обижайся, ведь в этом виноват какой-то злой человек!» – только и успел сказать отец, как его, Алийсолтана, поезд тронулся. Он еле успел вскочить на подножку своего вагона.

«Во всем виноваты фашисты. Если бы не война, и этой страшной несправедливости не было бы!» – все время думал Алийсолтан и все больше хотел поскорее подняться в воздух и схватиться с немцами.

Но по прибытии в полк выяснилось, что он уже не может быть допущен к боевым вылетам – ему, как и многим другим сыновьям репрессированных народов, уже не доверяли боевую машину.

Алийсолтан зашел к командиру полка. Попросил оставить его в полку.

«Ты храбрый и честный офицер, опытный летчик, но пойми – я не в силах оставить тебя в полку, – ответил командир полка. – Не могу же я не исполнить приказ командующего...».

В характеристике, подписанной командиром 185 истребительно-авиационного полка, выданной Алийсолтану Хайырову было сказано: «Командир звена Алийсолтан Таусолтанович Хайыров за время боевых действий совершил 208 боевых вылета, участвовал в десятках воздушных боев. Награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями. Опытный летчик, во время боев проявил образцы мужества, неукоснительно выполнял все приказы и распоряжения командования, дисциплинирован».

Если б не изгнали его с фронта, в скольких боях пришлось бы участвовать еще отважному летчику Алийсолтану Хайырову, сколько фашистских самолетов он сбил бы и каких наград он удостоился бы – все это осталось в неизвестности.

Родина, к сожалению, не позволила своему верному сыну до победного конца сражаться с врагами за ее честь и свободу...

Не позволила она сражаться за ее честь и достоинство и тысячам других сыновей репрессированных народов. Среди них были и летчики Солтан Малкаров, Мухтар Гаев и другие.

Из истории братского карачаевского народа

10. Сыны Карачая – храбрые защитники Родины

С первых же дней Великой Отечественной войны тысячи доблестных сынов Карачая вместе со своими боевыми товарищами со всех уголков многонационального Союза Советских Социалистических Республик грудью встали на защиту своей любимой Родины. Они героически сражались в Брестской крепости и в небе Балтики, под Смоленском в жаркие летние дни 41-го и в лютые декабрьские морозы под Москвой, обороняли Ленинград и Сталинград, выдерживали атаки фашистов у Курска, а потом брали Будапешт и Вену, Кенигсберг и Берлин. В огне войны сгорели почти десять тысяч молодых и красивых сынов Карачая, живыми вернулись домой гораздо меньше – около семи тысяч.

За храбрость и беспримерное мужество тысячи карачаевцев были удостоены высоких правительственных наград, но многие из них так и не получили свои заслуженные награды, вдруг оказавшись в немилости у Родины, которую они так беззаветно защищали: с конца 1943 года, после выселения карачаевцев, воинов-карачаевцев стали отзывать с фронтов в тыл, а тех, которые все-таки оставались на фронтах и совершали подвиги, Кремль отличал неохотно, а если и награждали, то более незначительными наградами, чем те заслуживали. Так, из 25 карачаевцев, представленных во время войны к высокому званию Героя Советского Союза, этого звания удостоился только один человек – Харун Богатырев. За мужество, отвагу, умелые действия во время форсирования Днепра, в результате чего воинское подразделение, которым он командовал, первым захватило плацдарм на западном берегу реки. Командир танкового полка гвардии полковник Харун Богатырев потом штурмовал Берлин и брал Прагу. Был награжден также тремя орденами Боевого Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, Отечественной войны и другими орденами и медалями.

В 1965 году легендарный командир белорусских партизан Осман Касаев был посмертно удостоен высокого звания – Герой Советского Союза, а спустя еще двадцать лет признали героями еще девять карачаевцев, мужественных защитников Родины в период Великой Отечественной войны. И лишь только двое из этих девяти героев были живы в то время – это Хамзат Бадахов и Дугербий Узденов. А остальные семь героев были удостоены высокого звания «Герой России» посмертно – это Солтан-Хамид Биджиев, Магомед Гербеков, Джанибек Голаев, Аб-

дул Ижаев, Юнус Каракетов, Кичитбатыр Хаиркизов и Харун Чочаев. Но большинство воинов-карачаевцев, представленных во время войны к званию Героя, так и не получили этого звания. Это Аскер Бадахов, Аскер Бархзов, Исмаил Батчаев, Магомет Декушев, Мурадин Гаджаев, Ажу Канаматов, Шукур Крымшамхалов, Сафар Кубанов, Юсуф Чомаев, Ниязи Шоштаев и Магомет Акбаев.

Об одном из этих Героев, так и не признанных Отчизной, которую они защищали не жалея своей жизни, расскажем более подробно.

Он не был пасынком Родины, а был ее верным сыном. Так можно сказать о многих офицерах-сынах Карачая, не щадя своей жизни сражавшихся на фронтах Великой Отечественной войны даже и после того, как были изгнаны из своих родных мест их родные и близкие.

О чем они, командиры рот и батальонов, эскадронов и полков, думали в те минуты, когда, поднимая своих бойцов в атаку, кидались на врага с криком: «За мной! За нашу любимую Родину!». Ведь они уже прекрасно знали, что их любимая Родина на поверку оказалась вовсе не матерью родной, а злой мачехой – она оскорбила их, обозвав при всех изменниками и бандитами, и прогнала в далекие безводные степи Казахстана и Средней Азии – если сможете, мол, выживайте, а если нет, то нет. Как можно проливать кровь, а если надо – и жизни отдать за злую мачеху? Родина не имеет право быть злой и жестокой, а если она такая – то ее вовсе и нет! А человек без Родины – это уже не человек. У него нет будущего, нет мечты. А за что воевать, проливать кровь человеку, у которого нет ни Родины, ни будущего, ни мечты? Ведь сказано же давным-давно умными людьми, что только любовь к Родине ведет к героизму и подвигам. А какая может быть любовь к Родине, которая тебя всячески оскорбляет и унижает прилюдно?

Так, наверное, горько размышляли многие лейтенанты и капитаны, майоры и полковники – сыновья репрессированных народов, все еще случайно остававшиеся в действующей армии даже после приказа об их отправке в тыл для последующей демобилизации.

Одним из них был полковник Магомет Декушев. В один из дней поздней осени 1943 года дежурный по штабу Сталинградского фронта полковник Декушев получил телеграмму из Генштаба с приказом отзыва в тыл представителей репрессированных народов. С телеграммой в руке он зашел к начальнику штаба генералу С. С. Бюрозову, и, доложив о содержании телеграммы, спросил – касается ли это и его. Полковник Декушев был карачаевцем. «О приказе Генштаба сообщите в нужные места», – сказал генерал. А потом, неожиданно перейдя на «ты», добавил: «И чтобы от тебя я более не слышал подобных вопросов, ясно?». «Ясно, товарищ генерал!» – ответил Декушев. И продолжал воевать. В июне 1944 года его назначают начальником разведотдела 28-й армии. И в этой должности он доходит до Вислы. За героизм в период освобождения Польши его

награждают орденом «Крест храбрых». И здесь полковника Декушева назначают начальником штаба 33-й бригады знаменитой 2-й гвардейской танковой армии. Закончил войну гвардии полковник Декушев во вражеском Берлине.

Храбрый сын карачаевского народа Магомет Декушев с боями прошел от Сталинграда до Берлина, участвовал во многих боях, много раз был ранен, но самую тяжелую рану нанесла ему безмерно любимая им Родина-мать, за честь и достоинство которой он бился с фашистскими чудовищами не жалея и жизни своей. Поверив грязной клевете подлых людей, она, Родина-мать, так жестоко наказала его народ, его близких и родных, обозвав их изменниками и бандитами и выгнав с Кавказа в жаркие степи Средней Азии.

Все раны, полученные в боях с фашизмом вроде бы зажили, затянулись, но эта рана, нанесенная прямо в сердце Матерью-Родиной, так и не зажила в душе героя-фронтовика до конца его дней. Недаром же сказано Кязимом:

Заживает рана от меча,

Рана от любви – не заживает.

Пылкий карачаевский парень уж очень сильно любил свою Родину. Посвятил ей всю жизнь, но она поступила с ним как со своим нелюбимым пасынком, погубила его отца и мать, и рана, нанесенная прямо в сердце этой жестокостью, так никогда и не зажила.

С болью и обидой рассказывал верный сын Родины, ее отважный воин Магомет Декушев о себе и о трагической судьбе своих близких журналистке Фатиме Байрамуковой незадолго до своей смерти.

Когда в 1946 году ему впервые за много лет удалось приехать к родным в Казахстан, то ни мать, ни отца он уже в живых не застал – оказалось, что мать умерла в первый же день ссылки, а отец – чуть позже. Уезжая обратно на службу в Германию, он не смог взять с собой даже жену и дочь – в то время ссыльных людей никто, конечно же, просто так не мог пустить в заграницу. Лишь через год удалось выбить разрешение командиру танкового полка гвардии полковнику Декушеву на то, чтобы он мог привезти к месту своей службы семью.

– Тогда Гриша и привез их, – улыбаясь, говорил Магомет.

Судьба Гриши – Георгия Дмитриевича Скрипкина – яркое свидетельство высокой человечности полковника Декушева.

Это было в 1943 году на Украине. Однажды Декушев не смог пройти мимо необычной для войны картины – дрались петух и индюк. Остановился и тут заметил сидевшего у плетня мальчонку. Он оказался беспризорным. И полковник взял его с собой. В Германии, когда Декушев был командиром полка, держал Гришу при себе как ординарца – тому уже шел 14-й год. Мальчик знал немецкий, а потому одновременно являлся и переводчиком. Учился в вечерней школе при воинской части.

А когда Грише исполнилось 18 лет, Декушев отправил его к родственникам и друзьям в Среднюю Азию. В то время Умар Алиев, известный общественный деятель и ученый Карачая и Балкарии, работал в Киргизском госуниверситете. Декушев и написал ему письмо с просьбой помочь Грише, когда тот закончил школу. Так Гриша стал студентом Киргосуниверситета и успешно его закончил. И стал работать в городе Ош, куда был направлен после университета.

Так, беспризорный мальчик, благодаря отеческой заботе Декушева, не сбился с правильного жизненного пути, стал специалистом с высшим образованием и прекрасно работал, удостоившись за это государственных наград.

Это всего лишь один пример о человеческих качествах Магомета Декушева. А о воинских подвигах офицера Родины говорят и его награды, хотя самую высокую награду, к которой он был представлен – звание Героя Советского Союза – ему, сыну репрессированного народа, так и не дали. Но и без этого не многие воины-фронтовики имеют 19 государственных наград, как полковник Магомет Декушев. Из них три ордена Боевого Красного знамени, два ордена Красной звезды, медаль «За отвагу», польский орден «Крест храбрых»...

Как же они доставались?

Это было летом 1943 года на Украине. Конный корпус, увлекшись успехами, так углубился в расположение противника, что сам оказался в окружении, и у штаба армии прервалась с ним связь. Надо было срочно узнать где он находится. Выбор пал на Декушева – в особо «интересных» случаях ему почему-то везло больше, чем другим. Он полетел на «кукурузнике». Эти неказистые самолеты могли летать на очень низкой высоте и скоростные самолеты немецкой истребительной авиации не всегда рисковали гоняться за ними. На это и полагались и Декушев, и летчик – старший лейтенант Владимир Родимов. И им действительно удалось благополучно пролететь линию фронта, а потом и найти сам корпус среди широкого кукурузного поля. Сели, передали рацию кавалеристам. Полетели обратно, одновременно отмечая, где и какие войска противника находятся. Но немцы, видно, уже знали о «нахальном» «кукурузнике» – началась охота на него. «Кукурузник» летел, прижавшись как можно ближе к земле, но немецкий истребитель не отставал, раз за разом заходил в пике и расстреливал ускользящий внизу самолет, похожий на бабочку. Магомет был тяжело ранен. «Жми! Володя, я ранен!» – сообщил летчику Декушев.

Когда добрались наконец до своих и сели, все так и ахнули – на самолете было 19 пробоин!

Декушева представили к званию Героя Советского Союза, но, как и многим другим героям репрессированных народов, дали лишь орден Боевого Красного Знамени. И остальные награды

тоже полковнику Магомету Мамураевичу Декушеву доставались гораздо труднее, чем его боевым друзьям – славянам, если, как и писатель Бондарев, по-глупому употребить здесь это слово.

В 1954 году Декушев со своей семьей – с женой Елизаветой (девичья фамилия – Узденова) и дочерью Ритой – отдыхал в Кисловодске. Здесь жил и работал давний знакомый врач и друг Баскаев, женатый на карачаевке – Урусовой.

В доме Баскаева в это время оказался и каким-то чудом приехавший туда из Казахстана Аскер Эбзеев, бывший до войны председателем Малокарачаевского райисполкома. Сидели они все вместе, вспоминали былое, горевали, а потом договорились все вместе поехать в Большой Карачай – хоть увидеть родные места.

И вот, когда Декушевы были в гостях у родной тетушки Магомета Мамураевича, жившей в Кабарде, как раз в это время в доме оказался и двоюродный брат Магомета – молодой, в звании майора, да еще с новой «Победой». На этой «Победой» и поехали в горы.

Уж лучше бы и не ехали! Везде разорение, вандализм. Поселившиеся в карачаевских селениях грузины (одна семья – хозяйн квартала) выбирали для жилья лучшие дома, а остальные разбирали, хорошие материалы продавали станичникам-казакам, а остальное шло на дрова.

И в Хурзуке, в родном селении Магомета Декушева, было точно так же. Не нашел Магомет и родового казана, в который вмещалось мясо одного быка и десяти баранов сразу. Этот казан еле-еле грузили на арбу 8-10 человек. Увезли в Грузию...

– Поехали отсюда, пока сердце мое еще не разорвалось! – сказал Магомет, и «Победа» побежала вниз, к долине, прочь от родных гор, отданных на поруганье извергами-тиранами XX века своим соплеменникам-варварам...

Умер полковник Магомет Мамураевич Декушев, герой-фронтовик, верный сын и защитник Родины в 1990 году. Не от ран, полученных в боях с фашистами, которые давным-давно зажили и забылись. А, наверно, от так и не проходившей обиды и боли от тяжелой сердечной раны, нанесенной любимой Родиной, посчитавшей и его самого, и его соплеменников изменниками-пасынками.

Особо следует отметить массовое участие карачаевцев в партизанском движении в Белоруссии. Белорусские историки и исследователи так высоко оценивают мужество и доблесть партизан – сыновей Карачая: «Карачаевские партизаны в тяжелых условиях оккупации проявили исключительное мужество, интернационализм, беспримерную преданность Родине. Они внесли достойный вклад в борьбу народных мстителей за освобождение родной земли от гитлеровцев... Участие партизан-карачаевцев в борьбе против фашистских оккупантов заслуживает добрых слов за проявленные ими личное мужество, во-

инский профессионализм, боевое товарищество, героическое поведение в боевых операциях против карателей».

Белорусским партизанским полком командовал джигит из селения Хурзук Осман Касаев. О нем немецкий генерал Эрмансдорф, который знал дела отважного партизана не понаслышке, писал: «Кавказец Осман, коварный, опытный в военном деле». Полком Касаева было разгромлено в Белоруссии около 30 немецких гарнизонов, проведено более 100 боевых вылазок и операций.

Только среди партизан Героями стали пять человек. Это, кроме Касаева, партизаны Белоруссии Кичибатыр Хаиркизов, Юнус Карекетов, Аскер Бархозов, украинский Дугербий Узденов и словацкий – Харун Чочуев. Командирами белорусских партизанских подразделений – рот, отделений и групп были также Мурадин Гаджаев, Шукур Крымшамхалов, Юсуф Чомаев, Азрет Узденов, Хамзат и Энвер Бостановы и другие.

Два настоящих джигита из рода Бадаховых старинного карачаевского села Карт-Джурт – Хамзат и Аскер героически сражались с гитлеровскими оккупантами. Аскер, хотя и был моложе Хамзата, но вступил в бой раньше Хамзата – с первых же дней. К этому времени оба уже имели высшее военное образование и были офицерами. Аскер был военным техником, командиром понтонно-мостового батальона, а Хамзат конником – командиром эскадрона.

Когда наши уже вели наступление, батальон Аскера Бадахова занял плацдарм на правом берегу Днепра и только за первый день сумел переправить на этот плацдарм 8 тысяч солдат и офицеров с оружием, более 50 тысяч снарядов, 92 тонны других боеприпасов, 47 минометов, 210 конных повозок, 233 лошади. В течение 3 дней и ночей батальон удерживал и расширил свой плацдарм. За это и был представлен к званию Героя командир батальона. Но тогда сынам репрессированных народов такое высокое звание уже не присваивали.

А Хамзат в начале войны служил на Дальнем Востоке, а потому вступил в бой позже – в сентябре 1942 года. Тоже за подвиг при форсировании Днепра был представлен к званию Героя Советского Союза, но его тоже тогда обошли, не дали. Получил звание «Герой России» спустя 40 с лишним лет – в 1985 году.

11. В лесах Белоруссии

Уже к осени 1941 года верховное главнокомандование гитлеровской Германии поняло, что планы молниеносной войны с СССР провалились и теперь придется вести долгую и изнурительную борьбу. И чтобы хоть в какой-то степени восполнить материальные и людские потери на фронтах, оккупационные власти немцев, выполняя директивы из Берлина, стали грабить

население завоеванных земель – они отбирали зерно и скот и отправляли в Германию. Так как в результате постоянных мобилизаций резко сократилось работоспособное население самой Германии, стали угонять туда и людей с оккупированных территорий. За годы хозяйничанья немцев из западных областей СССР в Германию было угнано на принудительные работы на заводах и фабриках около 5 миллионов человек. Угоном наиболее активной и физически здоровой части населения фашисты преследовали еще одну цель – сломить волю советского народа к сопротивлению, подорвать всякую надежду на свободу.

Но эти жестокие карательные меры немцев лишь еще более ожесточали людей против них, поднимали их на вооруженную борьбу – партизанская война в тылу врага все более и более разгоралась.

Белоруссию в то время называли партизанским краем – здесь действовали сотни партизанских отрядов, которые контролировали многие районы, куда фашисты не смели и носа совать.

В рядах белорусских партизан сражались сыны практически всех народов нашей страны. Многие из них, вырвавшись из окружения, уходили к партизанам или сами организовывали партизанские отряды.

Одним из них был Махти Кульчаев. С первых же дней войны вел тяжелые бои с наступающими гитлеровскими полчищами и полк, в котором служил командиром взвода лейтенант Кульчаев. Но в октябре 1941 года полк попал в окружение под Вязьмой. Лейтенант Кульчаев вместе с 10 бойцами вырвался из окружения, и они фактически организовали партизанский отряд, базировавшийся в деревне Заболотная Борисовского района Минской области.

А в мае 1942 года, когда удалось наладить связь с «настоящими» партизанами, то и объединились с ними. Этот местный партизанский отряд носил имя Кутузова и входил в партизанскую бригаду «Буревестник», которой командовал Герой Советского Союза Мармулев.

Первое же задание командира партизанского отряда Кульчаев и его товарищи успешно выполнили – они пустили под откос вражеский эшелон, который вез на фронт солдат и боевую технику. После этого Кульчаев и его соратники окончательно стали своими в партизанском отряде и ходили на задание регулярно, как и все остальные. А вскоре коммунист Махти Кульчаев был избран секретарем партийной организации и назначен комиссаром партизанского отряда.

Росло число партизан, они наносили врагу все более и более ощутимые удары. И в этом, конечно, была заслуга и комиссара отряда, который и вел основную агитационно-патриотическую работу среди населения деревень, которые находились в зоне партизанского контроля.

В октябре 1942 года возле деревни Ясная Поляна Червенского района группе партизан в 25 человек пришлось принять бой с целым батальоном фашистов, насчитывавшим до 300 чело-

век. В этом бою Махти Кульчаев сам один уничтожил около десяти фашистов и, прикрывая отход группы, последним вышел из боя.

А 10 июня 1943 года партизаны устроили засаду на главарей фашистов Минского гарнизона, когда те выехали в хутор Шацк. В разгар боя на помощь попавшим в засаду немцам стало подходить подкрепление. Комиссар Кульчаев с группой партизан отрезал путь к месту боя и вступил с подходившими противниками в схватку.

В этом бою были убиты 34 гитлеровца, в том числе областной бургомистр Людвиг Эренлейтнер, инспектор Генрих Клозе и другие высокие чины областной администрации. Сам комиссар убил двух фашистских офицеров и поджег две автомашины врага.

Вскоре погиб командир отряда и комиссар Кульчаев стал командиром партизанского отряда. Особенно тяжелым для отряда был июнь 1944 года. В это время, когда Советская Армия неудержимо шла вперед, партизанские отряды, действуя в согласии и с военным командованием, часто меняли дислокацию, чтобы участвовать в той или иной важной операции. А немцы старались помешать объединению партизанских сил, постоянно посылая против них крупные карательные отряды.

Двенадцать дней и ночей непрерывно пришлось вести бой отряду в начале июня с крупным карательным отрядом, выследившим место расположения партизан. Партизаны отбивались от нападавшего врага, неся раненых на носилках, через дебри и болота уходили все глубже в лес.

Почти три года партизанил в лесах Белоруссии Махти Кульчаев. За это время он участвовал более чем в 150 боях, в 25 случаях он лично командовал боем, был не раз ранен.

За героизм и мужество, проявленные в период борьбы с немецко-фашистскими захватчиками, Махти Кульчаев был награжден орденами Боевого Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны и несколькими медалями...

Даже не все односельчане знают, что он, Мустафа Цакоев, был одним из тех, кто первым принял на себя удар фашистских полчищ. Как известно, не многие из них остались в живых. Мустафе Цакоеву пришлось сполна испытать и горечь поражения, и безмерную радость победы.

Ему уже восемьдесят, но в не потухших глазах сохранилась былая удаль. Иногда он тихо садится за стол, долго листает книгу, которую написал его боевой командир Дмитрий Николаевич Медведев. Называется она «Сильные духом» и прислал ее на память Герой Советского Союза Сергей Трофимович Стехов. Мустафа пристально разглядывает фотографии, узнает своих товарищей, о каждом из них с уважением говорит. «Медведев, — вспоминает он, — был волевым, строгим, но справедли-

вым командиром. Не прощал трусости, если случалось». «Стехов тоже был крепкий парень, хорошую дисциплину любил. Тоже не баловал, коль провинишься. Но очень ценил людей, заботился о них».

Цакоев долго глядел на фото Кузнецова, сказал: «Вот он – настоящий герой наш. Я был в группе партизан, которая встречала его самолет. Он прилетел к нам с Большой земли. Уши и глаза отряда. Да и сам был очень похож на немца. А когда вырвется, бывало, в отряд на денек-другой для отдыха, или нам просто так казалось, все читал и читал эти немецкие книжки...».

Мустафа Ациевич бережно хранит подарки и письма своих боевых друзей. Среди них часы и письма, присланные Стеховым. «Дорогой мой товарищ Мустафа, – пишет в одном из них бывший партизанский командир из Винницы, – горячо поздравляю тебя с праздником Победы. Желаю крепкого здоровья и долгих лет жизни всей семье. Пусть всегда на земле будет мир. Но если кто осмелится нарушить наш покой, сам знаешь – воевать мы умеем». И еще: «Сегодня у меня сразу три радости. Первое – твое письмо, второе – твоя дочь Роза поздравила меня с Новым годом, третье – извещение на посылку. Побегал на почту, принес посылку. Шерстяной свитер понравился всем, одел его сразу. И носки такие теплые. Большое спасибо Розе...».

Первый раз они встретились в лесах Белоруссии близ Гомеля, 22 красноармейца-окруженца вот уже несколько дней искали партизан. Однажды они набрели на лесную сторожку. Но старик им ничего о партизанах не сообщил. Но партизанам об этой встрече дал знать. Партизаны нашли их сами. Одним из этих 22-х был Мустафа Цакоев.

Тогда разные люди ходили в лесах и каждого из них в отряд принимать было небезопасно. Новичков построили в одну шеренгу. Командир отряда и его заместитель по политчасти Стехов приказали их обыскать. Потом Стехов беседовал с каждым в отдельности.

– С Кавказа?

– Да, балкарец.

– Ну, рассказывай, откуда к нам пожаловал?

– Призвался в армию в 1940 году. Отправили в Финляндию, но не доехали – кончилась война. Потом закончил полковую школу в Белоруссии. В окружение попал в составе 121 стрелковой дивизии. А теперь, видите, стою перед вами.

Потом Стехов собрал всех и ознакомил с законами партизанской жизни. О том, что он пришел в партизанский отряд, который потом будет известен своими подвигами всей стране, Мустафа, конечно, не знал.

Через несколько дней начали проверять новичков в деле. Жители разъезда Будки сообщили партизанам – прибыл карательный отряд. Командиры решают не ждать, а встретить нем-

цев. Операция по уничтожению карательного отряда поручается группе партизан. Ответственный – начальник штаба майор Пашун. Цакоев впервые идет на боевое задание.

Ночью подкрались к вагонам, где спали фашисты. Хотели партизаны атаковать внезапно – не получилось: залаяла невеста откуда взявшаяся собачонка. Немецкий часовой что-то крикнул. Не дождавшись ответа, выстрелом поднял тревогу. Теперь медлить было нельзя. По приказу Пашуна партизаны начали забрасывать вагоны гранатами. Свои две гранаты кинул и Мустафа. На втором пути загорелись бочки с горючим. Лежа у железнодорожного полотна, Цакоев косит автоматом освещенных пламенем, заматавшихся в ужасе фашистов.

На карателей на самих нашлась кара.

Вскоре отряд перебазируется в другое место – на этот раз в леса около города Сарны. Опять налеты на фашистские гарнизоны, ночные вылазки на железную дорогу. Иногда приходится не взрывать поезда, а, разобрав рельсы, пускать их под откос – партизаны сами нуждались в продовольствии, в одежде, в медикаментах.

– Однажды, – вспоминает с улыбкой Мустафа Ациевич, – разобрали пути, остановили эшелон. Успевшие из охраны разбежались. А машинист – немец, руки поднял и на колени. Умоляет, не убивайте, мол, у меня шестеро детей. В годах он был. Перепуган сильно. Еще бы – он прекрасно знал, как поступали партизаны с захватчиками. Пожалели, взяли с собой. Потом он усердно пас наш скот в лесу, готовил колбасу. И еще – аккуратно слушал Совинформбюро и на карте у землянки Стехова передвигал красную ниточку на Запад. Тоже домой хотел...

1942 год, ноябрь. Гарнизон города Сарны готовился встретить офицеров, летчиков, танкистов, участвовавших в Сталинградской битве. Дошла эта новость до партизан, и они тоже стали ломать голову: как лучше устроить отдых фашистам. Хорошо бы сделать так, чтобы они вечно отдыхали. Еще засветло тронулись в путь два взвода автоматчиков с крупнокалиберным пулеметом во главе со Стеховым. Ночью дошли до железной дороги. Тихо шурша, падает мокрый снег. Все страшно продрогли. Скоро уже и светать начнет. Может, не удалось разведке точно узнать, ведь и партизанское время – ночь – уже кончается. В это время партизаны приутихли – послушался шум поезда.

– Это пустой товарняк, – сказал Стехов, когда поезд был еще не так уж близко. Партизаны научились разбираться в шумах военной жизни, словно композиторы в звуках музыки. Это действительно были пустые вагоны. Минут через тридцать вновь послышался шум. На этот раз паровоз толкал перед собой несколько вагонов с разной рухлядью, а позади тащил пассажирские вагоны. Научились-таки быть осторожными. Когда поезд сравнялся с партизанами, раздался взрыв. Паровоз, точно хотел вырваться из переполоха, рванулся взад-вперед, оста-

новился. «Огонь», – коротко скомандовал Стехов. Первым ровно зарокотал крупнокалиберный пулемет Мустафы Цакоева. Прощив котел паровоза, он развернул свой пулемет на вагоны. В ход пошло все, что было у партизан: автоматы, гранаты, ручные пулеметы.

С этой операции партизаны все вернулись на базу. После узнали – несколькими фашистам все таки удалось спастись. Наверное, благоразумно спрятались за раскуроченные вагоны, или драпанули в сторону...

За умелые действия в этой операции Медведев перед строем всего отряда объявил благодарность пулеметчику Мустафе Цакоеву. Вскоре он был назначен командиром отделения.

Еще много раз ходил белорусский партизан балкарец Мустафа Цакоев на боевые задания. Вместе со своими товарищами бил фашистов, пускал под откос их поезда, устраивал засады на дорогах.

Вот так именно и воевали настоящие партизаны – в тылу врага. А не так, как наши «партизаны» – в тылу у наших, грабя колхозные коши и убивая наших же мирных жителей.

Тема судьбы героев-фронтовиков, сынов репрессированных народов, в балкарской литературе

12. Победители на Эльбе

*Отрывок из повести Магомета Кучинаева
«Горькая дорога в рай»*

Война есть война, и немцы в Бранденбурге предполагали, конечно, что недалеко тот день, когда советские войска подойдут к стенам и вот этого старинного бывшего ганзейского города, но что они появятся так быстро, наверное, никто не думал – как-ни-как Бранденбург заслонял своей широкой спиной сам Берлин. А потому, чтобы там ни говорило военное начальство, но рядовые солдаты и жители города не могли не подумать о том, что, возможно, Берлин уже пал, и уже сама эта мысль, быть может, парализовывала боевой дух обороняющихся. Так или иначе, но вскоре бойцы эскадрона завладели не только траншеей по берегу канала, но и несколькими близлежащими домами. Теперь танки Савельева стали почти у канала и били прямо по домам, улицам и переулкам, занятым немцами...

Но, видимо, штаб обороны города, получив тревожный сигнал с северной стороны – русские прорвались за канал, захватили ближайшие дома! – оперативно выслал помощь: вскоре немцы с удвоенной силой навалились на смельчаков. Видимо, приказ начальника гарнизона был краток: прорвавшихся за канал русских истребить, а в дальнейшем не позволять перелететь через канал и птице...

А когда немцы убедились, что к городу подошла не такая уж большая сила, то они, стремясь, казалось, во чтобы то ни

стало сгладить свою оплошность, стали раз за разом яростно набрасываться на кавалеристов, которые теперь занимали всего-навсего несколько десятков метров траншеи у одного из взорванных мостов. С каждым разом удерживать позиции было все труднее и труднее...

– Дивизия вот-вот подойдет – продержимся, ребята, еще немного, – говорит-просит комэска, переходя от одного бойца к другому.

Тяжело раненые лежат на дне траншеи, они стараются выдержать, не стонать, но не всем это удастся. Те, которые могут сидеть – сидят, крепко упершись спиной к стенке, плотно сжав губы – так вроде легче, легче не взывать к помощи, не стонать... А раненые легко и не думают ни о чем – они сами видят, что им пока ничего не остается, как держать оружие, драться. «Чтоб остаться в живых, чтоб помочь товарищам... Самое большое, что осталось от эскадрона – это человек сорок, а на танки ведь садились семьдесят шесть. И все они думали об одном, радовались одному – вот-вот возьмем Берлин и – конец войне! И все до единого знали – битва за Бранденбург будет их последней битвой в этой войне. И еще они знали о том, – хотя об этом им никто и не говорил, – что танковая армия Рыбалко одновременно с ними начнет штурмовать город с юга, а потому им будет не так уж трудно. А теперь лишь сами они, только горсточка бойцов, отчаянно дрались у стен Бранденбурга, их родная дивизия еще не подошла, не подошли еще, наверное, железные «кони» Рыбалко...

Капитан Баллиев был в отчаянии – он видел как один за другим гибнут его ребята, еще утром полные жизни и надежд – надежд на скорую победу, на встречу с родными. И ничем им не мог помочь. И если даже он постарается вывести остатки батальона с этого ада, на ту сторону канала – хотя это так явно противоречит правилам ведения наступательной войны: это же трусость, почти измена – оставить захваченный плацдарм! – толку не будет. Пусть даже пять-шесть шагов до канала – никому эти шаги не пройти, не проползти: там, совсем рядом, за углами домов, в подъездах, за придорожными кустами и деревьями прячутся немцы и зорко следят за траншеей, где каким-то чудом все еще держится горстка советских солдат.

...И вот, наконец, оттуда, с севера, раздается родное, мощное ура, грохот танков – дивизия подходила к городу! У бойцов эскадрона Баллиева, хотя на этой стороне канала они все еще оставались один на один с противником, настроение мгновенно приподнялось. Они и не думали о том, что их товарищам, чтобы прийти на помощь, еще надо одолеть канал, им казалось, что уже вся дивизия здесь, рядом с ними – пусть теперь попробуют сунуться фашисты! И фашисты сунулись. Они решили уничтожить эту горстку бойцов, эту занозу на теле города, чтобы потом, без оглядок, заняться более важным делом – сдерживать подходящие войска за каналом, за пределами города.

Но было уже поздно – дивизия уже подтягивалась к городу, к каналу подошли не только танки и квалеристы, но успели и артиллеристы. Бесперывно по домам, из которых строчили немецкие пулеметы, летели фаустпатроны, били танки, артиллеристы на ходу разворачивали орудия и тут же открывали огонь, квалеристы быстро спешивались и бросались к каналу. И вскоре к баллиевцам пробрались и первые бойцы из свежих эскадронов. До позднего вечера шел горячий бой на северной окраине города. К ночи наши успели закрепитьсь не только у побережья канала, но и занять несколько домов...

Утром вновь разгорается бой. Немцы все еще надеются отбросить прорвавшиеся группировки советских воинов за канал, а отважные квалеристы полны решимости и дальше развивать успех, продвигаться к центру города. А с севера к каналу все подходят и подходят новые и новые части и подразделения прославленного во многих боях конного корпуса. После того, как квалеристы очистили от немцев близлежащие дома, саперы тотчас-же взялись за наведение переправы. После полудня с большим трудом переправили на ту сторону несколько орудий. Эта была уже солидная помощь квалеристам, поневоле ставшим на время штурма города самой что ни на есть обычной пехотой, и они, хоть и с трудом, но начали гнать фашиста. Но в городе не особенно-то погонишь – приходится драться за каждый дом, за каждый переулок...

Ох, до чего же были трудными и тяжелыми эти последние дни затянувшейся на четыре года войны! Прекрасно зная, что перед человечеством, а тем более перед многострадальным советским народом держать ответ за свои зверства и подлости – дело совсем не шуточное, фашисты в эти последние дни, быть может, сражались наиболее ожесточенно, действовали наиболее фанатично. И даже 14-летним подросткам и глубоким старикам они всовывали в руки оружие и безжалостно посылали их на верную смерть – в бой против наступавших регулярных советских войск, волею судьбы уже многоопытных. Продержаться хоть несколько дней, надеясь на авось, на чудо – вот последняя их надежда. Надежда – ускользнуть, уйти от меча возмездия.

Вот почему они так отчаянно сопротивлялись даже в эти дни, когда фашистский рейх фактически уже не существовал, и в Берлине, и в Ратенаве, и в Бранденбурге... Целых пять дней длился штурм Бранденбурга, не такого уж большого города, целых пять дней шли тяжелые уличные бои, гибли люди...

1 мая 1945 года. Ясный весенний день. Цветет сирень... В этот день Москва салютом отметила доблесть советских войск, взявших Бранденбург. Родина дала высокую оценку военному мастерству и мужеству воинов-квалеристов...

Улицы города заполнены ликующими толпами людей, согнанных сюда на подневольную работу с покоренных госу-

дарств Европы, а теперь получивших свободу; освобожденными из фашистских концлагерей военнопленными, вырвавшимися из тюрем антифашистами. Русские, французы, итальянцы, бельгийцы, сербы, черногорцы, чехи, поляки, словаки... То там, то здесь вспыхивали стихийные митинги, танцы, повсюду цветы, улыбки... Тишина, цветенье садов, голубое небо – все так непривычно для солдат и офицеров, давно отвыкших от всего этого... Однажды ночную тишину разорвали автоматные очереди, выстрелы, крики «Ура!», ракетные всполохи... «И все-таки прорвались, гады, из Берлина», – подумал капитан Баллиев, спешно одеваясь. Уже через минуту, прихватив автомат, он выскочил на улицу. Но – что это? Никто, пригнувшись, никуда не бежит, и так много ракет, так светло – хоть иголки собирай! И все – кто из автомата, кто из винтовки, кто из пистолета – неистово как-то падали в небо, высоко поднимая оружие. И все прыгают, обнимаются, орут во-всю, как сумасшедшие.

– Что случилось? – громко спросил Баллиев у ближайшего солдата.

– Победа! Победа, товарищ капитан! Конец войне! Ура!.. – и солдат этот, громадный детина, схватив Баллиева, словно ребенка, закружил его. Кое-как освободившись из неистовых объятий солдата, Баллиев тоже, подняв автомат над головой, нажал на спуск. Это было в ночь на 9 мая. И конечно же, так и продолжалось всю ночь – бесконечная пальба, танцы, объятия, крики «Ура!».

Однажды, на вечере дружбы с союзниками, Баллиев неожиданно встретил своего земляка-сокурсника по военному училищу Кадыра, сына Аслануки Калганова! Ну, прямо, одно загляденье, а не Кадыр – высокий, крепко сбитый, с черными усами, гвардии майор, и вся грудь в орденах и медалях! После крепких приветственных объятий, беседуя, пошли по берегу Эльбы. Кадыр, судя по его рассказам, был и под Сталинградом, и под Курском, сражался и за Будапешт, командует батальоном. Чувствовалось, что на вечере он не ограничился одной лишь рюмкой виски...

– Ну, какие у тебя вести из дому, – по голосу чувствовалось, что он сразу изменился, отрезвел что ли...

– Никаких... С Кавказа два письма вернулись назад, нет, мол, здесь адресата. Тогда мы еще были в Польше. С тех пор – ничего...

– А ты знаешь о том, что всех наших, весь наш народ засадили в Сибирь?

– Знаю, Кадыр... Но от наших я еще весточки не получал. Где они, живы ли – ничего не знаю...

– А я знаю... И мать, и тетка умерли с голоду... В Кызыл-Орде, в Казахстане... В кармане у матери было мое письмо, чужие люди написали мне...

– Да ты что?! Да попадут они в жаннет, бедные... Прими мои соболезнования – мне очень жалко и Шамарыу, и Сани... Ты долго живи и за них... И держись – раз уж судьба такая...

– Да – судьба, наверное... А может, проклятия людей настигли их, кто знает...

– Что ты говоришь, Кадыр?..

– Прекрасно знаешь о чем я говорю, Батыр, хотя и делаешь вид, как будто бы не знаешь... И в жаннет их, боюсь, так просто не пустят...

– Скажи: «Тоба! Тоба!» Как ты можешь?..

– Все корчили из себя столпов Советской власти, скольких людей безвинно погубили – то кулаком, то врагом народа назовут...

– Легко ли простить смерть брата, мужа – не озлобиться, не мстить... Каждый...

– Оставь, дорогой, – я совсем не ребенок... Хорошо знаю и как отец, бедный, погиб. Он тоже не был святым. И ты это прекрасно знаешь... И не за Советскую власть, и не за светлую жизнь, как болтают, он принял смерть... Ошибался, он бедный, меры не знал – за это и смерть принял... Не надо – я не ребенок... Весь народ – в Сибирь... Умрете – умрете, не умрете – черт с вами, попробуйте выкарабкаться... Понимаешь – весь народ?.. Ты здесь воюй, а там твою семью... За что-же мы тогда кровь проливали? А? Значит, немцы – с одной стороны нас в ад толкают, свои – с другой стороны?.. Так что же теперь...

– Раз судьба такая...

– А по какому праву она такая? Кто ей дал такое право – быть такой? Да пусть собака .... и на судьбу твою такую, и на Отечество твое такое!

– Не надо, Кадыр, прошу! Ты сейчас немного пьян. Не надо – возьми себя в руки!..

– Хорошо, возьму я себя в руки. Только ты скажи – что потом мне с собой делать, куда бросить?.. Ха! Посмотрите на этого героя, Германию на спину положил и – радуется! Ты за фашистами гонялся, а в это время энкавэдэшники за твоими детьми гонялись! Ты это хоть понимаешь?.. Ты лезешь в огонь, идешь на смерть за свободу Отчизны – а Отчизны-то у тебя нет! Ха-ха-ха! Нет у тебя Отчизны, ты – баштак... Слышишь – мы все теперь баштаки... Кончилась война и наша дорога – тоже в Сибирь... А там, иди спроси, на какой обочине дороги, да в каком овраге ты околешь!..

– Да обойдет твой дом беда, Кадыр, дорогой, разве...

– О каком доме ты, бедный, говоришь? Где мой дом, где твой дом? Что за дом, что за родная земля? Нет у нас теперь ни дома, ни Родины. Теперь мы неприкасаемые – бандиты, прислужники фашистов!

– Мы с тобой советские офицеры, Кадыр! Один Аллах знает, может быть еще...

– Ничего и он не знает, и знать не хочет... Сказал бы... Оставим! Оллахий-да-билляхий, клянусь душой умершей матери – я просто говорю тебе, как брату... Ох, что-же мне делать, кому сказать – сердце разрывается...

– Мне говори, харип, мне! Беда у нас одна, кому же тебе еще говорить? Говори... Меня, ведь, тоже не на ханский престол посадят – тоже пойду туда, где мой народ. Что-же нам поделаться с судьбой Кадыр, брат мой?

– Нет, брат! Я не такой круглый идиот. Освободить весь свет, а самому – в Сибирь, гнить?.. Держи рот пошире!..

– Что-же нам делать? Скажи!..

– Я знаю, что делать. Если пойдешь со мной – было бы прекрасно. Брат мой, пойдём со мной и ты не будешь раскаиваться!..

– С радостью, брат мой! Хоть сегодня, хоть к самому Сталину!..

Кадыр остановился и, крепко уперевшись ногами в землю, и все же чуть-чуть пошатываясь, удивленно посмотрел на своего товарища, как будто тот на его глазах проваливался под землю. Смотрел, смотрел и – расхохотался. Да так – аж слезы выступили...

Баллиев, ничего не понимая, растерялся. А когда опомнившись, взгляделся, то увидел – и в самом деле майор плакал, плакал как ребенок, которого крепко-крепко обидел родной, любимый отец... Баллиев обнял его и, тихо-тихо похлопывая по плечу, постарался успокоить его.

– Не надо, не терзай свое сердце... Таких, как мы с тобой, много... Как народ, так и мы... Не надо, пошли, кажется, наши уходят. Пошли, брат, пошли...

Майор достал носовой платок, неспеша, деловито утер слезы, отряхнулся, привел себя в порядок. Молча пошли. К своим частям возвращались за полночь.

– Ты извини меня, брат, – я сегодня как-то... переборщил, по-моему, – сказал Кадыр. Потом, после некоторого молчания: – Завтра... фу, черт! – сегодня вечером встретимся, хорошо?

– Конечно встретимся. Я найду за тобой, смотри – никуда не уходи! – предупредил Батыр.

На этом расстались.

Вечером, освободившись от служебных дел, Батыр пришел к тому месту, где расположился батальон Калганова. Невдалеке, на окраине города, протекала небольшая речка, и через соновый бор зашагали туда.

– Ну как – голова не болит? – спросил просто так Батыр, чтоб не молчать.

– Теперь навряд-ли у нас будет день, когда не будет болеть голова, – грустным голосом ответил Кадыр.

– Оставь – не надо так мучить себя. Выбрались из этого ада живыми – и то хорошо, вспомни – сколько ребят полегло... А беды, что делать – их всегда полным-полно. А сегодня – мы победители, порадуемся хоть немного, а о том, что будет потом – потом и подумаем...

– Черт его знает. А мне кажется, что сегодня как раз и надо подумать о том, что будет...

– Если б от того, что мы будем думать могла бы измениться судьба...

– Почему бы и нет? Разве не сказал Аллах: «постарайся – помогу»?

– Наверяд ли мы сможем так постараться, чтобы изменить судьбу...

– Почему не можем? Можем, если постараемся... И коль захотим...

– Не знаю, Кадыр, – что мы с тобой можем сделать такое, чтобы помочь своему бедному народу? Если ты знаешь какой-либо способ – скажи, и я пойду с тобой хоть куда...

– Ни ты, ни я народу уже помочь не сможем. Ему уже никто не поможет. Мы о себе должны подумать...

– А что мы себе можем сделать?.. Хорошо, допустим, пойдем куда-то, скажем – так мол, так, не для того же мы воевали, чтобы в Сибири гнить, – и, допустим, нам дали волю. А что с этой волей-то делать? Коль ты не будешь с домом-семьей, со своим народом-родиной – зачем тебе эта свобода?..

– Тебя не знаю, но я, если кто-то свалился в пропасть, то прыгать за ним не собираюсь.

– А если этот «кто-то» – твой народ, твои отец-мать, твои дети?

И не успел сказать эти слова, как понял Батыр их нелепость в данном случае, но было уже поздно...

– Нет у меня ни отца, ни матери, с пропасти ли свалились, нет ли, но они уже нашли свое место, да будут они, бедные, в жаннете. От того, что и я прыгну в пропасть, они не вернуться с того света. Просто – погибну и я...

– Как не говори, а человек, оторвавшийся от своего народа – это слетевший с дерева лист. Трудное это дело. Как бы ты ни жил хорошо, но коли не со своим народом – это не жизнь.

– Не знаю, не знаю... Жизнь – есть жизнь, она дается только раз. Вечно мыкаться, жить, еле вырвавшись из одной беды и тут же попасть в лапы другой – какой толк? Скажи, брат? Недаром же сказано: «Счастье бедняка – это радость коровьего помета, на который упал луч солнца»? Родиться и умереть, так и не вкусив радости жизни – это несправедливо, это неправильно. Разве не так?

– Так-то оно так, конечно, но что поделаешь, коль такая выпала судьба?..

– Ты, брат, поступай как хочешь, а я не хочу в Сибири гнить. Не хочется почему-то. Понимаешь?.. Я хочу уйти к нашим друзьям-союзникам, за Эльбу. Пойдешь со мной – я буду безмерно рад. Как брат родной – будешь рядом со мной. Уж там-то, даже в крайнем случае, в каталажку не загонят... Я уже раз-

говаривал с ними... Поможем, сказали, нисколько, мол, не сомневайся...

Батыр так и остался стоять, как вкопанный – он и предположить не мог, что Кадыр так может «постараться»...

– Ты что – всерьез или шутишь? – спросил Батыр, все еще не веря своим ушам.

– Очень даже всерьез. Интересно – почему же не всерьез? Весь твой народ – в Сибири, вернешься – и сам в Сибирь, и никому дела не будет до того, что ты воевал, что каждый день шел на смерть. Родины – нет, родного очага – нет, ничего нет... Так что же для нас есть святого в этой стране? Скажи?..

– Ты, конечно, прав, но все равно ты неправ... Понимаешь...

Как бы там ни было... Знаешь, Родина – это тебе не друг, и не товарищ. И если даже она не права, то, по-моему, нельзя на нее обижаться, махнуть на нее рукой и бросить, как неверного друга-товарища... Это... как-то не то... некрасиво вроде... Разве можно, скажем, обидевшись на отца-мать, бросить их насовсем... Это как-то не по-сыновьи... Понимаешь?..

– Пойми-же – нет у нас теперь Родины! И мы для нее теперь не родные дети, а пасынки! А кто любит чужих детей? А разве завидна судьба детей, оказавшихся на руках у отчима или у мачехи?

– А Америка что – не отчим, не мачеха?

– Как бы там ни было – не будет считать нас своими кровными врагами, не будет бить-измываться, не будет радоваться нашим слезам. Америка – родная мать для сирот со всего мира. Сироты находят у нее тепло и кров. У нее для всех есть и ласковые слова, и доброе материнское отношение.

– Не знаю, брат, не знаю. Мы там не были, не можем судить. А вдруг все это – не то, а так – для красного словца. Не лучше-ли, если они даже сейчас и не правы, остаться сыну с родными отцом-матерью, чем искать на стороне добрых дядюшек-тетушек? Родные отец и мать, как ни говори, это – родные отец и мать, если они сегодня и обидели, побили тебя, завтра, глядишь, поймут, что были неправы, приласкают тебя, по-прежнему будут добры.

– Жди – приласкают! И когда придет это твое «завтра» – тоже жди! Придет или вообще или никогда не придет, доживем ли мы до этого или не доживем – никто этого не знает... Вот эти твои надежды – как раз они и есть «не то» и «красное словцо»! Уж мы-то знаем, как может ласкать своих нелюбимых детей наша Родина-мать – косточки захрустят!.. Ну, давай, брат – навряд ли мы теперь увидимся. И ты – бездомный бродяга-баштак, и я – бездомный бродяга-баштак. Закинем за плечи суму своей горькой судьбы и пойдем куда глаза глядят – я на тот край света, ты – в этот край. Да поможет нам Аллах! Давай обнимемся, брат, – и с этим Кадыр крепко обнял Батыра и долго-долго стояли они так, обнявшись, не говоря ни слова.

– Расстанемся здесь, – сказал Кадыр. – А то увидят сегодня тебя со мной, потом еще прицепятся к тебе.

Он, конечно, был прав.

– Брат, у меня есть к тебе одна большая просьба, – сказал Кадыр дрожащим голосом.

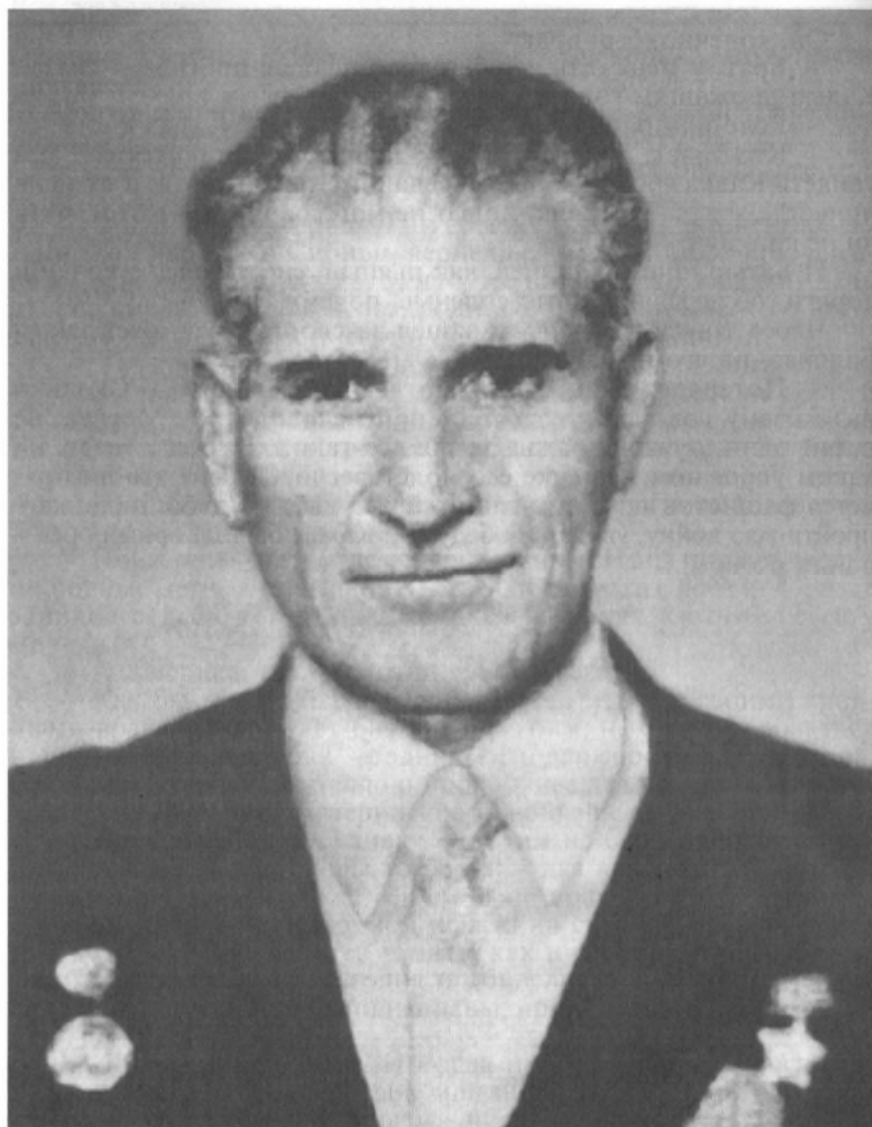
– Говори, брат, – я выполню твою просьбу, если смогу.

– Кто знает, а вдруг тебе все-таки посчастливится еще раз увидеть Кавказ, наши горы. Передай им, пожалуйста, и от меня привет!... – тут он умолк, долго не мог говорить. Потом, чуть ли не крикнул: – Иди!..

И Батыр пошел. Он шел, как пьяный, спотыкаясь о кочки и коряги, облизывая иногда соленые, почему-то, губы...

Через три дня вечером зашел за своим другом-земляком Баллиев, но его не нашел.

– Потерялся наш майор, – ответили Баллиеву. – Сколько раз мы ему говорили – это тебе не Кисловодск, не Москва, не гуляй один, чужая, вражья земля все-таки... Кто его знает, на каком укромном местечке его подстерегли... Мало что ли прячется фашистов по всем углам... Эх, судьба, судьба: надо же – пройти всю войну, увидеть победу, и... Каким был!.. Горный орел – одним словом!..

Адильгерий Соттаев –
отважный сын Балкарии, несгибаемый борец
против тирании и беззакония, за честь
и достоинство своего народа.

3

Часть

ЖИЗНЬ В ССЫЛКЕ

Итак, с таким шумом сформировались по императору Дуку... киданиями истории и также... не может побе...
 ... старшие по званию и другим, оказав...
 ... в тылу у немцев, говорили бойцам, что доблестно уже по...
 ... оставаться существовать и дня не будет. Но, тем не менее, кто как может...
 ... А как спастись горцам, гуляя им идти, как не попытаться дойти...
 ... до своего дома, до своей республики. Многие сумели про...
 ... рваться, но здесь немцы еще не были, и повлажившаяся тема сразу же...
 ... арестовывали за дезертирство. Так, в горах Болгарии...
 ... оказалось несколько сот славянских бойцов 115-й кавалерий...
 ... ской дивизии, и это вполне понятно — в различной части республи...
 ... ции, в Кабарде, не очень-то суровыми. И все они — отряды...
 ... партизанами.

... Ясно, что за все это в конце концов, наверное, Кумухов и...
 ... то дружин пришлось бы как-то держать себя перед Мухомой...
 ... Э. еще. Благодаря численному составу и расстановке руко...
 ... водящие кадры многие отряды вполне партизанские и совер...
 ... шают работы с приоткрытием фронта к различным республи...

**Футбольная команда
из балкарцев-переселенцев.
г. Кызыл-Кия Киргизской ССР, 1955 г.**

Адильгерик Соттаев –
отважный сын Балкарии, неустрашимый борец
против тирании и беззакония, за честь
и достоинство своего народа.

1. Черекская трагедия

И в это тяжелое время, когда обезглавленная и обесиленная бесконечными репрессиями Красная Армия вела тяжелые бои, когда на всех фронтах Отечественной войны наравне со всеми сражались и сыны Балкарии, бездарные и трусливые руководители Кабардино-Балкарии (первый секретарь обкома З. Кумехов) и 37-й армии (командующий армией генерал П. М. Козлов, командир 11-й стрелковой дивизии подполковник Шикин), как всегда и делают бездарные люди, стали искать тех, на кого можно было бы возложить ответственность за то, что по их глупости произошло. А произошло по их вине следующее. Необдуманно и наспех сформированная по ура-патриотической инициативе руководителей Кабардино-Балкарии, очень желавших как-то выслужиться перед руководством страны, 115 кавалерийская дивизия, брошенная навстречу ударным механизированным немецким войскам, наступавшим в районе Ростова-на-Дону, была, несмотря на героизм воинов, разгромлена. Многие ее бойцы полегли на полях сражений, не в силах отразить танковые и моторизованные атаки немцев, часть воинов попала в плен, некоторые разрозненные и неуправляемые группы вышли к своим и впоследствии были направлены в другие части, а некоторые, оказавшиеся в тылу врага, просто пробрались на территорию республики и стали скрываться в горах, так как боялись, что их отдадут под трибунал как дезертиров, что неминуемо кончилось бы смертью.

Итак, с таким шумом сформированная по инициативе Кумехова национальная кавалерийская дивизия потерпела тяжкое поражение (иначе и быть не могло – кавалерист не может победить танкиста) и разбежалась. Многие ее воины стали дезертирами не по своей вине – старшие по званию в группах, оказавшихся в тылу у немцев, говорили бойцам, что дивизия уже перестала существовать и спасайтесь, мол, теперь кто как может. А как спастись горцам, куда им идти, как не попытаться дойти до своего дома, до своей республики. Многие сумели пробраться, но здесь немцев еще не было, и появлявшихся дома сразу же арестовывали за дезертирство. Так, в горах Балкарии оказалось несколько сот спасшихся бойцов 115-й кавалерийской дивизии, и это вполне понятно – в равнинной части республики, в Кабарде, не очень-то спрячешься. И все они считались бандитами.

Ясно, что за все это в конце концов, наверное, Кумехову и его друзьям пришлось бы как-то держать ответ перед Москвой.

И еще. Благодаря «умелому подбору и расстановке руководящих кадров» многие ответственные партийные и советские работники с приближением фронта к границам республи-

ки, вместо того, чтобы заранее организовать эвакуацию имущества, скота и уход части населения, которой грозила бы смерть в случае прихода немцев, сами разбежались кто куда, а некоторые даже оказались у немцев. Часть из них во главе с Кумеховым «партизанила»... в тылу наших войск у села Ташлы-Тала, а часть ... даже в Грузии. На самом-то деле они, эти горе-руководители, лишь спасали свои шкуры. Они жили безбедно и в безопасности – их подручные, так называемые партизаны, угоняли к себе в стойбище скот с колхозных ферм и ели. Так они безбедно прожили месяц-другой, пока не ушли немцы после Сталинграда. И самый большой «подвиг» «партизан» Кабардино-Балкарии – это совместный с отрядом капитана Накина из II дивизии НКВД расстрел мирных жителей селений Сауту, Глашево, Чегет-Эль и Ышканы. Всего «доблестными войсками» НКВД и «партизанами» Кумехова было расстреляно около 700 человек, в том числе 155 детей в возрасте до 16 лет.

Такого – чтобы во время войны вместо неприятеля страна сама уничтожала свой же ни в чем неповинный мирный народ – в истории еще не бывало. А то, что жители Верхней Балкарии перед Родиной были виновны, так сказать, не более, чем жители Москвы или же Шалушки, сейчас уже доказано. Как и жители Москвы и Шалушки, так и жители Верхней Балкарии отправили на войну с врагом всех своих взрослых мужчин – более тысячи! – а сами своим самоотверженным трудом растили для фронта хлеб, заготавливали мясо, шили одежду. Единственной виной жителей Черекка было то, что они оказались на пути отступления разрозненных и разгромленных частей 31 армии, в составе которой была и дивизия под командованием бездарного и жестокого генерала Захарова и то, что Кумехову надо было отвести от себя удар ответственности за поражение 115 кавалерийской дивизии и слыхом – мягко говоря – ненадежный и недееспособный руководящий корпус республики.

Под громогласный грохот борьбы с бандитизмом они затеяли грандиозное преступление, в ходе осуществления которого о их личных неблагоприятных делах недосуг будет и вспомнить. Так оно и случилось.

Проследим внимательно, как развивались события.

Середина октября 1942 года. Вопрос о бандитизме рассматривался на бюро обкома, и Черекский район ничем от остальных районов республики не выделялся.

С 5-го по 15 ноября в селении Мухол, в райцентре Черекского района, находится штаб 37-й армии. Жители района, колхозники оказывают армии большую помощь скотом и продовольствием. Переправляют в Грузию 250 раненых бойцов.

Помимо штаба 37-й армии в это время здесь же находились «мудрые» руководители республики и «партизаны», которые вместо того, чтобы храбро сражаться в тылу врага (скажем, в

Баксанском районе, откуда они и пришли сюда) бежали почему-то вместе с отступающими нашими войсками, путаясь у них под ногами.

Естественно, что при одновременном нахождении столь большого количества обозленных неудачами людей, среди которых было немало просто трусливых, но очень амбициозных начальников, дело добром не могло кончиться.

Тем более Захаров, оказавшийся в верховьях ущелья, видно, сильно боялся нападения бандитов, которыми все время пугал его Кумехов, и издает приказ, согласно которому было необходимо «выявить родственников дезертиров и ближайших из них взять в заложники». Далее храбрый генерал приказывал: «Если в течение двух дней после этого дезертиры не сдадутся, то заложников расстреливать».

Естественно, что такой приказ сеял страх среди бойцов, а их нервы итак были на пределе.

И беда случилась. Ни за что были расстреляны два пастуха из рода Башиевых у Голубого озера, а еще двое – Таубий Аппаев и Мусос Хасауов, спускавшиеся из коша в село, были убиты выше селения Ышканы. И, конечно же, всех их посчитали за бандитов.

До сих пор еще не зарегистрировано ни единого нападения бандитов на воинов отступающей Красной Армии.

Штаб 37-й армии, а вместе с ним и наши доблестные «партизаны» (таких партизан на свете не было!) передислоцируются к селу Ташлы-Тала. В Черекском районе остается небольшой гарнизон.

21 ноября в середине дня состоялась перестрелка между группой дезертиров, находившихся у селения Шаурдат (над Мухолом) и руководителями района, находившимися в Доме Советов района, который представлял из себя одноэтажный турлучный дом с каменным полуподвалом.

По свидетельству очевидцев, целью нападения дезертиров был захват первого секретаря райкома партии Хамида Энеева, чтобы отомстить ему за то, что он распустил слух, что его помощника Мухадина Таулуева, а потом и жителя Зылгы Бозиева убили дезертиры, в то время как дезертиры к этим убийствам не имели никакого отношения. Таулуев погиб при загадочных обстоятельствах, когда он вместе с Энеевым ехал из Зылгы в Мухол. Потом, к ночи, у места убийства истребительный отряд (военные и партизаны) организовал засаду и там убили Бозиева.

В ущелье знали, что и ранее работники отдела по борьбе с бандитизмом убивали людей, а ответственность за это возлагали на дезертиров.

Потихоньку в перестрелку втянулись и военные. Конфронтация тянулась несколько дней. Были убитые. Согласно данным военных, на 24 ноября потери составили: а) милиционеров и военных – «убито – 5, ранено – 4», б) «уничтожено бандитов –

30 человек». И так, к 24 ноября, в результате стычки между дезертирами, на которых секретарь райкома Хамид Энеев хотел возложить ответственность за погибших не по их вине мирных жителей, и руководством района, к которым потом присоединились военные, – погибли 5 военнослужащих и 4 ранено.

К этому же времени количество убитых военными мирных жителей, не считая так называемых бандитов, составляло уже более 10.

И это, между прочим, довольно типичное событие практически во всех местах СССР, где уходили наши перед приходом немцев, послужило основой для приказа командующего 37-й армией генерала Козлова командиру 11-й дивизии НКВД Шикину «стереть с лица земли село Средняя Балкария, не считаясь ни с чем». Если вспомнить, что рядом с генералом Козловым в штабе 37-й армии в это время находился и первый секретарь обкома партии Кумехов на правах члена военного совета, то станет ясно, отчего это так решительно, не колеблясь, решил стереть с лица земли этот генерал село Средняя Балкария. Оттого, что первый секретарь обкома, хозяин этой территории, член военного совета Кумехов скорее всего и вдохновил его на такое дело. Свидетельством в пользу такого предположения служат последующие действия Кумехова все в том же русле – любыми путями стараться очернить жителей Черекского района, всей Балкарии перед вышестоящими органами власти, дабы спасти свою шкуру.

Исполняя приказ командарма, полковник Шикин 22 ноября в 16.00 дал боевое распоряжение командиру 4-го эскадрона 17-го кавалерийского полка Каратаеву: «С получением приказа выступить в Среднюю Балкарию на соединение с капитаном Лященко с задачей: ликвидировать бандгруппу, находящуюся в селении Верхняя Балкария. Принять самые решительные меры, вплоть до расстрела на месте, сожжения их построек и имущества».

24 ноября отряд капитана Накина, охранявший вход в Черекское ущелье, оставив свои позиции группе капитана Бондарева, идет вверх. Приказ «стереть с лица земли» ему, видно, уже был известен, так как по пути Накин расстреливает всех встречающихся людей. Так погибли Ибрагим Бозиев, Кичинау Шукаев, Локман Зашаев, Мустафа Глашев, Аубекир Каркаев, которые не были ни дезертирами, ни бандитами. В ночь с 24-го на 25 ноября все части 37-й армии ушли из Черекского района, в том числе и Лященко, и Накин. 26 ноября командир 11-й дивизии НКВД полковник Шикин и начальник штаба капитан Тяжелов издают новый приказ. Теперь капитану Накину предписывается с отрядом в 150-200 человек немедленно выступить в Черекское ущелье все с той же целью: «Повести самую решительную, беспощадную борьбу с бандитами и их пособниками, уничтожить их на месте, сжигать полностью постройки и имущество, уничтожать все, что может возродить почву для бандитизма.

Ни в коем случае не проявлять жалости...»

Такой приказ, понятно, давал неограниченные возможности для произвола и беззакония. Это был совершенно ни чем неприкрытый приказ на уничтожение мирных жителей целого района. Такие приказы никогда еще в истории нигде не отдавались. В рабовладельческой Ассирии население восставших или вновь завоеванных территорий угоняли в рабство, полностью переселяли в другие места. Вандалы после взятия Рима три дня грабили дома, устраивали оргии. Македонский особо отчаянно сопротивлявшиеся греческие города-крепости сравнивал с землей, а жителей продавал в рабство. Но, чтобы уничтожить всех подряд – такого, кажется, еще не было. Да к тому же совершенно безоружных, не сопротивляющихся мирных жителей своей же страны!..

26 ноября в 14.00 Накин со своим отрядом в 152 человека, куда входили и «партизаны» во главе с Х. Энеевым, выступил к Черекскому ущелью.

Еще раз отметим: к этому времени дезертирами убито 5 и ранено 4 человека из числа милиционеров и военных. В то же время военными убиты 12 человек мирных жителей, не имевших никакого отношения ни к дезертирам, ни к бандитам. Да и эти 5 человек были убиты и 4 ранены лишь после того, как военные вмешались в «разборку» между своими-местными, если можно так сказать.

И вот теперь советские воины и считающиеся партизанами совпарработники в бегах направляются, чтобы жечь и убивать и «ни в коем случае не проявлять жалости». И их направили генералы и партийные советские руководители – их направила «наша родная народная» Советская власть.

27 ноября к ночи капитан Советской армии Накин начал операцию. И 30 ноября утром пишет победное донесение Шикину: «Овладел кишлаком В. Балкария и Кюнюм. В течение дня вел уничтожение населения и построек... За период с 27.11.42 по 30.11.42 г. уничтожено пять населенных пунктов В. Балкария, Сылты, Кюнюм, В. Чегет и Глашево, из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 человек».

В этот же день Шикин ответил Накину: «Действия Ваши нахожу хорошими, а действия бойцов просто замечательными...»

Новой задачи я Вам не ставлю, она остается прежней, принимайте все меры к ее выполнению».

Жителям Черекского ущелья ничего не оставалось делать, кроме как обратиться за помощью к тем, кто мог остановить их уничтожение – к немцам! И немцы помогли – сперва они дали оружие жителям, чтобы они сумели сами себя защитить – это когда они еще были в Жемтале, а потом и тем, что в спешном порядке прорвались к селениям Черекского ущелья, куда они в то время идти и не собирались.

Капитану Накину пришлось срочно уходить из Черекского ущелья. Но результат его шестидневного разбоя был печаль-

ным – селения Глашево, Сауту, Чегет-Эль, Ышканти были сожжены, все жители, не успевшие убежать, расстреляны. В остальных селах тоже были многие расстреляны, дома сожжены.

Всего было расстреляно, как установлено Комиссией Президиума Верховного Совета КБР, изучавшей материалы о Черекских событиях 1942 года, около 700 человек, в том числе 155 детей до 16 лет.

Дальше события развивались так.

Восставшие против зверств отряда Накина жители Верхней Балкарии, получив от немцев оружие, 6 декабря выбили и отряд Накина, и отступившую из района Бабугента основную часть отряда капитана Бондарева.

10 декабря в Верхнюю Балкарию вошли немецкие войска, вернее – небольшой румынский отряд.

В конце декабря, как и из многих других мест республики, немцы (румыны) в спешном порядке ушли из Черекского ущелья.

Жители были в растерянности – они боялись, и не без основания, что теперь их Красная Армия уничтожит всех до единого. Люди стали уходить из ущелья. Но их удалось остановить. Потом кому-то в голову пришла наивная идея – оборонять ущелье и не пускать Красную Армию, как когда-то не пускали серебряковцев. Так были организованы посты на подступах к ущелью со всех сторон.

Любому жителю республики понятно – если даже и станет совершенно неприступной крепостью вся Верхняя Балкария, ни на одну минуту она не смогла бы задержать продвижение Красной Армии вперед, т. е. на запад, так как Верхняя Балкария остается в стороне. Скажем, части Красной Армии, находившиеся в районе села Ташлы-Тала, а других войск ближе к Верхней Балкарии не было, свободно могли преследовать немцев по равнине, и В. Балкария здесь совершенно ни при чем.

Но и эту возможность очернить жителей Черекского района не упустило руководство республики – чуть позже в Москву будет сообщено о том, что «бандповстанцы» Черекского района на целый месяц задержали наступление частей Красной Армии. «Район обороняли на стороне повстанцев 500 человек», – докладывали наверх.

После ухода немцев (румын) из Черекского ущелья между представителями властей и обороняющимися жителями ущелья шли переговоры. Видимо, жители боялись репрессий и хотели иметь какие-то гарантии, что та страшная трагедия не повторится.

А между тем руководство республики продолжало свою прежнюю политику, согласно которой все жители района – бандиты и их пособники. Так, на январском (1943) пленуме обкома партии один из балкарских горе-руководителей потребовал говорить с черекцами только языком оружия. И никто не возражал ему, наоборот – все поддержали.

После этого три батальона внутренних войск МВД СССР повели наступление на ущелье с трех сторон.

После короткой перестрелки на одном из постов, во время которой был убит один красноармеец, а другой был ранен, войска беспрепятственно вошли в ущелье.

Жители вышли к ним навстречу с красными флагами. А что еще им, бедным, оставалось делать? Как говорится в балкарской поговорке, коль дело дойдет до жизни и смерти, то и ягненок назовет волка дяденькой.

Руководство республики в своем обращении к жителям района призвало их к согласию и труду, не угрожало карами. Но это было всего лишь уловкой, чтобы на первых порах удержать население от отчаянных поступков.

Спустя всего лишь несколько дней начались повальные облавы и аресты. Это была настоящая охота за всем мужским населением ущелья. Усердствовали все: и местные совпартактивисты с «партизанами», которые охотно составляли списки «бандитов и их пособников», и нарком внутренних дел республики Филатов, и руководство республики во главе с Кумеховым. На первых порах арестовали более 300 человек. Забирали почти всех подряд – на фермах и кошах скот оставался без пастухов, в результате резко увеличился падеж скота. Аресты эти фактически теперь шли непрерывно. До конца года было арестовано 400 человек. И все арестованные проходили по документам как бандиты и их пособники, хотя даже сами НКВДшники потом многих из них отпустили, так как они к бандитизму никакого отношения не имели.

Летом 1943 года, по указанию руководства республики, в Черекском районе начали составлять акты, согласно которым массовые зверства и убийства людей, сожжение их имущества вместе с домами, угнанный отрядом Накина и «партизанами», а также реквизированный отступающей 37-й армией колхозный и частный скот приписывались немцам, бандитам и их пособникам.

Новое руководство района – первый секретарь райкома Жанакаит Залиханов, а также председатель РИКа Х. Бозиев (бывший командир Холамо-Безенгиевского «партизанского» отряда, чьи люди в составе группы Накина участвовали в расстреле мирных жителей; а брат его – Хажисмаил Бозиев был убит повстанцами), начальник РО НКВД М. Куашев – безропотно исполнило волю вышестоящего начальства, хотя все они, эти новые руководители района, прекрасно знали, чьих рук было это дело. А один из них – Х. Бозиев, скорее всего, сам командовал своими «партизанами».

Итак, немцам и так называемым бандитам и их пособникам приписывалось ретивыми исполнителями воли Кумехова следующее:

а) убитых местных жителей – 713 (в том числе дети до 16 лет – 162 чел.);

б) сожженных домов – 519;

в) угнано коров из частного сектора – 504;

г) сокращение поголовья общественного скота на 75 %, в том числе лошадей – на 891 голову; крупного рогатого скота на 2773 головы; овец и коз – на 41 672 головы.

И все эти данные поступали в Москву. Так Кумехов, Бзиава и Филатов готовили документальную базу для выселения балкарцев. Придет время – и, апеллируя всеми этими ложными данными, они потребуют от Берии высылки всех балкарцев.

2. Высылка балкарцев

Как уже было отмечено, руководством Кабардино-Балкарской Республики и 37 армии, решивших взвалить вину за свои ошибки и преступления на балкарцев, уже в конце 1942 года и летом 1943 года была подготовлена документальная база, послужившая основанием для Берии для высылки балкарского народа в Казахстан и Среднюю Азию. Эти документы, как показано ранее, были состряпаны в штабе 37 армии, где членом военного совета был первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии Зубер Кумехов, а также руководством республики после ухода немцев. Их содержание не соответствовало действительности и все данные в них были ложью и выдуманы были с одной лишь целью – оклеветать балкарский народ и выгородить самих себя перед вышестоящими органами власти.

А когда в ноябре 1943 года в результате таких же клеветнических измышлений Сулову и его приспешникам удалось выселить карачаевцев, Кумехов и его подручные – нарком внутренних дел Бзиава, нарком Госбезопасности Филатов – вовсе уверились в том, что и им также удастся сделать из балкарцев козлов отпущения. И в феврале 1944 года они уже требуют от Берии выселить балкарцев, ведь иначе не назвать их слова в справке на имя Берии: «Исходя из вышеизложенного, считаем необходимым решить вопрос о возможности переселения балкарцев за пределы КБАССР».

В любом месте, если бы вдруг кому-нибудь вздумалось потом обвинить его в беззаконии и жестокости, Берия мог бы сунуть тому под нос справку Кумехова и сказать: «Извините, дорогой, но все это делалось по просьбе народа и партии!»

А в это время, в конце февраля, Берия как раз занимался выселением чеченцев и ингушей, а потому здесь, поблизости от Кабардино-Балкарии, находились десятки тысяч красноармейцев и энкэвдэшников. Почему бы сразу же, не откладывая в долгий ящик, не исполнить просьбу и Кумехова?

И Берия вызвал Кумехова к себе в Орджоникидзе. Кумехову было велено взять с собой и кого-нибудь из балкарцев. Он

взял с собой Чомае Уянаева, заведующего отделом обкома партии. Но на приеме у Берии Уянаева почему-то не оказалось, вместе с Кумеховым у Берии были Бзиава и Филатов. И на этой встрече, видно, Берия, ознакомившись с «данными» руководителями КБАССР, полностью поддержал их предложение. Так, без участия балкарцев, палачи и трусы решили судьбу всего балкарского народа.

К выселению балкарского народа Берия готовился тщательно, словно к битве, имеющей судьбоносное значение для страны. Согласно его приказу № 00186 от 26 февраля 1944 года, даже не дожидаясь решения Государственного Комитета Обороны (знал, конечно, что Сталин не станет упрекать его за чрезмерное усердие), он разрабатывает обширный план «Для организации необходимых подготовительных мероприятий и проведения операции по выселению из Кабардино-Балкарской АССР балкарского населения».

Согласно этому плану, Балкария была разделена на 5 секторов, были назначены начальники секторов – генералы, полковники и подполковники, и их заместители, один – для войск, другой – для милиции, которые будут непосредственно выселять людей.

Для проведения этой «операции», как назвал эту позорную акцию геноцида сам Берия, выделялось: одна стрелковая дивизия, одна стрелковая бригада, 4 полка, состав Московского военно-технического училища и один батальон промышленных войск – это войсковые части. Кроме того, в операции предполагалось использовать 4000 работников НКВД-НКГБ. Всего более 20 тысяч воинов и милиционеров. Столько войск – только для выселения 37 тысяч стариков, женщин и детей!

Спустя более недели после того, как Берия издал приказ о проведении подготовительных мероприятий к выселению балкарского народа – 5 марта 1944 года Государственный Комитет Обороны одобрил план выселения балкарцев, никто из членов ГКО не сказал ни одного слова в защиту народа, которого собирались так несправедливо и сурово наказывать. Потому что там и не было ни одного человека, которому интересы народа были бы выше личных интересов. Это в основном были жившие в страхе за свою жизнь старые соратники Сталина, чудом дожившие до этого дня, да угодники вперемешку с льстецами. Символично, что именно в этот день, спустя ровно 9 лет – 5 марта 1953 года умрет Сталин. Умрет в одиночестве, как прокормленный, и рядом с ним никого не будет – ни родных, ни близких. Может, его настигло проклятие загубленных им людей.

7 марта к 5 часам вечера в кабинет первого секретаря обкома партии были вызваны первые секретари райкомов партии: Черекского – Жанаканит Залиханов, Эльбрусского – Сохта Настаев, Хуламо-Безенгиевского – Магомед Аттаев, Чегемского – Муса Бабаев. В кабинете Кумехова находились члены бюро обкома, а также заместитель наркома Внутренних дел СССР

И. Серов, С. Филатов и К. Бзиава, и еще несколько генералов. Серов коротко и спокойно сообщил собравшимся, что завтра, 8 марта 1944 года, в 6 часов утра начнется выселение балкарцев. А в конце добавил: «Прошу принять меры к недопущению каких-либо эксцессов». «А как быть с коммунистами?» – спросил Залиханов. «Лес рубят – щепки летят». Вы и есть щепки своего народа», – ответил Серов.

Кстати, здесь следует сказать несколько слов об этом генерале и еще об одном таком же палаче из ведомства Берии, чтобы иметь четкое и ясное представление о том, кто они были, эти вершители судеб тысяч и миллионов людей. О Сталине и Берии знают все, а вот об их подручных знают немногие.

В своей книге «Н. С. Хрущев. Политическая биография» (Москва, 1990 г.) известный историк Рой Медведев пишет так: «Изменения в руководстве КГБ произошли в 1958 году. Известно, что одним из требований группы Молотова-Маленкова было смещение И. Серова с поста председателя КГБ... Высокое положение Серова вызывало недовольство у И. Б. Тито, который не только хорошо знал прошлое Серова, но и возлагал на него ответственность за арест и расстрел Имре Надя. Но Серов был лично предан и близок Хрущеву, и последний старался выгородить его. Хотя за ним тянулся длинный список различного рода незаконных акций. Достаточно сказать, что именно Серов руководил выселением некоторых народностей с Северного Кавказа. После XX съезда КПСС и возвращения домой миллионов реабилитированных граждан вскрывались все новые и новые преступления НКВД-МДВ-МГБ, и поэтому игнорировать темное прошлое председателя КГБ становилось все труднее. Непосредственным поводом к смещению Серова, по некоторым свидетельствам, послужило дело о короне бельгийского королевского дома. Похищенная нацистами, она находилась на территории Германии, и следы ее терялись где-то в восточной зоне. Но если корона венгерских королей обнаружилась в одном из музеев США, то бельгийская корона, как показало длительное следствие, находилась у Серова. Воспользовавшись своим положением одного из руководителей военной контрразведки СМЕРШ («Смерть шпионам»), он вместе с многими другими ценными вещами похитил и бельгийскую корону. Без всякой огласки она вернулась в Бельгию, а Серов потерял свой пост председателя КГБ».

О зверствах работников СМЕРШ в период войны написано много, а потому и не следует удивляться зверствам генералов от НКВД-МГБ Серова и Круглова. Именно благодаря своим зверствам, жестокостям и карабкались они вверх по служебной, политикой кровью их жертв, лестнице в период тирании Сталина и Берии.

Вот короткое сообщение о кончине другого подручного Берии – Круглова. Из той же книги Роя Медведева: «Хотя Хру-

шев и не стремился поднимать вопрос об ответственности тех или иных людей за преступления сталинского прошлого, избежать этого не всегда удавалось. При восстановлении Чечено-Ингушской АССР выяснилось, что в 1944 году войсками НКВД полностью уничтожен один из аулов, жители которого отказались подчиниться приказу о выселении. Непосредственная ответственность за этот злодейский акт возлагалась на недавнего министра внутренних дел Круглова. Не дожидаясь окончания расследования, он застрелился».

Вот такими и были тогда вершители судеб миллионов людей нашей страны – и Сталин, и Берия, и Серов, и Круглов, и Гвишиани... Полковник госбезопасности Гвишиани прославился тем, что превзошел фашистов, истребивших жителей белорусского села Хатынь. Гитлеровцы убивали жителей противной стороны, обвиняя их в пособничестве партизанам. А полковник Гвишиани истреблял людей, только потому, что они были чеченцами. В пособничестве врагам он их обвинить не мог, так как немцев в этих местах не было и эти пастухи (большинство из них были пастухами колхозных ферм, которых просто не успели отправить в ссылку вместе со всеми) никак им помочь не могли.

Их всех, «опоздавших», оказавшись на чабанских стойбищах в горах, в гостях, в больницах, в пути в тот проклятый день, собирали со всей Чечено-Ингушетии в горном селении Хайбах. Их оказалось 700 человек. Среди них были и женщины с детьми, и старики, и инвалиды войны, только что выписавшиеся из госпиталей. Февраль в том году в горах был снежным и морозным. По распоряжению полковника Гвишиани всех согнали в колхозную конюшню, которая представляла из себя большой турлучный сарай, и заперли двери. Люди были измучены побоями и всяческими издевательствами солдат-энкэвэдэшников, голодом и холодом, и были даже довольны тем, что все они оказались хотя бы под крышей. Солдаты стали обкладывать снаружи стены конюшни соломой. «Чтобы вас не продувало», – сказали солдаты людям. А когда солдаты довольно плотно обложили конюшню со всех сторон соломой, начальник Дальневосточного краевого управления НКВД, комиссар III ранга госбезопасности Гвишиани отдал своим солдатам приказ: «Поджигай!» Первый заместитель наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР Д. Мальсагов, присутствовавший там, кинулся к полковнику: «Остановитесь!» Но Гвишиани лишь строго ответил: «Я исполняю только приказы Берии и Серова!»

Солдаты поджигают солому, и она разом вспыхивает. Люди в конюшне, наверное, подумали, что случайно вспыхнул пожар, а потому били кулаками по дверям, кричали, звали на помощь. Но потом, поняв всю страшную правду, навалившись, они свалили ворота конюшни и стали выбегать наружу.

«Бандиты могут убежать! Огонь! Расстреливайте их!» – при-

казал Гвишиани. И людей стали расстреливать из автоматов и пулеметов. Вскоре ворота вновь оказались закрытыми – на этот раз грудой тел расстрелянных людей. Остальные заживо сгорели в конюшне. Никто не смог спастись.

Все это видели своими глазами чеченец Жандар Гаез и ингуш Зиядин Мальсагов. Воспоминания З. Мальсагова и список погибших (расстрелянных и сожженных) в селении Хайбах опубликовал журнал «Справедливость» в 1–2 номере за 1991 год.

Теперь Серов и его подручные, расправившись с чеченцами и ингушами, перебрались в Кабардино-Балкарию, чтобы точно так же – жестоко и решительно, без какой-либо жалости «к бандитам и их пособникам», сделать свое черное дело.

Интересно, сами-то они осознавали, что бандитами и настоящими врагами народа и Советской власти являются они сами, а не те люди, которых они расстреливали и сгоняли с родных мест. Серов и Гвишиани и им подобные палачи и мародеры, возможно, об этом и не задумывались ввиду своей звериной сущности, но нормальные люди, которые, как это ни странно, попадались даже в этих карательных отрядах, несомненно глубоко переживали происходящее у них на глазах. Так, один молодой русский лейтенант, не выдержав тяжести позора творимых его сослуживцами над чеченцами и ингушами, когда те на его глазах расстреляли захваченного домой с госпиталя чеченского офицера, грудь которого украшали ордена и медали, застрелился, отойдя в сторону, туда, где лежал чеченский офицер. Но таких честных офицеров в карательных отрядах НКВД-НКГБ, конечно же, было, к сожалению, очень мало...

В ночь с 7-го на 8-е марта во всех балкарских селах прошли аресты по особым спискам, куда были включены все люди, так или иначе не понравившиеся местным и республиканским органам – и советским, и партийным, и НКВД-НКГБ-м, и опять же названные бандитами и их пособниками. Всю ночь рыскали энквэдэшники, лаяли собаки, тревожно вскакивали люди со своих постелей.

А рано утром 8 марта взялись за всех остальных. Все балкарские села были окружены. По улицам пошли солдаты, они врываются в дома и приказывали собираться в дорогу. Разрешалось брать еду в дорогу на 2–3 недели, постель, одежду и тяжелые домашние вещи.

Так начинался отчет дней трагедии балкарского народа, растянувшегося на целых 13 лет.

Через час-другой разом опустели все балкарские села. Переполненные людьми машины друг за другом подходили к железнодорожной станции Нальчика и людей загружали в товарные вагоны, в которых были сколочены двухъярусные нары. В каждый вагон сажали не 40 человек, как калмыков или карачаевцев, а по 45 человек. Видно, балкарцы считались более бандитами, чем калмыки и карачаевцы. Между прочим, это были как раз те

вагоны, в которых выселяли калмыков и карачаевцев – они, эти вагоны, только что вернулись назад. По мере наполнения эшелоны отходили от станции Нальчик один за другим...

11 марта 1944 года Берия доложил Сталину: «Балкарцев выселено 37 103 человека». А 17 марта заместитель начальника 3-го управления НКГБ СССР Волков и начальник отдела перевозок НКВД СССР Аркадьев представили Б. Кобулову, заместителю наркома внутренних дел СССР, справку «О ходе перевозок балкарцев по состоянию на 6 часов 17 марта 1944 г.» В ней сообщалось: «Погружено 14 эшелонов, находятся в движении 14 эшелонов (Оренбургская железная дорога – 9 эшелонов, Ташкент – 5 эшелонов). Всего погружено в эшелоны 37 713 человек. Переселенцы направляются: во Фрунзенскую область – 5446 человек, Иссык-Кульскую – 2702 человека, Семипалатинскую – 2742 человека, Алма-Атинскую – 5541 человек, Южно-Казахстанскую – 5278 человек, Омскую – 5521 человек, Акмолинскую – 5219 человек, Джалал-Абадскую – 2650 человек, Павлодарскую – 2614 человек»

Эшелоны с ссыльными балкарцами шли и в другие области Казахстана, а эшелон, направлявшийся в Омскую область, потом тоже был завернут в Казахстан.

Современные люди страны, начинающие привыкать к тому, что любые большие дела в стране совершаются согласно закону или же, на худой конец, согласно Указу Президента или Постановлению Правительства, т. е. на законном основании, могут спросить: «На каком законном основании выселялись балкарцы?» На этот вопрос есть только один ответ – балкарцы, как и другие народы, выселялись незаконно, т. е. к этому времени не было ни одного законного акта ни Верховного Совета СССР, ни его Президиума, ни Правительства СССР. Выселение балкарцев осуществлено Берия с согласия Сталина лишь на основании ложных клеветнических доносов преступных руководителей 37-й армии генералов Козлова и Захарова, а также члена военного совета этой армии, первого секретаря Кабардино-Балкарского обкома партии Кумехова. Получается, Козлов, Захаров и Кумехов «настучали» на балкарцев, Берия поверил им и выселил балкарцев? Да, как это ни странно, но так оно и есть. Ну почему? А просто потому, что военные преступники Козлов, Захаров, Шикин и Кумехов сами не хотели быть расстрелянными, а Берия и Сталин были рады по случаю расширить территорию Грузии, да еще заполучив Эльбрус, жемчужину Кавказа. Вот и все основания для выселения балкарцев – нечего было жить на красивой земле, нечего было лезть под пули бандитов в форме красноармейцев и разбойников-«партизан». А закон – что? Их наш родной и послушный Верховный Совет и его Президиум нашлепают столько и таких, сколько и каких надо будет «отцу всех народов» и «светочу всего мира» Сталину. И Президиум Верховного Совета СССР спустя месяц после выселения балкарцев издает Указ. Этот Указ достоин пуб-

ликация, как образец лжи и лицемерия, когда настает момент юридического оправдания уже совершенного высшими руководителями страны преступления.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

о переселении балкарцев, проживающих в Кабардино-Балкарской АССР, и о переименовании Кабардино-Балкарской АССР в Кабардинскую АССР

В связи с тем, что в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками территории Кабардино-Балкарской АССР многие балкарцы изменили Родине, вступали в организованные немцами вооруженные отряды и вели подрывную работу против частей Красной Армии, оказывали фашистским оккупантам помощь в качестве проводников на кавказских перевалах, а после изгнания Красной Армией с Кавказа войск противника, вступали в организованные немцами банды для борьбы против Советской власти, — Президиум Верховного Совета постановляет:

1. Всех балкарцев, проживающих на территории Кабардино-Балкарской АССР, переселить в другие районы СССР.

Совету Народных Комиссаров СССР наделить балкарцев в новых местах поселений землей и оказать им необходимую государственную помощь по хозяйственному устройству.

2. Земли, освободившиеся после выселения балкарцев, заселить колхозниками из малоземельных колхозов Кабардинской АССР.

3. Кабардино-Балкарскую АССР переименовать в Кабардинскую Автономную Советскую социалистическую Республику.

4. Включить в состав Верхне-Сванетского района Грузинской ССР юго-западную часть Эльбрусского и Нагорного районов Кабардинской АССР, изменив, в связи с этим, границу между РСФСР и Грузинской ССР на этом участке следующим образом: от перевала Бурун-Таш, что у северных склонов горы Эльбрус, линию границы повести на восток по реке Малка до высоты 2877, далее на юго-восток по реке Ислам-Чай через высоту 3242 у перевала Кыртык-Ауш, на юго-восток по реке Кыртык, западнее поселка Верхний Баксан и на юг по реке Адыр-Су до перевала Местия.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР

А. Калинин

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР

А. Горкин

Москва, Кремль.
8 апреля 1944 г.

В то время, когда балкарские старики, женщины, дети голые, ослабленные и сломленные несправедливостью, долгой дорогой и болезнями бродили по степям в поисках свободных сараев и заброшенных ферм, чтобы поселиться в них, здесь, на Кавказе, землю их отцов, их жилища и скот растаскивали и рвали на части. И даже ссорились республики меж собой за клочок балкарской земли. После того, как чин-по-чину, создав высокие государственные комиссии по разделу балкарской земли, договорились и подписали соответствующий акт о приемке грузинской стороной «в натуре земельную территорию от Кабардинской АССР», произошло обычное в таких случаях: грузинские чиновники посчитали, что им досталось слишком мало балкарской земли, а кабардинцам – слишком много. И сами захватили поселок Верхний Баксан. Это обидело руководство Кабардинской АССР, и Председатель Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР пишет письмо в Президиум Верховного Совета Грузинской ССР, что она, Грузия, неправильно захватила Верхний Баксан и заселила его.... Грузия посчитала, что в данном случае кабардинцы могли бы и помолчать – им досталось больше. И, естественно, письмо осталось без ответа. Тогда Президиум Верховного Совета КАСССР пожаловался на Грузию в Президиум Верховного Совета РСФСР. Но в Москве люди были ближе к Сталину, чем руководители Кабардинской АССР где-то там в горах Кавказа, и гораздо лучше их знали, что кидать камешки в огород «любимого отца» – в Грузию – не стоит. «Отец» ведь может и рассердиться. А потому Президиум Верховного Совета РСФСР сделал вид, что бумагу из Нальчика видеть не видел и знать не знает. Одним словом, ответил молчанием. И тогда, видно, опомнилось руководство Кабардинской АССР – перестало далее жаловаться на Грузию и занялось освоением балкарских земель, вошедших в состав Кабардинской АССР. По представлению Президиума Верховного Совета Кабардинской АССР, Президиум Верховного Совета РСФСР своими указами ликвидировал Черекский район, переименовал Хуламо-Безенгиевский район в Советский район, переименовал районный центр Советского района Кашхатау в селение Советское. А также переименовал селение Хасанья в селение Пригородное, селение Яникой – в Ново-Каменку, селение Лашкуту – в Заречное, а Быллым – в Угольный.

Так, выгнав самих балкарцев из родных гор, приспешники сталинского режима торопились вытравить и дух их из этой земли.

3. Высылка карачаевцев

Удивительно, как не «по дням, а по часам» росли самоуверенность и хамство Сталина, Берии и их палачей, по мере того, как они губили жизни, ломали судьбы все больших и больших людей. Сперва, когда выселяли немцев с их автономной республики в Поволжье, все законные формальности как будто бы

были соблюдены, хотя нет и не должно быть законов о дискриминации и геноциде народов. Прежде чем выселять, 12 августа Совет Народных Комиссаров СССР издал Постановление о выселении немцев Поволжья, и лишь потом их выселили. Немцев было более 1 миллиона 200 тысяч. Точно так же, прежде чем выселять карачаевцев, заранее – 12 октября – Президиум Верховного Совета СССР издает Указ о выселении карачаевцев и ликвидации Карачаевской автономной области. И лишь потом, в начале ноября выселяют народ. Указ этот, а потом и постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 14 октября, изданные во исполнение Указа Верховного Совета, конечно, были засекречены, и карачаевцы о предстоящей беде ничего не знали. А вот с чеченцами, ингушами, балкарцами, крымскими татарами и месхетинскими турками, Сталин и Берия уже особо не церемонились: их выселяли, как только Берия успевал сколачивать свою банду и наскребал вагоны и машины. А «простые» формальности, узаконивающие этот произвол, поручались Калининну и другим маленьким «вождям», которые беспрекословно исполняли распоряжения Сталина. В 1944–1945 годах, когда выселялись чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары и месхетинские турки, Сталину было не до таких мелочей – он, Вождь и Верховный Главнокомандующий, глядя на карту, обозревал великое поле битвы, где красными флажками отмечал города и крепости, занятые советскими войсками. А то, что огромное это поле от Москвы до Одра, от Балтики и до Карпат обагрилось кровью сотен тысяч, миллионов лучших сынов всех народов СССР, ни его самого, ни его маршалов и генералов особо не тревожило. Они готовы положить еще столько же, лишь бы исполнилось то и так, что и как они задумали. Но никак не по другому, чтобы поменьше гибло людей, поменьше разрушать города и села.

Во всем мире считается, что главное богатство страны – это его люди. Будут живы люди, будет жив и здоров народ – у страны будет все. Но у нас, как всегда, все не как у людей. У нас всегда так, как и должно быть у нас – все наоборот. Главное у нас – это дутый авторитет, напыщенная гордыня правителей страны, и все, что угодно, но не человек, не народ.

Сталинград – обыкновенный город у реки. Река эта – Волга, большая и широкая. Ударная, хорошо механизированная армия Гитлера идет прямо на этот город, все сметая на своем пути.

Город этот – не крепость, обычный город. И в этом случае единственное, совершенно разумное, понятное даже простому солдату, решение советских полководцев должно было быть одно – поскорее переправить отступающие, еще уцелевшие войска на левый берег Волги и с помощью самой реки, которая в этом случае стала бы практически неодолимой преградой для немцев, сделать все, чтобы здесь и остановить противника. В любой другой стране полководцы так и поступили бы. Но только не у нас.

Сдать город, носящий имя Сталина, немцам?! Не сдадим, за Волгой для нас земли нет! Отстоим Сталинград, если даже и ляжем все костями! Таково было единодушное решение всего и политического, и военного руководства страны. Им, горе-руководителям и страны, и армии, превыше всего был дутый авторитет полупопа и полного палача Сталина.

Никто из них, из высших руководителей страны, конечно же, не полег костями под Сталинградом, но там погибло около 1 000 000 (миллион!) солдат и офицеров.

А в результате что? Совершенно разрушенный, превратившийся в руины город.

А французы даже Париж сдали немцам. Те пришли, а потом, когда надо было уходить, ушли. И все. И город остался цел, и сотни тысяч молодых французов остались в живых. И никто сегодня Францию за это не стыдит. Цари и Генсеки России и большевистского Советского Союза никогда не любили своих людей, свои народы и нисколько о них всерьез не заботились. Ярчайшие примеры тому – решение царя Николая о вступлении России в Первую мировую войну и решение Генсека Сталина о выселении целых народов еще в ходе войны в восточные районы страны. Как уже было отмечено выше, Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении карачаевцев был подписан 12 октября 1943 года. Но следует отметить, что войска для выселения карачаевцев появились здесь еще в начале месяца. Солдаты и офицеры поселялись в школах, в конторах и в других зданиях, где помещались различные государственные учреждения. Все равно, всем помещений не хватило, и часть военных расположилась на полянах у рек возле селений, поставив палатки.

Офицеры и солдаты распустили слух, что они сражались под Сталинградом и им дали один месяц отдыха в стороне от фронта. К тому же, говорили они, мы будем не просто отдыхать-бездельничать, а будем помогать колхозникам убирать кукурузу, картошку и т. д.

Потому никто особо и не встревожился, не задумался над тем, почему это в самый разгар войны столько войск бездельничает вдали от фронта.

31 октября 1943 года был выходным днем, и многие жители были на дорогах – они ездили в города и райцентры на базары. И все они были удивлены обилием зеленых мощных американских «студебеккеров» – грузовых вездеходов, крытых брезентом. А на следующий день военные распределились и заняли, видно, заранее намеченные объекты – фермы и бригадные станы, чабанские кошы и стоянки гуртов. И все еще говорили, что они просто остановились на отдых, скоро уйдут.

И они, между прочим, по-своему были правы: вскоре они ушли, но ушли, угоняя перед собой толпы карачаевских стари-

ков, женщин и детей в ссылку. А сыновья этих стариков, мужья этих женщин, отцы и братья этих детей в это время сражались на фронтах Великой Отечественной войны, и многие из них так и не сумеют больше увидеть ни своих матерей, ни своих детей, ни родной Кавказ – они погибнут, защищая Родину. А когда уцелевшие вернутся с войны домой, их тоже, как преступников, выпроводят из Карачая в Среднюю Азию.

Началось это – выселение карачаевцев – 2 ноября 1943 года, и, как уже привыкли бериевские мастера-выселенцы, рано утром в 6 часов грохотом разбиваемых ворот и дверей, лаем собак и выстрелами. Всех: и стариков, готовившихся к утреннему намазу, и молодых матерей, очень уставших за вчерашний день и с трудом поднимающихся с постелей, и детей, разбуженных грубыми окриками солдат, – всех выстраивали у стены и обыскивали дом, проверяли документы. И даже в этот день бериевские сыщики искали и находили «бандитов», «врагов народа», и многие семьи так и отправлялись в путь, неся с собой двойной груз беды – и потерю кормильца, и потерю Родины.

Во время обыска, само собой разумеется, – ведь они, в конце концов, в первую очередь грабители и разбойники! – все, что находили особо ценное, золотые вещи, часы, ювелирные изделия – рассовывали по карманам. Только потом говорили: «По решению правительства всех карачаевцев переселяем. Живо собирайтесь в дорогу! Тяжелые, громоздкие вещи не брать. Обязательно берите пищу на 2–3 недели».

Солдаты и офицеры, бряцая оружием, торопили, подгоняли растерявшихся, не знающих толком за что и ухватиться, людей. В спешке многие не брали и того, что можно было, необходимо было взять – и достаточное количество пищи, и постель, и теплую одежду, и домашнюю утварь. А солдаты все подгоняли, все торопили, не разрешали брать и того, что было нужно. Лишь потом, когда мы уже вернемся домой спустя 13 лет, узнают многие из нас, что, оказывается, каждая семья могла взять с собой груз в 500 килограммов. Но тогда никто этого спецпереселенцам не говорил, а лишь только торопили, да отбирали, как они считали, лишние вещи и выбрасывали из машин.

Конечно, были и такие из солдат и офицеров, которые даже сами помогали людям упаковывать вещи, стараясь взять как можно больше, лихорадочно твердя, что надо как можно больше брать зерна и теплых вещей. Но таких было так мало!..

У карачаевцев вторник считается нехорошим днем – и именно во вторник согнали их со своих домов и сделали несчастными путниками. Американские «студебеккеры», вместо того, чтобы возить снаряды и провиант на фронт, повезли невинных людей на чужбину.

Карачаевцы, как потом и балкарцы, стали невольными путниками, не имея для такой проклятой дороги ни достаточного питания, ни теплой одежды и обуви. В этом сказался и ментали-

тет карачаевцев и балкарцев. Дело в том, что карачаевцы и балкарцы издревле, генетически настроены на то, чтобы укреплять древо семьи и рода, даже ограничивая себя кое в чем, что не обязательно надо делать с позиции представителей иных народов. А основа жизнестойкости семейного и родового, а следовательно и всенародного древа, по понятиям балкарцев и карачаевцев – это накопление богатств семьи и рода. Семья или род с хорошим достатком – это предмет гордости семьи, рода. Хотя Советская власть и подрубила главные корни карачаево-балкарского менталитета, запретив жить по-человечески, в достатке, отобрать и землю, и скот, но ведь психология так быстро не меняется. А потому и в середине XX века, несмотря на ненависть большевиков к зажиточным людям, карачаевцы и балкарцы, во многом отказывая сегодня себе, копили богатство для детей и внуков. А что можно было копить в Советское время? Можно было занять немного скота. Можно было построить хороший дом.

Вот на это и уходило все заработанное карачаевцами и балкарцами. А что в то время в колхозе особенно и не заработаешь, сейчас известно всем. Так что, если б даже и не торопили солдаты, то многим семьям и брать-то было особенно нечего: все их богатство было в живности, которую, всячески пряча и утаивая от властей, старались хоть малость иметь. А живность вся осталась в сараях и на фермах.

Известно, что горцы вялят на зиму мясо поздней осенью, после окончания полевых работ, где-то в конце ноября. А в октябре и в начале ноября осенние работы еще в разгаре, и в домах даже не было вяленого мяса, чтобы взять на дорогу. Все, что сумели люди взять из продуктов – это полмешка картошки, столько же муки и зерна, да несколько головок сыра, если они были. Вот и все. Ведь не у всех могло быть и это. А если у кого не было необходимого минимума продуктов и вещей, то люди могли взять недостающие им продукты и вещи из «остающегося фонда», а говоря более понятным языком, из того, что было в избытке у соседей. Об этом говорилось в постановлении о выселении. Но люди из карательных отрядов во все времена, а в советские времена – тем более, привыкли «рубить головы», когда им вялят «стричь волосы», т. е. всегда стараются переусердствовать в сторону ужесточения. А потому людям из бедной семьи не только помогали, давая им продукты на дорогу и вещи, которые оставались в других семьях, но даже не давали времени взять и то жалкое, что было у них самих.

Людей стогнали на площади и на поляны за селениями, туда подходили «студебеккеры», люди с вещами загружались, и машины трогались в путь – в сторону железнодорожной станции. Народ с селений Малокарачаевского района, а также карачаевцев, живших в городах Кавказских Минеральных вод и в ок-

рестных селениях привозили на товарную станцию гор. Кисловодска. Из селений Большого Карачая людей привозили на полустанок возле гор. Микоян-шахар (ныне Черкесск). На вершинах возле дорог, на поворотах были заранее расставлены патрули с пулеметами для того, чтобы никто не попытался спрыгнуть с машины и убежать. Операцией по переселению карачаевцев, как потом чеченцев и ингушей, балкарцев, руководил генерал Серов, первый заместитель народного комиссара ВД и ГБ Берии. В его распоряжении были не солдаты регулярных частей Советской Армии, а войска НКВД и ГБ, собранные не только с Северного Кавказа, но также из Средней Азии и Дальнего Востока. Офицеры этих войск, перед тем как были отправлены на спецоперацию на Кавказ, прошли месячные курсы в Москве, где их хорошенько инструктировали – как следует обращаться с «изменниками и бандитами», переселять которых им предстояло. Как и генерал Захаров в 1942 году в Черкесском ущелье, так и здесь в Москве, говорили фактически одно и то же: «Не проявлять никакой жалости!» За попытку к бегству, сопротивления – расстрел! Но некому и некуда было бежать. Не побежит же семидесятилетний старик от своей снохи и внуков. Или мать от своих детей. Или же дети от своих матерей. Да и сопротивляться было некому. Те, кто мог сопротивляться, сопротивлялись в другом месте – они сопротивлялись на фронтах фашистскому натиску, ходили в атаки и выбивали фашистов и знали не знали о том, что в это же время другие советские солдаты атакывали их дома и выбивали оттуда их отцов и матерей, жен и детей.

Первый эшелон, наполненный карачаевцами, тронулся в дальний и скорбный путь с Кисловодска уже 2 ноября. А последний эшелон ушел со станции гор. Микоян-шахар 4 ноября 1943 года.

Как в карачаевских селениях, так и в соседстве с карачаевцами жили тысячи людей, которые работали, жили вместе с карачаевцами, дружили с ними, к которым, когда нужно, на помощь приходили карачаевцы, а когда нужно – они сами на помощь карачаевцам.

Но на этот раз на карачаевцев напал такой страшный и кровавый эмеген по имени Советская власть–Сталин–Берия, что все: и знакомые, и друзья, и родственники – не осмелились не только помочь карачаевцам, но даже не вышли из своих домов, чтобы сказать хотя бы простые, обычные слова «Доброго пути!» и помахать рукой на прощание.

Но что поделать – такое было время... Так начался первый – двенадцатидневный круг ада, в который отправили бедный карачаевский народ его враги.

Этот круг – двенадцатидневное тюремное заключение в товарных вагонах – был первым и суровым уроком для карачаевцев, которых с этого дня стали упорно, используя всю мощь

государства, отучать быть гордыми и честными, справедливыми и красивыми душой, отучать от обычаев отцов и дедов. Потому что гордому человеку трудно было терпеть эту несправедливость, карачаевцы терпели, они не бросались в отчаянии на солдат ни там, дома, когда их грубо выселяли, ни здесь, в вагонах. Терпели – и с каждой минутой терпения утекала от них гордость. Гордость не любит чрезмерно терпеливых, не любит рабов.

Негордый человек – некрасив. Ни лицом, ни телом.

Карачаевка не может в присутствии посторонних мужчин кормить грудью своего ребенка. В вагонах молодые карачаевские матери кормили грудью своих голодных младенцев – некуда было укрыться. Карачаевская девушка не может на глазах у мужчин зайти в туалет, если даже его стены в метр толщиной. В вагонах имелся лишь угол, огороженный мешковиной. И туда ходили и девушки, хотя вокруг было полно уважаемых аксакалов. И аксакалы ходили, хотя и им не следовало этого делать. Но никто из них не мог поступить так, как требовал обычай – тогда они просто умерли бы. А надо было жить. И они нарушали обычай, чтобы жить. И от этого они становились с каждым днем все меньше и меньше карачаевцами.

Тех карачаевцев, которые все-таки сумеют выжить после того, как их всех высыпят голодными и раздетыми в стальные стены Сибири и Казахстана, власть всячески старалась сделать рабами, рабочим скотом, вытравливая из них все, что делало их людьми, карачаевцами – гордость, обычаи отцов, любовь к свободе. Карачаевцы, как планировали Советская власть, Сталин, Берия и Сулов, должны были в скором времени исчезнуть с лица земли как народ, большинство их должно было вымереть, а оставшиеся – раствориться среди казахов, русских, киргизов...

А сам Карачай как волки разорвали на куски. Часть отдали Грузии и назвали ее Клухорским районом. Карачаевск переименовали в Клухори.

Так убивали Карачай и карачаевцев. Но они, слава Небу, живы и сегодня. А злейшие враги Карачая и карачаевцев – Советская власть и ее верные сыны Сталин, Берия и Сулов уже давно развалились, убиты, умерли и исчезли.

4. Годы горести и тоски

Итак, с помощью бездарных и трусливых руководителей-националистов Ставропольского края и Кабардино-Балкарской АССР, грубо искажавших политико-криминальную обстановку в Карачае и Балкарии, и на основании этого настойчиво прощивших Центр выселить карачаевцев и балкарцев, без чего, якобы, успешно вести борьбу с бандитизмом невозможно, преступный режим Сталина лишил карачаевцев и балкарцев права проживать на древней земле своих предков и выселил их в Казахстан и Среднюю Азию.

Так как главной целью ссылки было то, чтобы карачаевцы и балкарцы, как и другие высланные народы, в скором времени перестали существовать как единые национальные общности людей, а говоря более ясное – чтобы они исчезли, растворились среди казахов и киргизов и перестали быть народами, то и расселяли их в соответствии с этой целью: раскидывали по всей необъятной евразийской степи от восточного побережья Каспия и почти до Алтая на востоке, от Северного Казахстана и до Ташкента на юге. И опять же, согласно требованиям главной цели, делалось все, чтобы спецпереселенцы – это слово стало их отличительным признаком, как полосатый халат в немецких концлагерях – как можно меньше общались друг с другом: они могли жить только там, где их поселили. Они не имели права переехать не только из одной области в другую, но и даже из одного района в другой. И регулярно, два раза в месяц, взрослые спецпереселенцы должны были отмечаться в спецкомендатуре. Коменданты-КГБшники стали настоящими хозяевами ссыльных – они, по своему хотению, могли миловать (если получали хорошую взятку), могли и «казнить» за какую-нибудь мелочную провинность – посадить, если не давали взятку, да еще осмеливались «качать» свои права: я, мол, кровь на фронте проливал, я офицер-орденоносец и т. д.

Карачаевцев, как известно, высылали в степи Казахстана и Средней Азии в начале зимы 1943–1944 годов, балкарцев – ранней весной 1944 года.

Высыпали в степи и сказали большим местным начальникам, чтобы они дали указание маленьким местным начальникам разобрать по колхозам и совхозам, по заводам и стройкам привезенных из Кавказа бандитов и изменников родины, коли они нуждаются в дешевой рабсиле. Не очень охотно, но председатели колхозов, директора совхозов и начальники строек потихоньку разбирали табор высыпанных за городом спецпереселенцев – отбирали семьи, где имелось побольше работоспособных людей, отбирали почти как лошадей, чуть ли не разглядывая зубы. Такие таборы в степях иногда не разбирались несколько дней, не было воды, не было еды. Многие болели, умирали.

Так начался отсчет времени нахождения в ссылке карачаевцев и балкарцев, и каждый день для них был нерадостным. И таких дней предстояло прожить на чужбине 4680 дней, хотя тогда об этом никто, кроме самого Всевышнего, не знал.

Сегодня, вспоминая годы, проведенные в ссылке, многие говорят, что казахи, киргизы и узбеки, близкие нам по крови, языку и вере люди, всячески старались помочь нам, облегчить нашу судьбу, и мы выжили во многом именно благодаря этому фактору. Да, это действительно так. И многие карачаевцы и балкарцы и поныне благодарны гостеприимной земле Казахстана, Киргизии и Узбекистана, их народам за помощь в тяжкие для наших народов дни.

Но не следует забывать о том, во-первых, что это было время сталинщины, а раз так, то и на должностях во всех уровнях, как правило, находились люди именно сталинского типа, жестокие и коварные, которые шли на все, лишь бы выслужиться перед вышестоящим начальством. Для таких людей издевательство над бесправными «бандитами» и «изменниками Родины» было обычным делом, так они как бы проявляли бдительность, держали в ежовых рукавицах врагов Советской власти. Во-вторых, на свете таких народов не существует, чтобы они состояли сплошь из добрых и милосердных людей. Как говорится, не бывает рода без уроды. И еще надо помнить и о том, что, к величайшему нашему сожалению, зачастую так называемый народ молчит, когда творится зло. Поэтому не следует быть идеалистами и принимать слова благодарности балкарцев и карачаевцев, бывших в ссылке, в адрес казахского и киргизского народов за их особое гостеприимство и доброе отношение именно к нам, к балкарцам и карачаевцам, как доказательство того, что нам в ссылке жилось не так уж и плохо.

В связи с этим следует четко и ясно сказать – несмотря на доброе к нам отношение казахов и киргизов, жилось нам, всем спецпереселенцам, в ссылке не только нелегко, но очень даже тяжело и горестно. Во-первых, спецпереселенцы считались бандитами, изменниками Родины, дезертирами, врагами народа, грабителями – кем угодно, но только не обычными нормальными людьми. И по этой причине их не хотели брать на работу, а если и брали, то давали самую тяжелую и плохо оплачиваемую работу. А во многих местах за их работу вообще ничего не платили, не давали. Так, в отчете министра внутренних дел Киргизской ССР за 14 июня 1948 года начальнику спецпоселения МВД СССР говорилось, что: «В колхозе им. Ворошилова (в Куршабском районе Ошской области) Султанмуратов работал на косовице 20 дней, ежедневно перевыполнял норму, заработал около 30 трудодней, а в таблице учтено только 3 трудодня; группа спецпереселенцев в количестве 47 человек во главе с Темирбераевым в течение нескольких дней работала на прополке зерновых, но по таблицу учета не числится ни одного тру-

додня». Только колхозы 4 районов области не додали на трудодни спецпереселенцам зерна – 9225 килограммов, сена – 616 центнеров, денег – 74 302 рубля.

И это в то время, когда спецпереселенцы тысячами умирали от голода и болезней, ослабленные и истощенные. Особенно тяжело было в первые два-три года, когда отношение к переселенцам было особенно неприязненным. Тогда люди жили в кое-как выделенных им бараках, землянках и сараях, к тому же страшно скученно. Так, к январю 1945 года в Киргизии 7500 семей спецпереселенцев жили «на площадях, непригодных для жилья». Инструктор ЦК КП(б) Киргизии в своей справке об обустройстве спецпереселенцев отмечал, что в Куршабском районе Ошской области 907 семей в количестве 3483 человек, из которых более половины составляют дети, «были расселены в 17 колхозах и двух предприятиях крайне неудовлетворительно, живут в антисанитарных условиях, очень скученно, в комнатах 6–12 квадратных метров живут по 2–3 семьи с количеством от 5 до 10 человек». А во Фрунзенском районе той же Ошской области летом 1945 года в одной комнате в среднем проживало по 5–7 семей. Примерно такое же положение было по всей Киргизии и по всему Казахстану. И это, разумеется, было не оттого, что к переселенцам власти и местные жители относились неприязненно, хотя было и такое, но и оттого, что эти две республики были просто наводнены спецпереселенцами. Ведь наша «родная Советская власть», начиная еще с 20-х годов, постоянно ссылала сюда людей в массовом порядке – это и «враги народа» с семьями, а потом «кулаки и подкулачники», а потом уже и «бандиты и изменники» – немцы, крымские татары, чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы и т. д.

Казахстан и Киргизия были просто не в силах принять и обустроить такое огромное количество спецпереселенцев. Вот почему, даже еще в 1946 году в Казахстане 13 341 семья все еще не имела постоянного жилья, а через год, в 1947 году 10 359 семей не имели «нормальной жилой площади». 1865 семей ютились в землянках.

Надо отдать должное – руководители Казахстана и Киргизии пытались в меру своих сил облегчить участь страдальцев, они неоднократно обращались к руководству страны с просьбой выделить необходимые материалы и средства, чтобы помочь оказавшимся в тяжелейших условиях спецпереселенцам, – оказать им помощь продовольствием, одеждой, скотом и жильем. И удивительно – ведь еще шла война! – кое-чего добывались. Так, в 1945 году было выделено Казахстану для оказания помощи спецпереселенцам 1421 кубометров леса, а еще заготовлено 7 тыс. кубометров, оконного стекла – 15 785 кв. метров, гвоздей – почти 17 тыс. тонн и 100 тыс. тонн чугуна.

Разумеется, Казахстан – это тоже тогда было частью нашей страны, а потому и там тоже были очковтиратели, хапуги

и воры. А потому даже и тот мизер, что удавалось вырвать из Центра руководителям республик и направлять в области, не доходил до самих спецпереселенцев. Так, по плану 1946 года в Акмолинской области должны были построить 1000 домов для спецпереселенцев, а было построено всего 27, да и то не все они достались им. В Талды-Курганской области должны были построить 1400 домов, построили 23. В Южно-Казахстанской области планировалось построить 1700 домов, построили – 70. В Джамбульской, Карагандинской и Актюбинской областях даже спустя несколько лет не было построено для спецпереселенцев ни одного дома.

Областные начальники, как сейчас принято говорить, частенько направляли строительные материалы, предназначенные для обустройства спецпереселенцев, не по назначению. А говоря обычным языком, – просто разворовывали. Так, Ошский облисполком использовал не по назначению – 113,4 куб. метров леса, Таласский облисполком – 103 куб.метров. Всего же в Киргизии не по назначению ушло 1604 куб. метра «переселенческого» леса.

Но следует отметить, что даже на уровне Совета Министров практиковалось использование бедных «переселенческих» средств не по назначению. Так, Совнарком Киргизской ССР своим распоряжением в 1945 году отдал 282 куб. метра пиломатериала НКВД для строительства стадиона и 25 куб. метров институту животноводства на строительство выставки. И это в то время, когда в невыносимо тяжелых условиях жили дети, женщины и инвалиды Отечественной войны в бараках, землянках, сараях и амбарах без каких-либо удобств, болели, мучались и умирали. Наиболее характерным примером того, как разбазаривались и разворовывались деньги и средства «врагов народа» народными руководителями, является следующий. Заместитель председателя колхоза «Жана-Турмыс» («Новая жизнь») Калининского района Акмолинской области Казахстана Кусаинов из стройматериалов, отпущенных для строительства жилья спецпереселенцам, построил для себя дом.

Кроме того, на покупку и строительство жилых домов государство выделяло спецпереселенцам ссуду в размере 5 тысяч рублей на каждую семью сроком на 5 лет. Но получение кредита местными органами власти обуславливалось так, что получить его могли немногие. К примеру, от желающего получить кредит спецпереселенца требовали: справку от комендантуры МВД; гарантийное обязательство самого спецпереселенца; гарантийное обязательство колхоза, совхоза или предприятия, где он работал, о том, что спецпереселенец будет своевременно погашать ссуду; решение исполкома с ходатайством о выдаче кредита; справку от колхоза о том, что спецпереселенец имеет выработку минимума трудодней.

Чтобы получить эту ссуду, во-первых, спецпереселенец от-

куда-то должен был узнать об этом, так как в нашей стране все положения и законы, которые хоть в какой-то степени могут помочь человеку, почему-то сразу же становятся страшной тайной. А во-вторых, трудно было считаться нормальным человеком, если ты из спецпереселенцев, да еще быть в хороших отношениях со всеми этими чиновниками, от которых больше всего и терпели беззаконий – с комендантами, бригадирами, председателями колхозов, секретарями парторганизаций. Учитывая это и то, что абсолютное большинство спецпереселенцев и не знали о такой милости Советской власти, как предоставление им кредита, и то, что редко кто из «бандитов и изменников» Родины был в приятельских отношениях со своими надзирателями – комендантами, бригадирами и председателями, – нетрудно предположить, что практически никто из спецпереселенцев ссудами не воспользовался. Зато этими деньгами опять же воспользовались все те же чиновники и колхозные вожаки. Так, в колхозах Есильского, Шортандинского и Вишневского районов Акмолинской области председатели колхозов кредиты, выделенные для спецпереселенцев, использовали на свои нужды. Сивковский сельсовет в Соколовском районе Северо-Казахстанской области купил для спецпереселенцев 12 дернопластовых домов, каждый из которых стоит 400 рублей, а контора Сельхозбанка выдала кредит из расчета 2 тысячи рублей за дом. В Мамлютском районе той же области председатель колхоза имени Петровского – Ножевых представил конторе Сельхозбанка финансовый документ на покупку дома для двух семей спецпереселенцев за 4000 рублей, а в действительности дом стоил 2000 рублей.

Так же обстояло дело и в Киргизстане. Так, правление колхоза «Эпкин» Ивановского района Фрунзенской области на строительство домов спецпереселенцам Лайпанову и Теммоевой получило ссуду в размере 15 тысяч рублей. Эти деньги были использованы на внутриколхозные нужды, а семьи спецпереселенцев так и остались без жилой площади. На свои нужды истратил всю полученную сумму кредита в размере 37 тысяч рублей и колхоз «Къызна-Желеп» Ивановского района той же области. Точно так же поступили и в колхозе имени Стаханова того же района – руководители колхоза всю ссуду, которая составила 58 000 рублей, использовали только на свои нужды.

Так что, зря старалась наша «родная Советская власть» – ее же чиновники присваивали почти все, что она, почему-то вдруг смилостивившись, стала выделять в помощь спецпереселенцам, своим незаслуженно обиженным пасынкам.

Таково было положение спецпереселенцев с, так сказать, сугубо материальной стороны. К этой, «материальной», стороне их положения следует добавить и то, как было сказано выше, что многие из них не могли устроиться на работу, а работающие в колхозах к тому же практически ничего не получали.

В результате, от голода, холода и разных болезней, связанных с неустроенным бытом, — тифа, простуды, туберкулеза, дизентерии — в первые два-три года больше всего и погибло спецпереселенцев. Если считается, что в ссылке погибло примерно половина сосланных, то на первые два-три года наверняка приходится три четверти всех умерших.

Не лучше, если даже и не хуже, было положение ссыльных и в морально-политическом плане. Одно только то, что они официально именовались «спецпереселенцами», что было равнозначно понятиям «бандит», «изменник», «грабитель», «убийца», уже было тягостно и всеми ссыльными переживалось нелегко. Вдобавок к этому в первые годы ссылки и местное население относилось к «бандитам» и «изменникам» неприязненно, так как в дома многих из них власти насильственно вселяли этих самых чужих людей, что, естественно, зачастую приводило к конфликтным ситуациям. Неприязненное отношение к себе спецпереселенцы ощущали повсюду — на работе и дома, на улице и даже в школах, где детей тоже обзывали «бандитами».

Так, в официальных документах, ныне хранящихся в архивах Киргизии, указывается, что «в колхозах им. Ворошилова и «Боорду» имеют место случаи, когда переселенцев называют бандитами, изменниками и прочее. В районе имеют место и не пресекаются даже факты избиения переселенцев. В марте этого года (1946) бригадир колхоза «Боорду» коммунист Абылов Б. избил переселенца Долаева. В июле в этом же колхозе парторг Батырбаев избил камчой переселенца Аджиева, директор районной конторы «Заготживсырьё» Исхаков избил переселенца Маджидова А. 4 сентября председатель колхоза «Алмаду» коммунист Айтпаев избил переселенца Хутаева, 17 сентября бригадир Токтосунов с колхозниками Чекеевым и Тольтибаевым избили женщину-переселенку Хутаеву и мальчика 13 лет».

В июле 1946 года бригада ЦК КП(б) Киргизии проверяла положение спецпереселенцев во Фрунзенской области и вот что она отметила. «Так, в мае месяце с. г. дирекцией Леспромхоза была создана из чеченцев бригада по сплаву леса, оставшегося от прошлого года. Эта бригада во главе с бригадиром Цаноевым систематически перевыполняла нормы выработки. Несмотря на это, Макеев (один из руководителей леспромхоза) вызвал к себе в кабинет бригадира Цаноева и стал его ругать нецензурными словами, оскорбляя национальные чувства. Тот же технорук Макеев незаслуженно называет спецпереселенцев изменниками Родины, бандитами и т. д. Макеев заявил: «Пока я буду работать техноруком, жизни переселенцам не дам!»

9 июля с. г. заведующий Келинским райзо Абиров выезжал в колхоз. Когда он вернулся в райзо в 9 часов вечера, то конюха райзо, спецпереселенца Юсупова Хасана в это время дома не оказалось, так как он ходил к демобилизованному из Крас-

ной Армии Солтаханову расспросить о своем погибшем брате на фронте Отечественной войны. Вернувшись через полчаса после приезда Абилова, Юсупов был вызван в кабинет, там Абилов стал ругать Юсупова нецензурными словами, всячески оскорблять его, обзывая изменником, бандитом и т. д., и в ту же ночь уволил Юсупова с работы и выбросил всю его семью из квартиры, причем жена Юсупова работала конюхом в отделе технических культур, мать – уборщицей, а отец лежал при смерти.

В апреле с. г. председатель колхоза им. Логвиненко Кзыл-Аскерского района Александров вернулся из райцентра в нетрезвом виде, на колхозном дворе он набросился на демобилизованного из Красной Армии инвалида Отечественной войны Умарова, стал беспричинно оскорблять его нецензурными словами, задевая национальные чувства, впоследствии избил его. Александров был привлечен к ответственности РО МВД, материалы переданы райпрокурору, однако Александров остался ненаказанным».

Еще из такого же документа.

«Председатель колхоза «Кен-Арык» Таласского района Осмоналиев систематически занимается избиением спецпереселенцев, как-то:

1 августа 1945 года без всяких причин избил спецпереселенку Байрамукову Зурият и ее дочь.

19 августа 1945 года спецпереселенка Доскоева по разрешению бригадира собирала на поле колосья, заметив это, объездчик Бакиев отобрал у нее 500 рублей, а после ее же избил председатель колхоза Осмоналиев.

Кроме того, Осмоналиев избил 80-летнюю старушку, мать спецпереселенца Забуйрова, последняя от побоев до сего времени находится в постели, а избитая им же 12-летняя девочка-спецпереселенка Усманова Кайка после продолжительной болезни умерла, о чем имеется справка медосвидетельствования».

Одиннадцатилетний мальчик Таусултан Байсултанов, гонимый голодом, пришел на колхозное поле после уборки урожая и стал собирать колосья. Но вскоре мальчика увидели секретарь партийной организации колхоза имени Буденного Д. Халмурзаев и завхоз Абылбеков. И эти двое взрослых мужчин, поймав мальчика, стали его избивать, обвиняя его в воровстве колхозного имущества. В справке по этому случаю написано: «Мальчик от нанесенных ударов через три дня умер. Было создано дело, но виновники до сих пор к ответственности не привлечены». Видимо, инструктор ЦК КП(б) Киргизии, писавший эти отчеты о бесчинствах советских и партийных чиновников по отношению к спецпереселенцам, был наивным молодым человеком, все еще не утратившим комсомольские иллюзии, или же бесстрашным, честным человеком, горящий желанием хоть как-то помочь бедным и загнанным, ни в чем неповинным лю-

дям. И в этом, и в другом случае это было таким редким явлением, что даже трудно поверить в то, что в самом деле жил тогда вот такой человек – совершенно «белая ворона» в черной сталинской действительности. Особенно примечательны его слова: «виновники до сих пор к ответственности не привлечены». Как будто он не знал, что главные виновники всех этих злодеяний находятся на самой верхушке власти в Кремле, и что истинные виновники всего преступного в СССР не в тюрьмах сидят, а в высоких кабинетах.

Но он, этот Дон Кихот Киргизский, все верит в торжество справедливости и вновь отмечает: «9 сентября с. г. председатель Урюкитинского сельского Совета Фазиллов (член партии) в сопровождении бригадира Чермечикова произвел обыск в квартире у истощенной спецпереселенки Вибиевой Исайла, которой дома не было, была 9-летняя дочь ее. Фазиллов обшарил весь дом, проткнул мешочек с зерном и объявил: «Ворованное. Надо немедленно составить акт». Девочка хозяйки заплакала и убежала. Оказалось, что это «ворованное» было продано гражданке Вибиевой самим Фазилловым.

Кроме того, Фазиллов, в бытность его зав. МТФ в колхозе «Меданият» (август с. г.), избивал спецпереселенков. Вместо того, чтобы привлечь Фазиллова к ответственности, его выдвинули председателем сельсовета».

Бедный инструктор ЦК! Скорее всего, он вскоре после этих своих отчетов был отстранен от работы в ЦК, как сочувствующий «бандитам и изменникам». Видно, он не знал, что в стране Советов, где господствовали большевики-разбойники во главе со Сталиным, во власть отбирались – и очень тщательно! – только вот такие люди как Фазиллов, отличавшиеся своими палаческими наклонностями, наглые и вероломные.

Тема жизни в ссылке в балкарской литературе

5. Встреча в степи

*Отрывок из повести Магомета Кучинаева
«Горькая дорога в рай»*

Батыр шагал по шпалам, размышляя над словами Мустафы, и почти вслух говорил – спорил с самим собой. «Тейри, друг мой, не дай Аллах, конечно, но если бы и ты, как и я, остался бы один-одинешенек стебельком на скошенном лугу, то навряд ли и ты был таким героем-оптимистом, – говорит, но тут же получает отпор от самого себя, – Тейри, как бы ты ни прыгал, а Мустафа все-таки прав: жизнь – штука сильная, коль не будешь крепко держаться на ногах, поднимет и так шлепнет об землю, что мигом испустишь дух!» Но, как казалось Батыру, Мустафа не обращал должного внимания на одну вещь, которая, словно яд, парализовала и волю, и жизненную силу Батыра. Чего ради он будет стараться твердо стоять на ногах, бороться с жизненными трудностями? Конечно, старался бы устоять на ногах, отчаянно, изо всех сил бороться, коли все это радовало бы отца, или прихотилось бы защищать жизнь и честь сестры или жены, или ограждать сына или дочь от беды. А так – кому нужны и его карабканье, и борьба, и крепкое стояние на ногах? Вот если бы он нашел хоть кого-то, отца или сына, тогда и он, как все, будет стараться. А так...

Все произошло в одно мгновение: Батыр уловил гудок паровоза, соскочил в сторону – и тут же загрохотал поезд. Рассерженное лицо машиниста, его крик: «Ты что, ишак?!», легкий удар теплого воздуха с паром, стук колес, – все это пронеслось, промелькнуло, прогрохотало, как смерч. А Батыр, словно все это его не касалось, продолжал свой путь, лишь через несколько минут безразлично сказал-подумал: «Разошелся вовсю, расшумелся – из-за чего, собственно? Проехал бы спокойно – и все». Словно не он, человек, был на дороге, а обрывок какой-то старой газеты...

Вот и будка стрелочника впереди, с полотна железной дороги спускается вправо вниз тропинка и уходит в степь. По ней и пошел Батыр. Пройдя довольно много, остановился и огляделся.

Утренняя прохлада уже развеялась, начинало припекать. Хотя он на самом деле удалился от железной дороги всего-навсего на два-три километра, но кажется, что отсюда до нее, до этой самой железной дороги, далеко-далеко: поезд, что еле-еле ползет, дрожит в воздухе и видится смутно, да и вообще впечатление такое, что он не по земле ползет, а медленно-медленно плывет в воздухе между небом и землей. Там вдали, куда, дрожа, ползет поезд, виднеются неясные силуэты синих гор. А так, куда ни глянешь – степь да степь...

Как и говорил Мустафа, до речки Батыр добрался к полудню. Справа, со стороны Джамбула, наверно, к реке подходила большая дорога. Подождал немного, надеясь на авось, но насколько хватало глазу, нигде не видно было ни души. Тогда он разделся и перешел на ту сторону.

На окраине села мальчишки играли в альчики. Он спросил у них, живут ли отсюда поблизости балкарцы,

– Я балкарец, мы вон в том доме живем, – ответил один из мальчиков.

– А есть дома кто-нибудь из взрослых?

– Мама и Асли на свекле, дома только бабушка, – ответил мальчишка. Потом, не отрывая глаз от орден и медалей на груди прищельца, спросил сам: – А кого ищешь?

– У меня есть сын, такой же, как и ты, его ищу, – ответил Батыр серьезно, словно равному. – Ты, случайно, не знаешь, не слышал: у вас в селе не живет мальчишка-балкарец у казахов?

– А звать его как?

– Алий.

– Такого не знаю. Знаю одного такого мальчика, но его зовут Кудайберди, а как его по-балкарски звали – не знаю.

– А знаешь этот дом, где живет Кудайберди? – спросил спокойно Батыр, сдерживая, как мог, биение сердца.

– Пошли, я покажу, – с готовностью отозвался мальчик и пошел, шлепая босыми ножками по густой дорожной пыли. Батыр идет за мальчиком, машинально глядя на его голые пятки и заплатанные штанишки, но ничего, кроме бросившегося к нему с криком: «Папа!» сына, не видит. О, всемогущий Аллах, неужели ты решил, долго не мучая, соединить воедино брненное тело и душу – отца с сыном!

– Вон в том доме он живет, – показал мальчонка рукой на довольно приличный дом, – я пошел! – И убежал к друзьям.

Батыр тихо вошел во двор, а душа кричала: «Что стоишь – беги, заглядывай в комнаты, ищи сына!»

Здоровенный желтый пес, который лежал в глубине двора, до того был удивлен нахальством этого человека, так спокойно вошедшего во двор, что в первые мгновения лишь слегка рычал, а не бросился, как обычно, задыхаясь в лае, забыв и про цепь и про все, обуреваемый лишь одним желанием – растерзать нарушителя на куски! В этот самый момент из дому вышла казашка – с большим белым тюрбаном на голове. «Эх, черт! – наверно, подумал пес, – так опозориться перед хозяйкой – этот болван спокойно вошел во двор, а я лежу себе, как старый баран! И все это увидела она сама!» И стремясь, видимо, поскорее заглядить свою вину, не теряя попусту времени на такую чепуху, как лай, пес стрелой бросился на Батыра. Но цепь выдержала, не порвалась – пса опрокинуло, он забарахтался на месте, рыча и кашляя. Злость душила его, дыхание перехватила боль в горле...

– Э-э-э! Чтоб ты подох! Пошел вон! – прикрикнула женщина на собаку. Но пес был разъярен не на шутку – он действительно очень хотел разорвать на куски этого незнакомца. Еще бы, так опозориться из-за него на старости лет!

– Э-э-э! Чтоб род твой вывелся! Умри, раз так! – она два шлепнула неугомонного пса по морде и крикнула Батыру, – Проходите в дом!

Батыр быстрым шагом вошел в дом. Быстро огляделся – в доме, вернее там, куда он вошел, в передней – никого. Дверь слева была закрыта, справа была открыта, но там висели длинные плотные занавеси и внутренность комнаты совсем не просматривалась. Вошла хозяйка.

– Проходи в тёр, сынок, проходи! – и, раздвинув занавеси, пригласила в комнату.

И в этот момент из глубины комнаты к дверям подошел мальчуган лет пяти, забавно пошатываясь и протирая глазки спросонья.

– Ой-бой-оу, айналайн, свет ты очей моих, проснулся? – засуетилась женщина, подхватывая на руки мальчика.

Что-то оборвалось внутри Батыра, опустились руки, и весь свет померк в его глазах – этот мальчуган не был его сыном, не был Алийчиком...

Уже неделя, как Батыр ушел из карьера. О сыне ничего не узнал. А о высоком старике-балкарце впервые рассказали ему там, в Головачевке, и вот с тех пор идет по его следам, переходя от села к селу, и уже перебрался из Джамбульской области в Чимкентскую. Головачевка, Тюлькюбас, Сас-Тебе, Карабулак... Следы высокого старика-балкарца уходили дальше, в сторону Туркестана, Кызыл-Орды – в сторону Кавказа...

К полудню Батыр, мучимый жаждой и голодом, оказался у небольшой речушки, берега которой заросли густым кустарником. На той стороне, на самой макушке пологого холма, виднеются дувалы – некогда, видимо, постоянная стоянка главы какого-то рода или богача-скотовода... Батыр утолил жажду, искупался и, развязав вещмешок, вытащил последнюю половинку лепешки, разломил на две части, оставил одну часть на ужин и принялся за свой скромный обед. Потом, сунув ноги в сапоги, оставив на берегу и одежду, и вещмешок, направился к дувалам. Просто так – посмотреть, прогуляться. Да, видимо, и здесь когда-то кипела жизнь, стоял хороший, добротный дом-зимник, а теперь вот стоят эти полуразвалившиеся дувалы – молчаливые грустные памятники былого. Точат их теперь дожди, треплют ветры. Батыр тихо положил руку на дувал – ладонь почувствовала острые камешки, песчинки: дожди смыли глину, и вот они торчат, наполовину оголенные, словно колючки. Но первый же дождь многих из них одолеет, победит, сбросит на землю. Такова уж судьба всякой заброшенной, никому не нужной вещи – она ветшает, стареет, умирает, сравнивается с землей.

Мысли Батыра, клубясь и изворачиваясь то так, то эдак, сравнили в конце концов и его самого, и отца, и народ его вот с этими заброшенными, разваливающимися дувалами, и сердце его зануло. А что – разве не похожи судьбы этих вот камешков и песчинок с судьбой его соплеменников-балкарцев? Долго ли им, этим камешкам, еще продержаться – первый же дождь вырвет многих из них из дувала, сбросит на землю, смешает с глиной. А на дувал, именуемый сегодня «балкарским народом», каждый день льются проливные дожди – не видно ни конца ни края его страданиям. Каждый день смываются, втаптываются в землю его «камешки» и «песчинки»... Батыр пальцем сдвинул с места один из камешков. «А этот, наверное, и есть я сам», – подумал он. И тут же огорчился, что расшатал «самого себя», и крепко вдавил камешек на свое место, словно так можно было навечно закрепить его, и снял руку с дувала. «Что бы ты там ни болтал, а жить-то, дружок, все-таки хочешь, – посмеялся он над собой. – Да ты что – даже червь, эта ползучая несчастная тварь, и то хочет жить, а я, как ни говори, человек!» Так, беседуя с самим собой, Батыр шагнул внутрь «дома», и тут же, на пороге, в ужасе застыл: перед ним лежали человеческие кости! Чего только он не видел за четыре года войны! Он видел куски человеческого тела на ветвях деревьев после взрыва бомбы, видел человека с разорванным животом, который старался сгрести обратно свои дымящиеся и залепленные грязью внутренности, видел людей, раздавленных танками, но никогда еще не испытывал такого страшного чувства страха, как сейчас. Это было похоже на ужас ребенка, оставшегося неожиданно темной-темной ночью в широкой степи. Нет, это был не совсем такой страх, а... Опомнившись, Батыр выбрался обратно и быстро зашагал к речке. Дойдя до нее и услышав лепет воды, Батыр успокоился, словно эта речушка была его давним-давним другом. Бывает иногда так – человек сам еще не осознал, не знает, что делает, к чему стремится, а уже что-то автоматически делает – быстро, четко. Потом поступает осознанный приказ из мозга скорее сделать вот то-то, и кидается человек, глянь – а он уже давно занят этим! Так и случилось сейчас с Батыром. Надо было еще немного отдохнуть у речки, прогнать усталость – а он уже одет, готов в путь-дорогу. И только теперь пришел приказ – пришла мысль: отсюда, с этого проклятого Аллахом места, надо было уходить поскорее. Он не испытывал жажды, но как бы про запас попил еще, набрал воды в флягу, бросил на плечо вещмешок и двинулся в путь. Так, быстрым шагом пройдя с километр, внезапно, словно пораженный молнией, остановился. Остановился и подумал – зачем остановился? И тут ясно и отчетливо увидел он то, что запечатлел в памяти его беглый взгляд там, внутри развалин, — чуть в стороне от человеческих

костей лежит что-то белое. Что это было? Он пристально вгляделся, словно это что-то белое лежало сейчас у него перед глазами, и решительно направился назад, к дувалам. Вбежал, схватил – это был калфак отца!..

...Дно могилы посыпал родной кавказской землей, землей Большой Балкарии. Еще раз погладил кости отца, уложил их аккуратно одна в одну, как если бы они лежали при нормальном захоронении, прикрыл их своей чистой белой рубашкой...

Уже темнеет, но Батыр не может встать, не может оставить могилу одну в степи. Да и куда ему торопиться – ни дома-семьи, ни отца-матери у него теперь нет, дома дети не ждут... Куда бы ни пошел, когда бы ни пришел – какая теперь-то разница?

«Помою руки, лицо и пойду куда-нибудь, хоть в Кула-степь...» – подумал Батыр и спустился к реке. Помыл лицо и руки, завязал вещмешок. Потом вернулся к могиле.

– Прощай, отец, встретимся на том свете! До свидания! – тихо сказал. Но не уходил, продолжал стоять, словно ждал каких-то слов от отца, без которых он не мог уйти. Вдруг ему стало не по себе – словно кто-то со стороны пристально следил за ним. Он поднял взгляд – не в такой уж дали заметил две тени. Они тотчас же исчезли, как только он шевельнулся. «А, пришли, друзья мои», – совершенно спокойно подумал Батыр, так, как если бы с легким упреком встретил своих чуть-чуть запоздавших друзей.

Он сразу же догадался, что эти тени – волки. «Смотрю на вас – никаких забот у вас нет, кроме как набить свои несчастные утробы. Вы сглотнете меня и опять поскачете себе в степь, а кто, скажите мне, будет потом собирать мои кости и хоронить их? А-а-а! Вам все равно! Вам-то все равно, а мне – нет. Что? Какая разница? Да, кажется, вы правы, – вроде бы особой разницы и нет, жить или не жить, так как на этом свете у меня вроде и дела никакого не осталось. Просто – не хочу, чтобы кости мои валялись в степи. Вот если б вы потом вырыли могилу и захоронили мои кости – кто знает, может, я с вами особо и не спорил бы...»

Волки, словно почуяв, что Батыр беседует с ними, опять появились. Да только теперь они были не одни – поодаль показались еще две тени.

«Ого! Да я вижу, вас здесь целая стая, – сказал Батыр. – Друзей, значит, на лакомый кусочек позвали? Значит, и среди вас соблюдается ёзденлик? Это – хорошо, очень хорошо. Только вот не знаю, как у вас дела пойдут. Гляжу я на вас и чувствую – по-человечески вам ничего не втолковать: вы и думать не хотите о моих костях, останутся они разбросанными в степи или нет – вам все равно. А раз так, не обессудьте, я тоже кое-что должен предпринять. Зря смеетесь – я ведь все-таки человек! Только вот одна неувязка – за что же, интересно, я должен с вами драться-схватиться? Кому я нужен? Что? Понимаю, пони-

маю – вашим животам я нужен. Что? О своем животе? Что я вам, волк, что ли, чтобы жить только заботами собственного живота. Мы, люди, друзья мои, коль начнем жить только ради своей утробы, то должны умереть. Мы, люди, – легко ль, не легко, – не можем жить, не заботясь о наших родителях, о детях, о доме-семье, о земле своей. Что? Да, вы правы – нет теперь у меня ни отца-матери, ни детей-семьи, ни дома-земли... Подождите, подождите! Я ведь забыл совсем – мне, друзья мои, еще есть за что драться и бороться! За что? А сын мой, тупоголовые вы эдакие! Он жив, но он ребенок еще, он слаб – он нуждается в защите и ждет меня! Нет, видно, дело у вас не выйдет – я не могу оставить своего сына в этом проклятом мире одного! Слышите? Зря вы все подкрадываетесь-подкрадываетесь – я помню о сыне, и вы, друзья мои, как бы ни старались, так легко меня не слопаete! И навряд ли слопаete. Понимаете, нет у меня сейчас такой возможности – стать для вас лакомым кусочком. Посмотрите туда – видите этого мальчугана в вельветовой безрукавке и в казахском треухе? Да, да, – этого, грустного мальчика! Ну, поняли теперь – куда это я к черту пойду, оставив его в таком положении?.. Ладно – идите, идите! Я вижу, пытаться договориться с вами по-человечески – просто бесполезное дело...»

Человек забежал вовнутрь дувалов, встал, держа нож в руке и широко расставив ноги, под высокой стеной, через которую не могли перепрыгнуть волки.

Сейчас он был готов схватиться не только с четырьмя голодными волками, но, если надо, и со всем волчьим племенем – перед его глазами стоял грустный-грустный мальчик. Это его сын, он ждет отца...

6. Они остались там навсегда

Сталин, Калинин, Берия, Серов, Гвишиани – эти «лучшие сыны» нашей «родной Советской власти» рассыпали миллионы людей, в том числе карачаевцев и балкарцев, по сибирской тайге и сухим степям Средней Азии, разумеется, не для того, чтобы они там проросли и дали новые поколения, а для того, чтобы они замерзли в тундре и в снежных лесах, умерли от голода и болезней в знойных сырдарьинских степях, а если кто и выживет, так пусть он станет нищим и бродягой, и где-нибудь околет у обочины.

Сталин, Берия и их подручные, конечно же, были уверены, что все так и произойдет. И в первые два-три года ссылки все так и получилось, как они и задумали. Есть архивные материалы о гибели спецпереселенцев в местах ссылки. Так, по архивным данным, с весны 1944 года до конца 1948 года в Казахстане и Киргизстане умерли 145 тысяч человек. Это примерно четверть всех переселенцев. За два с половиной года в Казах-

стане и Киргизии умерли около пяти тысяч балкарцев, а родилось всего 66.

Но эти данные, разумеется, неполные, так как никто особенно тщательного учета и не вел. Видно, в этих цифрах учтены сообщения оставшихся в живых близких родственников умерших. А ведь многие семьи вымирали полностью. Тысячи людей умирали в пути, когда они бродили в поисках пищи или родных. К тому же в областях, где климатические условия были особенно неблагоприятны жителям Кавказа – это чрезмерно жаркие области, такие, как Сырдарьинская область Казахстана, хлопковые совхозы окрестностей Ташкента, Ошская и Джалал-Абадская области Киргизии – в первые годы умирало очень много людей. Так, в Джалал-Абадской области до середины 1946 года из переселенных туда балкарцев и чеченцев умерли каждые 7 человек из 10. Вымирали целые семьи. В Киргизии в одном только колхозе им. К. Маркса вымерли 20 семей, в которых было 174 человека. К примеру, у Жандара Бачиева все 6 сыновей находились на фронте, а сам он с женой умерли с голоду в Средней Азии. Мустафаева Хани попала в гор. Кзыл-Кия Ошской области Киргизии. Вместе с ней были 5 ее детей, мать и брат. Ее муж был на фронте. Вымерла вся семья. Шунгарова Садау умерла больная и голодная в Ошской области. Когда к ней заглянули соседи, они нашли ее мертвой, на ней лежали и ее двое умерших малолетних детей. Когда точно так же умерла Атабиева Батай, у нее тоже остались двое маленьких детей. Близких родственников рядом у них не было. Когда к ним тоже заглянули соседи, они увидели мертвую Батай, а на ней лежали и ее мертвые дети, которые тоже умерли, оставшись без присмотра.

Так можно перечислять без конца. Лучше всего вся тяжесть и жестокость того времени видны в воспоминаниях самих людей, переживших эту трагедию.

Гиляхов Исхак, участник войны, житель селения Белая Речка: «У Бабаева Хаджимырзы было пятеро сыновей и все они героически сражались с фашистами на фронтах Великой Отечественной войны. Старший сын Мустафа был ранен и после госпиталя, став инвалидом, приехал домой. Семья Хаджимырзы оказалась в Дмитриевке. И вся семья: сам Хаджимырза, его сын Мустафа, невестка и трое внуков там и умерли – в Средней Азии. А четверо других сыновей Хаджимырзы погибли, защищая Родину. Аминат Атабиева, уроженка Нижнего Хулама, с тремя детьми оказалась тоже в колхозе им. Калинина Кантского района Киргизии. Сильно голодали, и она собрала три килограмма колосьев, оставшихся на поле после уборки урожая. Объездчики отбирают собранные ею колосья, а председатель колхоза И. В. Семенякин избивает ее и отдает под суд. Когда мать посадили, все трое ее детей умерли от голода. А отец этих детей погиб на фронте.

И Бабаева Фаризат тоже попала в этот колхоз. У нее было пятеро детей. Стараясь спасти их от голодной смерти, пошла собирать колоски в поле после уборки урожая. В поле ее встре-

тил опять тот же Семенякин, отобрал собранные колоски и избил ее так, что потом она все время жаловалась на головные боли. Вскоре она умерла. И муж ее – Магомет Бабаев – тоже не выжил, он погиб на войне в 1942 году.

Биттиров Адальбий раньше жил в селении Белая Речка. В ссылке он оказался в совхозе «Кек-Бел» Наукатского района Ошской области. Совхоз вместе с бригадой косарей отправляет его на заготовку сена за 25 километров вблизи советско-китайской границы. Оттуда он не смог своевременно вернуться домой, чтобы отметить у коменданта. Комендант, обвинив его в том, что он пытался бежать с мест ссылки, отдал под суд. Его, согласно закону о спецпереселенцах, осудили на 20 лет каторжных работ. Вернулся с лагерей лишь после смерти Сталина – в 1954 году, больным».

Из воспоминаний Магомета Этчеева, жителя селения Хасанья:

«Сгрузили нас в степи под Ташкентом. Потом прислали арбы, посадили нас и привезли к берегу Сыр-Дарьи. Там нас сдали другим солдатам. Они раздали нам понемногу хлеба. Потом к берегу подошли три баржи. Нас погрузили на эти баржи. Во время погрузки один старик упал в реку. Никто не стал его спасать. Наши баржи потянули вверх по реке. На следующий день наши баржи приблизились к берегу. А там уже были арбы, запряженные и лошадьми, и волами. И нас привезли на то место, где должен быть совхоз. Выделялись землянки, некоторые из них еще были без крыши. В каждую землянку поселяли по 4–5 семьи. Мы оказались в землянке без крыши. Крышу мы закрыли сами.

Как раз посередине совхозного поселка проходила канава, и вода в ней была желтая от глины. Наберешь вечером ведро воды, к утру вода отстаивалась и получалось полведра чистой воды и полведра глиняной смеси.

Другой воды не было, не было еды. И люди начали болеть и умирать, конечно, больше от голода, чем от болезней. Впрочем, как сказать: ведь когда человек голоден, слаб, и болезнь его легко одолевает.

У нас первой умерла бабушка Сыйлыхан – мать отца. «Сын мой, влей мне в рот ложку похлебки!» – это была ее последняя просьба.

Но откуда было взять похлебку!

Следом умер отец. Потом – мать. Копать могилы было некому. Все были обессилены голодом, и если не дашь хотя бы красшек хлеба или миску похлебки, никто не шел копать могилу. А у нас ничего не было. И савана тоже нет. Мы сами завернули их в старые одежды, погрузили на арбу и отвезли на кладбище. Когда мы вернулись с кладбища, то увидели, что и дядя Абулла (брат отца), и его жена Танзиля тоже уже умерли. Мы уже не могли хоронить, а дяди Махмута (брата отца) тогда дома не было, он ушел с целью выменять на что-то или заработать как-то что-нибудь съестное. Он вернулся только через 4 дня. И только тогда мы кое-как их похоронили.

Через три дня умерли их сын и дочь. А потом наша невестка и двое ее детей. Потом умерла тетя Балдан, сестра отца. И тогда мы остались одни – я, мой брат Мурадин, и сестры: Назифа, Мариям, Маруса. В землянке стало просторно...

Вскоре у нас случился пожар, и мы остались без крыши над головой и без какого-либо имущества. Вскоре с голоду умерли и брат мой, и сестры. А меня отдали в детдом. Так я остался в живых...»

Солтан Атгасаов, житель Верхней Балкарии. Он, 12-летний мальчик, в 1935 году, после ареста отца, в составе семьи кулака, был выслан в Ташкентскую область и попал в один из хлопководческих совхозов. Когда в 1944 году выслали всех балкарцев, высланные раньше и сумевшие выжить кулаки-балкарцы были уже, так сказать, «своими» в этих местах и жили не хуже местных жителей. То есть, более или менее сносно, с голоду не умирали. Солтан вспоминает:

«В июле 1944 года из Пахтарала туда, где мы жили, приехали работать казахи. И они нам говорят: «К нам привезли кавказцев. Они живут в землянках. Они голодают и болеют, скоро, наверное, вымрут все». Я тогда обучал военному делу допризывников. Иду к своему начальнику – военкому Башкардину и прошу его отпустить меня на несколько дней, чтобы съездить туда, где умирают мои земляки. Он не только меня самого отпустил, но дал мне еще четырех крепких узбекских парней. «Наверное, будут мертвые, похороните их», – сказал он.

Подъезжаем туда и видим издали – кто-то что-то еле-еле волочит по степи. Подъезжаем ближе – а это оказалась девочка-подросток. Она волокла мертвую мать к могиле, которую сама же и выкопала. А могилка неглубокая, до колена, наверное. Углубили могилу, похоронили ее мать. Потом накормили девочку. Но она была настолько слаба и больна, что ночью умерла. Мы похоронили ее возле матери. Такого тяжелого дня у меня еще в жизни не было, хотя и я многое повидал. Эта девочка до сих пор стоит перед моими глазами.

Там было около 20 землянок. В них уже не было никого в живых. В одной из землянок трое детей и две пожилые женщины – все мертвые, и, видно, уже давно... Во второй землянке – 5 мужских трупов, в третьем – 3 трупа...

Во многих землянках не было утвари – видно, некоторые пытались спастись от неминуемой смерти, убежали от этого проклятого места куда глаза глядят.

Мы похоронили всех. Судя по всему, это были наши – балкарцы».

Из-за жестокости комендантов и чиновников НКГБ, оказавшиеся в разных местах родственники не могли съехаться, сотни, тысячи людей – стариков, детей и больных – оказавшись одни, брошенные, практически не выживали. Еще хуже было положение матерей, которые имели нескольких малолетних де-

тей – они, их дети, умирали от голода, дизентерии и тифа у них на глазах и ничем они помочь им не могли. Умирали матери, плача и прося Аллаха дать им возможность хоть краешком глаза увидеть своих сыновей, сражающихся на фронте. Но в те годы всемогущий и всемилостивый Аллах тоже был глух и нем к мольбам и просьбам спецпереселенцев. И тогда, отчаявшись, многие бросались под поезда, уходили в пустыню умирать или топились в реках.

Организовав из спецпереселенцев бригады, отправляли их на север, якобы для того, чтобы они заготавливали лес для них самих же, для спецпереселенцев. Таким образом на холодном севере кавказцы заготавливали лес, этот лес поступал в Казахстан и Киргизию. Но до спецпереселенцев этот лес не доходил, он уходил «влево», «вправо», куда угодно, но только не для строительства жилья ссыльным. Как известно, в это время почти все мужчины, которые могли бы работать на лесоповале, были на фронте. А потому на север гнали и девушек. Вспоминает Нафисат Мусукова из сел. Верхняя Балкария:

«Мы заготавливали лес недалеко от города Девятнины Вологодской области, на 8-м участке. Нас в бригаде было 10 человек. Это Казиева Нажабат, Маммеева Нажабат, Сакинат и Халимат Таукеновы, Аминат Гузоева, Назийфа Мусукова, Халимат и Жансурат Алтуевы, Абида Чубокова и я. Пилами и топорами мы валили деревья, очищали от сучьев и так заготавливали бревна. Было очень плохо с едой: в день выдавали по 500 грамм хлеба. Не было для нас ни выходных, ни праздничных дней. Чтобы не умереть с голоду, иногда мы жарили старые ремни, ботинки и обрывки шуб и съедали. От города нас возили очень далеко, и у многих замерзали уши и носы, у кого и ноги. Убежать никаких возможностей не было: нас и там, где мы жили, и в лесу, где мы работали, охраняли вооруженные солдаты НКВД. Умерли очень многие. Так, если нас туда повезли в 18 вагонах, то оттуда привезли нас обратно в Алма-Ату в четырех вагонах».

Переселив миллионы людей в Сибирь, на Дальний Восток и в Среднюю Азию, Сталин, Берия и их приспешники на этом не успокоились, они хотели вообще сломать в переселенцах человеческий дух и превратить их в рабочий скот. И с этой целью в конце ноября 1948 года они состряпали от имени Президиума Верховного Совета СССР (народ, мол, страна так хочет) Указ, согласно которому резко ужесточались правила надзора за ссыльными. Указ так и назывался: «Об уголовной ответственности за побег с мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны».

Согласно этому Указу, спецпереселенца могли в любое время отправить на 20 лет каторжных работ в Сибирь только за то, что он поехал навестить родственников в соседнее село или район. Конечно, повсеместно так не делали, но могли. И по-

ступали так, коль коменданты, председатели колхозов или какие-то еще начальники хотели избавиться от непонравившегося им человека. А такими людьми чаще всего бывали грамотные, вернувшиеся с войны офицеры, для которых честь и достоинство многое значили и которые никак не хотели примириться с тем, что их народ и они сами наказаны страной, за которую же они воевали, совершенно несправедливо. Но на каторгу отправлялись и простые люди, нарушившие режим. Так, для устрашения остальных. К примеру, Биттирова Азрета колхоз послал за 10 километров от его места жительства за минеральными удобрениями. А железнодорожная станция, откуда он должен был привезти удобрения, находилась, оказывается, в другой области. И как только он вернулся домой, его тут же арестовали и отправили на 20 лет каторжных работ «за побег» с места жительства. Это случилось как раз после выхода этого печально известного Указа. Освободили Азрета Биттирова только после смерти «отца народов» Сталина – в 1954 году. Целых шесть лет пробыл он в лагере, прошел все круги ада только за то, что был исполнительным колхозником. Вернулся с лагерей он надломленный, больной и прожил потом недолго. По этому закону отправляли на каторгу и женщин, и девушек. Так, только за то, что без разрешения коменданта провела сестру, жившую в соседнем селе, Гулоева Софья в Киргизии была осуждена на 20 лет и находилась в Карлаге.

Хачирова Курманкыз сама одна поднимала на ноги своих пятерых детей – четверых сыновей и дочку. Муж ее Казий умер, когда дети еще были маленькими. К тому времени, когда подросли ребята, началась эта проклятая война, и Курманкыз всех своих сыновей – одного за другим – проводила на фронт сражаться с фашистскими захватчиками. Оставался лишь Хасан. У Курманкыз был серебряный с позолотой и с драгоценными камнями пояс, доставшийся ей в наследство от матери. Она много лет хранила этот драгоценный пояс в сундуке, надеясь подарить его дочери Кемисхан в день ее свадьбы, когда она вырастет и станет выходить замуж. И вот, проведив всех своих сыновей на фронт, не зная чем им помочь, в один из дней она достала из сундука свой серебряный пояс и отнесла его в сельсовет. Отдала председателю, Идрису Малсьюгенову и говорит: «Пусть каждое звено этого пояса превратится в пулю и попадет в Гитлера! Даю в помощь Красной Армии, забирай!» Так, говорят, начали жители села Нижняя Мара сбор золотых и серебряных вещей на помощь фронту.

А в это время Верховный Главнокомандующий Сталин, его «правая рука» Берия, да и другие наши великие маршалы-герои и другие талантливейшие полководцы глубоко призадумались над тем, как же все-таки это удалось немцам дойти до Москвы и Кавказа. Долго они думали и наконец поняли – раз Верховный Главнокомандующий и его маршалы и генералы безбрежно гениальны и храбры, и солдат у них ничуть было не

меньше, чем у этого дурачка Гитлера, значит ему, Гитлеру, кто-то все-таки помогал. Кто же? Долго думали над этим и сам Верховный, и Берия – правая рука, и маршалы-герои. И додумались. Конечно же виновата Курманкыз! Она же карачаевка, а карачаевцы славятся гостеприимством. Вот и пригласили немцев на Кавказ! Это точно! Нашли гостей! Мы с ними воюем, а она, эта Курманкыз...

В общем, сослали Курманкыз, ее дочь Кемисхан и всех карачаевцев заодно подальше, чтобы впредь немцев в гости не приглашали. Главная виновница всех бед, так неожиданно обрушившихся на СССР – Хачирова Курманкыз и ее дочь попали в Казахстан. Это было в ноябре 1943 года. А в начале следующего года от голода и холода Курманкыз и ее дочь умерли. Перед смертью Курманкыз сложила песню-плач о себе и своих сыновьях. Эту песню-плач матери, голодной, умирающей, но сильнее всего страдающей от неизбывной тоски по сыновьям до сих пор поют в Карачае.

Из четырех сыновей Курманкыз в живых остался лишь один – Хасан. А остальные трое – Магомет, Хасанбий и Хусей – погибли, защищая свою Родину, которая так жестоко отнеслась к их родной матери...

7. Потому что мы – люди

Даже на смертном одре великий Кязим больше думал не о своей печальной участи, а о судьбе своего бедного народа. И он просит у народа не предаваться отчаянию и терпеть, он уверяет своих соплеменников, что справедливость все равно восторжествует, хотя, возможно, сам в это и не верил – слишком уж много зла стало в этом мире и мудрый Кязим хорошо это видел. Но он все равно хотел поддерживать хоть искорку надежды, чтобы народ не опустил руки, не отдался полностью во власть уныния, что равносильно смерти:

Только труд позволит нам жить,
И красиво одеться, и вкусно поесть,
И этот наш печальный путь
С достоинством закончить.
Поэтому и прошу у народа своего,
– Трудись неустанно, не покладая рук.
И тогда увидишь – ты будешь свободен.
А пока терпи, чести своей не роняй недостойным
поступком.

(Подстр. пер. М. К.)

Потому что, отмечал Кязим, мы – люди.

Точно так же призывал своих соплеменников к терпению и труду и великий Поэт-Песнетворец Карачая Исмаил Семенов.

Конечно же, рассыпанные по всему Казахстану и Средней Азии карачаевцы и балкарцы тогда не только не знали об этих просьбах своих мудрых певцов, но не знали даже о том, где они,

и живы ли вообще, кроме тех, разумеется, кто в то роковое время по воле случая оказался рядом с ними.

Пусть они и не были такими же известными всему народу певцами, как Кязим и Исмаил, но и у карачаевцев, и у балкарцев, конечно же, в каждом селе, в каждом роду имелись точно такие же мудрые старики, и они говорили народу то же самое, что Кязим и Исмаил: «В этом тяжелом положении нам остается только одно – самоотверженным трудом и хорошим поведением доказать стране, что она неправа, наказав нас как преступников и разбойников, что нас просто оклеветали нечестные люди, которые свои грехи перед ней, страной, просто свалили на нас; не поддавайтесь минутному раздражению, не затевайте ссоры и драки, если даже вы оскорблены низменными людьми – не забывайте, что во всем будут винить нас, если мы будем правы даже сто раз».

Было бы глупо утверждать, что после примерно такого нравоучения наших мудрых стариков все карачаевцы и балкарцы сплошь стали законопослушными агнцами. Психология людей и мотивы их поступков бесконечно разнообразны, и если на не тактичное к себе отношение один человек не обращает особого внимания, учитывая, что не весь мир знает правила этики, то другой, к тому же и сам по натуре человек эмоциональный, может счесть это оскорблением и высказаться или же поступить соответственно. Но все равно, для молодых кавказцев слово старшего даже и сегодня имеет вес, а тогда, пятьдесят с лишним лет назад, когда вопрос «Кто идет за клинским?» был не главным вопросом жизни – тем более.

Но все равно главным и самым мудрым наставником балкарцев и карачаевцев в годы ссылки все-таки была сама госпожа Жизнь. Даже несмотря на то, что она была суровой и даже жестокой. Ты человек – так борись же за жизнь! Ищи, находи, работай – не сдавайся ни в коем случае! Этого требовала Жизнь. Тысячи и тысячи стариков, женщин и детей, да даже и вполне здоровых и молодых людей, вдруг оказавшись в изгнании в чужих краях в невыносимо тяжелых условиях, как бы ни пытались найти сносную крышу над головой, работу или же горсть муки для похлебки, чтобы спасти детей от голодной смерти, так и не находили ни того, ни другого, ни третьего. И они, голодные, истощенные, не в силах сопротивляться таким коварным болезням нищеты, как дизентерия и тиф, ежедневно умирали десятками и сотнями. А суровая и жестокая Жизнь была к их судьбе безучастна. Она благоволила лишь тем, кто не уставал в поисках и работы, и жилища, и пищи, был настойчив и неутомим. Таких тоже, слава Небесам, среди карачаевцев и балкарцев было немало. Они-то и спасли и самих себя, и своих родственников – спасли народ.

Вспомним их имена с благодарностью – имена неутомимых тружеников, спасших наш народ от голодного вымирания и прославивших его даже в то жестокое время! Это вдвойне приятно

сделать — ведь многие из них и сегодня живут вместе с нами и продолжают работать! Дай бог им здоровья и благополучия!

Геккиева Зухра во время высылки попала в Джамбульскую область Казахстана. Работала тоже в колхозе им. Джамбула. И уже в 1953 году была награждена золотой медалью Главного комитета ВДНХ — Всесоюзной Выставки достижений народного хозяйства СССР. В 1955 году она вновь награждается — на этот раз специальной медалью, учрежденной в честь 100-летия Мичурина. А в 1957 году за выдающиеся успехи в выращивании сахарной свеклы Зухра Геккиева была представлена к званию Герой Социалистического Труда. Но в Президиуме Верховного Совета СССР посчитали, что такое высокое звание не следует давать ссыльной женщине, которая только совсем недавно снята со спецучета. Ей дали только орден Ленина, без звезды.

В докладной записке начальника Переселенческого управления Киргизской ССР Григорьева есть такие данные: «Спецпереселенцы-колхозники в 1945 году принимали активное участие в колхозном труде, и среди них имеется немало ударников социалистического — колхозного труда, как, например, в колхозе имени Тельмана Сталинского района Фрунзенской области. Спецпереселенцы-карачаевцы на 50 трудоспособных выработали 13 378 трудодней, что составляет в среднем по 267,5 трудодня.

В Чуйском районе в колхозе им. Чаппаева балкарец Чеченов Махмуд, работая по животноводству, выработал 500 трудодней, в том же колхозе Атамурзаев Исса, работая плотником, выработал 550 трудодней».

Секретарь Иссык-Кульского обкома партии Джаркимбаев в справке от 1 августа 1946 года писал: «Спецпереселенцы, работающие в колхозах, совхозах и на промышленных предприятиях в большинстве своем относятся к труду добросовестно, производственные нормы выполняют и перевыполняют. Так 122 человека получили медаль «За добросовестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.».

В колхозе им. Молотова Кутургинского сельсовета Тюпского района организована полеводческая бригада из числа спецпереселенцев, бригадир этой бригады — балкарец, участник Отечественной войны, член ВКП(б) Отаров Исхак. Эта бригада с начала уборочной кампании из имеющихся 4 бригад в колхозе держит первое место, но правление колхоза бригаду ничем не отмечает».

Но это — «бригаду ничем не отмечает» — было делом повсеместным, так как это как раз и соответствовало тому, что и требовало государство от местных начальников. Так что, не этому следует удивляться, а тому, что многие руководители все-таки награждали хорошо работающих спецпереселенцев хотя бы почетными грамотами, отрезами на платья или на ко-

ством, часами, а даже выставляли их кандидатуры для награждения более солидными наградами.

Ведь известно же – в тюрьме, хоть ежедневно выполняй свою норму на 1000 %, никто тебе ордена не даст. А начальника тюрьмы, представившего осужденного к награде, могут снять с работы в два счета. А балкарцы и карачаевцы в этом плане от осужденных особо не отличались, а если даже и отличались, то не в лучшую сторону: осужденный, скажем, за хулиганство, он – просто хулиган, а карачаевец или балкарец – он и изменник, и бандит, короче – враг Советской власти. И представлять их к награде за хорошую работу – наивно и опрометчиво. А потому, как правило, и не представляли, хоть сто лет ты будь лучшим и в районе, и в области. Скажи спасибо, если тебя наградили Почетной грамотой, да еще вывесили твой портрет на Аллее трудовой славы!..

А что оставалось делать «изменникам и бандитам» – они благодарили начальство и за это и продолжали работать.

Заместитель начальника УВД по Ошской области подполковник Проулочков в докладной записке своему министру от 2 сентября 1949 года писал: «Выселенцы, расселенные в колхозах, в настоящее время в основном используются на работах по уборке и обмолоту зерновых культур, по уходу и обработке хлопка и табака, а также в животноводстве.

К работе выселенцы относятся добросовестно, со стороны хозяйственных руководителей колхозов, совхозов жалоб никаких нет.

Большинство работающих выселенцев выполняют и перевыполняют нормы выработки. Так, например, колхозница колхоза «Октябрь» Карасуйского района выселенка Сюйдумова Ауалият за ударную работу в колхозе премирована мануфактурой. Колхозница колхоза «Эркин» выселенка Бозиева Марьям за ударную работу в колхозе по обработке и уходу за хлопком дважды премирована мануфактурой».

«Бригадир спецпереселенцев балкарец Ахмат Теммиев в колхозе «10 лет Октября» Благовещенского сельсовета со своей бригадой выполнил план на 116 % и сдал первый и второй сорта хлопка-сырца, занял первое место по колхозу, и вся бригада из 15 человек занесена на Красную Доску Почета. Всего по колхозу «10 лет Октября» 30 человек спецпереселенцев занесены на Доску Почета».

В справке бригады ЦК КП(б) Киргизии от 1 июля 1946 года отмечалось, что «на комбинате им. Фрунзе Министерства цветной металлургии 37 переселенцев выполняют ежедневную норму выработки на 105 % и выше, а плавильщики переселенцы Гатчаев, Уянаев, Элимханов производственное задание ежедневно выполняют на 200–250 %.

Выдающегося производственного рекорда добился стахановец бурильщик горного цеха комбината № 5 Министерства цветной металлургии переселенец чеченец Досаев Буку. Встав на стахановскую вахту в честь дня Победы, Досаев Б. выполнил

сменное задание 7 мая на 1033 %. Досаев перекрыл все ранее установленные на комбинате рекорды высокой производительности труда. Работая в пяти забоях, он прошел за смену 4,6 погонных метра штрека».

В городе Кзыл-Кия Ошской области из представителей репрессированных народов находились в основном балкарцы и карачаевцы. Их было довольно много. Кзыл-Кия – центр угледобывающей промышленности Киргизии. В то время в городе было около десятка шахт, и во всех шахтах работали переселенцы.

В той же справке бригады ЦК КП(б) Киргизии от 1 июня 1946 года сказано: «На руднике г. Кзыл-Кия 319 человек переселенцев числятся стахановцами и ударниками, которые выполняют дневную норму выработки на 110–120 %. На шахте № 4-4 бис Хасавханов месячную норму выполняет на 129 %. Крепильщик Месиров (Мисиров. – М. К.) Мустафа в мае месяце выполнил месячную норму выработки на 252 %. Коногон Ахматов – на 156 %. Переселенец Азаматов, работая коногоном, выполнил месячную норму на 222 %. На шахте «Джал» крепильщик Жикирия Казаков выполнил месячную норму на 137 %, крепильщик Лукьяев Х. – на 156 %. На шахте № 6 проходчик Байзуллаев выполнил норму на 176 %, шахтеры-переселенцы Бабаев Юсуп и Гунаев норму выработки систематически выполняют на 200 %». В 1949 году заместитель начальника УВД Ошской области в докладной записке на имя министра ВД Киргизии писал: «За хорошую работу, выполнение и перевыполнение производственных заданий награжден ряд рабочих промышленных предприятий: выселенец-балкарец Гуппоев, работая навалотбойщиком (самая главная и самая тяжелая работа в шахте. – М. К.) на шахте «Комсомольская» г. Кзыл-Кия, в июле месяце выполнил производственный план на 121 %. Выселенец-балкарец Туменов, работающий проходчиком на шахте 1-1 бис, в июле месяце выполнил производственный план на 123 %».

А в январе 1950 года начальник УВД по Ошской области полковник Морозов сообщал министру внутренних дел Киргизии: «Выселенцы, работающие на угольных шахтах, предприятиях, в колхозах и совхозах, в основном к труду относятся добросовестно, нормы выработки выполняют, а некоторые и перевыполняют, например, рабочие комбината № 5 во Фрунзенском районе в октябре и ноябре месяцах с. г. в количестве 613 человек выполнили свои производственные планы в среднем от 104% до 125 %».

Полковник Морозов отметил и шахтеров гор. Кзыл-Кия из числа спецпереселенцев. Это: «Мисиров Хазы (Хызыр. – М. К.) Алиевич, балкарец, работает навалотбойщиком шахты 4-4 бис, производственное задание выполняет на 116 %. Атаев Маил, балкарец, работает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 143 %, Газаев Алий, балкарец, работает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 174 %, Мокаев Мустафа, балкарец, рабо-

тает крепильщиком шахты «Джал», производственное задание выполняет на 172 %».

В своей записке, естественно, полковник Морозов не мог назвать всех передовых шахтеров г. Кзыл-Кия. Это и невозможно, так как их было очень много. Можно лишь дополнить этот список несколькими фамилиями тех шахтеров, которых в городе Кзыл-Кия знали многие и как отличных тружеников, и как хороших людей, многие из которых живы и поныне – дай бог им крепкого здоровья на долгие годы! Это: Исмаил Хочуев, Идрис Баллиев, Махмут Кульбаев, Жамал Бачиев, Окуф Мисиров, Элияс Мисиров, Нажмудин Саракуев, Масхут Сарбашев и другие.

Все эти данные о том, как работали сосланные в Казахстане и Киргизии, приведены из официальных документов. И, к сожалению, в большей части только из Киргизии. Но следует иметь в виду, что условия труда и жизни в Киргизии были намного легче, чем, скажем, в Сырдарьинской, Акмолинской, Таласской, Петропавловской, Северо-Казахстанской областях Казахстана и в хлопководческих районах Узбекистана. Но нехватка официальной информации о том, как работали и жили в этих краях карачаевцы и балкарцы не дали возможности составить полноценную картину об этом. Учитывая это, следует лишь отметить, что заветы двух мудрых своих земляков – Кязима и Исмаила – карачаевцы и балкарцы, будучи в тяжелых условиях ссылки, выполнили вполне: люди Казахстана и Киргизии теперь знают их как очень трудолюбивых людей с благородным, спокойным нравом.

Как и говорил–предполагал Кязим, карачаевцы и балкарцы всего за несколько лет доказали стране, которая так жестоко их обидела, что они никакие не изменники и бандиты, а трудолюбивые и честные ее сыновья и дочери.

8. «Сборная команда Балкарии»... в Киргизии

Жизнь не так однозначна, как нам иногда кажется, и не так сложна. Наша национальная пресса, и в особенности в марте и ноябре, часто публикует воспоминания карачаевцев и балкарцев, прошедших все круги ада во время ссылки. И все, что они рассказывают, это, конечно же, правда: было все это – и издевательства колхозных объездчиков, бригадиров и председателей, когда из-за пучка колосьев, собранных в поле после уборки урожая пшеницы, могли до смерти избить и пацана, и женщину; были озверелые коменданты и просто люди, ненавидевшие спецпереселенцев; были подлые чиновники, которые разворовывали ту мизерную помощь, что выделяло государство умирающим от голода людям, – все это было. Но все это – одна правда, одна сторона жизни.

Но в то же время были и такие бригадиры и председатели колхозов, начальники шахт и директора предприятий, которые в меру своих сил старались облегчить участь спецпереселенцев, всячески помогали им. И было очень много людей, сочувствовавших беде невинно наказанных спецпереселенцев, делившихся с ними, как говорится, последним куском хлеба. Среди таких людей, как это ни странно, попадались даже коменданты, но обычно это были казахи или киргизы. И это тоже правда. Было очень тяжело, в первые годы от голода, холода, тифа и дизентерии умирало очень много людей, вымирали целые семьи и даже поселения спецпереселенцев. Да и потом жизнь была – не мать родная: работай хоть за десятых – спасибо не скажут, да и не все заработанное отдадут. И впереди – одна тьма, нет и лучика надежды: учиться не дают, хорошую работу тоже, а о том, чтобы по специальности да по способностям каким-нибудь руководителем стать – можешь и не мечтать! И это тоже правда.

Но правда и то, что после первых страшных нескольких лет, оставшиеся в живых спецпереселенцы уже сумели приспособиться к обстоятельствам своего положения и жили практически так же, как и все – и русские, и казахи, и киргизы, и узбеки и т. д. Влюблялись и играли свадьбы, воспитывали детей, строили дома. Только в отличие от остальных регулярно ходили к коменданту и расписывались – не убежал, мол, я все еще здесь. И это – тоже правда. И никто не может этого отрицать. Жизнь сильнее всего. Жизнь требует от людей одного – жить! Жить разумно: надо и работать, и учиться, и влюбляться, и играть, и смеяться, и шутить. Короче, жизнь требует от людей жить. Никто не в силах не исполнить требования жизни пока живет. Полностью подчинялись ее требованиям, разумеется, и все спецпереселенцы, в том числе и балкарцы с карачаевцами.

А раз так, то не только стонали под плетками бригадиров и глотали пыль, добывая уголь глубоко под землей, не только падали в обморок посреди хлопкового поля от голода и солнечного удара, но также и свадьбы играли, и в школы ходили, даже и в вечерние после работы в шахте, на танцы ходили, на свидания. И в футбол даже играли.

Об этом, о «Сборной команде Балкарии» в Киргизии следует рассказать особо. Капитаном, главным тренером, начальником команды и сразу же и одним из лучших игроков этой уникальной команды был Мухтар Кёккёзов. Ему тогда, в зените своей футбольной славы, было неполных 16 лет, а все остальные в команде были моложе.

Известно же, что все мальчишки всех времен и народов всегда отчаянно играют в футбол. Ну, если уж и не всех народов, то все-таки большинства. Играли с детства в футбол и балкарские мальчишки послевоенных лет и в гор. Кзыл-Кия. Футбольный мяч у них, как и у многих их сверстников, конечно же, был не настоящим, а фуфачным, то есть шитым из старой фуфай-

ки, но это не имело значения. Все отчаянные мальчишки города жили за железной дорогой – в Джал-Долине. Это были владения шахты «Джал», что располагалась чуть выше к горам, в сужающейся части долины речушки Джал. В этой части города и дворы были просторные, да к тому же между бараками, где жили шахтеры, и самой шахтой «Джал» были просторные поляны, где можно было играть в футбол даже сразу несколькими командами. Потихоньку мальчишки настолько увлеклись футболом, что стали мечтать о создании настоящей футбольной команды. Но ведь для этого надо день-деньской гонять не тряпичный мяч, а настоящий, да и форма нужна. А кто им все это даст? Никто, конечно.

И тогда они решили все это заработать сами. На станции всегда была работа по разгрузке вагонов, и они стали наниматься в грузчики. Так заработали деньги и на настоящий мяч, и на футбольную форму. Официально свою команду называли «Джал», чтобы иметь право участвовать в соревнованиях, представляясь командой шахты «Джал», но сами ребята называли свою команду «Сборная команда Балкарии», так как вся команда состояла только из балкарских мальчишек.

В 1953 году закатилось солнце кроважадного тирана Сталина и взошло солнце славы балкарских мальчишек в изгнании, живших в гор. Кзыл-Кия. В тот год «Сборная команда Балкарии», победив в финале команду шахты № 11 под названием «Комсомолец», где тоже все игроки, за исключением двоих, были балкарцами, заняла первое место в городе и получила кубок. Теперь, когда команда стала «солидной», можно назвать имена ее игроков. Вот они, игроки той уникальной «Сборной команды Балкарии» в Киргизии: Магомед Гемуев, Жамал Кулиев, Исхак Кулиев, Махмут Жабоев, Хамит и Абдулла Жаникаевы, Хыйса Гергоков, Махмут Гелястанов, Масхут и Исхак Калабековы, Хамит Малкандуев, Алим Акаев, Саид Кожашев, Далхат Мизиев, Салих Энеев. И Мухтар Кёккёзов – нападающий, тренер, капитан и начальник команды.

И вот в один из осенних солнечных дней (а пасмурных дней, кажется, в Кзыл-Кие вовсе и не было!) подходит к ребятам председатель городского спорткомитета и говорит, делая вид, что хочет сообщить им такую большую радостную весть, что им никак без курманлыка не обойтись – он может включить в сборную команду города, которая будет участвовать в соревнованиях на первенство области, нескольких ребят из их команды. Разве эта новость не достойна курманлыка – хотя бы барашка? Ведь счастливым выпишут разрешение коменданта, поселят в гостинице, там их будут кормить – и город Ош, столицу области, они увидят.

Но к великому удивлению спортивного чиновника балкарские мальчишки не приняли его предложения.

– Никто из нас не поедет! – сказали они.

– Почему? – удивился начальник.

– Потому что мы – лучшая команда города. Вот мы – всей командой – и поедем на областные соревнования. А если нет, то – нет! Никто из нас не поедет. Или – все, или – никто!

И начальнику пришлось сдаться. Всей командой приехали в Ош. Во всей области не было такой команды, игроки которой так страстно хотели бы победить, как этого хотели игроки «Сборной команды Балкарии». И все это вполне понятно и естественно: если все остальные футбольные команды области в основном состояли из местных жителей, для которых эти игры в Оше – лишь игры и больше ничего, то для всех футболистов «Сборной команды Балкарии» это в первую очередь была возможность сказать: «Смотрите, люди, – мы ничуть не хуже вас ни в чем!» А обиженные на весь белый свет мальчишеские сердца своей победой дерзко хотели заявить: «Мы даже лучше вас!» Национализм, как и атомная энергия, сильна и опасна. Хорошо, когда обе эти силы используются для хороших, мирных дел. Но плохо, тяжело приходится людям, когда эти же силы направляются злыми и сумасшедшими людьми для плохих дел. Атомные электростанции – это пример, когда умные люди используют атомную силу для добрых дел. Бомбардировка Хиросимы и Нагасаки – это пример, когда злые и сумасшедшие люди направляют атомную силу для плохого дела. Фашизм в Германии, геноцид армян в Турции, турок – в Болгарии, албанцев – в Югославии, чеченцев и ингушей, карачаевцев и балкарцев, турок и немцев в СССР – это примеры, когда злые и сумасшедшие люди используют национализм для плохих, нехороших дел. Быстрое возрождение Японии после второй мировой войны, сохранение и возрождение национального духа и культуры; такое же быстрое восстановление экономики Германии, поворот ее народа от агрессии к мирной жизни, переоценка ценностей, в результате чего сейчас немцы больше всего ценят счастливую и долгую жизнь человека, а не «захват жизненного пространства» – это примеры, когда национализм используется для добрых и хороших дел.

Это – в мировом масштабе. А в масштабе гор. Кызыл-Кия мальчишки-балкарцы тоже, сами этого не зная, пользовались могучей силой национализма для победы над соперниками на футбольном поле. Наверное, это тоже можно причислить к примерам, когда сила национализма направляется для доброго, мирного дела. В данном случае – для доказательства того, что балкарцы невинно оклеветаны, что они ничуть не хуже других граждан страны. А это – действительно хорошее, доброе дело...

В Оше одна игра проходит за другой. И каждый раз – победа! Шесть побед подряд! Настала финальная встреча. И совершенно неожиданно – первая половина игры – 0:2. «Сборная команда Балкарии» с грохотом проигрывает! В перерыве Мухтар, как и все остальные, долго молчит. Но потом не выдерживает и начинает стыдить ребят.

– Не пойму – что сегодня с вами случилось? Никто не бежит по полю, все только эдак прогуливаются! Но это ж футбольное поле, а не парк! Главное здесь – бегать! Да как можно быстрее! Неужели об этом надо еще раз вам говорить? А?

Но ребята молчат, опустив головы. И кто-то все-таки говорит:

– Ни капельки сил у нас уже не осталось... Хорошо хоть не на поле свалились...

Мухтар и сам это прекрасно знал по себе. Конечно, пацаны, вечно полуголодные, не ведавшие что такое настоящая сытная еда, не могли быть выносливыми. Как говорят горцы, копь в костях нет силы, откуда ей взяться в теле.

– А с какими лицами мы вернемся домой, побитые? – лишь грустно произнес Мухтар. – И что будет со «Сборной командой Балкарии»? Жалко ее...

Во время второго тайма случилось чудо: кзылкийские футболисты буквально задавили соперника и забили три безответных мяча. Общий победный счет 3:2.

Вернулись домой счастливые, став чемпионами области. В 1956 году проводился чемпионат Киргизии. Начинается отбор футболистов в сборную команду области. Разумеется, в эту сборную приглашают и ребят из гор. Кзыл-Кия, из команды-чемпиона области. Но ребята опять ставят свое условие – или мы поедем все вместе, или же никто из нас никуда не поедет. И опять футбольным начальникам приходится уступить ребятам. На всех их получают пропуска от коменданта и отправляют в гор. Фрунзе.

Возможно случайно, но возможно и не случайно, но футболистам из Оша в гор. Фрунзе не дают мест в гостинице, а расселяют их в частных домах. Хотя ребята это и восприняли как оскорбление, но, стиснув зубы, стали играть.

Первую встречу – с командой гор. Фрунзе – выиграли. Вторая встреча закончилась вничью...

Ребята до этого практически никогда в общепитовских столовых не питались. А потому в городе Фрунзе, боясь, что их в столовой будут кормить свининой, продали свои карточки, и питались, покупая съестное на базаре. Денег на полноценное питание, естественно, не хватало. А потому от игры к игре сил у ребят все убывало и убывало. Начинала сказываться усталость. Но все равно сумели выйти в финал вместе с командой гор. Пишпек.

И вот началась игра. Сперва вроде бы все шло нормально, мальчишки из «Балкарии» бегали вполне сносно, не только дружно оборонялись, но довольно часто прорывались и к воротам соперника, и тогда, видно, нервничая, их вратарь начинал бегать перед воротами, растопырив руки.

Дождь пошел неожиданно и, как и положено на юге, сильно.

Ребята-балкарцы были гораздо моложе своих соперников, да, видно, сказались и неполноценное питание, – они выбились из сил раньше пишпекцев и проиграли матч со счетом 3:2. Таким образом, в чемпионате республики они заняли второе место. Хотя могли стать и чемпионами. После чемпионата в сборную республики были включены Мухтар Кёккёзов и двое братьев Калабековых – Махмут и Исхак. Но ребята, как и раньше, заявили, что будут играть или все вместе, или никто из них нигде играть не будет. Это, конечно, уже было чересчур – укомплектовать сборную команду Киргизии из одних только балкарцев! На это дерзкое мальчишеское требование, естественно, ответили категорическим отказом. И после этого ярко загоревшаяся звезда «Сборной команды Балкарии» в Киргизии начала постепенно затухать. А после, когда балкарцы засобирались домой – на Кавказ, она само собой незаметно угасла. Здесь следует отметить, что балкарские юноши достигали хороших результатов и в других видах спорта. Владимир Уянаев стал мастером спорта тоже в Киргизии, был чемпионом республики по тяжелой атлетике. А игрок «Сборной команды Балкарии» Абдулла Жаникаев был чемпионом Киргизии в беге на 5000 и на 10 000 метров. Про один курьезный случай, приключившийся с ним, с Абдуллой, рассказывает его друг Мухтар Кёккёзов.

– Как-то во Фрунзе проходил чемпионат республики по легкой атлетике. В беге на 5000 метров наш Абдулла стал чемпионом – он прибежал первым. Пришло время и побежали на 10 000 метров. Смотрю – Абдулла «пытается» проиграть. Я не выдерживаю, подбегаю к нему и кричу:

– Как тебе не стыдно! Да ты только посмотри, кому ты проигрываешь! – и указываю на лидера. Тот был, как я и хотел внушить Абдулле, просто замухрышкой. Хотя прекрасно знал, что именно такие – «замухрышки» – и побеждают в беге. А бежавший впереди действительно был невысоким, сухопарым парнишкой, короче, действительно замухрышка по кавказским меркам.

– Дай айрана хоть глоток! – как истый балкарец взмолился в ответ Абдулла. К счастью, у меня с собой была фляга с айраном. Даю. Он пьет, потом он отдает мне фляжку, и стремительно, словно это не айраном было, а каким-то магическим средством, придающим необычную энергию, рванул вперёд. Так он стал победителем.

В 1957 году Мухтар Кёккёзов был призван в армию. В это время страна вместо того, чтобы сказать народам-переселенцам: «Вы теперь полноправные народы нашей большой интернациональной семьи, но пока что я не буду призывать ваших сыновей в армию – сперва вернитесь домой, обустройтесь. Потом, после 5–10 лет, пусть и ваши сыновья будут служить рядом со своими сверстниками из других наших народов», – первым делом стала забирать в армию молодых людей из репрессированных народов, и так ослабляя их, слабых. Но карачаевцы

и балкарцы даже и этому были рады – ведь это было признаком того, что страна опять им доверяет! И отправляли своих сыновей с песнями и танцами, словно справляли свадьбы. После окончания службы Мухтар вернулся домой – в Чегем. Долго искал работу – заходил и к первому секретарю райкома комсомола, и в военкомат. Но и они не помогли найти работу демобилизованному воину. Оскорбленный и обиженный, Мухтар уехал в Сибирь. На этот раз сам, добровольно. Он работал шахтером в Хабаровске, потом строил Вилюйскую ГЭС. И везде, где бы ни работал, был передовым, лучшим. И когда в 1983 году начинали строительство Колымской ГЭС почетное право сделать первый взрыв скалы у ее основания предоставили именно ему, прославленному строителю энергетики Мухтару Кёккёзову.

Свердловские кинематографисты создали о нем документальный фильм, журнал «Огонек» печатал о нем большой очерк с фотографией, о Мухтаре писали и «Известия», и «Комсомольская правда», и «Сельская жизнь».

Только у него на родине, в Кабардино-Балкарии, о нем ничего не писали, ничего не говорили, словно он был для нас чужим.

В последнее время он живет в гор. Тырнаузе. Живет как и все. И часто вспоминает прошлое. Он помнит все.

9. Верные сыны народа

Во все времена у всех народов находились верные сыны, храбрые и красивые, с чистой совестью, которые готовы были идти хоть на смерть ради избавления своего народа от грядущей беды или же освобождения его от тяжести гнета и несправедливости. Слава Небу, были такие сыны и у сосланных народов, в том числе у балкарцев и карачаевцев.

Они, эти смелые люди, делали все, что могли в тех условиях. Но, к сожалению, в нашей стране тогда к правде и справедливости не вела ни одна дорога. Но многие люди думали, что справедливость и законность находятся в Москве, в Кремле. И писали туда хозяину Москвы и Кремля Сталину и его друзьям Берии, Молотову, Маленкову и другим.

В Москву, в Кремль писали многие спецпереселенцы. Сегодня некоторые публицисты всех их готовы причислить к народным героям, которые смело боролись за правое дело. Но это далеко не так.

Не стоит делать героем бывшего работника МВД или МГБ, партийного или советского чиновника, которого большая беда народа задела своей волной, вырвала с теплого местечка и кинула вместе с остальными балкарцами и карачаевцами в степи Казахстана и Средней Азии. К слову сказать, они, верой и правдой служившие и Советской власти, Сталину и Берии даже тогда, когда они творили насилие над нашими народами, и в ссыл-

ке жили лучше других – многие из них так и служили в МВД, были чиновничками. Короче – с голоду не умирали. Но были сильно обижены именно тем, что та самая Советская власть, ради которой они совершали над людьми насилия, шли на подлоги, чтобы скрыть ее преступления, верно служили делу партии и Сталина, теперь оказались **вместе со всеми**. Именно потому, что они оказались **вместе со всеми** и писали они письма в Москву и просили вытащить их на лужайку из «народного болота». Они умоляли, просили Сталина, Берию, Маленкова отделить их от «черни», ведь они всегда, всю жизнь верно служили им! И ни одного слова о народе – только о себе. А если кто и упомянет народ, то опять же только с одной целью – вновь оклеветать его, чтобы выгородить себя!

Вчитайтесь в эти строки и вы увидите, что именно эту цель – спасти себя – и преследовал человек, писавший их. А этого человека, между прочим, уже записали в герои, в народные заступники!

«Я полагал, что в период переселения не было возможности разобратся в каждом переселенце в отдельности. Ведь когда лес рубят, щепки летят. Но со времени переселения прошло уже более пяти лет. Почему же я, оставаясь членом ВКП(б) и честным гражданином своей страны, до сих пор остаюсь на подозрении, как и те преступные элементы, против которых я воевал?..»

Убедительно прошу Вас, товарищ Маленков, дать указание МВД СССР смыть с меня позорное пятно, снять с учета спецкомендатуры, как честного преданного коммуниста и гражданина.

Глубоко уверен, Георгий Максимиллианович, что Вы положительно решите мой вопрос, от которого зависит моя дальнейшая судьба».

Автор этого письма Жанакант Залиханов, будучи первым секретарем Черекского райкома партии, ради того, чтобы усидеть в теплом кресле, еще в 1943 году «пнул» свой народ, подписав ложный акт о том, что в селениях Черекского ущелья в ноябре-декабре 1942 года бандиты и немцы (а так как тогда немцев в этом ущелье еще и не было, то все валилось на «бандитов», то есть на народ) расстреляли около тысячи мирных жителей и сожгли их дома и имущество, когда на самом деле все эти злодеяния совершили такие же «преданные коммунисты», как и сам Залиханов. И теперь, когда народ его сломлен и еле жив, этот верный служака еще раз с удовольствием пнул его ногой, презрительно обозвав всех балкарцев «преступными элементами, против которых я воевал!» О том, что он воевал, Залиханов, конечно же, сильно преувеличивал, так как ни одного дня на войне не был, не было его даже среди «партизан», так как во время оккупации Нальчика немцами находился в Грузии, жил безбедно в хорошей гостинице и за два месяца написал один «Боевой листок» объемом в пол-газетную полосу, где призывал своих земляков не щадя жизни бороться с фашистскими захватчиками. Но, наверное, как и Кумехов, как и другие «доблестные» руководители республики, спасавшие свои шкуры в тылу наших войск, числился партизаном.

Хоть он и был «глубоко уверен», но Маленков ему не помог. Но все равно «преданному коммунисту» и так жилось неплохо: в то время, когда тысячи балкарцев работали на шахтах и хлопковых плантациях под палящим солнцем, Залиханов сидел в кресле заместителя директора Киргизского государственного издательства и одновременно был секретарем партийной организации.

Верными сынами народа, настоящими героями были другие люди, которые вообще ничего себе не просили, а требовали восстановить справедливость и вернуть народ на свою землю, а людей, совершивших это преступление – наказать! Одним из таких сынов карачаево-балкарского народа и был Адильгерий Соттаев, капитан Советской Армии, герой войны. Родился Адильгерий в селении Лашкута Эльбрусского района Кабардино-Балкарской Республики в семье колхозника Хаджимусы Соттаева. В молодости был хорошим спортсменом. Перед войной преподавал родной язык студентам Кабардино-Балкарского пединститута в гор. Пятигорске. После начала войны добровольно ушел на фронт. Прошел всю войну, защищал Сталинград, гнал немцев на Запад. Но до Берлина не дошел – не пустили свои. Как и всех сынов депортированных народов, его сняли с фронта и отправили в тыл – в Уфу, на курсы повышения знаний.

Однажды в казарме, где они жили, произошел следующий случай. В один из дней Соттаев вернулся в казарму. У входа, как и обычно, были дежурные – младший лейтенант и солдат. Завидев старшего по званию, солдат вытянулся в струнку, но младший лейтенант так и остался сидеть, словно и не видел капитана. Соттаев сделал ему замечание.

– Советские офицеры не обязаны вставать перед изменниками Родины, – ответил младший лейтенант.

Соттаев, уже знавший о беде своего народа и его страданиях, и так постоянно был вне себя от тяжелых дум, а теперь еще и этот недоумок сыплет ему соль на рану!

От ярости он и не знал, что делал. Оказалось, что он рывком схватил табурет, стоявший возле дневального, и огрел им слишком уж зазнавшегося лейтенанта. После демобилизации Соттаев оказался в селении Ново-Покровка возле города Фрунзе, где была его семья. Высокий, красивый, в офицерской форме – он стал гордостью всех переселенцев села. К тому же неплохо пел и танцевал. «В селе стало светлее, как он приехал», – говорили люди.

Это было в 1945 году. К этому времени многие семьи переселенцев вымерли, а чтобы уцелели все – такой семьи не было вообще. В землянках и сараях лежали истощенные, голодные дети, старики. Жалкие, потихоньку угасающие люди.

Через два-три года голод стал отступать, люди ожили, и уцелевшие принялись разжигать очаг жизни – стали работать, учиться, даже стали свадьбы справлять. А то ведь раньше как было – сходились, как животные, жили парой – и все. Гостей, пусть и 10-12 человек, угостить было нечем, а потому и свадеб не было...

Но теперь, когда Голодная Смерть уже была не так страшна, эстафету издевательств над бедными людьми взяла в свои руки Наглая Несправедливость. Спецпереселенцев не только не принимали на сколь-нибудь приличную работу, но часто оскорбляли по любому пустяку, обзывая их изменниками и бандитами. К тому же коменданты, милиционеры, бригадиры и председатели колхозов избивали спецпереселенцев (если не боялись получить ответа), всячески издевались над ними. Знал обо всем этом, конечно, и Адильгерий Соттаев. Но он не знал, где искать защиту, где найти справедливость. Он не был ни комсомольцем, ни коммунистом, но и в Аллаха тоже не верил. Если Аллах справедлив, всемогущ и милосерден, как говорят муллы, почему же он допустил такую жестокую несправедливость? К тому же говорят, что Аллах обитает на Седьмом Небе. А где это Седьмое Небо – никто не знает. Значит, и добраться до него невозможно.

Как ни вертись, а искать справедливость надо в царстве зла – в Кремле. У самого дьявола – Сталина. Но надо сделать наивный вид, что глубоко веришь в его непогрешимость, в то, что он восстановит справедливость.

Так и решил написать Сталину Адильгерий Соттаев. Но потом, когда писал письмо, не сдержался и написал все, что накипело. Он требовал (!) восстановить справедливость и вернуть его незаслуженно наказанный народ на свою землю. И еще требовал (!) наказать всех тех людей, которые допустили такое злодеяние.

Соттаев с волнением ждал ответа. Он получил ответ гораздо раньше, чем думал. 2 декабря 1949 года, спустя всего несколько дней после отправки письма, к дому, где жил Адильгерий, подкатил «черный ворон».

КГБшники, производя обыск, перевернули в доме все вверх дном, книги, напечатанные на непонятных для них карачаево-балкарском и тюркском языках, они сожгли, а рукопись произведения «Прощай, родная Балкария!», как вещественное доказательство его антисоветской агитации, забрали с собой. С собой они забрали и автора рукописи – Адильгерия Соттаева. 14 апреля 1950 года состоялся суд. И за что же его судили? Прочтем строки судебного приговора. «Судебным следствием установлено, что Соттаев, будучи враждебно настроенным к Советской власти, в 1935 году среди преподавателей Педагогического института в гор. Пятигорске рассказывал анекдоты антисоветского содержания.

В декабре 1944 года и в 1945 году, находясь на учебе, на

курсах усовершенствования офицеров Советской Армии, в гор. Уфе, изготовил воззвание «Прощай, родная Балкария!», в котором возводил клевету на ВКП(б), на мероприятия, проводимые Советским правительством, высказывая намерения вести борьбу против ВКП(б), будучи убежденным буржуазным националистом. В 1945–1949 годах написал ряд очерков, рассказов и стихов, в которых также возводил клевету на советскую действительность, тем самым Соттаев совершил преступление, предусмотренное ст. 50–10 ч. 2 УК РСФСР. Исходя из изложенного, руководствуясь ст. 319–320 УПК РСФСР и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. «Об отмене смертной казни», судебная коллегия приговорила Соттаева Адильгери Хаджимуссаевича по ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР с применением санкций ст. 58–2 УК РСФСР, подвергнуть к заключению в исправительно-трудовом лагере сроком на двадцать пять лет, с поражением в избирательных правах после отбывания меры наказания сроком на 5 лет, с конфискацией всего имущества...»

Адильгерий, конечно же, виновным себя не признавал и подал в Верховный суд Киргизской ССР кассационную жалобу.

Наивный человек, в то время он хотел найти правду на территории СССР! Верховный суд Киргизии, конечно же, его жалобу не удовлетворил и оставил решение Фрунзенского городского суда без изменения.

Его сослали в самый ад – в лагерь, расположенный в Верхоянске, в Якутии, где отмечаются самые низкие температуры на земле. Хамская несправедливость государства, за которое он и его народ сражались и проливали кровь, бесила Соттаева и он никак не хотел смириться и молча гнить в лагере. Он пишет и Сталину, и Берии, Молотову, Генеральному прокурору... Но, разумеется, все было напрасно. Такие люди – честные и чистые, храбрые и упорные, совершенно не желающие стать рабами, были смертными врагами сталинского режима. И его, разумеется, никто не собирался выпускать живым из лагерей.

И только после смерти тирана забрезжила надежда. В сентябре 1954 года прокурор Киргизской ССР внес протест на приговор судебной коллегии Фрунзенского областного суда. 11 октября 1954 года Президиум Верховного суда Киргизской ССР рассмотрел этот протест и принял решение... «Снизить Соттаеву меру наказания до 10 лет заключения в ИТЛ».

Но Адильгерий Соттаев, который очень даже хорошо знал, что он ни в чем совершенно не виноват, не мог удовлетвориться такой подачкой, он требовал того, что положено ему и его народу – свободу и честное имя. В письме к Кайсыну Кулиеву, Кериму Отарову и остальным своим друзьям он писал: «Едиственное, чего я жажду – это свободы. С помощью мужества,

терпения и упорства я в конце концов добьюсь ее.. На грани между жизнью и смертью я всегда сохраняю ясность рассудка и твердую уверенность в то, что все кончится благополучно».

Все-таки, наверное, есть какая-то магическая сила в абсолютной вере во что-то. В холодных бараках бескрайнего архипелага ГУЛАГ, замученные голодом, болезнями и непосильным трудом умирали и превращались в прах сотни тысяч, миллионы людей. И многие из них были людьми сильной воли, хотели жить, добиться справедливости. Но, к сожалению, лишь единицы вырывались на свободу, все еще сохраняя человеческое достоинство и честь.

Одним из них был Адильгерий Соттаев, человек сильной воли, несокрушимого духа и необыкновенной веры в то, что справедливость все равно восторжествует. И верил он в торжество справедливости, находясь не где-нибудь в одном из кабинетов обкома партии или же в комнате судей, а в схваченном инеем бараке одного из самых страшных лагерей в Верхоянске, голодный и промерзший до мозгов костей.

Невероятно, но это факт – он дождался того дня, когда и справедливость одержала победу. В мае 1956 года Генеральный прокурор СССР внес протест на приговор Фрунзенского областного суда от 14 апреля 1950 года. 30 мая этого же года Верховный Суд СССР вынес свое определение. «Приговор и последующие судебные решения подлежат отмене, а дело прекращено производством по следующим основаниям.

Обвинение Соттаева в том, что он в 1935 году в Педагогическом институте в Пятигорске рассказал антисоветский анекдот, основано на его показаниях и показании свидетеля Холаева. Однако, ни на предварительном следствии, ни в суде точно содержание анекдота не выяснено. Установлено только то, что он касался хлебных карточек. При этих обстоятельствах у суда не было достаточных оснований считать, что анекдот носил антисоветский характер.

Утверждение органов предварительного следствия и суда о том, что рукопись Соттаева «Прощай, родная Балкария!» является антисоветским произведением, идущим против линии партии и советской власти, основано на заключении кандидата филологических наук Георгия Самарина, данное им 11 марта 1950 года. Однако такая оценка характера рукописи «Прощай, родная Балкария!» является неправильной, так как подобный вывод не вытекает из ее содержания.

В своей рукописи Соттаев идеализирует прошлое балкарского народа, восхваляет его мужество, отвагу, любовь к свободе, восторгается красотой Балкарии, ее природой и народом. И одновременно с этим Соттаев высказывает мысль о том, что весь народ Балкарии постигло большое горе – переселение из родных мест в районы Средней Азии, где балкарцы расплынены и перестали существовать как самостоятельная нация. Далее

Соттаев пишет о желании посвятить свою жизнь счастью народа, помочь балкарскому народу вновь обрести утраченные права в связи с переселением...

В рукописи Соттаева имеются и отдельные ошибочные положения, однако в целом ее никак нельзя признать антисоветским произведением. Вывод об антисоветском характере литературных произведений Соттаева (стихи, рассказы, воспоминания) также основаны на заключении Георгия Самарина, с которым нельзя согласиться...

Однако стихотворения, рассказы и другие рукописи Соттаева при всех их недостатках по своему содержанию не носят антисоветского характера.

При этих обстоятельствах дела следует считать, что Соттаев по данному делу был осужден без достаточных к тому оснований.

Ввиду изложенного, судебная коллегия определила:

Приговор Фрунзенского областного суда от 14 апреля 1950 года, определение Верховного Суда Киргизской ССР от 6 мая 1950 года и постановление Президиума Верховного Суда той же республики от 11 октября 1954 года в отношении Соттаева Адильгери Хаджимуссаевича отменить и дело производством прекратить за необоснованностью обвинения. Соттаева Л. Х. из-под стражи освободить.

Председательствующий
Члены суда

И. Аксенов
А. Сулатаев,
М. Ахджабеков

Вскоре, как известно, и Адильгерий Соттаев, и его народ, за честь которого он вел такую долгую, тяжелую борьбу, получили свободу. И в тот день, когда он, счастливый, вновь увидел свою любимую Балкарию, он мог с чистой совестью сказать: «Здравствуй, родная Балкария! Это я, Адильгерий Соттаев, твой сын!»

По иронии судьбы случилось так, что именем Жанакаита Залиханова названа улица в столице нашей республики в г. Нальчике, а имя героя и народного заступника, одного из честных и чистых сыновей Балкарии предано забвению. Ни одна улица, ни одна школа, и даже ни одна из множества горных вершин Балкарии, за честь и достоинство которой он так героически боролся, не названа его именем. Вот такой мы народ...

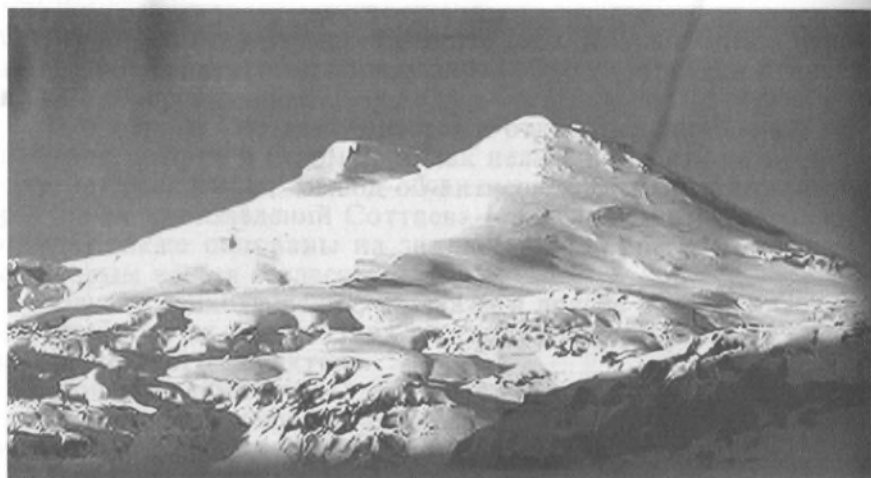

4

Часть

НА ВНОВЬ ОБРЕТЕННОЙ РОДИНЕ

**Величавый Эльбрус –
символ Высоты и Чистоты родной Балкарии**

**Той на родной кавказской земле!
Один из первых эшелонов из Средней Азии
прибыл в Нальчик. Май 1957 г.**

1. Долгая дорога домой

Самый жестокий тиран всех времен и народов, Сталин, умер 5 марта 1953 года.

Так как он умер внезапно, в результате кровоизлияния в мозг, никому не было ясно каким же путем пойдет теперь страна.

В последнее время к Сталину были наиболее близки Маленков, Берия, Хрущев и Булганин.

После смерти своего вожака они и поделили между собой власть. Председателем Совета Министров стал Маленков, Берия сосредоточил в своих руках МВД и МГБ, Хрущев стал хозяином «партийных дел», Жуков стал министром обороны.

И сразу же началась тайная борьба за верховную власть между ведущей тройкой – Берией, Маленковым, Хрущевым. Берия целиком и полностью полагался на своих палачей из МВД и МГБ, а потому занялся только тем, что старался сидеть в двуедином своем кресле как можно надежнее.

Хрущев хорошо был знаком с партийным аппаратом, там он и проводил «мобилизацию» своих сторонников. Маленков решил, что лучше всего быть «любимцем народа», и как Председатель Совета Министров СССР, стал заботиться о «максимальном удовлетворении его (народа) материальных и культурных потребностей». Он уменьшал налоги, а налоги «с кур и деревьев» вообще отменил. Дело в том, что при Сталине брали налоги с каждой курицы и с каждого дерева в приусадебном саду. И если хозяин срезал в своем саду неплодоносящее дерево, чтобы попусту не платить за него налог, мог быть оштрафован.

Маленков и Хрущев были сторонниками, пусть даже незначительного, но все-таки изменения политического курса страны. Берия думал о полном захвате власти и не помышлял серьезно менять режим. Этот режим полностью соответствовал его устремлениям к тиранической власти.

Маленков и Хрущев волей-неволей объединились против Берии, который, в случае прихода к единоличной власти, наверняка мог бы перещегоолять Сталина. В результате Берия был обвинен как шпион империалистических разведок, арестован и расстрелян.

Потихоньку более энергичный и деятельный Хрущев затмил собой медлительного и нерешительного Маленкова, а в начале 1955 года отстранил его от должности Председателя Совета Министров СССР. На эту должность пришел Н. А. Булганин.

Хрущев хотел упрочить свою власть, стать авторитетным политиком и лидером страны, а для этого нужны были перемены как в политическом, так и в экономическом плане. Народ

долго жил в страхе и нищете, народ жаждал перемен, и Хрущев хорошо это знал. Но такие соратники Сталина, как Булганин, Молотов, Каганович, Ворошилов, Буденный, консервативные до мозга костей, к тому же активные организаторы и участники массовых убийств и репрессий, боялись каких-либо перемен и не хотели ничего нового.

Но как бы ни сопротивлялись консервативные, преступные силы сталинского режима, политическая весна, хоть и медленно, но уверенно приходила в страну. Гром грянул неожиданно рано – среди зимы. Это был XX съезд КПСС. А вернее – доклад Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущева на закрытом заседании съезда 25 февраля 1956 года «О культуре личности и его последствиях».

Хрущев всю ответственность за все злодеяния, совершенные в стране, полностью возлагал на Сталина, Берия и Ежова, называл подручных Сталина Молотова, Кагановича, Ворошилова, точно так же виновных в массовых расстрелах и репрессиях, верными соратниками Ленина и борцами против сталинского режима.

Предполагалось, естественно, что и он сам тоже «ленинец» и за злодеяния режима не отвечает. Как уже было сказано выше, доклад Хрущева был сделан на закрытом заседании съезда и огласке не подлежал.

Но уже через несколько дней полный текст этого доклада был напечатан многими газетами мира, о нем говорили по радио во всем мире. И тогда было решено разослать текст доклада Хрущева «О культуре личности и его последствиях» во все партийные организации для читки на совместных собраниях членов партии и комсомольцев, куда рекомендовалось приглашать и актив рабочих и служащих. С величайшим вниманием, с большой радостью слушали, сидя на этих собраниях, балкарцы и карачаевцы, чеченцы и ингуши, немцы и татары обличительные слова, которые говорились в адрес их палачей – Сталина и Берия. И в душах их родилась и крепла надежда – скоро, очень скоро справедливость восторжествует, и они, радостные, счастливые, выйдут на дорогу, ведущую домой – к синим горам Кавказа, к берегам величавой Волги, к изумрудному морю.

Но дорога эта оказалась и долгой, и трудной.

Только спустя 2 месяца после XX съезда КПСС – 28 апреля 1956 года выходит Указ Президиума Верховного Совета СССР, по которому спецпереселенцы освобождались от контроля со стороны комендатур. Это, конечно, было большой радостью. Но главная мечта так и осталась не исполненной – бывшие ссыльные не имели права возвращаться на родные свои земли, в свои дома. Они опять же оставались гражданами второго сорта.

Лучшие сыны репрессированных народов были недовольны тем, что Центральный Комитет партии и Советское правительство лишь малыми порциями возвращают незаконно репресси-

рованным народам украденную сталинским режимом свободу. Особенную активность в это время проявляла карачаевская интеллигенция. Так, учившиеся в Киргизском госуниверситете карачаевские студенты Сейитбий Лайпанов, Абдул Каитов, Умар Байрамкулов, Азрет Боташев и другие как-то узнают, что во Фрунзе приехал ответственный работник из ЦК КПСС Федотов и добиваются встречи с ним.

Федотов оказался человеком чутким и внимательным. Он сказал молодым людям о том, что пока по репрессированным народам конкретного решения нет. Во время встречи гость из Москвы посоветовал карачаевским студентам, чтобы они организовали и отправили в Москву делегацию из уважаемых и авторитетных людей народа – из орденоносных участников и инвалидов войны, ударников труда. И чтобы они взяли с собой письмо от имени всего народа, хорошо и правильно изложив суть просьбы. «Это может помочь делу», – сказал Федотов.

Вскоре карачаевская делегация выехала в Москву. В составе делегации были: Магомет Акбаев, Ракай Алиев, Адильгерий Караев, Сейит-Умар Токаев, Аскер Эбзеев, Маджир Гаджаев.

Токаев до выселения был секретарем Карачаевского обкома партии, а Суслов – первым секретарем Ставропольского крайкома, а потому Токаев хорошо знал Суслова, который теперь был секретарем ЦК КПСС. С ним, с Сусловым, и решили встретиться карачаевцы.

Это очень интересно! И Токаев, и его спутники, грамотные, имеющие большой жизненный опыт, многие из которых должны были знать и наверняка знали, что беду-то на их народ фактически накликал именно Суслов, опять же идут к нему, чтобы он им помог. Помог избавиться от беды, которую он сам, Суслов, и навлек на карачаевцев. Видимо, захлестнутые громадной волной всеобщей радости и прекрасных мечтаний, они на мгновение забыли о том, что они – ягнята, а Суслов – серый волк.

И вот из приемной ЦК Токаев дозванивается до Суслова.

– Чего приехали? – холодно спрашивает Суслов, узнав о том, кто с ним говорит.

– Делегация просит разрешить карачаевцам возвратиться на родину и восстановить их автономию.

– Вы хотите, чтобы вас еще раз выслали?! Этого никогда не будет! И не мечтайте!

По другому Суслов и ответить не мог. И потом, до самой своей смерти, он всячески старался сделать какую-нибудь подлость по отношению к карачаевскому народу. И даже, говорят, пытался в 60-х годах еще раз выслать карачаевцев. Но это ему не удалось.

Подавленные, карачаевцы вернулись домой – в Киргизию. Но молодые карачаевские парни не хотели с этим примириться, и они не испугались гнева Суслова, как старшие.

В Москву направляется вторая делегация. На этот раз решили добиваться встречи с самим Первым секретарем ЦК КПСС Хрущевым, отцом «политической весны».

Это было не так-то легко, но карачаевцы сумели добиться встречи с Хрущевым.

Хрущев был приветлив с карачаевцами, внимательно выслушал их просьбы. Потом стал перечислять причины, которые препятствуют в настоящее время переселению карачаевцев на Кавказ – это, по уверению Хрущева, и то, что Карачай сейчас заселен и людей, живущих там, надо переселять, а это дело нелегкое, да к тому же не хотят отпускать карачаевцев и балкарцев и правительства Казахстана и Киргизстана, так как они, карачаевцы и балкарцы, уже стали своими людьми в этих республиках и отличаются трудолюбием и добрым нравом.

Но в то же время Хрущев обещал сделать все, чтобы полностью исполнить все просьбы карачаевцев. «Ведь такие дела не я один делаю», – добавил он, давая ясно понять, что в верховной власти страны все еще сильны сторонники старого режима.

В Москве была делегация и балкарцев во главе с Канаматом Уянаевым. Балкарцы встретились с Брежневым и вернулись с радостной вестью: скоро в ЦК КПСС будет рассмотрен этот вопрос и принято решение о возврате репрессированных народов на свою родину. Здесь следует отметить и то, что в борьбу за возвращение на родину репрессированных народов включились и наши земляки, жившие за рубежом. Так, выходцы из Кавказа, жившие в США, в сентябре 1955 года написали письмо в Организацию Объединенных Наций, где они – чеченцы, ингуши, балкарцы и карачаевцы – выразили свое возмущение преступными действиями правительства СССР, изгнавшего из своих родных земель целые народы. «Такая жестокость совершенно неприемлема в гуманном обществе», – отмечалось в письме.

В своем письме в ООН кавказцы писали, что они готовы представить следующих свидетелей беспрецедентных злодеяний, совершенных над кавказскими народами:

«1. Бурлацкого – бывшего полковника МВД. Он участвовал в операциях, когда расстреливались чеченцы и ингуши. Убежал на Запад в 1953 году. Живет в Западной Германии.

2. Токаева – бывшего полковника Советской Армии. Убежал на Запад в 1950 году. Живет в Лондоне.

3. Григория Викторова – бывшего старшего офицера МВД. Свидетель того, как расстреливали большую группу чеченцев и ингушей. Убежал на Запад в 1953 году. Живет в Западной Германии».

Это письмо кавказцев в ООН, разумеется, не сыграло решающую роль в определении судьбы репрессированных наро-

дов, но что и оно в какой-то степени помогло делу – в этом нет никакого сомнения.

И вот наконец Президиум ЦК КПСС 24 ноября 1956 года принимает постановление «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». В Постановлении указывалось, что «массовое выселение целых народов не вызывалось необходимостью и не диктовалось военными соображениями, было одним из проявлений чуждого марксизму-ленинизму культа личности, грубым нарушением основных принципов национальной политики нашей партии».

И хотя партия и была «нашим рулевым», но все-таки надо было, чтобы высшие советские органы издали соответствующие законодательные акты. Такими актами и явились Указы Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года «О преобразовании Кабардинской АССР в Кабардино-Балкарскую АССР» и «О преобразовании Черкесской автономной области в Карачаево-Черкесскую автономную область».

По рекомендации Президиума Верховного Совета СССР в тот же день – 9 января 1957 года – Президиум Верховного Совета РСФСР тоже принимает Указы подобного содержания. На этом юридическая документация восстановления автономии карачаевского и балкарского народов завершилась и наконец-то дорога домой на Кавказ – была расчищена.

2. На крыльях мечты

Хотя основная масса населения репрессированных кавказских народов стала готовиться к выезду на родину после полного восстановления их автономий, то есть зимой 1957 года, чтобы ранней весной тронуться в путь, многие, которые уже были не в силах более жить на чужбине, выезжали на Кавказ уже после снятия с комендантского учета весной 1956 года. Тогда, снимая с учета, коменданты требовали от спецпереселенцев расписки о том, что они не будут возвращаться в прежние места жительства, то есть на свою родину. Многие отказывались давать такие расписки, говорили, что они все равно поедут на родину – на Кавказ. «Мы не откажемся от своей родины и от своих домов. Заключение и то после их освобождения возвращают дома и родину, а нас, невинных людей, лишают родины», – заявляли они.

Секретарь ЦК Коммунистической партии Киргизии И. Раззаков в информации для ЦК КПСС 10 октября 1956 года сообщал, что «по неполным данным за последние 5–6 месяцев за пределы республики, главным образом на Кавказ, выехало 2653 человека. Например, из Таласского района Фрунзенской области самовольно выехали на Кавказ 70 семей карачаевцев и чечен-

цев, из Ворошиловского района этой же области 151 семья балкарцев, чеченцев и карачаевцев. Факты самовольных выездов на Кавказ имеют место и в других областях республики».

«...В Джалал-Абадской области колхозники из числа чеченцев, балкарцев и карачаевцев не выходят на работу, продают дома, скот и имущество и готовятся к отъезду. За период с августа по сентябрь из районов и городов области выехали 120 семей... В том числе 6 коммунистов снялись с учета и 3 коммуниста выехали в Нальчик, не снявшись с партийного учета».

Да, истосковавшиеся по родине, по любимым родным горам и голубым рекам горцы, обретя свободу, не хотели более жить на чужбине и уезжали домой. А вернее – они летели на крыльях мечты туда, домой, на Кавказ к своим белым горам. Им казалось, что их, ликующих, летящих по голубому небу на Кавказ, видит весь мир, и вместе с ними радуются их счастью и люди, и звери, и птицы, и даже зеленые долины и реки. Так им казалось. Так вообще-то, наверно, и должно было быть. Но наша страна и Советская власть не были бы ни нашей страной и ни Советской властью, если бы в них хоть что-то было в полном соответствии с природой и здравым смыслом. Казалось бы, ни у кого не сможет повернуться язык, чтобы упрекнуть человека, который после долгих лет незаконной ссылки, после стольких бед и невзгод наконец-то вернулся домой, на свою родную землю, только за то, что он это сделал – приехал сюда, на свою землю, на землю своих отцов.

Но оказалось, что таких людей не так уж и мало, и многие из них были начальниками. Большими и маленькими. Маленькие исполняли волю больших – исполняли с усердием, с чрезмерным усердием, как это принято у нас. И возвращавшихся на родину, радостных, сияющих балкарцев и карачаевцев встречали холодные, бездушные чиновники, которые не прописывали их, не давали им работу, а предлагали убраться им туда, откуда они и приехали – опять в Среднюю Азию. И радость мгновенно сменялась на печаль, потухали улыбки счастья.

Из воспоминаний участника войны, награжденного за мужество и героизм многими орденами и медалями СССР Исхака Гиляхова, жителя села Белая Речка, КБР:

«...Еле-еле уговорили русскую семью, жившую в доме Созаевых, уступить нам две комнаты в полуподвале, договорившись каждый месяц платить по 50 рублей за комнату. До нас там держали свиней, а потому, сколько бы мы ни скребли и ни мыли стены и полы, вонь не проходила...

В Белой Речке, в нашем селе, была бригада колхоза «Кенже». А в лесничестве работали русские. Была и начальная школа в доме Баксанука Жабоева. Хоть я и был педагогом, но на работу учителя не рассчитывал. Поехал в Кенже, надеясь устроиться хоть на какую угодно работу. Но мне работу не дали,

сказали, что у меня нет прописки. А прописывать не хотят. Думаю, что если буду вместе со всеми постоянно работать, то сжалятся и возьмут, и начинаю работать в поле. Очищаем сенокосы от кустарников, убираем камни. Но меня все равно в колхоз не берут, говорят, что балкарцы не имеют права возвращаться на родину. Не знаем, что и делать.

Наконец, после долгих мытарств нам удается оформить временную прописку.

Мне разрешают работать учителем у нас в селе. Как-то я оказался на заседании сельского Совета, а тогда для Хасаньи и Белой Речки был один Совет, он находился в Хасанье. Там выступал представитель Совета министров республики Сенч. И он говорит: «Я видел, что некоторые семьи балкарцев живут в палатках. Если и далее дело так пойдет, то, чего доброго, из-за них у нас эпидемия тифа может случиться. Кто их сюда пустил? Надо выгнать их, и как можно скорее!»

Но вот пришло время, народу дали волю возвратиться на родину, и началось массовое переселение балкарцев из Средней Азии. Тогда, в первое время, было очень трудно. Приехавшие на родину балкарцы оказались неожиданными пришельцами на своей земле. Их не пускали в свои же дома и даже во дворы. Кое-как приспособлялись жить в заброшенных сараях, на углах улиц, не было возможности готовить... Больные, старики, дети – шум, гам, плач. Было очень трудно. Тот, кто сам все это не видел, не поймет... «В Верхней Хасанье что-то случилось», – доходит до нас тревожная весть. Едем туда. Доезжаем до дома Аккиевых. Дети заглядывают в окна.

– Что случилось? Кто есть в доме? – спрашиваем.

В это время из дома выскочили три женщины и исчезли. Одна девочка говорит нам: «Вот эти женщины затащили в дом Эркехан».

Мы заходим в дом. Там за столом сидит Эркехан. Старуха напугана, растеряна, еле выговаривает слова. Но суть дела мы поняли. Оказывается, что те трое женщин, живущие здесь, насильно затащили в дом старуху, поставили перед ней тарелку со свиной и сказали: «Ты не даешь нам спокойно жить, все твердишь «мой дом, мой дом, вот твой дом, вот и угощение – ешь!..»

Возле конторы останавливается черная машина и меня приглашают в нее. Сажусь, здороваюсь. Но человек, сидевший рядом с шофером и не думает поздороваться со мной. Это был первый секретарь горкома партии Иванников. Едем. Молча, не разговаривая. В Верхней Хасанье останавливаемся возле какого-то дома. Из дому выходят две женщины и, словно своего давнего приятеля, по-свойски приветствуют его.

– Эти чьи? – спрашивает Иванников, указывая на три мешка под маленьким навесом у курятника.

– И эти мешки, и то барахло принадлежат приезжим, старым хозяевам, – отвечают женщины.

– Вот видишь, товарищ Гиляхов, оказывается, правильно

жаловались, – с каким-то злорадством, словно поймал меня на месте преступления, глянул на меня секретарь горкома. – Кто тебе разрешил поселять бывших хозяев в этих домах?! – гневно спросил он.

Мы побывали еще в нескольких домах, и на каждом дворе он набрасывался на меня, обвиняя в попустительстве злостным хулиганским действиям бывших хозяев. Потом он собрал «пострадавших» в одном дворе и сказал им: «Дорогие товарищи! Я своими глазами увидел, что вас совершенно незаконно притесняют. И если впредь кто-нибудь вздумает вас побеспокоить, говоря о каких-то правах на ваши жилища, сразу же звоните мне!» И дал им номер своего телефона. А мне пригрозил: «А с тобой мы поговорим как следует в горкоме!» Но в горкоме я тоже нашел что сказать...

Да, так было. Люди, истосковавшиеся по родине, как можно скорее ехали на Кавказ, а их здесь не пускали в их же дома, прогоняли... Жили под открытым небом. Плакали. Многие, не в силах терпеть эти издевательства и на родной земле, уезжали обратно – в Среднюю Азию...

Да, некоторые действительно уезжали обратно – в Среднюю Азию, теперь уже во вторую, добровольную ссылку. Но таких было мало, очень мало. Абсолютное большинство карачаевцев и балкарцев были такими людьми, для которых, как сказали их предки: «Земля, где родился, дороже, чем земля, где накормился» – и теперь, после обретения Родины, о которой мечтали долгие годы, они не могли ее ни на что променять. Пусть злобствуют темные силы, но они уже не могут одолеть людей, уже ступивших на свою родную землю и ставших от этого сильными во сто крат. Они пережили худшее, и маленькие подленькие дела маленьких чиновничков для них не более, чем комариные укусы! И никакие силы, ничего на свете не могли омрачить радость народа, вновь обретшего свою землю, свой дом. И в той же Хасанье, которая в то время называлась селом Пригородным, с весны 1957 года, когда прибыли сюда первые семьи, и до самой зимы не проходило ни одного вечера, чтобы не было тоя, настоящего тоя, где собирался и стар, и млад и пели, и танцевали до полуночи. Тогда много семей жило в недостроенных домах барачного типа, где сейчас располагается отделение совхоза «Декоративные культуры». Там перед домами был большой просторный двор. Туда и собирались люди вечерами.

Да, днем все занимались своими делами: кто искал работу, кто таскал на себе ореховые прутья, кольца, чтобы к предстоящей зиме построить хотя бы небольшой турлучный домик, кто возил камни с реки для фундамента, а кто-то уже и работал где-нибудь на стройке в Долинске. Все сильно уставали, потому что работали обычно до сумерек – торопились хоть к зиме что-то построить. Но все равно вместе с сумерками молодежь

начинала собираться в Оранжерее, как и сейчас называют этот квартал в Верхней Хасанье. И начинался той – праздник радости обретения родины, праздник общения с единоплеменниками. И все эти мелочи – попытки каких-то мелких и крупных чиновников не принимать на работу, не прописывать, не продавать шифер и кирпич без разрешения других чиновников, к которым почти не пробьешься, – все это было чепухой, которая никак не могла помешать этому празднику. Этими мелочами люди занимались днем, горячились, спорили, доказывали, требовали; возможно, возвращались домой вечером злые, коль не смогли в тот день одолеть какого-то заупрямившегося чинушу, а кто-то приходил домой радостный, если удалось найти немного цемента и гвоздей. Но все они, наспех что-нибудь поев, отправлялись на той в Оранжерее...

А эшелоны с карачаевцами, с балкарцами, чеченцами и ингушами все летели и летели со всех концов Казахстана и Средней Азии на Кавказ. Люди более не хотели жить на чужбине.

Радостные, опьяненные полученной свободой, люди покупали те же самые товарные вагоны на свои «расчетные» деньги, уезжали домой на Кавказ. И все благодарили Никиту Сергеевича Хрущева. А он, наш освободитель, почему-то забыл распорядиться о том, чтобы невинно пострадавших людей хотя бы бесплатно привезли обратно. Но тогда об этом никто и не думал. У всех было только одно на уме – поскорее бы поехать к себе домой, на Кавказ, увидеть родные горы, попить водички из родника.

И даже то, что во всех карачаевских и балкарских селениях практически дома не сохранились, а если даже и сохранились, то в них жили другие люди, и эти дома приходилось выкупать, не омрачало радости людей. Настолько она, эта радость обретения родной земли, была огромной. И эта радость делала их сильными во сто крат. А потому они даже в то первое лето 1957 года, когда большинство семей жило по углам стен своих старых разрушенных домов или же просто под срочно сколоченным навесом, одновременно работали и во вновь организованных колхозах, и себе строили жилища.

Конечно, будь наша страна нормальной страной, она сперва подготвила бы для людей, перед которыми она была ох как виновата, жилища, и лишь потом, в самых что ни на есть лучших пассажирских поездах бесплатно привезла бы их на родину.

Но ведь наша страна никогда не была нормальной – то есть страной, которая любит своих людей и делает все, чтобы они жили хорошо. А потому она, страна, посчитала, что и так осчастливила балкарцев и карачаевцев, разрешив им вернуться на свою родину – на Кавказ. Конечно, удостоиться такой милости от нашего государства и от Советской власти – действительно счастье, это прекрасно понимали наши народы, а потому и радость их была безгранична. И говорили от чистого сердца: «Дай Аллах здоровья Хрущеву и тысячу лет жизни!» И все трудно-

сти – и естественные, и искусственно воздвигаемые недоброжелателями, многие из которых сидели в кабинетах с высокими потолками, – преодолевали ни на кого не обижаясь, и никого не кляня.

Но сегодня мы, представители репрессированных народов, имеем право четко и ясно сказать – не будет прощения грехов ни государству, ни Советской власти, так и не сумевшим искупить свою вину перед собственными народами, которых они ни за что сурово наказали и к судьбе которых они так и остались безучастными.

Сегодня в правительственных органах печати, в выступлениях официальных лиц часто и красиво рассказывается о том, какую огромную помощь оказала страна вернувшимся на родину балкарцам и карачаевцам. Кому же, интересно, оказала страна эту самую «огромную помощь», если в массе своей ни балкарцы, ни карачаевцы ее не видели? Своим же чиновникам, как и в случае, когда выделяемые средства и продукты Казахстана и Киргизстану для помощи спецпереселенцам, до этих спецпереселенцев так и не доходили?

Единственная помощь со стороны государства, которой воспользовались вернувшиеся на родину балкарцы и карачаевцы, – это ссуда на строительство. Это 7 тысяч рублей (для всех) или 10 тысяч рублей (для очень настырных, которые как-то узнавали о том, что им, вернувшимся на родину ссыльным, сумма ссуды может доходить и до 10 тысяч рублей). И то практически на тех же условиях, что и для всех остальных граждан. Правда, спустя несколько лет, эти ссуды списали, но к тому времени большинство балкарцев и карачаевцев, для которых иметь долг – это большой позор, уже успели вернуть ссуду. Для этого многие семьи даже продавали своих кормильцев-коров, которых купили год-два назад до этого. И еще – если хорошенько побегать, быть настырным, можно было получить разрешение на то, чтобы на торговой базе тебе продали шифер или лес, а на кирпичном заводе – кирпич.

И на этом все. А это означает, что практически государство ничем ни балкарцам, ни карачаевцам не помогло. А то, что из государственных фондов выделялось заново создаваемым колхозам какое-то количество скота, техники и другого имущества, так это государство, во-первых, перекладывало из одного своего кармана в другой и к собственно балкарцам, карачаевцам это особого отношения не имело, а во-вторых, когда выселяли балкарцев и карачаевцев от их колхозов, да и от них самих государству осталось гораздо больше добра.

Так что, балкарцам и карачаевцам особо некого благодарить за помощь и доброе к ним отношение в первые тяжкие годы после их возвращения на родину.

Все, что они сумели сделать в первые несколько лет после возвращения, и что смогли построить, пусть хоть и времянки в основном, но дома; и что обзавелись живностью и кое-каким домашним имуществом; и что многие юноши и девушки, несмотр-

ря на трудности, стали студентами и с жаром взялись за учебу, – все это балкарцы и карачаевцы сделали благодаря своему упорному стремлению наладить нормальную жизнь у себя на родине. Это было время большой радости, время мечтаний и надежд. И окрыленные этим временем, балкарцы и карачаевцы, как, наверное, и чеченцы с ингушами, не боялись никаких трудностей и легко их преодолевали...

3. Люди, людишки и нелюди

Согласно учению Заратуштры, основателя древнеперсидской религии, на свете идет постоянная борьба между Светом и Тьмой, между Добром и Злом. И каждый человек своими добрыми делами, праведной жизнью, борьбой против Зла может способствовать победе Света и Добра над Тьмой и Злом.

Прекрасное учение! Очень правильная мысль! Как нужны на свете люди, своей жизнью, своими честными и добрыми делами и поступками помогающие Свету и Добру победить на земле Тьму и Зло! Особенно в наше время!

Но, увы, в часы испытаний, в трудные дни людей, имеющих честь и мужество оставаться достойными своего высокого звания – человек, бывает не так уж и много. Большинство из гордого племени «людей разумных» как бы теряют разум и становятся людишками. А иные вовсе превращаются в нелюдей, а попросту – в зверей.

Так случилось в Германии в период господства фашизма. Большая часть людей, загипнотизированные нацистскими идеями, стали людишками, а значительная часть – просто нелюдьми, зверьми, которых в истории называют нацистами, фашистами. Эти звери – нацисты и фашисты – как это и делают звери, набравшись сил, набросились на людей. Так началась Вторая мировая война, унесшая миллионы жизней.

Так случилось и в СССР в период господства сталинизма. Частично загипнотизированные призрачными идеями о райской жизни при коммунизме, а большей частью запуганные до смерти жестокими репрессиями, тоже большая часть людей превратилась в людишек, не смеявших даже в кругу семьи высказать свои мысли. А значительная часть превратилась, как и в Германии, в нелюдей, в зверей. Эти нелюди, захватившие в стране власть – Сталин, Троцкий, Ежов, Берия, Дзержинский, Молотов, Калинин, Вышинский, Буденный – и их клика, состоявшая из большинства партийно-советского аппарата, КГБ-НКВД и прокурорско-судебной системы. Они тоже, как и нацисты в Германии, набравшись сил, набросились на людей. Так начались трагические годы повальных репрессий, унесшие миллионы человеческих жизней и обескровившие страну, что явилось большим подспорьем для фашистов, начинавших разжигать костер мировой войны.

Но в то же время и в Германии, и в СССР были люди, которые так и остались, несмотря ни на что, людьми разумными – то есть, они не превратились ни в людишек, ни в нелюдей. Вспомним хотя бы поэтессу Беллу Ахмадуллину, эту хрупкую женщину невысокого роста. Да ее любой КГБшник мог растереть в порошок одним хлопком. Но она, несмотря на то, что за квартирой ссыльного Андрея Дмитриевича Сахарова в Горьком (Нижний Новгород) день и ночь присматривали амбалы из КГБ, запросто приезжала к академику в гости, да еще с подарками. И это в то время, когда величайшие ученые и академики, писатели и артисты, рабочие и крестьяне – вся страна – клеймила позором опального ученого, считая его врагом страны, когда все шарахались от него, как от чумного, и не упускали случая плюнуть в его сторону! Какой же меркой измерить мужество, честность, человечность и просто порядочность этой женщины, гордо, с улыбкой в лице (не стоит печалить Андрея Дмитриевича кислой миной!) проходящей в квартиру академика под растерянными взглядами КГБшников, стоявших там и сям.

Достоинство Человека, принадлежащего к племени людей, ничем не измерить.

Древние китайцы, тюрки и монголы определяли силу армии противника не столько его численностью, сколько силой ее боевого духа, как мы сегодня говорим. Если скажем, китайский хронист записал, что такой-то хан вышел навстречу китайскому войску с отрядом в 100 000 человек, то это вовсе не значит, что в отряде хана действительно целых 100 тысяч воинов. Их может быть всего-навсего одна тысяча, если в это время, скажем, во время Чингиз-хана, боевой дух одного ханского воина оценивается в 100 китайских воинов.

Если с этих позиций оценивать мужество Беллы Ахмадуллиной и других друзей семьи Сахаровых, которых не сумели запугать Власть и КГБ, то мы сейчас можем с полным правом сказать, что у Андрея Дмитриевича Сахарова и Елены Боннэр, его верной супруги, были тысячи и тысячи верных друзей, которые не покинули их и в самые тяжкие дни. Разве можно было в то время даже из душ тысячи запуганных и затравленных советских людишек наскрести столько мужества, честности и порядочности, сколько их было в душе поэтессы Беллы Ахмадуллиной? Нет, конечно! Это, ясное дело, для всех нас, живших в то время, звучит обидно, но это так...

Точно так же мы можем уверенно сказать – в тяжкие часы и годы испытаний и у балкарцев, и у карачаевцев были тысячи и тысячи верных друзей. Если их было даже только единицы! Ведь верность и мужество в то время – это тысячекратное мужество и верность в обычное время!

Рассказом о таких мужественных и честных людях мы и завершим нашу главу, а сейчас следует хотя бы коротко расска-

зять о людишках того времени. Это нужно для более полной характеристики того самого жестокого времени, которое легко превращало людей в людишек, а людишек – в зверей.

Как известно, после выселения карачаевцев и балкарцев части Балкарии и Карачая были переданы Грузии. Город Карачаевск стал Клухори, селение Хурзук – Зедваке и т. д.

После того, как в 1956 году люди репрессированных народов были освобождены из оков спецкомендатур, многие, не дожидаясь дальнейших специальных милостей от Власти, не очень-то торопившейся, кстати, проявлять эти милости, стали возвращаться в родные края. Несмотря на то, что всех взрослых, когда их снимали со спецучета, предупреждали о том, что им не дозволяется возвращаться в родные края, а тем более пытаться вселиться в свои бывшие дома. Не просто предупреждали, а брали по этому поводу расписку и строго-настрого предупреждали – не смей!

Но истосковавшихся по родине, по родным горам людей уже ничто не могло остановить. И люди ехали к своим горам. Первым, лучшим – всегда нелегко, всегда трудно. И в этом случае не было исключения.

Их, истосковавшихся по родной земле людей, уже не бандитов, коими они раньше считались, а свободных граждан страны, старались не пускать к родным горам, не прописывали, не давали работу, гнали от своих домов собаками и милиционерами. Им приходилось ютиться в чьих-то сараях, под навесами, оплачивая и эти «квартиры» по полной таксе. Иногда удавалось уговорить «хозяев» и покупать свой же дом.

Но такое бывало редко, потому что большинство домов новые хозяева балкарских и карачаевских сел разбирали и нужные материалы увозили вниз и продавали. Так, до выселения в Верхней Теберде было около 900 домов, а к 1956 году там сохранилось всего 146 домов. Могильные плиты новые жители села использовали как ступеньки у своих домов, а также при кладке фундамента пристройки к клубу. А потом кладбище разровняли, чтобы, видимо, разбить там сад. В то же время сами же вырубали плодовые деревья в приусадебных участках, ленья сходить за дровами в лес.

«В нашем доме, когда мы приехали, жил один по фамилии Жмоткин, – рассказывала потом жительница села Теберда Совет-Джан Кипкеева. – Так он нас даже во двор не пустил. Что делать, приютились в другом месте. И если случалось, что кто-то из нас проходил мимо дома, то он всегда кричал: «Убирайтесь отсюда! И нечего таращить сюда глаза!» Особенно больно и обидно было матери. Каково было ей это терпеть после стольких лет страданий и тоски по родному дому, по родной земле! В первую ночь, когда мы оказались, слава богу, под крышей, мать так и не зашла в помещение, заявив, что она не приклонит на подушку свою голову в чужом доме, в то время как ее собственный дом стоит тут же. Была уже поздняя осень, она

сильно простудилась и потом долго приходила в себя после болезни.

Лишь весной, когда сам убедился, что уж лучше продать да уходить, чем дело доводить до греха, Жмоткин согласился продать нам наш дом. Заплатили 8 тысяч рублей, и Жмоткин уехал. Уехал, увозя на семи машинах награбленное добро. Одних только швейных машин «Зингер» и сепараторов было полмашины...»

«Мы, несколько семей из молодых, не дожидаясь остальных, выехали на Кавказ раньше, еще в 1956 году в родное селение Хурзук и зимовали здесь вместе с грузинами, – вспоминает Роза Узденова. – Они были очень недовольны нашим приездом, словно мы пришли прогонять их с родной земли...»

А когда уезжали, нацепили к передку первой машины портрет Сталина, сами оделись во все черное. Так и уехали, наполнив машины награбленным добром.

А что они творили с могилами наших предков – это вообще словами не передать. Один мальчик, зацепив человеческий череп носком, хотел пнуть его, как футбольный мяч, но тут голова его самого как-то странно откинулась назад и его ударил паралич. Таким, парализованным и увезли его, когда уезжали. Небо, видно, разгневалось, не выдержало...»

Но кое-кто из людишек, переименовавших Хурзук в Зедваке и мародерствовавших там, постепенно превращались в людей – в зверей...

Когда возвратившиеся на родную землю жители Хурзука, постепенно обживаясь, взялись приводить в порядок и свои приусадебные участки, испытали еще один шок – в своих старых заброшенных погребках стали находить человеческие кости. Жители Хурзука уверены в том, что это – кости их односельчан, фронтовиков, которые, или не ведая о том, что народ выслали, или перед отъездом навсегда в Среднюю Азию хотели попрощаться с родными горами и завернули домой. Живые, здоровые, сильные, видно, приезжали и уезжали. А кое-кто из тех, что из госпиталей, слабые, калеки – они находили смерть в погребках отцовских домов...

Из Хурзука на войну с фашистами ушли 850 мужчин и парней, из них 350 полегли на полях сражений, защищая свободу Родины, 300 воинов вернулись домой живыми, 150 пропали без вести. Сколько же из этих 150 солдат и офицеров пропали без вести уже после войны в своем родном селе? На этот горький вопрос никто не может дать ответа.

Из воспоминаний Кеписхан Чомаевой, муж которой Магомет Гочияев был репрессирован еще в тот печально памятный 37-й год:

«Я осталась тогда одна с годовалой дочкой Шерифой на руках... Потом война... Высылка. Чего только не пришлось нам испытать! Гочияевы Батыргерий и Кылычхан проводили на фронт шестерых своих сыновей, из них пятеро полегли там, на

полях сражений. А сами они, Батыргерий и Кылычхан, умерли в Средней Азии от голода. Ах, сколько, сколько там умирало наших стариков!.. Но вот мы вернулись домой, в селение Терезе. И опять несправедливость, унижение. Женщина, жившая в нашем доме, и во двор нас не хотела пускать. Что делать, уехали в Кисловодск и прожили там на квартире два года. А та женщина уже продала наш дом другому. Племянники еле уговорили этого нового хозяина продать дом. Купили, рядом начали строить новый капитальный дом.

И вот, когда однажды я возвратилась с базара, смотрю – возле нашего дома полно народу, плач, стенания. А оказалось вот что – копая землю под фундамент нового дома, ребята приблизились к старому дому и тут обнаружился погреб, а там – мертвый солдат с медалью на груди, умер, видно, сидя. Шерифа, бедная, тогда была в положении, собрала кости и, неся их на руках, пошла, сама не зная куда, уверенная в том, что этот солдат был ее отцом. С того дня она стала сердечницей. Все пытались убедить ее в том, что это не ее отец, но... я сама узнала его по зубам.

Он, бедный, видно, с места заключения ушел на фронт, а оттуда, освободившись, конечно же, поспешил домой... Убили, а потом бросили в погреб, или же живым его там замучили, кто теперь это узнает... Мы похоронили его останки, справили, как положено по обычаю, поминки».

Братья Пахат и Нюр-Ахмат Джуккаевы из селения Хурзук в день переселения были в чабанском коше высоко в горах и, когда узнали что случилось, решили остаться в своих родных горах. И все 14 лет жили, словно снежные люди, в горах и лесах. И, разумеется, знали о многом, что творилось в оставшейся на растерзание хищникам карачаевской земле.

«Однажды мы увидели, как новые хозяева села глумились над могилами наших предков, – вспоминал впоследствии Нюр-Ахмат. – Пахат раза два выстрелил, и они ушли с кладбища...

Жилось нам, конечно, нелегко. Еще бы – ведь за голову каждого карачаевца платили по две тысячи рублей. Сотрудники НКВД тогда очень хорошо зарабатывали – сдавали десятки «голов бандитов».

Это были головы таких же, как и братья Джуккаевы, оставшихся в горных кошах чабанов, просто спасавшихся в горах от репрессий властей, добравшихся до родных гор бывших в плену или в окружении. Все они просто боялись, и не без основания, прийти, скажем, в органы власти или военкоматы и сказать, так, мол, и так, с нами случилось вот что. Ведь тогда их отдали бы под трибунал, и они неминуемо были бы расстреляны как дезертиры или бандиты, а в лучшем случае – попали бы в Сибирь лет на 10...

Не следует более уделять внимание людишкам и нелюдям. Ведь не они определяют лицо человечества, а люди, если даже

их бывает совсем мало в иные трудные времена. Но они есть всегда и везде – это главное.

Как было рассказано выше, в 1954 году полковник Магомет Декушев во время отпуска отдыхал в Кисловодске и тогда же совершил поездку в родное село Хурзук. Уезжал он оттуда опечаленный увиденным, но в то же время он был рад, что там же, среди людишек и нелюдей встретил человека. Им был один старик-сван, живший на мельнице, хотя его семья занимала вполне просторный дом.

Когда его спросили – почему же он живет на мельнице в неудобстве, когда есть уютный и просторный дом, отданный властями его семье, он ответил: «Если я не буду здесь жить, мельницу разрушат и растащут, как и многие другие дома. А я хочу сохранить ее, пока не вернется хозяин».

Этот старик, этот человек знал, что чудовищная несправедливость долго продолжаться не может, и хозяину мельницы, долгие годы терпевшему обиды и оскорбления, будет приятно увидеть свою мельницу целой, когда почти все вокруг порушено. И он, наверное, не раз почти как наяву, видел тот день, когда он, довольный, будет встречать хозяина мельницы, гордый тем, что доставил тому в первый же день приезда на родину такую радость...

Ойла Боташев из Дзегуты вернулся с фронта инвалидом летом 1943 года. А осенью, как и до войны, стал учительствовать. У него в доме жил биолог, завуч школы Николай Васильевич Красников. Он приехал в это карачаевское село по распределению после окончания Ставропольского пединститута.

В тот день, когда НКВДшники пришли выселять семью Боташева, он встал перед ними, как бы заслоняя собой находящихся в доме, и заявил непрошеным гостям в лицо:

– И вы считаете себя людьми? Она совсем недавно получила похоронку на одного своего сына из Ленинградского фронта, второй вернулся инвалидом! Она и мне мать! По какому праву вы собираетесь ее выселять? Вы-то сами понимаете, что вы делаете?..

И когда Николай Васильевич и впрямь попытался помешать солдатам творить свое черное дело, они просто привязали его к столбу в середине дома. Но он и тогда продолжал клеймить позором несправедливое дело...

После выселения карачаевцев, хотя село было заселено русскими, Красников не захотел более здесь оставаться и уехал в Ростов. А после, спустя 14 лет, когда он узнал о возвращении карачаевцев, Николай Васильевич приехал в Дзегуту и вместе со своими друзьями отпраздновал это радостное событие. И позже, когда в 1962 году Ойле Боташеву было присвоено почетное звание «Заслуженный учитель РСФСР», Николай Васильевич вновь приезжал в Карачай – поздравить своего друга...

Темиржанов Адрахман после демобилизации в 1947 году

шел в Микоян-шахар, к своему учителю русского языка и литературы из медучилища Дмитрию Ивановичу Суздальцеву. Его жена работала секретарем в облисполкоме. Оказалось, что она спрятала на чердаке и сохранила книгу «Совет Карачай» в то время, когда после выселения карачаевцев, стремясь вытравить и дух их с этих мест, переименовывали селения и города, сжигали книги и архивные материалы. Каким же драгоценным подарком была книга уезжающему в изгнание карачаевцу и как его окрылило это сочувствие добрых людей! Ничем это не измерить...

«Если б не Петр Евгеньевич Агринский, я так и осталась бы без диплома, – вспоминает Лейла Аджиева. – В предвоенные годы он был преподавателем в педучилище в столице нашей области – городе Микоян-шахар. Настоящий педагог, как говорится, к каждому находил свой ключик. Меня он почему-то называл артисткой.

Так вот, война, высылка – до бумажек, документов ли было дело, лишь бы в живых остаться. А когда обрели свободу и вернулись на Кавказ, понадобились и бумажки всякие, и дипломы. И вот с одной такой же подругой, как и я, идем к директору педучилища и объясняем, что мы закончили до войны это училище, но дипломы, ни какие-либо другие документы не сохранились. Здесь ведь, чтоб вывести и сам дух Карачая, не оставить от него и следа, все сжигали и уничтожали, в том числе и архивные документы.

Директор посоветовал нам пойти к Агринскому и взять у него свидетельские показания, подтверждающие, что мы действительно учились до войны в педучилище и закончили его.

Находим адрес Петра Евгеньевича и приходим к нему домой.

Видели бы вы как он нас встретил! Словно отец родной дочерей через столько лет! «И горы без вас – и то совсем грустные были, невзрачные, – говорил Петр Евгеньевич. – Слава богу, что вы, душа наших гор, наконец-то вернулись. Теперь, как и раньше, будет все и красиво, и богато!» Не отпустил, пока не угодил, нужные бумажки с удовольствием написал, просил заходить. Как и нам, тогда он многим помог».

77-летний пенсионер Петр Евгеньевич Агринский, житель гор. Черкесска, умер в 1967 году. Немногочисленные родственники и друзья семьи положили тело на катафалк, и траурная процессия выехала за город в сторону кладбища. А в это время со стороны Карачаевска к Черкесску как раз подходили автобусы с жителями как самого Карачаевска, так и сел, расположенных в этой стороне. Автобусы стали заранее прижиматься к обочине дороги и останавливаться, давая дорогу уходящему в иной мир человеку. Но когда катафалк сравнялся с первым же автобусом, то пассажиры автобуса, узнав, кого хоронят, остановили траурный поезд. Они сняли с машины гроб с телом Петра Евгеньевича и сами понесли его на руках к кладбищу. На-

род, испытывавший на своем веку много несправедливостей и обид, никогда не забудет добрых и честных людей, сочувствовавших, помогавших ему.

4. Наперекор всему

Милостиво разрешив репрессированным народам вернуться на землю своих отцов (и то не всем) и посчитав себя после этого «настоящим ленинцем», смело и решительно ведущим советский народ от тоталитарного режима Сталина к истинной социалистической демократии, Хрущев, помахав народу рукой, сказал: «Правильной дорогой идете, товарищи!» и оставил этот народ на произвол судьбы. В том числе карачаевцев и балкарцев. Но если большинство советских людей жили, пусть хоть в каких ни на есть тесных и старых домиках или же в коммунальных квартирах, но все-таки в своих домах и жилищах, имели крыши над головой, то люди репрессированных народов, вернувшиеся к себе на родину, оказались по-существу под открытым небом. Но, как было ранее отмечено, окрыленные вновь обретенной Родиной и свободой, они не унывали и не обращали на это особого внимания.

Не дав им даже кое-как обжиться, председатели и бригадиры вновь организованных колхозов, выполняя, разумеется, указания обкома, в первую очередь требовали, чтобы все взрослые мужчины работали в колхозе. И люди, уже приученные горьким опытом, не спорили с властью, коей являлись в селе председатели и бригадиры, и шли строить кошары, пасти колхозные отары, в то время, когда их собственные дети ютились под наспех сколоченным из жердей навесом, крытом телью или старыми скатертями. И часто случалось так, что колхозные овцы раньше обретали крышу над головой, чем сами колхозники. И это тоже никого особо не возмущало: все уже давно привыкли к тому, что нашей стране скотина дороже, чем сам человек.

Но, как бы там ни было, в течение первых двух-трех лет люди все-таки сумели построить себе жилища. В горах – традиционные, из камня, в низине – тоже традиционные, турлучные. Особо везучим и богатым удавалось поставить дом и из кирпича. Многие ставили и саманные дома – научились в ссылке.

А в это время, когда карачаевцы и балкарцы, как муравьи, трудясь день-деньской, зачастую и ночью – днем на государство, а вечером и ночью у себя дома – с трудом обживались, преодолевая все преграды, из которых не самым последним было хамство чиновников и начальников, растаскивавших и разворывавших и те несчастные средства, что выделялись из Центра в помощь балкарцам и карачаевцам, Хрущев громогласно заявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но, хотя мы первыми запустили спутник зем-

ли, и Юрий Гагарин, первый космонавт земли, тоже был нашим, советским человеком, нам, людям, живущим в самой что ни на есть развитой и социалистической стране, строящей коммунизм, никак не удавалось не только догнать и перегнать, а хотя бы даже приблизиться на пушечный выстрел к этим коварным капиталистам, которым уже давным-давно пора было уже «выдохнуться», но которые продолжали как ни в чем ни бывало перебирать своими «гнилыми» ногами. Поспевать за ними было трудно, и мы устали. Тем более нам не стало хватать даже куска хлеба. И кукурузу сеяли вроде бы много, но все равно не прибавилось ни мяса, ни молока. И тогда усталые люди зароптали. Они, видимо, и впрямь поверили в то, что живут в «самой демократической» стране. И тогда Советская власть вновь вернулась к испытанному способу утихомиривать недовольных — к расстрелу. Взроптавшие было рабочие Новочеркасска против произвола чиновников и подорожания продуктов, которых к тому же и не достать, были расстреляны.

Точно так же, преступно и самонадеянно, стал вести себя Хрущев и в международной политике. Достаточно только вспомнить, что при нем Советский Союз опозорил себя тем, что поддерживал в мире самые жестокие и экстремистские режимы. Дорогими гостями для Москвы в то время были Ахмед Бен Белла, Гамаль Абдуель Насер, Саддам Хусейн, Фидель Кастро, Хайле Селассие и другие диктаторы. А как расценить поведение Хрущева в ООН осенью 1960 года, когда он, сняв ботинок, стал стучать им по трибуне, требуя к себе внимания уставших от его пустопорожней болтовни дипломатов? Как угодно, но только не разумное!

По вине Хрущева мир в начале 60-х годов два раза был на грани войны. Первый раз, когда 12 августа 1961 г. за одну ночь была построена бетонная стена вокруг Западного Берлина. Тогда к Бранденбургским воротам подошли американские танки. Навстречу им вышли и стали советские танки. Так стояли они сутки, наведя друг на друга свои пушки. Хрущев первым отвел наши танки.

Второй раз дело было гораздо серьезней и опасней. Мир был поставлен на грань ядерной войны. Было это, как известно, в октябре 1962 года. Советский Союз стал завозить и устанавливать на Кубе ракеты среднего радиуса действия, вполне достаточные, чтобы бомбардировать Америку. Узнав об этом с помощью своих спутников, 22 октября США взяли Кубу в кольцо блокады и привели все свои вооруженные силы в боевую готовность.

А к Кубе в это время подходили новые советские военные и грузовые корабли, которые подвозили ракеты. Весь мир замер в страхе. Ведь он, этот несчастный мир, хорошо знал, что сейчас его судьба зависит только от Хрущева и Кеннеди. И особой надежды на чудо, на спасение не было: кто не знал Хрущева,

этого типичного советского вождя – самонадеянного упряма, готового принести в жертву весь мир во имя своей гордыни; на разумный поступок Кеннеди в данном случае тоже трудно рассчитывать – он не может без конца терпеть сумасбродные выходы этого неотесанного мужлана, наносящие урон чести и достоинству Соединенных Штатов Америки.

Шли минуты, советские корабли продолжали приближаться к Кубе. А на подходе их ожидали американские военные корабли, которым был отдан приказ не пропускать к Кубе ни один корабль без досмотра. А нашим был отдан приказ – продолжать идти к Кубе, досмотр не позволять. Ясно почему – они везли ракеты.

Весь мир замер в ожидании апокалипсиса.

Но случилось чудо – Хрущев – советский вождь, упрямый и неуравновешенный, был побежден Хрущевым-мужиком, которому здравый смысл подсказывал, что лучше жить, малость смилив свою гордыню, чем живьем сгореть в аду атомной войны. И он остановил наши корабли. И вывез из Кубы ракеты. В ответ США обещали оставить Кубу в покое...

В результате таких, мягко говоря, необдуманных действий как внутри страны, так и за рубежом, Хрущев сильно подорвал и экономику страны, и ее авторитет.

И тогда вновь подняли головы старые сталинские кадры, вообще недовольные всеми новшествами, которые происходили при Хрущеве. Хотя в нашей исторической литературе это четко и ясно и не подчеркивается, но главной фигурой заговорщиков стал Михаил Суслов, секретарь ЦК КПСС по идеологии, фактически второй человек в стране. И добавим, – ярый шовинист и первый враг карачаевского народа еще с тех давних времен, когда он был первым секретарем Ставропольского крайкома ВКП(б) и приложил все усилия, чтобы оклеветать карачаевцев и выселить их.

Суслов сделал трусливого и недалекого Брежнева Первым секретарем ЦК КПСС (дабы самому фактически быть его патроном), а Председателем Совета Министров А. Н. Косыгина – интеллигентного и опытного инженера-хозяйственника (пусть, мол, как мул, вытягивает тяжелый груз проблем народного хозяйства страны), а сам как бы остался в тени – секретарем ЦК КПСС. Ведь людей, которые назывались так – секретарь ЦК КПСС – было немало, и Суслов, мол, всего-навсего один из них. Но на самом деле всей политикой страны – как внутренней, так и внешней – управлял именно он, Суслов, прозванный позже журналистами совершенно верно серым кардиналом.

Годы правления Сусловско-Брежневского клана в нашей политической литературе названы периодом застоя. Так оно и есть. Во всем: и в общественно-политической жизни, и в экономике, и в международных делах – везде застой, везде царствует

партийно-государственный тоталитарный дух, который и за версту не пускает на территорию страны никакого свежего ветра. И даже этот бедный интеллигентный Косыгин, сколько бы ни бился со своими реформами, ничего существенного добиться не может. СССР все свои силы отдает глупой военной гонке, глупой потому что для безопасности страны абсолютно никакого значения не имеет два раза или двадцать раз мы можем уничтожить мир своими ракетами, но наши руководители всегда стремились иметь как можно больше ракет, чтобы уничтожить мир как можно больше раз. По такому же принципу – не сколько надо, а как можно больше! – у нас делали танки, подводные лодки, военные самолеты и т.д. А в результате народ как жил в нищете, так и продолжал жить. Конечно же, благосостояние и условия жизни людей понемногу улучшались, но совсем не на столько, насколько это было бы возможно при разумном руководстве страной.

Вот в таких условиях и обживались карачаевцы и балкарцы на своей родине после возвращения из ссылки. К этому – к общему не очень-то благополучному политико-экономическому фону в целом по стране – следует добавить и то, что обустройство и налаживание жизни балкарцев и карачаевцев происходило нелегко и из-за всяческих помех, чинимых местными чиновниками, многие из которых были неисправимо поражены то вирусами национализма и шовинизма, то генетически тяготея к обману и воровству.

Но все равно – жизнь брала свое: люди потихоньку обживались, строили, работали, учились. Главное было в том, что теперь никто не имел право обзывать их изменниками Родины и бандитами. Теперь люди ходили не сутулясь, а гордо поднимая головы. И в этом была их сила, которая позволяла им с такой легкостью вроде бы преодолевать все тяготы жизни.

Прошло 10–15 лет, и люди вдруг заметили, что домики, которые они в спешке построили сразу после возвращения, на самом деле очень тесны и плохо приспособлены для нормальной жизни. К тому же многие и в самом деле строили тогда просто временяки, чтобы поскорее занять крышу над головой. И вот теперь, чуть-чуть обжившись и преодолев первые трудности, многие начали строить нормальные 2-х, 3-х и даже 4-х и 5-комнатные дома. Откуда вдруг у бедных балкарцев и карачаевцев, только-только обустроившихся на новом месте, получающих, как и все советские люди, лишь жалкие гроши на зарплату, взялись деньги на то, чтобы возводить хорошие кирпичные, туфевые дома?

Эти деньги стали зарабатывать карачасвки и балкарки. И их заработки превышали заработки мужчин в несколько раз. Нет, никто – ни обком, ни Совет Министров – не позаботился о том, чтобы дать работу горянкам, они сами нашли себе работу. Они стали вязать. Вязали их матери, бабушки и прабабушки. Теперь

стали вязать и они. Но если раньше горянки вязали вещи в основном лишь только для самих себя, то теперь – в основном на продажу. Прекрасные теплые свитера, кофты, шапочки, платки, носки и рукавицы из белоснежного натурального пуха и шерсти приезжавшие на курорты Кавказа тысячи и тысячи отдыхающих раскупали быстро.

Но... Партия и Советская власть не дремали. Одной из важных или, как сейчас принято говорить, приоритетных задач Кабардино-Балкарского обкома КПСС и Совета Министров Кабардино-Балкарской Автономной Республики в 60-х и 70-х годах стала борьба «со спекуляцией и с нетрудовыми доходами», которая фактически была борьбой нашей родной Советской власти против балкарок, решивших не прозябать в нищете, надеясь только на 70-рублевые заработки своих мужей-колхозников, а хоть самим что-то заработать, чтобы и накормить детей, и одеть, обуть их, а также накопить хотя бы в течение 5–6 лет денег на строительство приличного дома вместо турлучной временки или двухкомнатной холодной каменной сакли.

Нормальная власть в любой нормальной стране будет в ноги кланяться домохозяйкам, которые, трудясь день и ночь, будут растить, одевать и кормить для них – для этой власти и этой страны – воинов и рабочих, инженеров и ученых без особых с их стороны хлопот. Но ведь Россия (СССР) в XX веке, как известно, никогда не была нормальной, а власть в ней в начале века была недальновидной, значит ненормальной, из-за чего и влезла в пламя войны, по этой причине Россия оказалась во власти сумасшедших мечтателей, которые истязали ее аж до конца века, следовательно о нормальной власти в России XX века говорить не приходится. А раз так, то откуда же было взяться нормальной власти в Кабардино-Балкарии, руководители которой во все времена отличались особым усердием выслуживаться перед Центром, а потому всегда были более истинными коммунистами, чем сами коммунистические вожди из Кремля. Вспомним Калмыкова, который досрочно загнал всех жителей сел КБАО в колхозы, не всех, конечно, а тех, кто уцелел после массовых арестов, расстрелов, ссылок и раскулачивания. И за это получил орден. Вспомним Кумехова, который после всех призывов все-таки сумел из обескровленной республики наскрести из подросших юношей и пожилых мужчин целую кавалерийскую дивизию и отправить ее, плохо вооруженную, против наступавших на Сталинград механизированных армий Гитлера. Страшный разгром этой дивизии, после чего многие ее бойцы были просто брошены на произвол судьбы и, стремясь не оказаться в плену у немцев или же не быть расстрелянными как дезертиры, укрылись в горах Балкарии. В этой трагедии сто раз был виноват сам Кумехов, но свою вину свалил на балкарцев и добился, чтобы их выслали.

Ничем не отличались руководители Кабардино-Балкарии 60-х – 70-х годов ни от Калмыкова, ни от Кумехова. Они тоже

хотели выслужиться перед Москвой, получать похвалы и ордена. Правда, все-таки было между ними и отличие – ведь время-то было другое: в 60-х – 70-х годах уже строили коммунизм, да и сами руководители были уже иные – образованные, умеющие красиво говорить. Но стелили тоже очень жестко – а как же иначе? Еще этого не хватало, чтобы республику, не дай бог, какой-нибудь очень высокий контролер из Москвы назвал бы «буржуазно-спекулятивной!»

На борьбу с балкарскими труженицами были брошены все силы республики – и чиновники, и милиция, и даже журналисты. Милиция ловила «преступных» вязальщиц. Тех, которые оставляли свои сумки с платками и свитерами милиции – лишь бы под суд не угодить, – отпускали. Тех же, кто не хотел так запросто расстаться со своими изделиями, над которыми трудились долгие ночи (не только сами – и дети работали!) отдавали под суд. Вскоре многие милиционеры обзавелись машинами и стали еще усерднее гоняться за женщинами.

И продолжалась эта позорная «война» власти и милиции с балкарками целых двадцать лет – до крушения и Партии, и Советской власти. И ни один из руководителей республики из балкарцев ни слова не сказал в защиту своего народа и его тружениц. Им и в голову не приходила мысль, что они сидели в высоких кабинетах на высоких стульях не потому, что они были уж очень умными людьми, а лишь только потому, что они были представителями балкарского народа. А раз так, то и бороться они должны были, используя свои высокие должности, за жизненно важные интересы своего народа – за право на труд. Все-го-то навсего! За право, гарантируемое Конституцией, главным законом страны. Это так, к слову. А если по существу – то балкарский народ с первых же лет Советской власти никогда и не полагался на «своих» начальников. Никакой помощи от «балкарских начальников» не ждал народ и во время «пуховой войны». Сам пережил, сам «воевал», и сам, наконец, победил.

Иногда частенько слышишь в разговоре балкарцев, и в особенности во время беседы женщин: «Не доведи меня Аллах до такого дня, чтобы я обратилась за помощью к начальнику-балкарцу!»

Очень грустно это слышать.

Тема «пуховой войны» в балкарской литературе

5. «Поход» в Сибирь

*Отрывок из романа Магомета Кучинаева
«Стоит ли с медведем груши есть?»*

* * *

Я всегда думал, что я – гордый потомок свободных узденей и никто и ничто меня так просто в угол не загонит, всегда смогу выстоять, не упаду духом, по крайней мере, если уж и не одержу триумфальную победу над какой-нибудь подлостью, то и она меня не одолест.

А сегодня, стоя на автобусной остановке в Долинске после работы, голодный и холодный, я понял, что эта моя тщеславная самоуверенность – не что иное, как самообман. И в самом деле – кто я, чего достиг в жизни? Жалкий, полунищий, насквозь пронизываемый ветром и холодной моросью, я стою на остановке уже целый час, а мимо, обдавая меня грязной водяной пылью, проезжают люди на своих «волгах», «жигулях», «москвичах». Вот они, настоящие мужчины. Среди них почти никого нет с высшим образованием – это в основном люди, закончившие техникумы, училища, какие-то курсы, или же попросту не имеющие никакого специального образования, но сумевшие устроиться на доходные места. Они работают прорабами, мастерами по ремонту телевизоров, холодильников, продавцами, завскладами, заготовителями, кладовщиками, поварами, буфетчиками, бригадирами, механиками, шоферами, милиционерами и еще черт знает кем, или вовсе нигде не работают. Многие из них получают зарплату не больше моей, а вот, поди ж ты, – разъезжают на собственных машинах, дома у них, словно магазины – всего полно, живут припеваючи, запросто могут выложить, коль понадобится, десять, а то и все двадцать тысяч рублей. А я, человек с высшим образованием, стою здесь и дрожу от холода, дом у меня осел, снаружи не отштукатурен, семья еле-еле сводит концы с концами, уже третий год на работу и на праздник надеваю один и тот же костюм, да еще этак свысока поглядываю на них – я, мол, журналист, не халам-балам!

Тыфу на тебя и на твою журналистику! Ишак безмозглый – до старости лет не мог понять простой истины: жизнь дается один раз и надо стараться жить хорошо, не замерзать, не голодать, не дрожать над каждым рублем. Кому нужна твоя нищая гордость – тебе, жене и детям, матери? О Великий Аллах, до чего же я глуп! Вместо того, чтобы закончить торговый техникум или бухгалтерские курсы, стать завмагом или кладовщиком и иметь все, я, уже почти сорокапятилетний, имею всего-навсего авторучку и блокнот! Какая глупость, какая тупость! Неужели я так и умру, получокнутым, полунищим гордецом?

И что скажут мои дети, когда я им не оставлю ничего после себя, чтобы они хотя бы похоронить смогли меня по-человечески. И я ужаснулся этой мысли – действительно, собьет сейчас меня, дурака, какая-нибудь шальная машина, как смогут меня похоронить – ведь дома нет ни копейки на черный день! А на похороны у нас, скажу, денег нужно гораздо больше, чем на свадьбу. «Нет, не дай Аллах сейчас мне умереть!» – суеверно зашептал я и отошел от проезжей части подальше, к скамейке на той стороне тротуара. Чем черт не шутит – ведь есть же у нас поговорка: «И встретишь ты то, чего боялся».

На остановке народу собралось уйма – люди после работы все прибывали и прибывали городскими автобусами к Долинску и застревали здесь, а автобуса к нам в Хасанью все нет и нет. Нетерпеливые на чем свет стоит ругают все начальство подряд, начиная с автохозяйства и добираясь чуть ли не до ООН. И попробуй им что-либо сказать – глянут на тебя, как на дурака, и сердито спросят: «Я свое дело сделал – отработал, а почему они не делают свое дело, если они так уж хороши? Что, животы у них болят – почему они не следят за тем, где что делается? Почему я после работы должен здесь мерзнуть целый час?» И попробуй ответить на этот вопрос – не ответишь. А потому и я, как и многие другие, молча стою, курю, в надежде хоть немного согреться.

– И эти журналисты тоже – разную брехню писать мастаки, а вот о таком безобразии не осмеливаются! – подошел к нашей группе один парень, слегка выпивший, стараясь улыбкой немного смягчить свои слова в мой адрес. Я знал – он работал на стройке шофером, частенько продавал раствор, цемент, кирпич.

– А тебе нечем заниматься, кроме как читать или слушать нашу брехню? – попытался я отшутиться. Но парень был настырным.

– Ходите, выпятив грудь, начальнички, мол, а толку с вас – трусы одни. А грамотные, ученые!

– А что, я тебе мешал учиться, что ли? И ты бы учился, и ты бы стал ученым.

– На фига мне твоя ученость! Ты, небось, 120–150 получаешь, а я 300–350. Ты чаем и хлебом перебиваешься, а у меня дома и мясо, и айран.

– Вот и хорошо. Ешь мясо, пей айран – чем ты недоволен?

– Тем, что ты, к примеру, корчишь из себя начальника, а на самом деле ты – нищий! Начальники – это другие, а вы – их слуги! Развелось вас, начальников да ученых, а толку никакого. Почему нет автобуса, скажи мне, раз ты начальник?

– Я не начальник, я – журналист. Забыл, что ли?

– Ха, журналист – молоко, мясо, выполнили, перевыполнили! А где это молоко, где это мясо? Чем брехней заниматься, лучше бы вот про этот проклятый автобус написали.

– Ладно, Хаким, согласен – ты богатый, я – нищий. Курить хочешь? – я достал из кармана пачку сигарет «Космос» и предложил ему.

– А, начальнищие, – давай! – он с трудом вытащил одну сигарету, я зажег спичку и дал ему прикурить.

– А ты на меня, паря, не обижайся, – хлопнул он меня по плечу. – Мы – народ рабочий, простой. Только вы вот, не так... Понимаешь? Не то... – и он как-то жутко скрипнул зубами...

Наконец подошел автобус, и люди, каждый норовя пролезть в него, сгрудились у дверей. Меня, затоптанного, помятого, толпа сама затолкала в автобус. После того как шофер, ругая пассажиров-«баранов», не понимающих, что нельзя переться в переполненный автобус, сам закрыл снаружи двери, затолкнув внутрь одних, высадив других, которых не смог втолкнуть, мы тронулись...

Тогда, стоя на остановке, я понял – несмотря ни на что я вновь поеду на Урал. Пусть будет что угодно, но я обязан, просто обязан обеспечить семью нормальной одеждой и питанием. Мне плевать на этот закон, который не разрешает людям работать и жить по-человечески, который заставляет их быть лодырями. И вообще – есть ли такой закон! Может, его вовсе и нет, а понавыдумывали наши хамовитые «белые»? Все может быть. Ведь полным полно, и где угодно, этих самых подлых горе-служителей, которым очень хорошо лишь тогда, когда людям очень плохо. Почему еще довольно молодая моя сестра-пенсионерка, почти взрослая дочь-ученица, жена-домохозяйка не имеют права покупать шерсть, пух, вязать и продавать? Почему, в какие это времена людям запрещали работать?

В середине марта я взял отпуск и, несмотря на возражения всех домашних, не желающих отпускать меня одного, засобирался в путь. На Нальчикском железнодорожном вокзале милиция настолько приловчилась ловить спекулянтов и не спекулянтов с шерстяными изделиями и собирать с них дань, что и помышлять не приходилось о том, чтобы проскользнуть здесь. Я с удовольствием заплатил бы и эту дань – говорят 100–150 рублей, – но вся беда была в том, что я просто не смог бы это сделать.

– Положи заранее в паспорт сто рублей, он с тебя потребует документы, ты протянешь ему паспорт – и все, от тебя больше ничего не требуется, дурак ты этакий! – злился Далхат.

– Не могу! Неужели не понятно – не могу! – кричал я в ответ.

– Тогда сиди дома и не рыпайся!

– Не буду сидеть! Мне надо одевать и кормить детей! Неужели не понятно?

– Извини, но у меня нет вертолета, чтобы перебросить тебя на Урал! – съязвил Далхат.

– У тебя есть машина, ты отвезешь меня в Минводы.

– Ха! Если хочешь знать, оттуда еще труднее уехать, чем

от нас. Там тоже вяжут, к твоему сведению. И милиция, наверное, не дурнее, чем у нас – «принюхалась», не бойся!

– Слушай, а Прохладная? Кому в голову придет в Прохладной, где кругом казачьи станицы, выискивать нас?

Далхат с минуту хлопал глазами, а потом вскочил с места.

– Вот дураки! Почему мы сразу об этом не подумали?

Через три дня я, взяв с собой сто шапочек и тридцать платков – чемодан и дорожную сумку, без всяких приключений сел в Прохладной на московский поезд, который шел из Баку. Еще через четыре дня я был в Нижнем Тагиле.

Радуюсь тому, что уже завтра, возможно, отправлюсь домой с целым мешком денег, я затолкал чемодан и сумку в автоматические камеры хранения и поехал к Кате. Сердце так и оборвалось в предчувствии неладного, когда дверь открыл какой-то незнакомый мужчина.

– Вам кого? – довольно доброжелательно спросил он.

– Здесь раньше жили Никитины, Екатерина Викторовна и ее сын Вадим. Они, видимо, переехали, да?

– Да, они уехали.

– Вы не знаете их адреса?

– Вот с этим я помочь вам не могу. Они уехали в Красноярск.

– Извините, но если вы обменялись, наверное, они в Красноярске живут там, где жили вы?

– Дело в том, что эта квартира кооперативная и мы ее купили. Мы сами здешние. А они уехали. Знаем, что в Красноярск они собирались. Вот и все. Мы больше ничего не знаем.

– Извините.

– Пожалуйста, – и мужчина захлопнул дверь квартиры перед моим носом.

Так мне и надо, барану безмозглому – разве трудно было прежде чем ехать, хотя бы письмо написать или телеграмму отстучать, так, мол, и так, выезжать ли? Так нет же – взял и поехал, словно здесь жили не случайные знакомые, а родной брат матери.

«Что же делать? – думал я, сидя в дребезжащем и холодном автобусе. – Сегодня только вторник, до базара далеко. А если махнуть в Красноярск, авось ее там встречу, а? Ведь легкая нажива ничем не отличается от зеленого змия – коль завладела душой человека, так запросто не отпустит. Катя и ее великовозрастное дитя Вадим, если я сколько-нибудь разбираюсь в людях, от своего «дела» вряд ли откажутся. Все равно здесь бездельничать почти целую неделю. А там – шансов больше...»

В субботу утром я уже был в Красноярске. Сдав чемодан и сумку в камеру хранения, я вышел в город. День был, к моему удивлению, нормальный, теплый, не более пяти-шести градусов мороза. Пройдя небольшой сквер перед вокзалом, я очутил-

ся на остановке автобусов и троллейбусов. Разглядывая от нечего делать все, на что натыкались глаза, я очень удивился, прочитав на «лбу» одного довольно потрепанного автобуса – «Вокзал-Черемушки». Здесь, в Красноярске – тоже Черемушки! И до того меня разобрало глупое любопытство – посмотреть эти сибирские Черемушки, что не успел опомниться, как уже оказался в автобусе. Тронулись, проехали недалеко от вокзала, со спокойно дымящимися (или это пар?) громадными трубами и равномерным гулом; потом – обычные здания, и жилые, и учрежденческие. Проехав довольно долго, я заметил впереди слева огромное солидное здание, с колоннами, с мраморными ступеньками. Вокруг было просторно, солидно, чисто. Крайком, горком, а может быть, дворец культуры? Еще дальше виднелась ширь могучей реки. На какой реке стоит интересно, Красноярск? Енисей, кажется, – мать-река, значит, по-нашему, по-тюркски. Эх, каких только народов не повидала ты за свой многотысячный век Мать-река могучая, сколько горя людского унесла ты молча в океан? Ты извини меня, пожалуйста, что приехал я к тебе за тридевять земель не как далекий потомок тех батыров, что некогда так любовно называли тебя – порадоваться твоей красе и поклониться тебе, – а как жалкий купчишка, чтоб продать свой товар и поскорее уехать домой, расовав по карманам засаленные и грязные деньги. Ты, пожалуйста, на этот раз сделай вид, что не заметила меня, не стыди меня, а потом – Тейри могуч и милостив – я, быть может, приеду к тебе уже тем, другим, и порадуюсь на тебя, и поклонюсь тебе, и откроюсь тебе, не стыдясь...

И что-то глубинное-глубинное, мощное всколыхнулось во мне, и защемило в груди, когда я украдкой, боясь, что увидит меня Мать-река, глядел на ее могучее тело, одетое в белую шубу – лед...

И только проехали мост, и только я увидел справа какой-то маленький базарчик, как этот жалкий и виновато притаившийся купчишка во мне мгновенно стал всемогущим повелителем – он схватил меня за шиворот и выволок из автобуса, у которого уже закрывались двери. Несколько длинных дощатых столов были почти что пусты – пять-шесть старух стояли с банками помидоров, с соленой капустой, с яблоками и с разной такой мелочью. Но мой купчишка еще в автобусе заприметил еще одну старушку – перед ней на столе лежала, вернее, стояла вязаная шапочка. Потому-то и выволок он меня так лихорадочно из автобуса. Купчишка неспеша подошел к старушкам (а вид-то у него, между прочим, был солидноватым), неуклюже прошелся туда-сюда и подошел к нужной старушке.

– Почем, мать, продаете?

– Двадцать восемь, сынок. Возьмите своей хозяйшке, обрадуйте ее, – и она взяла шапочку со стола, повертела, припушила.

«Жди – очень обрадуется Котенок, если я ей из Красноярска

за двадцать восемь рублей привезу шапочку, которую она дома рада отдать за червонец!» – мелькнула смешная мысль в голове.

Она, эта старушка, стояла чуть в сторонке от других, инстинктивно и по-своему соблюдая правила санитарии: рядом с продуктами нельзя ведь торговать шапочкой, от которой волосы могут попасть в капусту. И этим воспользовался наш купчишка – он, словно профессионал в своем деле, напрямую, поделовому, но «по-свойски», как человек одного с ней дела, не очень-то одобряемого властями, сказал-предложил ей:

– У меня есть товар. Если вы мне поможете найти покупателя – в долгу не останусь. Я приехал один, без женщины – продавать не могу. И отпуск кончается – домой везти неохота. Хотите – сами берите, хотите – найдите кого-нибудь. Но я вас очень прошу – помогите мне.

Удивительно доверчивы эти старухи!

– Что ты, сынок – откуда у меня деньги? Это не мои шапочки, мне их дает одна женщина, знакомая. Я продаю за сколько смогу, но не дешевле двадцати пяти, потому что двадцать четыре я должна ей дать. У меня денег таких нет, сынок.

– А эта женщина не взяла бы, далеко она живет?

– Ой, не знаю! – и вдруг, видимо, представив себе, как она поведет меня к ней, к своей знакомой, а я вместо того, чтобы оказаться с товаром, окажусь с удостоверением ОБХСС, она замахала руками.

– Нет, нет, сынок! Ведь это давно было, я и не знаю, где она сейчас живет, она уехала. А это невестка моя вяжет, после работы. Немножко. А я продаю.

Мой купчишка чуть не заплакал от досады. Не сумеет он одолеть страх этой старушки, не сумеет убедить ее в своей искренности, в том, что он не гэпзушник, как, наверное, думает она, а просто-напросто несчастный купчишка, которому позарез нужно сбыть свой товар, – все пропало! Когда-то теперь представится такая возможность. И он завертелся лисицей вокруг нее, кинулся в карманы, вытащил свой паспорт, свидетельство о рождении всех своих пятерых детей (вот истинная лиса – догадался же, на случай, коль в капкан попадет), затыкал пальцем в штампы прописки, нездешний я, мол, не гэпзушник, приезжий, несчастный, из-за детишек. И, видимо, убедил все-таки старуху.

– Я не могу без очков, сынок! – взмолилась она, не вынося моих лисьих уверток. – Я допродам немного, а ты погуляй, приходи к вечеру, часа в четыре.

– Вы здесь для себя за целый день наторгуете – самое большее – двадцать рублей. Вот возьмите эти двадцать рублей, а потом дам пять шапок на ваш выбор – только, пожалуйста, помогите, не тяните время. Я тороплюсь домой.

– Ой, сынок, зачем ты меня на грех толкаешь? Я же не знаю,

как она – возьмет аль нет. Потом отблагодаришь, а зараз не надо, убери деньги, увидют люди.

Купчишка мигом подчинился, скомкал деньги, засунул руки в карманы, но продолжал «плакать».

– Хорошо, пусть так, – тараторил он, – только сходите, пожалуйста, сейчас!

– Чума ее знает – в хате она аль нет, идтить далече, – начала она сдаваться, не выдерживая бурного натиска купчишки.

– Давайте, я возьму такси? – с готовностью предложил он и умоляюще уставился на нее невинным взглядом.

Старуха неохотно убрала шапочку в хозяйственную сумку, приговаривая:

– Ах ты боже мой, откуда эта напасть-то! – и тронулась вверх, на пригорок, в сторону бетонных пятиэтажных домов, точно таких же, каких полно и в Нальчике. Потом оглянулась на семенившего рядом купчишку и с досадой сказала:

– Тебе не надо идтить, сынок, побудь маленько здесь...

Купчишка неохотно отстал, тоскливо глядя ей вслед.

Уж сколько времени прошло – целый час или целый век? – а купчишка мой тоскливо прогуливался по грязной улице, уже двадцатый раз прокручивая перед глазами кинофильмы о своих блестящих успехах и столь же блестящих фиаско, и все это время где-то там, на заднем плане, но совершенно отчетливо, словно белоснежная гряда гор на Кавказе в ясную погоду, стояли шеренгой его дети и близкие, и ему все казалось, что они все пристально, с тревогой и надеждой следят за ним и одновременно зовут его домой. «Иди скорей домой, не надо, ничего нам не надо, только ты не уходи от нас, иди домой!»... – через тысячи верст читалось в их грустных глазах. Наконец, вдалеке он заприметил свою старуху с одной женщиной и еле сдержал себя, чтобы не кинуться им навстречу. Чуть поодаль спутница старухи остановилась, и старуха подошла к купчишке одна.

– Иди, сынок, поговори с ней сам.

Мой купчишка несколько приободрился, но полностью от зашибленности и жалкости своей избавиться не мог.

– Здравствуйте! – стараясь и голосом своим, настороженным и заискивающим, заставить ее поверить в то, что он купчишка, я не сотрудник ОБХСС в гражданских тряпках.

– Здравствуйте! Идите рядом со мной, поговорим, – сказала та повелительно, и он послушно пошел, не обращая никакого внимания ни на кочки, ни на что.

– Откуда приехали?

– С Кавказа, из Нальчика.

– Что у вас есть?

– Беретки, отвороты, платки.

– Почем дадите?

– У нас, вы, наверное, знаете, они стоят по 10–12 рублей, у вас по 25–30. Разницу – пополам. И платки так. У нас они по 25–30, у вас не знаю, честно говоря.

– Нет, столько я не смогу дать. Вот бабка помогает мне продавать – ей тоже надо 2–3 рубля дать. Тогда мне шиш только останется. Отвороты и беретки, если дадите, возьму по 15, а с платками я дела не имела, слишком они в глаза бросаются. Ну как, дадите?

– Хорошо – если возьмете все. Я тороплюсь, у меня кончается отпуск.

Она глянула на купчишку удивленно – болтай, мол, болтай, где это видано, чтобы «купец» работал, да если и числится где-то, все равно, мол, торопиться ему некуда.

– Я, наверное, смогу взять только полсотни – сейчас у меня денег нет.

– Наверное, найдете еще кого-нибудь, – начал подлизываться купчишка.

– Попытаюсь, но твердо обещать не могу. Кто знает – у кого какое положение? Да и в последнее время дела не очень-то идут. Товару много стало, да и милиция ходу не дает. Где у вас товар?

– На вокзале.

– Давайте так сделаем – сейчас поедем к одной моей подруге, если она дома, я постараюсь уговорить и ее. Если она тоже штук 50 возьмет – это уже хорошо. У вас сколько?

– Сто, и платков тридцать.

– Посмотрим, лишь бы ее дома застать. Она сейчас работает – на пенсию ей скоро. Но ничего, если не найдем – заедем вечером, после работы.

– Хорошо, – ответил купчишка, стремясь сдержать рвавшуюся на волю радость свою.

И они вернулись назад, прошли мимо базарчика, сели в автобус и поехали на левую сторону Енисея, где, видимо, и располагалась главная часть города. Ехали, ехали и приехали. Опять эти вездесущие пятиэтажки из бетона, «ул. Московская» успел прочитать наш купчишка, а я приятно удивился столь настойчивому стремлению Красноярска хоть чем-то быть похожим на Москву, сблизиться с ней, с этой легендарной матерью-городом.

Нинка, подруга Ольги, а знакомую нашего купчишки звали так, в автобусе познакомились, оказалась дома, – везет же! Отгулы, оказывается, получила, в теплице работала, в подсобном хозяйстве какого-то крупного предприятия. Нинка заметалась, закрутилась – денег немного, что было, в кассу положила только на днях, «делом» заниматься сейчас времени много нет, гоним два-три надо «повкалывать», на пенсию заработать.

– Ну что ты заладила «касса» да «касса»! – сказала Ольга. –

Подумаешь – неудобно! Неудобно штаны через голову надевать, а деньги свои с кассы взять – что тут неудобного?

– Ох ты, Ольга, – как будто не знаешь! Эти бабы, что с кассы, сразу догадаются, что я для «дела» беру – чем черт не шутит?

– Фу ты, испугалась чего? Давай, давай, – надо же выручать товарища, с Кавказа ведь приехал. Что ж теперь ему – товар обратно везти, что ли?

Наш купчишка до того был растроган заботами Ольги о его бедах, что готов был ее расцеловать, тем более она была – это он увидел сейчас – ничего, довольно таки молодой и приятной.

– Вы уж решитесь, помогите и мне, и сами без «работы» не будете – вы же говорите, что у вас товар кончается, – вмешался наш купчишка, чуть ли не по профессиональному рассуждая о «работе», да о «деле».

– Ох, Ольга, в польмя ты заставишь броситься человека! – воскликнула наконец Нинка. – Ладно, вы посидите здесь, а я сбегаю. Сколько же мне взять? Может, и платки взять? По сколько дадите?

– Я не знаю, – примирительно ответил купчишка, – у нас они стоят 25–30, вы по сколько можете взять?

– Батюшки! Дороговаты. Почем их продают у нас, Оля?

– Не знаю, Нинка. Ты же знаешь – я ими не занимаюсь. Думаю, по 35–40, больше не дадут.

– Нет, не хочу рисковать! – вдруг отрезала Нинка. – Посидите я сейчас, это недолго.

Через полчаса Нинка вернулась, и они все втроем поехали на вокзал за товаром. На вокзале нашего купчишку вдруг охватил страх, он весь как-то аж оледенел: при входе в зал автоматических камер хранения стояли двое милиционеров и беседовали с одной женщиной в синем халате, видимо, дежурной. Но, шельма, все-таки умел владеть собой – и не глядя на милиционеров, словно они ему по фигу, прошел куда надо, вытащил из одной камеры чемодан, из другой – большую дорожную сумку. Сумку взяла Ольга, и они, как и другие, снующие туда-сюда пассажиры, выбрались спокойно на улицу. Здесь сели в такси и – ищи свищи их!

Товар завезли к Нинке, так как она жила одна – взрослые сыновья и дочь жили отдельно – никто не мог мешать. Все разложили, рассмотрели. Товар, – хотя и виду старались не показывать, а наоборот, вроде бы даже чуть-чуть разочаровались как бы, – покупательницам понравился. Они, слегка упрекая друг друга в том, что подружка взяла больше той расцветки, а не этой, наконец, поделили все шапочки меж собой. Ольга мигом «слетала» за деньгами, и вот, когда все уже было сделано и тысяча пятьсот рублей лежали в кармане, наш купчишка говорит:

– А чемодан не возьмете?

Женщины растерялись, переглянулись – они сроду не имели «дела» с чемоданами.

– Понимаете, он большой, таскаться с ним неохота, и внимание привлекает. Он почти новенький, венгерский, за сорок покупал. Берите хоть за половину.

Нинка и Ольга, наконец, поняли, в чем дело, повертели чемодан так и сяк – и в самом деле почти новый, и Нинка взяла.

– Володьке пригодится, – сказала она.

Женщины уложили свои покупки – Нинка в чемодан, а Ольга – в огромную дорожную сумку, которую принесла с собой, когда «слетывала» за деньгами.

– Ой, девочки, а человека с дороги накормить и не догадались, – спохватилась Нинка только теперь, когда уже все дела были закончены. Наш купчишка для приличия чуть-чуть поотнекался, но с удовольствием выхлебал две чашки душистого чаю с бутербродами с маслом и вареньем из черники.

– Колбаски берите, что вы стесняетесь, – сказала Нинка, придвигая к купчишке тарелку с нарезанной колбасой.

– Извините, но мы свинину не едим, – пришел я на выручку купчишке, растерянно уставившемуся на меня, не зная, как быть – съесть аппетитную колбасу, надеясь на то, что ни Аллах, ни кто-нибудь из соплеменников авось об этом не узнают, или же отказаться.

– Ах ты, боже мой! – воскликнула Нинка. – Вот недотепа, могла догадаться – человек же с Кавказа! – и убрала со стола тарелку с колбасой.

Купчишка укоризненно глянул на меня, и тут я вспомнил притчу о том, как балкарец впервые увидел свинью. «До чего же жирная скотинка! Почему она у нас не водится?» – спросил он своего спутника. «Дурак! Это же свинья!» – ответил тот. «Конечно, разве дозволит Аллах что-либо приличное бедному горцу!» – с глубоким вздохом сказал балкарец, впервые увидевший свинью.

– Значит, вы сейчас на вокзал? – спросила Ольга после чаепития. Конечно же, наш купчишка с удовольствием укатил бы сейчас на вокзал, но не успел он и рта раскрыть, Ольге ответил я:

– Нет, мне надо поехать с вами до базара и найти эту старуху. Я ведь помешал ее торговле – надо же как-то отблагодарить, а то неудобно.

Я попрощался с Ниной, и мы с Ольгой поехали. Старушка оказалась на месте. Она долго не хотела принять у меня сверток, а там было два пуховых платка – купчишка не хотел давать второго платка, но я вырвал у него, – но потом мне все-таки удалось положить свой подарок в ее сумку. От души поблагодарив добрую старушку, я, гордый своим поступком, пошел к остановке, дождался автобуса и уехал.

С этой минуты, оставшись с одной только дорожной сумкой

в руках, я, наконец, почувствовал себя нормальным человеком-гражданином, как и все, а потому, приехав на вокзал, без всякого страха прошел к автоматическим камерам, положил сумку и чуть даже не решил сходить на радостях в кино. Но купчишка – еще ведь оставались платки – одернул меня, усадил на широченную тяжелую скамью-диван в зале ожидания и сказал: «Надо что-то придумать – не везти же платки обратно. Между прочим, если их продать, выручишь почти столько же!» Конечно, продать и платки – это было бы здорово! И даже корову можно было купить, хотя с сеном да с пастбищами было совсем худо – летом и то надо было каждый день мешок травы доставать. Смогу ли это я – без машины, без мотоцикла? На велосипеде можно, а что? Как хорошо было бы иметь свое молоко, а то ведь по 80 коп. за литр – дороговатый получается айран, а магазинное молоко, во-первых, не достать, во-вторых, слишком уж вкуса нет, а в-третьих, начнешь кипятить, глядь – а молоко-то свернулось, прокисшее было.

А как быть балкарцу без айрана? Недаром айран острологи окрестили «вооруженными силами балкарского народа».

«В гостиницу? Потом на базар? Найдем «купца»? – довольный своим «шапочным» успехом, а потому почувствовавший себя равным, спросил купчишка. «Нет, – холодно ответил я, – нельзя наглеть. – Красноярск мы уже обобрали». «Хорошо. Тогда Новосибирск? Барнаул? По пути, а?»

– Барнаул?

– А что?

– Ничего. Барнаул – так Барнаул, – поехали.

– Ты сперва это... понимаешь?

– Что?

– Денюшки-то отправь, а то чем черт не шутит, когда бог, извиняюсь, Аллах, спит, – хихикнул купчишка.

– Незачем, – сухо ответил я. – Подумаешь – хазна¹ – тысяча несчастных рублей!

Купчишка умолк, обиженный тем, что я так насмешливо отозвался о деньгах, которые не так уж легко достались ему. А я подумал – почему, действительно, не поехать мне в Барнаул? Ведь впереди еще почти две недели – успею, и когда еще представится такой случай – повидать этот сказочный Алтай? Как-никак, но ведь почти все ученые «вытаскивают» нас, всех тюрков, из недр Алтая, Золотого Алтая, как ласково поется в «Маадай къара»². Грех быть рядышком и не увидеть своими глазами Золотой Алтай, легендарную прародину своих предков, тем более и у купчишки моего «дело» еще не окончено – формальная причина есть.

¹ Хазна – богатство, казна.

² «Маадай къара» – одно из сказаний героического эпоса Алтая.

Долго не думая, купил билет до Новосибирска – так легче, а так как еще было время, сходил в парикмахерскую, побывал в краеведческом музее, увидел «живого» мамонта. Потом зашел в кафе, перекусил и вернулся к «себе», на вокзал.

А через полчаса – будь здоров, Красноярск – Красный Яр, спасибо Энесай-Мяте-река! – я уже был в поезде. И вот опять я на знаменитом Новосибирском вокзале – здесь я уже третий раз, встречаюсь с ним как с хорошим знакомым. Первый раз я здесь был в 1958 году, когда меня, не по-солдатски упрямого, но лучшего курсанта роты «наказал» мой командир взвода старший лейтенант Бураншин, за год до нашего приезда в эту школу авиационных механиков лишившийся одной звездочки за пьянку. Был он в общем-то ничего – строгий, все пытался воспитывать нас испугом, но мы-то «доставались» ему лишь утром и вечером, да и в редкие часы «маршировки», а так, если не считать, что мы в армии учились в обыкновенной, хорошей технической школе, где в основном были прекрасные педагоги и специалисты, – Бураншинские бураны нас особо не пугали. После того, как я один раз побывал в «самоволке» и по глупости своей назвал дежурному офицеру, в «лапы» которого мы случайно попались, кто я, да из какой роты, вместо того, чтобы «сбрехнуть» как другие ребята, с которыми я часа два побыл с девушками из ФЗУ у нашего забора, Бураншин невзлюбил меня. Невзлюбил именно за то, что я не выкрутился, что-нибудь «сбрехнув», а по-дурацки назвал и себя, и роту, и взвод.

«Я тебе покажу, понимаете ли, как в самоволку ходить!» – весь год грозился он, и по окончании школы не преминул исполнить своей угрозы – в числе небольшой группы выпускников нашей школы в Башкирии я был отправлен на самый краешек нашей земли – на Курильские острова. И вот тогда-то, проездом, впервые я увидел этот громадный Новосибирский вокзал. А на обратном пути, после демобилизации, меня до Новосибирска взял «попутно» наш, военный самолет, и мне пришлось побыть здесь, на этом вокзале, целых несколько часов. Он стоял такой же громадный и нарядный, словно не прошло с тех пор почти двадцать лет.

Поезд на Барнаул отходил почти в полночь, времени было навалом. Я вышел к тыловой, городской стороне. Ну да, вспомнил – если подходить к вокзалу отсюда, с тыла, он кажется чуть-чуть «закопанным» в землю, но не сразу, между зданием и площадью «наверху» пространство – канал. Здесь снуют машины, и пассажиры, и служащие. Еще немного побродив по вокзалу, я купил билет на Барнаул и вышел в город. В одном месте наткнулся на кинотеатр, зашел, убил полтора часа на какую-то пустую картину и вернулся к теплу вокзала. Накупил газет и журналов и стал коротать время...

В полночь, изнуренный бездельем и раздумьями о своем житье-бытье, о подлеме Темиржанове – даже сюда, гад, приперся за мной! – я сел в поезд, взял постель и проспал почти до Барнаула.

Не прошло и часа, как я проснулся, и мы уже приехали в Барнаул. Было так же холодно, как в Новосибирске, но небо было уже ясным, светило солнышко и даже пытался таять снег. После новосибирской громадины барнаульский вокзал казался таким же маленьким, как и наш, нальчикский. Я вышел к привокзальной площади и, пройдя на ту сторону, над каким-то сарайчиком прочитал – «Барнаульский автовокзал» Ничего себе – Алтайский край и на тебе – автовокзал в сарайчике! Почему, интересно, так? У нас ведь даже в райцентрах есть вокзалы по лучше – в Баксане, например.

Я спросил гостиницу. Она оказалась совсем рядом, тоже напротив вокзала, но на той стороне. Гостиница «Барнаул» оказалась первоклассной, шикарной, стекляннно-мраморной, но холодной и неприветливой – мест не было, шло какое-то краевое совещание и, как всегда бывает в таких случаях, все приличные гостиницы города, наверное, заполнены «прозаседавшимися», как сказал поэт. Я вышел на улицу и услышал какую-то траурно-военную мелодию, вокруг вроде бы ничего-никого, откуда она, словно из-под земли? Я пошел по направлению, откуда слышалась эта мелодия, и пришел к полувырытому кургану, где был устроен мемориал-памятник и горел вечный огонь. Вся полукруглая высокая стена была заполнена мраморными плитами, где золотом были выбиты имена героев, павших за нашу землю на прошлой войне, в смертной схватке с фашизмом. Кто знает, быть может, кто-то из них воевал вместе с моим старшим братом в горячие июльские дни сорок первого где-то у Смоленска, откуда мама получила его последнее письмо. Лежат они, сотни, тысячи, миллионы батыров вдали от родной земли, а вроде бы они здесь, дома – горит огонь их души, греет нас, дает нам жизнь, но в то же время закликает нас всегда помнить Родину, всегда ее любить и не давать ее никому в обиду...

Совсем недалеко я нашел небольшую гостиницу «Алтай» – приземистое старинное здание из красного кирпича и еле-еле там устроился. Было еще рано, и я вышел в город. Прогуливаясь, оказался на главной улице города – на Ленинском проспекте. Шел, шел, улица пошла вниз и я оказался почти в захолустье, но народу – полно. «Значит, поблизости базар, наверное!» – радостно воскликнул мой купчишка. И действительно – базар оказался рядом. Мы с моим купчишкой прошли по базару, заходили даже в крытые каменно-холодные павильоны, но нигде не увидели никого, кто бы продавал что-нибудь вязаное.

Ругая купчишку, что он затащил меня черт знает куда, я выбрался на узкую прибазарную улочку. «Смотри!» – крикнул неожиданно мой купчишка. Посмотрел туда, куда он вытаращил глаза, и прочитал: «Комиссионный магазин», зашел за заскочившим туда своим дружкой и... увидел балкарские вязаные шапочки и пуховые платки-«паутинки»! Ну и нюх у моего купчишки – прямо как у собаки!

Я подошел к отделу, где продавались вязаные вещи и, словно ударило молнией, застыл на месте – о, Великий Аллах, почему ты столько труда и старания тратишь на одно-единственное только создание, в то время как многих штампуешь абы как, как обувщики с нашей нальчикской фабрики, что выпускают туфли, больше похожие не на туфли, а на ослиные головы? Передо мной стояла девушка неземной красоты. В ней соединилось все лучшее, все красивое, что есть, наверное, на нашей планете: большие голубые славянские глаза, чуть с горбинкой римский носик, еле заметная азиатская раскосость, скромность кавказской невесты, африканская открытость души, английская утонченность воспитания, японская деловитость и доброта все народов и племен. Заглянувшие сюда с базара деревенские бабы и городские дамы примеряли беретки, шапочки-отвороты, просили показать платки, не все вели себя как следовало бы, не все обращались с вещами уважительно, кто испытывал вещи на растяжку, словно они были связаны не из шерсти, а из проволоки, – словом, обычный магазинчик возле базара. А она, эта богиня красоты и добра, улыбалась, освещая все вокруг, старательно укладывала небрежно брошенные несостоявшимися покупателями платки, слегка встряхивая, возвращала привлекательность смятым шапочкам и береткам, и совершенно было ясно – чем больше она отдавала людям, вещам тепла и радушия, тем красивей и возвышенной становилась сама. Наверное, к ней самим Аллахом был приставлен специальный посланник-ангел, который взамен каждого потраченного ею грамма добра, красоты, благородства и разных других небесных драгоценностей тут же возмещал все это в двойном размере. Иначе как она могла изо дня в день оставаться такой вот красивой красотою, облагораживающимся благородством, теплеющим теплом, человекеющим человеком?

«Она – человек! Она поможет!» – воскликнул мой купчишка и, оставив меня торчать на месте, ринулся к ней. Я видел, как он, улучив момент, обратился к ней:

– Девушка! У меня есть платки – вы не могли бы их взять?

– Вы хотите их сдать? – спросила она.

– Да, – с готовностью ответил купчишка.

– Подождите минутку, я позову старшую продавщицу, – она скрылась за дверью, и в магазине стало тускло, сразу бросилась в глаза грязь, занесенная с улицы, померкли, стали невыразительными краски шапочек, какая-то желтизна покрыла только что белоснежные, пушистые платки.

Минут через пять она вышла, и все вновь стало прежним – в магазине стало светло и уютно, шапочки приобрели свои прежние краски и тона, вновь засверкали белизной пуховые платки, пушистые, как первый снег.

Какая-то женщина увела моего купчишку с его сумкой внутрь магазина, а я остался здесь, облучаясь красотой и человечностью. Сколько времени там был мой приятель – не знаю, но для меня это был только миг.

«Все – можем гулять, товарищ Мисиров!» – радостно гаркнул мне мой купчишка. Но я не мог вот так, взять и уйти, не услышав еще раз ее голоса.

– Скажите, – спросил я ее, – насколько быстро могут продаться мои платки?

– Это ведь от меня не зависит! – улыбнувшись тупости моего вопроса, ответила она.

– Не говорите! – подлизнулся к ней мой купчишка. – Разложите их так, чтобы в глаза покупателям бросались, глядишь – и дела пойдут побыстрее!

– Я постараюсь, – улыбнувшись, ответила она. – Зайдите дня через три – посмотрим. У вас платки хорошие – должны пойти.

Я не хотел уходить, если бы было можно, торчал бы, наверное, здесь день и ночь, но мой дружок купчишка почти насильно выволок меня на улицу.

Пришлось на три дня стать туристом – я был и в Горно-Алтайском, и в Бердске, и в Алейске – словом, увидел Алтай. Ничего не скажешь – красота, простор. Особенно хороши большие поляны на склонах невысоких гор, покрытых очень часто березовым лесом. Проезжаешь мимо и кажется – весь этот часток белых березовых стволов не просто лес, а что-то искусственное, декоративное: остановись автобус, сойди, и можешь послушать даже хрустальный перезвон... Конечно, осенью, наверное, весь Алтай в золоте, потому – и Золотой Алтай. А скорее всего, и не поэтому – ведь у нас, у тюрков, да как и других народов, эпитет «золотой» употребляется и в ином смысле – в смысле дорогой, бесценный, любимый...

Вдоволь поездив, побродив по Барнаулу, через три дня я пришел в комиссионку.

– Здравствуйте! – подошел я к богине. – Ну, как наши дела? – тут же спросил купчишка.

– По-моему – хорошо! Здравствуйте! – ответила нам обоим вместе богиня. – Уже около половины продали. Идут хорошо – дня через три-четыре закончим, наверное. За проданные можете получить деньги.

– Ничего, – ляпнул я, – получу потом. Через три дня, продадутся-не продадутся, мне все равно надо ехать, отпуск кончается. Тогда и возьму, – видимо хоть этим маленьким пренебрежением к деньгам я хотел ей сказать, что грешно нормальному человеку думать о такой чепухе, когда она, вся краса вселенной, стоит перед ним. «Дурак!» – воскликнул купчишка.

– Лучше заберите сегодня, что есть, а то вдруг столько денег не окажется в тот час, когда вам понадобится, – посоветовала она. Купчишка поволок меня к кассе, там женщина отыскала двенадцать моих карточек и целый мешок денег – триста с лишним рублей – вложила в жадные руки моего приятеля.

В тот же вечер я сходил в агентство «Аэрофлота», которое располагалось в центре города, чуть свернув с Ленинского проспекта, купил билеты на четвертый день. Сперва рано утром надо будет добраться до барнаульского аэропорта, оттуда маленький самолет местной авиалинии довезет нас, летящих в Минводы, до Новосибирского аэропорта, а там на «ТУ» и – домой! В эти оставшиеся дни мой купчишка замучил меня, таская по магазинам. Накупил всего – какой-то японский трикотаж для Котенка и Индиры, электрический сапог-обогреватель для матери, парчу для сестры, целую кучу всякого детского барахла, водолазки для Хызыра и черт его знает еще что. Он даже упрекнул, что из-за моего глупого каприза – уже из-за моего! – мы остались без чемодана.

И вот – завтра нам улетать, и мы с моим купчишкой опять идем в комиссионку. Пока я вновь стоял, как истукан, вытаращив глаза на богиню, мой купчишка мигом обделал все свои дела – взял из кассы всю выручку, что-то свыше пятисот рублей, забрал оставшиеся непроданными три платка и тихо так шепчет-кричит мне: «Бежим, Мисиров, – все о`кей!» А я не могу не только бежать, но просто и сдвинуться с места. Ужель больше никогда в жизни я не увижу ее, вот эту богиню? Разве можно так – ее, способную согреть, ободрить и очистить, воодушевить тысячи и тысячи отчаявшихся смертных своей небесной красотой, запереть где-то здесь, в захоластном магазинчике и никому не показывать? Монна Лиза по сравнению с ней, со своей средневековой нелеповатой улыбкой, просто пастушка деревенская, честное слово!

Нет, нельзя вот так, жадно прихватить деньги, почти что подаренные ею, убежать, не отблагодарив хоть как-нибудь. Я вырвал из рук растерявшегося купчишки один пуховый платок, завернул его в газету и несмело подошел к ней.

– Девушка, – сказал я, и, когда она посмотрела на меня, умоляюще зашептал: – Ради бога, возьмите этот маленький подарок... Вы столько сделали для меня...

– Ну что вы! – ангельски запротестовала она, – нельзя! Я продавец, я продавала – и все! Спасибо скажите ей, что вязала такие чудесные платки.

– Я вас очень прошу! Матери своей подарите, не откажитесь, пожалуйста!

– Не, не, не! Нельзя, честное слово. – Нельзя! Вы что – я ведь комсомолка!

О, Великий Аллах, объясни мне – при чем тут комсомол?! А?! Какая глупость и тупость с моей стороны – она ведь принимает это за что-то вроде взятки, пошлой дани за услугу! О, Великий Аллах, помоги же уверить ее в том, что это ни взяткой, ни данью не пахнет, аль твоя официальная власть всемогущего не простирается до сюда, до Алтая?

– Поймите – здесь ничего плохого нет. Я ведь никогда, наверное, больше сюда не приеду, с вами не встречусь. Это – просто подарок – от души, вместе с большим спасибо!

– Не, не, не! Нельзя! Пожалуйста, не надо, люди смотрят. Приезжайте еще, привозите, мы будем рады!

И, поблагодарив еще раз богиню в образе комсомолки-продащицы, я поплелся к выходу.

Утром рано-рано, ни свет ни заря, я побежал к агентству «Аэрофлота», откуда должен был идти автобус до аэропорта. И только теперь, один-одинешенек на пустынной улице – улице Барнаула, за тысячи километров от дома, я подумал о том, что зря не послушался своего друга-купчишку и не отправил деньги домой, напади сейчас на меня куча хулиганов и весь мой вояж закончится плачевно! Утешало одно – здесь место видное, рядом шикарная гостиница, кинотеатр, универмаг и здания солидных общественных организаций, и навряд ли хулиганы будут здесь промышлять. А когда издали, еще с проспекта, увидел возле агентства кучку людей, стало даже немного стыдно за минутную трусость...

Автобус повез нас довольно далеко за город, мы сели в маленький винтовой самолет и через час были в Новосибирске. И вот уже «ТУ-134» над сибирской ширью. Снега, черные массивы лесов, ледяные зеркала озер, игрушечные поезда, станции – и облака, облака, то закрывающие все пеленой, то вновь мило-стиво отходящие во все стороны.

Вот долетаем и до Минвод – внизу аккуратненькие зеленые, черные квадратики знаменитых ставропольских полей, красно-белая россыпь черепично-шиферных крыш станиц, автомагистралей с шустрými машинами-жучками.

И вот – разве это не чудо – я, еще утром опасливо пробиравшийся по улицам Барнаула, уже еду на такси по залитой солнцем и весной родной Хасанье. И я вхожу в свой дом, в родной свой дом, после целой, нелегкой жизни, проведенной вдали, вот и мать встает, роняя на пол все, что было у нее на подоле, и Котенок застряла у приоткрытой двери, и Марьямка растерянно остановилась, все еще не узнавая меня. Боже мой – до чего же приятно быть дома, просто быть дома...

6. «Выжимавшие воду из камня»

В октябре 1961 года состоялся XXII съезд КПСС, прозванный съездом строителей коммунизма. Предполагалось, что в течение ближайших 20 лет в СССР будет завершено строительство материально-технической базы коммунизма. А за это время, разумеется, партия тоже, наверное, должна была завершить воспитание советских людей с тем, чтобы страна сразу же, без всяких оглядок на какие-то недоделки, переступила порог коммунизма. И тогда советский народ первым на земле заживет истинно по-райски: каждому – по потребностям, от каждого – по способностям! «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» – громогласно, на весь мир объявил Н. С. Хрущев.

Как обычно и бывает в таких случаях в государствах с тоталитарным режимом (Гитлеровская Германия, СССР, Северная Корея, Китай в период маоизма, Камбоджа во время Пол Пота и т. д.), народ страны охватил небывалый подъем трудового энтузиазма, пожелавшего непременно выполнить «грандиозные планы, начертанные партией». Вскоре зародилось так называемое «движение за коммунистический труд». Людям, бригадам и целым предприятиям присваивались звания «Ударник коммунистического труда», «Бригада коммунистического труда», «Коллектив коммунистического труда», учреждались вымпелы, красные знамена – от райкомовских до Красного знамени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС.

Через три года, в октябре 1964 года, Суловско-Брежневская группировка в ЦК партии сместила Хрущева, но строительство коммунизма продолжалось как ни в чем не бывало. И во время правления Суловско-Брежневской группировки, названного журналистами и историками временем застоя, громче, чем когда-либо звучали парадно-победные фанфары, раздавались звания, премии, ордена и медали. И если кремлевским небожителям, и в особенности «дорогому Леониду Ильичу», эти звания, премии, ордена и медали доставались без особого труда, то простым рабочим и колхозникам они, конечно же, давались нелегко: ведь они действительно трудились, как говорится, до седьмого пота, строили коммунизм... Среди балкарцев звания «Герой Социалистического труда» удостоились чабан из селения Безенги Салих Аттоев, проходчик из г. Тырныауза Шарифутдин Муллаев, доярка из селения Белая Речка Шамкыз Чигирова и доярка из селения Яникой Фазийка Уммаева.

Высоких правительственных наград удостоились также чабан из Верхней Балкарии Абдулла Жангоразов, вязальщица комбината «Дружба» Шерифа Шунгарова, рабочий завода «Севкавзлектроприбор» Салих Кумыков, строитель из Нальчи-

ка Исмаил Хочуев и многие другие. На примере нескольких из них убедимся в том, что эти люди, а также тысячи и тысячи других рабочих и колхозников, имена которых просто и перечислить невозможно, действительно работали героически, несмотря ни на что.

Что и говорить, Салих Аттоев, как и многие горские мальчишки, еще с детских лет вместе со взрослыми пас овец и учился чабанскому мастерству. А потому ничего удивительного нет в том, что он уже в 15 лет возглавил чабанский кош в колхозе «Новая жизнь» Иссык-Кульского района Киргизии. Целых 10 лет чабанил он в Средней Азии, и все эти годы его бригада была одной из лучших в колхозе и районе, чему свидетельствуют полученные им тогда Почетные грамоты – обычные для того времени «ордена» для спецпереселенцев.

После возвращения на родину и до конца своей жизни он работал старшим чабаном в колхозе. Сегодня на базе колхоза создано племенное овцеводческое хозяйство, которое носит имя Салиха Аттоева.

Сорок с лишним лет работал человек чабаном! И если бы даже он ничего не делал, а просто жил бы в коше с чабанами – и то уже героизм. А он все эти годы работал – пас овец, и в ненастье, и в жару, во время окота не спал многие ночи, спасая ягнят от холодной смерти (какие у нас кошары – все знают), заготавливал корма для овец, заботился о своих товарищах по кошу – мало ли что в жизни бывает. Работал хорошо, упорно, увлекая за собой многих. Потому и получали в его коше всегда более 120 ягнят со 100 овцематок и настригали шерсти по 3–4 килограмма.

Салих Аттоев не был чабаном-роботом, который всю свою жизнь отдавал только работе. Он был обыкновенным нормальным человеком. Честным, трудолюбивым, любил друзей и товарищей, детей своих любил, заботился о них, об их образовании. Да и сам учился. Он заочно закончил сельхозфакультет Кабардино-Балкарского госуниверситета.

У Салиха было много друзей. Кайсын Кулиев был одним из них. Они, депутаты Верховного Совета СССР, часто бывали вместе не только в Нальчике, но и в Москве. Их сближало многое, но, наверное, больше всего то, что они оба были добры душой и большие труженики. И большой Поэт Балкарии посвятил большому ее Труженику эти свои строки

Тебя, мой друг,
Уважали мы все.
Мы вместе с тобою
Сидели в Кремле.
По Красной площади
Мы с тобою ходили,
И за счастливую жизнь
Мы судьбу благодарили

Салих, в честь тебя
эти строки слагаю.
Ведь ты всегда справедлив –
и это я знаю.
Кто землю пашет, пасет стада
Поистине мои друзья
И такие, как ты,
И есть слава земли.

(Подстр. пер. М. К.)

Конечно же, поэт прав – такие добрые люди, такие великие труженики, как Салих Аттоев, поистине являются солью земли и ее славой.

Судьба другого знатного чабана Балкарии – Абдуллы Жангоразова схожа с судьбой Салиха Аттоева с той лишь разницей, что Абдулла в изгнании жил в шахтерском городке Кызыл-Кия Киргизской ССР, а потому и работать ему пришлось шахтером. Тоже более 10 лет работал крепильщиком, проходчиком, мастером на угольной шахте Абдулла. А после возвращения на родину, как и Салих, занялся более естественным для горца делом – стал пасти овец, к чему был приучен отцом еще с детства. И тоже более 30 лет работал старшим чабаном в своем родном колхозе «Советская Балкария», что располагался в селении Верхняя Балкария. И тоже кош Жангоразова, как и кош Салиха Аттоева, являлся одним из лучших в районе. Бывали годы, когда Жангоразов и его товарищи добивались даже лучших результатов, чем Салих и его напарники.

Но Абдулла никак не мог стать Героем Социалистического труда – он был одного рода с Ахья-хаджи Жангуразовым, которого Советская власть своими оскорблениями и глупыми угрозами все-таки довела до того, что он вынужден был стать «бандитом» – то есть уйти в горы, спасая свою жизнь. Но и он все-таки был награжден – орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Абдулла и его супруга Халимат вырастили хороших детей, которые сумели получить высшее образование. Их старший сын Борис в одно время был главой администрации села, в настоящее время – директор школы, уважаемый в селе человек. Стареется не уронить честь семьи и рода.

Ничем особо не отличается жизнь и судьба Героя Социалистического труда, делегата 25-го съезда КПСС, депутата Верховного Совета СССР, а ныне пенсионера Шарафутдина Муллаева от жизни и судьбы уже известных по ударному труду Салиха Аттоева и Абдуллы Жангоразова. Разве только тем, скажем, что Абдулла Жангоразов долгие годы работал шахтером в Киргизии, а Шарафутдин Муллаев – в Кабардино-Балкарии. За свой ударный труд в шахтах Киргизии Абдулла по-

лучал Почетные грамоты, а Шарафутдин – ордена и высокие звания. Почему – тоже понятно: балкарцев-«изменников» особо поощрять не полагалось, а после реабилитации – можно было. Если, конечно, работали очень хорошо.

А Шарафутдин был из тех, кто работал очень хорошо. А потому уже через год-два был бригадиром проходчиков рудника «Молибден» Тырнаузского горнообогатительного комбината. В 1966 году он удостоился своей первой награды – медали «За доблестный труд». Вскоре на комбинате все привыкли к тому, что бригада проходчиков Шарафутдина Муллаева неизменно занимает первое место, часто перевыполняя сменное задание в полтора-два раза. И никто, конечно, не удивился, когда в 1971 году Шарафутдину Якубовичу Муллаеву было присвоено высокое звание Героя Социалистического труда – ведь его бригада установила в тот год рекорд страны в скоростной пролке.

Заслуженный шахтер СССР Шарафутдин Муллаев сейчас на пенсии, но вместо него на тропу честной трудовой жизни вступили четверо его детей, сумевшие получить высшее образование. Тамара – врач, Далхат – агроном, Ахмат – инженер-строитель, Махмут – экономист.

Вязальщица Нальчикского трикотажного комбината «Дружба» Александра Николаевна Шунгарова, награжденная орденами Ленина, Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», избравшаяся депутатом Верховного Совета СССР, росла в детдоме. Во время войны детдом эвакуировали, и она оказалась на Урале, а ее младший братишка – Сахадин – в Дагестане.

Нашли друг друга и вернулись на Кавказ они только в 1959 году. И стали работать, Шерифа (хотя в документах она и осталась Александрой Николаевной), но на самом-то деле она была Шерифой Иналуковной) на комбинате «Дружба» вязальщицей, Сахадин – на станкостроительном заводе слесарем. И более 20 лет проработали они в этих предприятиях. Работали одинаково усердно, достигнув в своем деле высокого мастерства. Но природные качества – честность и порядочность, неприятие лжи и обмана, нежелание потакать капризам чинуш – в одинаковой степени присущие брату и сестре, по-разному повлияли на их судьбы.

Слесарь-строгальщик высокого класса, постоянно выполнявший и перевыполнявший нормы, все время был для руководителей завода персоной «нон грата» – нежелательной личностью.

А Шерифа, быстро овладевшая секретами мастерства и ставшая первой многостаночницей в республике, стала гордостью комбината, удостоилась высоких правительственных наград, избиралась депутатом и Нальчикского городского Совета и Верховного Совета СССР. Словом – не была обделена ни славой, ни уважением в коллективе...

Заслуженный строитель республики Исмаил Магометович Хочуев тоже, как и все подростки после войны, начал работать очень рано. Ему не было еще и шестнадцати лет, когда он уже

был шахтером. У многих переселенцев не было документов, и потому подростков брали на работу, если они говорили, что им уже исполнилось 16 лет, хотя им было гораздо меньше. И все годы ссылки он, день в день, проработал в угольных шахтах города Кызыл-Кия, что в Киргизии. Работал крепильщиком, проходчиком, навалоотбойщиком – словом, на всех основных участках шахты. Работал он, как и потом всю жизнь, честно и добросовестно, выполняя порученное дело со всей тщательностью. Как он сам любит говорить – чтоб потом не доделывать.

Работавшие вместе с ним киргизы и русские, и даже не так усердно как он, получали почетные звания и ордена, а он, Исмаил Хочуев, как и другие спецпереселенцы – Почетные грамоты. Их у Исмаила – целая папка.

После приезда на Кавказ Исмаил стал работать плотником в СУ-2 треста «Каббалкпромстрой» и работал здесь вплоть до ухода на пенсию. Большую часть времени – бригадиром. В последние десять лет вместе с отцом работали и четверо его сыновей – Исхак, Борис, Алия и Элияс.

Жизнь была не такой уж и легкой, как это говорилось с высоких трибун, поэтому не только самому Исмаилу, но и его сыновьям не удалось продолжить свое образование после окончания школы. Но в связи с этим ни сам Исмаил, ни его сыновья особо не сокрушаются, так как, что ни говори, но роптать на судьбу особого повода нет. Живут небедно, растят детей. Потому что, как и сам Исмаил, его сыновья тоже настоящие труженики, мастера высокого класса – строители-отделочники.

Да и жизнь вообще, как и самого Исмаила, так и его сыновей сложилась, учитывая не такое уж благосклонное время, что пришлось на их жизнь, вполне нормально. Семья Хочуевых – самая что ни на есть интернациональная семья. Балкарец Исмаил Хочуев женился на русской девушке Ольге в гор. Кызыл-Кия. Они вырастили четверых сыновей и женили их. У Исхака жена – тоже русская девушка, Галя, у Бориса – кабардинка, Фатима; у Алия и Элияса – балкарки, Фаризат и Светлана.

У Исмаила и Ольги семеро внуков, пятеро джигитов и двое девочек. А с 2002 года Исмаил уже прадедушка – у старшего внука Магомета (он сын Бориса) родился сын, которого назвали Эльдаром.

Сейчас, как известно, пошла мода на высшее образование. Очень хорошая, между прочим, мода. Хочуевы теперь решили от моды времени не отставать – все молодые Хочуевы так и норовят поступить в университет. И пока что им это удается. Магомет, сын Бориса, закончил юридический факультет КБГУ, Марат, сын Элибек, тоже учится на юриста, а Олеся, дочь Алия – студентка химико-биологического факультета.

Так складывается судьба честного, трудолюбивого челове-

ка, судьба его детей и внуков. Было бы хорошо, если б это поняли все молодые люди Балкарии и Карачая, всей страны.

О людях, не боящихся трудностей, умеющих хорошо и умело работать, у нас говорят, что такие люди и «воду из камня выжмут». И слава богу, что среди нашего народа и сегодня много таких людей, способных, «выжимать воду из камня» – способных, несмотря ни на что, взяться за дело и довести его до конца. Чтоб самим жить хорошо и народу была польза.

Из истории братского карачаевского народа

7. Суловщина и Карачай

Михаил Сулов, этот кремлевский кардинал Ришелье после войны и вплоть до своей смерти в 1982 году, был главным виновником трагедии карачаевского народа – его изгнания с родных земель в 1943 году в Среднюю Азию и Казахстан, а также вдохновителем и организатором постоянной травли и оскорбления карачаевцев впоследствии, которые не прекращались вплоть до кончины главного идеолога страны. Но и после смерти Сулова «дело его» подхватили верные его ученики М. С. Горбачев и Ф. П. Бурмистров и другие руководители Ставропольского края, тоже неустанно пытавшиеся всячески опорочить доброе имя карачаевского народа. Даже и в самом конце XX века, когда Карачаево-Черкесия стала республикой и освободилась наконец от тяжелой «опеки» сильного соседа, выходцы из пропитанного «духом Сулова» Ставрополя, такие как генерал Волкодав и журналист Юндин (первый навязывался сверху КЧР на должность министра внутренних дел, а второй – руководителя КЧР телерадиокомпания) усердно нагнетали антикарачаевские настроения и в без того напряженное время перед первыми президентскими выборами в Карачаево-Черкесии в 1999 году.

Справедливости ради следует отметить, что нелюбовь Сулова к карачаевцам была не в крови, и зародилась в его душе по чисто «шкурным» интересам – в 1943 году, после изгнания фашистов. Дело было в том, что весной 1943 года, по сведениям бывшего прокурора Карачаевской области С. И. Медведева, «в крае работает комиссия в составе двух генералов и нескольких офицеров. Она расследует причины неудачного партизанского движения... Сулов, вероятно, будет арестован». М. Сулов, руководитель Орджоникидзевского (Ставропольского) края еще летом 1942 года был назначен руководителем и подполем, и партизанского движения в крае. Но, хотя впоследствии официальная советская история, которая всегда любила превозносить заслуги вождей, а если их, этих заслуг, и вовсе не было, то их охотно придумывала, представляла Михаила Сулова выдающимся руководителем партизанского движения на Северном Кав-

казе, но в самом-то деле, как и было известно тогда, во время войны, наоборот, Суслов вместо того, чтобы быть вместе с партизанами и организовывать сопротивление фашистским захватчикам, отсиживался далеко от линии фронта – в Кизляре. А потому плохо организованное партизанское движение в крае не оказывало сколь-нибудь существенного сопротивления немцам, которые без особого труда и даже без боев занимали горные перевалы в Закавказье по всему Западному Кавказу. А представителем Ставки и Государственного Комитета Оборона на Закавказском фронте, который и должен был удерживать и оборонять перевалы в то время, был сам всемогущий Лаврентий Берия. И он, конечно же, как только край был освобожден от немцев, сразу же стал выяснять причины провала партизанского движения.

И вот, когда мрачная тень всемогущего палача СССР накрыла его, что практически означало неизбежную смерть, Сулов в панике стал искать способ спасти свою шкуру, и ему ничего не оставалось делать, как свалить вину на кого-нибудь другого. Больше всего для роли козла отпущения подходили, конечно же, карачаевцы, так как именно в их горах находились и эти чертовы перевалы, и там же в основном должны были базироваться и героизировать партизаны Сулова. Сулову, разумеется, как и Кумехову в Кабардино-Балкарии, ничего не стоило сострять «документальные данные» о злодеяниях «фашистских пособников – карачаевцев»; которые якобы создавали десятки бандформирований, в которых насчитывались сотни предателей Родины. Эти банды, по данным Сулова, пленили и расстреливали сотни красноармейцев и даже бедных детей и беженцев-евреев. Короче, карачаевцы и немцы не дали Сулову как следует организовать отпор захватчикам.

Конечно, Берия прекрасно знал, что это не так, но сделал вид, что донос Сулова он принимает за чистую монету, так как он был как раз кетати – ведь продолжалась политика создания Великой Грузии, которая в будущем должна была охватить весь Кавказ. А для авантюристов, каковыми были, конечно же, и Сталин, и Берия, для достижения цели все средства хороши. А потому карачаевцы, как предатели, были изгнаны со своих земель, а Сулов, как верный пособник кремлевских палачей, переведен на работу в Москву на должность секретаря ЦК партии, став отныне официально главным идеологом страны. Таким образом, очернив карачаевский народ, Сулов не только спас свою шкуру, но и продвинулся по службе, а Сталин и Берия, сохранив жизнь одному только своему слуге, загубили десятки тысяч ни в чем не повинных людей, в том числе и героев войны, лишь для достижения своей цели – очистки присоединяемых к Грузии карачаевских земель.

Суслов, конечно же, прекрасно знал о том, что он, спасая свою шкуру, обрек целый народ на страшные бедствия, а потому, в глубине души, наверное, боясь мести, постоянно и изо всех сил продолжал шельмовать карачаевцев и даже после того, как репрессированные народы были реабилитированы и вновь была воссоздана Карачаево-Черкесская автономная область. А сперва, когда после XX съезда КПСС и разоблачения культа личности Сталина, в Москву стали приезжать посланцы карачаевского народа с целью добиться разрешения на возвращение на родину, на Кавказ, Суслов всячески старался не допустить этого. Он открыто, без обиняков заявил тогда представителям карачаевцев по телефону, даже не приняв их: «Не питайте иллюзий. Карачаевцам никогда не позволят вернуться на Кавказ».

Но, видно, Н. С. Хрущев хорошо понимал, что для упрочения своего личного авторитета и власти следует все-таки сделать кое-какие и реальные шаги к реабилитации репрессированных народов, не ограничившись лишь словесным осуждением их депортации, а потому автономия карачаевского народа, как и балкарского, была восстановлена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 января 1957 года. Пойти тогда против Хрущева, знаменосца демократических преобразований, Суслов, конечно же, не мог.

Кстати, этот Указ высшего органа государственной власти страны руководители и области, и края до сведения ни населения, ни тем более карачаевцев так и не довели, его текст впервые был опубликован лишь в 1990 году на собрании общественной организации карачаевского народа «Джамагат».

Как известно, в 1964 году, озлобленные и напуганные нововведениями, старые «сталинские» кадры партии скучковались и сумели сместить Н. С. Хрущева с поста лидера партии и страны, обвинив его в «волюнтаризме», в этой разновидности культа личности. К этому времени набрал силу и Михаил Суслов, и именно он, кремлевский серый кардинал, и делал обвинительный доклад на срочно созванном Октябрьском пленуме ЦК КПСС, где Хрущев и был официально смещен с должности Первого секретаря ЦК КПСС. И с этих пор, хотя первым лицом партии и государства официально был Леонид Ильич Брежнев, стратегическим руководителем и партии, и страны фактически являлся Суслов. В то время, когда Брежнев всецело был занят самолюбованием, радовался маршальскому званию, орденам и подаркам, которыми осыпали его обитатели «Стардома», как окрестили в то время в народе Кремль, Михаил Суслов и его окруженцы потихоньку возвращали страну в старое русло, началась кампания по очистке имени Сталина, его реабилитация, которого Хрущев в пылу борьбы с негодяем Берия якобы чересчур уж облил грязью. Реальная реабилитация репрессированных народов была не только заморожена, а даже вновь нача-

лось их шельмование. Под особым контролем Суслова, конечно же, была бывшая его вотчина, Ставропольский край, куда входила и Карачаево-Черкесская автономная область, где и жили карачаевцы, так им нелюбимые только за то, что они были жертвами его грязной авантюры с целью спасти свою жизнь.

Откровенное недоверие как к бывшим предателям Родины, которых добренький Хрущев слишком поспешно простил, неприкрытое стремление всячески унижить и оскорбить национальное чувство карачаевского народа, кричать на весь мир даже о незначительных преступлениях, совершаемых карачаевцами – вот обычные способы шельмования народа. О политическом хамстве высшей власти, не признающей карачаевцев, ведущего коренного народа области, способными самим организовать вместе с другими народами управление областью, красноречиво говорит и тот факт, что только с 1974-го по 1990 год из Ставрополя в Карачаево-Черкесскую автономную область, руководить тамошними неумехами надо понимать, были направлены секретарями обкома и райкомов, заведующими отделами и инструкторами около 50 человек, столько же крупных советских и хозяйственных руководителей. Даже в центральной прессе отмечалось, что «все годы после возвращения карачаевцев из ссылки, но в особенности начиная с 1964 года (год смещения Хрущева), в области велась откровенная их травля». Бывший прокурор КЧАО, а впоследствии заместитель прокурора РФ вспоминал так о царившем тогда в области антикарачаевском духе: «Помню одну из первых бесед с бывшим первым секретарем Карачаево-Черкесского обкома партии Ф. П. Бурмистровым в 1972 г. при назначении на новую для меня должность, и его предостережение о необходимости наиболее внимательно относиться к делам при совершении преступлений карачаевцами, о существовании среди них круговой поруки. По работе в Прокуратуре Ставропольского края мне были уже хорошо известны квалифицированные и принципиальные следователи Б. Текаев, М. Боташев, М. Кочкаров, прокурор района С. Текеев и целый ряд других карачаевцев, работавших в прокуратуре честно и достойно.

Должен сказать, что моя работа в течение почти семи лет прокурором области подтвердила мое мнение о карачаевцах, как о доброжелательных, трудолюбивых и открытых для общения людей.

Ни разу мне не приходилось сталкиваться с проявлениями каких-то узконациональных интересов со стороны карачаевцев – работников прокуратуры при решении вопросов об ответственности лиц, преступивших закон.

Постоянное неприятие у меня вызывал повышенный интерес со стороны некоторых лиц при совершении преступлений карачаевцами. Явно не в пользу делу, а тем более общей об-

становке в области, было стремление придать националистическую окраску некоторым преступлениям карачаевцев, когда потерпевшими от хулиганства, либо другого насильственного преступления оказывались представители других национальностей.

Нет сомнения в том, что всякого рода подстрекательства к разжиганию межнациональной вражды должны караться по всей строгости закона.

Но и тенденциозный подход к рассмотрению обычного хулиганского поступка, тем более ссоры парнишки-карачаевца с русским юношей из-за девушки, недопустим. Поиски в этих случаях обязательно какой-то националистической подоплеки приводят прямо к противоположным результатам, вызывают не просто обиду и недоумение, а, как правило, влекут за собой активное противодействие. Все это явно не работает на укрепление дружбы между людьми разных национальностей...

С позиции сегодняшнего дня представляется невероятным, но в середине 70-х годов мне, как депутату областного Совета народных депутатов из поселка Верхняя Мара, пришлось потратить много усилий при попытке получить разрешение на установление обелиска в этом населенном пункте в память карачаевцам, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Никто прямо этого не запрещал, но... разрешения не давал. Все мои обращения наталкивались на глубокомысленные рассуждения о том, что дескать, «нужно подождать, подумать» и т. д. Решил ответственность взять на себя, и обелиск стоит и по сей день...

Встречи со многими людьми во время недавней поездки в составе пропагандистской группы ЦК КПСС в Карачаево-Черкесию показали, что не все эти перекосы устранены и сейчас.

Местному руководству и сейчас нужно обязательное решение центральных органов, чтобы дать согласие на установление памятника жертвам сталинских репрессий, который собираются установить карачаевцы на собранные народом деньги. Да и нужно ли оно, вообще, это разрешение?..

А между тем вокруг карачаевцев вьются различного рода экстремисты, которые, преследуя свои, чисто карьеристские и политические цели, используют нерешенные проблемы, неумелые действия некоторых руководителей, чтобы разжигать страсти на национальной почве. Убежден, что экстремисты глубоко ошиблись в объекте приложения своих усилий. Подстрекателям дается достойный отпор. На многочисленных встречах карачаевцы твердо заявили, что их счастливое будущее возможно только в дружной семье народов. Знаю, что словам этих мужественных и гордых людей можно верить. Но люди нуждаются и в том, чтобы был остановлен «долгий путь клеветы» и полностью восстановлена справедливость. Ведь справедливости с приспуском не бывает».

Статья заместителя прокурора РСФСР А. В. Бутурлина, откуда здесь приведены выдержки, была напечатана в газете «Советская Россия» от 11 октября 1989 года.

Конечно, заместитель прокурора России не мог обо всем открыто писать, он не мог не знать о том, что Сулов пристально следит за ситуацией в крае и никто не смеет без его ведома что-либо решать самостоятельно, тем более если это касалось карачаевцев. Разрешалось делать все, что могло бросить тень на карачаевцев, но, конечно, не слишком вульгарно, дабы соблюсти законность, но в то же время ничего не разрешать и ничего не делать, что могло бы показать общественности, что и карачаевцы, как и все, тоже и работать не ленятся, и никакие они не хулиганы и преступники, а обычные люди, способны, тоже как и все, и на очень даже мужественные и красивые поступки. Так, прокурор завуалировано пишет о «неумелых действиях некоторых руководителей», хотя и знал, конечно, что эти руководители действовали не неумело, а очень даже умело – чтобы опорочить карачаевцев.

Так, к примеру, в 1974 году выступая на пленуме обкома партии, первый секретарь Ставропольского обкома КПСС, так сказать, главный опекун карачаево-черкесских коммунистов, перечислял все правонарушения хулиганского порядка, в которых участвовали карачаевцы, особо подчеркивая именно их, карачаевцев, в них участие. В 1977 году прошла так называемая научно-практическая конференция на тему «Карачаево-Черкесия в годы Великой Отечественной войны», где опять же повторялись «научные» данные суловско-бериевских чекистов о том, что «многие карачаевцы» сотрудничали с немцами. В докладе говорилось о 65-и бандах и группах, якобы действовавших в Карачаевской области даже после изгнания немцев, и в них, мол, участвовало до 1400 человек. Сделать этот доклад, между прочим, «партия» поручила карачаевцу – председателю Карачаево-Черкесского облисполкома М. А. Боташеву. Пусть, мол, они, карачаевцы, сами себя обливают грязью, авось еще и перегрызутся, что было бы, конечно, совсем хорошо. И это опытный прокурор называет «неумелыми» действиями. Конечно, даже и в 1989 году, прокурор, видимо, не мог называть вещи своими именами. Иначе ведь пришлось бы сказать, что Кремль (!) в то время сам натравливал народы друг на друга – ведь Сулов в то время и был олицетворением высшей власти и Кремля!

1 июня 1979 года, к Международному дню защиты детей, естественно, по указанию сверху по совместному решению Карачаевского райкома КПСС и Карачаевского райисполкома у селения Нижняя Теберда поставили памятник детям-беженцам, которые пали жертвой бесчинств фашистских захватчиков. В злодеяниях оккупантов обвинялись и их «местные пособни-

ки», под которыми, конечно же, следовало понимать карачаевцев, жителей Нижней Теберды, а не Ставрополя.

В апреле 1981 года вышло постановление ЦК КПСС под названием «О серьезных недостатках в постановке организационной и идейно-воспитательной работы и соблюдения правопорядка в Карачаево-Черкесской автономной области». Ничего удивительного нет, что этот документ был опубликован за подписью Сулова – этого бессердечного и вечного жандарма над карачаевцами. Через два месяца, хорошо подготовившись, местные холуи Сулова созвали специальный пленум обкома КПСС, где опять же «выпустили» на карачаевцев карачаевца – ректора Карачаево-Черкесского пединститута К. Р. Кипкеева. И тот исправно исполнил свой долг перед своими хозяевами, он громогласно заявил, что карачаевцы были выселены не только потому, что нарушалась социалистическая законность в период культа личности, но и вследствие того, что «часть карачаевского населения действительно перешла на сторону врага и дала повод такому акту».

А еще два месяца спустя с большой статьей на всю полосу выступил еще один карачаевец, Х. О. Лайпанов, снова перепевавший бериевско-суловские данные о «предательстве и измене» карачаевцев.

В 1982 году в Ставрополе вышла книга А. Попутько и Ю. Христинина «Именем ВЧК», где опять перечислялись известные «факты» НКВД о «злодеяниях» карачаевцев в период Великой Отечественной войны, расстреливавших отступавших красноармейцев и т. д. Тогда же были опубликованы и «шокирующие» материалы «научно-практической конференции» 1977 года. Так что, антикарачаевская кампания набирала обороты, и, видимо, не без основания в то время упорно циркулировали слухи о том, что Сулов дважды заходил к Брежневу с предложением вновь изгнать карачаевцев с Кавказа, но генсек, мол, так и не одобрил его чересчур уж одиозные планы.

Вот тебе и «неумелые» действия!

Придет время и сами прокуроры докажут, что все «факты», состряпанные когда-то органами НКВД по просьбе струсившего Сулова, ложны, но это будет потом, после окончательного падения тиранического режима. «Дважды – в 1988 и 1989 годах обстоятельства гибели детей и причастность к этому карачаевцев проверялись следственным путем. Прокуратура края и в 1988 году и в настоящее время (постановление вынесено в конце февраля 1990) года, признала, что оснований для обвинения карачаевцев в убийстве детей в ауле Н. Теберда не было и нет». «Никаких сведений о деятельности банд против отступающих частей Красной Армии не было, ходили слухи, что в горах скрывается бандит Дудов Ислам и при нем 6 человек. Центральный архив Министерства обороны СССР сведений о нападении бандгрупп на отступающие войска в районах Учкулан, Карт-Джурт,

Хурзук, Микоян-шахар, Каменноост и Эльбрус в период с 1 по 16 августа не имеет». Это из ответа прокурора КЧАО Ю. М. Лушникова народному депутату РСФСР А. Г. Урусову, дата – 3 апреля 1990 г. И Прокуратурой края проводилась проверка по факту расстрела солдат Советской Армии в Учкуланском ущелье и расстрелу детей вблизи аула Нижняя Теберда... «Таким образом, виновных лиц карачаевской национальности в расстреле красноармейцев 5–8 августа 1942 года в Учкуланском ущелье не установлено. Убийство детей детского дома не подтвердилось». А это из ответа прокурора края В. В. Хамутинникова депутату СССР И. А. Хачирову.

Итак, «долгий путь клеветы», тянувшийся целых полвека, был наконец-то остановлен. Но это было потом. О смрадном духе антикарачаевской атмосферы в крае, созданной стараниями Суслова и постоянно поощряемой им из Москвы более красноречиво рассказывает Исмаил Байчоров на страницах книги «Так это было». Приведем его небольшой рассказ полностью, ибо трудно что-либо из него опустить.

Исмаил Байчоров

ЗА ПОЛНУЮ ПРАВДУ

Воспоминания

Мне семьдесят лет. Я ровесник Октября. Вместе с народом пережил страшные трагедии в период культа личности, радовался победам. Я внес свою лепту в Победу над фашистской Германией. Хотя и являюсь инвалидом Великой Отечественной Войны, всю сознательную жизнь трудился честно, тружусь и в настоящее время, будучи рабочим ПМК-59 в г. Карачаевске Карачаево-Черкесской автономной области.

С 1940 г. по июль 1943 г. служил в рядах Красной Армии. Был командиром взвода разведки, командиром стрелковой роты в чине старшего лейтенанта. Дважды тяжело ранен. За отличия в боях награжден орденами Отечественной войны первой и второй степени, рядом боевых медалей.

После демобилизации по инвалидности работал военруком школы в родном ауле Верхняя Теберда.

2 ноября 1943 года в мой дом ворвался офицер внутренних войск НКВД и объявил: на основании приказа Верховного Главнокомандующего тов. Сталина за № 00415 все карачаевцы выселяются. На сборы он дал полчаса. Я – советский офицер в полной военной форме, при погонах, за полчаса был вместе с семьей выслан в Киргизию. Два моих брата Осман и Умар находились на фронте (последний позже погиб). На фронтах сражались все карачаевцы, способные носить оружие. По сути дела

были высланы женщины, дети и старики, а также вернувшиеся из военных госпиталей раненые бойцы.

В Киргизии наша семья— мать и сестры с малолетними детьми — попала в село Садовое Сталинского района Фрунзенской области. Я там трудился на разных должностях в колхозе «Путь к коммунизму» и трудился добросовестно. Но ко мне, как и ко всем спецпереселенцам, относились предвзято, угнетали физически и морально, оскорбляли человеческое достоинство. Так как в колхозе люди работали фактически бесплатно, переселенные туда карачаевцы не имели никаких запасов продовольствия и пухли от голода, умирали в большом количестве. К весне 1944 года погибло 52 % проживавших в Садовом карачаевцев. И так было почти повсюду.

Ужасные картины, когда гибли целые семьи, стоят перед моими глазами по сей день. Например, в Садовом полностью погибли семьи Ахмата Джуккаева из 8 человек, Шамиля Бостанова из 12 человек. Старшему ребенку Бостановых было около 20 лет, а младшему— всего 4 года. Так как трудоспособные мужчины были на фронте, а старики из-за постоянного недоедания еле двигались, хоронить умерших было некому. Я и еще двое инвалидов войны не успевали их хоронить, тем более, что днем необходимо было быть на работе. Хоронили ночами. Многие трупы разлагались. Поскольку переселенные люди продали все свои вещи, не во что было даже завернуть умерших. Мы их клали в могилы в том, в чем они были. Не могло быть и речи о соблюдении похоронных обрядов.

Местные власти отказывали нам в медицинской помощи. Больница находилась в Беловодском, в 6 километрах от нас, но туда спецпереселенцам из нашего села попасть было невозможно, так как мы давали подписку о невыезде из села. Вышло постановление Совнаркома СССР за подписью Молотова и Чадаева о строгом наказании спецпереселенцев вплоть до тюремного заключения на 20 лет. По этому Постановлению переход из одного села в другое без пропуска от спецкомендатуры карался как переход государственной границы СССР. Если твоя корова перешла границу села и пасется на территории соседнего села, надо было искать русского или киргиза и просить его пригнать корову обратно. Если в соседнем селе умер родственник, нужно было обращаться к спецкоменданту, чтобы он выходатайствовал пропуск через районную, впоследствии— через областную комендатуру, отделение комитета госбезопасности, а пропуск можно было получить через два-три месяца. Из-за вынужденного нарушения подобных законов многие мужчины и женщины из числа карачаевцев, а с 1944 года и чеченцев, балкарцев, ингушей лишились свободы.

Спецкомендант и местные начальники издевались над спецпереселенцами как хотели, ибо мы оставались фактически вне закона. Вот несколько примеров. Летом 1944 года сторож колхозного сада в нашем селе застрелил 4-летнюю девочку за то,

что она залезла в сад и взяла одно яблоко. Услышав об этом, прибежал туда отец девочки Батдыев Хасанбий. Сторож выстрелил и в него. Тяжело раненного Батдыева хотели повезти в больницу, но комендант не разрешил выезд за пределы территории села. И Хасанбий, настоящий советский патриот, в январе 1943 года сбежавший из-под расстрела гестаповцев в Микоян-Шахаре (ныне Черкесск), на 16-ый день ранения умер, оставшись без медицинской помощи, став очередной жертвой культа личности, из-за бессердечия и жестокости местных сталинских холоуев. Когда родственники Батдыева пришли в комендатуру и сообщили об этом спецкоменданту, который вроде должен был защищать интересы спецпереселенцев, тот цинично заявил: «Жаль, что сторож не перестрелял вас всех!» Примерно такое же повторилось и в 1945 году. Сторож другого сада Шевцов Владимир Свиридович из-за трех яблок, взятых трехлетним мальчиком Батчаевым Хасаном, тяжело ранил его. Три его дяди, в том числе командир тыловой разведки Батчаев Мудалиф Каракозович, находились на фронте, а с их незащитным племянником не церемонились, обходились хуже, чем со скотиной. Оба виновных не были привлечены к уголовной ответственности, так как подобные беззакония творились с ведома и поощрения руководства.

Я сам на себе испытал, что такое сталинский произвол и беззаконие, что такое преследование за принадлежность к карачаевскому народу. Приведу лишь один пример. В один из жарких августовских дней 1947 года в колхоз приехал председатель Сталинского райисполкома Омельченко с двумя другими районными начальниками. Они подошли к нам, когда я вместе с тремя грузчиками-чеченцами в поте лица выгружал груз. Омельченко стал требовать, чтобы мы работали еще быстрее. Я ответил ему: «Куда еще быстрее, мы и так выбились из сил». Тогда он стал всячески поносить и оскорблять меня, сильно ударил по лицу. Я не умею оставаться в долгу и тоже ударил его. Хотя местные руководители знали, что я офицер, инвалид Отечественной войны, они не стали защищать справедливость, а прислали за мной работника КГБ, который арестовал меня. Я сказал своим товарищам-грузчикам, что меня увозит какой-то кэзэбэшник, потому что бывали случаи, когда люди после таких арестов-увозов бесследно исчезали. Органы КГБ района состряпали на меня дело и сообщили областному и республиканскому начальству о том, что спецпереселенцы составили заговор и напали на председателя райисполкома. Меня держали в тюрьме 40 дней. Только благодаря прибывшему из армии брату Осману я не получил обещанные следователем 15 лет тюремного заключения.

Подобных примеров можно привести немало, но, по-моему, и приведенных достаточно, чтобы иметь представление о том беззаконии, которое творили Сталин, Молотов, Берия и их приспешники на всех уровнях по отношению к выселенным народам.

Я беспартийный, поэтому, наверное, мне трудно понять,

почему руководители нашей партии и правительства в настоящее время, когда объявлена гласность и перестройка, имеется демократия, ничего не говорят о переселении целых народов, об издевательском отношении к ним, которое продолжается по сей день. В газетах и журналах много пишут о массовых политических репрессиях, о реабилитации невинно пострадавших людей в период культа личности. Я очень благодарен авторам этих статей. Но неужели страдания переселенных народов, оболганных и оклеветанных, не заслуживают такого же внимания, как беззакония по отношению к отдельным лицам? Я считаю, что если молчат о таком важнейшем вопросе, выходит, полной правды пока нет.

М. С. Горбачев правильно говорит о том, что нужно очень внимательно относиться к национальным чувствам людей, к их национальному достоинству, языку, культуре, истории, так как без этого невозможна подлинная дружба народов. Но его слова плохо слышат руководители нашей области и края. Их отношение к карачаевцам, их действия по сути своей мало отличаются от поведения спецкомендантов в Киргизии. Как правило, все они говорят с трибуны правильные красивые слова, поучают, как надо работать, призывают к честности, а на деле...

На деле сеют между народами Карачаево-Черкесии вражду, продолжают клеветать и чернить карачаевский народ, не смотря на то, что его именем названа автономная область и он составляет по численности треть от всех народов КЧАО. Пышным цветом цветет протекционизм. К примеру, нет большего врага своему народу, чем нечистоплотный, беспринципный и трусливый, послушный холуй начальства – К. Р. Кипкеев. Больше чем он, никто не клеветал на карачаевцев как на народ и на отдельных его представителей, которые так или иначе мешали ему в его своекорыстно-карьеристских интересах. Много лет насаждал он взяточничество в Карачаево-Черкесском пединституте, наконец, сняли его с ректорства за развал работы и удостоили за все это пенсией союзного значения. Да еще его сына Руслана так стремительно поднимают по служебной партийно-номенклатурной лестнице, что и не уследишь за ним. А многие образованные и способные, честные и достойные карачаевцы остаются не у дел, затираются, а порой и преследуются.

Самое распространенное обвинение карачаевцам – в национализме. Это глубоко неверно. По натуре своей карачаевцы традиционно, исторически очень интернациональны и гостеприимны. Издавна они принимали в свою среду людей из самых разных национальностей. Я хорошо помню: в голодный 1933 год карачаевцы спасли от смерти сотни русских, черкесских, абазинских, ногайских семей. Накануне и в годы Великой Отечественной войны карачаевские семьи усыновляли и удочеряли

детей-сирот без разбора национальностей, в том числе из Нижнебердинского детского дома. В период немецкой оккупации они прятали в своих домах евреев, коммунистов, партизан, спасали воинов Красной Армии, хотя прекрасно знали, что за это фашисты расстреливают. Например, Халамлиевы Шамаил и Фердоус, имевшие 10 детей, все пять месяцев оккупации прятали в своем доме трех сестер-евреек.

В нашем народе много интернациональных семей. Моя жена-русская, наш сын женат на черкешенке, растет внук. Мой брат Осман тоже женат на русской...

Злонамеренное лживое толкование истории нашего народа, постоянное оскорбление национального достоинства карачаевцев вызывает законное возмущение народа. А местное руководство, говоря красивые слова о дружбе народов, непрерывно организует клевету на наш народ. Особенно отличается этим многолетний секретарь нашего обкома У. Е. Темиров...

Я считаю, чтобы перестройка шла быстрыми темпами, необходимо освободиться от тех руководителей, которые ей мешают, и на их место выдвинуть честных и достойных людей, которые могли бы со знанием дела и с уважением к национальному достоинству народов области решать те грандиозные, поистине революционные задачи, которые поставило перед ними время и сама жизнь.

Карачаевск. 1988.

Конечно, Байчоров не мог не сказать тогда несколько хвалебных слов в адрес М. С. Горбачева, в период триумфального восшествия на престол этого относительно молодого и говорливого лидера, но известно, что он был достойным приемником Сулова и тоже пользовался любым случаем, чтобы опорочить карачаевцев. Да, в сущности, он и не мог, наверное, по другому, так как и над всей страной, и над Ставрополем во время его «губернаторства», нависала мрачная фигура Сулова.

В период демократической революции, в конце XX столетия, когда страна с отвращением отвергла попытку кучки последних сталинистов-гекачепистов повернуть колесо истории вспять, народы Карачаево-Черкесии наконец-то вырвались из-под тяжести не очень-то милосердного опекунства наследников серого Кремлевского кардинала, дух которого был так живуч, что пришлось еще долгих 10 лет бороться карачаевскому народу, чтобы доказать все-таки всем своим недругам, что теперь-то он не позволит так просто себя ни оболгать, ни затоптать. Это наглядно было продемонстрировано во время первых президентских выборов в 1999 году.

И что вместе с тем не позволит никаким экстремистам типа Березовского, Деревя, Акбашева и Килбы, ни ангажированным журналистам типа Юндина, Доренко и Масюк разжечь в рес-

публике огонь межнациональной вражды, дабы превратить и ее в очередной очаг войны на Кавказе. И в этой победе немалая заслуга принадлежит первому президенту Карачаево-Черкесской республики генералу армии Владимиру Магомедовичу Семенову.

8. Свежий ветер – мир давно о нем мечтал

В марте 1985 года к нам, в СССР, пришла весна. С этого месяца на просторах нашей огромной Родины потеплел не только воздух, но и вся наша жизнь стала теплой и светлой. Об этом времени, используя слова Олега Газманова, можно сказать:

«Над страной свежий ветер пролетал, свежий ветер – мир давно о нем мечтал!»

В марте умер К. У. Черненко, и на пост Генерального секретаря ЦК КПСС был избран Михаил Сергеевич Горбачев, самый молодой в ту пору член политбюро ЦК КПСС. Так закончилось «бабье лето» Советской власти, когда страной правили: великий любитель орденов, званий и премий Л. И. Брежнев, имевший 220 советских и зарубежных наград, больше заботившийся проблемами своего авторитета, дочери и зятя, чем делами государства; Ю. В. Андропов, как истинный ленинец и дзержинец, думавший решить все дела арестами и запретами, по сути не меняя тоталитарный режим (во время его правления останавливали демонстрацию кинофильмов и требовали объяснений от зрителей почему это они в рабочее время в кинотеатре, а не на заводе); К. У. Черненко, период правления которого длившийся всего-то чуть более года, ехидно прозвали мини-застоем за то, что он практически занялся продолжением «дела Брежнева», т. е. всяческими восхвалениями партии и Советской власти, ничего по-существу не делая; в 1983 году умер и Суслов, фактический соправитель в стране со времени смещения Хрущева с должности. Эти горе-правители были виновны в том: 1) что наша страна вновь стала «империей зла» в глазах мира, тратила все богатство страны на наращивание фантастического количества никому ненужного оружия, в то время когда народ все еще жил в бедности; 2) растранили десятки миллиардов долларов ежегодно на поддержку так называемых «прогрессивных» режимов, а на деле – просто диктаторов, гипнотизировавших наших людей социалистическими словечками; 3) в преступном упорстве в споре с Китаем по поводу принадлежности какого-то несчастного островка на Амуре под названием Даманский (после демаркации отошел к Китаю), что стоило жизни многих людей, резкого ухудшения отношения с Китаем, переброски сюда значительного количества войск, что обошлось стране в 200 млрд рублей; 4) в том, что, грубо нарушая суверенитет соседней дружественной страны (Афганистан), оккупировали ее территорию, и по их вине в этой стране уже 22 года льется

кровь, а также погибли более 12 тысяч советских юношей-солдат, а ранено – 35 тысяч; 5) в позорном преследовании лучших людей страны, таких как академик Андрей Дмитриевич Сахаров, писатели А. Синявский, Ю. Даниэль, И. Бродский, В. Некрасов, В. Войнович, режиссеры А. Тарковский и Ю. Любимов, виолончелист М. Ростропович, оперная певица, народная артистка СССР Г. Вишневская, которые, кроме Сахарова, разумеется (великий ученый, «отец» советской термоядерной бомбы не мог быть выпущен за границу) были выдворены из страны или же сами были вынуждены уехать на запад.

С приходом к власти М. С. Горбачева кошмар «счастливой жизни» в «самой демократичной стране мира» закончился. Разумеется, все произошло не сразу и даже совсем не так, как задумывал Горбачев. Он думал построить в СССР «социализм с человеческим лицом», как и Александр Дубчек в Чехословакии в 1968 году – и не более. И он начал всего-навсего с гласности и перестройки – лишь мелкого фасадного ремонта монументального здания тоталитарного социализма. В то время ни он сам, ни его окружение, конечно же, и не могли знать о том, что у всех народов «социалистического лагеря» чаша терпения уже была переполнена и им, задыхающимся в духоте под толстым социалистическим чугунным колпаком, стоит только дать хоть разок дыхнуть свежим воздухом, как они тут же воспрянут духом, сорвут этот проклятый колпак со своих голов и разобьют его на куски. Первыми не выдержали народы восточноевропейских стран социализма, которые лучше чем советские народы знали «что хорошо, что плохо» – ведь большинство из них в довоенные годы жили при «загнивающем капитализме», где права и свободы человека имели большее значение, чем мифические идейные принципы. Словно буря пронеслась по Восточной Европе поздней осенью 1989 года. И буря эта смела все социалистические тоталитарные режимы в странах этой части Европы. Где – как. В странах, где царили наиболее наглые диктаторы, без насилия не обходилось. Так, разъяренная толпа чуть не разорвала на куски диктатора Румынии Николая Чаушеску и его жену Елену, пытавшихся спастись бегством за границу. Но суд над ними был недолгим – через день, 25 декабря, они были расстреляны.

М. Горбачев и Э. Шеварнадзе, А. Яковлев, их сторонники в руководстве страны взяли верх над сторонниками сусловско-брежневских методов в решении международных дел, и СССР не стал вмешиваться в дела своих «братьев меньших», не стал пытаться подавить в них антикоммунистические движения силой оружия. Что и послужило основой для присуждения М. Горбачеву в 1990 году Нобелевской премии мира.

Свежий ветер свободы набирал силу и на просторах СССР.

25 мая 1989 г. в Москве открылся I Съезд народных депутатов СССР. Работа съезда транслировалась по телевидению, и люди страны с изумлением и радостью наблюдали как «не по дням, а по часам» рушились стены огромной тюрьмы под названием СССР, где начальником был ЦК КПСС, надзирателями КГБ, МВД, партаппарат и советское чиновничество, а узниками – мы все, так называемый советский трудовой народ. Андрей Сахаров, Георгий Попов, Александр Собчак, Альгемайтаз Бразаускас, Казимира Прунскене, Анатолий Горбунов, Борис Олейник – вот неполный перечень передовиков отряда народных депутатов, штурмовавших в то время крепостные стены СССР.

М. С. Горбачев уже был, конечно же, сам не рад тому, к чему привела его гласность – он думал, что прошелестит она, гласность, свежим ветерком над страной, взбодрит людей и они под его мудрым руководством возьмутся, наконец, как следует и построят на зависть всем буржуям «социализм с человеческим лицом». Но так не вышло. Ветер гласности породил бурю свободы. И это было закономерно. Остановить бурю простым пылесосом можно только в рекламных роликах, а не в жизни. И напрасно Горбачев грубо обрывал А. Д. Сахарова, не принимал предложений депутатов прибалтийских республик, особо не прислушивался к мнениям Г. Явлинского, А. Собчака и других демократических деятелей – всем этим он уже не мог остановить бурю, а наоборот – усиливал ее. Открывая форточку под названием «Гласность», Горбачев вовсе и не думал, что свежий порыв ветра, врывающегося в затхлые комнаты Союза, окажется столь сильным, что и его самого собьет с ног. Но так именно и случилось. В личностном плане – Горбачеву, конечно же, обидно, что дело, начатое им, его же и свалило. Но в плане историческом все закономерно: в критические минуты жизни общества, во время крутых поворотов, время предъявляет к политическим лидерам повышенные требования – они должны быть душой и сердцем или с народом, или против него. Ни растерянности, ни раздвоенности, ни обмана и лицемерия в такие моменты жизнь не терпит, так как ей некогда убеждать неуверенных, разоблачать лжецов и лицемеров. В такие моменты жизнь выбирает в лидеры смелых и решительных.

А Горбачев был нерешительным, неуверенным, растерявшимся. Он не хотел, чтобы СССР так и оставался нищей и полуголодной страной – «Верхней Вольтой с ракетами» – но вовсе не хотел и такой демократии, которая могла бы ограничить хоть как-то его власть в стране, он хотел, чтобы КПСС и Советская власть были бы, как и прежде, всемогущи в стране, а он – непререкаемым начальником и над КПСС, и над Советской властью. И он не знал, что дальше делать: то ли сдерживать бурю свободы, и пусть все будет по-прежнему и он во власти,

или же дать волю этой самой буре свободы, которая, коль наберет силу, наверняка сметет и его самого?

Уход в Фарос, кажется, – это попытка М. Горбачева переложить решение этой сугубо личной его проблемы на других. Ведь в случае победы ГКЧПистов, спустя, скажем, месяц, «выздоровевший» Горбачев мог спокойно вернуться к исполнению своих обязанностей. И наградить их, лидеров ГКЧП, за усердие перед Отечеством в деле наведения порядка в стране.

А в случае их поражения он точно так же, но обретя ореол «Фаросского узника», мог спокойно пройти в Кремль, в свой кабинет и начинать работать, дальше развивая «гласность и демократию».

Вероятнее всего, что М. Горбачев надеялся на первый вариант – на победу ГКЧП. И это было вполне логично. Но две причины привели ГКЧП к поражению.

Первая – это совершенно необычное для путчистов сочетание глупости и нерешительности. Ведь во все времена всякие путчи и восстания организывают смелые, решительные и зачастую совсем неглупые люди. А практически все члены ГКЧП, как это ни странно, оказались на самом деле не только нерешительными, но и просто довольно глупыми и трусливыми людьми.

Они даже не смогли изолировать (арестовать) лидеров демократии, дабы лишить народ предводителей, список которых сами же заранее заготовили. Ельцин, Хасбулатов, Яковлев, Собчак, Попов, Явлинский оставались на свободе.

Вторая причина – это результат горбачевской гласности, т. е. демократизации страны. Люди категорически не хотели возврата к прошлому, когда не законы были регуляторами общественной жизни, а наглые партийные и советские начальники.

Уже утром 20 августа 1991 года на весь мир прозвучал голос Председателя Верховного совета РСФСР Руслана Имрановича Хасбулатова, призвавшего общественность всего мира встать на защиту демократии в СССР. Он сурово осудил участников ГКЧП как путчистов и заговорщиков и призвал народ России начать борьбу против сил реакции. Выступление и дальнейшие решительные и смелые действия Р. Хасбулатова подняли народ Москвы и всей России на борьбу с ГКЧПистами. Вскоре к Белому дому прибыл и Б. Ельцин, президент России.

Белый дом – Дом правительства России – стал поистине штабом демократических сил страны. Сюда, к зданию Верховного Совета РСФСР, на защиту свободы и чести Родины, спешили тысячи и тысячи москвичей и россиян, в эти дни оказавшиеся в столице. Все честные люди – писатели, журналисты, музыканты, политики приходили в Белый дом и оставались здесь, чтобы вместе со всеми противостоять реакции. С Белого дома началось вещание по радио. Вся страна узнала, что Москва, сердце Родины, не хочет подчиниться путчистам, и начина-

ет с ними борьбу. И тогда люди во всех уголках страны воспарили духом и стали включаться в борьбу с ГКЧП. 21 августа путч был уже подавлен, и его организаторы арестованы. А 8 декабря в Беловежской пуще в резиденции «Вискули» руководители России, Украины и Белоруссии подписали соглашение о создании Содружества независимых государств (СНГ).

25 декабря М. Горбачев подписал указ о том, что он слагает с себя обязанности президента СССР, а спустя полчаса в тот ненастный декабрьский вечер рабочие технической службы Кремля Валерий Кузьмин и Владимир Архипкин без каких-либо церемоний сняли с главного флагштока страны красный флаг СССР и подняли над Кремлем трехцветное полотнище российского флага.

Так прекратил свое существование Союз Советских Социалистических Республик, первая коммунистическая империя, где фактически был реставрирован рабовладельческий строй, в которой рабовладельцами были коммунисты-начальники, а рабами – все остальные «строители коммунизма».

Тема межнациональных отношений в СССР в балкарской публицистике в период гласности и перестройки

9. Мы думаем... *

*Статья журналиста Магомета Кучинаева,
написанная для газеты «Известия»*

Сейчас, когда мы, простые советские люди, мучительно трудно и долго перерождаемся из «винтиков» в нормальных людей – полноправных граждан своей многострадальной, но прекрасной страны, каждый из нас, кажется мне, гораздо более чаще и глубже, нежели раньше, думает – думает о том, как все-таки сохранить нашу голубую планету Земля, что сделать, чтобы и она, вслед за Фазтоном, не превратилась в полосу астероидов; думает о том, когда же, наконец, человечество обретет разум, перестанет измываться и издеваться над самим собой, так безрассудно бросаясь в грязное болото межэтнических, межконфессиональных, межгосударственных войн и конфликтов; думает о том, что не есть ли начало конца человечества эта безобидная вроде бы «озонная дыра» над южным полюсом; думает, думает, думает...

Да, мы думаем обо всем. Но о своей стране, о ее судьбе мы, конечно, задумываемся почаще. А если уж говорить, не боясь скептических улыбок, то все мы, кажется мне, и дня не живем, чтобы не помечтать – не подумать о том, что бы мы сделали

* Публикуется впервые.

для Родины, для счастья всех нас, людей, коль бы «бодливой корове бог дал рога», то есть если бы мы имели власть...

Да, устами своего вождя Ленина Октябрь сказал всем гражданам страны: «Берите власть в свои руки!» Но когда наиболее активные, нетерпеливые, желающие поскорее переделать жизнь так, чтобы всему народу было хорошо, протянули было руки к этой самой власти, то Сталин и его подручные попросту дубинками переломали им руки и ноги. Видя это, остальной народ присмирел, и все мало-помалу стали просто винтиками. Сталина нет давно, нет и его подручных. И вновь, как говорил Октябрь нашим отцам и дедам, XXVII съезд говорит нам: «Берите власть в свои руки!». Но многие из нас, всякое повидавшие на своем веку, теперь не проявляем особого энтузиазма – нам трудно верить в то, что говорится, в то, что в самом деле народу хотят дать власть. И мы молчим, ждем, смотрим, думаем...

Нет, теперь мы, конечно, не боимся, что и нам перебьют руки и ноги и наши дети будут чужими в своей стране, а все гораздо проще – пользы, думаем, особой не будет...

Так и проходят мимо нас трудные, напряженные, неоднозначные дни, месяцы, годы Перестройки – этого Октября наших дней. Упрекаем иногда мы самих себя, глядя на то, как опять страстные, нетерпеливые, упрямые врезаются в бой с носителями старого, как их иногда начинает одолевает хорошо отлаженная громадина бюрократии – надо бы прийти нам всем миром им на помощь. Но мы не встаем, не идем на подмогу бойцам – нам все это кажется не настоящим, игрой, мы не верим всерьез в победу...

Но все-таки мы хотим, очень хотим, чтобы Перестройка победила. Потому что знаем – коль Перестройка не победит, будет худо, очень худо всему нашему народу. И как бы всем нам опять не стать «винтиками», призванными лишь стягивать, скреплять чьи-то царственные кресла... А как хочется, чтобы каждый из нас стал, в конце концов, настоящим человеком, гражданином-патриотом, и чтобы все мы стали людьми, по-братски чуткими друг к другу и чтобы жила, расцветала и распрямлялась во всю свою красу наша многокрасочная многонациональная Родина – Союз Советских Социалистических республик.

Подумаешь об этом, аж сердце в груди защежит – неужели же не заслужили этого наш всевынесший народ и наша всеодолевающая Отчизна?

Заслужили, честное слово, заслужили. А раз так, давайте – хватит ждать, смотреть и раздумывать! – всем миром встанем грудью за Перестройку, ибо только она, кажется мне, может вернуть нам попранные наши права хозяина своей страны, вернуть Родине силу и красу. Пусть не будет у нас в стране дел, которые не касаются меня, тебя, его. Пусть! Ибо, поистине все дела касаются нас. Разве пламя Чернобыля не опалило всех нас,

разве не облились наши сердца кровью, когда пролилась кровь невинных людей в Сумгаите, разве «не проваливались мы сквозь землю» от стыда и боли, когда случился «казахстанский взрыв»? Да будь ваша хата хоть на краю Вселенной, эти события, я уверен, не прошли мимо вас, мимо вашего сердца...

Я тоже, как гражданин своей страны, плачу, когда в нашем общем доме беда и горе, торжествую, когда приходит радость – и думаю. Думаю о том, чтобы поменьше у нас было ошибок и бед, а побольше радости и удачи.

Я часто думаю о том, что все-таки, как ни говори, а мы все еще не до конца усвоили главные заповеди жизненной мудрости – жить всем нам в нашем общем доме в согласии и в любви, по-братски, по-родственному относиться друг к другу, быть чуткими. И еще – за всем этим, за тем, как живут-поживают народы-братья, в чем они нуждаются, в чем их заботы-тревоги, нужен заботливый материнский глаз Родины. Да, да – нам нужен авторитетный и действенный Государственный Комитет СССР по делам национальностей – Госкомнац. Слишком рано, кажется мне, в свое время был упразднен Наркомнац. Это ведь совсем не просто – жить единой семьей многим-многим народам, и чтобы все само собой было хорошо и прекрасно. Это мы просто привыкли так говорить – все хорошо, все хорошо. Нет, не всегда, оказывается все было хорошо и нормально.

Никогда не забыть мне той боли и обиды, когда я, школьник-комсомолец, показывая на политической карте союзные и автономные республики своей страны, чуть ли не со слезами на глазах говорил: «На Северном Кавказе имеются следующие автономные республики, Кабардинская АССР, столица – город Нальчик», а не Кабардино-Балкарская, каковой она была до того, как нас, балкарцев, 8 марта (какое кощунство – выбрать для этого «мероприятия» именно этот день!) погрузили в товарные вагоны и отправили в ссылку неизвестно куда и за какую такую провинность перед Аллахом и Сталиным, потому что перед Родиной у нас провинности не было – как и все, балкарцы тоже сражались с врагом на фронте и в тылу растили зерно, пасли скот и, потуже завязав пояса, все это отправляли туда же – на фронт, в надежде на скорую победу... Попробуй-ка пожить в юные годы чужим в своей стране, не имея права не только ступить на землю отцов, но и даже за пределы аула, куда тебя забросила злая судьба! Тогда посмотрим – все ли нормально, все ли хорошо для тебя!

Конечно, злое пламя жестокого времени опалило, обожгло многих, но рана, полученная после того, как твой народ вырвали с корнем со своей земли и выбросили куда-то: хочешь живи, хочешь умирай – должна залечиваться долго и терпеливо. Но наш спаситель Никита Сергеевич Хрущев – да будет пухом земля ему! – за суетой глобальных дел, так скажем, забыл довести

начатое гуманное дело до конца – даже за товарные вагоны, в которых нас возвращали назад, нам, еле-еле пережившим трагедию и голод, пришлось расплачиваться самим. А здесь, на родной своей земле, уцелевшие домики свои нам пришлось выкупать, отдавая последние гроши. Но все равно мы, опьяненные тем, что мы уже не «бандиты», а нормальные, как и все, граждане своей страны, что мы, наконец, на земле отцов, на груди у своих сине-серебряных гор, неистово кричали: «Да здравствует Хрущев – наш отец, наш спаситель! Дай Аллах ему тысячу лет жизни и здоровья!» А наш спаситель, довольный, широко улыбался... и забыл оказать нам какую-либо существенную помощь, забыл наложить повязку на рану. И мы, рассыпанные по своим ущельям, долго мыкались под дождем и снегом, строя наспех, на время, кое-какие жилища. Небольшие ссуды – 7000–10 000 рублей, которые нам выдавали на общих основаниях, правда, потом, спустя несколько лет, списали, но эта мера оказалась слишком запоздалой – балкарец не любит быть в долгах, а потому почти все, не дожидаясь даже отсрочки, попродав все, экономя на всем, сидя на одном только чае и хлебе, вернули к этому времени ссуды... И вот тебе, пожалуйста, – «Все хорошо, все хорошо!» На самом-то деле не так уж все хорошо. Но раз «все хорошо» – попробуй докажи, что не все хорошо. Раз национальный вопрос у нас решен Октябрем раз и навсегда – попробуй докажи, что от такого-то чинуши, сидящего в высоком кресле, за версту несет гнилым душком национализма. Трудно, невозможно доказать того, чего «нет». Поэт сказал в сердцах: «Я волком бы выгрыз бюрократизм!» А я хочу сказать: «Я волком бы выгрыз национализм!» Как кровного врага своего ненавижу и национализм и шовинизм!

И я часто думаю о том, как выгрызть эту заразу из жизни нашей прекрасной страны. И каждый раз прихожу к одной и той же мысли – нам нужен Госкомнац СССР, авторитетный государственный орган, который непосредственно занимался бы вопросами дальнейшего укрепления братской дружбы наших народов – занимался бы решением культурных, хозяйственных и иных проблем наций и народностей. И тогда не будет, по-моему, ни незаметных, но глубинных, а потому и опасных поползновений к вытеснению своей «великости» среди или иного народа, ни «внезапных» открытых всплесков национализма в результате того, что какой-то группе людей в течение определенного времени удавалось внушить и властям (чего греха таить – и такое бывает), и своему народу, что мы-де, мол, хороши, а они вот, не очень. Государственный комитет СССР по делам национальностей заранее ставил бы «диагноз», определял бы начало болезни – «национализма», выявлял бы причины и предлагал бы правительству СССР меры лечения. На мой взгляд, основными видами возбудителей болезни – национализма – на сегодняшний день являются «культурные» вирусы. Это

значит, народное хозяйство страны едино для всех нас, народов СССР, никто из нас, если взять конкретно и отдельных людей, не обделен, продукция распределяется более или менее равномерно по всей стране. Я – узбек, балкарец, эстонец – в экономическом отношении нахожусь в равных условиях и с русским, и с грузином, и с кем угодно. Это, так сказать, «внешний», вещественный мир человека. Но у человека есть и духовный мир – культура его страны, культура его собственного народа. Вот здесь уже начинаются проблемы, есть много нерешенных задач, а раз так – кто-то «обижен», душа его заболела почти что в буквальном смысле слова, значит в его ослабевшую от этой болезни душу легко проникает вирус «культурного национализма». А Государственный Комитет СССР по делам национальностей – Госкомнац – уже поставил диагноз, уже определил меры лечения и просит правительство выделить средства на проведение «профилактики» – просит, скажем, для автономных республик Поволжья создать студию художественных фильмов. И вправду – разве уже не пора народам татар и башкир иметь студию художественных фильмов? Ведь большинство этих (те, что на татарском языке) фильмов без дублирования можно «крутить» и в других, тюркоязычных регионах страны. Правительство обсуждает предложение Госкомнаца и решает: студию художественных фильмов для народов Поволжья построить в такой-то пятилетке. И – болезнь не заразила людей, они продолжают жить и работать как положено – хорошо и с удовольствием.

Госкомнац с самого начала своей деятельности будет стремиться не к тому, чтобы быть не столько «пожарной командой» – мчаться на тушение уже начавшегося очага национализма, а чтобы быть Академией профилактики – то есть заранее определять возможные очаги и задолго до явных признаков «болезни» разрабатывать необходимые меры и представлять их правительству. Вот, скажем, Северный Кавказ – страна гор и гора языков и народов. В наше время, когда все жители страны достаточно владеют своим поистине вторым родным языком – русским языком, когда расцветает культура и на новую ступень поднимается национальное самосознание и национальная гордость (не болезненно-напыщенная, а нормальная, обычная) появляется возросшая потребность во взаимобщении, «показать себя и других посмотреть». А современные условия и возможности несколько ограничивают вот это стремление некоторых народов Северного Кавказа показать и стране и всему миру в полном объеме то, «на что они способны» в культурном отношении. Возьмем, к примеру, нашу Кабардино-Балкарию. Кажется есть все – и драматические и музыкальные театры, и филармония, и Государственный ансамбль танца, и музыкальное училище, и культпросветучилище, дома культуры и дворцы, Союзы писателей, композиторов, художников. Пой, пляши, пиши, со-

чиняй и рисуй сколько душе угодно! А вот не очень получается. Почему? Как говорится, ларчик очень просто открывается: культура, духовный мир – это не сфера материального производства, где на одном и том же предприятии можно выпускать прекрасные изделия для всех, а нечто такое, что иногда требуется и специальная «фабрика» для изготовления национальной продукции. Вот таких-то культурных, национальных «фабрик» ни у кабардинцев, ни у балкарцев недостаточно при изобилии общереспубликанских. Тщательно изучив особенности республики, Наркомнац, наверное, предложил бы, в интересах дальнейшего развития культуры кабардинского и балкарского народов, следующее:

1. Создать в городе Нальчике два самостоятельных культурных центра – Культурный центр «Кабарда», культурный центр «Балкария».

2. Каждый культурный центр имеет в своем составе как минимум: ансамбль песни и танца, театральную труппу, школу танцев и музыки.

3. Соответствующие штаты культурных центров формируются за счет штатов расформируемого Государственного ансамбля танца КБАССР, существующего в настоящее время объединенного национального драматического театра, хора Кабардино-Балкарского Комитета по телевидению и радиовещанию, и других учреждений культуры республики. Дополнительные штаты и финансы для формирования культурных центров у правительства РСФСР и СССР не просить.

Такие же национальные культурные центры, видимо, следовало бы создать, скажем, и в Карачаево-Черкесии. От такой маленькой перестройки культурных учреждений государство не понесет практически никаких дополнительных убытков, зато она будет иметь громадное значение для развития самобытной культуры каждого народа. Уверен, кое-кто сразу подумает: «А все-таки у тебя, Кучинаев, какие-то националистические замашки есть – здесь что-то, мол, не то, пахнет не так». Да, согласен, если на это дело посмотреть просто так, обычно, формально, но если подумать всерьез, о сути дела, то, сколько ни думай, а все равно придешь к тому же – для развития песенного, танцевального искусства, театра каждому народу нужна своя «фабрика», а это значит, надо иметь ансамбль песни и танца, национальный театр, какую-то школу для подготовки музыкантов, танцоров, артистов и т. д. И естественно возникает мысль: все это, конечно, следовало бы объединить в единый центр. И чтобы в этом Центре сегодня что-то было – то ли спектакль, то ли выступление ансамбля, то ли встреча писателей с читателями, то ли выставка произведений народных умельцев, то ли встреча с гостями из Москвы или из Казахстана... А назвать эти культурные центры можно, конечно, и по-другому, но зачем – так ведь и верно, и звучно, и красиво...

И еще одна сложная проблема, доставшаяся нам от «мудрой национальной политики» «отца народов» Сталина. Изви-

ните, что придется начинать с «азов» политики, как если бы мы были школьниками. Если смысл греческого слова «автономия» выразить нашими обыденными словами, то получается (авто – сам, ном – начальник, командир) примерно так: сам себе начальник, сам собой управляю. Отсюда смысл выражения «автономная область», само собой разумеется, каждый из нас понимает примерно так: автономная область – это такая область, которая обладает всеми правами обычной области и еще какими-то дополнительными привилегиями для сохранения и развития своей самобытной культуры, языка, обычаев, нравов, живущих в этой автономной области людей, которые для каждого народа являются основой его жизни и существования. Правильно? По-моему, правильно, по-моему, все и во всем мире это понимают примерно так. Я хочу еще раз подчеркнуть мысль – «...и еще какими-то *дополнительными* привилегиями». Теперь давайте посмотрим – а каково же фактическое положение большинства автономных областей? Невероятно, но факт – многие автономные области и мечтать не смеют о такой вольной жизни, какая досталась обычным областям. Если обычная область запросто «разговаривает» с правительством своей республики, решает свои дела и проблемы, то к автономным областям приставлены атлетического телосложения опекуны, – краевые управленческие аппараты – без ведома которых им и шагу не ступить. Вот тебе и «сам себе начальник»! Здравый смысл говорит одно, а на самом деле – наоборот: не автономные области имеют «какие-то дополнительные привилегии», а обычные, да еще не «какие-то», а первостепенную, жизненно необходимую, главную привилегию – самостоятельность. Если мы сегодня говорим «ленинская национальная политика», то следует вспомнить, как часто Владимир Ильич Ленин, касаясь национальных вопросов, употреблял слова с приставкой «архи» – архиважно, архиосторожно... Из этого ясно одно – Ленин был непоколебимо убежден в том, что национальные чувства людей – очень ранимая сфера и, соприкасаясь с ней, надо быть архиосторожным, архичутким (да простится мне употребление этих ленинских слов). Ленин был сторонником того, чтобы, говоря словами самого Ленина, «лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». А мы привыкли к тому, что чаще всего в этом отношении «недосол». А если где-то, кто-то робко скажет об этом, то его тут же зачисляют к сословию «неприкасаемых» – к националистам. Но от запретов и окриков толку мало, они только вредят главному – спокойной нормальной жизни всего советского народа. Раз есть проблема – надо думать, надо искать справедливое решение, чтобы было хорошо и стране, и всем нам...

Если бы у нас был Госкомнац, то сегодня, когда мы, имея возможность спокойно побеседовать, поспорить и прийти к со-

гласованному мнению, эта проблема, думаю, не была бы обойдена. А так – где «собираться», где «спорить»: ведь у нас нет ни всесоюзного, ни республиканского, ни областного – никакого – «ныгыша», где можно было бы поговорить о мудростях национального общения. А жаль. А ведь Госкомнац СССР и его «скамеечки» по всей стране, где живут люди разных национальностей, вполне могли бы стать такими «ныгышами», где могли бы собираться уважаемые люди и, спокойно обсудив, принимать мудрое решение о том, как нам жить, что надо обязательно сделать, от чего надо воздержаться. И пусть на этих «ныгышах» будут тамадами не «старшие», как принято, а «младшие», согласно поговорке: «Не окажешь честь младшему – и от младшего чести не жди», ибо старшего вряд ли кто обидит, а младшего – могут...

Нам еще многому надо учиться, о многом думать и думать. Ведь в нашей стране еще миллионы людей – немцев, уйгуров, корейцев, греков, китайцев, ногайцев, дунган и людей других народностей не имеют своего национально-государственного образования, судьба распорядилась так, что они и живут-то не компактно, рассеяны чуть ли не по всей стране. Но в некоторых регионах людей той или иной национальности насчитывается довольно значительное количество. К примеру, большинство немцев, а их насчитывается около двух миллионов, живут в Казахстане, в этом поистине втором доме всех изгоев времен сталинского произвола. Значит, есть возможность развивать и их самобытную культуру, литературу...

Ни один человек, будь он русский, латыш, казах, немец или балкарец, или сын любого другого народа, не должен себя чувствовать обойденным, оскорбленным, «не таким, как все». Только тогда нам всем будет хорошо. Только тогда мы сможем уверенно сказать – мы интернационалисты, мы все – братья.

10. Тревожные дни

Этот окаянный XX век как начался для народов России трагическими событиями – войнами, революциями, смутами, так и закончился опять войнами, революциями и смутами, а в середине века – самая кровопролитная война за всю историю Земли, и в эпицентре этой войны – опять Россия и ее бедный народ. Разумеется, в этом трагическом ходе истории есть определенная доля естественного, присущего и человеческому сообществу – вспомним этот пресловутый закон борьбы за выживание, неприкрыто гласящий: «пожирай других, чтобы тебя не съели», но в то же время не следует не признавать значения и чисто человеческого фактора – если бы правители ведущих мировых держав искренне хотели бы мира и добрых равноправных отношений со всеми странами и народами, очень даже легко можно было предотвратить все последующие мировые войны хотя бы после последней Русско-Турецкой войны.

Да, естественному закону природы – борьбе за выживание – подвластны и человеческое сообщество, и отдельные народы, и даже отдельные личности. Но люди ведь не просто животные, а высшее достижение природы, обладают разумом. И им вполне под силу, так сказать, смягчить жесткие требования этого закона, предъявленные к людям, как к разумным существам. Скажем так: основное правило закона, гласящее: «Живи и побеждай любым путем!» для людей должен звучать примерно так: «Живи и помогай жить другим!». Или же так: «Люди – это краса, гордость и надежда Земли!». Пусть понятие «борьба за выживание» для людей означает борьбу за быстреее обладание как можно большими знаниями, накопленными человечеством, и освоение опыта жизни, в результате чего люди много знающие, лучшие профессионалы в своем деле должны занимать в человеческом сообществе ведущие, почетные позиции. Могут же люди – разумные люди – так устроить свою жизнь, а не вечно воевать, стремясь как можно больше убивать друг друга, словно они не разумные существа, не венец природы, а обыкновенные звери – волки и овцы, тигры и олени, кошки и мышки и т. д. Могут, конечно, но, к сожалению, абсолютное большинство правителей, да и людей тоже, все еще находятся под властью естественного закона природы о жизни и смерти... животного мира. А зачастую люди ведут себя гораздо хуже, чем животные – звери одного вида редко убивают друг друга, а люди ожесточенно истребляют самих себя с самого начала своего появления на свет и до сих пор. Самое последнее страшное зверство людей – это геноцид аборигенных африканских жителей мусульманскими арабскими экстремистами на юго-западе Судана при попустительстве властей, где за последние несколько лет убито более 60 тысяч человек...

Мы сделали это небольшое отступление лишь для того, чтобы еще раз сказать – все беды человечества происходят главным образом по вине самих же людей, все еще не могущих сойти с пути развития животного мира и стать на новый путь – на человеческий путь, на путь мира и согласия хотя бы, на первых порах, с самими собой – людей меж собой, чтоб не убивали, не пожирали самих себя. Слава богу, на этот путь, кажется, уже ступает Европа, преодолевая невероятные трудности, в том числе и довольно серьезные религиозного, национального и хозяйственного характера, в разгар новой вспышки национал-экстремизма и террора. Весь мир сейчас с надеждой смотрит на Европу, надеясь, что главная мечта человечества – жить всем народам в мире и согласии – начнет осуществляться именно в Европе, а потом и на всей Земле. Дай-то бог, чтобы эти надежды оправдались...

А пока, к сожалению, не все страны, не все правители хотят прислушаться к голосу разума, несущемуся из Брюсселя. И льет-

ся кровь людская, как водица, то там, то здесь. К сожалению, и у нас в России тоже. И не только в Чечне. И опять же никаких объективных, неизбежных причин ни для войны в Чечне, ни для столь напряженного положения в стране у нас не было. Во всем этом виноваты руководители – как федеральные, так и местные. И восставшая Чечня, и разгул национал-шовинизма в стране, и террор – все это на совести руководителей страны, совершенно не делая исключений, если взять хотя бы с начала века. Николай I и его правительство в угоду своим имперским амбициям ввергли Россию в пучину Первой мировой войны, результатом поражения в этой войне была Октябрьская революция и гражданская война, к власти пришли политические авантюристы – Ленин, Сталин, Каменев, Троцкий, Бухарин и др. Ни они, ни «отец оттепели» Хрущев, ни «железный» Андропов, ни «перестройщик» Горбачев, ни «демократ» Ельцин – никто из правителей России XX века не стремился к миру и согласию как внутри своей страны, так и в мире в целом. Всегда у всех у них главной заботой было всемерное укрепление существующего режима и своей личной власти, престижа СССР и России как великой мировой державы, но никогда – свободная, мирная и благополучная жизнь собственного народа, что должно быть первой и единственной задачей всех правителей.

Да и сегодня наши правители, столкнувшись с жестокой реальностью жизни, когда копившаяся долгие годы ненависть целых «неблагонадежных» народов к коварной и лицемерной политике кремлевских вождей вылилась в результате смягчения тюремного режима в стране в бурный рост националистических движений, тяготеющих к сепаратизму с проявлениями экстремизма, не стремились искать причину этого явления, чтобы исправить положение, а стали только силой усмирять всех недовольных. В результате мы и получили «Чечню», т. е. войну и террор.

И странно – любой конфликт в любой стране, похожий на наш, «чеченский», наши правители призывают решить мирным путем, путем переговоров сторон, с соблюдением интересов той и этой стороны, а у себя дома они ни в коем случае не хотят делать так, к чему призывают всех во всем мире – разрешить конфликт мирным способом. И все еще не ищут причин озлобления людей, обиды целых народов на несправедливость высших властей к их жизненным проблемам, а продолжают гнуть старое – ищут только преступников, чтобы стереть их в пыль – порошок, в пылу гнева стирая с лица земли целые города и селения, по-прежнему деля народы на «хороших» и «плохих».

Бесланская трагедия – это боль и позор для всех нас, для всей России. Трудно, говоря об этой трагедии, быть взвешенным и спокойным. Трудно, но Президент такой многонациональ-

ной страны, как Россия, не имеет право не быть взвешенным и, поддаваясь эмоциональному порыву, говорить, что Осетия «всегда была и остается форпостом России на Кавказе», словно весь остальной Кавказ находится в конфронтации с Россией. Обо всех народах говорить мы не имеем право, но наши народы – карачаевцы и балкарцы – с тех пор, как вошли в состав России, никогда не мыслили и не мыслят себя вне России. И даже после жестокого «избиения» нас, ни в чем не повинных перед ней, и изгнания «из дома» – высылки. И даже такая страшная трагедия не смогла заставить задуматься наших правителей о том, почему же, интересно, люди совершили столь жестокие злодеяния, что их на это толкнуло? Нельзя ли, если когда-то что-то не так сделано властями, исправить это? Неужели непонятно – преступность, жестокость, терроризм – это явные признаки глубокой болезни общества, и одним только ужесточением карательных мер добиться успеха трудно, надо лечить общество, людей. А общественные болезни основательно лечатся только справедливым правлением, когда высшие власти страны по-отечески заботятся обо всех народах, обо всех людях страны. Исходя из этих соображений и надо искать причины и жестокости, и преступности, и даже такого позорного явления, как терроризм. А у нас пока ищут только преступников, и то не очень успешно...

Все это мы говорим к тому, что и у нас, в Кабардино-Балкарии, чуть было дело не дошло до трагедии. И именно в те смутные времена, когда рушился СССР и по «всей Руси» гуляла вольница суверенитетов и толпы политических авантюристов, любой ценой желающих прорваться к власти.

И у нас было все, как и в стране в целом. И суверенитет объявляли, и толпы авантюристов гуляли, устраивая митинги, и даже пытались захватить «штурмом» и Большой дом, и Комитет по телевидению и радиовещанию, распоясавшиеся политические авантюристы, объявившие себя представителями народов, пытались навязать руководству республики свои взгляды, требовали, чтобы государственные органы исполняли их пожелания и даже пытались формировать собственную «национальную гвардию».

Вначале, шокированные и несколько растерянные власти республики всячески пытались найти общий язык с людьми, выдававшими себя за неформальных, но фактических лидеров народа, и в самом деле уверенные в том, что они действительно выражают народные чаяния. Но на самом деле в то время ни лидеры ККН – Конгресса кабардинского народа, ни лидеры НСБН – Национального Совета балкарского народа не могли в полной мере учесть интересы своих народов, так как и те, и другие были людьми далекими как от настоящей политики, в первую очередь призванной думать о мирной и благополучной

жизни народа, так и от способности здраво подумать о последствиях своих действий, так как они или были ослеплены национализмом, или же просто рвались к власти, недовольные прежними властями, которые не удостоили их высокими должностями.

Лишь только благодаря жизненной мудрости наших народов, не желающих ни в коем случае идти к созданию своих отдельных республик через кровь и слезы – через войну, а также в определенной степени и довольно правильному действию Председателя Верховного Совета Хачима Кармокова, удалось тогда предотвратить кровопролитие и рождение еще одного очага напряженности на Северном Кавказе.

Сейчас, по прошествии определенного времени, можно более спокойно подумать и определить в чем же именно проявилось то, что ни лидеры ККН, ни лидеры НСБН не действовали в интересах своих народов, а руководствовались в своих поступках эмоциями и иными интересами.

Начнем с действий НСБН, провозгласившего первым – 17 ноября 1991 года – на 1 съезде балкарского народа, созданном им – образование Республики Балкария. Слов нет – любой народ, если он даже и такой малочисленный, как балкарский, в принципе должен стремиться к самоуправлению, а если есть реальная возможность – и к полному суверенитету. В реальности для получения полного суверенитета у балкарцев и возможности нет, и между прочим, что немаловажно, никакого стремления нет. Так как балкарцы, как и карачаевцы, не мыслят себя вне России. Следовательно, речь может идти лишь о возможности образования в составе России своей области или республики. Да, при определенных условиях это возможно. Пример – Ингушетия. Лидеры НСБН, наверное, так и подумали – Ингушетия же стала самостоятельной республикой, можем и мы. Но они забыли, видимо, о том, как лидеры Ингушетии смогли это сделать. Лидеры Ингушетии сумели соблюсти все условия, при которых появляется возможность нового административного образования у нас в России.

Перечислим главные из них, не официально утвержденные, конечно, но необходимые при здравом размышлении: это согласие Центра на такие административные новшества; согласие на это народа-соседа, с которым ты составляешь на сегодняшний день одну республику или область; возможность без конфликтов разграничить территорию. Вот три основных условия, хотя мы даже и не говорим о главном – о желании самого народа обособиться, имея в виду, что любой нормальный народ в принципе никогда не будет против этого, хотя бы для сохранения своей самобытности и культуры. Республика Ингушетия образовалась лишь после того, как выяснилось, что ни Центр, ни чеченский народ не возражают против создания Республики

Ингушетия, и что между Чечней и Ингушетией без конфликтов можно провести административную границу, что и было сделано. А при провозглашении Республики Балкария ни одно из этих основных условий не было учтено, в то время как по всем этим параметрам совершенно нетрудно было предвидеть непреодолимые осложнения.

Вот в этом и заключается политическая и юридическая некомпетентность, а, следовательно, и авантюризм руководителей НСБН. Авантюризм, потому что они, пусть не искушенные в политике и юриспруденции люди, хотя среди них были и некогда большие начальники и ученые с высокими званиями, но вполне взрослые люди, не задумывались о последствиях своих необдуманных поступков. Во-первых, нигде в мире Центры не любят своевольные регионы, которые демонстративно проявляют вольность, а у нас в России — особенно.

Поэтому рейтинг балкарского народа, который все еще не полностью избавился от клейма «неблагонадежного народа» перед суровым оком Центра, упал бы еще ниже. Во-вторых, экстремистски настроенное крыло ККН, рвущееся к власти, непременно воспользовалось бы «национальной картой», разжигая национальную рознь, что могло привести к серьезному межнациональному конфликту. В-третьих, с самого начала было ясно, что провести согласованную разграничительную линию между Кабардой и Балкарией практически невозможно. Вот все это и есть политический авантюризм, когда народ обнадеживают несбыточными мечтами, не задумываясь о последствиях. В результате таких действий руководителей России и Чечни и развязали в собственной стране войну, от которой теперь страдают все народы РФ от Пскова до Чукотки — везде бетонные блоки, особые охранные режимы, проверки, косые взгляды на «иных» и т. д. У нас, слава богу, до этого не дошло. Хотя действия экстремистского крыла новых национальных элит, рвущихся к власти, всячески толкали дело к этому.

Теперь посмотрим с таких же позиций и на действия лидеров ККН. Состоявшийся по призыву ККН I съезд кабардинского народа 10–14 января 1992 года принял решение о «воссоздании», как было отмечено в постановлении съезда, Кабардинской Республики, хотя в истории до Кабардино-Балкарской Республики и не известно государственного образования под названием «Кабардинская Республика».

III съезд кабардинского народа, состоявшийся в конце ноября, принял постановление «О ходе реализации постановления I съезда кабардинского народа по воссозданию Кабардинской Республики». Этот документ интересен тем, что «комиссия ККН по определению границ, составленная из числа наиболее квалифицированных и авторитетных ученых республики во главе с доктором исторических наук Х. М. Думановым, подготовила содержательную историческую справку по данной проблеме» и пришла к выводу о том, что «на юге Кабарда граничила с Грузией» и эта территория традиционного расселения балкарского

народа всегда входила в пределы историко-географического понятия «Кабарда»; и что решение проблемы определения границ возможно и путем возвращения Кабардино-Балкарской Республике исконного названия «Кабарда»...

Как видно, лидеры ККН, с подачи ученых-националистов сложный узел проблем этнических границ решили просто и быстро, как Александр Македонский – ударом сабли вознамерились отрубить от Кабардино-Балкарской Республики лишнюю часть – Балкарскую – и получить чистую, «исконную Кабарду», которая «на юге граничит с Грузией». Любопытный факт – тамада «наиболее квалифицированных и авторитетных ученых» Х. М. Думанов после удивительного научного открытия никогда не существовавшей «Кабардинской Республики», которая «на юге граничила с Грузией», и в которую «всегда входила территория расселения балкарского народа» сразу же стал наиболее авторитетным и сегодня возглавляет Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований! Значит, такие ученые в нашей республике все еще востребованы?

Здесь остается только вновь отметить: лидеры ККН, как и лидеры НСБН, провозглашая о «воссоздании» Кабардинской Республики, не обратили никакого внимания не только на соблюдение вышеупомянутых условий для образования новой республики, а по-своему решили и проблемы взаимоотношений с народом-соседом, с которым надо было разойтись – они попытались, как некогда Калмыков и Кумехов, просто вычеркнуть из карты слово «Балкария». Калмыкову это не удалось, Кумехов сумел это сделать, но через 13 лет Балкария вновь появилась на карте. Попытка «наиболее квалифицированных и авторитетных ученых республики» тоже не удалась. Но они живы и здоровы, коль потребуется, вновь, наверное, проведут границы как надо. Только не известно, сумеют ли наши народы, сохранив разум и хладнокровие, опять выйти из нового смутного времени без крови и слез, как и в начале 90-х годов XX столетия? Заранее дать ответ на этот вопрос никто не может.

Да, тогда, в 1991–1992 годы XX века, наши народы и их официальные лидеры – руководители республики, не в пример лидерам НСБН и ККН, сумели не сойти с разумного пути, сохранили спокойствие и в результате взвешенных и правильных в основном действий предотвратить нагнетаемый конфликт и сохранить мир в республике. Вспомним еще, что в это же время разразился и абхазский кризис, после того, как 14 августа 1992 года, когда у нас обстановка и так была накалена до предела, Грузия ввела войска в Абхазию и там началась война.

Известно, что абхазы и адыги составляют одну языковую группу, а потому наибольшую активность по оказанию помощи борющемуся за свою независимость абхазскому народу проявляла кабардинская часть населения республики, хотя и все остальные жители тоже были на стороне борцов за свободу и

желали оказать им помощь. Но как и какую оказать помощь – в этом вопросе возникли разногласия.

Если ККН заявил о том, что нельзя ограничиваться только осуждением грузинской агрессии и оказанием материальной помощи Абхазской республике, а необходимо использовать все способы и возможности, в том числе и формирование отрядов добровольцев, то НСБН был категорически против вооруженного вмешательства третьих сторон в грузино-абхазский конфликт, предостерегая, что это может быть использовано Грузией для усиления своего военного присутствия в РА. ККН призывал МВД республики к «недопущению проезда через территорию КБР автотранспорта с опознавательными знаками Грузии, граждан грузинской национальности, а также вывоза любых грузов из КБР в РФ». Кроме того, руководству КБР предлагалось оказать давление на Президента РФ и потребовать воздействия на Госсовет Грузии для прекращения агрессии: «В случае неприятия этого предложения рассмотреть вопрос о расторжении Федеративного договора». ККН также намеревался немедленно сформировать свою Национальную гвардию и начать охрану территории республики своими силами.

НСБН высказывался резко отрицательно к идее формирования собственных вооруженных формирований ККН: «Это таит угрозу гражданскому миру, конституционным органам власти, а также балкарскому народу. Ничто не гарантирует, что эти формирования впоследствии удастся разоружить». Кроме того, Национальный Совет балкарского народа назвал не серьезными и не корректными предложения о расторжении Федеративного договора, напомнив авторам этой затеи о том, что один из субъектов республики – балкарский народ – вовсе и не собирается выходить из состава России и подтвердил это на своем референдуме.

О напряженной общественно-политической обстановке в то время в республике говорит и беспокойство депутатов, высказанное ими на чрезвычайной сессии Верховного Совета КБР, состоявшейся 27 августа 1992 года.

Асланбек Гукетлов: «Мы все призываем вооружиться, но меня волнует то, что все это оружие вернется сюда. Поэтому я прошу товарища Шокуева ответить мне: вы проконтролируете ситуацию, когда люди с оружием вернуться к нам? Или Конгресс кабардинского народа сможет проконтролировать использование этого оружия?».

Министр внутренних дел Хачим Шогенов: «Вы посмотрите, какая криминогенная обстановка создается в республике, когда так называемые добровольцы, не предупреждая никого, вооруженные до зубов, проходят через нашу республику... Я разговаривал с товарищем Губачиковым и предупредил его, что те мероприятия, которые проводятся с населением в поддержку абхазского народа, еще больше накаляют криминоген-

ную обстановку. Вот и последнее мероприятие, которое проводил Конгресс кабардинского народа во главе с Шокуевым и Губачиковым... В 15 часов, в час пик, перекрыли трассу на выезде из Нальчика в Шалушку, и проводят митинг. Как в таких ситуациях должны поступать правоохранительные органы? Мы проявляем терпимость. Но когда перекрывается госдорога, и люди не могут попасть домой, а организаторы призывают народ к неподчинению, мы не можем не реагировать. Мы возбудили против этих лиц уголовное дело... Я могу пофамильно перечислить все грузинские семьи, которых терроризировали в течении двух суток, и рассказать, чем это закончилось».

После завершения всестороннего обсуждения абхазской проблемы Верховный Совет КБР принял постановление, где осуждались действия грузинских властей и высказывалось требование вывода грузинских войск с РА. Но в то же время Верховный Совет поддержал позицию Президента, Правительства и Председателя ВС о вооруженном невмешательстве в грузино-абхазский конфликт и необходимости поиска мирного урегулирования этого конфликта; осудил попытки приобретения оружия и формирования добровольческих отрядов.

Депутаты-представители ККН и другие кабардинские общественно-политические движения попытались было возразить, стремясь снять пункт о неправомерности приобретения оружия и формировании как Национальной гвардии ККН, так и отрядов добровольцев.

В ответ им Председатель Верховного Совета КБР Хачим Кармоков зачитал постановление Конгресса кабардинского народа о создании Национальной гвардии и в свою очередь задал вопрос: «Позвольте вас спросить, уважаемые члены ККН, что теперь делать Национальному Совету балкарского народа? Что делать русскоязычному конгрессу, обществу казаков, остальным общественным организациям? И что у нас получится, если каждая общественная организация будет создавать национальную гвардию из представителей народов республики?... Мы один раз предупреждали вас: «Не делайте попыток государственного переворота. Не производите антиконституционных шагов. Это плохо кончится для всех нас». Но нет, опять говорят, давайте создадим при Конгрессе гвардию. В выступлении нашего Президента сегодня уже прозвучало: хватит общественным организациям вмешиваться в область деятельности властных структур».

При голосовании по этому пункту против позиции руководства республики проголосовали только четыре депутата. Это было ярким свидетельством тому, что в это сложное время руководители республики сумели остаться на позициях трезвых государственных деятелей, защищающих, прежде всего, интересы народа, избравшего на эти высокие должности, и ника-

кие стихийные эмоции и течения, какими бы сильными они ни были, не смогут увлечь их за собой в общий поток.

Еще в то время руководители республики, как видим, прекрасно знали о стремлении наиболее экстремистского крыла ККН любым путем прорваться к власти, в том числе даже и таким опасным, как всемерное нагнетание межнациональных отношений в республике и формирование собственных национальных вооруженных отрядов под благозвучным названием «Национальная гвардия». Но их попытка захватить власть в республике тогда не удалась.

Впоследствии, в связи с тем, что действия ККН и НСБН не способствовали миру и согласию в республике, а наоборот, накаляли общественно-политическую обстановку, они были запрещены законными властями республики.

Тема «смутного времени» после ГКЧП в балкарской публицистике

11. Сегодня на тропу войны могут стать лишь сумасшедшие... *

*Статья писателя Магомета Кучинаева для газеты
«Кабардино-Балкарская правда»*

***

В наше время человеку не убежать, не скрыться от новостей, что несут со всего мира газеты, радио и телевидение. А мир, кажется, сошел с ума: вместо того, чтобы радоваться новым друзьям и знакомым, протягивать друг другу руки, строить дома и счастливо в них жить, люди ожесточенно убивают друг друга, рушат города, сжигают дома, словно это и есть самое достойное занятие для человека!

Могут сказать: жестокость – тоже одна из присущих человеку, к сожалению, качеств, и войны происходили всегда во все времена. Это, конечно, правда – и человек порою бывает жесток, и войны в истории человечества не так уж редки. Но разве люди наделены от природы добротой в меньшей степени, чем злом, разве народы больше хотят войны, а не мирной, созидательной жизни? Нет, конечно! Я уверен – нет на свете людей, от рождения напичканных только злобой и ненавистью, и при старании каждый человек может убить в своей душе все звериное или загнать его в такой далекий угол, чтобы оттуда и носа не высывал; я уверен – нет на свете народа, который вместо прекрасной дороги мирной, спокойной, созидательной жизни выбрал бы крутую тропу войны, смертей и слез!

Почему же тогда мир сходит с ума, почему с таким ожесточением и в без того нелегкое время азербайджанцы и армяне, грузины и осетины, осетины и ингуши горят желанием растерзать, уничтожить друг друга? Почему так жестоко и хладнокровно убивают друг друга сербы и боснийцы, сербы и хорваты, разрушают свои прекрасные города, жгут дома, насилуют женщин, убивают детей? Откуда такая жестокость у людей, объединившихся под респектабельно-патриотическим названием Ирландская Республиканская Армия, а на самом деле являющихся обычными террористами, своими взрывами убивающими мирных, ни в чем неповинных людей? Со всех концов света летят к нам тревожные вести – из Америки и Африки, Азии и Европы. И даже такие респектабельные страны, где, кажется, незыблемы законы и порядки – США, ФРГ, Англия, Франция – иногда впадают в шок от насилия и злобы, что не так уж редко стали проявлять их собственные граждане. Вспомните Лос-Анжелесские события, погромы неонацистами жилищ иностран-ных рабочих в Германии и т. д.

И когда задумываешься – в чем же все-таки дело, откуда у людей столько злобы и ненависти? – раз за разом неизбежно приходишь к мысли, что первопричина всех этих бед и несчастий – страшная болезнь. Болезнь эта трудноизлечима, как СПИД, – если ее микробы поразили мозг и сердце человека, их уже не так-то легко вывести. И что самое опасное – эта болезнь, как грипп, может заразить сразу массу людей. Зараженные этой болезнью люди лишаются разума, злоба и ненависть поселяется в их душах, начинаются убийства ни в чем неповинных людей, начинается война. Имя этой болезни – крайний национализм, а попросту фашизм.

Конец XX века – время эпидемий национализма. Как и другие заразные болезни, национализм в первую очередь поражает людей живущих в экономически неблагополучных регионах и странах. И если в развитых странах болезнь национализма люди переносят сравнительно легко, в рамках закона, – борьба франкоязычного Квебека за особые права, к примеру, в Канаде, – то люди, живущие в нищете, в бедной стране, где порядка-то настоящего нет и законы втоптаны в грязь, слабые телом и духом, не в силах противостоять коварству этой болезни, и она полностью ими завладевает. И тогда это уже не люди со своими мыслями и суждениями, с волей и характером – это уже толпа, требующая себе вожаков и готовая идти куда угодно, делать что угодно, лишь бы достигнуть хоть крупницу из всего того сверкающего, манящего, роскошного мира, куда их зовут. Неважно, что для этого в первую очередь, быть может, надо убить соседа, поджечь его дом и перешагнуть через его труп. Ведь не раз же было сказано «сведущими» людьми, что дом соседа стоит на его земле, и все, что в доме, по праву хозяина, принадлежит ему, а не соседу...

Что бы мы ни говорили, но, в сущности, все войны начинаются именно так – народ заражается национализмом, ему показывают соседа, по злой воле которого все беды и напасти, и – пошло все по обычной схеме. Так, по классическим правилам агрессоров, начинал войну и Гитлер за «жизненное пространство». Пусть в несколько иной вариации, но по той же классической схеме разворачивались события и в Карабахе, и в Южной Осетии, и в Приднестровье, и в Узбекистане (геноцид против курдов), и в Абхазии. И какую бы туманность сверхсложности не накидывай, первопричина трагических событий в Северной Осетии и Ингушетии тоже здесь – в национализме, в нежелании понять соседний народ, вникнуть в суть его проблем, посочувствовать ему, попытаться мирным путем решить разногласия.

До недавнего времени мы тешили себя мыслью о том, что у нас в республике, слава Аллаху, спокойно, наши народы-де не так уж глупы, чтобы с ножами кидаться друг на друга. Мы, наивные люди, все надеялись, что кругом будет бушевать пламя, а мы останемся целехонькими – до того мы верили в свой ум-разум: как это, мол, жили, жили веками в мире и добре, и на тебе – ни с того ни с сего – с ножами друг на друга?! Да никогда этому не бывать – не такие уж мы дураки!

А на поверку-то оказалось, что мы такие же, как и все, и нас эта зараза, национализм, также лишает разума, ослепляет, и мы нисколько не умнее ни азербайджанцев, ни армян, ни грузин, ни осетин, да и кого бы ни было еще. А я-то, наивный, действительно полагался на житейский ум наших народов, прошедших все круги ада и все-таки выживших, и от этого, думал я, ставших мудрее многих других. А на самом-то деле оказалось, что надежды эти – просто иллюзии. Постановление III съезда кабардинского народа развело в пух и прах эти иллюзии, фактически объявив о желании Кабарды в скором времени просто-напросто слотнуть Балкарию. Не верите? Цитирую Постановление: «Так как у сторон обнаружались разные подходы при определении границ, съезд отмечает, что решение проблемы возможно и путем возвращения Кабардино-Балкарской Республике исконного названия «Кабарда» с сохранением прав субъекта за обоими народами». Вот так-то: не было Балкарии и не должно быть, а пусть будет «субъект» – и никаких проблем! А через некоторое время, естественно, можно будет включить в повестку дня очередного съезда кабардинского народа и вопрос – существует республика Кабарда, есть народ, давший имя этой республике, кабардинский народ, откуда взялся еще второй субъект – непонятно, нелогично, надо бы убрать этот второй субъект. Вот и все – глядишь, эдак лет через пять-шесть мы и получим «чистую» Кабарду, о которой уже не только в мечтах, а и на самом деле можно сказать: «На юге Кабарда граничит с Грузией» (в Постановлении съезда есть такие слова: «На юге Кабарда граничила с Грузией»).

Здесь мне уместно высказать свое суждение о словосочета-

нии «историческая граница», часто употребляемом в документах Конгресса кабардинского народа. Ни один мало-мальски серьезный историк не станет употреблять такое словосочетание – «историческая граница» – когда речь идет о государственном образовании, да любой здравомыслящий человек поймет абсурдность этого, коль чуть-чуть поразмыслит. Ну, скажите – знаете ли вы хоть одно государство, которое на протяжении всего времени своего существования находилось в границах раз и навсегда определенных, данных как бы свыше, признанных всеми, и в первую очередь самим этим государством – т. е. страну с так называемыми «историческими границами»? Таких государств или государственных образований нет и быть не может. Потому что любое государство, родившись, как и человек, стремится к росту – к расширению своей территории и, естественно, к изменению своих границ в свою пользу. Если государство в течение какого-то времени неуклонно усиливается, то оно, само собой разумеется, продолжает расширяться. Так рождаются империи. Римская империя, подмявшая под себя чуть ли не весь мир, известный тогда европейцам, начиналась с маленькой Этрурии, с Союза Семи Этрурских городов. Какие же границы для современной Италии считать «историческими»? Границы Римской Республики на заре нашей эры, когда внутри этих границ находилась почти вся Европа, включая даже Англию, весь север Африки и половина Азии? Или же границы Этрурии, что будет соответствовать одной из провинций современной Италии? Нет – ни то, конечно, и не другое. И не третье. Потому что не бывает у государств так называемых «исторических границ», а бывают границы лишь на такой-то, на такой-то год. К примеру, границы Римской Республики к I году нашей эры. Через год-другой эти границы уже могут быть другими, если римские легионы покорят территорию еще одного германского племени (что им, кстати, давалось нелегко) или же отпадет какая-то провинция в Азии. Возьмите любое известное вам государство – Францию, Германию, США, Англию, Россию, Польшу, Монголию, Китай, Индию, Турцию, Грецию, Испанию – нигде вы не найдете «исторических границ». Потому что их нет в природе – государства, как и люди, рождаются, набираются сил, растут, потом силы у них начинают истощаться – «стареют» – и они, если были империями, распадаются, а если были небольшими государствами, то становятся еще меньшими или вовсе исчезают. Куда делись некогда могущественные Вавилон, Ассирия, Аккад, Золотая Орда, Византия? «Состарились», а потом распались и погибли, исчезнув с исторической арены.

Мы бы посмеялись, если узнали, что монголы считают своими «историческими границами» границы империи Чингиз-хана, а греки – Александра Македонского, и намерены вернуть себе земли, очерченные этими границами. Мы сегодня смеемся над

господином Жириновским, который намерен восстановить Российскую империю в пределах ее прежних границ, хотя эта империя только что распалась. Но даже и он, по-моему, не употреблял такое абсурдное словосочетание, как «историческая граница». Ведь скажи так, тогда ему могут указать и на границы Киевской Руси IX века или же Московии XV века.

Так что, словосочетание «историческая граница» по отношению к государственному образованию или же к территории расселения народа – это такая же нелепица, как сказать «естественный возраст» человека. Потому что границы государства и территория расселения народа постоянно меняются, как и возраст человека.

Исходя из этого, не выдерживает никакой серьезной критики планы Конгресса кабардинского народа о воссоздании Республики Кабарда в пределах так называемой «исторической границы». Если же взять дату, приводимую в документах Конгресса, – 1863 год, то следует отметить следующее. Во-первых, каковы были границы Кабарды в 1863 году – вопрос сложный и спорный. И во-вторых, если даже, скажем, границы эти были определены четко и бесспорно, то резонно задать вопрос: «Если Конгресс кабардинского народа намерен воссоздать Республику Кабарда в границах, когда территория Кабарды была наибольшей, то почему Национальный Совет балкарского народа не имеет право на то же самое – намерение создать Республику Балкария в границах 1727 года, когда была четко определена ее граница с Кабардой и ее территория была большей, чем на сегодня предполагается? Тогда Кабарда и Балкария не являлись частями одного государственного образования и, конечно же, граница между ними определялась с особой тщательностью. Кабарда входила в состав Крымского ханства, а Балкария – нет. А вообще, почему надо брать границы именно XVIII или XIX веков, а не, скажем, XII или XV веков? Это уже неразумно, скажете вы. Вот в том-то и дело – вообще неразумно пытаться «вшиться» в границы прошлых веков, и если уж без определения границ не обойтись, то следует придерживаться одного из основополагающих принципов сегодняшнего мироустройства – принципа статус-кво, то есть исходить из того, что есть на сегодня. Всякие попытки решить эту сложную проблему по-иному, на мой взгляд, а тем более простым зачеркиванием на карте слова «Балкария», независимо от того, осознанно это делается или же просто по наивности, не имеет значения, – будут толкать наши народы на путь конфликтов и вражды. А это, и младенцу понятно, – война, кровь, смерть, разрушения – как раз противоположное тому, к чему мы все стремимся...

Вернемся вновь к решению III съезда кабардинского народа о намерении назвать Кабардино-Балкарскую Республику якобы исконным названием «Кабарда». Итак, как говорится, цели

определены, задачи ясны – как же теперь их воплотить в жизнь? В Постановлении есть пункт 3, где записано: «Рассмотреть исторические и правовые основания для возвращения исконного названия «Кабарда». Хотя в этом пункте и не определено ясно, кому или чему должно быть возвращено название «Кабарда» – самой только Кабарде или же Кабардино-Балкарии? – но, думаю, как и я, многие поняли, что имеется в виду Кабардино-Балкария. И еще – кому поручается рассмотреть? Исполкому Конгресса кабардинского народа или же Верховному Совету КБР? – ведь мы привыкли к тому, что эта общественная организация, нисколько не задумываясь о юридической правомерности этого, может иногда поручать решение кое-каких своих проблем и высшим государственным структурам и должностным лицам Кабардино-Балкарской Республики.

Вопрос этот весьма деликатный, так как найти «исторические и правовые основания» ликвидировать государственность балкарского народа не смогли ни всемогущий Сталин, ни изощренный во всяких подлогах и фальсификациях Берия, ни их услужливые подручные, – они без всяких обиняков сделали то, что хотели сделать, особо не утруждая себя поисками каких-то там «исторических» да «правовых» оснований. Они-то уж воспользовались бы с удовольствием, если б имелись такие основания. Интересно, где же их собираются искать «наиболее квалифицированные и авторитетные ученые (см. Постановление) мужи Конгресса во главе с Х. М. Думановым – таковых-то ни в природе, ни тем паче в архивах не существует! И это они ведь сами прекрасно знают!

Не вдаваясь далее в подробности этого, мягко говоря, недружественного намерения по отношению к балкарскому народу, вернемся к вопросу о том, каковы же могут быть пути реализации предложения съезда кабардинского народа по поводу того, чтобы Кабардино-Балкарская Республика называлась не так, а просто и коротко – Кабарда?

Единственный «законный» путь – это заставить или упротить парламент России принять закон Российской Федерации о переименовании Кабардино-Балкарской Республики в Республику Кабарда. Есть на это хоть какая-то надежда? Никакой. Второй путь – это саддамхусейновский вариант: захватить силой Балкарию и объявить ее своей такой-то провинцией (по-нашему – районом) и поставить Россию и весь мир перед свершившимся фактом.

Второй вариант – это испытанный в веках и на всей земле единственно надежный путь. Давайте посмотрим, каковы здесь шансы у авторов проекта Постановления и делегатов съезда (не могу написать «у кабардинского народа», ибо я все-таки не могу поверить в то, что кабардинский народ всерьез намеривается просто «съесть» своего соседа)? Если бы Кабарда и Балка-

рия были бы самостоятельными государствами, а не являлись бы частями одной страны – России, то кое-какие шансы были бы. Но опять-таки – вышла же осечка у этого Саддама Хусейна с Кувейтом! А ведь и там – в Ираке, и там – в Кувейте живет фактически один народ – арабы – и то вмешались!

А здесь – разные. Промолчат ли, «не увидят ли» Турция, Казахстан, Кыргызстан, Татарстан, да и тот же Карачай, что совсем под боком? Кровными братьями ведь считаются все турки. И еще – этот ООН сегодня стал слишком уж активным: лезет повсюду, порядок, видишь ли, наводит. Да и Европа хороша – сама веры христианской, а взялась защищать мусульман в Боснии, а не единоверцев-сербов. Все – и ООН, и Америка, и Франция, и Англия, и даже Россия – надо же! – видите ли, хотят, чтобы на земле был порядок и мир, чтобы нигде не воевали, не захватывали, не убивали, не унижали! Ангелы небесные нашлись!..

Как видно, и здесь особых надежд на осуществление мечты нет, хотя кое-какие шансы и есть. Шансы эти – авось никто «не увидит», никто не вмешается, никто против не пойдет – конечно же ничтожно малы, учитывая все возрастающее желание ведущих держав сохранять на земле мир и спокойствие.

Но и эти ничтожные шансы даются без учета двух факторов, которые в ходе реализации этого намерения могут сыграть решающую роль – это то, что и Кабарда, и Балкария сегодня находятся в составе России, а не являются, как мы говорили, самостоятельными государствами, и то, что Балкария все-таки не с превеликим удовольствием пожелает быть поглощенной историко-географическим понятием «Кабарда», и наверняка вознамерится сопротивляться.

Итак – единственный путь, идя по которому еще можно надеяться Кабардино-Балкарскую Республику переименовать в Республику Кабарда, как желает съезд кабардинского народа, – это захват и покорение Балкарии. Ну что ж – обычный путь, по которому с разным успехом проходили многие народы. Так создавались и великие империи в прошлом – Персидская держава и империя Александра Македонского, Римская империя и империя Чингиз-хана, Османская империя и Российская держава и многие другие. Только надо помнить, что названия этих известных нам империй – это лишь единичные случаи осуществления мечты завоевателей, а сотни и тысячи попыток горячих голов покорить соседние народы заканчивались и для них самих и для соседей трагедией, а не победными парадами. И если Кабарда уверена, что у нее достаточно и людских ресурсов, и военных сил, чтобы начинать покорять соседние народы и попытаться создать какую ни на есть, но свою империю, ее от этого шага никто не удержит. Еще никто и никогда увещеваниями завоевателя не останавливал.

Но об этом – о том, что они фактически намерены поднимать Кабарду на войну с Балкарией, руководители съезда кабардинского народа должны сказать своему народу прямо и

открыто, не так невнятно – переименовать Кабардино-Балкарскую Республику в Кабарду. И если уж кабардинский народ решит, что он далее не в силах терпеть по-соседству балкарский народ и намерен изгнать его вон – тогда балкарцам ничего не остается, как вновь собирать свои пожитки и убраться во свояси или же, отбросив в сторону иллюзии о дружбе и добрососедстве, набравшись духу, готовиться к смертельной схватке, если даже она будет и последней. Ибо если русские из Таджикистана могут уехать в Россию, армяне из Азербайджана – в Армению, другие – еще куда-то, то у балкарцев другой родины нет, она у них одна – Балкария. Здесь им жить, здесь им, если придется, и умирать.

Значит – тупик, война, смерти и слезы, сожженные дома и трупы, ожесточение и злоба, которые поселятся в душах людей, пока они будут живы? Безоговорочно сказать: «Нет, никогда у нас этого не будет!» – теперь это было бы слишком наивно. Ведь проглотить Балкарию засобирались не двое-трое националистов-фанатиков, на коих можно было бы и рукой махнуть – какой с них, мол, спрос, большие ведь! – а об этом сказано съездом кабардинского народа и сказано вполне все-речь. А от этого уже просто не отмахнешься ведь заявлено от имени всего кабардинского народа. А народ это не опротестовал – выходит, так оно и есть! А кое-кто из руководителей государственных учреждений уже и печати ставит на государственных бумагах, где надписи на русском и кабардинском языках, а на балкарском – нет. Так что, решение съезда уже де-факто начинают проводить в жизнь! И не какие-то безответственные лица, а государственные служащие довольно высокого ранга.

Так как напряженность в общественно-политической жизни в республике многие связывают с решениями съездов балкарского и кабардинского народов об образовании Республики Балкария и Кабардинской Респубики, то и мне хотелось высказать по этому поводу свои суждения. Право на образование своей государственности – это неотъемлемое право народа, и каждый народ, естественно, мечтает о своей собственной республике. Ведь что бы мы ни говорили, а имея собственную республику, пусть и в составе большой страны, как ее часть, народ обладает гораздо большими возможностями для всестороннего развития по сравнению с таким же народом, но не имеющим своей государственности. К примеру, волею злой судьбы развеванные по всей территории бывшего СССР российские немцы, крымские татары, турки-месхетинцы, даже те же гагаузы в Молдавии, не имеют таких возможностей для развития, какие имеют даже менее малочисленные народы, но имеющие свою республику. Хуже того, если по отношению к ним не будет восстановлена справедливость – они обречены на небытие: часть немцев уедет в Германию, оставшиеся со временем ассимилируются. Та же участь и у турков. А у крымских татар судьба

вообще сложится трагично – у них нет иной исторической родины кроме Крыма, а Крым у них отняли.

Так что, желание народа иметь собственную республику – это и святое его право и его голубая мечта. Дай-то бог, чтобы у каждого народа осуществилась эта мечта! Возможно ли осуществление этой мечты – это уже другое дело. Если взять конкретно нас, кабардинцев и балкарцев, я считаю, что в принципе это возможно. Но лишь при наличии определенных необходимых условий.

Во-первых, оба народа должны быть глубоко убежденными в том, что создание двух республик – это новый этап в их добрососедской жизни, а потому необходимо прилагать все усилия к тому, чтобы как в процессе образования республик, так и в дальнейшем ни один человек, ни одна семья не пострадали ни морально, ни материально. После образования двух республик руководители и народы этих республик должны будут относиться к гражданам некоренной национальности по принципу «наибольшего благоприятствования», постоянно стремясь к тому, чтобы люди всех национальностей жили и работали, ни в чем не ощущая того, что они находятся не у «себя дома».

Во-вторых, оба народа и их лидеры должны быть глубоко убеждены в том, что какой бы высокой и святой ни была цель создания своей республики, не следует к ней стремиться безрассудно, пренебрегая жизненными интересами соседних народов, что может привести к общей для всех трагедии. Все должны проникнуться сознанием того, что Кабардинская Республика и Республика Балкария могут родиться и жить счастливо лишь в мире и согласии. А потому обоим народам необходимо по глубокому убеждению прийти к согласию, – все спорные проблемы, в том числе и проблемы определения границ, следует решать только разумным – мирным путем, при этом каждая сторона должна всячески стремиться к созданию атмосферы доброжелательности и уважения к партнеру.

В-третьих, в подавляющем большинстве своем оба народа, все люди, живущие сейчас в Кабардино-Балкарии, должны быть уверенными в том, что и Кабардинская Республика и Республика Балкария образуются лишь с одной гуманной целью – дать возможность этим народам возродить и успешно в дальнейшем развивать свои моральные ценности, язык, литературу, культуру, а также придать новый стимул к расцвету в сфере и материального производства. В общем – дать каждому народу возможность обрести «свое лицо». А это не только никого не должно ущемить ни в чем, а наоборот – от этого должны быть в выигрыше все: утихнут, а потом вовсе прекратятся споры о том, кто на чьей земле живет; кто на этой должности должен быть – балкарец, кабардинец, русский или еще кто-то другой; кто у кого на шее сидит – безземельный ли балкарец у богатого пашнями кабардинца, который в поте лица выращивает пшени-

цу и кукурузу, яблоки и помидоры, или кабардинец на шею балкарца, у которого чуть ли не все богатства республики – и белые горы во главе с Эльбрусом, и молибден Тырныауза, турбазы и лечебные воды. В результате канут в лету времена, отравленные недоверием друг к другу, невысказанными взаимными упреками, а придут времена дружбы и добрососедства, основанные на твердой почве взаимовыгодного сотрудничества и уважения друг к другу.

Может быть. А пока что Зауур Магомедович Налоев развел нас в разные «стороны» (само собой, по его разумению, враждующие) и угрожающе выговаривая, помахивает пальцем у лица Чабдарова, Председателя Национального Совета балкарского народа, несмотря на то, что тот является одним из почетных гостей съезда кабардинского народа. Кто-кто, но ученый филолог, писатель, известный собиратель и знаток адыгского фольклора должен знать, что он ведет себя в данном случае совсем не по правилам горской этики, которая неукоснительно требует уважения к гостю, тем более если ты сам его пригласил. Но в пылу эмоций Заур Магомедович еще не на такое способен – он сумел поставить на ноги не только ККН, но даже все МВД и Министерство Безопасности для организации поисков похищенных (по его мнению) иорданских граждан-адыгов, не оказавшихся перед новым годом у себя в квартире, и беспощадного наказания преступников. Если вспомнить, чем именно были вызваны угрозы в адрес «балкарской стороны» на съезде из уст Налоева, то нетрудно понять, кого именно он метил в похитители. Но вышел конфуз – в то время когда Налоев в морозный день 31 декабря с таким трудом организовывал митинг в связи с злодейским похищением адыгов-иорданцев с далеко идущими целями, те, как потом выяснилось, не мерзли на морозе, как их защитники, и не находились в темном подвале, голодные и холодные, в качестве заложников, ни в Хасанье и ни в Верхней Балкарии, – они встречали Новый год в теплом тесном кругу своих подружек совсем в другой стороне.

Итак – пока мы являемся «сторонами», стремящимися загнать друг друга в западню, пока с угрозами машем перед носами друг друга пальцами, пока не перестанем стремиться случайные трагедии, происходящие, увы, в нашей жизни, непременно превратить в межнациональные столкновения, об образовании своих национальных республик нашим народам и мечтать не следует. Потому что дело это – сложное, многотрудное, требует как от отдельных людей, так и от всего народа реальной оценки проблемы, особой осторожности и высоких моральных качеств, а попросту говоря – ума и такта. А сегодня, увы, нам не хватает ни того, ни другого. Значит – это дело надо отложить до лучших времен, когда люди и народы (наши хотя бы) поймут, что за большие и светлые мечты надо браться лишь с добрым сердцем да со светлой, чистой душой. Иначе беды не миновать.

...Недавно выпал большой снег, пришла настоящая зима. На

городских улицах – обычная суета: люди спешат на работу, заворачивают в магазины в надежде найти что-нибудь да по божеским ценам, терпеливо ждут автобусов – сплошная идиллия! Но я боюсь, что это – затишье перед бурей, которая как бы не разметала нас всех, не погубила... Так и хочется крикнуть прямо на улице: «Люди, опомнитесь – неужели не видите, что вы уже на краю пропасти! Давайте, пока не поздно, соберемся и все вместе подумаем о том, как нам жить по-людски, без злобы, ненависти. Так же всем нам будет лучше!» Но кричать на улице неприлично, и я молчу, молчу и смотрю на них с тревогой: что с ними станет весной, когда обильно начнут таять снега, – веселыми ручьями, радующими глаз, потекут талые воды или же все сметающим грязным потоком пронесутся они, пожирая в своих водоворотах все – и зазевавшихся людей, и добро, что копили они годами, превращая в прах все их надежды и мечты?

Кто знает – ведь все зависит от них же самих, от людей. Если они хотят и пожелают жить спокойно, упорным ежедневным трудом, шаг за шагом улучшая свое материальное положение и таким путем создавая фундамент лучшей жизни для себя и своих детей – то все будет хорошо, так как это и есть естественный, эволюционный путь развития, что всегда приводит к процветанию.

А если люди устали от вечной, практически бесполезной борьбы за достойную жизнь, отчаялись – а мы, мне кажется, находимся именно в таком положении – то они, особо не задумываясь о высоких понятиях чести и морали, могут пойти на все, если найдутся вожаки, которые пообещают им что-то хоть на капельку лучшее, чем сегодняшнее проклятое прозябание. Лишь бы в подходящий момент нашелся какой-нибудь повод, чтобы сломить сомнения людей насчет того, что они, быть может, поступают нехорошо. Но, как говорится, было бы желание, а повод всегда найдется, так как жизнь без проступков отдельно взятых людей, как мы знаем, не бывает. На худой конец пойдет и это. Такой ход уже отретпетирован – Шалушкинские и Терские события тому свидетельство...

Размышляя об общественно-политической ситуации в нашей республике и о том, как же нам все-таки избежать беды, что пришла в дома многих наших соседей и уже стучится в наши двери, неизбежно приходишь к выводу – теперь, когда мы на горьком опыте Абхазии и Карабаха, Ингушетии и Осетии точно знаем, к чему могут привести попытки грубого попрания жизненных интересов соседнего народа, твердо можно сказать – сегодня на тропу войны могут стать лишь сумасшедшие! И вообще, лучшие умы человечества давно заметили – и это подтверждается жизнью – процветают те страны, те народы, которые живут в мире и согласии с соседними народами и странами. Страны и народы, ставшие на этот путь, уже сегодня являются примером того, к чему должны стремиться другие народы и стра-

ны – это Швеция и Швейцария, Коста-Рика и Объединенные Арабские Эмираты, Канада и Норвегия, и многие другие страны. А те страны и народы, у которых естественные возможности вполне позволяют жить так же хорошо и даже лучше, но никак не могут изжить как в душах своих граждан, так и в политике своих стран средневековую привычку озираться по сторонам в поисках чего бы у кого отнять, как бы соседу досадить, как бы ему навредить – продолжают и по сию пору прозябать в нищете: львиная доля их труда уходит на вооружение, люди плохо питаются, плохо одеваются, обитают в жалких жилищах, они вечно недовольны всем, агрессивны, легко могут нарушить законы и принципы морали. Разве в России, в Ираке, в большинстве африканских стран, на Кубе, в Никарагуа, в Гватемале, в Кампучии, да в тех же Эфиопии и Сомали недостаточно природных возможностей и ресурсов, чтобы жить так, как в Норвегии или Финляндии? Достаточны, да еще как! Но Россия вечно в войнах – то на нее нападают, то она сама нападает на кого-то, то сама с собой на измор воюет; Ирак вместо того, чтобы жить припеваючи на свои нефтедоллары, как Кувейт, вознамерился стать вторым Вавилоном, подчинив себе весь арабский мир, вот и тратит все свое богатство на оружие; в большинстве африканских стран вечные смуты, перевороты, войны, межплеменные распри; Куба теперь полна решимости, хоть и в одиночку, противостоять всему «эксплуататорскому миру»; в центрально-американских странах тоже вечно революции да партизанские войны; а об Эфиопии и Сомали и говорить нечего – там народы сами себя уничтожают вот уже сколько лет! И что удивительно – на страны и земли, где идут войны, царствует жестокость и беззаконие, всегда обрушиваются всевозможные стихийные бедствия: землетрясения, засухи, наводнения, сели, крупные аварии. Так и получается, что все напасти и беды посылает сам Всевышний на те страны и народы, которые не хотят сойти с тропы войны, не хотят очиститься от злобы и зависти...

Если б мы все это поняли и не стали бы таить в своих душах ненависть, а вырвав ее с корнем, выбросили б вон, то могли бы и начинать жить по-человечески: работать и мечтать, надеяться и любить. Но хватит ли у нас на это воли и разума?

январь 1993 г.

Из истории братского карачаевского народа

12. Генерал завоевывает мир

Жизнь и судьба выдающегося сына братского карачаевского народа, лучшего генерала России второй половины XX века, генерала армии Владимира Магомедовича Семенова, бывшего первого заместителя министра обороны и Главнокомандующего сухопутными войсками России, составлявших костяк вооруженных сил страны, бывшего первого Президента Карачаево-Черкесской Республики одновременно и типична, и не типична как жизнь и судьба сына репрессированного народа.

Типична в том, что не обделенные от природы ни умом, ни смекалкой, ни трудолюбием и любознательностью, упорные и терпеливые дети гор нередко могут достичь выдающихся результатов даже несмотря на миллион препятствий и сложностей в их жизни. Примеров тому много. Это и Кязим Мечиев, и Тимур Энеев, и Кайсын Кулиев, и Михаил Залиханов, и Магомет Абшаев, и Азрет Беккиев...

Но наиболее ярким примером тому служат жизнь и судьба генерала армии и первого Президента Карачаево-Черкесии Владимира Семенова. И еще типична тем, как его, одного из самых верных и умных своих сыновей наша любимая Родина, послушавшись завистников и бездарных интриганов, таких как генералы Радионов и Грачев, оскорбила своим недоверием и изгнала из армии. И лишь только потому, что он Магомедович, а не Иванович, и не Васильевич.

В то время, когда казнокрады в генеральских погонах, позоря Россию, морили голодом солдат, а на деньги, выделенные армии, строили себе двух-трехэтажные особняки, создавали на имена своих жен и племянников подставные фирмы и через них закупали продукты втридорога, а продавали все тем же фирмам армейское имущество по смехотворным ценам, генерал Семенов был озабочен только одним – укреплением обороноспособности страны и сохранением престижа армии и страны. Он решительно выступал против использования армии внутри страны в полицейских функциях, осуждал действия генерала Радионова, с чьего приказа солдаты саперными лопатами избивали демонстрантов в Тбилиси, был категорически против развязывания военных действий в Чечне, в то время как военный министр Павел Грачев громогласно заявил о том, что одним полком ВДВ наведет в мятежной республике порядок за два-три дня. К сожалению, Отчизна послушалась Грачева, Радионова, Коржакова и им подобных ура-патриотов с имперскими замашками, коим была абсолютно безразлична судьба страны и тысяч людей, так как они думали лишь о собственной карьере и авторитете. В результате мы оказались там, куда изо всех сил и толкали страну Радионовы и Грачевы – мы оказались во мра-

ке хаоса и беззакония, террора и коррупции. И теперь мы все живем в страхе и за жизнь детей, и за собственную жизнь, и никакого просвета в будущем не видим.

И во многом это потому, что наша Отчизна все никак не хочет прислушаться к мнению своих верных сыновей, у кого отчество «Магомедович» или «Имранович», а слушает других, зачастую вовсе и не старающихся печься об ее авторитете, а готовых на все, ради собственных интересов.

Об этом красноречиво говорит и материал, опубликованный в газете «Известия» 3 декабря 1996 года, когда снимали с должности генерала Владимира Семенова. Итак, приведем здесь полностью материалы журналистов «Известий» Виктора Литовкина и Сергея Лескова. На первой странице газеты помещена фотография Семенова и статья Виктора Литовкина: «Генерал армии Семенов собирается подать в суд на министра обороны и Президента России». В ней говорится:

«В субботу 30 ноября приказом министра обороны России генерала Игоря Радионова на основании решения Президента Бориса Ельцина отстранен от занимаемой должности главнокомандующий сухопутными войсками России генерал армии Владимир Семенов. В формулировке приказа это объяснено так: «за действия, порочащие честь и достоинство военнослужащего, не совместимые с занимаемой должностью».

В понедельник, 2 декабря мы встретились с главкомом сухопутных войск в его рабочем кабинете на Фрунзенской набережной. Генерал Семенов был одет в гражданский костюм, но выглядел спокойным, хотя и слегка обескураженным. Причину своей отставки он объяснить не мог. «Для меня это тоже загадка», – заявил он корреспонденту «Известий».

По словам В. Семенова, в пятницу вечером его пригласил к себе министр обороны И. Радионов. Он сказал генералу, что к нему имеются серьезные претензии, связанные с коммерческой деятельностью его жены – Мадлены Магомедовны.

– Какие это конкретно претензии, мне не было объяснено, – рассказывает Семенов. – Министр только показал мне свой рапорт на имя Президента, где внизу стояла его подпись, а в левом углу, вверху наискосок – резолюция Бориса Ельцина: «Согласен».

В. Семенов никак не стал комментировать причины своей отставки. «Они для меня самого неясны, – сказал он. – Я записался на прием к руководителю администрации Президента Анатолию Чубайсу, жду сейчас звонка из Кремля, может быть, там мне подробнее прояснят, в чем именно моя вина».

– Сначала надо разобраться, а потом делать какие-то заяв-

ления или принимать соответствующие меры,— добавил Семенов.

От должности он отстранен пока временно, указа Президента о его увольнении еще нет, хотя проект такого указа, по сведениям редакции, уже подготовлен.

Жена генерала армии Семенова, как нам известно, не имеет собственной фирмы, она работает в московском представительстве Ростовского завода по производству вертолетов фирмы Миля «Роствертол». Безусловно, она заинтересована, чтобы продукция завода, а это тяжелые транспортные вертолеты Ми-26Т, Ми-26, а также Ми-28 и Ми-35, находили сбыт. Но при чем тут лично главком сухопутными войсками, еще предстоит доказать. По крайней мере авиация сухопутных войск никак не может похвастаться избытком этой техники. Более того, ее там катастрофически не хватает. Как утверждают вертолетчики, в 2000 году им летать будет не на чем.

В. Семенов заявил мне, что с формулировкой своего отстранения от должности категорически не согласен. После выяснения всех обстоятельств дела он намерен подать в суд, там собирается защищать свои честь и достоинство и уже прибег к услугам адвоката.

В Совете обороны ничего не сказали нам о причинах отставки генерала армии Семенова. Она стала сюрпризом и для многих высших должностных лиц Министерства обороны. Практически все генералы, с которыми я в понедельник говорил, сообщили мне, что услышали о его отстранении от должности в воскресенье по телефону от своих друзей. Коллегии Министерства обороны, как принято в таких случаях, никто не собирал и официально об отставке Семенова не объявлял. По мнению моих собеседников, главнокомандующий сухопутными войсками — один из самых знающих военачальников за последние годы на этом посту. В его профессиональной подготовке сомнений нет, говорят они.

Отмечают сослуживцы генерала Семенова его принципиальность и прямоту. Семенов был одним из тех главкомов, кто выступил категорически против чеченской авантюры, не раз прямо заявлял об этом министру обороны Павлу Грачеву, предупреждал о возможных последствиях этой позорной войны. Сегодня, утверждают мои собеседники, его прогноз оправдался на сто процентов.

Отставку Семенова из-за коммерческой деятельности жены мои собеседники считают только поводом. У многих высокопоставленных военных родные и близкие заняты коммерческой деятельностью, в том числе и сын министра Родионова. Но никто никого за это с должности не снимает. Более того, до сих пор остаются на своих постах те генералы, о чьей коррупционности не раз писала пресса, печатала фотографии их многоэтажных дач, которые никак нельзя построить на генеральскую зар-

плату. Но с их головы пока не упал и волосок. Кстати, в главной военной прокуратуре, как заявлено официально, на генерала Семенова никаких дел нет.

Чем же не угодил генерал Семенов? По мнению моих собеседников, сейчас в руководстве Минобороны началась волна отставок, которая должна привести на высшие посты людей, безоговорочно поддерживающих нового министра, иначе он не сможет удержаться в своем кресле. Недовольство армейской общественности полным отсутствием каких-либо реформ, постоянного внимания руководства страны к нуждам армии может вылиться в непредсказуемые последствия. И Игорь Родионов хочет опереться на тех людей, кто сумеет встать наперекор этой волне недовольства.

Так что, после отставки главкома сухопутных войск надо ждать новых отставок в руководстве Минобороны, утверждают эксперты».

На второй странице под заголовком «Отстранение главкома Семенова» помещена следующая статья Сергея Лескова: «В городе Ростов-на-Дону, в приемной директора завода «Роствертол», поинтересовались, зачем «Известиям» нужен телефон московского представительства. Мы сказали, что ищем Мадлену Магомедовну Семенову. О такой сотруднице наши ростовские собеседники не слышали и никаких параллелей с фамилией командующего сухопутными войсками не провели.

Заместителя директора московского представительства «Роствертола» Анатолия Андреева факт отставки командующего сухопутными войсками, о котором он узнал от корреспондента «Известий», не взволновал. В ходе дальнейшей беседы выяснилась причина равнодушия: собеседник даже не подозревал, что рядовой инженер Мадлена Семенова имеет столь высокое родство. «За десять лет работы в представительстве мы никогда не говорили с Семеновй о том, кто ее муж и где он работает», — уверил непосредственный начальник генеральской жены.

По словам А. Андреева, работа в представительстве сводится к тому, чтобы стоять на коленях в Минфине и Минобороны. По роду своих обязанностей инженер М.Семенова от этого удовольствия избавлена. А от Министерства обороны даже крохи удастся получить с превеликим трудом. Анатолий Андреев высказал принципиальное сомнение в том, что Владимир Семенов по роду своих обязанностей мог, даже при всем желании, заметно повлиять на финансирование производства военных вертолетов».

И такая справка после статьи: «Генерал армии Владимир СЕМЕНОВ родился в 1940 году в ауле Хурзук Карачаево-Черкесской автономной области Ставропольского края. По национальности — осетин. Закончил Бакинское высшее общевойсковое училище в 1962 году, Военную академию имени Фрунзе в 1970-м, академию Генштаба — в 1979-м. Прошел все ступени

командирской лестницы, от командира взвода до командующего округом. Последняя должность перед назначением в Москву – командующий Забайкальским военным округом. На пост главнокомандующих сухопутных войск назначен 31 августа 1991 года, сменив генерала армии Валентина Варенникова. Звание генерала армии Семенов получил летом нынешнего года».

Жаль, конечно, что корреспондент такой солидной газеты назвал прославленного сына карачаевского народа осетином, но это, конечно, сути дела не меняет.

А дело в том, как справедливо и отмечает корреспондент, что бездарный министр обороны Игорь Радионов ради того, чтобы удержаться на своей должности, старается поскорее избавиться от настоящих генералов, которые недовольны им и его горе-реформами, и более достойны быть министрами и могут реально составить ему конкуренцию. Вот и все. Игорь Радионов, получается, готов в угоду личных интересов принести в жертву высшие интересы страны, выгоняя из армии лучших полководцев. И, к сожалению, Отчизна ему полностью доверяет, прогоняет своего лучшего (по признанию почти всего генералитета Минобороны) генерала! И все потому, «понимаешь ли», что у того отчество «Магомедович». И получает войну внутри самой себя, которой не видно конца, и ее армией теперь командуют генералы и адмиралы, которые опять же не особенно-то могут командовать, но зато умеют роскошно жить. Жаль, очень жаль, что Родина все же считает нас своими пасынками. Но нам все равно деваться некуда, мы все равно любим ее, будем ей верны, всю жизнь будем усердно ей служить. До тех пор, пока она сама нас опять не прогонит вон. Такова, видно, наша участь. Ведь Родина, как и мать, одна и мы не можем жить без нее. Она, мать, хочет – милует, хочет – нет. Нам только остается радоваться, когда она милостива, терпеть и ждать – когда она на нас опять почему-то рассержена. Верный сын своей матери – Родины, по-другому поступить не может.

Так поступил и Владимир Семенов. Сперва, в пылу обиды, он собирался судиться не только с министром обороны, но даже и с Президентом Борисом Ельциным, но потом, придя в себя, вернее – оправившись от шока, понял, что из этого все равно толку не будет. Понял, что в то время главные советчики Родины более были озабочены собственными интересами, но никак не ее интересами, а потому никакие судьи не могли встать на его защиту, на защиту чести и достоинства и пойти против интриганов и нечестных людей, оказавшихся в то время у кормила власти.

Нетрудно догадаться, сколько дней и ночей провел генерал в горьких размышлениях о судьбе любимой Родины, оказавшейся и на этот раз во власти эгоистов и авантюристов. Наверное, вспоминал и Барклай де Толли, талантливый стратег и верного сына Родины, тоже отстраненного от высокой должности

министра обороны лишь на том основании, что он «немчура», в самый ответственный момент Отечественной войны 1812 года. Результатом генеральских интриг в 1812 году была замена Барклая де Толли на престарелого Кутузова и Бородинская битва, в которой погибли сотни тысяч солдат. Результатом генеральских интриг 1996 года стало отстранение от ключевой должности в Российской армии «лица кавказской национальности» Семенова и развязывание де-факто второй Кавказской войны. Нетрудно установить, что следствием победы в верхах власти ура-патриотических сил в конце правления Ельцина явилась и необъявленная война в Чечне и всплеск терроризма, и разгул беззакония и казнокрадства, а также резкое ухудшение общественной атмосферы в связи с усилением всеобщего страха и боязни. И, как следствие всего этого, — отчуждение народов и людей страны друг от друга. Мы все делаем вид, что ничего, мол, страшного не случилось, что все это — издержки перемены общественного устройства, но это не так. Совсем не так.

Случилось страшное. Очень даже страшное. В результате некомпетентности руководства страны как в государственных делах, так и в национальной политике, загублено и то, и другое. И если из-за неправильного управления страной загублена экономика, то это еще полбеда — экономику можно возродить. Но коль загублена «национальная политика», то это уже настоящая беда и тогда мы получаем не только просто «обиды» отдельных народов и людей, а то, что мы и получили: развал страны (СССР) и неприязненные отношения между народами и людьми разных национальностей (в России).

Через два года с небольшим вот именно с этими «полбедой» и «полной бедой» — с разрухой в экономике и с неприязненными межнациональными отношениями, сопровождающимися неприкрытыми экстремистскими действиями целых групп националистов и встретился генерал Владимир Семенов, когда он стал участвовать в выборах первого Президента Карачаево-Черкесской Республики.

Следует сказать, что он еще будучи в Москве на высокой воинской должности не переставал внимательно следить за событиями в родной Карачаево-Черкесии. Это видно и из беседы генерала с корреспондентами газеты «Карачай» в сентябре 1991 года. Он уже тогда был обеспокоен тем, что на его родной стороне, в Карачаево-Черкесии, неуклонно нагнетается общественная напряженность, что имеются силы, готовые и в этой кавказской республике разжечь пламя войны. Он просил тогда всех своих земляков проявить высокое сознание, не стремиться к разделению республики, а найти путь согласованного созидательного труда для всех народов и людей, живущих в КЧР. И обязательно, добавил он, под материнским крылом России.

Генерал Семенов, слава богу, не участвовал в боях, не одерживал побед в баталиях. Но все-таки в историю он войдет как генерал, одержавший блестящую победу. Он фактически наголову разбил и наглый экстремизм националистов, и авантюри-

ные планы воротил политики, таких как Борис Березовский, желавших во что бы то ни стало разжечь на Кавказе еще один очаг войны, так как им опять было «чем хуже, тем лучше». Посмотрите, мол, как плохо России без нас, умных-преумных.

Но интеллигентный генерал оказался гораздо умнее и «преумного» Березовского, и просто авантюристов от политики Акбашева, Килбы и Дерева, не гнушавшихся ни чем, лишь бы добиться своей цели – пробраться к власти.

На него натравливали разгоряченные националистически-ми лозунгами толпы, организовывали покушения, нагло оскорбляли на собраниях, избивали и убивали его сторонников, но генерал, оказывается, не зря заканчивал две академии – он был стратегом и одержал над всеми своими оголтелыми, но не очень-то умными оппонентами блестящую победу, ни разу никого не оскорбив и сумев удержать своих горячих сторонников от необдуманных ответных мер. Как это происходило по телевизору видели все, хотя следует отметить, что канал Березовского – тогдашний НТВ – явно разжигал страсти, давая иногда необъективную информацию и слишком уж эмоциональные высказывания с обеих сторон.

Чтобы по достоинству оценить победу генерала Владимира Семенова над деструктивными силами в Карачаево-Черкесии и его усилия по налаживанию нормальной мирной жизни, приведем несколько фактов из тех тревожных дней, когда в республике в период выборов были до предела обострены межнациональные отношения.

На 25 апреля 1999 года в Карачаево-Черкесии были назначены всенародные выборы первого Президента республики. Ранее регионом управлял назначенный Президентом России глава республики В. Хубиев. Среди претендентов на высшую должность было шесть кандидатов-карачаевцев, а группа авантюристически настроенных националистов смогла выдвинуть единого кандидата от имени черкесско-абазинской общественности республики Станислава Дерева, мэра гор. Черкесска. Конечно, с целью быстрее завершить выборы и таким образом сорвать авантурные планы группировки Акбашева-Килби-Дерева, мечтавших о создании «Великой Черкесии» от моря и до моря, для осуществления чего в первую очередь следовало им прийти к власти во всех «трех адыгских» республиках, пятерым карачаевским кандидатам следовало на время поумерить свои амбиции и, как истинным горцам-джигитам, уступить дорогу старшему – генералу Владимиру Семенову, к тому же такому человеку, который на всю страну прославил имя карачаевского народа. Если б они так сделали, то, конечно же, Семенов победил бы в первом же туре, и не было бы такой долгой тяжбы по поводу этих выборов. Но так не случилось, и выборы пошли по наиболее сложному варианту, что давало определенные надежды группировке Акбашева-Килби-Дерева. В штабе Дерева, ра-

зумеется, прекрасно понимали, что главное препятствие на их пути к власти – это уважаемый абсолютным большинством жителей республики интеллигентный и умный генерал Семенов. А потому на него организовывается покушение. К счастью, неудачное. Через две недели подвергся нападению председатель Верховного суда И. Бурлаков – карачаевец, которого сторонники Деревы не смогли ни утратить, ни переманить на свою сторону. Задержанные в связи с этим двое подозреваемых были освобождены «за недостаточностью улик».

И вот выборы. Дерев, как мечтали его сторонники, не прошел – он набрал чуть больше 31 % голосов. На второй тур вышли он и генерал Семенов. В штабе Деревы, проанализировав ситуацию, поняли, что их планам не осуществиться, коль не произойдет чуда или еще что-то в этом роде. Так как на этот раз за Семенова будут голосовать практически все избиратели-карачаевцы, голоса которых в первом туре расплылись на еще 5 кандидатов-карачаевцев, а также ногайцы. Семенову для гарантированной победы достаточно было бы набрать еще хотя бы около 10 % голосов остальных избирателей. Их он, естественно, наберет без особого труда, так как он действительно пользовался авторитетом у многих жителей республики.

И тогда сторонники С. Деревы пошли на крайние меры – на оголтелое разжигание межнациональной розни с тем, чтобы спровоцировать сторонников В. Семенова на какой-либо опрометчивый поступок, который можно будет использовать как предлог для начала столкновения. А там – будь что будет – лишь бы не упустить шанс, как они думали. Терракты стали обыденным орудием запугивания и нагнетания напряженности. Сторонники С. Деревы без ведома атамана местного казачества уговорили (скажем так, мягко) несколько сот казаков и других легионеров, имевших опыт войны в Афганистане, Чечне и Абхазии, приехать в Карачаево-Черкесию. Атаман Лященко, начальник штаба С. Деревы в Зеленчукском районе, распространял антикарачаевские слухи, которые не имели под собой почвы. А чтобы все эти слухи выглядели правдоподобно, свои же люди организовали в нескольких местах поджоги штабов С. Деревы. Конечно, без жертв и особого ущерба.

И вот в такой обстановке прошли выборы. Генерал Владимир Семенов получил 76 % голосов. Но избирательная комиссия республики, где большинство захватили сторонники С. Деревы, отказалась признать итоги выборов. Семенов подал жалобу на незаконные действия республиканской избирательной комиссии в Верховный суд КЧР.

Верховный суд республики признал выборы законными и подтвердил победу на них В. Семенова. С. Дерев сразу же подал жалобу в Верховный суд РФ на Верховный суд КЧР, требуя отменить его решения.

Время шло, юридическое крючкотворство продолжалось,

сторонники С. Деревы прилагали все усилия, чтобы не допустить к руководству республикой законно избранного президента. И все время продолжались митинги, организованные сторонниками С. Деревы. «Неизвестные люди» поджигали кафе, магазины и рестораны карачаевских бизнесменов в Черкесске, похищали отдельных активистов штаба Семенова, избивали. Сдерживать возмущенную карачаевскую общественность, и в особенности молодежь, становилось все труднее. Генералу не раз приходилось срочно выезжать навстречу людям, идущим в Черкесск, и уговаривать их вернуться по домам.

Но вот 22 июля в КЧР приехал министр по делам национальностей, который сообщил, что Президент назначил В. Власова и. о. главы КЧР, а министром внутренних дел был назначен генерал Волкодав, известный своими антикарачаевскими настроениями и делами.

А на следующий день 23 июля Верховный суд РФ отменил решение Верховного суда КЧР, вынесенное в пользу Семенова, и вернул дело на доисследование обратно в Верховный суд КЧР.

И тогда люди поняли, что разговоры о миллионах долларах, потраченных противниками Семенова, чтобы не допустить его к власти, наверняка пошли неспроста, что тут пахнет серьезным политическим заговором. Поняли они, что без их решительного слова разного рода супостаты могут и победить. И тогда люди со всех концов республики двинулись в Черкесск на всенародный митинг в поддержку избранного ими Президента республики генерала Семенова. Предполагалось, что на этот митинг придут около 50 тысяч человек – пришли около 200 тысяч.

Это случилось 30 июля.

Все поняли, что народ Карачаево-Черкессии никому не удастся ни запугать, ни сломить его волю и помешать генералу Семенову занять доверенную ему народом высокую должность.

Но попытки как-то помешать этому все еще продолжались. Экстремисты опустили даже до такой низости, что подожгли дом отца известной на всю страну женщины-труженицы, абазинки по национальности В. Патовой, генерального директора крупнейшего в Европе тепличного комбината «Южный» в отместку за то, что она помогала карачаевским женщинам, пикетирующим здание МВД в знак протеста против назначения Волкодава главным милиционером республики.

1 сентября Верховный суд КЧР вновь подтвердил законность выборов и победу на них В. Семенова. И вновь возобновились истерические выступления на митингах Акбашева, Килби и других, драки и избиения людей. «Неизвестными» были убиты Азнаур Сабанчиев и Керим Семенов, которые на угрозы Акбашева, не удержавшись, тоже, соответственно, отвечали. Убийц, конечно, не нашли.

11 сентября Кремль признал В.М. Семенова главой КЧР. 14 сентября должна была состояться инаугурация В. Семенова

в гор. Карачаевске. 12 и 13 сентября все студенты и преподаватели черкесской национальности Карачаево-Черкесского государственного университета, расположенного в гор. Карачаевске, уехали из города. В руководство республики поступили сведения о том, что в день инаугурации Президента В. Семенова 14 сентября на него готовится покушение.

Дата и место инаугурации были изменены, торжества по случаю вступления в должность состоялись в Усть-Джегуте. Кстати, на инаугурацию не приехал министр внутренних дел республики Волкодав, уверенный, видно, что покушение все равно состоится.

После официального отзыва из республики временного и. о. главы региона В. Власова, противники Семенова убедились в том, что их мечты окончательно рухнули и вновь попытались развязать в республике беспредел и хаос. Они отказывались от должностей в Правительстве, избивали наиболее активных сотрудников Правительства, всячески запугивали людей не карачаевской национальности, чтобы те не входили в Правительство, блокировали Дом правительства, перекрывали дороги, врвались в здание телерадиокомпании и т. д. Но им уже ничто не могло помочь – генерал Владимир Семенов, великодушный стратег и не только в военном деле, но и в политике, сумел неторопливо, но твердо и уверенно навести в республике порядок. И к следующим выборам республика уже пришла, как и многие другие регионы страны, как территория, где народ и Правительство жили и трудились, ставя во главу угла мир и спокойствие, работу и благополучие.

И в истории Карачаево-Черкесии Владимир Магомедович Семенов останется не только как первый всенародно избранный Президент республики и выдающийся сын карачаевского народа, но и как боевой генерал, который не брал крепостей, не проливал кровь, а наоборот, не дал случиться кровопролитию, завоевал для народов своей республики мир и спокойствие.

Тема войны и мира на Кавказе в балкарской публицистике

13. Меня расстреляли в Чечне *

*Статья писателя Магомета Кучинаева в газету
«Кабардино-Балкарская правда»*

* * *

Скоро будет три месяца, как меня убили – растоптали танками, вползшими на улицы Грозного, изрешетили пули автоматов. И меня, готового до этого где угодно и перед кем угодно, с высоко поднятой головой, сказать: «Честь имею!» – не стало.

Теперь я – не человек, а что-то похожее на человека. Потому что не имеет права называться человеком тот, у кого нет ни чести, ни совести. А у меня их уже нет. Нет – потому что рядом со мной убивают ни в чем не повинных людей, а я молчу. Нет – потому что Злая Жестокость творит Зло, а я ничего не делаю...

Какие же это дьяволы овладели твоей душой, наша бедная Россия, если ты, воспетая своими поэтами, Прекрасная и Добрая наша Мать, вдруг превратилась в злую мачеху-эмегеншу?! Куда нам теперь бежать, где нам укрыться от позора и страха – от позора перед людьми, что смотрят, оцепенев от ужаса, как ты, наша мать, скрежеща железными челюстями, пожираешь собственное же дитя, от страха за свою жизнь, ибо не знаем, за кем же из нас погонишься ты, покончив с Чечней? Ужель не видишь ты, что эти существа, которых ты обласкала и принимаешь за радетьельных своих сыновей – эти Грачевы, Егоровы, Шахраи да Ерины, плотным кольцом сгрудившиеся вокруг властного корыта, доверху наполненного жратвой, вовсе и не дети твои, а сущие дьявола, злые духи. Это они одурманили тебя, напоив зельем, и ты, наша мать, стала злой мачехой-эмегеншей для всех нас, твоих детей. Как же это ты не смогла отличить настоящих своих сыновей – Андрея Сахарова, Сергея Ковалева, Сергея Юшенкова, Виктора Астафьева, Владимира Семёнова, Бориса Громова – от злых оборотней, почему ты не послушалась их?

Одумайся, Мать-Россия, освободись от чар злых духов, посмотри, что ты делаешь – все лучшие сыны и дочери твои, что беззаветно любили тебя, обижены, побиты тобой, и они, в печали и тоске, разбрелись по Америкам и Европам, а оборотни, коим на тебя и на твою честь наплевать, лишь бы быть при корыте власти, любимы и обласканы тобой! И вот теперь ты совсем уж с ума сошла – кинулась ловить своих детей и пожирать их! Разве мы, народы России, не дети твои? Разве чеченский народ не такой же сын тебе, как и другие, разве ингушский не твою грудью, не твоим молоком вскормлен? Почему же они у тебя не в милости, почему они тебе не любя? Горды, своенравны? Да разве же за это можно их убивать?!

Все это – пустые слова, и я прекрасно это понимаю: наша Матушка-Россия, как бы это ни звучало кощунственно, не живое существо, а просто земля, где судьбой предопределено было нам родиться и жить. И все мы в ответе за все, что творится на этой земле. В том числе и за то, что, как я говорил, наша Прекрасная Мать-Россия вдруг стала для всех нас злой мачехой-эмегеншей. Нет, не изменилась Россия, не стала она ни злой мачехой, ни эмегеншей. Она была и остается нашей Родиной, нашей Отчиной. И нам негоже на нее обижаться, некуда, обидевшись, бежать – у нас нет второй родины, как не бывает у человека второй матери. А все очень просто: мы – никудашные сыновья своей Матери-Родины. Мы не любим ее по-насто-

ящему, не защищаем ее честь и достоинство. Разве не позорили Россию те, что затеяв драчку за власть, расстреливали из танков сказочный хрустальный дворец – Белый дом в Москве в октябре 93-го? Еще как! А мы – промолчали, стерпели. Разогнали, фактически, Конституционный суд, перед которым все, от рядового гражданина до президента, от сельского совета до парламента, должны стоять навывтяжку. А мы – опять промолчали, стерпели. Самым наглым образом обманули нас, что дают нам нашу долю от всенародного пирога-имущества, а на самом деле всучили гроша не стоящие бумажки-ваучеры, – промолчали, стерпели. Просто обокрали нас, вмиг обесценив наши сбережения, – промолчали, стерпели, не стали требовать отдать под суд воров в государственных фраках, грабящих среди бела дня. Таксисты (читай – фашисты) Москвы устраивают прямо на глазах у правительства вакханалии, монтировками крушат базары, избивая и изгоняя «не ихних», «лиц кавказской национальности», – опять молчим, терпим.

Так, шаг за шагом, изо дня в день злые духи, кто в облике Шумейко или Веденкина, кто в облике Радионова или Егорова, приходили к власти, а мы молчали, словно все это не в нашей собственной стране происходило, а где-то в заморской дали. Хотя честный человек не должен мириться со злом, если даже оно торжествует и где-то в заморской дали.

И вот домолчались, дотерпелись – у власти оказалось слишком много, как сказал Сергей Ковалев, мерзавцев, для которых кровь людская – просто водица. И они одолели нас. И в самом Грозном, и в Чечне они расстреливают, топчут танками не только чеченцев, но и всех нас, они расстреливают Россию, ее Честь и Совесть. А мы опять молчим. Молчим – потому что мы – трусы, не люди. Думские недоумки травят единственного, быть может, среди нас посмевшегося остаться человеком, живую Совесть сегодняшней России – Сергея Ковалева, устраняют его от должности Уполномоченного по правам человека за то, что он всерьез боролся за права человека, а мы – ничего не знаем, ничего не слышали! Да в нормальной стране за такого человека народ стеной бы стал, и никакая власть не посмела бы и прикоснуться к нему! У нас – другое дело, потому что страна у нас другая – ненормальная. И все это – по нашей вине. Да, да – это по нашей вине оборотни да злые духи, не говоря уж о простых дилетантах, мнящих себя государственными мужами, пробрались к власти.

Потому что мы убедили самих себя в том, что от нас, простых людей, ничего не зависит, и ждем, когда это придет добрый царь-батюшка, разгонит всех негодяев да наведет в стране порядок. Всем нам надо раз и навсегда запомнить – не бывать в нашей стране ни законности, ни порядка до тех пор, пока народ сам не осознает себя народом, пока он не перестанет быть «массой» со стадными привычками, пока люди не захотят стать нор-

мальными, настоящими людьми. Людьми, отвергающими зло и насилие, ложь и обман.

Если я человек, я обязан бороться против всего нечеловеческого, что творится вокруг меня. Если хам оскорбляет человека при мне – он оскорбляет меня. Если при мне избивают человека – это избивают меня. Все это – естественные чувства нормальных людей. Но мы же, россияне, люди особые, не такие, как все, нам на все наплевать, лишь бы этот хам не лез ко мне, лишь бы не меня избивали и убивали. И пока мы будем оставаться такими – глухими к чужим стонам, безразличными к судьбе страны, мы не имеем право называться людьми. Люди себе в предводители выбирают лучших из своей среды. И если сегодняшние правители нашей страны – лучшие из нас, то мы, как это ни обидно, просто...

Скажу откровенно – Джохар Дудаев мне вовсе не симпатичен. Я не люблю людей, лезущих из кожи вон, чтобы стать лидером, не имея на то ни знаний, ни сил. А лидером народа – тем более. Да – чеченский народ не раз был несправедливо обижен Россией. Да – обрести свою государственность, независимость – это голубая мечта любого народа. Да – чеченский народ, вероятнее всего, хотел бы разойтись с мачехой-Россией, вечно недолюбливающей Чечню. Но люди, умудренные опытом жизни, прекрасно знают – не все благие пожелания людей исполняются, не все мечты сбываются. Легко зажечь народ мечтой, тем более чеченский народ, не раз обиженный властями России, но каковы шансы на успех, к чему может привести борьба (тем более – вооруженная) за независимость, – что же это за лидер такой, который, не задумываясь над такими элементарными понятиями, сломя голову кидается в огонь?! Хорошо, ты – молодец, ты – герой, ты не хочешь больше так жить, ты готов умереть за свободу. Но народ, который ты бросаешь в пасть эмегену, хочет этого – умереть в борьбе за свободу? Зачем народу свобода, если некому потом воспользоваться этой свободой – если он умрет? А если уж совсем по-простому – неужели генерал Дудаев не знал, что Россию, которую и Германия-то не одолела, сможет победить Чечня? Знал наверняка, что нет. Почему же тогда он так легко, улыбаясь, толкнул свой народ в катастрофу? Что – полагался на ум Грачевых да Ериных, Примаковых да Шахраев? Думал, что Россия отнесется к пожеланию Чечни по-матерински, пусть и скрепя сердце, но даст добро на отделение от общего российского очага? Опять – навряд ли. А если даже и полагался – зачем же тогда армию заводить, в наш-то век, в данном-то случае ведь и несмышленишу должно быть понятно, что кроме как миром по-иному с Россией не разойтись.

Так что – то, что в этот сложный момент лидером чеченского народа оказался генерал Дудаев, человек честолюбивый и склонный к действиям с размаху, без долгих раздумий – это было непоправимой трагедией, как для самой Чечни, так и для Рос-

да – как умный-умный мальчишка. «Актам государственного терроризма в Чечне нет оправдания», – пишет он. Сейчас, когда страна практически оказалась в руках воров и хапуг и грязные волны национал-шовинизма гуляют по всей Руси великой, говорить о чем-либо «государственном», даже о терроризме, может только мальчишка или наивный человек. Покажи, пожалуйста, нам, уважаемый господин Ступишин, государство, которое ты видишь у нас. У нас страна есть – это Россия. А государства, как у людей, нет ведь! Ну что такое государство – если попроще, не по научному? Это страна, где есть правитель (правительство), которого избрал народ, чтобы он управлял страной и народом, не отступая ни на шаг от выработанных народом норм и правил – Конституции. Проще говоря, народ – хозяин страны, президент (правительство) – наемный управляющий. Если управляющий оказался толковым, страна будет процветать и народ будет жить нормально. Если управляющий окажется дураком, да к тому же еще и самодуром, будет нарушать законы, тогда людям придется несладко. В этом случае хозяин страны – народ, прогоняет вон такого нерадивого управляющего (президента) и выбирает другого. Когда в стране жизнь идет вот так: народ выбирает правителя, тот честно и хорошо правит, или же, если правитель оказался нехорошим, народ спокойно заменяет его другим. Вот тогда эту страну можно назвать государством. Извините, но Россия сейчас – не государство. Россия – это страна, где большие и малые воровские шайки и кланы поставили народ на колени и делают что хотят.

Правда, кое-где отдельные былинные богатыри – Эдуард Россель, Аман Тулеев, Минтими́р Шаймиев, Николай Пруссак, скажем – все еще борются, стараются оградить какие-то клочки матушки-России от супостатов, но мы-то видим, что и им долго не выдержать.

Так что, пусть господин Ступишин покажет нам государство в нашей стране, а потом поговорим. Может, президент, Борис Ельцин и есть государство?

Во-первых, де-юре он давным-давно уже не президент, с того самого дня, как бросил Конституцию под омовские сапоги и под танки и расстрелял парламент. (И как только у него рука поднялась на этот чудо-дворец?)

Во-вторых, он, опять же, давно не президент «всех россиян». Я уверен, что президент не стал бы бомбить и сокрушать Смоленскую область всей мощью своей армии, если б даже все жители этой области стали бы отпетыми бандитами. Нет, не стал бы...

...В-тысячных, любой другой нормальный человек давным-давно извинился бы перед народом и ушел в отставку, так как по состоянию здоровья управлять страной повседневно не может, не может исполнять свои конституционные обязанности.

Где еще поискать государство в нашей стране? Может, Государственная Дума. Дума думает о государстве. Это что –

новый анекдот? Вроде этого: встречаются как-то в метро два министра? Я уверен, что в Государственной Думе, где практически все довольны и рады не тому, что как-то, чем-то помогали бедной Отчизне своей, а тому, что они за время «думства» заимели в Москве шикарные квартиры (им следовало бы давать квартиры только на время службы депутатами), и виллы, и дачи, прибыльный бизнес, запросто стали большими начальниками.

Нет, Государственная Дума – это не государство. Там еще думу по-государственному думать не могут.

Так где же у нас на Руси Государство?

Генеральный прокурор? Так он же голый, господа! Срам один. Сенат? Бросьте – это не сенат, а кучка более или менее удачливых начальников. Сенат, который не дает в обиду голого прокурора, голого оттого, что у него отобрали костюмы, «подаренные» ему иностранным дядькой, – не сенат.

У нас сейчас нет государства. Государство, если оно есть в стране, то оно поддерживает закон и порядок везде, а не только там, где ей уж очень хочется. Уже десять лет выращенные «хорошим хозяйственником» Лужковым фашиствующие молодчики шоферскими монтировками и милицейскими дубинками защищают расовую чистоту Москвы. И не президент, и не Конституционный суд, и не генеральный прокурор даже и слегка не пожурили Юрия Михайловича за чрезмерную, с наглыми нарушениями Конституции и элементарных прав гражданина страны, прыть по защите столицы многонациональной страны от лиц не славянской национальности.

Гражданин великой страны, бьющей себя в грудь и громко-гласно орущей на весь мир, что она изо всех сил бежит к демократии, боится просто поехать и полюбоваться златоглавой столицей своей любимой Родины! Потому что боится быть униженным, оскорбленным, побитым и, вполне возможно, убитым. И только потому, что он не Иван, а Мухаммед! И пусть этот Мухаммед хоть профессором будет, хоть академиком, или просто строителем, это не имеет никакого значения: никуда ему не деться, он все равно «лицо кавказской национальности». И странно получается – в столице своей же страны он – чужак, почти что враг, а чужестранцы, скажем, украинцы или белорусы, – свои, желанные люди. Потому что он кавказец, а они – славяне.

И вообще, почему-то у нас не любят говорить о том, что тоталитаризм и фашизм в России имеют глубокие корни, и то, что фашизм в России сегодня уже пробирается до самых верхов. И никого это не удивляет. Это уже воспринимается как дело обыденное. Никто ведь не станет сегодня отрицать, что после 17-го года до краха СССР в России господствовал фактически фашистский режим с довольно-таки сильным расистским и религиозным уклоном: в центральное руководство до Горбачева практически не допускались неславяне, а «басурма-

ны» – тем более. А поголовно в ссылки изгонялись только «фрицы» да «басурмане». Я все еще не забыл, как пел на уроке пения в 4 классе в Казахстане, глотая слезы обиды, «С южных гор до северных морей, человек проходит как хозяин необъятной Родины своей». И это чувство, что Россия мне – не родная мать, а мачеха, почему-то крепко невзлюбившая меня, так до сих пор и не проходит. От этого мне больно и обидно. Это очень больно, когда знаешь, что Родины-то у тебя по существу нет. Откуда такое ощущение? Из жизни. Если у человека есть настоящая Родина, то он уверен: коли у него хорошие знания, будет знать свое дело и отлично его выполнять, то он непременно будет продвигаться по службе. А если человек знает свое дело лучше тех, с кем он вместе работает, знает больше своих товарищей, но все равно всю жизнь остается на нижних ступенях карьеры, а его менее способные товарищи уже давно в верхах, и все это только по одной простой причине, что он другой национальности, то неизменно к нему приходят обида и боль от сознания того, что он пасынок, не кровный сын своей Родины, что он чужак в своей Отчизне...

«Преступным актам российского государственного руководства в Чечне нет никаких оправданий. Но нет оправдания и молчанию творческой интеллигенции и православной церкви перед лицом этих преступлений против человечности. Очнитесь, господа инженеры человеческих душ!» – вопиет-призывает господин Ступишин.

Ну, очнется, скажем, один из прославленных «инженеров» – Юрий Бондарев. И что, вы думаете, он скажет. Станет предавать анафеме министров и генералов, начавших полномасштабную войну, вернее, бойню против собственного народа? (Для них-то чеченцы, конечно же, не собственный народ!) Нет, не станет он этого делать. Почему? А просто потому, что по Бондареву даже в СССР (!) жили и должны были жить одни славяне.

Вспомните фильмы по его произведениям, сами его произведения.

Вспомнили: «Ну что – идем вперед, славяне? Ну, как дела, славяне? Братцы-славяне – вперед!» Неужели доктор юридических наук Ступишин так-таки не чувствует, какой густой вонью неприкрытого расизма прет от этих, казалось бы, невинных фраз? А ведь это пишет человек, прошедший войну и воочию видевший героизм не только славян, ведь тогда в стране было больше неславянских республик, чем славянских! И сыновья всех этих республик героически сражались на всех фронтах. Вспомним хотя бы Брест и ростовские степи, Москву и Ленинград. Кто не знает про героев-панфиловцев, сыновей казахской земли. Где-то я читал, что героев-чеченцев в той, Отечественной, было очень много. Но по Бондареву СССР обороняли одни славяне. Значит, и жить в этой стране должны одни славяне. А теперь в России – тем более! Так что не надо будить Бондарева и таких, как он – их и так полно сейчас, и при власти, и при погонах!

При теперешней ура-шовинистской истерии, когда даже десятилетиями чабанивших в Ставрополье дагестанцев и чеченцев прогоняют прочь, вряд ли кто из русских «инженеров» захочет сказать хоть одно словечко в защиту чеченского народа, которому свое же государство объявило войну.

Удивительно получается – Россия уже в третий раз пытается уничтожить, унижить, втоптать в землю чеченский народ, и в то же время правители страны постоянно разводят руками: что, мол, за народ эти чеченцы – почему они не любят нас, Россию?

И никому в голову не приходит простая мысль задаться совсем уж простым вопросом: «А с чего это чеченцам любить Россию? Разве где-нибудь, когда-нибудь, кто-нибудь любил злую мачеху?»

А мы, кавказцы, давать какие-либо советы, даже самому маленькому чиновнику из Москвы даже по сугубо нашим – кавказским делам, не можем, да и не хотим. Потому что этот чиновник не просто чиновник, а сама Россия. А для России мы все уже чужие, и она не станет нас слушать. Она сейчас просто не знает, что с нами сделать. Она была бы очень рада, если б за одну только ночь исчезли бы, испарились все кавказцы, хотя бы те, что на Северном Кавказе! Да – это было бы самым лучшим решением всех кавказских проблем. Но к большому огорчению и Юрия Лужкова, а также и Валерия Тишкова, и Юрия Актояна, упомянутых в статье Ступишина, скорее всего, это не произойдет. А потому, к великому сожалению, Кавказскую проблему Россия, скорее всего, никогда толком (т. е. разумно) решить так и не сможет. По очень простой причине: она всегда будет смотреть на народы Кавказа (своего Кавказа) как на чужих, как на не любимых пасынков.

Национальные проблемы есть практически во всех странах света. Но до настоящих катастроф, до геноцида, до войн, вернее боен, эти проблемы доводятся лишь в тоталитарных, фашистских и очень неразвитых странах – в Германии, в России, в Югославии, в Индонезии, в Камбодже, в Шри-Ланке и в некоторых африканских странах.

России, чтобы по-человечески решить всю Кавказскую проблему, надо в первую очередь побороть, перестроить саму себя. Во-первых, она должна осознать раз и навсегда, что она уже не просто Русь, а Великая Россия, и все народы, живущие в ней, являются ее родными, единокровными детьми. А потому, Мать-Россия должна ежедневно, всегда заботиться о благополучной жизни всех народов. Если даже у нее и есть ребенок-народ, которого она больше всех любит (это естественно, такое бывает), то свою особую любовь к этому народу должна проявлять не демонстративно, не обижая остальных. (Здесь Россия могла бы поучиться у Америки. Сравните бондаревские фильмы, да и все наши фильмы с американскими, у нас – одни русские, а там – все!)

Сумеет ли в принципе хоть через тысячу лет Россия так пере-

мениться? Нет, не сможет! Тогда, если Россия не в силах победить в себе расизм и нелюбовь к своим приемным сынам-народам, ей следует отказаться хотя бы от пещерной идеологии, суть которой заключается в правиле: «Хватай и не пускай!»

Новой идеологией XXI века, на мой взгляд, должен стать принцип: «Лишь бы народы жили хорошо и в добрососедстве». Эта идеология должна основываться на том, что Земля – общий дом для всех народов, для всех людей. ООН постепенно должен взять на себя функции Мирового правительства. Мировое правительство обязано будет заботиться о свободе и благополучии всех народов. И тогда оно, Мировое правительство, может попросить правительство России, учитывая обширность территории, проявить милосердие и уступить Курилы и Сахалин Японии, часть Дальнего Востока и Сибири – Китаю, дать народам, стесненно живущим на собственной территории, побольше простора. В будущем – это неминуемо, и об этом уже пишет и наша пресса.

Если Россия, учитывая неминуемость этого, уже сейчас хотя бы маленькими шажками ступит на этот благоразумный путь, то не только в течение короткого времени – за 5–10 лет – сумеет в принципе решить не только Кавказскую проблему, но и проблему выхода из экономического кризиса.

Итак, если Россия отказывается от пещерного имперского принципа и переходит к цивилизованному образу мышления, то примерно так решает Кавказскую проблему.

1. Объявляет, что Чечня находится в 10-летнем переходном периоде, под протекторатом России и ООН.

За эти 10 лет официальные чеченские власти и российские правоохранительные органы искореняют в республике экстремизм и налаживают нормальную жизнь. По мере сил и возможностей, и с помощью иностранных инвестиций, восстанавливают экономику и жилищный фонд Чечни. (Это делается для того, чтобы через 10 лет отдать Чечню не в руки авантюристов, а нормальных людей).

2. Через 10 лет в Чечне проводится референдум, и, если народ голосует за независимость, республика становится независимой.

После Чечни такой же референдум следует провести и в Дагестане. Опять же – после 5–10 лет стабильной жизни...

«Вот чучмек, да он же от России одно поломанное топориче хочет оставить!» – так сразу же завопят, конечно, ура-патриоты.

Так и хочется им ответить: «От той России, которая есть, не только топорича, духу и то не должно остаться!» От той сумасшедшей России, от которой весь нормальный мир шарахается, как от чумной, от России, погубившей Сахарова, не-

взлюбившей лучших своих сыновей и дочерей: Бориса Громова, Сергея Ковалева, Андрея Козырева, Андрея Николаева, Владимира Семенова, Майю Плисецкую, Ирину Роднину, Галину Вишневскую и тысячи, тысячи других, а возносящую до небес разных недоумков и хапуг, без всяких сомнений могущих разрушить или украсть полстраны, – от этой России не должно остаться ни слуху ни духу!

В Москве я не был давно. Да и боязно ехать – ведь запросто могут забить до смерти в любом милицейском участке, коль узнают, что с Кавказа. Но, говорят, что у посольств зарубежных стран толпы людей – все хотят убежать из России. Бегут уже не только пасынки: евреи, немцы, греки, кавказцы, но и свои, любимые чада самой России – русские, белорусы, украинцы. И даже для многих родных детей Россия стала злой мачехой. И все потому, что она повсюду неправа и зла. Умных, старательных, добрых детей своих не любит, а всю волю и власть в стране отдала хитрюгам и хапугам и сама уподобилась им. Ох, как обидно и больно видеть все это! Но что делать? Россия-матушка нас, своих пасынков, и не слушает, и видеть не хочет. Но ведь она, полупьяная, не хочет слушать и своих родных сыновей, у которых слезы стоят в глазах при виде ее в таком состоянии.

Вот я и смотрю печально на Владимира Ступишина – высокого красивого, интеллигентного, мужественного человека, который, стоя на коленях, обхватив обеими руками ноги своей матушки-России, умоляет ее не идти туда, где воры и пьяные развратники, а вернуться домой. Но она его не видит и не чувствует!

Да, брат мой Ступишин, напрасны твои слезы – наша Матушка-Россия сейчас не в своем уме, ее не остановить! Потому я и не падаю рядом с тобой на колени и не пытаюсь что-то сделать. Прости меня. Если считаешь, что я преступно молчу, не хочу помочь Матери-Родине – так и считай. Я не обижаюсь. Но я уверен – сейчас мать не в состоянии выслушать нас. Она и пьяна и зла – она сейчас не в своем уме...

Давай лучше будем молить всех небесных святых, чтобы они простили все грехи нашей матушки-России и чтобы вернули ей ее былую красу и разум.

И встанет она тогда во всей своей красе над морями и долами, и люди со всех концов света увидят ее. Увидят и те, что с отчаяния убежали на чужбину, и заспешат домой, в свой отчий дом – в Россию. И примет она всех сыновей своих обратно и приласкает по-матерински и русских, и немцев, и татар, и чеченцев, и украинцев... Аминь!

Р. С. Статья – так себе, написана от «злого кавказца». Если же от себя, совсем искренне, – я бесконечно рад, что у России все еще есть честные, смелые, умные сыновья, такие, как Вла-

димир Ступишин, Сергей Баймухаметов, президент Центра стратегических и международных исследований Василий Наумкин...

Их много, видимо, это единственная надежда, что наша бедная, любимая Россия не навеки останется в компании хапуг, воров и алкоголиков. Рано или поздно, надеюсь, удастся вырвать ее из-под власти этих супостатов.

Хорошо бы таким людям, ради нашей матушки-России, как-то попытаться объединиться в политический клуб или даже в партию. Было бы, конечно, лучше, если бы все честные люди объединились хотя бы вокруг одной, более подходящей по духу парии – вокруг «Яблока», к примеру. Да поактивнее. Да посоветовать Григорию Алексеевичу не выставлять свою кандидатуру на президентских выборах, так как, видимо, его считают евреем, а неславянин сейчас в России не пройдет, если даже сам Христос с неба спустится. А надо выставить одного из хорошо известных, честных людей, которого знает вся страна, как сейчас говорят, мощно его раскрутить. Время еще есть. Генерала Бориса Громова я считаю одним из таких людей. А Явлинский пусть будет лидером партии. Так страна, в конце концов, начнет подниматься с колен.

Вокруг «Яблока», вокруг Громова, Явлинского могли бы сгруппироваться все здоровые силы страны. Вот если бы еще Черномырдин ушел из «Дома» и там стал бы лидером молодой Рыжков и пришел бы к «Яблоку». Только так, собираясь в одну партию, могут победить нормальные люди в России. Только, ради Бога, не надо в эту партию пускать таких бездарных болтунов, как Гайдар.

Так, глядишь, и получилась бы хорошая, настоящая партия. Да и название партии – «Яблоко» – несолидное. Надо обязательно сменить. Название должно быть красивым, привлекательным, да еще что-то говорящим о цели. Так как все хорошие названия уже растащили, то надо объединиться с кем-то и взять новое название. «Жениться и взять фамилию жены». Очень подходит вот это название: «Россия, вперед!» – у Федорова, кажется. Одно только название «Яблоко» снижает рейтинг этой партии минимум на 10–15 процентов.

Да, в статье я сказал, что Россия, отказавшись от пещерной и имперской идеологии и вступив на путь разумной жизни согласно принципу «Главное – счастливая жизнь человека», могла бы за сравнительно короткий срок преодолеть и экономический кризис. Как? А очень просто. Сколько крови пролила бедная Россия за тот же Крым, а Хрущев взял да отдал его Украине, словно из своего кармана трешку. Очень жалко! Крым – чужой! Просто не верится! Но рязанский (смоленский, башкирский) мужик как жил, так и живет, ему от этого не стало ни холодно, ни жарко. Россия практически потеряла (если на это смотреть с позиции ура-патриотов) 14 республик-государств только из-за

неумной болтовни и действий Горбачева. Жалко – ведь могли жить вместе, и даже лучше, чем порознь! Но только при одном условии – если б СССР действительно был бы страной народов-братьев, а не все тем же волком в овечьей шкуре – агрессивно-расистской Российской империей...

Потеряли – потеряли. А рязанский (башкирский) мужик живет все так же, как и раньше.

Нам понадобится по крайней мере еще сто лет, чтобы наладить нормальную жизнь на Курилах, на Камчатке, на Чукотке да и на Сахалине тоже. А через 100 лет наверняка настанет эра цивилизации и братства народов, и лишние территории придется отдавать другим, живущим в тесноте народам – тем же японцам, китайцам, бенгальцам или индийцам. Ведь Земля – родной дом для всех людей, и все в этом доме должны иметь одинаковые права!

Так что самое разумное сейчас – начинать продавать эти земли тем же японцам, китайцам и т.д. Скажем, по миллиону долларов за кв. километр. За эти деньги можно устроить нормальную жизнь не только для бедных курильчан, но значительно улучшить жизнь и рязанского мужика, подняв экономику страны.

Но Россия никогда на это не пойдет. Потому что она никогда не откажется от пещерной привычки хватать и не пускать. Ею ведь всегда командовали люди, имеющие именно такие пещерные привычки – хватать и не отпускать ни при каких обстоятельствах – генералы, националисты, ура-патриоты. А их всех объединяет одно – бей своих, чтоб чужие боялись! А при случае, коль окрепнем, будем бить и чужих! Вспомните слова министра обороны страны Игоря Сергеева, ступившего на «освобожденную» чеченскую землю: «Мы пришли сюда навсегда!» Видите – он несказанно рад даже тому, что ему удастся завоевать территорию собственного государства! Ведь «зачистить» земли до теплых морей, как мечтают многие, у наших генералов силенок пока не хватает. Так можно потренироваться пока и на своей земле, тем паче там, на этом клочке нашей земли, живут ведь неславяне, кому они нужны? Нам ведь они не нужны... С людьми такой идеологии России никогда не стать на разумный путь жизненного развития...

Так что – кругом глухо. Не зря же с горечью сказал человек, больше всех, быть может, любивший Россию – «Умом Россию не понять». Увы!

15. Куда бы вы Москву ни перенесли... *

Статья писателя Магомета Кучинаева в редакцию
«Литературной газеты»

* * *

Не скрою, я очень удивился, когда фамилию автора статьи «Не перенести ли Москву в Казань?» («Литературная газета» № 24, 2000 г.) нашел среди обозревателей «Литературки». Потому что какой же он, интересно, обозреватель, если по духу своему он совсем недалеко от своего героя – «молодого, красивого, добродушного» омовца с откровенно фашистскими, расистскими взглядами? «В России ведь действительно идет процесс депопуляции, в России скоро не будет русских». И это ведь говорит не его «добродушный» собеседник-фашист, а сам Олег Осетинский – обозреватель считающей себя интеллигентной, респектабельной «Литературной газеты».

И вообще я никак не пойму – что, в центральных газетах статьи своих сотрудников теперь уже не принято читать, они уже напрямую идут в печать? Как же иначе объяснить, что эта статья, от которой так и брызжет во все стороны наглым расизмом и национализмом, прошла в печать? Нет, нет! Упаси господи, я совсем не за цензуру – ни за политическую, ни за какую другую, но ведь у журналистов и их старших коллег по службе должно быть чувство меры и ответственности. «Не навреди!» – разве это не главная заповедь писателя и журналиста?

У нас есть поговорка: «Не умеющий бросать камень попадет в свою голову», а так как по статье чувствуется, что Осетинский к тому же и воинствующий христианин, то могу привести и другую поговорку – «религиозную»: «Недоучка-эфенди религию разрушит (испортит, опозорит)». Так и Олег Осетинский – он и знать не знает как следует бросать «национальные» камешки, а потому сыпет на свою голову (надеюсь, он отождествляет свою голову с народной головой) целый дождь булыжников, и в религиозных проблемах России он – «эфенди-недоучка», а потому, опять же, кроме вреда ничего полезного от его «проповедей» нет. Об этом свидетельствует чуть ли не каждое предложение в его статье.

«Как ни странно, но в России еще осталась ничтожная кучка (выделено мной. – М. К.) нормальных людей, которые твердо знают, что все культурные и научные достижения великой России – плод ее интеграции с Европой, плоть от плоти христи-

инской цивилизации, – а не от Азии, не от буддизма, или индуизма, или чудесного, может быть, для мусульман, но *чуждого* (выделено О. О.) большинству русских, отрицающих свободу воли фаталистического Корана». Одно только предложение – и Осетинский весь перед вами: и простое невежество, напрочь отрицающее фундаментальный вклад восточной науки и культуры в общечеловеческое (а не только России) развитие; и его манера походя, ничем не обоснованно, оскорблять религиозные чувства и буддистов, и индуистов, и мусульман; и попытка свое личное, неприязненное отношение ко всем нерусским навязать большинству русского народа.

И вот он, как заядлый гэбэшник 30-х годов, кричит (да, да, именно кричит!), обращаясь к своему оппоненту, к какому-то г-ну Дугину, который якобы, где-то выступая, предложил перенести столицу России в Казань: «На кого работаешь, браток? На «Аллах акбар»? За сколько сребреников продаешь православие? И – кому?»

Даже нет никакой охоты комментировать эти выкрики обычной уличной шпаны. Просто я хотел бы обратить внимание на то, что даже его собеседник, этот «добродушный» (вспомнили «добропорядочных» арийцев-гитлеровцев?) омоновец-фашист понимает, что его бредни нельзя печатать, тем более в «Литературной газете», «испугаетесь» говорит. «Не испугались!» – гордо вскидывает голову Олег Осетинский и публикует. Он-то, конечно, не испугался, так как совершенно не понимает межнациональных проблем современной России (дай-то бог, хуже, если хорошо понимает и действует осознанно!) и то, как опасно для всех нас и для страны, когда к ним прикасаются невежественные люди. Это все равно, как если бы дети нашли мину и начали бы из любопытства ее раскурочивать.

Предлагая нам высказывания «красивого» омоновца, О. О. пишет: «Проще всего назвать его «фашистом» и сделать вид, что проблемы нет. Но – почитайте, и – задумайтесь».

Я прочитал и, как советует О. О., задумался. И отвечаю ему вот так. Да – он, этот ваш «красивый» омоновец, чистой воды фашист. Но оттого что я фашиста назвал фашистом, вовсе не делаю вида, как вы, г-н О. О. предполагаете, что проблемы нет. Это для вас нет проблемы, если есть фашист, а для меня наоборот – возникает большая проблема. Ведь фашизм – это грязный селевой поток, и не дай бог, он обрушится на Россию, и тогда, как сейчас любят говорить, всем мало не покажется, и – к вниманию О. О. и других, любящих почему-то выступать опекунами русского народа, словно он, этот народ, не быллинный богатырь, не особенно-то и нуждающийся в покровителях, а ребенок малый, – в том числе и русским. Это раз.

Во-вторых. Не надо всех людей, а в особенности читателей «Литературки», считать такими же «эфенди» как вы сами, г-н О. О., есть люди, которые во многих вещах, где вы не толь-

ко «плаваете», а просто барахтаетесь, разбираются гораздо лучше вас. Обычный школьник прекрасно знает, что межнациональные проблемы в России совершенно не сравнимы с подобными проблемами во Франции и Англии, что с невинным видом делает обозреватель такой солидной газеты. Если вы, г-н О. О., не знаете и не слышали, в чем здесь разница, попытаюсь доходчиво, как школьнику, (раз уж вы и школьную программу забыли!) объяснить.

Англия и Франция, если говорить попроще, мононациональные государства, а Россия – многонациональное. Если, скажем, для Франции ливиец или алжирец – иностранцы, то для России татарин или тот же чеченец, народ которого устами своего героя вкупе с албанцами вы обозвали криминальным, являются такими же полноправными гражданами, как и ваше сиятельство, как бы ни было неприятно это вам самим, и вашему «красиво-ому» омовцу. А потому практически чисто фашистский крик: «В Москве уже миллионы мусульман!» вашего собеседника, подкрепленный вашим одобрительным кивком, фактически означает призыв к мусульманским погромам не только в Москве, но и повсюду в России. Что будет в ответ – не дураку это тоже ясно. Это два.

В-третьих. Почему это вы, являясь сотрудником такой солидной газеты, безоглядно публикуете бред первого встречного неизлечимо больного националиста, когда он болтает явную ложь? Я не верю, что вы не понимаете того, что этим самым вы заражаете вирусом национализма и фашизма сотни тысяч, миллионы людей! Только одного я не понимаю – неужели вы думаете, что если Россию захлестнет грязный фашистский сель, то вы и все ваши родные и близкие сумеете уцелеть, вскарабкаться на какой-то холмик и избежать беды? Не надейтесь! Даже Гитлер, Геббельс, Гиммлер – и то не уцелели!

Теперь о лжи. «В 1948-м добрые сербы из жалости пустили в Косово 50 тысяч голодных албанцев» – ложь! «А сегодня там, в их доме, висит объявление: «Сербов и цыган на работу не берем!» – ложь! «Сегодня албанцы – такой же криминальный народ, как чеченцы» – ложь! «Подумайте: чеченцы половину русских убили в Чечне...» – ложь! «Азеров (азербайджанцев?) уже 2 миллиона в России – и они уже требуют на нашей русской земле автономии!» – ложь!

«Я так считаю и все наши ребята: если мусульмане хотят здесь жить, пусть получают гражданство... Но сначала – перекрестятся и примут наши порядки. Как это было в России, которую мы потеряли». Ложь – в России никогда, слава богу, еще так не было...

«Россия устала от инородцев – и это никакой не расизм», – говорит Осетинский устами «добродушного» омовца. Здесь слово «инородцы», естественно, означает «нерусские». Тогда уместно задать вопрос и любимому герою-омовцу господина О. О., да и ему самому: «Если Россия собиралась так быстро

устать от инородцев, то какого черта она, так обильно проливая кровь и своих и чужих сыновей, завоевывала земли этих самых инородцев? Во все времена, во всем мире делается так: если сильная страна завоевывает слабую страну или сопредельную территорию, то по окончании войны эта страна, эта территория объявляется составной частью страны-победительницы, и народ завоеванной земли также объявляется составной частью народа всей страны. Следовательно, люди вновь завоеванной территории становятся такими же гражданами страны-победительницы, как и все ее граждане, жившие в ней до войны. К примеру, когда молодая сильная держава, США, завоевала чуть ли не половину Мексики, то, само собой разумеется, никому потом и в голову не приходило называть людей, живших в этих местах, «чужими», «инородцами». Хотя, к слову сказать, психологические и иные различия между англосаксами (североамериканцами) и мексиканцами (смесь испанцев и португальцев с индейцами) гораздо большие, чем между русскими и теми же, скажем, татарами, которых в Москве много, и другими «инородцами». А вот господин О. О. и его приятель всех нерусских граждан России называют инородцами. Почему? А просто – фашисты людей других народов, если даже эти народы являются коренными народами этой страны (а для России татары, башкиры, чеченцы, буряты и многие, многие другие являются такими же коренными народами, как и сами русские, так как земли этих народов входят в состав России) всегда считали и считают чужими, инородцами.

...Конец статьи представляет собой слишком уж резкий контраст по сравнению со всей статьей. «Приглашаем к дискуссии по этой острейшей теме всех – христиан и мусульман, русских и азербайджанцев, власти и философов. Пишите в «ЛГ». Будем думать вместе.

Спасти же можно тоже – только вместе. Порознь не получится».

Удивительно, но именно так заканчивается эта статья, от сути которой на версту несет фашистским духом. К чему бы? Так вроде бы и не понятно... Но я понимаю, к чему, да только говорить об этом не очень хочется...

А по поводу того, перенести ли Москву в Казань, хочу ответить господину Осетинскому так: «Уже тысячу лет Россия бредет по лесам и болотам, ища свой особый православный и русский путь, отказываясь выйти на общечеловеческий большак. И до тех пор, пока в ней превыше всего не будет цениться честь и достоинство человека (любого ее гражданина, а не только русского и православного!), его разум, знания и трудолюбие, а попроще – пока она сама, Россия, не выберется на общечеловеческий гуманный путь развития, а будет и впредь продолжать упорно искать свою никому не ведомую особую тропу, придется нашей (посмотрите, как возмущен господин О. О. – я,

«инородец», так нагло назвал его любимую и всячески оберегаемую от всех чужих Россию *нашей!*) бедной России, как и прежде, продираться сквозь колючки и заросли бездорожья в ломотях и с сумой на плечах. И куда хотите, господин О. О., переносите Москву: в Питер, в Казань, хоть на Камчатку – ничегошеньки ни у вас, ни у ваших приятелей – «добродушных» омовцев – не выйдет. Потому что фашизм, расизм, национализм и даже простая, безобидная вроде бы, обособленность никогда еще ни к чему хорошему не приводили.

16. Бедные «ноги» России... *

*Статья писателя Магомета Кучинаева для редакции
«Литературной газеты»*

* * *

Сегодня мы хорошо знаем, что Россия, пришедшая на помощь своей далекой родственнице по крови Сербии в 1914 году, фактически обрекла себя этим опрометчивым шагом на невероятные страдания и бессмысленные жертвы на целое столетие. Тогда Сербия, молодая и задиристая, не удовлетворившись захватом значительной части турецкой провинции Македонии в 1912 году, стремилась также прорубить себе окно в Адриатику (как когда-то Россия в Европу), а потому очертя голову ввязалась в войну с Австро-Венгрией. Помните, сербский националист Г. Принцип убил наследника Австро-Венгерского престола в Сараево? Это и стало поводом к войне.

Россия сразу же стала на сторону Сербии и без оглядки вступила в войну с Германией и Австро-Венгрией. И эта война, которую Россия сама себе «откопала», привела ее к страшной катастрофе, разрушительные последствия которой еще будут ощущать, к сожалению, даже наши внуки. Ведь то, что в той войне Россия потерпела позорное поражение – это сущий пустяк по сравнению с тем бедствием, которое было вызвано этим поражением. Если военное поражение для России было страшным землетрясением, то следствием стала революция – цунами, сметающая все на своем пути. Этим цунами, этой стихией, этим ураганом, была растоптана, уничтожена, разбросана по всему свету лучшая, наиболее жизнестойкая часть многонационального народа великой империи, которая называлась Россией. В опустошенной и разоренной стране «кто был никем» тот стал всем – тирания, беззаконие, репрессии стали нормой, и вновь лучшие люди страны (кое-где уцелевшие «старые» теперь уже под корень, а подросшие – избирательно, по мере проявления своих качеств) оказались в лагерях и тюрьмах, откуда уже в хрущевские времена вернулись уже совсем немногие.

Стоит ли после всего этого удивляться тому, что сегодня в России, все еще мнящей себя великой не только в пространствен-

ном отношении, но и в культурном, лексикон и мышление даже высших государственных мужей ничем не отличается от уровня мышления и речи колхозного бригадира. Я, к примеру, много раз слушал выступления бывшего премьер-министра Черномырдина, но не припомню случая, когда бы он произнес хотя бы одно логически нормально начатое и законченное предложение.

Беда не в том, что Черномырдин или же еще кто-то из чиновников не может четко и ясно выразить свою мысль словами, а в том, что, за малым исключением, практически все мы, бывшие советские люди, все, что ни делаем, делаем вот так – тямляп, кое-как, нелогично, неправильно, – не всерьез, непрофессионально.

И это не потому, что все народы, жившие в СССР, были вот такими – непоправимо тупыми, а потому, что и отцы наши, и мы сами очень постарались, чтобы стать вот такими. В огне революции и гражданской войны мы сами сожгли лучших из лучших, оставшихся более или менее хороших, честных расстреляли или сгноили в Сибири. И вот теперь мы, живущие сегодня, и есть тот самый хлам, что остался после двойной «зачистки», или же поросль опять же этого самого хлама.

И все это – прямой результат, последствия одного лишь рокового шага, который сделала сама Россия в 1914 году, когда жизненно важные интересы собственного народа так легкомысленно принесла в жертву непомерно амбициозным притязаниям радикальных сербских националистов.

И вот, спустя 85 лет, вновь все в точности повторяется. Когда распался СССР, России хватило ума не ввязываться в войну с Казахстаном, все северные области которого заселены русскими, хотя многие, в том числе и благодетель-«обустроитель» России Солженицын, всячески подстрекали ее к этому, избежать столкновения с Украиной из-за Крыма (ведь действительно обидно терять Крым, который Хрущев сдуру подарил Украине!), а вот когда развалилась Югославия, и у Сербии, тоже всегда считавшей себя великой, не выдержали нервы и она кинулась с кулаками (читай – с танками) во все стороны, якобы для защиты проживающих там сербов, Россия, вместо того, чтобы попытаться удержать разбушевавшуюся Сербию, чтобы она «взяла себя в руки» и успокоилась, стала вновь на ее сторону. И опять Россия из-за капризов вечно взбалмошной Сербии оказалась в конфликте со всей Европой, со здравым смыслом. Слава небесам – кое-как, навалившись всем миром, развели дерущихся, успокоили их.

И вот теперь Косовский пожар. Да – это пожар, а не конфликт. Потому что если там, где великодержавный, хамовитый, наглый национализм ежедневно, день за днем, год за годом попирает национальное достоинство, честь и элементарные человеческие права тысяч и тысяч людей, и эти люди, преисполнившись гнева, поднялись с колен, то это – пожар, а не просто конфликт. Подумайте сами – мыслимо ли, чтобы, к примеру, у нас в Татарии все милиционеры, судьи, прокуроры, почти все на-

чальники от мала до велика были бы только русскими? Такое мы себе просто представить не можем, а вот президент Сербии Милошевич ничего необычного не видит в том, что в Косово, где более 90 процентов населения составляют албанцы (их, если не ошибаюсь, кажется, около 2-х миллионов) на государственную службу допускаются только сербы. И стоит ли после этого удивляться тому, что албанцы (вспомните, албанцы – очень гордый и воинственный народ) восстали против этих порядков и захотели свободы?

Уже более года, используя все свое высокопрофессиональное мастерство на все сто, лучшие дипломаты и государственные деятели Европы пытаются всеми силами уговорить албанцев отказаться от войны и кровопролития, сесть за стол переговоров с правителями Сербии, обещают им в этом случае сделать все, чтобы впредь Сербия не относилась к ним как злая мачеха – обещают широкую автономию, но пусть только не требуют полной независимости. Ведь в XX веке, хотя и провозглашено право каждого народа на самоопределение, не принято переделывать границы. И в особенности тогда, когда это касается малых народов, которые по воле судьбы-злодейки оказались под пятой более сильных.

Уговорила-таки Европа косовских албанцев, пообещала следить за тем, чтобы Сербия не бесчинствовала в этом крае. Но Сербия оскорбилась – она не допустит, чтобы кто-то чужой следил за ней, да чтобы учил ее тому, что ей делать в собственном доме! Она сама знает что делать!

«Правильно! Сербия уже давно взрослая (то бишь суверенная) – она сама вольна поступать так, как ей вздумается!» – вновь решительно встала на сторону обиженной Сербии Россия, вечная ее «крыша».

Россия слишком уж долго жила изолированно от мира, занятая своими «врагами народа», ГУЛАГАМИ, карлагами, днепрогэсами и ракетами-бомбами, а потому она и отстала от всеобщего развития человечества и сейчас просто не знает, что доминантой в жизни вида *homo sapiens* т. е. людского сообщества, считается забота о жизни и благополучии человека, а не величие и военная сила того или иного государства. Человечество все более и более отдаляется от пещерных времен, когда сила и многочисленность племени, обеспечивающие относительно безопасную жизнь ее членов, считались верхом мечты всех и каждого. Сегодня, на пороге нового тысячелетия, люди разумные наконец-то начали понимать, что лучше полагаться не на звериную доминанту – кто сильнее, а на людскую – кто умнее. Тогда мечтой каждого человека должно стать совершенствование своего разума, а если попроще – больше знать и больше уметь. И на основе больших знаний, большого умения делать больше, делать лучше. И – жить лучше. И так – без конца. Потому что нет предела человеческим возможностям, человеческим мечтам...

А в России все еще пещерный век, для нее доминанта в жизни, как и ранее, сила и территория, родственная кровь и религия. Православная Россия всегда, при любых обстоятельствах, безоглядно становится на сторону православных и славян.

«Черные полковники» Греции вознамериваются «сглотнуть» государство Кипр, где живут не только греки, но и турки, Турция спешит на помощь туркам, не дает полковникам присоединить Кипр к Греции. СССР (читай – Россия), считавший тогда себя оплотом мира и справедливости на земле, молча, поощрительно поглядывает со стороны, когда полковники-фашисты подгребают под себя Кипр, но стоило только Турции защитить кипрских турков от неминуемо готовящегося геноцида, как СССР тут же стал вопить во все горло об агрессии и разбойничьих делах Турции. А как вы думали – они, полковники, конечно, и преступники, и фашисты, но они же свои, сволочи, – христиане, православные! А турки – это турки, басурмане: они никогда не могут быть правыми.

С сербами то же самое. Сербы кидаются с кулаками (то бишь с танками) то на хорватов, то на боснийцев, то на албанцев. Весь мир считает их неправыми. Одна только Россия считает их правыми. А как же иначе – сербы ведь славяне, да к тому же еще и православные, не какие-то там католики. А хорваты, боснийцы, албанцы кто такие? Хорваты – католики, боснийцы и албанцы – опять же басурмане, а албанцы вообще не славянской крови, чужие. Не может же Великая и Православная Россия оставить в беде единоверную и единокровную Сербию одну, если даже она и тысячу раз не права. Нет, конечно, не может!

Не только потому, что сербы и русские – братья во Христе и по крови, а еще и потому, что и в Сербии, и в России все еще царит воинственный дух пещерных времен. Свидетельство тому – выступления политиков России всех мастей с резким осуждением действий НАТО против режима Милошевича, но ни одного слова осуждения националистического курса Милошевича из их уст так и не прозвучало. Только три человека из тысячи политических деятелей и депутатов парламента России нашли в себе мужество ясно и четко сказать – не следует-де России сломя голову бросаться на помощь Милошевичу, во-первых, не такой уж он ангел, а во-вторых, у России самой забот полон рот. Эти трое – Григорий Явлинский, лидер движения «Яблоко», депутат Госдумы Сергей Юшенков и бывший (и первый, кто соответствовал занимаемой должности) министр иностранных дел Андрей Козырев. Даже такие «демократы» как Лукин и Рыжков-младший – и то оказались пораженными бациллами национализма и великодержавия...

Опять Россия из-за капризов своевольных правителей Сер-

бии противопоставила себя практически всему миру. Мир устами генерального секретаря ООН Кофи Аннана одобрил удары НАТО по военным объектам Югославии с целью принудить Милошевича подписать справедливый мир с косовскими албанцами.

А Россия, не сумев навязать миру свою пещерную правду и справедливость, неуклюже засуетилась, не зная, как теперь выбираться из тупика, куда сама же себя и загнала – то кому-то угрожает какими-то мифическими адекватными мерами, кого-то откуда-то отзывает, кого-то куда-то посылает. И все это делает с нескрываемой обидой на всех, ее политики все говорят и говорят какие-то пустые слова в поддержку Сербии, которые не только не могут ничем помочь Сербии, но даже оказывают ей медвежью услугу, так как вселяют в сердца сербских экстремистов напрасные надежды, воодушевляют их на новые авантюры. Все это раздражает всех – и друзей, и недругов России. А страна тяжело больна – нет ни разумной политики, ни нормальной экономики, нет ни законов, ни порядка. Народ страшно устал от всего этого.

Наверное, эта замечательная поговорка есть у всех народов – «Дурная голова ногам покоя не дает». Эта поговорка словно бы сказана про Россию. Сколько же еще лет дурная голова России – ее правители – будет мучить своей глупостью многострадальные ее ноги – народ? Ужель до окончания века? Хорошо бы еще, если до окончания века: до этого ведь осталось-то всего ничего – менее двух лет! Дай-то нам бог хотя бы в новый век вступить с умной головой! Аминь!..

23–24 марта 1999 г.

5

Часть

ДЕТИ ПРОМЕТЕЯ – деятели науки и культуры Балкарии XX века

Академик Тимур Энеев

1. Развитие науки и культуры Балкарии после Октября

* * *

Жизнь и деятельность выдающихся людей, если они даже и деятели науки и культуры, как бы живущих вообще вне времени, конечно же, тесно и неразрывно связаны с тем временем, в котором им суждено было жить и творить самим Небом. Но иногда они даже просто хронологически не укладываются в рамки какого-нибудь определенного времени, как его мы привыкли измерять: родились в одном веке, а их творческая зрелость пришлась на другой век. Да если и это не принимать в расчет, все равно жизнь и творчество гениальных и очень талантливых людей как-то не вмещаются в рамки какого-то времени. Хотя вся сознательная жизнь, скажем, Кязима пришлась на конец XIX и первую половину XX века, значит, он жил и творил и в царское время, и в советское время, но никто не может решиться назвать его ни поэтом XIX века, ни советским поэтом. И даже учитывая, что практически все свои силы он отдал на бескомпромиссную борьбу против тирании и бессмысленной жестокости большевистской диктатуры, мы не можем назвать его «певцом печального времени». Ибо он был певцом-вольнодумцем, решительно неприемлющим насилие и несправедливость, где бы, когда бы они ни совершались.

Вот именно поэтому – потому что жизнь и деятельность выдающихся деятелей науки и культуры как бы находится особняком от повседневной суетной жизни отдельных людей, мы выделили рассказы о них в отдельную часть книги. Хотя, само собой разумеется, их жизнь и судьба неразрывно связаны с жизнью и судьбой своих народов в определенные отрезки времени.

* * *

Вторая половина XIX века и дореволюционные годы XX века были, как известно, поистине годами карачаево-балкарского Возрождения и Просвещения. В эти годы, несмотря на страшные эпидемии чумы в начале и в середине XIX века, численность населения в Балкарии и Карачае возрастает настолько, что они вошли в число народов, имеющих хоть какое-то, но все-таки свое политико-административное деление. Балкария, под названием Пять горских обществ, вместе с Кабардой составляющих Нальчикский округ Терской области, и Карачай, являющийся основой Баталпашинского округа Кубанской области. Таким образом, вполне обоснованно можно считать, что балкарцы и карачаевцы уже в царское время имели некое подобие

своей государственности, где, между прочим, и в особенности в последние годы перед революцией, имели больше возможностей для самоуправления, чем в хваленое советское время, когда они официально имели автономию. Как, впрочем, и другие народы Северного Кавказа.

В последней четверти XIX века и в первые годы XX века, как уже отмечалось, особенно большие успехи в просвещении, в приобщении народа к достижениям современного цивилизованного мира были достигнуты в Карачае, где почти во всех крупных селениях были открыты школы, многие выпускники которых обучались в Ставропольской гимназии, в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы и других крупных городов России.

Первая мировая война, в огонь которой Россия кинулась сломя голову из-за своей вечной агрессивно-националистической политики, привела ее к катастрофе – к хаосу и революции, к Гражданской войне и диктатуре невежественных тиранов. И ей пришлось целый век – до начала XXI века – жить под пятой «вождей мирового прогрессивного человечества», утирая кровь и слезы. Миллионы ее лучших сыновей погибли на полях сражений Второй мировой войны, во многом разгоревшейся по вине «светочи мира» Сталина и его банды, сколоченной им из трусливых, жестоких людишек, а также в лагерях Сибири как до войны, так и после войны.

Но, как известно, даже самые жестокие тираны, могущие погубить целые народы, миллионы людей, не могут заслонить солнце, не могут сделать так, чтобы не приходила весна, не цвели яблони, не танцевали, не смеялись люди.

Жизнь при тиранах становится мучительно тяжелой, но она все-таки продолжается. А основой жизни, как известно, является здоровье человека, его знания и хорошее настроение. А говоря попроще – человечество без культуры и науки, без здоровых и жизнерадостных людей не развивается.

Вот в таких невыносимых условиях, под тяжелым прессом идеологических догм, зачастую превращающихся в невежественными «вождиками» на местах до трагикомического, всячески приспособляясь к их незатейливым вкусам, и развивалась культура, наука и образование в первой половине XX века в нашей стране в «мирные» (это слово мы берем в кавычки, так как не могут считаться для народа мирными годы тирании и жестоких репрессий) годы между Гражданской войной и Великой Отечественной. В том числе и в Балкарии.

После того как Калмыков с помощью Сталина фактически превратил Балкарию в один из округов Кабарды (он изо всех сил старался это оформить и формально, исключив из названия области слово Балкария, но это ему не удалось), вся общественно-экономическая и культурная жизнь в Балкарии, как и по всей Кабардино-Балкарской автономной области, существовала под его жестким контролем. Он, неуч и батрак по натуре, ненави-

дел грамотных, интеллигентных людей, а тем более если они происходили из знатных узденских и бийских фамилий. Он фактически извел весь цвет балкарского народа, да и кабардинского тоже, так как практически все грамотные и интеллигентные люди у нас в это время были выходцами из княжеских и богатых узденских родов. Смерть и страдания на чужбине таких выдающихся сыновей и дочерей балкарского народа, к тому же совершенно лояльно относившихся к Советской власти и верой и правдой служивших ей, как Исмаил и Фатимат Абаевы, Ибрагим и Сафият Урусбиевы, Юсуп Настуев, Магомет Энеев, Жамал Мисиров, Келлет Ульбашев и многих сотен других – на совести тирана Калмыкова и его подручных.

Как и его учитель Сталин, Калмыков тоже очень хотел слыть мудрым вождем народа, неустанно заботящимся о его благополучии и процветании. Благополучие народа – дело долгое и хлопотное, а Калмыков не очень-то и любил им заниматься, тем более после политических интриг и организации расправ с чуть более грамотными и умными, чем он сам, людьми, не так уж много у него времени-то оставалось. После всех этих «серьезных» дел надо было и как-то отвлечься, и тогда он брался за дело «процветания» народа, то есть за всяческое раздувание наглядных и развлекательных видов культуры – за организацию всевозможных смотров гармонистов, танцоров, певцов и т. д. Также в основном чтоб самому отвлечься и позабавить и развлечь важных гостей из Москвы.

Так, в 1933 году он организует ансамбль танца. В то время в области лучшего танцора чем Окуб Рахаев из Хасаньи не было, то и руководить ансамблем поручили ему. Так Окуб Рахаев стал первым профессиональным хореографом Балкарии.

Вот как вспоминает о нем наш сегодняшний знаменитый хореограф, заслуженный артист России Мутай Ульбашев: «В дальние города нас всегда провожали с оркестром – так высок был авторитет ансамбля. Мы бывали во многих городах. Как сегодня помню наш концерт на даче Горького в Москве в 1936 году. Когда очередь дошла до Окуба, он начал свой знаменитый танец с кинжалами. Тогда кинжалы были из серебра, тяжелые, не то что сегодняшние – легкие. Когда Окуб, взяв в рот штук десять кинжалов, начал танцевать, Горький не выдержал и отвернулся в сторону – он боялся, что танцор порежется. Сейчас танец с кинжалами входит в репертуар почти каждого ансамбля из Кавказа, а тогда этот танец исполнял только Рахаев. И придумал его он сам.

Наш ансамбль, бывало, выступал в одном концерте и со знаменитыми московскими артистами, такими как Леонид Утесов или Лидия Русланова. И часто нам доставались более восторженные аплодисменты зрителей, чем знаменитым артистам».

Печальна и интересна судьба первого хореографа Балкарии. Во время войны, оказавшись в рядах наших бойцов, волею судь-

бы ставших героями трагической судьбы и принявших на себя первый удар немцев, после недели ожесточенных боев попал в окружение и оказался в плену. В конце концов ему удалось бежать из немецкого лагеря. И сразу же попал в наш лагерь – на двадцать лет. За то, что не застрелился, а оказался в плену, да еще посмел оттуда бежать.

В советском концлагере Окуб организует кружок танца из заключенных кавказцев и дает концерты сокамерникам. Концерты поднимали настроение людей, они лучше работали. За это Окубу скостили 10 лет. А еще через четыре года, уже после смерти «отца», по воле которого его сюда заслали, Рахаева вообще освободили. Умер он уже после возвращения на Кавказ в своем родном селении Хасанья.

Другой яркой звездой культуры довоенных лет был знаменитый гармонист Билял Казиев, который неизменно занимал первые места в смотрах народных талантов как в области, так и по всему Северному Кавказу.

Во время войны, как известно, в Нальчик были эвакуированы многие деятели культуры, в том числе находились и композиторы С. Прокофьев и Н. Мясковский. Прослышав о необыкновенно талантливых гармонистах – о кабардинке Кураце Каширговой и балкарце Биляле Казиеве, они попросили о встрече с ними. Их познакомили, и эти большие музыканты и композиторы не раз встречались с ними и слушали их игру. В Четвертом струнном квартете Прокофьева и Двадцать третьей симфонии Мясковского чувствуется большое влияние мелодий и наигрышей, услышанных композиторами на Кавказе.

Не умолкала гармонь знаменитого Биляла и в годы ссылки, вселяя в людей уверенность и надежды на свет и правду. Умер Билял Казиев в 1961 году в своем родном селе Бабугенте, а гармошка его хранится в краеведческом музее.

Еще с довоенных лет звучит сильный голос любимца Балкарии и Карачая Омара Магомедовича Отарова.

В 2001 году оба народа торжественно отметили 85-летие своего певца. Что особенно замечательно – так это то, что ежегодно в Тырныаузе, где его родное село Гирхожан теперь является частью города, проводится фестиваль балкарской песни имени Омара Отарова.

Диапазон песен, исполняемых Омаром Отаровым, очень широк – он одинаково хорошо поет и старинные народные песни, и современные лирические песни, и шуточные частушки. Но, конечно же, он больше всего любим за прекрасное исполнение старинных народных песен.

В песнях – душа народа. А Омар Отаров великолепным исполнением балкарских и карачаевских народных песен как бы вливает животворную силу в сердце и души своих слушателей.

Как и по всей стране, так и в Кабардино-Балкарии особо бурное развитие получает народное образование. В предвоен-

ные годы практически во всех селах республики имелись школы, были открыты педагогические и научно-исследовательские институты. Как Сталин по всей стране, так и Калмыков в Кавказской АССР неустанно продолжал подвергать репрессиям как старые кадры интеллигенции, так и вновь набравшихся знаний и ума-разума молодых людей, но, тем не менее, энтузиасты народного образования добивались замечательных успехов.

Одним из таких энтузиастов был Сагид Османович Шахмурзаев, награжденный в 1939 году орденом Ленина за выдающиеся успехи в деле народного образования.

Саид-хаджи, как его уважительно называли многие, имея в виду, что он настоящий хаджи, академик народного просвещения, родился еще в XIX веке и встретил эпоху революций уже зрелым молодым человеком с солидным для своего времени образованием – он учился в Учкулане и в Темир-хан-Шуре, а во второй половине 20-х годов закончил и педагогический техникум в Симферополе.

Сперва он преподавал в Ленинском учебном городке, но потом не выдержал и уехал организовывать школу в родном селе Эль-Тюбю, что в Чегемском ущелье. Здесь он открывает начальную школу. Это была одна из первых школ в балкарских селениях.

Неустанно стремившийся к новым высотам в жизни и щедро делившийся с людьми своими уже накопленными знаниями, Саид Османович был любим не только учениками, он пользовался большим авторитетом и среди взрослых жителей села. А уважали его люди не только за знания, хотя мало кто мог тогда и во всем ущелье похвастаться такими же познаниями, сколько за честность и доброту. Кто еще, кроме него, мог в то нелегкое время покупать за свои учительские деньги галстуки пионерам, карты для школы? Наверное, никто. В 1939 году «Учительская газета» писала о нем так: «Товарищ Шахмурзаев тесными узами связан со своим народом. В его сакле почти всегда бывают гости. Колхозники идут сюда за советом, поделиться с учителем своими радостями и горестями. Вот пришел колхозник Мирзоев, которому неправильно записали трудодни. Учитель идет в колхоз, роется в табелях, пишет заявление. Он добивается исправления ошибки».

Не меньших успехов чем в народном просвещении имел Саид Османович и в литературе. Он считается одним из основоположников балкарской письменной литературы, выпустил пять сборников стихов и поэм. Большой знаток народного опыта практически во всех областях жизни, он был и фольклористом, и этнографом, и историком. Все это в соединении с его неуемной энергией и жизнерадостностью, с поэтическим даром и талантом исследователя давало свои плоды. Поэма Саида Шахмурзаева «Календарь горца» – это поистине научно-этногра-

фическое исследование о трудовом календаре горцев, о народных обрядах при исполнении различных работ, об астрономических и космогонических воззрениях балкарцев и карачаевцев.

Он был таким непререкаемым авторитетом среди ученых специалистов как в области языкознания и фольклора, так и в этнографии, истории и географии родного края, что к нему за советом и консультациями обращались как видные ученые, так и научно-исследовательские институты.

Хотя уже в 1926 году открылся Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, говорить о каких-либо серьезных научных работах в довоенные годы не приходится, кроме как об организации нескольких экспедиций в села республики по сбору фольклорных материалов.

Значительное развитие в предвоенные годы получает литература, и в особенности после того, как в 1936 году письменность перешла на русскую графическую основу. Это было прогрессивным событием большого значения вообще в развитии не только образования и культуры, но и всей жизни наших народов.

Переход письменности на кириллицу, которая является фундаментом и великого русского языка – государственного языка нашей страны – с первых же дней стала оказывать и оказывает по сей день, будет оказывать и в будущем мощное стимулирующее значение для всеобщего развития наших народов.

Наши народы живут в составе России и без недостаточного знания русского языка – официального языка страны – ни один балкарец, равно как и человек другой национальности, если он хочет жить полнокровной жизнью, практически обойтись не может. А потому то, что графическая основа нашего языка сегодня находится на одной основе с русским языком, с языком великого народа, имеющим богатейшее культурное наследие, которым восхищается весь мир – большое благо. Об этом – что мы живем в России и всем ее гражданам, в том числе балкарцам, следует хорошо владеть русским языком – надо помнить всем и всегда! Тем более, что и в обозримом будущем балкарцы связывают свою судьбу именно с Россией. Россия – наша большая Родина, наша Отчизна. И если сегодня нам не очень нравятся те или иные ее поступки и дела, то мы, как ее верные сыны и дочери, должны уже сегодня бороться за то, чтобы она стала более разумной в делах и поступках, чтобы нам не было стыдно за нее перед людьми всего мира. А не искать каких-то иных путей, могущих нанести вред ее авторитету. Как, к примеру, предлагал лидер ЛДПР Жириновский, выступая в Думе в апреле 2002 года. Он предложил не ограничивать рекламу пива, пусть мол народ спивается, деградирует, начнутся уличные беспорядки и тогда легче будет скинуть негодное правительство Касьянова.

Нет, честные граждане России не имеют права желать того, чего в начале XX века желали России большевики – «Чем хуже – тем лучше!»

Все должны знать: чем хуже России, тем хуже нам, нашим детям. Чем лучше России – тем лучше всем нам. Потому что мы все – ее дети. Когда матери хорошо – хорошо и детям!

В связи с этим, кажется нам, сильно заблуждается та часть нашей интеллигенции, которая в последние годы, пытаясь доказать народу свою «сверхкультурность» или «продвинутость», стала упорно навязывать народу вместо общеизвестных и вошедших во все языки мира слов *культура, литература, искусство, революция, политика* и т.д. малопонятные слова арабо-персидского происхождения типа *маданият, адабият саясат, ынкылап* и т.д. Писатель Алим Теппеев, выступая по радио, уверял слушателей, что слова *саясат, маданият, адабият* вышли из более культурной среды, чем *литература, культура и политика*, а потому де нам не стоит их чураться. И вообще, мол, когда в Средней Азии были в расцвете центры мировой культуры, на Западе люди еще жили в лесах. Но, во-первых, среди нормальных образованных людей считается неприличным делить народы на культурных и некультурных. А во-вторых, смотря какое место на Западе взять. Крит, Греция и Италия, как известно, тоже относятся к Западу. Цивилизации Крита, Греции и Рима – тоже, всем известно, величайшие очаги человеческой культуры. И именно оттуда пришли к нам слова *литература, культура, политика* и т. д.

И, в-третьих, если уж брать слова из наиболее «культурных» мест и языков, то почему именно арабские, персидские, а не самые что ни на есть «наикультурнейшие» – шумерские и египетские?

Язык такое же природное существо как и дерево, как и народ и всякое другое естественное явление. Он развивается, как и всякое существо, используя как свои внутренние энергетические возможности, так и приспособляясь к вечно изменяющейся окружающей среде.

Тюркские языки вообще очень богатые, с большой внутренней энергетикой (самая совершенная форма словообразования, отсутствие родов, предлогов, приставок). Карачаево-балкарский язык, как отмечают многие тюркологи, является как бы прямым наследником древнетюркского языка, где наиболее полно сохранились фундаментальные признаки этой семьи языков. Различие между наречиями тюркского языка (а вернее, конечно же, между тюркскими языками) – это результат влияния окружающей среды (народов, природы).

К примеру, современный турецкий язык принял массу слов от своих соседей – и от персов, и от арабов, и в особенности от народов Запада. Балкарцы (еще раз напомним!) живут в России, а не в Иране, не в Узбекистане, и не в Арабстане. А потому не следует (да это и бесполезно!) гнать те слова, которые приходят в наш язык через русский, а наоборот – надо их радушно принимать. Молодые балкарцы, вместе со всеми европейцами

и россиянами, в течение всей своей сознательной жизни повседневно употребляют слова *культура, литература, искусство, политика, революция*. Стоит ли заставлять их зубрить другие иностранные слова вместо слов уже ставших родными? Нет, не стоит...

После обретения свободы и возвращения на свою родину, несмотря на все препятствия, встречавшиеся на их пути, желание работать, творить и учиться у балкарцев и карачаевцев было так велико, что многие из них успевали все это делать одновременно – они и работали, и учились, и творили.

Прошло всего-навсего 20–25 лет, и наши народы, ранее практически не имевшие доступа в высшие учебные заведения, по данным ЮНЕСКО, вышли на одно из первых мест в мире по уровню образования. Сейчас у балкарцев около 300 человек имеют ученое звание кандидатов и докторов наук, есть и академики.

Балкария по праву гордится своими сыновьями и дочерьми, которые имеют большие успехи как в деле развития естественных наук, так и в области гуманитарных исследований.

Имя академика Тимура Магомедовича Энеева, лауреата Ленинской премии, всю сознательную жизнь посвятившего исследованиям и расчетам траекторий полетов ракет и космических тел, широко известно в ученых кругах страны и нашей республики.

Такой же известностью пользуется и академик Михаил Чоккаевич Залиханов, директор Высокогорного геофизического института, Герой Социалистического труда, депутат Государственной Думы Российской Федерации и Почетный член многих иностранных академий. Он – автор многих фундаментальных трудов по геофизике, по его методу во всем мире ведут борьбу с градом и селями.

Выдающимся ученым-тюркологом был академик Международной Тюркской Академии наук, доктор филологических наук Ибрагим Хашимович Ахматов. С его подачи и под его руководством была разработана новая усовершенствованная грамматика балкарского языка.

Одним из талантливых сыновей Балкарии был и Алий Рамазанович Чубоков, доктор медицинских наук, фактически положивший начало углубленному изучению одного из сложных направлений в комплексе наук о деятельности головного мозга человека в Институте биологической физики Российской Академии наук.

В следующих главах мы расскажем о наиболее выдающихся деятелях науки и культуры Балкарии XX века. Это, на наш взгляд, позволит более конкретно понять то, чего достиг наш народ в своем развитии, несмотря на те страшные катастрофы, что пришлось ему пережить в этом окаянном XX веке.

2. Кязим Мечиев – неподкупная мудрость Кавказа

Величайший из сыновей Кавказа – Кязим – родился в 1859 году в семье Бекки Мечиева из Хуламо-Безенгиевского ущелья, который жил в селении Шыкы. У Бекки была обычная по меркам того времени семья – трое сыновей и пятеро дочерей. Как и во всех семьях горцев, дети Бекки тоже, по мере того как подрастали, в меру своих сил помогали родителям, выполняя различные работы по дому. Сыновья, естественно, чаще всего бывали с отцом в его кузнице, а девочки помогали матери – они и готовили, и пряли, и занимались рукоделием.

Бекки, как и все отцы, наверное, особую заботу проявлял о более слабом из своих детей – о Кязиме, так как он немного хромал от роду. Он всегда брал его с собой и в кузницу, и даже на свадьбы родственников, куда ему, Бекки, невозможно было не пойти. А когда Кязим немного подрос, Бекки, посчитав, что ему в жизни грамота совсем не помешает, отдаст его эфенди, чтобы тот его выучил письму. Как правило, в те годы в балкарских семьях часто встречались ученые богословы из Дагестана, где ислам укрепился давным-давно, еще в XIII–XIV веках. Богословы в те далекие времена, а тем более мусульманские (в связи с тем, что в мусульманских странах, по сравнению с европейскими, светских учебных заведений практически не было) были, как известно, и учеными во всех областях науки. Видно по всему, что и кумыкский эфенди, живший во второй половине XIX века в Шыкы, тоже имел сравнительно обширные знания, так как хорошо известны довольно солидные знания Кязима и по астрономии, и по географии, и по народонаселению, и по истории, не говоря уж о литературе – культуру Востока он знал хорошо. Разумеется, не все, что знал потом, во взрослые годы, взял Кязим именно от первого своего учителя, но то, что тот сумел зажечь в душе мальчика негасимый огонь познания – это уже несомненно. Известно, что после Кязим нигде не учился, никаких медресе и университетов в городах Востока не кончал, но говорил на нескольких языках. И все эти знания он получил, как говорится, самообразованием. А учился, читал он до самой смерти, всю свою долгую жизнь.

Известно, что издавна у балкарцев, как и у многих народов мира, в бесписьменный период имелись народные певцы и сказители, настоящие поэты, которые целыми днями могли не только рассказывать сказки и легенды, но даже и распевать большие по объему сказания и старинные героические песни. Таких известных сказителей было не так уж и много – один или двое на целое ущелье. Иногда между такими сказителями, которые в народе назывались жырчи, что значит певец, когда они встречались вместе на каком-либо торжестве – на свадьбе у уважаемого бия, скажем, или на курманлыке по поводу победного возвращения бия и его дружины из жортууула, устраивались состязания.

Во время таких состязаний они соревновались не только в своих знаниях фольклора, но и в поэтическом мастерстве, тут же слагая песни, так сказать, на тему дня – о сегодняшнем торжестве, о людях, присутствующих здесь, о своих чувствах по этому поводу и т. д.

Несомненно, что именно народные певцы, которых слушал мальчик на свадьбах и курманлыках, на которых он бывал вместе с отцом, впервые пробудили в Кязиме искры творчества. Известно еще, что у балкарцев на свадьбах и иных торжествах чаще всего исполняются песни о любви, старинные героические песни и песни о сегодняшних героях.

Как и все поэты мира, Кязим тоже начал с лирических песен-стихов. И скорее всего прототипом героя его первых стихов был он сам: ведь в это время – в конце XIX века – он был, разумеется, влюбленным юношей.

И что характерно – даже в ранних лирических стихах, большинство из которых, к сожалению, не сохранились, Кязим уже выступает как бунтарь, неприемлющий этот несправедливо устроенный мир, где деньги и богатство решают все, даже судьбу влюбленных.

В тридцать лет я разум потерял
И сумасшедший, смотрю на звезды.
Я забыл и намаз, и уразу
Лишь твое имя, как молитву, сделав зикиром, пою.
Что толку попусту злиться –
Отец твой и не думает отдать тебя за меня.
А чтобы уплатить калым, открыть нам путь,
У моего бедного отца тоже нет скота.

(Подстр. пер. М. К.)

Так сетует герой лирического стихотворения, написанного в 1890 году. А в другом стихотворении, написанном в том же году, герой с горечью говорит:

Аллах нам с тобой послал любовь,
Но люди отбирают ее у нас.
Неужели сильнее Аллаха небесного
Воля человека, живущего на Земле?

(Подстр. пер. М. К.)

А какая глубина мыслей и трагедии в одном только четверостишье:

Гора на горе – не бывает.
Сад из одного дерева – не бывает.
Если даже рана от кинжала – заживает,
То рана от любви – не заживает.

(Подстр. пер. М. К.)

Так как в одном из своих лирических стихов, написанных в 1890 году, он «признается», что от любви «потерял разум», то

правомерно предположить, что женился он примерно в это же время. Женился он на 20-летней Канитат – дочери Шаваева Магомета из соседнего Хуламского ущелья.

Брак этот оказался счастливым (как, впрочем, и многие другие браки в те времена – видимо, сказывалось то, что тогда сыновья и дочери больше прислушивались к советам родителей и старших и относились к этой важной вехе в своей жизни более серьезно, чем сегодняшняя молодежь).

У Кязима и Канитат, как известно, было 14 детей – 8 сыновей и 6 дочерей. Канитат тоже умела читать и писать, и воспитывала своих детей в духе глубокого уважения к грамотности, к творчеству отца и в семье часто распевали только что сложенные песни Кязима. Умерла Канитат спустя месяц после смерти Кязима – в апреле 1945 года и была похоронена рядом с могилой Кязима в селении Кум-Тебе Каратальского района Талды-Курганской области Казахстана.

Теперь, после женитьбы, после того, как он стал отцом, Кязим несколько «остепенился», он уже не юноша в «тридцать лет, потерявший разум», и его любовь уже не жжет и не превращает его в пепел, а только спокойно греет, создавая наилучшие условия для жизни. Если в юности его любовь похожа на горную речку, которая во время грозы готова все сокрушить на своем пути, то в зрелые годы его любовь похожа на полноводную реку, которая становится матерью всей жизни по ее берегам: она и кормилица, и труженица. Можно уверенно сказать – любовь остается одной из главных тем в творчестве Кязима. Многие с этим могут не согласиться, скажут: «Кязим в первую очередь – это мудрец, философ и борец! Главными в его творчестве всегда были справедливость, правда, поиск истины, осуждение зла и тирании во всех проявлениях». И будут совершенно правы. Но в то же время следует признать, что самое крупное произведение Кязима «Бужжигит» – это, в первую очередь, прекрасная поэма о любви, а потом только о борьбе правды и кривды, справедливости и зла, осуждение всевластия и тирании. Такой же – о прекрасной любви, а потом только о несправедливости и тирании, является и поэма «Тахир и Зухра». И еще следует, конечно, признать: Кязим – это прежде всего честь и совесть народа, неподкупная мудрость Кавказа.

Многие сегодня удивляются – как это случилось так, что Кязим остался в живых, как он смог избежать всех тех ужасов, на которые обрекли всех порядочных людей красные дьяволы – гэпэушники?

Вопрос этот, действительно, очень даже интересный – ведь Кязима, которого мы знаем, ЧК, ГПУ и любая «тройка» должна была не просто отправить на Колыму, но без суда и следствия четвертовать на месте поимки. Почему же этого не произошло?

Ведь он даже уже был в лапах ГПУ!

Вопрос-то ясный и простой. Но ответить на него не так-то

легко. Его не расстреляли, не сослали в Сибирь, потому что он... был нужен Советской власти как придворный певец! Это одно. Второе – эта власть, которая по своей глупости погубит такого народного певца, каким уже был Кязим к 20–30-м годам XX века, навеки была бы проклята (теперь она и проклята!) народом. А большевики-разбойники, как известно, в глазах народа хотели выглядеть если уж не богоподобными, то, во всяком случае, ангелами. А потому они посчитали, что живой певец принесет им гораздо больше пользы, чем мертвый. Мертвых и без него хватало. А вот живых, авторитетных стариков, которых в горах действительно почитают как святых, да еще расхваливающих новую власть – не так уж и много, если сказать помягче.

У казахов есть Джамбул Джабаев, у аварцев есть Гамзат Цадаса, у кумыков есть Сулейман Стальский, а почему бы и нам не занять такого же певца? Так, разумеется, решили «кабардино-балкарский» сталинчик Калмыков и его подручные. Они даже действовали точно так же, как и дагестанские начальники, когда «выращивали» Гамзата Цадасу – прикрепили к Кязиму, не владеющему русской грамматикой, молодого поэта Кайсына Кулиева, которому поручалось «помыть, почистить и воспитать» этого Кязима-хаджи, чтобы советский Кязим ни в чем не уступал Сулейману Стальскому. Но Кайсын был, наверное, не таким «умным», как Эфенди Капиев, который дал Советской власти нужного ей Стальского. «Дурак» Кайсын, как говорил сам Кязим, то есть прямодушный и влюбленный в Кязима молодой поэт, не сумел ни «почистить», ни «воспитать» Кязима, а лишь умел перекладывать «арабские» (написанные арабскими буквами) стихи певца буквами современного алфавита.

Основную «черновую» работу по перековке Кязима в певца Советской власти, таким образом, пришлось исполнять редактору книжного издательства Жанакаиту Залиханову. Он и «почистил» его – убрал приросшую к его имени почетную приставку «хаджи», изгнал прочь все его стихи на религиозные темы, а все строки, где разливалась горечь разочарования по поводу «новой счастливой жизни», изменил так, что новая жизнь действительно показалась бы всем горцам раем на земле. А самое главное – там было «знаменитое» стихотворение «Совет власть-алтын терек», которое начиналось словами:

«Совет власть-алтын терек,

Аны къаты тутуу керек». –

«Советская власть – это древо златое

За него надо держаться крепко».

(Подстр. пер. М. К.)

Первая небольшая книжка стихов старого певца вышла в 1939 году. Чтобы яснее понять суть этой книжки достаточно привести названия большинства стихотворений из нее. Вот они: «Ленин», «Сталин», «Герой-богатырь» (о Ворошилове), «Советская власть», «Братство», «Мы», «Колхозу», «Равенство боль-

шевииков», «Учиться», «Пионерам», «Радость сердец», «Новый свет» и т. д.

Понятно – это все о «великих борцах за народное счастье», о Советской власти, «дарующей счастье людям» и о беспредельно радостном труде советских людей.

После выхода этой книжки Кязим с горечью писал:

На что это похоже?
 Кто это написал вместо меня?
 Он опозорил меня,
 Поджег мой лес.
 Не попросив, раздел нахально
 И прогнал, кинув на меня свое тряпье.
 И почему он так уверен,
 Что я приму его увечный язык?!

Кто это так постарался?
 Он на мой зеленый луг, как мороз налетел.
 Жил я спокойно со своим народом,
 А теперь я стал похож на глупого болтуна!..

(Подстр. пер. М. К.)

Вот так «почистили и помыли» бедного Кязима, что тот не выдержал и «заплакал». И, конечно, было от чего.

В эти годы Кязим, видя большевистскую вакханалию, которая губила лучших людей народа, писал:

Какое горькое время пришло:
 Обвиняют правдолюбцев.
 Неправый вершит над нами суд –
 Настало время, чтобы нам было больно?..
 Ой, какое подлое время настало!
 Ой, какое горькое время настало!
 Ой, какое трудное время настало!
 Ой, какое тиранов время настало!

(Подстр. пер. М. К.)

А в книжке «Мое слово» есть такие строки:

А сегодня и праздник, и радость – наши,
 Сегодня и одежда, и пища – наши,
 Сегодня и песня, и стих – наши,
 Сегодня народы – братья и равны.

(Подстр. пер. М. К.)

Разве мог в один и тот же год – 1938 год – такие два разных стиха написать один и тот же человек? Нет, конечно!

О том, как «чистили» Кязима, покажем на примере стихотворения «Большевик излеген тенглик...».

Первые четыре строки из Кязима:

То, что хотят большевики – равенство,
 Дадим, мол, народу вольность, да такую,
 Что у человека ни одного недостатка не будет –
 Это дело тоже невозможно!

А после «чистки»:
Большевик хотел равенства
И дал нам большую вольность.
В людях не оставил недостатков,
Дал народу большую свободу.
(Подстр. пер. М. К.)

Остальные 12 кязимовских строк выброшены и вместо них появились эти:

Уважаются старость и молодость,
Почитается братство.
Теперь не придет к нам бедность,
Теперь нас не достанет голод.
Есть и дающие, и берущие,
Нет у теперь вешающих ярмо,
Все теперь можно найти –
Пусть работает каждый, кто может.
Дни наши стали светлыми,
Теперь мы стали сильными,
Души наши – просветленными,
Наша дорога – дорога правды.
(Подстр. пер. М. К.)

Нетрудно понять бедного Кязима, так расстроенного и рассерженного, когда он узнал, что эти вирши приписали ему. Ему, который в поисках истины и справедливости требовал ответа на свои вопросы от самого Всевышнего! Который никогда и не перед кем не кривил душой и не склонял своей гордой головы.

А после этой книжки он был похож на слабоумного старца, облизывающего грязные сапоги кровавого тирана!

Но мудрый Кязим, скорее всего, все понимал прекрасно, что к чему. И он надеялся – и не безосновательно! – что народ не примет всерьез эту книжицу, где Кязим не Кязим. Так оно и было. Народ знал, что стихи, помещенные в этой книжице, не написаны Кязимом, и по-прежнему любил своего певца. А настоящий Кязим так и остался таким, каким и был – честным, непоколебимым борцом за справедливость, могучей скалой на пути зла и тирании. Вот он, Кязим 30-х годов XX века:

Ох, и трудна наша жизнь,
От возмущения кипит наша кровь.
Но все-таки у нас хватает ума терпеть.
Заря счастья нашего не хочет светить.
Нет наших сил, способов нет.
И знающих людей мало среди нас,
И от тирании лицо мое побледнело,
Не приходит утро народного счастья.
(Подстр. пер. М. К.)

* * *

Слово мое, словно стрела об скалу –
 Бесплезно. И ничего сделать не могу.
 Но все равно я не пойду на поклон к тирану
 И не перестану его проклинать.

(Подстр. пер. М. К.)

А когда, рассказывают, его все-таки схватили, заточили в тюрьму и обвинили в том, что он не любит Советскую власть и об этом открыто говорит в своих стихах (печатать-то такое, конечно же, никогда не печатали, донесли, наверно), он ответил: «Вам нужна похвала? Пожалуйста!». И прочитал тут же сочиненный стих, ставший потом знаменитым, который стал поэтическим паспортом «советского» Кязима:

Советская власть – это древо золотое,
 За нее надо крепко держаться.
 И тот, кто от нее в сторону уйдет –
 Станет лопатой для чистки навоза.

(Подстр. пер. М. К.)

После этого его отпустили и, скорее всего, с этого дня и началась работа по «советизации» Кязима, в результате которой и появилась эта самая злополучная книжица под названием «Мое слово», где псевдо-Кязим «во все горло» воспел и Ленина, и Сталина, и «народного батыра» Ворошилова, и колхозную жизнь, и вообще жизнь, ставшую сплошным праздником.

А жизнь, эта трудная жизнь, продолжалась, и пришла война. На полях Европы схватились два мощных хищника – Германия и Советский Союз. Старший сын Кязима – Мухаммад, как известно, погиб за «правое дело», сражаясь в рядах большевиков. Трое его сыновей – Асхат, Сагит и Сагидуллах, а также еще трое внуков воевали с фашистами. А бедных и старых Кязима и Канитат Советская власть, это «древо золотое», которое сыновья, внуки Кязима старались «крепко держать», вместо благодарности выслала в Казахстан.

И даже в эти совершенно беспросветные дни, когда, находясь в дороге в неизвестность, трудно было верить во что-то светлое, Кязим обращается к бедным своим соплеменникам со словом утешения. Он, духовный отец народа, сам остро нуждавшийся в утешении, все-таки находит в себе силы сказать бедному своему народу несколько ободряющих слов.

Стихотворение, как бы написанное кровью сердца в вагоне поезда, увозившего Кязима на восток. Оно так и называется «Мой бедный народ».

Прислушайтесь к моим словам
 И поймите меня.
 Не ступайте на ошибочную дорогу,
 Не причиняйте боль сердцам.

Тамада так решил –
Народу пришлось идти в ссылку.
Не разобравшись, кто виноват, кто нет,
На что все это похоже?

Мы вышли на дорогу без пищи,
Удрученные и усталые,
Одни умерли, другие – с ума сошли,
Многие остались на дороге.

Яд врага настиг нас на этот раз.
Правду одолела кривда.
Теперь о нас пойдет молва
И нас теперь будут презирать.

Мы вагоны собой наполнили,
Мы дороги железные запомнили.
Исправят неправильные законы,
Надо потерпеть немного времени...

Труд – вот, что сохранит нам жизнь.
И одежду даст, и пищу.
И когда мы на таком тяжелом пути,
Он даст нам с честью закончить его.

И я прошу свой народ –
Трудитесь, не бросайте работу,
Не бойтесь, вы освободитесь.
Подняв руку, не опозорьтесь.

(Подстр. пер. М. К.)

Каким бы гранитно-сильным и безгранично могучим ни был сам Кязим, но душа его была добра и чиста, и она не смогла более терпеть жестокости и подлости времени, бессердечия и зависти людей, и улетела в Небеса, оставив этой грешной земле лишь прах Кязима. И его хорошее Слово.

А ведь:

Хорошее слово – противник насилия,
Борцам помогает созреть,
Хорошее слово для доброго – крылья,
Недобрых стегает, как плеть.

(Пер. С. Липкина)

Само имя Кязима, его хорошее слово всегда будут окрывать лучших сыновей и дочерей Балкарии и Карачая.

В 1994 году останки Кязима Мечиева перевезены на родину и захоронены в Долинске у Мемориала жертвам ссылки балкарского народа. Могила Кязима стала святым местом балкарского народа.

Из истории братского карачаевского народа

3. Исмаил Семенов –
непокоренная гордость Кавказа

Один из великих сыновей Кавказа – это, несомненно, Исмаил Семенов, до самозабвения, как и все великие люди, любивший свой родной Карачай и свой народ, поэт, бесстрашный боец против любого проявления тирании и неправды.

Только такой гордый и красивый, мудрый и мужественный человек мог написать эти убийственно язвительные строки:

Заставляющий козу яйца несть,
Заставляющий курицу сыр варить,
Заставляющий от лошадей шерсть стричь,
Дозволяющий баранам власть держать
Да здравствует наш Сталин!

(Подстр. пер. М. К.)

Или же вот эти:

Какой-то безродный по имени Сталин
Лишил нас нормальной жизни.
Заставил нас по-глупому картавить
И самого его славить.
Тот, кто его славит – в почете.
Тот, кто не может – идет в ад.
Жизнь сладка – я тоже славлю,
Но потом каюсь и каюсь.

(Подстр. пер. М. К.)

Исмаила Семенова, пожалуй, как и Кязима, более правильно назвать не поэтом или писателем, а народным певцом. Певец, в чьих песнях раскрывается вся душа народа, со всеми его радостями и горестями. Но, к сожалению, судьба не была милостива ни к Кязиму Мечиеву, ни к Исмаилу Семенову, как, впрочем, и к их бедным любимым народам. А потому и песни их большей частью были печальными. Иными они и быть не могли – что видели радостного, если говорить по большому счету, наши народы в конце XIX и в первой половине XX века? Никакой особой радости. Во второй половине XIX века – это время «тревоги нашей»: как жить нашим народам дальше без земли (ее отняли крымские ханы и русские цари, загнав сюда таких же, как и карачаевцы, согнанных со своих исконных земель адыгов), без воли, под надзором царских сатрапов, которые, словно сказочные чудовища – эмегены, не дают народу житья. А о первой половине XX века вообще нечего говорить – это время разгула

кровопийц и дикого вандализма, время пожирателей людей. Достаточно только упомянуть имена Ленина, Сталина, Дзержинского, Ежова, Берии, Гитлера, Геббельса, Геринга и перед глазами тотчас же появляются ужасные картины злодеяний этих извергов: живые косяки истощенных детей в концентрационных лагерях, массовые расстрелы безвинных людей, истерия обезумевших толп, рукоплескающих тиранам и т.д. Так что, такие мудрецы, как Кязим Мечиев и Исмаил Семенов, которые или сами видели все это, или прекрасно обо всем этом знали, не могли, как многие их сверстники, петь дифирамбы тиранам и кровопийцам. Но если, как пишет Исмаил Семенов, выхода иного не было – «жизнь сладка» – могли и слово хвалебное сказать, но видно было сразу – это лишь для отвода глаз сказано, а не от души.

Поэтому нам не следует «обижаться» на Исмаила Семенова, упрекая его в том, что в творчестве мало светлых тонов, а одна только грусть и печаль. Не певца в этом надо винить, а время, судьбу, которые так мало радостного дали в этой жизни и певцу, и его народу.

Родился Исмаил Семенов в конце XIX века в старинном карачаевском селении Учкулан. И отец, и дед его были высокообразованными, верующими людьми. Они оба умерли в Саудовской Аравии, когда ездили туда в святые для мусульман места. И Исмаил тоже имел высшее духовное образование, много читал, много ездил и, естественно, много знал. Он автор широко известной, почти ставшей гимном карачаевцев и балкарцев «Песни об Эльбрусе». В 1936 году на празднике 1000-летия армянского героического эпоса «Давид Сасунский» он завоевал первое место среди песенников-сказителей Советского Союза. До войны ему удается выпустить несколько книг, лучшие из них – это сборник «Песни и стихи». А перед самой войной член Союза писателей, народный поэт Карачая Исмаил Семенов был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Но потом попал в опалу, чудом, как и Кязим, остался в живых, и до последних лет его практически не издавали.

В этом ничего удивительного нет – в нашей стране еще не такое случалось, а удивительно то, что он все-таки остался в живых, попав в опалу. И лишь благодаря тяжелой, изнурительной и долгой борьбе лучших сынов и дочерей Карачая, и, в первую очередь, благодаря стараниям Асият Караевой, Назифы Кагиевой, Биляла Лайпанова, Тахира Семенова удалось разрушить твердую, высокую, как знаменитая Берлинская стена, стену позорного молчания, сооруженную вокруг Исмаила Семенова. Эти люди издали в Москве в 1992 году прекрасный сборник стихов Исмаила Семенова на карачаевском языке, под названием «Джырла бла назмула» и с замечательной вступительной статьей Биляла Лайпанова.

И с большим радостным удивлением впервые многие карачаевцы и балкарцы читали в 90-х годах прошлого столетия сти-

хи Исмаила Семенова, такие же высокие и мужественные, как и у Кязима. К примеру, в стихотворении «Где же революция?» он пишет о том, что в жизни в почете лицемеры, лжецы, доносчики, а правда и справедливость в загоне. И заканчивает стихотворение вопросом – коль так и будет продолжаться, то «Зачем же делалась революция?».

Исмаил Семенов – поистине непокоренная гордость Кавказа. В страшные годы сталинизма, когда в почете действительно были лицемеры, лжецы и доносчики и самые отважные лишь осмеливались молчать, не доносить, не лгать, Исмаил Семенов гремит своей правдой и непокорностью, как гром небесный.

Отوبرали и дом мой, и скот,
И даже курицы нет у меня во дворе.
Там, где разлит колхозный яд,
Откуда взяться радости и достатку.

(Подстр. пер. М. К.)

Конечно, мудрый Исмаил прекрасно понимал, что на его сетования по поводу того, что даже во время Ленина справедливость оказалась не такой «как мы думали», а после Ленина она, справедливость, вообще «поддалась насилию», но все равно продолжал свое – говорить правду.

Правду о произволе и жестокости, чинимые Сталиным и его приспешниками.

Двое было сыновей у Таубия.
Один – эфенди, другой – коммунист.
И их сделал кровными врагами
Этот Ибилис по имени Сталин...
Хоть и будем кричать, толку не будет –
Ведь у нас завязаны рты:
На каждом шагу доносчик сидит,
Притаился и зорко за нами следит.
Не смог стать примером для России
Урия³, которого зовут Сталиным.
Бесшумно шагая, молча рыдая,
В мрак погрузилась жизнь.

(Подстр. пер. М. К.)

Но в то же время, когда началась Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии, Исмаил Семенов, как истинный патриот своей Родины, призвал всех встать на защиту ее чести и достоинства, хотя ее честь и достоинство были затоптаны в грязь Сталиным еще задолго до Гитлера. Но, видно, Исмаил Семенов, мудрый человек, прекрасно понимал, что победа фашизма, хоть и разрушит подлый режим Сталина, но принесет народу еще больше беды. А потому он зовет своих соплеменников на борьбу с фашизмом.

Давайте сплотимся, поднимемся вместе.
В опасности любимая наша Отчизна.

Не пустить врага, прогнать его вон! –
Пусть это будет нашей клятвой.

(Подстр. пер. М. К.)

И, как бы отвечая на призыв поэта-певца, Карачай, этот маленький горный край отправляет на войну 15 тысяч своих сыновей. Большинство из них падут смертью храбрых, защищая Родину, начиная от стен Бреста до Москвы и Ленинграда, а потом, гоня фашистов до их логова – Берлина. И в то самое время, когда сыны Карачая вместе с сынами всех народов нашей Родины воевали с врагами Советского Союза, не щадя и жизни своих, враги Карачая, насочинив грязный поклеп, выселили всех крачаевцев в сухие степи Казахстана и Средней Азии. Исмаил Семенов оказался в Джамбульской области Казахстана.

Большая трагедия народа, вырванного с корнем и выброшенного в пустынные степи Средней Азии – уж здесь-то, мол, ты сгинешь! – отражена в стихах старого и больного уже, но все-таки не сломленного духом Исмаила Семенова. Как бы кровью сердца пишет он о неслыханном насилии палачей над его многострадальным народом и так уже задавленного в предшествовавший период злой и кровожадной властью, когда человеческая жизнь не стоила и пылинки.

Теперь судьба
Повернулась к нам спиной.
Все дороги наши ведут
К мосту в ад.
Пришел из Москвы жестокий приказ.
Подняли на ноги
И стариков, и детей.
Надежда есть, но счастья нет
У народа моего.
И «бандит», и «кадет»
Теперь его имена.
Сегодня нам нет
Ни славы, ни почета.
Сегодня нам нет
Ни еды, ни дома.
Из Родины выгнали –
Родины нет.
Мечтать о хорошем теперь –
Уж и силы нет.
Мы в вагонах –
Не смеемся, не поем.
Погубят нас всех или нет,
Об этом мы и не ведаем.
Куда ведут? –
Спросить мы не можем.
Кого спросить –

Ведь никто ничего не знает.
 Кто-то говорит,
 Что нас всех высыпят в море,
 Кто-то говорит,
 Что нас всех отдадут Китаю...
 Эй, время бессовестное,
 По какому праву вершишь ты жестокость?
 Почему это ты
 Так возненавидел нас?
 Кто тебе велит
 Так жестоко с нами поступать?
 Кто тебя учит
 Пить кровь обездоленного народа?
 (Подстр. пер. М. К.)

Да, конечно, это плач и проклятия певца в адрес тех, кто правит этим жестоким миром. Но в то же время, хоть и сквозь слезы и стенания, но Исмаил Семенов, как истинный горец, и в эти тяжкие минуты не имеет права не пытаться вселить хоть искорку надежды в сердце народа, и он заканчивает это стихотворение так:

Бедный мой народ,
 Крепись теперь духом.
 Не думай о том, что
 Пришел последний час,
 Волка не боится лишь
 Дохлый ишак.
 Смелей борись.
 Не подпускай к себе смерть.
 (Подстр. пер. М. К.)

И это грубое – «Не будь дохлым ишаком – борись со смертью!» – было как бы голосом Неба, обращенным к страдающему народу, со строгим велением – выжить!

И народ, голодный, холодный, истерзанный и совершенно обессиленный, как бы подчиняясь голосу свыше, с невероятным усилием воли заставил себя встать на ноги. А стоящий на ногах, как известно, жив. И народ мало-помалу окреп, набрался сил, и стал жить и работать вместе со всеми. В том числе вместе с такими же обиженными изгоями, как и он сам – с балкарцами, немцами, с чеченцами и ингушами. Дай Бог здоровья и долгих счастливых лет жизни Казахстану и Киргизстану, их добрым и умным людям – благодаря их милосердию и помощи выжили в те страшные годы многие карачаевцы и балкарцы, у которых, к счастью, оказалась та же вера, тот же язык, что у казахов и киргизов.

Шли годы, хоть и с трудом, но люди входили в ту колею жизни, в которую их и толкала власть – именно в ту колею, которая через два-три поколения привела бы народ к духовной

смерти – к полной ассимиляции. Но люди, конечно, об этой иезуитской цели сталинско-бериевской бандитской шайки не знали, а просто жили и не без удовольствия учились говорить по-казахски и по-киргизски. Но жизнь на чужбине все равно была невеселой. И Исмаил Семенов, как и тысячи его соплеменников, не спит по ночам – ему слышится грохот водопадов родного Карачая и шум неукротимой Кубани под скалой. Как и Певец гор скучает, тоскует по своему Кавказу, так и Кавказ, Карачай скучают по своим людям. И Певец чутко слышит с запада тоскливый голос родной земли:

Прислушиваюсь, идет шум со стороны захода солнца,
Это скрежет ледников Минги-Тау.
Зовут они, истосковавшись, Карачай,
И вновь людей оживляет надежда.
Прислушиваюсь, идет шум со стороны захода солнца.
Это шумят волны голубой реки.
Они зовут, истосковавшись, Карачай,
И люди вздрагивают радостно, изумленные...
Слышу я эти шумы и знаю, и ночью
Сам я здесь, а душа моя – там.
Наверное, это правду говорят,
Что земля, истосковавшись, ищет своего хозяина.

(Подстр. пер. М. К.)

Поэт, сложивший прекрасную оду об Эльбрусе, ставшей самой любимой песней двух народов-братьев о своей красавице-горе, страдает, не имея возможности хотя бы краешком глаза взглянуть на нее. И никто не в силах ему помочь, не в силах заглушить в его груди всежигающий огонь тоски по родной земле. Как и Кязим, глубоко верующий человек Исмаил Семенов, не надеясь на справедливость земных владык, обращается к небесному, хотя и здесь он не питает особых надежд.

Услышь, мой Аллах, просьбу мою –
Не пожалей и для нас хоть толику счастья!
Обрадуй и старика, и молодого – возврати их домой.
И тогда зацветет даже и камень!
Ты видишь сам творимое насилье,
Ведь ты сам на все даешь дозволение,
Разве не видишь, что творится злодеяние...
Не мучай более этот бедный народ.
Воздай по заслугам неправым и правым,
Хоть оставшимся в живых
В родной Карачай дозвошь возвратиться...
Не дай им умереть на чужбине!..

(Подстр. пер. М. К.)

К сожалению, под этим стихотворением – «В базарный день» – в сборнике дата не отмечена, но так как после другого стихотворения, напечатанного следом, которое называется «В Джам-

буле», стоит дата – 1944 год – то правомерно предположить, что и «В базарный день» тоже написано в том же году. Следовательно, если до Великого Аллаха и дошли мольбы Исмаила Семенова, то слишком уж долго размышлял Всевышний до того, как все-таки решил внять его просьбе – долгих 13 лет! Следовательно, еще долгих 13 лет вместе с тысячами других несчастных карачаевцев и балкарцев, глядя с надеждой на небеса, умолял бедный Исмаил любимого им всемогущего Аллаха. Но тот, как и всякое другое высокое начальство, не очень-то торопился прийти на помощь страдающим.

И только в 1957 году балкарцам и карачаевцам было официально разрешено возвращаться на родину. Да, лишь мило стиво было разрешено. А как бедные люди будут возвращаться – это опять же высокого начальника не касалось. Пусть как хотят, так и возвращаются, а если не хотят, не могут – так пусть там и остаются. Так государство еще раз бессовестно ограбило карачаевцев и балкарцев, отобрав у них несчастные «расчетные» рубли в виде платы за проезд.

Но сперва была радость безмерная, неудержимая, и Певец запел первым, желая, чтоб его песню радости подхватили все:

Даст Аллах, и забудутся горести,
И подрастут вновь твои сыновья,
И вновь ты запоешь, как и прежде
В своих горах, мой бедный Карачай.
Умершим в чужбине прося место в раю,
Оставшихся в живых в новую жизнь благословляя,
Пусть хоть и со слезами на глазах,
Но пой и пляши, мой раненый Карачай.

(Подстр. пер. М. К.)

А стихотворение «Исмаил вернулся на свою землю» заканчивается так:

Сердце истово бьется, слезы на глазах –
Но торжествует Карачай,
Этот радостный день – день возвращения
На весь мир провозглашая!

(Подстр. пер. М. К.)

Но эта радость возвращения на родную землю оказалась «со слезами на глазах» не только от перенесенных на чужбине потерь и обид, но и от тех обид, которые наносили карачаевцам, как и всем репрессированным людям, наглые чиновники местной власти, которые страсть как не хотели восстановления справедливости. Видел все это бедный Исмаил и, как и у многих других, сердце его обливалось кровью.

Но народ, вновь пустивший корни на родной земле, оказался сильнее чиновников-пигмеев, и жизнь в горах Карачая вновь расцвела, радуя сердце старого Исмаила, и запел он песню жизни, песню красоты и добра.

Рассыпавшись целым морем цветов,
В новом дворе играют дети,

А вокруг стоят горы Карачая,
Радуя глаз зеленью своих лесов...
Спасибо тебе и слава тебе, мой Аллах,
Что дозволил мне, пока я жив,
Дышать полной грудью этим чистым воздухом
И увидеть это богатство, испытать это счастье!
(Подстр. пер. М.К.)

Но праздники, как известно, длятся недолго. Даже и праздники жизни. Жизнь, к сожалению, зачастую чрезмерно сурова. И в особенности к самым лучшим, к самым совестливым и честным. Недаром же сказано, что судьба всегда несправедливо щедра к тем, кто этого не достоин и чрезмерно сурова к тем, кто более всего заслуживал благодарностей. Судьба оказалась жестокой и по отношению к Исмаилу Семенову, так как не позволила ему допеть до конца свои песни. Она послушалась завистников, лицемеров и всякую такую обласканную лицемерной же властью нечисть и обидела великого Народного Певца. Казалось бы, что весь Карачай должен был, обязан был носить своего великого сына на руках, живи он хоть тысячу лет. Но этого не случилось. Наоборот, Карачай фактически был лишен возможности слышать голос своего мужественного певца, не сломленного ни тиранами, ни временем. Целых 50 лет он не мог ничего напечатать! Целых 50 лет!

Эти 50 лет – годы позора власти, которая руками завистников, воров (крали стихи Исмаила!) и придворных затыкала рот лучшему поэту Карачая. И, как всегда бывает у нас в России, лишь когда не стало Исмаила Семенова, вдруг «поняли все», что он ровня великому Кязиму не только по возрасту, но и по таланту – они оба были гениями. Они оба составляют одну высоту в литературе, в духовной жизни наших народов, как двуглавый Эльбрус на Кавказе.

4. Вклад балкарских ученых в развитие естественных наук

Первым из балкарцев, достигших больших успехов в развитии естественных наук, является Тимур Энеев, сын известного на всем Северном Кавказе общественно-политического деятеля времен революций и надежд на лучшую жизнь, беззаветно боровшегося за интересы своего народа, но в то же время убежденного интернационалиста Магомеда Энеева.

После того, как Б. Калмыков путем организации грубой травли достиг своей цели – погубил Магомеда Энеева, – маленький Тимур остался один с матерью в большом чужом городе – в Ростове-на-Дону.

Мы, советские люди привыкли утверждать, что народы не бывают виновными, жизнь говорит иное – и народы бывают виновными.

Немецкий народ виновен в том, что взрастил на своей груди фашистского людоеда, и это прекрасно понимают сегодняшние лидеры Германии, потому они и стараются всячески искупить свою вину перед всем миром и на колени встают, прося прощения, перед памятником жертвам фашизма, и материально стараются помогать людям, страдавшим в годы войны в лагерях и работавшим на немцев.

Балкарский народ виновен в том, что безропотно позволил Калмыкову самым наглым способом отобрать свои политические права и уничтожить своих лучших сыновей, в том числе и Магомеда Энеева. Понимала это и мать Тимура, а потому, сильно обидевшись на соплеменников своего мужа, не стала больше приезжать не только в Кабардино-Балкарию, но даже и на Кавказ. А когда Тимур получил паспорт, то он стал русским.

И стал впоследствии большим русским ученым, академиком, одним из руководителей Института прикладной математики Академии наук СССР, который вычислял траектории полетов космических кораблей, удостоенный в 1957 году Ленинской премии. Мы знаем из энциклопедического словаря, что Тимур Магомедович имеет труды по прикладной и небесной механике, динамике полетов летательных аппаратов, а также некоторым вопросам космогонии. Вот и все, в сущности, что мы знаем о нем. Но и этого немало, если учесть, что ученый всю свою жизнь работал в секретных учреждениях, связанных с космическими полетами. И эту малость балкарцы узнали лишь в последние годы. А раньше ходили только разговоры о том, что в Москве живет сын Магомеда Энеева, и он вроде бы большой ученый, удостоенный то ли звания Герой Социалистического Труда, то ли Ленинской премии. Но действительно ли он такой большой ученый, и каких почестей удостоен – об этом мало кто точно знал.

Зато другой прославленный сын Балкарии – Михаил Чоккаевич Залиханов – рос, набирался знаний и, по выражению Маркса, карабкался по каменистым тропам к вершинам науки на глазах у всего народа, с удивлением и радостью следившего за его успехами.

Сегодня Михаил Залиханов – академик Российской академии наук, Герой Социалистического труда, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, Заслуженный деятель науки Российской Федерации и Кабардино-Балкарской Республики, депутат Государственной Думы РФ, он же и неоднократный чемпион СССР и России по альпинизму.

Как истый горец, познал горы как никто другой – тем и прославился на весь мир: он выдающийся ученый в области изучения горных снегов, ледников и лавин.

Он объездил почти весь мир, делясь своими знаниями в области обуздания природных стихий в горах – был во многих странах Европы, Азии, Африки и Америки. Среднего роста, крепкого телосложения, добродушный и веселый Михаил За-

лиханов при первой встрече неизменно производит впечатление, что он просто «родился в рубашке» – что он человек на редкость везучий, и все ему дается легко. Но это обманчивое впечатление. Да, он – человек и везучий, и ему все дается сравнительно легко. Но не потому, что он «родился в рубашке», а потому, что он во всем настоящий горец – необычайно трудолюбив, упорен и старателен. Поэтому и только поэтому ему и везет, и все дается сравнительно легко.

К примеру, когда сотни, тысячи студентов жили беззаботно, тратя драгоценное время после лекций (а некоторые – и лекционное время) на прогулки да вечеринки, Михаил сидел в библиотеке, работал в лаборатории Высокогорного геофизического института, ходил в горы – жил за троих: и учился, и работал, и альпинистом был. И все делал старательно. В учебе – стал первым ленинским стипендиатом КБГУ, в альпинизме – стал мастером спорта, в работе – без всяких нареканий!

Он настолько был трудолюбив и все хотел знать, что почти одновременно стал кандидатом наук в двух направлениях – в географии и в гляциологии. И стал директором Высокогорного геофизического института. И эта карьера тоже не так просто ему далась. Но глубокие знания, упорство и старательность сравнительно легко преодолевали все препятствия на его пути. В том числе чинимые чиновничьими чинушами. Один раз, когда на имя уже известного ученого Михаила Чоккаевича Залиханова пришло приглашение на международный симпозиум по глобальным проблемам экологии, проводимой в одной из стран Южной Америки под эгидой ООН, одна высокопоставленная (именно – высокопоставленная!) дама, даже не могущая понять того, что своим вопросом сама же себя ставит в глупое положение, недовольно-надменно спросила: «Не далеко ли мы запустили этого альпинистика?». Но к ее великому огорчению, Михаил Залиханов к этому времени был уже не только выдающимся альпинистом, но и ученым, который был включен в список советников ООН по вопросам мировой экологической безопасности, а потому для его судьбы ни недовольство этой дамы, ни недовольство других его недоброжелателей ничего уже не значило.

Занимаясь своим любимым делом – изучением «характера» горных снегов, ледников, лавин и града, и отысканием наиболее оптимальных методов спасения людей, дорог, построек и посевов от их губительного воздействия, он попутно сделал открытие, которое имело большое значение и для военной авиации. И, между прочим, был одним из тех, кто обеспечивал безопасный вывод наших войск из Афганистана.

Как поется в песне замечательного карачаевского певца и поэта Альберта Узденова, Михаил Залиханов не из тех, чьим детям «будет стыдно за него». И ему тоже нечего стыдиться за своих детей – они тоже унаследовали любознательность, упорство и старательность от своего отца. Все они – дочь Лейла и сыновья Алим и Эльдар – успешно закончили обучение в КБГУ.

Лейла уже кандидат наук и работает в Институте глобального климата в гор. Москве, владеет английским и турецким языками. Алим тоже кандидат наук, а теперь уже готовится к защите докторской диссертации. Эльдар – юрист, работает по специальности.

Михаил Залиханов помогает в жизни не только своим детям, но и многим людям, которые нуждаются в его помощи и совете. В первую очередь он заботится, конечно же, чтобы в его родном институте сотрудники и молодые ученые повышали свои знания, находили свое место в науке. И многие коллеги Залиханова, работавшие рядом с ним, сами уже ныне известные ученые.

Один из них Магомет Тахирович Абшаев – академик Российской академии естественных наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, эксперт Всемирного метеорологического Совета ООН, Заслуженный деятель науки России, руководитель Центра борьбы с градобитием, который является организующим и координирующим органом по этому направлению в нашей стране, а также в странах СНГ. Во многих регионах России и странах ближнего зарубежья по методу Абшаева организованы научно-производственные центры, лаборатории и полигоны. И практически всех их сотрудников учил сам Магомет Абшаев. В стране, вполне уверенно можно сказать, создана своя научная школа Абшаева по изучению физики облаков и определению путей борьбы с градом. Под его научным руководством около двадцати человек защитили свои кандидатские и докторские диссертации именно по этой тематике. Магомет Абшаев не только крупный ученый, но и хороший инженер-изобретатель. На его счету около 80 запатентованных изобретений, два из которых удостоены Золотой медали Брюссельской международной выставки инноваций. Самый лучший в стране радиолокатор МЛР-5 по изучению физики облаков, противорадовая система «Антиград», противорадовый ракетный комплекс «Кристалл» и самая эффективная ракетная автоматизированная система «Алан» – все это детище Магомета Абшаева.

В стенах Высокогорного геофизического института работает еще один ученый, внесший весомый вклад в развитие технических и геофизических наук – первый из балкарцев Заслуженный изобретатель России, кандидат технических наук, заведующий лабораторией средств воздействия на атмосферные процессы Хаджи-Мурат Хасанович Байсиев.

Родился он в 1939 году в поселке Хасанья, в пригороде Нальчика Кабардино-Балкарской Республики. Окончил Московский технологический институт. В 1971 году поступил в аспирантуру Всесоюзного научно-производственного объединения «Комплекс», что в Московской области. После завершения учебы в аспирантуре он защитил свою диссертацию, и ему была присвоена ученая степень кандидата технических наук по спе-

циальности «Промышленная теплоэнергетика». Во время обучения в аспирантуре он одновременно закончил и курсы Государственного комитета СССР по использованию атомной энергии в 1972 году.

В период с 1974 года по 1983 год работал старшим научным сотрудником в одном из московских научно-исследовательских институтов.

В Высокогорном геофизическом институте с 1984 года. Сперва был старшим научным сотрудником, потом ведущим научным сотрудником, а с 1993 года – заведующий лабораторией.

По мере более глубокого освоения своей специальности, Хаджи-Мурат Хасанович все чаще и чаще делал изобретения, направленные на усовершенствование существующей противорадовой техники – пусковых установок, ракетных двигателей, головных частей противорадовых ракет, электровоспламенителей и систем управления запуском ракет, а также приборов различного назначения.

На счету ученого более сотни запатентованных изобретений, в результате использования которых страна получила прибыль на сотни миллионов рублей, а если учесть, что усовершенствованная Байсиевым техника продавалась и в другие страны – то и определенную прибыль в долларах.

Только за последние два года Х.-М. Х. Байсиев лично и в соавторстве с другими сотрудниками института запатентовал около двадцати изобретений.

Байсиев принимает активное участие не только в общественной и научной жизни своего института, где он является членом Ученого Совета, но и в жизни родного города. Он, к примеру, является одним из наставников юных техников, занимающихся во Дворце творчества детей и юношества в гор. Нальчике конструированием космических летательных аппаратов и разных приборов. К примеру, его подопечная ученица школы № 5 гор. Нальчика Катя Будаховская разработала портативный прибор, обеспечивающий в домашних условиях диагностику атмосферных геомагнитных возмущений, обусловленных солнечной активностью. Прибор фиксирует солнечные вспышки до того, как они начинают действовать на магнитное поле Земли. За этот прибор школьница заняла третье место в секции «Биомедицинские технологии» на всероссийской научной конференции молодых исследователей «Шаг в будущее», которая проходила в Москве в 2001 году.

А Азамат Байсиев, сын Хаджи-Мурата Байсиева, на этой же конференции награжден дипломом первой степени в секции «Биомедтехника» и был включен в состав национальной делегации России для участия в международной научной выставке во Франции «Экспо-наука 2001».

Азамат представил на выставку разработанный им прибор для экспресс-диагностики заболеваний щитовидной железы.

Преимущество прибора по сравнению с существующими состоит в том, что он малогабаритный, ставит диагноз в течение трех минут и не требует анализа крови. Принцип работы прибора основан на свойстве кожного покрова человека к повышению выделительной способности при гиперфункции щитовидной железы и к ее понижению при гипофункции. Но юный исследователь во Францию так и не смог поехать – республика не смогла выделить денег на его поездку...

Весомый вклад в развитие естественных наук России вносит и другой наш известный ученый – доктор технических наук Азрет Юсуфович Беккиев. В настоящее время он – глава департамента Министерства промышленности и энергетики Российской Федерации, генерал-лейтенант. Ранее тоже работал в Высокогорном геофизическом институте руководителем экологической обсерватории, а потом и директором института. А весной 2004 года он награжден орденом Александра Невского за выдающиеся заслуги в укреплении обороноспособности страны. Коли учесть, что Азрету Беккиеву только что перевалило за 50, следует надеяться, что он еще не раз порадует своих земляков новыми большими успехами.

В развитие естественных наук, в дело защиты окружающей среды и улучшения методов использования природных ресурсов значительный вклад вносят и другие ученые-естественники, такие как доктор технических наук, академик Международной академии водохозяйственных наук профессор Кошкинбай Анахаев, доктор химических наук, профессор Кабардино-Балкарского госуниверситета Юсуп Малкандуев, доктор физико-географических наук, заведующий лабораторией Высокогорного геофизического института Бузжигит Хучунаев и другие.

5. Профессор Магомед Таукунов и его коллеги

Во второй половине XX века особенно больших успехов балкарцы добились в медицинский науке и здравоохранении, хотя в самих балкарских селах медицинское обслуживание населения, как впрочем и повсеместно в сельской местности, до сих пор оставляет желать лучшего. Возможно, это отчасти объясняется и тем, что медицина – наименее политизированная часть нашей жизни: ведь хороший врач нужен всем, и не давать ему успешно лечить людей только потому, что он «не той» национальности было бы слишком глупо. Медицина, как известно, – наука сложная и слишком уж важная, ведь от ее успешного развития напрямую зависят здоровье и благополучие всех без исключения жителей Земли. Потому-то и пользуются большим уважением в народе люди в белых халатах. И сегодня тоже, даже несмотря на то, что и в их святых рядах появились люди, заразившиеся всеобщей и давней российской чиновничьей болезнью,

которая в наши дни приобрела характер эпидемии, охватывая уже практически все сферы жизни...

Идущие в медицину – люди романтической, но в то же время и героической натуры: ведь они заранее знают, что лечить больных людей – адски тяжелое, в то же время ответственное дело, но все равно хотят быть врачами, веря в то, что им-то удастся вылечить всех больных, которых судьба приведет к ним.

Магомет Таукенов, первый балкарец, ставший доктором медицинских наук и профессором, тоже ясно понимал на что он идет, в его натуре было даже больше героического, чем романтического. Хотя бы потому, что он, ссыльный юноша, вместо того, чтобы как и все, едва достигнув шестнадцати лет, пойти работать, осмелился вздумать поступить в высшее учебное заведение. Тогда всем спецпереселенцам было совсем не до университетов и институтов, куда их вообще-то и не пускали. Быть бы живу – вот что было их главной проблемой. Но Магомет, с шести лет лишившийся отца, которого сгубило ГПУ, с раннего возраста был приучен, назло всему этому недоброму миру, добиваться своего и был очень упрям. Он хотел быть врачом – и все. И он действительно поступает в Алма-Атинский медицинский институт и в 1956 году с отличием его заканчивает. Как и положено было тогда, после окончания института он добросовестно отработал сельским врачом два года, но и тогда, работая в глухой провинции в горном ауле, он не переставал мечтать о научной работе, о дальнейшей учебе. И сразу же, после окончания срока обязательной работы, он поступает в аспирантуру. Благо это был уже 1958 год, балкарцы были реабилитированы, он уже официально не был «бандитом и изменником», а потому никаких препятствий на пути к своей мечте у него уже не было. И в 1962 году защищает диссертацию на ученую степень кандидата медицинских наук. Его специализация – урология. Руководителями и учителями его в широком смысле слова были прекрасные специалисты в этой области профессора З. В. Файнштейн и С. Балмуханов. После этого он начал работать в Казахском научно-исследовательском институте радиологии и онкологии. Через несколько лет здесь же и защитил докторскую диссертацию. Было ему тогда 36 лет, по тогдашним понятиям для доктора наук он был неприлично молод.

Весть о том, что в Средней Азии наш земляк стал большим ученым по медицине дошла до Кабардино-Балкарии, и республиканская газета «Кабардино-Балкарская правда» напечатала о нем статью «М.Т. Таукенов – доктор медицинских наук». В это время в республике не так уж много было даже и кандидатов наук, не только докторов.

На различных съездах и конференциях ученые Средней Азии и Казахстана знакомились с научными работами Таукенова в области урологии и давали им высокую оценку. Много нового

в урологии было в работах молодого ученого. К примеру, впервые он обратил внимание на то, что в Средней Азии и Казахстане гораздо меньше людей болеющих раком мочевого пузыря, чем в среднем по стране. Это Таукенов объяснял тем, что жители Средней Азии и Казахстана пьют много чая, а чай способствует выведению из организма канцерогенных веществ, способствующих появлению рака. Он был одним из тех, кто стал применять в практической медицине химиотерапию в системе мочевого пузыря. Он внес существенный вклад и в усовершенствование методов хирургического лечения язвенных болезней желудка и кишечника.

Количество опубликованных им научных трудов по медицине перевалило за 170.

Вот таким – неугомонным и упорным в достижении поставленных перед собой рубежей, настойчивым и смелым был в молодости наш первый доктор медицинских наук, замечательный хирург и ученый Магомед Тамукович Таукенов. Таким он остается и сегодня. С 1968 года он возглавляет кафедру хирургии Кабардино-Балкарского государственного университета и с того же времени постоянно сам оперирует больных. Имя его широко известно в республике, за 30 с лишним лет упорной, ежедневной работы – и преподавательской и врачебной – он вылечил сотни больных, поделился своими знаниями и опытом со всеми студентами медицинского факультета КБГУ, был наставником молодых ученых-медиков. 12 человек защитили кандидатские диссертации под его руководством. Они работают и в Средней Азии, и в Кабардино-Балкарии.

Магомед Таукенов – профессор, один из лучших специалистов-онкологов Северного Кавказа, Заслуженный деятель науки КБР. Следует отметить, что и его супруга Любовь Хаматгериевна, и дочь Лейла, и сын Исмаил тоже свою жизнь связали с медициной. Любовь Хаматгериевна – врач-терапевт, более 30-ти лет лечила людей. Дочь Лейла и сын Исмаил закончили медицинский факультет университета. Недавно Лейла Магомедовна успешно защитила кандидатскую диссертацию и стала работать в КБГУ преподавателем кафедры психиатрии, наркологии и неврологии медицинского факультета. А Исмаил стал хирургом.

Алий Рамазанович Чубоков – первый из балкарских медиков, всю свою сознательную жизнь посвятивший медицинской науке и достигший на этом поприще мировой известности.

Родился Алий Чубоков 12 марта 1942 года в сел. Верхняя Жемтала Черекского района КБР. Рано лишился отца. Вместе со всем народом был в ссылке. Выжил, благодаря необычайной энергии матери Рахимат, которая неустанно работала и на свекловичных плантациях, и дома в огороде. Школу Алий закончил уже у себя на родине. Учился хорошо – закончил школу с золотой медалью. Потом поступил в медицинский институт в гор. Орд-

жоникидзе (ныне – Владикавказ), завершил учебу в 1966 году с отличием.

Вся родня, близкие и друзья радовались успехам Алия и желали только одного – чтобы его направили работать поближе к дому – в Нальчик. Но Алий был намерен учиться далее, и он поступает в аспирантуру в Институте нормальной и патологической физиологии Академии медицинских наук СССР.

В 1970 году Чубоков успешно защищает диссертацию на звание ученой степени кандидата медицинских наук.

На этот раз уже сам Алий решил вернуться домой. Дома стареющая мать жила одна. Старшие сестры Алия, конечно же, заботились о матери, и она ни в чем не нуждалась. Но горские законы требуют, чтобы дома с родителями жил младший сын. А он у матери и младший, и единственный сын. Узнав о его намерениях, профессор Елена Анатольевна Громова, его опекун и научный руководитель, сказала: «Твоя жизнь теперь – в науке. Да, твой отец, наверное, пас овец. А твоя судьба сложилась так, что ты должен стать исследователем. Не следует изменять своему призванию». И мать, и сестры тоже стали на сторону старшей коллеги Алия. И он опять вернулся в Москву и стал работать в Институте биологической физики Академии наук СССР в гор. Пущино. Здесь он получил квартиру, перевез семью и весь отдался научной работе. А работа его была посвящена биологической физике головного мозга человека. Тема его докторской диссертации – «Меноаминергическая регуляция развития мозга в постнатальном онтогенезе» – посвящена исследованию морфофизиологии клеток мозга. В 1989 году он успешно защитил докторскую диссертацию и вскоре возглавил лабораторию по нейромедиаторным системам Института биофизики Академии наук СССР.

Молодой ученый был полон замыслов. Он уже был известным ученым не только среди медиков нашей страны, но и всего мира. Настолько были новы и актуальны его изыскания в области биофизики головного мозга человека. Он опубликовал более 100 научных работ. Возглавлял делегацию советских ученых на различных международных симпозиумах, где ученые всего мира обменивались последними своими достижениями в исследовании биофизики человеческого мозга. Он поддерживал деловые отношения со многими крупными учеными-медиками из США, Великобритании, ФРГ, Канады и Франции.

Главный его труд – это фундаментальное исследование под названием «Биогенные амины и развитие мозга», выпущенное в свет в издательстве Академии наук СССР «Наука» в 1992 году. И в том же году в сентябре его не стало.

Добавим, что его дочь Фатима Алиевна тоже, как и отец, стала медиком и работает в Нальчике.

В клиниках республики и сегодня работает целая плеяда

врачей высшей категории, которые пришли в медицину с первой волной жаждавших знаний балкарских юношей и девушек после обретения свободы. Это – кандидат медицинских наук, врач-отоларинголог Шабас Бечелов, Заслуженный врач КБР, детский хирург Халим Сабанчиев, заведующая кардиологическим отделением Республиканской больницы Елизавета Батчаева, кандидат медицинских наук, врач-хирург Махмуд Батырбеков, заведующий отделением реанимации Республиканской больницы, кандидат медицинских наук Абдул-Жерим Кудаев, Заслуженный врач республики, хирург Иосиф Журтубаев, Заслуженный врач республики, кандидат медицинских наук, хирург Хасан Атамурзаев, кандидат медицинских наук, офтальмолог Валентин Аккуев.

К первой волне медиков относится и Ахмат Малкаров, заместитель главного врача Республиканской клинической больницы, который вложил большой вклад как в развитие здравоохранения в республике, так и в дело воспитания молодых врачей и создания для них благоприятных условий, как для службы, так и для научной работы.

Он и его жена София Аверисовна после окончания Астраханского медицинского института несколько лет проработали там же, в Астраханской области. Ахмат Хусеевич был главврачом Володарской районной больницы. Вернуться в республику им удалось лишь в 1972 году. Работал главврачом поликлиники, а в 1976 году Ахмата Малкарова назначили заместителем главного врача Республиканской клинической больницы по лечебной части, и вот уже около 30 лет работает на этой ответственной должности. Он – врач-организатор высшей категории, Заслуженный врач Кабардино-Балкарии.

Следует отметить, что Малкаровы – это семья врачей. Как уже было сказано, мать семейства Софья Аветисовна закончила Астраханский медицинский институт и почти 30 лет работает врачом по функциональной диагностике и ЭКГ. Дочь Алла Ахматовна закончила медицинский факультет КБГУ, продолжает учебу в аспирантуре в Российском центре рентгенологии и радиологии. Сын Олег Ахматович тоже закончил медицинский факультет КБГУ и работает в Центре медико-социальной экспертизы заместителем главного эксперта.

Сейчас наибольшую активность в медицине вообще и в практическом здравоохранении стали проявлять идущие на смену нашим врачам-ветеранам люди средних возрастов и молодые. Радуют их успехи.

Среди них следует отметить доктора медицинских наук, профессора, заведующего кафедрой хирургических болезней медфака КБГУ Исмаила Мизиева; доктора медицинских наук, заведующего кафедрой стоматологии медфака КБГУ, заведующего отделением челюстно-лицевой хирургии Республиканской клинической больницы г. Нальчика Магомета Мустафаева; доктора медицинских наук, кардиолога Хусея Курданова; врачей-кардиологов – Аминат Чочаеву, Исмаила Башиева; кандидата ме-

дицинских наук, врача-нейрохирурга Аминат Чочаеву, кандидата медицинских наук, врача-анестезиолога Жаннет Геккисву; врачей-хирургов, кандидата медицинских наук Махти Атмурзаева; Бориса Кучукова, Елену Чипчикову, кандидата медицинских наук Фатимат Батырбекову; врачей-терапевтов – Ариужан Жангуразову, Зухру Чанаеву, Лену Малкарову; врачей-анестезиологов-реаниматологов – Заслуженного врача КБР Лейлу Геграеву, Ларису Асанову, Аиду Кудаеву, Марину Султанову, Руслана Ахматова, Анжелу Занукоеву и других.

Особо следует отметить большие заслуги в охране здоровья людей Заслуженного врача России, отличника здравоохранения СССР, кандидата медицинских наук, заведующего хирургическим отделением больницы Бориса Ибрагимовича Байчорова. Любовь к своей профессии, высокое мастерство хирурга, верность лучшим традициям отечественной медицины и клятвы Гиппократата – вот те качества, которые стали отличительными чертами в жизни врача Байчорова. В ответ – глубокое уважение всех тех людей, которым он помог избавиться от недуга, и их родственников.

Большой популярностью пользуется Хадис Баталович Боттаев, долгое время работавший заведующим хирургическим отделением Республиканской клинической больницы и снискавший здесь славу блестящего хирурга и хорошего организатора. В настоящее время он является главврачом второй городской больницы, которая находится в Хасанье.

В первой городской клинической больнице заместителем главного врача по лечебной части с 1999 года стала работать Фатимат Магомедовна Сабанчиева – тоже заслужившая славу прекрасного врача за предыдущие почти двадцать лет работы в этой же больнице. Кроме того, в клинических больницах и поликлиниках республики работают десятки молодых врачей, лишь несколько лет назад получившие высшее медицинское образование. Они перенимают опыт у старших коллег и активно включаются в благородную борьбу за здоровье людей.

6. Джабраил Базиев, который «перелопатил» физику

Об удивительном человеке из селения Яникой Чегемского района нашей республики, Джабраиле Харуновиче Базиеве, ходят целые легенды – он, биолог по университетскому образованию, якобы «перелопатил» всю существующую физическую науку и все «переиначил» по-своему так, что даже и десятки научно-исследовательских институтов на сегодня не смогут и за долгие годы хотя бы просто проверить все то, что «натворил» Базиев, и что для издания своей книги «Основы единой теории физики» в свое время он заложил свой дом, и что он, как полага-

ют, достойн Нобелевской премии, но, консервативные ученые никак не хотят его «пускать» и т. д.

Самое удивительное во всем этом то, что почти все легенды оказались сущей правдой или же недалеко от истины. Об этом свидетельствует и статья из журнала «Инженер» о Джабраиле Базиеве, которая приводится ниже с незначительными сокращениями.

Клин в незыблемые постулаты научного мировоззрения вбивать не следует. Чревато вляпаться в историю, подобно Джордану Бруно. Со времен инквизиции, конечно, многое изменилось. Но воззрившихся критическим взглядом на научные догмы всегда призывали к порядку методами, отвечающими характеру эпохи.

Современный ниспровергатель академических, а потому неоспоримых истин, – Джабраил Базиев. Он позволил себе усомниться в действующих физических законах и заявил о принципиально новой, единой теории физики, подведя под нее совершенно иную доказательную базу. А потом на основе своих неординарных умозаключении взял да и взвесил свет...

Ортодоксальный научный мир защищается по-своему. РАН в отношении базиевского взгляда на физические процессы заняла позицию великого немого. Но озвучить главное научное ведомство страны взялось печатное детище совместного проекта РАН и АО «Известия» «Известия-Наука» материалом от 25 августа 2001 г. «Как Мичурин превзошел Эйнштейна. Специалист по птицам придумал единую теорию физики».

Не стоит на сей сомнительной, с точки зрения журналистской этики, публикации заострять внимание. Но некоторые умозаключения автора по поводу научного творчества весьма «поучительны». Прежде всего он «интригует» читателя тем, что в физику полез не технарь, а биолог, прославившийся «на ниве садоводства» – не в свои сани влез, «физиковод» этакий. Ему бы быть Мичуриным, ведь его на родине так и называют. Пусть, мол, считает птиц в своих горах и не морочит светилам науки их мудрые головы. Но «фермер перепахал всю современную науку». Неймется ему, и он ради доведения своих трудов не по своей теме и подтверждения их на опытах даже заложил в банке свою квартиру в Нальчике. Теперь перебивается со своими идеями в Москве, «где только и можно делать науку мирового уровня». И в качестве резюме: «Упражнения танцмейстера в химии неуместны, советы астронома в танцах глупы».

Что тут возразишь? Может, и так. Но истины ради стоит заметить, что в истории научно-технической мысли есть такие «неправильные» случаи, когда мостостроитель подсказал ценную идею коллегам – строителям Уэллского собора (см. «Инженер», 2000, № 5), а переплетчик Майкл Фарадей стал автором такого количества открытий, что их хватило бы и на дюжину ученых-технарей. Юристом был великий математик Пьер

Ферма, химик Антуан Лавуазье – «ваще» откупщик (за что, кстати, и сложил голову на гильотине). Что уж говорить о «рыбачишке» Михаиле Ломоносове! Да и Достоевский какого хрена полез в писатели, когда он по специальности военный инженер. Каждый сверчок – знай свой шесток. И баста!

Впрочем, есть другая истина, она в том, что все открытия делаются на стыке наук. Это совместному проекту РАН и «Известий» вроде как знать пора.

Мы же со своей стороны попросили рассказать об упрямом ниспровергателе фундаментальных истин Джабраиле Базиеве и его «злостных» деяниях академика МАИ, специалиста по электронике и электродинамике, обладателя более 120 авторских свидетельств и патентов на изобретения, сопредседателя общества «Знание» Владимира ЛИСИНА.

По всем людским параметрам Джабраил Харунович человек действительно неординарный. Четырех лет от роду он стал политическим ссыльным вместе со всем своим балкарским народом. В 1956 г. реабилитирован. После школы с твердым желанием стать химиком масштаба Д. И. Менделеева поступил на двухпрофильный факультет Кабардино-Балкарского государственного университета, который окончил в 1962 г., не «заработав» ни одной тройки за годы обучения. Получил высшее биологическое и химическое образование. В студенческие годы опубликовал три статьи в научных журналах и одну брошюру по экологии кавказской горной индейки. Открыл и описал до него неизвестное животное в фауне Кавказа – кавказского горностая. Он был студентом пятого курса, когда профессор МГУ Г. П. Дементьев прислал ему предложение поступить в аспирантуру биофака МГУ. В июне 1992 г. Государственная экзаменационная комиссия вынесла решение: «Рекомендовать выпускников КБГУ Базиева Д. Х. и Попону Т. в аспирантуру». В том же году он поступил в аспирантуру МГУ. Профессор Дементьев предложил ему взяться за очень тяжелую тему – полностью исследовать кавказского и каспийского уларов (горных индеек), которые науке известны соответственно с 1778 и 1811 годов, но в силу того, что они обитают высоко в горах, на высотах вечных снегов, к изучению этих видов никто не решался приступить.

В июле 1965 г., за 4 месяца до истечения срока аспирантуры, диссертация на соискание ученой степени к. б. н. была представлена к защите, которая состоялась в марте 1966 г. и прошла блестяще. Через несколько лет, по решению Совета охраны природы при Зоологическом институте АН СССР, его диссертация была опубликована отдельной книгой в издательстве «Наука» под названием «Экология и морфология уларов Кавказа». Результаты, полученные Базиевым в этой работе, позже вошли в многотомную коллективную монографию «Жизнь животных», выпущенную в Советском Союзе, и в шеститом-

ный энциклопедический труд «Птицы северной Палеоарктики», вышедший в Лондоне.

Эта тема, не имевшая решения на протяжении более 160 лет, Базиевым была выполнена в рекордно короткий срок. Вот характеристика целеустремленного ученого.

По завершении учебы в аспирантуре Базиев был направлен на работу в Куйбышевский сельхозинститут, где проработал два года, ведя курсы эволюционной теории и общей зоологии. В 1967 году он переехал в Нальчик, продолжая педагогическую работу в Кабардино-Балкарском госуниверситете и одновременно занимаясь изучением морфологии и физиологии альпийских видов птиц Кавказа в качестве темы докторской диссертации. В конце 1972 г. эта работа была завершена, а ее результаты были доложены в Институте экологии (г. Свердловск). Однако руководитель темы, он же и директор института, не принял его выводы, полученные в ходе исследования десятка высокогорных видов птиц. В связи с этим Базиев не стал представлять диссертацию к защите, но продолжал развивать теоретические аспекты эволюции видов на основе полученных им экспериментальных и наблюдательных данных. До 1979 года он опубликовал 25 статей в научных журналах, участвовал во всех конференциях по орнитологии и экологии, и казалось, что он уже закоренелый биолог. Но именно в этот период наступил крутой поворот в его творческой работе.

Он принимает решение посвятить себя разработке основ теоретической биологии. Джабраил снимает квартиру в Москве и приступает к этой работе. Но сталкивается с необходимостью уточнить ряд физических явления на тонком уровне, лежащих в основе энергообмена биологических объектов с окружающей средой. Полагая, что теоретическая физика – хорошо разработанная область естествознания, он обратился к справочной литературе, но не нашел то, что искал. Перед ним встала дилемма: с одной стороны, совершенно очевидно, что, не понимая физической сути биологического процесса, нельзя его ни понять, ни описать; с другой – физическое явление, лежащее в основе биологического процесса, до сих пор не имеет решения в физике. И как тут быть? Проще – ждать, пока физики решат эти задачи. Но когда и кто это сделает, ведомо только одному Богу. Второй путь – влезть самому в физическую суть процессов. Базиев принимает второй путь и в возрасте 40 лет начинает входить в мир теоретической и экспериментальной физики. При этом он был уверен, что после отыскания необходимых решений вернется назад, в биологию, и продолжит разработку ее теоретических основ.

Через 20 месяцев, в апреле 1983 года, Базиев представил в Экспедицию АН СССР рукопись, в которой были изложены описания первых его фундаментальных открытий, среди которых – решение физической сути постоянной Планка, уравнение состо-

яния реальных газов, включающее в себя 16 параметров в явном виде и 9 – в неявном (замечу, что уравнение Клайнерона Менделеева содержит только 6 параметров). Из 25 параметров шестнадцати реальных газов, термодинамику которых он изучил, 13 параметров впервые установлены им.

Ключевым моментом, определившим успешное вхождение Базиева в физику, стало установление им гиперчастотной природы взаимодействия между молекулами в газах, что позволило ему, впервые в истории молекулярной физики, ввести в анализ газов постоянную Планка. Это был революционный шаг начинающего физика.

Передавая свои результаты Академии наук, Базиев исходил из того, что он не профессиональный физик и что дальнейшее развитие новых идей должно осуществляться на профессиональном уровне, ведущими специалистами. Однако через месяц он получил ответ, из которого следовало, что его рукопись не имеет никакой ценности. Это было ударом чиновников от науки не только по самолюбию, но и по интуитивной уверенности в своей правоте ученого, впервые осуществившего синтез физики и биологии на фундаментальном уровне.

В 1986 году Базиев подал для публикации в редакцию «Журнала экспериментальной и теоретической физики» пакет из четырех статей, где показал, что из постоянной Планка выводится самым естественным образом новая истинно элементарная частица электрино, которая обладает постоянным положительным зарядом, постоянной массой и является главной составляющей в структуре атома, обеспечивающего частное и параметрическое существование микромира. И опять через месяц был получен ответ редакции, где было указано, что содержание статей не отвечает современному уровню науки. Там никто не понял того, что уровень статей Базиева – это уровень XXI века.

Оценив ситуацию, он понял, что никто, кроме него самого, не будет разрабатывать новые идеи, находящиеся на водоразделе биологии и физики и вытекающие из решения постоянной Планка, которая, кстати, не имела решения в науке с 1900 года. И он задумывает завершить начатые исследования в междисциплинарной области, вплотную прилегающей к теоретической физике. В итоге этой работы выстроилась новая междисциплинарная теория физики, опубликованная в его книге «Основы единой теории физики» (М.: Педагогика, 1994). Это уникальная осцилляторная модель и система знаний, облеченная в алгебраическую форму, в которой нет ни одного противоречия между экспериментом и теорией, начиная от строения элементарного атома и кончая структурой Галактики. Автором создана новая междисциплинарная термодинамика реальных газов, новая, немасвеллова, электродинамика, где носителем магнитного поля и электрического тока выступает не электрон, а электрино –

положительно заряженная частица, согласующая параметры физического и биологического планов. Им разработана теория света, в которой раскрыта структура элементарного луча света и доказано, что в новой координатной системе концепции макромира в роли фотона всех видов излучения выступает все та же частица – электрино. Достаточно полное объяснение получила гравитация, сняты вуаль таинственности с которой пытались до Базиева многие авторы. Он создал теорию жидкостей и дал полное определение структуры воды, открыв тем самым путь к развитию истинной теории растворов, в том числе и растворов живых клеток биологических объектов. Раскрыл зарядовую основу химической валентности атомов и показал, что в основе периодического закона таблицы Менделеева, с позиций развиваемой теории, лежит избыточный статический заряд элементов. Но самым поразительным событием в новой теории явилось открытие фазового перехода высшего рода (ФПВР), суть которого состоит в том, что энергия связи элементарного атома (нуклона), состоящего из трех электронов и $2,4 \times 10^8$ электронов, высвобождается при полном его расщеплении на три свободных электрона и $2,4 \times 10^8$ фотонов, и этот процесс лежит в основе как в ядерном, так и в термоядерном процессах. Отсюда следует предположение о том, что для успешного решения проблемы управляемого термоядерного процесса необходимо направление исследований развернуть ровно на 180 градусов.

При исследовании законов гиперчастотного взаимодействия молекул в газах Базиев установил поверхностное натяжение элементарного атома, равное $84\,425$ Н/м, с помощью которого определил энергию связи одного электрина в атоме, составившую $1,303 \times 10^{-21}$ Дж. А зная точный состав элементарного атома, установил энергию его связи, названную им постоянной Курчатова $K = 5,46 \times 10^{13}$ Дж.

А физики-атомщики, чтобы установить эту величину, были вынуждены провести испытания десятков ядерных и термоядерных бомб. При этом они получили результат $E = 5,64 \times 10^{11}$ Дж/нуклон, почти не отличающийся от результата Базиева. Как тут не удивляться и не восхищаться неслыханной глубиной проникновения его мысли в тончайший мир атома? А ведь цель фундаментальной физики – понять строение атома, значит, – мироздания. В последней своей книге «Заряд и масса фотона» (М.: Педагогика, 2001) автор дает описание уникального опыта, продолжавшегося в течение года в Институте общей и неорганической химии РАН. Ему удалось измерить поток электрина через изменение веса источника тока. При этом установлено, что свет еще и несет положительный электрический заряд. Так, герметичный контейнер, в котором размещен источник постоянного тока емкостью 6 А/час, в результате разряда через электрическую лампу, изменяет свой вес на величину до 1,08 мг при погрешности весов $\pm 0,05$ мг. Исследованы разные виды источни-

ков постоянного тока (ионисторы, гальванические элементы и аккумуляторы), в результате чего экспериментально доказано, что они все ведут себя одинаково, а именно: при разряде увеличивают свой вес. То есть, из источника уходит материя в виде электрического тока, состоящего из электрино и преобразующегося на нити накала лампы в световое излучение, но при этом вес источника возрастает. Этот парадокс в рамках старой теории не только не имеет объяснения, но даже лишен подходов к объяснению. В рамках же теории Базиева он имеет безупречное объяснение как качественное, так и количественное. Из этого опыта (который может быть повторен в любой лаборатории, ибо методика описана) следует вывод: свет не есть электромагнитная волна, а представляет собой организованный поток истинно элементарных частиц, обладающих постоянной массой (независимо от скорости) и постоянным положительным зарядом. Учитывая причинную цепочку параметрических явлений, когда магнитное поле переходит в электрический ток, ток преобразуется в свет, а свет вновь переходит в электрический ток на фотоэлементах, Базиев пришел к выводу все эти взаимопереходы возможны только при условии, если материальным носителем магнитного поля, электрического тока и света служит одна и та же истинно элементарная частица – электрино. Заряд этой частицы составляет $e = 1,987 \times 10^{-27}$ степени Кулон, а ее масса $m_3 = 6,855 \times 10^{-36}$ степени кг; по массе она меньше электрона на пять порядков, а по заряду – на восемь, на долю этой частицы в атоме приходится 99,83 % по массе и 50 % – по заряду.

Базиев сумел подвергнуть системному анализу огромный экспериментальный материал, накопленный в науке со времен Гильберта и Галилея, и установить главный дефект существовавшей до него физической теории. Этим дефектом оказалось отсутствие в физике истинно элементарной частицы с положительным зарядом, обеспечивающей связь физики с биологией и химией, что обуславливало зарядовую и массовую асимметрию вещества. Открытием электрино он восстановил симметрию зарядов и масс в структуре живой и косной материи, которую и изучает фундаментальное естествознание во всех ее аспектах.

Сегодня книга Базиева «Основы единой теории физики» является библиографической редкостью. Ее необходимо переиздать большим тиражом, с учетом наработок автора за последние годы, ибо это очень серьезное достижение человеческой мысли. Нет сомнения в том, что она будет переведена и на другие языки мира. Возможно, и руководство РАН сможет повернуться лицом к новой междисциплинарной теории физики, которую оно игнорирует, исходя только из того, что «этого не может быть». А это не только может быть, но уже является свершившимся фактом. Чтобы убедиться в справедливости этого

утверждения, достаточно провести еще один решающий опыт со светом в одной из лабораторий РАН. Например, в рамках существующей теории все виды излучения распространяются в вакууме с одной и той же скоростью, равной скорости света $c = 2,9979246 \times 10^8$ м/с. В теории Базиева постоянной величиной, характеризующей распространение естественного света (солнечного), является секториальная скорость фотона. При этом скорость распространения каждого монохроматического луча является функцией его частоты. Так, если взять красный луч, то скорость его распространения составит меньше значения на 41,1 %. Если же взять монохроматический ультрафиолетовый луч, то скорость его распространения составит больше скорости света в 2,31 раза.

В электродинамике Базиева лазерный луч не является световым, и скорость его распространения не зависит от длины волны, это постоянная величина, близкая к скорости света, но не равная ей – $2,8992629 \times 10^8$ м/с, что меньше скорости света на 3,29 %. С такой же скоростью распространяются электрический ток по проводнику и луч радиолокатора.

Поскольку парадигма Базиева с единых позиций на основе введения представления о новой частице описывает явления, затрагивающие сразу многие разделы физики – механику, термодинамику, электродинамику, астросфизику, она выполняет в научной картине мира важную гомеостатическую функцию и заслуживает поддержки.

От редакции

Мы намерены и впредь в разделах «Две точки зрения», «Гипотеза», «Версия» информировать читателей о новейших дискуссионных, спорных разработках, поскольку, по нашему глубокому убеждению, задача научно-популярного журнала состоит в том, чтобы будить мысль, а не в том, чтобы «держать и не пущать».

В «ниспровергательских» идеях зачастую обнаруживается рациональное зерно. Да и с теми из них, о научной состоятельности которых говорить не приходится, знакомство бесполезно. «Неправильная» научная теория, как известно, – четкий индикатор недоработанности каких-то моментов теории «правильной» или ее популяризации: на то и щука в море, чтобы карась не дремал.

Наука движется общими усилиями, в том числе и усилиями «заблуждающихся», – из ее истории все мы, казалось бы, должны были это усвоить. А когда люди перестают слышать и понимать друг друга, – вспомните библейскую притчу о строительстве Вавилонской башни, – ничего путного им построить не удастся.

7. Вклад балкарских ученых в развитие гуманитарных наук

Еще со второй половины XIX века, когда в Балкарии и Карачае стали появляться грамотные люди, получившие образование в гимназиях и в высших учебных заведениях России, когда в Нальчике и Баталпашинске, а затем и в крупных селениях появились школы, для всех образованных людей стало совершенно ясно, что карачаевцам и балкарцам нужна своя письменность. Попытки создать письменность карачаевцев и балкарцев на арабской графической основе предпринимались многими грамотными людьми, получившими образование в мусульманских медресе и университетах. Но это не имело успеха. Во-первых, потому что звуки арабского алфавита не могли выразить всю гамму звуков карачаево-балкарского языка, а во-вторых (и это подчеркнем еще раз!), карачаевцы и балкарцы жили в России, а не в какой-либо арабской стране, и было жизненно важно, чтобы их алфавит строился на русской графической основе, чтобы они, карачаевцы и балкарцы, без особого труда могли бы осваивать грамоту как на общегосударственном русском языке, так и на родном. В отличие от некоторых сегодняшних наших «сверхкультурных» деятелей, всячески стремящихся «обогатить» наш язык арабо-персидскими словами, такие выдающиеся деятели нашей культуры как Исмаил Крымшамхалов, Сафар Урусбиев и Исмаил Абаев прекрасно понимали важность того, чтобы приобщение карачаевцев и балкарцев к мировой цивилизации шло в одном русле с Россией, уже ставшей для них Родиной, и через Россию. Потому-то и разрабатывали они алфавит родного языка на русской графической основе.

Искания карачаевских и балкарских просветителей успешно завершалось принятием в 1936 году алфавита балкарского языка на русской графической основе. Много труда вложил в составление современных основ всех разделов карачаево-балкарского языкознания и орфографии, и пунктуации, и лексики первый доктор филологических наук Умар Баблашевич Алиев.

Большой вклад в дальнейшее развитие языкознания внесли впоследствии доктора филологических наук Жамал Исмаилович Гузеев и Ибрагим Хашимович Ахматов. В 1991 году они издали капитальный труд «Правила орфографии и пунктуации балкарского языка», которые действуют и поныне. Следует отметить, что Жамал Гузеев и Ибрагим Ахматов являются известными учеными-тюркологами, имена которых знают ученые-тюркологи не только нашей страны, но и Казахстана, и Средней Азии, и Азербайджана, и Турции.

Современным крупным ученым-тюркологом является и Мах-

ти Зейтунович Улаков – доктор филологических наук, академик Международной тюркской академии, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Заслуженный деятель науки Карачаево-Черкесии.

Махти Зейтунович не только известный ученый (он автор более 90 научных трудов), но и крупный организатор науки. Будучи и заведующим отделом карачаево-балкарского языка, и заместителем директора по научной работе Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, он был инициатором многих научных программ и непосредственно руководил претворением в жизнь многих из них. Одна из трудоемких и важнейших программ, которой он руководил ряд лет, – это программа подготовки академического трехтомного толкового словаря карачаево-балкарского языка. Над этой программой ученые института работали более 30 лет, и она уже завершена.

В настоящее время Махти Улаков работает заместителем председателя президиума Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук и является крупным организатором науки, курируя работу многих научных советов как в республике, так и в Южном регионе России.

Отмечая несомненные успехи ученых-языковедов, следует одновременно отметить и то, что иногда они слишком увлекаются нововведениями вместо того, чтобы стремиться к усовершенствованию и унификации правил. Так, согласно разработанным и введенным в жизнь в последние годы правилам, теперь карачаевцы и балкарцы должны писать всемирно известное имя возлюбленной Тахира не Зухра, как принято у всех, а Зухура, не Ануар (мужское имя), как раньше, а Аныуар, не школ (школа), а ушкол, не шкок (ружье, винтовка), а ушчок, не принч (рис), а пиринч и т. д. Это новое правило, на наш взгляд, ничего не усовершенствует, а лишь только усложняет.

Желательны некоторые усовершенствования и в пунктуации.

Кроме того, карачаевским и балкарским языковедам следовало бы более продуктивно работать и по унификации написания одних и тех же слов, выбрав для нормативного литературного языка одну – более приемлемую форму написания.

В 2001 году Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований отметил свое 75-летие. Институт был специально создан для того, чтобы ученые люди помогли нашим народам сохранить свои языки, собрать и сохранить для следующих поколений фольклор, изучить и написать научно-обоснованную историю наших народов.

Конечно же, во всех этих направлениях нашими учеными достигнуты определенные успехи. Так, отделом балкарского языка и литературы фактически завершено выполнение главной ее задачи – научное оформление орфографии и пунктуации, синтаксического строя, а также определение лексического богатства языка.

Свидетельством тому следующие книги, которые явились

результатом труда многих ученых и представляют собой солидные научные издания, которые служат достойным оформлением богатого во всех отношениях карачаево-балкарского языка: это и «Грамматика карачаево-балкарского языка», и «Правила орфографии и пунктуации балкарского языка (1991)», и «Русско-карачаево-балкарский словарь», и, наконец, все три тома «Толкового словаря карачаево-балкарского языка». Так что, языковеды института главную свою задачу выполняют довольно успешно. В этом большая заслуга нескольких поколений ученых, среди которых, кроме уже названных выше больших ученых, таких как Умар Алиев, Жамал Гузеев, Ибрагим Ахматов, Махти Улаков, следует отметить и доктора филологических наук Исмаила Отарова, и кандидата филологических наук Алия Жаппуева.

Немалых успехов достигли и ученые-фольклористы. Они сумели собрать, записать и издать немало произведений устного народного творчества карачаевцев и балкарцев, в том числе и нартские сказания, составляющих основное богатство нашего фольклора.

Здесь следует особо отметить очень плодотворную и неустанную работу по сбору, систематизации и подготовке к научному изданию балкарских и карачаевских нартских сказаний Танзили Мусаевны Хаджиевой. «Нарты» – это первое полное (насколько это было возможно) научное издание нартских сказаний балкарцев и карачаевцев. Книга издана Академией наук России и Институтом мировой литературы в серии «Эпос народов Евразии» и напечатана в академическом издательстве «Наука».

Обширная вступительная статья, комментарий и глоссарий, написанные Танзелей Мусаевной – это, в сущности, большой научный труд, где автор сумела спокойно и научно убедительно показать некоторым любителям от науки все лучшее, что есть вокруг, загребать под себя, что нартские сказания не только «известны и балкарцам», но, что они, балкарские и карачаевские нартские сказания, являются не «заимствованными» из чьей-то фольклорной казны, а наоборот – составляют что ни на есть фундаментальную основу нартских сказаний многих кавказских народов.

Кроме этого солидного академического труда балкарскими и карачаевскими учеными-фольклористами собраны и изданы и другие виды произведений устного народного творчества, в том числе сказок, песен, поговорок и пословиц.

Особо следует отметить сбор, обработку и издание произведений устного народного творчества (печальных песен) периода ссыльных лет «Словесные памятники выселения», так же выполненные Т. М. Хаджиевой.

Немало в дело сбора и изучения фольклора балкарцев и карачаевцев внесли и другие ученые. Так, доктор филологиче-

ских наук, заведующий отделом карачаево-балкарского фольклора Института гуманитарных исследований Хамид Малкондуев провел обстоятельное исследование поэтики нартских сказаний карачаевцев и балкарцев и написал на эту тему большой научный труд под названием «Поэтика нартских сказаний».

Плодотворно работает и фольклорист Махти Джуртубаев, который занимается исследованиями как в области духовной культуры, так и в области древних верований карачаевцев и балкарцев. Его книги «Древние верования балкарцев и карачаевцев» (1991) и «Душа Балкарии» (1998) пользуются большим спросом среди ученых, студентов и широкого читателя.

Здесь особо следует отметить многолетнюю и самоотверженную работу по сбору фольклора балкарского народа журналиста и писателя Далхата Таумурзаева, который собрал и опубликовал несколько книг легенд и сказаний. Он также собирает генеалогические легенды и народные игры.

Говоря об успехах наших ученых языковедов и фольклористов, отметим, что эти направления гуманитарных наук на первый взгляд менее политизированы, потому-то, выражаясь языком той высокопоставленной дамы, скажем, их и «пустили так далеко». Хотя и тут было немало оскорбительных и грубых вмешательств извне (раз, мол, карачаевцы и балкарцы происходят от пришельцев – кипчаков, то и язык их тоже кипчакский, и нартские сказания им только «известны» и т. д.). То история – это уже наполовину политика. А политику, как известно, делают политики, то есть люди, в руках которых находится власть. А если еще понятнее – власть пишет историю так, как ей угодно. А в Кабардино-Балкарии еще со времен Калмыкова балкарцы находятся в высших сферах власти лишь номинально – могут иметь высокие должности, но не высшую власть. Потому-то и выгнали их из республики в 1944 году, потому-то и проголосовал Совет республики (Дума республики) в 2002 году за возвращение имени палача балкарского народа Сталина городу Волгограду.

Потому и не написана до сих пор не только научная, академическая, с использованием всей имеющейся литературы, история, но даже обычная история балкарского народа для школ и учебных заведений, чтобы балкарские юноши и девушки хотя бы кое-что знали об истории своего народа.

Потому что, если будет написана научная история балкарского народа, то выяснится, что «грузинская надпись XIV–XV вв.» рассказывает не «о проникновении балкар в горы», а лишь о том, что грузинский вор Ризия Квенишвили (или Квенипновели) попал в плен к балкарцам, а потом был выкуплен на средства Цховатской церкви, и что слишком уж смело будет утверждать, что «в XII веке часть адыгов начинает переселение в районы сегодняшней Кабардино-Балкарии» или «в начале XIV в. кабардинцы уже населяли широкие просторы предгорий центральной части Северного Кав-

каза», и что утверждение «Имена крупнейших горных вершин и рек, как и само слово «Кавказ», объясняются из индоевропейских языков» совершенно не соответствует действительности.

То, что грузинский вор попал в плен к балкарцам в XIV в. (или в XV в.) вовсе не говорит о том, что только в это время балкарцы появились в этих горах – как будто специально, чтобы поймать этого вора!

То, что не только в XII веке, но даже и после ухода Тимура с Северного Кавказа (когда Алания была доминирующей силой на Северном Кавказе и ее западная граница проходила по реке Лаба, за которой и расселялись адыги, из среды которых кабардинцы еще не выделились), до падения Золотой Орды (1480) кабардинцы не могли населять «широкие просторы предгорий центральной части Северного Кавказа», так как и адыги, как и аланы, сильно побитые Тимуром, только-только начинали налаживать мирную жизнь, и им вполне хватало своих исконных земель в низовьях Кубани. И если даже допустить мысль, что уже в течение 50 лет адыги размножились настолько, что им было уже тесно в низовьях Кубани, и часть их, кабардинцы, стала откочевывать на восток, в степи предгорий, покинутые аланами, то и это событие ранее второй половины XV века, по логике событий, не могло произойти, так как эти степи были заняты татарами.

А что касается того, что названия «крупнейших горных вершин и рек, как и само слово «Кавказ» объясняются из индоевропейских языков», то это уже ставшее правилом бесцеремонное заявление некоторых ученых мужей из Осетии, никак не подтверждаемое никакими фактами. С каких это пор, интересно, балкарцы стали индоевропейцами – ведь именно по-балкарски и звучат все названия и самых высоких гор, и самых больших рек Кавказа, и само слово «Кавказ». Кобхан – Разливающаяся, Вздувающаяся (Кубань), Терк – Быстрая (Терек), Аксай – Белая речка – разве все это «по-индоевропейски»? Кап Ас – (Кавказ) – это по-тюркски Горная Асия. А как, интересно было бы знать, объясняется из индоевропейского слово «Кавказ» все-таки? Вот потому-то, что научная история балкарского и карачаевского народов, будь она написана, потребует пересмотра некоторых «неточностей» в исторической науке, допущенных слишком уж патриотично настроенными учеными соседних народов, которые почему-то постоянно стремятся возвысить свои народы за счет унижения соседей, она и не написана до сих пор.

Все народы достойны уважения, и все они вправе иметь правдивую и научно обоснованную историю. И никто не должен лишать народ этого священного права – иметь правдивую историю своего жизненного пути. Стоило только одному из балкарских историков, Исмаилу Мизиеву, после долгих кропотли-

вых научных изысканий заявить о том, что, возможно, не все скифские племена были ираноязычными, что среди них, наверное, были и тюркоязычные (о чем, между прочим, уже давно говорили и многие крупные ученые-скифологи), от которых, мол, могли произойти и балкарцы с карачаевцами, как тут же со всех сторон накинудись на него ученые собратья-иранисты, обвиняя его во всех смертных грехах, в том числе и в пантюркизме, и в разжигании межнациональной вражды и т. д.

Естественно, видя такое отношение к человеку, осмелившемуся сделать хотя бы один шаг в сторону от общепринятых догм, остальные историки-балкарцы не очень-то осмеливаются «иметь свое мнение», а все еще продолжают изучать наши то кипчакские, то болгарские, то хазарские, а то еще и печенежские, и чувашские «корешки», никак не осмеливаясь взяться за главное – написание цельной, систематической, правдивой истории народа.

В этом отношении все надежды теперь на карачаевских историков, над которыми теперь, слава Богу, не висят дамокловым мечом ни Суслов, ни его приспешники.

8. Дорогу осилит идущий (Умар АЛИЕВ)

Человек, которым одинаково гордятся и Карачай, и Балкария, первый среди тюркологов Северного Кавказа доктор наук, внесший поистине огромный вклад как в развитие тюркологии, так и в развитие общего языкознания Умар Баблашевич Алиев родился в 1911 году в сел. Верхняя Теберда, что в Большом Карачае, в семье обычного горца-скотовода, у которого уже было пятеро детей. Мальчику не исполнилось еще и года, когда умерла мать. Это было знаком того, что жизненная дорога Умара будет трудной и каменистой, как горная тропа, и ему будет ой как нелегко по ней пройти. Так, в сущности, и было. Чуть более шестидесяти лет прожил Умар Баблашевич, и каждая ступенька – год в этой жизни были для него шагом вперед и выше, преодолением нелегких, а порою и невероятно тяжелых преград. Но, преодолевая каждую ступеньку, каждую преграду, он радовался как ребенок – он все шел и шел к своей цели – к вершинам знаний, где росли чудесные деревья, срывал сочные плоды этих деревьев и щедро раздавал тем, которые, идя за ним по крутым тропам, устали и отстали от него и были внизу.

Теберда – райский уголок жемчужины России – Кавказа. Кажется, что человек, родившийся здесь, не может не быть по-этом. Тем более, вдобавок ко всему, здесь живут потомки тех

самых сказочных и поэтических нартов, о жизни и деяниях которых обычно не просто рассказывают, а поют. Умар с детства рос среди поэзии гор и героической поэзии, и его впечатлительная душа впитывала в себя соки того и другого.

Любопытство, желание все знать – эти черты были свойственны Умару с детства и всю жизнь. Успешно закончив школу в сел. Теберда он поступил в Баталпашинский педтехникум. Закончив техникум, ему следовало, радуясь своей удаче, идти в школу и учить детей – заняться самым благородным в то время делом. Но душа его не хочет такого «маленького» счастья – он хочет получить высшее образование. Он хочет, как говорили горцы, дойти до конца знаний, т.е. овладеть всеми знаниями, которые ведомы людям!

Он хочет поехать в Ростов, в тогдашнюю официальную столицу Северного Кавказа. Но денег на дорогу нет. И тут случается чудо. Прошел слух, что какой-то русский чудак хочет обучиться карачаевскому языку и за это готов платить своему учителю хорошие деньги. А кто еще может учить этого чудака, если не сам Умар – самый образованный в селе человек! И вправду этот приезжий платил хорошо – по целых 3 рубля за урок. Так Умар заработал деньги на дорогу. Потом выяснилось, что этот чудак – знаменитый академик языкознания Н. А. Марр. Этот большой ученый, скорее всего, прослышав о мечтах юноши-горца и не решаясь банальной помощью-подачкой оскорбить его, таким хитроумным способом дал ему деньги на дорогу.

Как бы там ни было, но уже весной 1929 года Умар приехал в Ростов. Здесь он встретился со своим знаменитым родственником и тезкой – Умаром Жашуевичем Алиевым. В это время старший Умар Алиев работал Председателем Совета по делам национальности края и заведующим крайОНО. Известный революционер и мечтатель, ученый и патриот Умар Жашуевич был недоволен эгоистическим, по его пониманию, поступком своего молодого родственника. Он считал, что молодой грамотный Умар просто обязан теперь поехать в родной Карачай и учить молодежь, сеять зерна знаний на родной земле.

Молодой Умар Алиев не смог переубедить Умара Алиева-старшего и ушел от него ни с чем. А он так надеялся на его помощь!

Это, пожалуй, была его первая большая душевная рана, которая долго не заживала – ведь рану эту он получил от близкого и любимого человека.

Больше, без особой надобности, он ни к кому за помощью не обращался. Зато сам любил помогать всем, кому мог.

Умар не уехал обратно, а поступил на работу в паровозное

депо помощником слесаря. А в 1930 году осенью, хорошо подготовившись и получив с места работы блестящую характеристику, поступает в Ростовский пединститут. Этот день, когда он стал студентом института, и был переломным в судьбе молодого Умара – в этот день он вышел к подножию высокой, как седой Эльбрус, горы, которая называется наукой.

Он успешно закончил институт, но, к сожалению, не смог избежать советской «студенческой» болезни, болезни, которая настигает многих нищих и голодных – чахотки. Конечно же, он тоже, как и многие другие нищие студенты, по ночам разгружал вагоны, но и этого не хватало на одежду и хорошее питание.

После окончания института его направляют в Кабардино-Балкарский пединститут и он преподает здесь студентам русский и карачаево-балкарский языки, а также карачаево-балкарскую и русскую литературу. Умар Баблашевич усердно и с большой радостью окунулся в педагогическую и научную работу, о которой он, конечно же, мечтал так давно. Он пишет блестящие лекции, готовит учебники для школ, пишет научные труды по языкознанию и ... сочиняет стихи, переводит на карачаево-балкарский Пушкина, Лермонтова, Крылова, Тургенева, Гоголя, Чехова, Шевченко, Шолохова. А говоря проще – весь в работе, и днем, и ночью.

И вскоре его имя становится известным как в ученых кругах, так и в литературных. Он встречался с великими Кязимом Мечиевым и Исмаилом Семеновым, дружил со своими известными ровесниками – Саидом Шахмурзаевым и Керимом Отаровым, Хасаном Аппаевым и Азретом Уртеповым. В 1939 году он уже заведует кафедрой карачаево-балкарского языка и литературы Кабардино-Балкарского пединститута, готовит кандидатскую диссертацию. Но защитить ее в это время ему не удастся – сперва из-за обострения болезни, а потом вскоре началась и война. На войну его не взяли по болезни. И вскоре семья Алиева, как и семьи многих известных деятелей литературы и искусства, была переселена подальше от фронта – в г. Самарканд Узбекской ССР. Здесь он преподавал русский язык в узбекских школах и узбекский – в русских.

Летом 1943 года в Институте Востоковедения Умар Баблашевич Алиев успешно защитил кандидатскую диссертацию. И в том же году в сентябре был приглашен в Кабардино-Балкарию на должность первого заместителя министра просвещения республики. В это время он помог многим выйти на широкую дорогу, ведущую к вершинам знаний, в том числе и известным впоследствии ученым как Ахия Бозиев, который долгие годы работал в Москве в Институте народов Востока Академии наук СССР, и Аскер Аппаев, ставший доктором наук и тоже немало

лет проработавший заведующим кафедрой балкарского языка и литературы КБГУ.

Не миновала печальная участь, постигшая его народ, и Умара Алиева – в 1944 году он тоже оказался в ссылке, в Киргизии. Во Фрунзе, столице Киргизской ССР, Умар Алиев стал работать в пединституте, сперва преподавателем филологического факультета, потом заведующим кафедрой русского языка, деканом факультета.

В ссылке, как известно, нашим народам пришлось выживать в невероятно тяжелых условиях. Сыновей и дочерей репрессированных народов практически не принимали в высшие учебные заведения, лишь единицам – необыкновенно настойчивым и упорным – удавалось стать студентами. И то не без помощи Умара Алиева и таких нескольких человек, которые хоть как-то могли помочь своим соплеменникам – юношам, так жаждавшим получить хорошее образование. Умар Алиев, конечно же, к такому серьезному делу наверняка подключал и своих влиятельных друзей-киргизов. А их у него в киргизской интеллигентной среде было немало. Это, к примеру, писатели и ученые Аалы Токомбаев, Тугенбай Сыдыкбеков, Болот Юнусалиев, Азиз Салиев и другие. Он, разумеется, был дружен и с Кайсыном Кулиевым, который тоже имел большой авторитет среди киргизской интеллигентной среды, работал в Союзе писателей Киргизстана.

И в годы ссылки Умар Баблашевич продолжал научные изыскания как в области общего языкознания, так и в области карачаево-балкарской филологии и фольклора. Но среди ученых во Фрунзе были не только друзья и сторонники ссыльного ученого, но и непримиримые недоброжелатели. Они всячески старались унижить, оскорбить его, говоря, что под названием балкарцы или карачаевцы в СССР народов нет, а потому и не должны быть признаны научными трудами рукописи об их языке и т. д. И это говорили не какие-то начинающие ученые или аспиранты, а считавшиеся крупными тюркологами профессор Юдахин и академик Батманов. Так что, жизнь и деятельность Умара Алиева в годы ссылки, хотя на поверхностный взгляд и кажется очень даже сносной, но на самом деле ему было очень и очень нелегко. И в первую очередь эта была моральная тяжесть, свинцовой плитой давившая на душу и не дававшая вольно думать и дышать.

Из-под этой тяжести его освободили XX съезд КПСС и Никита Сергеевич Хрущев, и он вернулся на родину – на Кавказ. И вновь, как и много лет назад, стал работать в институте, который теперь, после восстановления государственности балкарцев, был преобразован в университет. Умар Баблашевич был заведующим кафедрой балкарского языка и литературы, деканом историко-филологического факультета.

В 1960 году Умар Баблашевич защитил докторскую диссертацию на тему «Вопросы сложного предложения в русском и тюркских языках».

Как рассказывают бывшие его студенты, а ныне известные ученые, Умар Баблашевич всегда заботился о студентах и не было такого случая, чтобы он не помог кому-либо, если он мог. Рассказывают, что когда он был деканом факультета, то многие студенты, у которых были «тройки», лишались стипендии и испытывали большие трудности, так как не все из них могли получать помощь из дому. И многим из них профессор помогал, но при этом, конечно же, никаких правил не нарушал: он подсказывал студентам законный выход из этого затруднительного положения – приносить справки, подтверждающие, что они из бедных семей.

Вскоре Умара Баблашевича пригласили на должность ректора Карачаево-Черкесского пединститута. На этой должности он проработал всего несколько лет. Высокая интеллигентность и вытекающие из этого черты характера – честность и порядочность, неспособность к компромиссам с подлостью и хамством, угождать капризам напыщенных чинуш на высоких государственных должностях – предопределили с самого начала невозможность долгого нахождения его на этой высокой должности. Надо было или стать угодником, или же, сохраняя человеческое достоинство, уйти с должности. Человек высоких моральных устоев и чести Умар Баблашевич Алиев выбирает для себя, естественно, второй вариант.

Но это, конечно же, вовсе не означало того, что он сломался и более ничего не сделал ни как педагог, ни как ученый. Нет, конечно, но и жить, и работать, и учить становилось все труднее и труднее в атмосфере постоянных преследований завистников и недоброжелателей. И тогда он уехал вновь в Среднюю Азию. На этот раз – в добровольную ссылку. И стал работать преподавателем кафедры русского языка Киргизского государственного университета. Здесь, среди старых друзей и знакомых, среди новых молодых коллег душа его потихоньку отходила. После всех перенесенных обид, казалось бы, что он теперь вообще не захочет и глянуть в сторону своей горячо любимой родины – Карачая, не сможет вообще заниматься исследованиями, касающимися Карачая и Балкарии. Но, как бы ни была глубока его душевная рана, он все-таки сумел убедить себя в том, что чинуши-начальники и мелкие завистники вовсе не народ. Но в то же время он, человек умный и высокообразованный, не мог не понимать и того, что и народ виновен в том, что он, народ, позволяет Злу вот так запросто и совершенно безбоязненно преследовать нормальных, честных людей. Понимал, конечно, но не мог и не простить свой многострадальный народ: ведь он, постоянно расстреливаемый и раскулачиваемый,

гонимый и задавленный, уже давно стал молчаливым, и ему теперь совсем нелегко решиться возроптать хотя бы против все-силы хамовитых чиновников. И Умар Баблашевич, забыв обиды и душевные раны, вновь берется за дело.

В 1972 году в Москве издательство «Наука» выпустило отдельной книгой самый дорогой его сердцу труд, над которым он работал, можно сказать, всю сознательную жизнь, – «Синтаксис карачаево-балкарского языка». Эту книгу уже много лет с нетерпением ждали не менее 10 тысяч учеников, студентов, учителей, преподавателей, журналистов, редакторов и научных работников в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии.

Алиев, конечно же, был очень рад, что книга, наконец, увидела свет, но и огорчен был чрезвычайно: все-таки в издательстве слишком уж много мест, где Умар Баблашевич высказывал идеи и положения, идущие вразрез с общепринятыми в тюркологии догмами, давно устаревшими и неверными, убрали.

К тому же ему позвонили из Москвы и выразили недовольное недоумение по поводу того, что Карачаево-Черкессия и Кабардино-Балкария так и не оформили заказ хотя бы на минимальное количество экземпляров – на одну тысячу.

Наивный Умар Баблашевич! Ему и в голову не могла прийти мысль о том, что его родные и любимые Карачай и Балкария откажутся от такого подарка! Но они отказались! Да, конечно, разумом он понимал, что это не Карачай и не Балкария отвернулись от него, а недалекие чиновники и завистники все никак не уймутся. Но сердце доводам разума не прислушивалось, оно воспринимало только одно – ни он сам, Алиев Умар Баблашевич, ни его труды ни в Карачае, ни в Балкарии никому не нужны! Ни Балкарии, ни Карачаю! Такого изощренного и подлого удара его доверчивое сердце не выдержало.

Теперь, когда его уже нет давно в живых, все грамотные люди Карачая и Балкарии единогласно говорят – да, да, бесспорно, Умар Баблашевич был прекрасным человеком и большим ученым, он заложил надежный научный фундамент всем нашим успехам и в филологии, и в этнографии, и в фольклористике, он – гордость наших народов!

Судьба Умара Алиева еще раз убедительно доказывает, что и Карачай, и Балкария являются неразделимыми частями России, духовно слившись с ней: как в России в целом, так и в Карачае и Балкарии сперва изводят лучших сынов и дочерей народа, а потом только, после их смерти, воздают им то, чего они заслуживали при жизни. По принципу: «Лучше поздно, чем никогда».

И когда это в России, а значит и в Карачаево-Черкессии и Кабардино-Балкарии власти (а в первую очередь – сами народы!) поймут, что все-таки лучше вовремя, чем поздно?

9. Ахмат Мусукаев – первый профессор-историк Балкарии

Первый среди балкарцев доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарского университета им.Бербекова Ахмат Ибрагимович Мусукаев родился в 1946 году в Молдавии в семье офицера Советской Армии.

Видно, аскетический образ жизни семьи военнослужащего, пример отца сказались на юношеских увлечениях будущего ученого – он вполне серьезно занимался физкультурой, ходил в кружок бокса. И в то время, когда стал первокурсником Карачаево-Черкесского педагогического института, уже был мастером спорта по боксу.

Что это значит – быть мастером спорта по боксу, еще только будучи студентом-первокурсником, нетрудно себе представить: ребята с завистью поглядывают на него, хотя с ним дружить даже старшекурсники...

В то лето Ахмат особенно упорно тренировался – в скором времени предстояли соревнования на первенство России среди студентов. Но, как это часто бывает в жизни, Его Величество Случай круто повернул судьбу восходящей звезды бокса – от сияющей, но суетной жизни в сторону науки, где все решается не одним крепким ударом, а долгим, подчас и изнурительным трудом, равносильным, как говорится, копанию колодца иглой. А произошло это так. Ученые института готовились к летним археологическим раскопкам, и в один из дней руководитель экспедиции, большой ученый и известный специалист по Кавказу Яков Александрович Федоров пригласил Ахмата в свою группу – в экспедицию требовались молодые, сильные ребята. Видимо, сказалось горское воспитание – Ахмат не смог отказать старшему глубокоуважаемому человеку. В то лето экспедиция работала в районе покинутого еще в начале XIX века карачаевского села Джамагат. Днем – раскопки под палящим солнцем, поиски чего-либо из того, чем пользовались жители этих мест и сто лет, и тысячу лет тому назад. А вечерами – беседы у костра, где варится нехитрый ужин, и бесконечные удивительные рассказы о жизни и подвигах, страданиях и радостях людей, живших здесь века, тысячелетия до нас.

История народа – это прошлое народа, его память. Человек без памяти, не помнящий родства – это грубое, жестокое существо, манкурт, по выражению Айтматова. Народ, не помнящий своего прошлого, без истории, не уважающий своих лучших сыновей и дочерей, некогда прославлявших его, прославляющих его и сегодня – не имеет будущего, он обречен на прозябание и гибель.

И все это Ахмат осознал в то лето во время бесед с прекрасным человеком – Яковом Александровичем Федоровым и другими учеными-историками, участвовавшими в экспедиции.

И с тех пор Ахмата Мусукаева – задиристого боксера, мечтавшего стать чемпионом страны, не стало. Он стал просто студентом КЧПИ, который увлекся историей и чтением книг. И твердо решил стать историком, хотя и учился на филфаке – на факультете изящной словесности и литературы. Это, кстати, сказалось позже в его трудах, написанных не сухим академическим «штилем», как это часто бывает, а действительно хорошим литературным языком – труды профессора читаются легко и с удовольствием.

И вот, наконец, после окончания института он поступает в аспирантуру Института этнографии Академии наук СССР – это была его мечта еще с того памятного лета. Его научным руководителем стал известный кавказовед, профессор В. К. Гарданов.

1973 год. Теперь Ахмат Мусукаев не просто Ахмат Мусукаев, а кандидат исторических наук Ахмат Ибрагимович Мусукаев. И супруга его, Анджелла Хамитовна, тоже в том же году досрочно закончила аспирантуру и стала кандидатом филологических наук. И в один из дней, когда они уже собирались домой в Нальчик, с ними встретился... первый секретарь Кустанайского обкома комсомола Вадим Зубко.

Оказалось, что он приехал в столицу специально по заданию обкома партии и ректора Кустанайского педагогического института – подобрать из лучших молодых ученых целую группу для работы в тамошнем институте. Условия – лучше некуда: хорошая должность, квартира. Одними из избранных Зубко молодых ученых были Мусукаевы, Ахмат Ибрагимович с Анджеллой Хамитовной.

Но оказалось, что молодые ученые были к тому же и пылкими патриотами своего края – они отказались от заманчивого предложения, сказав, что их знания и молодая энергия позарез нужны и в родной Кабардино-Балкарии. Возможно, это было и так, но по приезде в Нальчик вдруг выяснилось, что их здесь никто не ждет – молодые ученые нигде не смогли найти работу.

Жить на квартире, не работая, – дело нелегкое. И тогда они позвонили Зубко и тот вновь пригласил их. Так Мусукаевы оказались в Кустанае. Ахмат Ибрагимович стал заведующим кафедрой всеобщей истории, а Анджелла Хамитовна – заведующей кафедрой русской литературы. Молодым ученым дали 3-комнатную квартиру.

Более семи лет жили и работали в Кустанае Мусукаевы. В последнее время Ахмат Ибрагимович был уже проректором института по учебной части, а Анджелла Хамитовна – деканом филологического факультета.

В 1983 году в связи с семейными обстоятельствами (болезнь отца Мусукаева – Ибрагима Батокаевича) Мусукаевы переезжают в Нальчик. И вновь трудности с работой. Лишь после

долгих мытарств удалось Ахмату Ибрагимовичу устроиться на работу на 0,25 ставки ассистента на кафедру истории партии Агротелиоративного института. И это после работы деканом исторического факультета и проректором! Было, конечно, обидно, но делать было нечего. К этому времени ведь он уже считался солидным ученым: его научные труды часто печатались в республиканских газетах и журналах, в научных изданиях, а исследования «Из прошлого забытого» (1975), «Балкарский тукум: патронимическая организация в системе сельской общины» (1978), «О Балкарии и балкарцах» (1982) выходили отдельными книгами.

И вот однажды его пригласил на беседу ректор Кабардино-Балкарского университета В.К. Глостанов и предложил учебу в докторантуре, а после – работу в университете.

В 1988 году А.И. Мусукаев в Институте этнографии АН СССР успешно защитил докторскую диссертацию на тему: «Традиционные общественные институты народов Северного Кавказа в конце XIX начале XX вв.» И в том же году стал доцентом кафедры всеобщей истории КБГУ. С 1990 года он – заведующий кафедрой всеобщей истории КБГУ. Кстати, и супруга Ахмата Ибрагимовича, Анджелла Хамитовна, тоже теперь доктор наук, профессор, заведует кафедрой русской литературы там же – в КБГУ.

Таков краткий рассказ о первой половине жизни Ахмата Ибрагимовича Мусукаева – первого доктора исторических наук из среды балкарцев. Надеемся, что вторая половина жизни у нашего ученого сложится не менее насыщенной и плодотворной – ведь теперь ему нет необходимости тратить время на поиски работы и на учебу, хотя, как он сам говорит, человек живущий должен учиться всю жизнь.

Каков же вклад Ахмата Ибрагимовича в историю родного балкарского народа, в историю вообще?

Первая же исследовательская работа молодого аспиранта Института этнографии АН СССР Ахмата Мусукаева «Из прошлого забытого» была отмечена как одна из лучших на Всесоюзном конкурсе молодых ученых. В ней автор сумел раскрыть животворную сущность традиционной культуры и этикета балкарского народа на примерах обычных семей из горных селений.

Но первым крупным научным трудом Мусукаева является монография «Балкарский тукум», изданная в Нальчике в 1978 году. В основу книги легла диссертационная работа автора на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему: «Патронимия у балкарцев в конце XIX – начале XX вв.»

В этой книге впервые наиболее ярко проявился исследовательский талант Мусукаева, прошедшего огранку в прекрасной академической мастерской, каковой являлся в то время Институт этнографии АН СССР, где работали большие ученые, прекрасно

знавшие историю и этнографию народов Кавказа – В. К. Гарданов, Г. А. Сергеева, Л. С. Смирнова, Н. Г. Волкова, А. Е. Тер-Саркисянц, В. П. Кобычев, Г. В. Цулая, С. А. Калоев и многие другие. В своей работе А. И. Мусукаев первым среди историков Северного Кавказа сумел показать динамику развития патрионии на примере Урусбиевского общества Баксанского ущелья. Кропотливая исследовательская работа позволила ученому восстановить генеалогическое древо князей Урусбиевых, а также влиятельных родов Баксанского ущелья – Жаплуевых, Курдановых, Тиловых, Геккиевых, Будаевых, Гулиевых и многих других родов.

В 1982 году в Нальчике вышла книга А. И. Мусукаева «О Балкарии и балкарцах». И с тех пор эта книга является ценным научным пособием как для преподавателей истории родного края, так и для студентов и аспирантов, занимающихся проблемами этнологии и истории. Анализ трудов дореволюционных авторов А.И. Мусукаев сопоставлял с теми данными, которые он сам собрал во время экспедиционных поездок, а также с материалами, хранящимися в различных архивах.

Особая ценность книги «О Балкарии и балкарцах» состоит в том, что А. И. Мусукаев анализирует в ней не только специальные научные труды, изданные в исследуемый период, но также эссе и заметки писателей, журналистов и путешественников, что, естественно, делает книгу более живой и полнокровной. Ведь хорошо известно, что во второй половине XIX века и в первой половине XX века о Кавказе и кавказцах очень много писали не только ученые Российской академии наук, но и офицеры царской армии, чиновники местной администрации, землеустроители и географы, а также многие писатели и журналисты. И несмотря на то, что материал о народах нашего края, публиковавшийся в дореволюционной прессе, очень разбросан и разобщен, А. И. Мусукаеву все-таки удалось соединить в одном исследовании довольно обширный материал по проблемам этнографии, истории и традиционной культуре балкарцев, кабардинцев и других народов региона.

Особенно большой интерес не только ученых, но и всего населения республики и региона в целом вызвала книга А. И. Мусукаева «Традиционное гостеприимство кабардинцев и балкарцев», изданная в Нальчике в 1990 году.

Во время своих многочисленных поездок в горные села Северного Кавказа, ученый много раз беседовал с носителями живой народной памяти – с мудрыми аксакалами, от которых он многое узнавал об обычаях, нормах морали и этикета горских народов. Со временем накапливался фактический материал и возрастало желание взяться всерьез за эту тему – удивительное гостеприимство горцев.

В книге переплетаются сообщения ученых и путешественников прошлых веков об обычаях и гостеприимстве кабардинцев и балкарцев, а также все то, что он слышал от стариков и видел сам в обыденной жизни горцев.

Ученый тщательно описывает весь церемониал гостеприимства, начиная с приема гостя и кончая процедурой его одаривания и проводов.

Данная книга, как и многие другие работы автора, написана хорошим литературным языком, и любой человек, прочитавший ее, убеждается в том, что горское гостеприимство – это прекрасный обычай кабардинцев, балкарцев и других народов Кавказа, и сегодня надо всячески сохранять его традиции.

90-е годы прошлого (!) века – самые плодотворные в судьбе ученого: именно в эти годы он становится ученым с мировым именем: его статьи публикуются в зарубежных научных и научно-популярных журналах, он приглашается на научные симпозиумы в США, Канаду, Венгрию, Швейцарию; из-за рубежа приезжают к нему коллеги дабы вместе с ним поработать в экспедициях.

В эти же годы он издает несколько интересных книг. Среди них следует отметить «Народные традиции кабардинцев и балкарцев», написанную в соавторстве с известным историком, ведущим исследователем из института этнологии и антропологии Российской академии наук А. И. Першицем. Эта книга стала важным научным учебным пособием для студентов наших высших учебных заведений, настольной книгой историков и всех читателей, интересующихся народными обычаями и культурой.

В последнее время ученый много занимается генеалогическими исследованиями. Им уже изданы несколько книг на эту тему. Это и «К истокам фамилий. Предания и легенды» (1992), и «Века родословий» (1997).

Сейчас у Ахмата Ибрагимовича нелегкий период в жизни: в 2002 году он тяжело заболел, но теперь, слава богу, идет на поправку. И он по-прежнему, несмотря на болезнь, сохраняет ясный ум и стремление делать людям добро – защищаются его аспиранты, публикуются его статьи, а недавно (2004) вышла книга «В. К. Гарданов» с добрым напутственным словом А. И. Мусукаева о своем учителе.

Родственники и друзья, коллеги и знакомые профессора А. И. Мусукаева надеются, что в скором времени он вновь займется своим любимым делом – историей народов родного края.

10. Путешествующие в веках

Да, историков можно так и назвать – путешественниками в веках. И, видно, это очень интересное дело, так как из года в год их, путешествующих в веках историков и любителей истории, становится все больше и больше. Наверное, многие любят смотреть передачу «Клуб кинопутешественников», которую ведет замечательный журналист Дмитрий Крылов, а также дру-

гие передачи, в которых рассказывается о странах и народах мира. И это вполне естественно: теперь-то мы хорошо знаем, что Земля – наш, всех народов и людей, общий дом, и нам следует лучше знать и понимать друг друга. А знания о прошлом и настоящем народов и стран сближает людей разных национальностей, укрепляет в них чувство единства всего человечества.

Сейчас, когда во всем мире идет бурный процесс национального самосознания, когда у людей постоянно растет интерес к истории и своего государства, и своего народа, особо возрастает ответственность и роль историков.

К сожалению, тяжелые политико-социальные условия жизни в целом по стране особенно сложными оказались для нашего народа, вдобавок ко всем напастям подвергшегося еще потоку клеветы и шельмования, в результате коих и был изгнан с родных земель. Ссылка губила балкарцев физически и духовно: одних она убивала, насылая на них голод, холод и болезни, а у оставшихся в живых отнимала гордость и решительность, делая их безвольными и послушными. Стоит ли после этого удивляться тому, что вот уже закончился этот проклятый XX век, а у балкарцев своей истории так и нет до сих пор. Нет, не стоит, так как, подчеркнем еще раз, история – самая политизированная из всех наук. Во многих случаях историю просто выдумывают, делают ее такой, какая нужна власти, режиму, тирану, клану и т. д.

Ольга, мать Игоря, ездила в Константинополь, хотела сближения с Византией, просила руки царевны для своего сына, но гордые греки не стали с ней родниться, не признавая Русь равной себе державой, отказали, а в русской истории все наоборот – это Ольга отказалась выйти замуж за императора Византии, который якобы хотел на ней жениться! Ставленник германской разведки Владимир Ульянов и разбойник Иосиф Джугашвили устанавливают в России тиранический, человеконенавистнический режим, в тюрьмах и лагерях губят миллионы ни в чем неповинных людей, а народ заставляют петь: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». И вся страна изучает историю, написанную академиками, в которой говорится о том, что СССР – оплот мира и демократии на Земле, а Ленин и Сталин – заботливые отцы всех советских людей и народов.

В этих условиях, когда небольшой по численности народ травят и стараются сгубить не только отдельные недоброжелатели, но и само государство, конечно же, нелегко растить в его среде людей честных и решительных, готовых встать на защиту погранных народных интересов. Об этом, о том, что тяжелые годы ссылки и по сей день сказываются на психике людей, испытавших ее, говорит и тот факт, что за всю вторую половину XX века, то есть после возвращения балкарцев на Родину, среди них так и не было ни одного крупного государственного

деятели, который бы заслужил искреннюю любовь и уважение людей за честную и добросовестную службу интересам как государства, так и своего народа, за исключением одного только человека – Шакмана Юсуповича Кучмезова, первого секретаря Советского (Черекского) райкома КПСС, трагически погибшего в автокатастрофе.

Лишь только теперь, с появлением новых людей в верхних эшелонах власти, психика которых не деформирована трагедией ссылки, появились надежды на то, что «большие балкарские начальники» не будут чьими-то маленькими служками, а будут настоящими государственными деятелями, которые в первую очередь будут озабочены именно государственными, т. е. народными интересами, а не личными...

Так что, не следует удивляться и тому, что у нас не было и «настоящих» историков. Так как настоящий балкарский ученый-историк сразу же неизбежно столкнулся бы с массой трудно-разрешимых проблем в связи с тем, что советская история обошлась с нами ничуть не лучше, чем ее хозяйка – Советская власть: она опустошила нашу историю, раздарив жемчужины нашего прошлого своим любимчикам. Хрущев отдал Крым, принадлежащий России, Украине. Сегодня все понимают, что это было очередной причудой Никиты Сергеевича, но вернуть Крым обратно России все равно никто не собирается. Так и с историческим и культурным мародерством – все понимают, что многие фундаментальные положения о прошлом балкарцев и карачаевцев, об их культуре были ошибочными, но все равно открыто заявить об этом никто не собирается и даже пытаются наложить вето на... развитие исторической науки!

Исмаил Мусаевич Мизиев первым из официальных историков-балкарцев осмелившийся заявить лишь о том, что, возможно, скифы были не сплошь ираноязычными, а, видимо, среди них были и тюркоязычные племена, был обвинен в национализме, в разжигании межнациональной вражды и всячески третирован. Хотя и за сто лет до Мизиева об этом говорили и многие более известные русские и иностранные историки.

Но, несмотря на все это, мы должны знать и помнить имена людей, которые внесли существенный вклад в развитие истории Балкарии, хотя перечислить их всех и не представляется возможным. И еще – в данной главе мы кратко расскажем лишь о некоторых историках второй половины XX века и об их трудах, не пытаясь охватить всю проблему с более ранних времен.

Многие люди старшего поколения, конечно, помнят, что долгое время после возвращения практически единственными доступными народу книгами по истории их народа были «Документы по истории Балкарии» в двух томах, составленные архивным отделом при Совете Министров КБАССР и «Очерки истории балкарского народа», вышедшие из печати в 1959, 1962 и 1961 годах. Составитель «Документов» – Е. О. Крикунова, а руководитель авторского коллектива «Очерков» – Т. Х. Кумыков.

Большим событием для любителей истории родного края была книжка Сергея Сафаряна «Султан-Бек Абаев», вышедшая в свет в 1964 году и рассказывавшая о яркой личности выдающегося просветителя и деятеля культуры XIX века.

В конце 1980 года археолог, кандидат исторических наук Исмаил Мизиев опубликовал книгу «Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа». В предисловии Заслуженный деятель науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР, доктор исторических наук, профессор В. Б. Виноградов писал: «Однако весь перспективный потенциал ... к осознанию назревшей проблемы может быть реализован лишь в условиях полной мобилизации всех без исключения доступных данных, их комплексного рассмотрения и сравнительного анализа с уже имеющимися трактовками, поисков новых путей мысленного проникновения в сложную и запутанную ткань исторического процесса давно минувших времен. Эти условия чрезвычайно труднодоступны и вовсе не гарантируют изначальной удачи, так как входят в столкновение со сложившимися трафаретами и шаблонами (при всей естественности и полезности тех и других на определенных этапах становления научного познания). Они могут быть достигнуты только в открытой полемике, которая неизбежно сопутствует выдвигению новых идей. А полемика, как хорошо известно, «вещь» обоюдоострая!

Такой путь и выбрал для себя Исмаил Мусаевич Мизиев. Его имя хорошо известно как ученым-кавказоведам, так и широким читательским кругам прежде всего Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. И. М. Мизиев – автор целого ряда научных работ, посвященных археологии, истории, этнографии балкарцев и карачаевцев, в том числе таких толковых и значительных по содержанию книг, как «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая» (Нальчик, 1970), «Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории» (Нальчик, 1981). Он увлеченный и страстный публицист, пропагандирующий историческую науку в прессе.

За плечами ученого насыщенные сезоны археологических раскопок и разведок, десятки вновь выявленных или дополнительно изученных памятников истории и культуры двух близкородственных братских народов Центрального Кавказа. Ученник покойного выдающегося археолога, лауреата Ленинской премии, профессора Е. И. Крупнова, он воспринял от своего наставника целеустремленность, трудолюбие, стойкость в научных позициях.

Жизнь подвергла И. М. Мизиева тяжкому испытанию. В результате несчастного случая несколько лет назад он потерял способность двигаться и оказался навсегда прикован к домашнему рабочему кабинету. Все планы археолога-полевика превратились в несбыточные мечты. Стало катастрофически труд-

но продолжать любимое дело. Но человек не упал духом. Он оказался сильнее драматических обстоятельств. Бросая вызов превратностям судьбы, И. М. Мизиев резко усилил собирательскую и аналитическую работу в русле изучения истории балкарцев и карачаевцев, как органического компонента в общей северокавказской панораме. Данные не только археологии, истории, этнографии, но и фольклора, сравнительного языкознания, топонимии и антропонимики, многих иных смежных научных дисциплин мобилизует он теперь. По крупицам собирает сведения древних и средневековых письменных источников, прорабатывает обширный круг научной (в том числе и ставшей давно библиографической редкостью) литературы, способной пролить добавочный свет на историческое прошлое тюркоязычных народов в границах Северного Кавказа. В процессе напряженной работы на первый план вышла проблема важнейшая, интересная и фундаментальная: происхождение, этническая история балкарцев, карачаевцев, их соседей и партнеров на тропках истории.

Со всей ответственностью следует подчеркнуть, что проблема эта в историографии региона еще весьма далека от сколько-нибудь обстоятельного и достоверного решения. Все усилия науки, затраченные на нее, дали пока лишь предварительные, а во многом и приблизительные результаты, хотя переоценить их, как первые существенные шаги к постижению истины, невозможно. Особенно сложен и запутан вопрос о роли собственно тюркоязычных племен и народов в этногенезе современных балкарцев и карачаевцев, о длительности и глубине их исторической соотнесенности... Книга «Шаги к истокам» наверняка вызовет жаркие споры, столкновения мнений, а то и нападки. Ставя себя на место автора, взял бы смелость сказать так: «Может быть, я в чем-то ошибаюсь. Может быть, даже наверняка! Но лучше, ошибаясь, идти вперед, чем стоять на месте, робко потупив взгляд».

Профессор не ошибся. И хотя, как мы уже говорили, «вина» Исмаила Мизиева заключалась лишь в том, что он в этой книге высказывает свое мнение о том, что, возможно, не все скифские племена были сплошь ираноязычными, и что среди них, вероятно, были и тюркоязычные, о чем говорилось еще чуть ли не со времен Ломоносова, но все равно Мизиев не избежал оскорбительных нападок со стороны ярых приверженцев ираноязычности скифов. За два года после выхода книги, как пишет сам Исмаил Мизиев в следующей книге «История рядом» (Нальчик, 1990 г.), в печати появилось 17 рецензий, отзывов и оценок, среди авторов которых девять докторов и шесть кандидатов наук, — археологи, этнографы, историки, тюркологи и даже философы. «Вероятно, это объясняется тем, что вскрыты серьезные противоречия в стержневых работах Г. Ю. Клапрота, В. Ф. Миллера, В. И. Абеева, заложивших основу теории о сплошной ираноязычности всех скифо-сармато-аланских племен» — отмечает историк. И если многие ученые, как и положено в подобных случаях, отмечали

положительные и спорные тезисы в книге И. Мизиева, то «иранисты» во главе с Ю. С. Гаглойти и В. А. Кузнецовым обрушились на него с обычными обвинениями в подобных случаях, когда научных аргументов опровергнуть высказанную мысль привести невозможно – они огульно обвинили Мизиева в «национализме», «пантюркизме», в «подрыве интернациональной дружбы народов», в «неуважении к истории осетинского народа». Как известно, совсем в недавние времена люди, обвиненные в таких грехах, расстреливались или ссылались в далекие края. Исмаил Мизиев, по вине подобных людей от политики, уже отбыл 13 лет ссылки, хотя ни в чем и не был виноват. И вот теперь клеветники от науки стараются отправить его в иную ссылку – в ссылку молчания, хотят закрыть ему рот, чтобы он не искал, не находил, не говорил. Но это ученого не испугало, не остановило, он упорно продолжал свое дело. И в 1990 году выходит его книга «История рядом», где он опять в поиске истины. «История рядом» – это и ответ его хулителем, перед которыми он поставил ряд четко сформулированных вопросов, на которые они никогда не смогут дать вразумительного ответа, так как прав И. М. Мизиев, а не они. Следующая его книга – «Следы на Эльбрусе» – издана после смерти и в Карачаево-Черкесии. «Книга представляет собой серию документальных очерков о ранних походах по горам и ближайшим окрестностям Эльбруса, – пишет сам автор о своем труде. – Она, естественно, не может заменить всю историю освоения горных вершин и перевалов Центрального Кавказа, для написания которой требуются усилия многих ученых, краеведов, туристов, альпинистов и путешественников. Вместе с тем автор полагает, что в этих очерках есть, по крайней мере, три неоспоримых, с его точки зрения, преимущества.

Во-первых, они охватывают почти неизученный и довольно значительный период с 1629 по 1911 гг., заключенный между первым упоминанием в русских исторических документах центрально-кавказских гор, заселенных «балкарами», т. е. современными балкарцами...

Во-вторых, наши очерки в большинстве случаев посвящены незаслуженно забытым соотечественникам, не получившим широкой известности и оставшимся безымянными «горцами», «черкесами» в отчетах выдающихся альпинистов XIX века, скрытым в их трудах аморфными терминами «туземцы» и т. п. Между тем их имена и подвиги достойны благодарной памяти потомков как имена людей, беззаветно любивших свой край, неутомимых тружеников гор и первовосходителей на многие вершины Кавказа.

В-третьих, очерки помогут путешественникам, туристам, краеведам понять первоначальные туземные значения названий многих горных вершин, перевалов, рек, долин, урочищ и ледников, которые вошли в популярную литературу с большими искажениями».

В-четвертых, добавим мы, эти очерки помогут нам, живу-

шим сегодня балкарцам, лучше знать о жизни и делах наших не таких уж далеких предков, а также любить и знать свои серебряные горы, любить свой родной Кавказ.

Заметным вкладом в историю Балкарии явился труд кандидата исторических наук Хаджи-Мурата Сабанчиева «Пореформенная Балкария в отечественной историографии», так как в этой работе собраны многие данные о положении Балкарии в период проведения известных реформ во второй половине XIX века в России. В монографии собраны все важнейшие данные из отечественной историографии как о хозяйственном положении балкарцев, так и об их духовной культуре.

Из этой книги очень хочется привести кое-какие данные, чтобы еще раз сказать людям, утверждающим, что в наших селах негде работать, а потому молодежь от нечего, мол, делать, иногда ступает на кривую дорожку: в селах нет работы только лодырям, а для всех остальных, желающих хорошо работать и хорошо жить – всегда есть работа. В конце XIX века, как известно, в горах не было пьянства, воровства, никто пенсию не получал, короче – люди жили сами по себе, не ожидая от государства никакой помощи. И давайте посмотрим, как они жили. По сведениям Н. П. Тульчинского, в Балкарии в 1897 году насчитывалось: крупного рогатого скота – 46 558, овец – 222 786, лошадей – 5900 (не вошли Гижигит и Гирхожан). Этот скот принадлежал 2195 дворам с населением 17 529 человек.

«По среднему количеству овец на двор впереди были Баксанское и Чегемское общества (соответственно 144 и 100,3 овцы). Почти наравне шли Балкарское и Хуламское общества (82 и 80,7). Немного отставало от них Безенгиевское общество (77,5 овцы)».

Крупного рогатого скота в среднем на двор приходилось по 25 голов. По подсчетам Н. П. Тульчинского, в это время в среднем одна балкарская семья имела больше скота, чем семья любого другого народа на Северном Кавказе.

Все это, надо полагать, достигалось не пьянством, воровством и ожиданием «лучших времен», а упорным трудом, желанием обеспечить семье достойную жизнь.

А теперь давайте спросим самих себя: работают ли сегодня люди в горских селениях точно так же упорно и целеустремленно, как сто лет назад, не ожидая помощи ни от кого, полагаясь лишь на самих себя?

Ответ, коль не кривить душой, будет примерно такой – да, многие работают так же, они и живут хорошо, но, к сожалению, немало и тех, что не любят работать, лодырничают, а они, от скуки, и ступают не на ту дорожку: то пьянствуют, то могут и на путь воровства встать, все хотят легко и с удовольствием жить. Но в жизни так не бывает, коль жить хочешь хорошо – то и работать надо хорошо!

В исследовании духовной культуры балкарцев значительный вклад вносит фольклорист Махти Джуртубаев. Его моно-

графии «Древние верования балкарцев и карачаевцев» (Нальчик, 1991 г.), «Душа Балкарии» (Нальчик, 1977 г.) стали настольными книгами любителей истории родного народа.

В 2002 году вышла небольшая книжка молодого исследователя Назира Будаева «Западные тюрки в странах Востока». Книжка небольшая (около 200 страниц), но коль судить по объему проделанной автором работы, она ценнее некоторых толстых книг иных авторов с громкими именами и званиями. В результате кропотливой исследовательской работы Назиру Будаеву удалось довольно ярко осветить одну из интереснейших страниц в истории западных тюркских народов, в числе которых, как известно, находятся, кроме широко известных в истории половцев, печенегов, болгар, хазаров, части гуннов, также сегодняшние кумыки, балкарцы, карачаевцы, ногайцы, татары и караимы Крыма. Это – роль и место выходцев из этих народов в странах мусульманского Востока. Как известно, наемные войска в армиях стран Ближнего Востока и Египта играли почти такую же существенную роль в общественно-политической жизни этих стран, как и армии подобного типа в поздней Римской империи. Как и в поздней Римской империи, так и в средневековых странах Востока и Египта полководцы наемных войск, часто недовольные своими монархами, свергали их и сами становились султанами и эмирами.

В исторической литературе хорошо известно, что всех выходцев с Кавказа и степей Предкавказья на Ближнем Востоке именуют черкесами, черкесами, как известно, без разбора называли кавказцев и многие ученые, и путешественники, в том числе и русские. Это послужило основой для написания многих «исторических» и иных трудов, где все «черкесь» зарубежья и Кавказа, которые фигурируют в исторических документах, отчетах и путевых очерках, без всякого сомнения, причисляются к современным адыгам. Цель своей работы Будаев определил так: «Современная историография до сих пор не пришла к единому мнению в определении этнического происхождения мамлюков Египта, хотя круг исследований, затрагивающий эту проблему или имеющий к ней отношение, довольно широк, поскольку Египет не единственная страна на Востоке, где создавались армии из наемников и пленных рабов, известных как мамлюки, гулямы, турушка.

Интересные материалы на данную тему содержат труды К. Э. Босворта, Л. Гумилева, Макриси, аз-Захира, Амин-аль-Айны, С. А. Плетнева, В. Тизенгаузена, Дж. Олдриджа, Э. Н. Наджила, Л. А. Семенова, Г. А. Бей-Мамикаяна, В. А. Погосяна, Д. Айлона, Стенли, Лейн-Пуля и др.

Однако нельзя не отметить и недостатков в этих работах. К примеру, один и тот же мамлюк в разных источниках может быть представлен тюрком, грузином, греком, византийцем. Целью данной работы является уточнение генезиса мамлюков

на основе лингвистических, антропонимических, исторических и других фактов. Чтобы определить истоки происхождения мамлюков, необходимо совершить краткий экскурс в историю, культуру и быт тюркских народов, поскольку восточные армии в средние века формировались в основном из тюрков. Разрозненные факты, последовательно соединенные, могут прояснить суть данной проблемы. Точное установление этнической принадлежности мамлюков – вопрос очень важный и принципиальный, ибо при этом решаются многие проблемы истории современных народов, что позволяет пролить дополнительный свет на проблему роли и места тюркских народов в истории государств Востока».

Следует отметить, что этот «очень важный и принципиальный вопрос» довольно убедительно разрешил Назир Будаев, доказав на обширном материале, что абсолютное большинство наемных воинов в странах Востока и Египта были выходцами из западнотюркских народов. В том числе и многие мамлюкские полководцы, эмиры и султаны.

Завершим эту главу абзацем из книги Назира Будаева, где дается краткая характеристика воинов-тюрков в странах Востока. «К. Э. Босфорт, изучая историю мамлюков Египта, отметил: «Тюрки в X–XIII вв., попадая в мусульманские страны, сохраняли качества «благородных дикарей» – смелость, преданность, выносливость, невосприимчивость к лести, отсутствие лицемерия. Арабы предпочитали тюрков и ценили их «львиные качества» – гордость, свободу, отказ выполнять ручную и домашнюю работу; стремление к командным постам толкало их на усердие в боях и походах.

Характеристику тюрков эпохи мамлюков на востоке определяли довольно точно: «Тюрки напоминают песчинку, которая, попадая в инородное тело, обрастает и становится жемчугом, которым впоследствии украшают царские короны великих государств».

Средние века, времена татаро-монгольских походов и войн, когда судьбы народов и государств решали доблесть, мужество и воинское мастерство, наши предки, даже оказавшиеся на чужбине, заслужили в истории почетное место как верные и храбрые воины, в которых так нуждалось время. С тех пор прошли века, в мире произошли грандиозные перемены. И сейчас мир нуждается не в храбрых воинах, а в высокообразованных и умелых специалистах, могущих своими знаниями и способностями обеспечивать дальнейшее прогрессивное развитие человечества. И мы, потомки некогда воинственных и гордых племен, как и наши предки, должны стремиться к тому, чтобы быть наиболее нужными для своего времени людьми. Тогда народы и государства нуждались в храбрых и умелых воинах. И наши предки были таковыми. Сегодня народы и государства нуждаются в людях, знающих и умеющих хорошо работать. А знает и умеет лишь тот, кто всю жизнь неустанно учится и работает. Будем же, аланы, и учиться прилежно, и работать усердно. И тогда, возможно, спустя века, нас тоже назовут «жемчужинками», достойными украсить любую землю.

Из истории братского карачаевского народа

11. Его жизнь – история народа

Всю свою жизнь Аскербий Дагирович Койчуев посвятил честному служению своему Отечеству, которое не так часто, как надо бы, поддерживало и радовало его. Но виновата в этом была не Отчизна, а та шайка преступников, захватившая власть и установившая в стране тоталитарный режим, самой своей сутью направленной против человека и его созидательной жизни.

Наибольшие беды этот человеконенавистнический режим обрушил на те народы, которые почему-то не понравились диктаторам и были ими изгнаны из своих родных земель в Сибирь и Среднюю Азию. Аскербий Дагирович был сыном одного из этих народов – карачаевского народа, и, естественно, что Родина, оказавшаяся во власти преступников, не баловала и не холила его, как своего родного сына, а всячески унижала и мучила его, как нелюбимого пасынка.

Родился Аскербий весной 1942 года в селе Сары Тюз, на берегу Кубань-реки. А уже осенью немцы оккупировали Карачаевскую автономную область. В январе они были изгнаны, и Карачай приступил к восстановлению своей экономики. Поднимались разрушенные предприятия, восстанавливались колхозы. Но Сталин, Берия, Сулов посчитали, что Аскербий и его соплеменники не изо всех сил воевали с врагами, иначе почему же они его не остановили. «Как же мы могли их остановить, коль даже многомиллионная Красная Армия не смогла это сделать, имея мощное оружие, танки и самолеты, а у нас ведь и охотничьих ружей не было!» – могли сказать карачаевские старики и старухи, но их никто не стал слушать. Не остановили врага – значит, вы его пособники – сказали «мудрые отцы народа» и выслали в степи Средней Азии и Аскербия, и всех его соплеменников.

Как сложилась в дальнейшем судьба Аскербия Койчуева, рассказывается в очерке кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований Оюса Айшаева, который приводится ниже с незначительными сокращениями.

* * *

Семья Койчуевых оказалась заброшенной в казахстанские безжизненные пески, где росли лишь верблюжьи колючки. Полуторагодовалый Аскербий по божьей милости выжил тогда. На чужбине погиб отец, там погребены, найдя свой вечный покой, многие его родственники.

Тяжким и неимоверно долгим был путь к возвращению на этническую родину, которое состоялось через 14 лет лишений,

после XX съезда КПСС. Нынешнему поколению молодых людей трудно представить, что государство лишило своего полуторагодового гражданина свободы, отправив его в ссылку. Но это так.

Карачаевский народ, а вместе с ним и семья нашего героя вернулась на землю своих предков в 1957 году. Тогда Аскербийю было неполных 16 лет. Койчуевы поселились в ауле Сары-Тюз, но здесь уже не существовало их дома. Как и многие другие, он был разрушен. Жизнь пришлось начинать сначала: строить жилье, обзаводиться хозяйством, воссоздавать колхоз...

Аскербий продолжил учебу в Сарытюзской сельской школе, получил там среднее образование. Затем его призвали в армию. Попал на флот, где честно и добросовестно служил, выполняя святой долг перед Отечеством. Его безупречная служба отмечена благодарностями от командования, Почетными грамотами.

После армии юноша оказался перед выбором: чему посвятить себя. Выбор, правда, был сделан им давно и предстояло осуществить его. Еще со школьной скамьи Аскербий мечтал стать историком, чтобы восстановить правдивую историю своего народа. Теперь представилась возможность реализовать заветную мечту – он поступает учиться в один из престижных вузов страны – Ленинградский государственный педагогический институт имени А. И. Герцена, на исторический факультет. Войти в новую, цивилизованную среду крупнейшего культурного центра страны, привыкнуть к ней было не просто провинциальному молодому карачаевцу. Да и учеба давалась на первых порах не так легко. Но Аскербий проявлял невероятное упорство, прилежность и усидчивость. Аккуратно посещал все занятия, безупречно выполнял требования своих преподавателей. Занимался в читальном зале, подолгу ночами засиживался над лекциями и учебной литературой в студенческом общежитии. В результате Аскербий стал одним из лучших студентов вуза.

После его окончания ему предложили остаться работать на кафедре и продолжить учебу в аспирантуре. Но Койчуев знал, что в его родном краю в большом дефиците в то время были учителя-историки. Поэтому вернулся в свой аул и стал работать учителем в Сарытюзской средней школе, преподавать детям историю и обществоведение. А затем поступил в заочную аспирантуру Ленинградского госпединститута им. А. И. Герцена. Молодой педагог активно включился в общественную жизнь, коммунисты школы избрали его секретарем партийной организации.

Способности Аскербия Дагировича были замечены. Вскоре его избрали заведующим отделом, а со временем и вторым секретарем Карачаевского горкома КПСС. Партийному лидеру приходилось тогда решать обширный круг вопросов. Но морального удовлетворения он не получал. Его все больше влекла

научно-педагогическая деятельность. А потому вскоре перешел в Карачаево-Черкесский государственный педагогический институт, стал заведующим кафедрой. Через год А. Д. Койчуева избрали проректором по учебной работе КЧГПИ. За семь лет работы в этой должности (1983–1990) он добился значительных успехов в улучшении учебного процесса в вузе. Об этом красноречиво свидетельствуют итоги выборов ректора в 1990 году – подавляющее большинство профессорско-преподавательского состава института проголосовало за А. Д. Койчуева.

Десять лет Аскербий Дагирович бесменно руководил госпединститутом и вывел свой вуз в число лучших на Северном Кавказе. Когда А. Д. Койчурев был ректором в институте, а затем в университете, открылись: аспирантура по 16 специальностям, совет по защите кандидатских диссертаций по двум специальностям, стали издаваться газета «Университетский вестник», журнал «Вестник университета», на базе КЧГПУ ежегодно проводилось по три-четыре региональных и всероссийских научных конференции, значительно пополнилась материально-техническая база вуза. Таковы плоды гряда талантливого руководителя и организатора вузовского образования и науки. Хорошее наследство передал он своему преемнику, нынешнему молодому ректору КЧГПУ.

Оставаясь в КЧГПУ в должности профессора кафедры истории Отечества, Аскербий Дагирович в 2000 году в городе Карачаевске открыл филиал Пятигорского государственного технологического университета и взял на себя новый груз хлопот, забот и проблем. Преодолеть их помогли опыт, организаторские способности, а также личные связи и контакты. Используя их в совокупности, Койчуеву удалось за короткое время решить организационные вопросы, укомплектовать вуз профессорско-преподавательскими кадрами, набрать студентов и наладить учебный процесс.

А. Д. Койчурев не только талантливый администратор и педагог. Он активно занимается научно-исследовательской и методической работой, написал и опубликовал в различных изданиях Карачаево-Черкесии, Северного Кавказа и России около ста научно-методических работ, в том числе – шесть книг, из которых три – монографии. Они посвящены актуальным проблемам отечественной истории, педагогике, этнопедагогике и этнопсихологии, межнациональным отношениям, дружбе народов и их сотрудничеству.

Доктор исторических наук, профессор А. Д. Койчурев имеет много работ, посвященных Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, созданию правдивой истории депортированных народов.

Аскербий Дагирович является главным редактором, редактором, членом редколлегии и составителем 17 научных и научно-методических изданий. Он принимает активное участие во многих международных, всероссийских, региональных, общеву-

зовских научных конференциях, в конгрессах, симпозиумах, «круглых столах». Глубоко содержательные доклады и сообщения, с которыми выступает авторитетный ученый, вызывают большой интерес в научной среде, заинтересованно обсуждаются и имеют положительные отзывы видных научных деятелей современности.

А. Д. Койчужев всецело посвятил себя развитию и приумножению достижений северокавказской и российской науки. Целенаправленно занимается подбором и подготовкой научно-педагогических кадров, специалистов высокого профиля. Его выпускники работают во многих отраслях народного хозяйства не только в Карачаево-Черкесии, на Северном Кавказе в целом, но и в других регионах России. Их уже тысячи и они вносят свой посильный вклад в развитие страны.

В этом смысл жизни ученого. Аскербий Дагирович серьезно относится к подготовке аспирантов, докторантов. Им он уделяет много внимания и времени, добиваясь хороших результатов. Достаточно указать, что только за последние пять лет шесть его аспирантов, защитив диссертации, стали кандидатами исторических наук. Сейчас доктор наук, профессор А. Д. Койчужев руководит 7 аспирантами и соискателями.

А. Д. Койчужев – публицист, член Союза журналистов России, имеет более 60 публицистических печатных работ по самым животрепещущим темам.

Он хорошо известен в Карачаево-Черкесии и на Северном Кавказе не только как организатор высшего профессионального образования, маститый ученый, публицист, но и как общественный деятель. А. Д. Койчужев был депутатом трех созывов Карачаевского городского Совета, в 1995–1999 гг. являлся депутатом Парламента Карачаево-Черкесской Республики. Убедительно выступает за стабилизацию межнациональных отношений, мир, дружбу и единство народов КЧР, Северного Кавказа, целостность и неделимость России. Автор этих строк, будучи делегатом I съезда ученых-кавказоведов в г. Ростове-на-Дону в августе 1999 года, стал очевидцем эмоционального выступления делегата из КЧР доктора исторических наук, профессора А. Д. Койчужева по актуальной и волнующей всех теме «Геополитические проблемы Северного Кавказа», лейтмотивом которого явились бесспорные слова: «... ученые Северного Кавказа не должны и не имеют права стоять в стороне от борьбы за мир, стабильность и межнациональное согласие не только на Северном Кавказе, но и в России в целом. Научные знания истории, политики, экономики и культуры должны помочь народам лучше знать и понимать друг друга, а политикам принимать ответственные и взвешенные решения». В те тревожные митинговые дни противостояния накануне и после президентских выборов в республике единственный выход для народов Карачаево-Черкесии ученый видел только в единстве с Россией, в развитии

экономических, культурных связей и контактов с Ростовской, Астраханской и Волгоградской областями, со Ставропольским и Краснодарским краями, всеми республиками Северного Кавказа, в ведении кропотливых и конструктивных переговоров за «круглым столом» всех заинтересованных сторон под эгидой российского федерального правительства с учетом интересов каждого субъекта федерации.

Заслуги А. Д. Койчуева перед Отечеством не остались незамеченными. О его жизни и деятельности написано в десяти книгах и журналах, опубликовано около ста статей в различных газетах Российской Федерации. Аскербий Дагирович Койчуев награжден орденом Дружбы, Почетной грамотой Президиума Ассоциации центров и клубов ЮНЕСКО России, знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

12. Справедливый и строгий (профессор Рашид Аликаев)

Он всегда был не таким, как все. И даже в школу пошел необычно – увязался за старшим братом Раулем, его не прогнали, и он стал учиться. А ему было всего-то 5 лет. И первый учитель был необычным человеком – Жага Якубович Занкишиев, который, наверное, знал все сказки, поговорки и пословицы, да и сам частенько, к случаю, их сочинял. И в особенности запомнилось детворе села того времени то, как Жага Якубович поощрял лучших учеников: ответил хорошо – получай леденец из жестяной коробки. Очень это нравилось детворе, и все старались хорошо учиться. Да и рос он в необыкновенной семье – кроме него в доме были еще 12 человек – бабушка Халимат, отец и мать, и еще девять его братьев и сестер, мал мала меньше.

А таких, как бабушка Халимат, наверное, больше и на свете не было; она, хоть нигде и не училась, знала в жизни все – народным академиком была. Главным в человеке она считала его душевное качество и никакого значения не придавала богатству, которого, впрочем, у нее никогда в достатке и не было. «Что ты вчера одевал и что ты ел – это сегодня никого не интересует», – говаривала она, намекая на то, что не следует уделять излишнее внимания ни шику, ни животу своему. Впрочем, вполне в русле горской морали, которая требует, чтобы человек в жизни уделял главное внимание основе жизни – честности, порядочности и трудолюбию. И она сама была такая. В 1942 году, после гибели мужа, она осталась с шестью детьми на руках, старший Мустафа был на войне. В 1944 году, как и остальной народ, Халимат с детьми оказалась в ссылке. И там, когда сотни, тысячи людей у которых сил и возможностей было больше, чем у нее, умирали от голода и болезней, она смогла выжить сама и спасти всех своих детей. Редкий случай из жизни ссыльных. Конечно, помогал ей и

старший из детей Султан, хотя ему тогда было всего-то 12 лет – он стал работать помощником комбайнера и, хоть одну горсть, но приносил домой пшеницу. Так и выжили кое-как. Султан женился рано, еще когда в школу ходил, на девушке, которая летом тоже помогала семье, работая на свекловичной плантации. Звали ее Хулиमत Залиханова. Директор школы, тоже спецпереселенец, демобилизованный офицер Ибрагим Ксанаев, узнав, что Султан женился, прогнал его из школы. «Ты уже взрослый, иди работай, помогай семье», – сказал он. И Султан пошел работать, и работал без усталости всю свою жизнь. И вырастили они вместе, Султан и Хулиमत, десять детей. Первым был Рауль. Рашид был вторым. Но случилось так, что в жизни Рашид оказался первым. То есть, преуспел больше в своем деле, чем все остальные в семье. Он вообще единственный на всю республику, хоть в Красную книгу его заноси.

Он – доктор наук по германским языкам, профессор, директор Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета Рашид Султанович Аликаев. Другого доктора наук, профессора по германской филологии у нас в КБР нет. А в той области немецкого языка, где занимается вот уже более 20 лет, таких как он специалистов и в самой Гекрмании почти нет – это история становления немецкого языка науки XVII–XVIII вв., а также готский язык – один из древнегерманских языков.

А ведь все складывалось так, что он мог быть кем угодно, но только не специалистом по немецкому языку, так как в Верхне-жемталинской школе, где он учился, немецкий преподавали лишь кое-когда – не было учителей. А потому у него в аттестате зрелости, как и у других 26 выпускников 1969 года, отметки по иностранному языку не было. Потому и не принимали у него документы в университет, ведь он хотел на факультет иностранных языков, на отделение немецкого языка. Правда, на самом-то деле он хотел на медицинский, который как раз открылся в том году, но сунуться туда он раздумал, здраво рассудив, что ему, простому смертному, навряд ли достанется там место, раз дети всех высоких начальников именно туда и валят гурьбой. Редкое хладнокровие и верная оценка ситуации для юноши в 16 лет! Именно столько ему тогда и было. Но кто же примет его в иняз, коль в аттестате даже нет отметки по этому предмету?! И он помчался в районо, там поставили ему отметку, удостоверили, на всякий случай, эту новую оценку еще одной печатью. И документы приняли. На вступительном по немецкому получил четверку и прошел. Может быть, помогло и то, что в школе он был секретарем комсомольской организации, а в приемной комиссии сидел секретарь обкома комсомола.

Но, став студентом, вдруг с ужасом обнаружил, что он действительно ничегошеньки не знает, как говорится, ни в зуб ногой. А преподавательница по немецкому попала на редкость

особая – она не очень-то утруждала себя тем, чтобы как следует объяснить тему лекции, а была требовательная сверхмеры.

К примеру, она довольно часто требовала, чтобы студенты заучивали наизусть десятки, сотни страниц текста из немецких романов. Рашид Султанович с грустной улыбкой вспоминает эту преподавательницу и говорит: «Конечно, учитель в школе, профессор в университете должны быть строги и требовательны, но ведь в то же время надо быть и профессиональным в своем деле, давать ученикам, студентам глубокие знания, да и добрым надо быть. Злые, недобрые от природы люди не имеют права быть учителями, преподавателями».

Первый семестр был для студента Рашида Аликаева временем тяжелого испытания – он прекрасно осознавал, что именно в эти первые месяцы выяснится, останется он в университете или нет, а потому обрек сам себя на настоящую каторгу: он работал, а кто не знает, что учеба – это тяжелейшая работа? Спал лишь несколько часов в сутки. И сдал экзамен в конце семестра на тройку. Конечно, был этим сильно расстроен. Но заведующий кафедрой Х. Х. Езиев сказал:

«Твоя тройка – это пятерка тебе! Не расстраивайся». И он был прав – первый успешно сданный экзамен свидетельствовал о том, что Рашид целеустремлен, усерден и вскорости без особого труда может обогнать своих сверстников, коль и впредь будет так стараться. Так и случилось. Он окончил университет с отличием. Только вдвоем, с Людой Ивановой.

Университет может закончить и любой студент, и даже с отличием. А Рашид Аликаев – был особым студентом. Он рос в семье, где знали что такое жизнь и как в дом приходит достаток. Хотя и говорят, что бедность не порок, но лично Рашид вовсе и не собирался всю жизнь бедствовать. А потому он и «не бездельничал», все пять лет только и учась, а и работал. В летние месяцы, конечно. В пионерском лагере «Лесная поляна», что в селении Белая Речка. Конечно, бывая дома, всегда привозил младшим братишкам и сестренкам подарки, но все равно расходовал деньги очень экономно. Рубль в день, не более, – это у него было «железно». За 7 лет, пять лет в университете и еще два года в период работы в Шалушке, накопил денег на 2-комнатную кооперативную квартиру. И это сделал молодой человек, которому после университета было всего-то только 21 год! Такого студента КБГУ навряд ли видел за все годы своего существования. Ко времени окончания учебы он знал немецкий уже не хуже своих преподавателей и в глубине души надеялся, что ему предложат остаться в университете и поступить в аспирантуру. Но его надеждам не суждено было сбыться. И он стал учителем немецкого языка в Шалушке.

«Годы работы в Шалушке – самое счастливое время в моей жизни, – говорит Рашид Султанович. – Директор школы, историк, который учился в Ленинграде у самого академика Тарле,

Леонид Асланбскович Тишков, очень эрудированный и глубоко интеллигентный человек, хорошо ко мне относился, и я очень был этим горд. Но и со школьниками я находил общий язык. К примеру, если случалось какое-нибудь мероприятие в школе и я задерживался допоздна, то ребята обязательно находили машину и довозили меня до города. Тогда я жил у своего дяди — известного журналиста Владимира Аликаева. Даже и сегодня, спустя столько лет, а я проработал в Шалушке всего четыре года после университета, многие из бывших моих учеников просят наизусть хотя бы одно стихотворение Гейне или Гете».

Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. Тем более плох тот знающий, который не мечтает знать еще больше. Мечтал об этом и Рашид Аликаев — мечтал об аспирантуре. Но в аспирантуру в то время принимали только по целевому направлению, а направляли, как известно, в основном опять же или самих больших начальников, или же их детей, но, на худой конец, друзей и детей друзей больших начальников. А Рашид Аликаев, сын строителя и простой сельский учитель, и сам не был начальником, и отец не имел ни друзей, ни родственников ни в Большом Доме, ни в университете. Лишь после того, как чей-то подопечный не смог пройти в аспирантуру, Аликаеву разрешили подать документы вместо него, если сможет отстоять это место для республики. Он, конечно, был рад и такой возможности. Как и всегда, он полагался на себя и на везение.

Но в Москве, в Институте языкознания Академии Наук СССР, ему сказали, что никаких мест по целевому направлению для Кабардино-Балкарии нет, но если хочет, он может попытаться поступить самостоятельно, на общих основаниях. Для этого сперва надо было пройти собеседование. Ему сообщили, что с ним беседовать будет профессор Гухман. Он, конечно, знал о знаменитом профессоре М. М. Гухман, читал труды этого автора — каких только книг он не читал, выписывая их по почте, за время учебы в университете. Он кинулся обратно в гостиницу, побежал в библиотеку, нашел все, что можно было прочесть о профессоре. И составил список литературы, которую он прочитал по немецкому языкознанию. И на следующий день утром в сказанное время пришел в сектор германских языков Института языкознания АН СССР. Это была небольшая комнатка, сплошь заполненная книгами. Там была какая-то старушка. По тому, как непритязательно она была одета, Аликаев подумал, что она наверняка уборщица или же библиотечарша. В академических вузах всегда бывают именно вот такие библиотечарши — древние и все знающие.

«Вы что хотели, молодой человек?» — спросила старушка.

«Я пришел на собеседование к профессору Гухман», — сказал несколько небрежно Рашид.

«Слушаю вас», — сказала эта старушка, более деловито и по-хозяйски усаживаясь за столом.

Она и оказалась знаменитым профессором М. М. Гухман.

Мирра Моисеевна Гухман – дважды лауреат премии им. Якоба Грима (ГДР) и лауреат премии им. Конрада Дудена (ФРГ), которые присуждаются за выдающиеся исследования в области германистики и немецкого языкознания. Во всем мире к тому времени лауреатов им. Дудена было 19, она стала двадцатой и первой в странах соцлагеря. Происходила она из старинного и знатного еврейского рода, отец ее был первым хирургом города Баку еще до революции, он был выпускником Гейдельбергского института, а мать окончила высшие педагогические курсы в Лейпциге. Она сама помнила армянские погромы в Баку в 1914 году, и как ее, очень похожую на армянку, спасал германский консул в Баку. Потом семья Гухман переехала в Москву. Здесь она вышла замуж за Вениамина Гуровича, сына известного профессора, автора первого учебника химии в России. Но потом они разошлись, и к тому времени, когда Рашид предстал пред ее очами, она уже давно была замужем за милейшим профессором Николаем Сергеевичем Чемодановым...

Мирра Моисеевна была приятно удивлена тем, что молодой человек безупречно говорит по-немецки, долго с ним беседовала на немецком, потом попросила отвечать по-русски. И неспроста – многие поступающие в аспирантуру не всегда в достаточной степени владели русским. Профессор осталась довольна и русским молодого человека. Он был допущен к экзаменам.

Экзамен по немецкому у него принимали там же, в тесной комнатке сектора германистики. На диване сидели академик Виктория Николаевна Ярцева, заведующая сектором германских языков, профессор Наталья Николаевна Семенюк, профессор Мирра Моисеевна Гухман – всего 6 ведущих ученых Института языкознания АН СССР. Рашид сидел за приставным столиком перед диваном. Первые пять заданий он выполнил безупречно, но на шестом «застрял», надо было перевести текст, проанализировать его, но сделать это Рашид затруднился, так как текст был на древнем верхненемецком диалекте, с которым он столкнулся впервые здесь. Он запомнил только – на всю жизнь – одно предложение из этого текста: «Ни сидр, ни вино не пьет, и духом святым наполнен.» И тут профессор Гухман «поймала» его и стала засыпать вопросами. Рашид выкручивался как мог, а потом, когда уже деваться было некуда, прямо заявил: «Я не могу сделать анализ этого текста, так как до сих пор не сталкивался с этим диалектом. Ставьте тройку, если хотите».

Мирра Моисеевна была крайне возмущена дерзким ответом молодого человека и сухо сказала: «Выйдите и подождите в коридоре». Рашид вышел и стал ждать – что же еще ему оставалось делать? Долго, очень долго, как ему казалось, ждал он. И вот, наконец, открывается дверь, Мирра Моисеевна выходит и проходит мимо него, как мимо столба, вслед за ней выходит профессор Семенюк и говорит: «Аликаев, заходите». Зашел, ждет.

И ему объявляют, что он сдал экзамен на четверку. Наверное, профессор Гухман была против такой оценки. Следующий экзамен – по истории КПСС – он сдал на отлично и был зачислен аспирантом. Руководителем его стала профессор М. М. Гухман... Возможно, ей не нравился характер своего подопечного, или же она сама была слишком уж человеком своего времени, когда и сам воздух, казалось бы, пропитан недоверием к человеку, дьявольским искушением любым способом навредить ему, утопить, но ни в коем случае не проявлять слабости – доброту. Или, быть может, юный и неопытный в жизни и науках аспирант строгость и требовательность многоопытного профессора воспринимал слишком уж болезненно. Скорее всего, здесь, наверное, всего было понемногу. К примеру, как обычно проходит жизнь аспиранта, как он карабкается к вершинам науки – набирается знаний? Сидит в библиотеках, в архивах – находит и собирает знания, иногда, ну, скажем, раз в месяц или два, встречается со своим руководителем, советуется с ним, кое-что согласовывает. А Мирра Моисеевна сразу же поставила условие, чтобы два раза в неделю – во вторник и четверг – Рашид приходил к ней и отчитывался, чем он занимается и что делает. Случалось, в плохую погоду она в институт не приходила, но и тогда она требовала, чтобы он приезжал к ней домой. И всегда была недовольна им, часто говорила, что он «табуля раза» – чистая доска, ничего-то, мол, он и не знает. А вдобавок решила, что он, Аликаев, коль хочет быть настоящим германистом, должен еще хорошо знать и латынь, и особо хорошо – один из древнегерманских языков – готский. Тем более готы же, они как бы наши, родные – причерноморцы, по соседству с Кавказом жили.

В качестве кандидатской диссертации М. М. Гухман предложила подготовить исследование на тему: «Язык немецкой науки конца XVII и начала XVIII вв.» Через некоторое время Аликаев предложил своему руководителю чуть изменить название темы и озаглавить ее так: «Немецкая философская терминология эпохи раннего Просвещения». Это тоже XVII–XVIII вв., но диссертация была бы более конкретным исследованием в этой области, так как охватывала бы не всю научную терминологию, а только философскую. Хоть в те времена, как известно, философия была «наукой наук», Мирра Моисеевна, разумеется, не очень-то была довольна дерзостью аспиранта, вздумавшего, хоть и косвенно, конечно, все-таки откорректировать ее, но в конце концов согласилась.

1979 год в жизни Рашида Аликаева был одним из самых тяжелых. В том году умер младший брат Джабраиль, который облужился в армии и вернулся больным раком крови. Заболела от горя мать и находилась в больнице. А тут еще Мирра Моисеевна с вечными придирками и оскорбительными суждениями о его способностях. Так, когда в издании Академии наук была опубликована статья аспиранта Р. С. Аликаева «Пути форми-

рования немецкой философской терминологии эпохи раннего Просвещения», Мирра Моисеевна в кругу коллег высказалась в том смысле, что Аликаеву наверняка кто-то помог написать эту статью, уж слишком она написана квалифицированно и со знанием дела. А когда он после смерти брата, соблюдая горский обычай, ходил некоторое время небритым, она даже сказала, что ничего-то у него не случилось, а это он, мол, нашел повод отлынивать от настоящей исследовательской работы. Тогда-то он и не выдержал.

В тот день, как и обычно, он пришел к ней и сел за приставной столик. «И от нервного напряжения, – рассказывает сейчас уже с усмешкой Рашид Султанович, – у меня руки тряслись, и я никак не мог совладать с собой. И когда она спросила, почему это у меня трясутся руки, я ответил прямо, что от нервного напряжения». И спросил тогда аспирант Аликаев у своего руководителя: «Скажите, Мирра Моисеевна, кто-нибудь в СССР занимается исследованиями в области формирования немецкого языка науки?» Она ответила, что нет. «А в самой Германии кто этим занимается?» Она затруднилась ответить. «Тогда кто же, интересно, помог мне написать статью?» – с горечью спросил аспирант и стал собирать свои книжки и тетрадки. «Что вы делаете, молодой человек?» – спросила профессор. «Ухожу! – ответил аспирант. – Уж лучше тысячу лет учительствовать в сельской школе, чем с такой нервотрепкой учиться в аспирантуре». «Садитесь, голубчик, и успокойтесь, – сказала повелительным тоном профессор. – Со мной мои учителя обходились куда строже, молодой человек». И стала рассказывать как «истязал» ее академик Виктор Максимович Жирмунский... После этого Мирра Моисеевна чуть смягчилась и более не задевала самолюбие гордого джигита.

В 1982 году, успешно защитив кандидатскую диссертацию, Рашид Султанович Аликаев вернулся в Нальчик, хотя и была возможность остаться работать в Институте языкознания Академии Наук в Москве или же в Ленинградском университете, куда его приглашал заведующий кафедрой, известный стилист, профессор Андрей Венедиктович Федорович – ведь он нужен был и дома, в его помощи нуждались и мать, и младшие братья и сестры. Но в Нальчике молодого ученого никто не ждал с распростертыми объятиями. В родном университете молодому ученому предложили работу лаборанта. Лишь после вмешательства самого ректора Тлостанова его взяли на должность ассистента кафедры немецкого языка. Он читал лекции по основным дисциплинам – это «История немецкого языка» и «Введение в германскую филологию», а также «Норма немецкого литературного языка» для старшекурсников.

В 1984 году 23 февраля у Мирры Моисеевны был юбилей – ей исполнилось 80, и Аликаев, конечно же, поехал в Москву, встречал ее высоких гостей, как и раньше, когда был аспирантом, в аэропорту, привозил на квартиру. А когда праздник прошел, был

метить, что этих грантов всего-то выделяется 10 на весь мир. Так что, удостоиться такого гранта не так-то легко. Городок Вольфенбюттель находится в земле Нижняя Саксония, премьер-министром этой земли тогда был нынешний (2004) федеральный канцлер Германии Герхард Шредер, он лично и вручил грант Аликаеву, как и другим победителям конкурса. Удостоенным гранта выделялась двухкомнатная квартира, стипендия в 3 тысячи марок в месяц, и они могли здесь жить со своими семьями. Аликаев так и сделал – почему же не воспользоваться счастливым случаем и всей семье: ведь 3 тысячи марок – это почти 40 его годовых окладов, так что, на его стипендию могли жить безбедно и всей семьей. В это время у Рашида Султановича и Аминат Магомедовны было двое детей – Мирра, она ходила в 3-й класс, и Тамерлан, а он ходил во 2-й класс. Дети тоже стали учиться в немецкой школе.

Как-то он попросил заместителя директора библиотеки помочь ему найти книгу В. Менцеля «Простонародная наука», и когда на следующий день зашел к нему, тот передал Аликаеву, что заведующий кафедрой немецкого языка Брауншвайгского технического университета профессор Гельмут Хенне очень хотел бы с ним увидеться. Это было невдалеке, и Аликаев поехал.

Профессор был удивлен не только чистым немецким пришельца из далекого и загадочного Кавказа, родины легендарного Шамиля, но и его познаниями в германистике, и решил преподнести сюрприз своим коллегам. Он предложил прочитать несколько лекций на семинаре докторантов, выбрали три темы: «Томазиус и статус немецкого языка в научных публикациях», «О двух автодиктатах в истории немецкого языка» и «Лейбниц и Христиан Вольф и их вклад в развитие языка немецкой науки». Казалось бы, что нового и интересного может сказать им пришелец из российской провинции, но, оказалась, что очень даже многое. А потому профессор попросил господина Аликаева выступить и перед студентами – пусть они сами увидят, что даже человек с дальнего Кавказа любит и знает немецкий язык, а раз так, то им, мол, сам бог велел знать и любить свой язык. Рашид Султанович оправдал надежды профессора и студенты и преподаватели с интересом прослушали обзорную лекцию Аликаева о состоянии немецкого языка в XVII–XVIII вв.

На одном из научных семинаров он также познакомился и с профессором Вюрцбургского университета Норбертом Рихардом Вольфом, он тогда заведовал кафедрой немецкого языка. Это был довольно молодой человек, выходец из Австрии. Впоследствии он стал и Президентом Института немецкого языка. Под попечительством вот таких светил германистики и проходила стажировка молодого ученого из Нальчика. Аликаев даже попытался, вполне обоснованно, внести кое-какие коррективы в историю немецкого языка науки. Так, основоположником немецкого язы-

ки науки официально считается Христиан Тамазиус, видный философ конца XVII века. А Рашид Султанович считает, что все-таки основоположником немецкого языка науки следует считать Христиана Вольфа, тоже крупного философа конца XVII века, у которого, кстати, учился в свое время и Михайло Ломоносов, один из первопроходцев русской науки. Профессор Гроссе, как это и делают большие немецкие ученые, корректно сказал Аликаеву, что по этому поводу у немецких ученых есть иное мнение. А в подтексте сказанного следовало понимать: «Еще какой-то джигит-абрек из Кавказа будет нас, немецких профессоров, учить что к чему в нашем же родном немецком языке». Но упрямый джигит говорил: «А вы посмотрите на язык Тамазиуса – это же почти сплошь обрывки и французского, и латыни, и итальянского лишь сцементированные немецким! А язык Вольфа – это уже вполне немецкий язык науки! Разве не так?» Да, конечно, говорил профессор Гроссе, язык Вольфа, наверное, более немецкий, но основоположником все-таки принято считать Тамазиуса. Так Рашид Султанович постигал и немецкий менталитет – у немцев не принято вот так, с первого же наскока, скидывать кого-то или что-то с пьедестала. Сперва следует семь раз отмерить да проверить, и лишь потом решаться на что-то кардинальное.

Вскоре после возвращения домой его назначили заведующим кафедрой немецкого языка КБГУ. Конечно, с повышением в должности возрастала и ответственность, усложнялась и сама работа, но Рашид Султанович был молод, полон энергии, и любая работа была ему по плечу. Тем более, дело-то свое он любил и отдавался ему всей душой.

Прошло несколько лет, и несколько заскучавший Рашид Султанович уже подумывал о том, чтобы опять броситься в «битву» за грант, чтобы поехать в Германию. Но в это время, весной 1999 года, его вызвал к себе Барасби Сулейманович Карамурзов, ректор КБГУ, сказал, что он слишком уж затягивает с докторской диссертацией, и потребовал, чтобы он поскорее – хотя бы до конца года – подготовился к защите.

Конечно же, Рашид Султанович уже давно накапливал материал для докторской диссертации, но делал он это несуетливо, основательно, чтобы, как говорится, не было стыдно перед уважаемыми людьми – членами диссертационного совета. Так что, фактически, у него было вполне достаточно материала, только все это надо было как следует еще раз переработать и привести к строгой и четкой системе. И вновь, как когда-то в студенческие годы и в аспирантуре, он с головой окунулся в дело, за каких-то 3–4 месяца надо было быстро и добротнo сделать то, что люди делают годами.

Но ведь не просто так же существует поговорка: «Глаз-трус, а рука – смела». Или, если по-русски: «Дело мастера боится».

А Рашид Султанович в своем деле – в немецком языкознании – уже был настоящим мастером. И, продолжая работать, за три-четыре месяца он почти что подготовил исследование на тему: «Стилистическая парадигма языка науки» на материале немецкого языка. Лишь в последний месяц отпросился с работы, чтобы целиком отдаться окончательной отделке диссертационной работы.

Все, можно выходить на защиту. Но он не хочет защищаться в Москве, так как здесь наука развивается более углубленно, а потому и более разветвленно, и диссертационные советы создаются только по одной узкой специализации. А ему хотелось получить ученую степень сразу по двум направлениям – по общему языкознанию и по немецкому. А в провинции, как правило, диссертационные советы объединяют несколько родственных направлений в науке, и в них можно защититься сразу же и по двум позициям. Профессор Солнцев посоветовал Аликаеву поехать в Краснодар, где имелся именно такой, многопрофильный диссертационный совет. Конечно, гораздо сложнее защищаться перед совершенно незнакомыми людьми, чем, скажем, в том же Институте языкознания Академии наук, где и ты почти всех хорошо знаешь, и тебя тоже. Но Рашид Султанович привык делать не «как легче», а «как надо», а потому и выбрал Краснодар.

Приехал, договорился, что он будет защищаться в конце второго дня работы совета. Но за день до начала работы совета его извещают о том, что его защита состоится с утра в первый же день работы совета. Конечно, он был готов к защите в любой день, но все-таки...

18 ведущих специалистов региона в области языкознания собрались на совет. Официальными оппонентами Аликаева выступали академик АН РФ Александр Маркович Шахнарович, заместитель директора Института языкознания АН; профессор Валентина Федоровна Новодранова, заведующая кафедрой латинского языка и основ терминологии МГМСУ и профессор Римма Сафраиловна Сакиева из Армавирского пединститута. Защита затянулась на 3 с половиной часа. Особо усердствовали, требуя то уточнений, то пояснений трое молодых профессоров, которые, как показалось Аликаеву, почему-то сразу же были настроены против него. А одна, несколько не смущаясь, даже спросила: «Скажите, а почему в вашем исследовании не цитируете профессора Буянову?» Но Рашид Султанович и тут нашелся, что сказать: «Извините, – ответил он, – но ваша книга такой раритет, что мне не удалось ее отыскать». Такой ответ ее вполне удовлетворил. Как обычно, после защиты его попросили оставить совет на совещание. И вновь долгие минуты мучительного ожидания. «Из 18 те трое точно будут против, ну пусть еще кто-то. Если не больше, то это еще сойдет», – так размышлял Аликаев, не допуская все-таки мысли о полном

провале. И вот двери открываются, и все начинают его поздравлять, и более всех горячо – те трое! «За» – все, единогласно.

«Почему же вы так нещадно меня терзали?» – спросил, не удержавшись, Аликаев. «А как же? Мы же должны знать кто ты такой!» – ответили те.

Это было в декабре 1999 года, а в мае 2000 года ВАК утвердил его защиту, и в том же году он стал профессором.

А в 2002 году профессор Рашид Султанович Аликаев стал директором Института филологии Кабардино-Балкарского государственного университета им. Бербекова. И, быть может, впервые за всю историю университета здесь появился новый вид хулиганства – прямо на дверях директора появились поздравительные записки, сделанные неизвестными студентами. Потом уборщица, незлобно ругаясь, долго смывала эти следы согласия студентов иметь такого «начальника» над собой – пусть и строгого, но справедливого, это точно!

Про его строгость, вездесущность и поистине отеческую заботу о своих «немцах» ходят легенды. Если, к примеру, здоровый парень, прогуляв несколько дней, несет липовую справку о том, что он был болен, Рашид Султанович, показывая рукой в сторону больницы, говорит: «Если больной – иди туда, а если ходишь в университет – учись!» И пусть только этот ленивый студент попробует мигом не догнать своих сокурсников! И не дай бог попасться ему в глаза шатающимся в коридоре во время лекции! Зато каждый студент, добросовестно карабкающийся к высотам науки, всегда может рассчитывать на его помощь, коль где-то он застрял и не может самостоятельно выбраться из положения.

Вот так живет и работает один из лучших сынов Балкарии нашего времени – профессор Рашид Султанович Аликаев.

А как сложилась судьба его братьев и сестер – интересная ведь семья? К счастью, хорошо. Ступив на тропу, проложенную старшим братом Рашидом к знаниям, высшее образование получили пятеро – Магомед, Борис, Руслан, Лариса и Мухтар, а Танзиля учится заочно в сельхозакадемии. Все работают. Кроме одного младшего брата – Мухтара – все имеют семьи, воспитывают детей. Всего у бабушки Хулимат 18 внуков. Двое из них – дети Рашида Султановича – Мирра и Тамерлан. Оба учатся в КБГУ на отделении английского языка, учатся, конечно, хорошо. Мирра больше берет старанием, как и положено девушке, а Тамерлан – унаследованным от отца качеством все мгновенно схватывать, но ему иногда мешает невесть от кого доставшееся чувство самодовольства и успокоенности достигнутым. Возможно, это просто юношеская болезнь, и Тамерлан сумеет ее одолеть. И тогда он бодро и легко зашагает туда, к манящим вершинам науки, где в лучах восходящего солнца виднеется и силуэт его отца.

13. С любовью к слову (профессор Светлана Башиева)

Многие выдающиеся ученые утверждали, что географические условия оказывают довольно существенное влияние на формирование менталитета народа, и с этим можно, на наш взгляд, согласиться. Разве можно, к примеру, отрицать важную роль первозданной высоты и чистоты белых гор Кавказа, голубизны неба и прохлады горных рек в формировании тех черт характера кавказцев, которыми восхищались многие европейские путешественники, – честности и открытости, трудолюбия и гостеприимства.

Жизнь и судьба Светланы Конакбиевны Башиевой могут послужить еще одним свидетельством тому, что «гены» родной земли, если можно так сказать, оказали существенное влияние на формирование ее человеческих черт. Правда, она родилась в с. Рыбачье (ныне г. Балыкчи) Киргизской ССР, на берегу знаменитого озера Иссык-Куль, но корни родовые из Верхнего Баксана, из той самой земли, которая прославилась тем, что вырастила целую плеяду выдающихся людей из рода Урусбиевых, не говоря уже о многих других замечательных людях, имена которых известны во всех Пяти Горских Элях. Дед Светланы Паго был уроженцем того самого знаменитого села Урусбиево, которое теперь носит название Верхний Баксан, в котором родились и жили Исмаил Урусбиев и его сыновья Сафар-Алий и Науруз, и Хамзат Урусбиев, первым наладивший в горах производство швейцарского сыра, и многие другие известные люди. А дед и прадед по материнской линии Гаевы Чоску и Бешли родом из не менее известного села Шики, в котором жил и творил великий основоположник балкарской литературы Кязим Мечиев. Примечательно и то, что прапрадед Светланы Конак Шаваев (Шауаланы Къонакъ), чей прах ныне покоится в Саудовской Аравии в священной земле Мекки, был личностью легендарной, о котором из поколения в поколение передают сказы о его исключительной храбрости, порядочности. И видно, в жилах Светланы течет кровь, обогащенная соками родной земли, требовавшей от своих сыновей и дочерей неустанного движения вперед к высоким целям, гены нескольких балкарских родов, известных своей порядочностью, трудолюбием, умением сострадать, – Башиевых, Гаевых, Рахаевых, Шаваевых, Толгуровых, и карачевского рода Кубановых (бабушка по отцу Шахидат – дочь Кубанова Гергока – хаджи – была неутоимой труженицей).

Иначе чем объяснить, что в невероятно непривычных азиатских условиях, куда забросила судьба соплеменников Светла-

ны Башиевой, ее родственники не сломились, а нашли в себе мужество, как и многие другие балкарцы, начать свою жизнь с нуля в голой степи, а отец Конакбий стал одним из уважаемых людей в селе Тамчи, что ему доверили большой животноводческий комплекс, и он в 1956 году стал даже бронзовым призером ВДНХ.

И так получилось, что генетические корни Светланы уходят не только в горы Кабардино-Балкарии, но и в благодатную землю Иссык-Кульской области Киргизии, где ныне покоятся ее близкие родственники. Сама Светлана с большой любовью говорит о Киргизии, вспоминая при этом слова знаменитого колумбийского писателя Габриэля Маркеса: «Человек не может быть привязан к земле, если в ней не лежат его близкие». И эту любовь ей привили родители, которые с благодарностью вспоминают тех, кто жил и трудился в те трудные годы рядом в Средней Азии. В Киргизии она сделала первые шаги, произнесла первые слова на родном балкарском и на русском языках (благо, соседи были ссыльные казаки из Ставрополя). И ничего удивительного в том, что она, впитавшая вместе с молоком матери жизненные соки как киргизской, так и родной балкарской земли, без особого, казалось бы, труда преодолела все жизненные невзгоды и заняла достойное место в нашем обществе.

Благодаря трудолюбию своих родителей, семья Светланы, оказавшаяся после возвращения из Киргизии в с. Кичмалка, жила материально довольно хорошо. Отец с матерью создавали детям все условия для хорошей учебы, воспитывали в них добропорядочность, великодушие, терпимое отношение к другим, любовь к труду. Старшая дочь Света была на редкость любознательной и училась в школе на «отлично», не раз побеждала на районных и республиканских олимпиадах, ее любимыми предметами были русский язык, литература, физика и немецкий язык. По ее мнению, все ее учителя были педагогами от бога, а потому она с трепетом рассказывает о тех, кто привил ей любовь к знаниям, в частности, о своей учительнице Айшат Нашиевне Джаппуевой, с помощью которой она вошла в мир знаний. В свою очередь учителя говорят о ней, что она была серьезной девочкой, на редкость в этом возрасте щепетильной и порядочной.

Успешно окончив школу, Светлана Башиева поступила на отделение русского языка и литературы историко-филологического факультета, преодолев большой конкурс – 7,5 человека на одно место. Училась легко: хорошая школьная база, прекрасная память помогали ей идти к цели. В студенческие годы была депутатом городского совета, именованным стипендиатом им. М. Лермонтова, руководила научно-студенческим обществом факультета, за отличную учебу была награждена знаком ЦК ВЛКСМ. На втором курсе начала писать курсовую работу, которая впоследствии стала основой для дипломной работы. Поводом для

выбора направления работы послужил спор о том, как влияет на подлинник личность переводчика. Светлана вспоминает: «Один из моих однокурсников сказал: «А что вы спорите, вот Кайсына Кулиева сделали переводчики». Меня это очень задело, потому что он не владел балкарским языком и не читал стихов Кулиева в оригинале. Рассуждения однокурсника очень удивили девушку, и она попросила доцента Галину Анатольевну Яковлеву дать тему дипломной работы по вопросам художественного перевода. Материалом для анализа были выбраны произведения Кайсына Шуваевича Кулиева. Г. А. Яковлева вела спецкурс по стилистике, была очень строгим и в то же время отзывчивым педагогом. Результаты оказались очень интересными. И исследование Светланы на конкурсе дипломных работ выпускников вузов Юга России было отмечено дипломом второй степени.

Окончив университет с отличием, Башиева стала работать в стенах родного университета редактором газеты «Университетская жизнь», одновременно прикрепилась к кафедре русского языка и общего языкознания соискателем, сдала кандидатские экзамены и продолжила работу над любимой темой, но уже в качестве темы диссертационного исследования.

«Поэзия Кайсына Кулиева сложна и проста – она закрыта для мелких и никчемных душ и открыта, широко доступна каждому доброму сердцу», – читаем в книге Светланы Башиевой «В оригинале и переводе», в основе которой лежат материалы ее кандидатской диссертации. И по тому, с какой трепетной любовью она рассказывает о творчестве своего выдающегося земляка, как ревниво относится к кропотливой и нелегкой работе переводчиков, иногда с сожалением отмечая досадные неточности даже у известных переводчиков, чувствуется, что сердце молодой, начинающей ученой было добрым и понимающим. Да, она сумела понять человеческую глубину поэзии Кайсына Кулиева, в основе которой лежала обычная доброта. Доброта, прошедшая горькие испытания войной, ссылкой и житейскими невзгодами, долго и упорно пытавшимися ожесточить сердце и душу поэта. Но ничто: ни жесткость и кровь войны, ни подлость и коварство ссыльных лет, ни ложь и лицемерие многих людей от власти – так и не смогли охладить природную доброту поэта и упорные стремления его души к чистоте и справедливости. И этой его доброте, стремлению к чистоте и справедливости посвящены все его произведения, все его цели.

Занимаясь исследованием творчества поэта, Светлана все больше и больше убеждалась в том, что каким-то таинственным путем душевная щедрость поэта, его любовь к людям, тяга к радости и свету передаются, переливаются в сердце и души его читателей, облагораживая и их самих, и их поступки. И она приводит немало примеров, свидетельствующих этому. Вот какой интересный рассказ о силе воздействия стихов К. Кулиева на читателей приводит Светлана Конакбиевна: «Нежно и

горячо был привязан поэт к родной земле. Здесь ему было дорого все: черная шаль матери и белые шапки гор, испещренный морщинами древний камень и зеленая трава, душистый мед и горькая соль, вода, текущая между скалами, слезы ребенка, каждая тропинка и каждое дерево. «Здесь жили дорогие мне люди – мой отец, моя мать, братья, которых я никогда не увижу, – пишет Кайсын Шуваевич. – Каждый раз мне кажется, что следы от их ног остались навек на этих тропах, словно их не смогли смыть дожди многих лет. Здесь я впервые увидел снег на горе и дождь на отцовской сакле, облака над дорогой. Рассвет в окне, закат на белых хребтах, похожий на цвет зрелого кизила, будто сказочный великан залил снега красным вином. Здесь на коленях матери, прижавшись к ее теплой груди, я засыпал счастливым детским сном. Все у меня отсюда – жизнь и песня. Чегем – мое начало, мой исток. Здесь я сложил первый стих, сложу и последний». Пронзительные потрясающие слова, которые можно назвать подлинным гимном любви к родине. И эта любовь ненавязчиво передается каждому человеку, который прикасается к поэзии Кайсына. Читательница из Томска С. И. Ольгович во время своего отпуска в одной из расщелин «Скала сказок» на острове Итуруп Южной Курильской гряды сделала великолепный снимок «Цветная скала» и прислала его Кайсыну Кулиеву: «Буду очень рада, если Вы тоже увидите в нем отголосок Ваших стихотворений», – писала она поэту. Как глубоко должны были запасть строки:

Когда с обидой и печалью
 Я жил на горестной земле,
 Мне снился ты за дальней далью,
 Цветок на каменной скале.
 Чтоб перед пламенем согреться,
 Вздудал я искорку в золе
 И вновь к тебе тянулся сердцем,
 Цветок на каменной скале.
 Кровинкой рдея над туманом,
 Ты, не взлелеянный в тепле,
 Моим остался талисманом,
 Цветок на каменной скале

(перевод Я. Козловского),

чтобы, находясь за тридевять земель, вспомнить их и выразить свою любовь и признательность Къайсыну Кулиеву. Скалы Чегема и Итурупа для читательницы – это частицы нашей прекрасной природы, которая рождала в человеке самые добрые чувства».

В то время, в конце 70-х годов XX века, молодая девушка, работавшая над кандидатской диссертацией, еще не была лично знакома с Кайсыном Кулиевым. И вот, наконец, она осмелилась показать ему две статьи, которые хотела опубликовать. «Однажды я пришла к Кайсыну Кулиеву в Союз писателей, представи-

лась и сказала о том, что занимаюсь анализом переводов его произведений, – вспоминает Светлана. – Кайсын Кулиев отнесся к сказанному мною довольно скептически: «Ну что ты, девочка, у меня прекрасные переводчики и я ими доволен. А потом то, о чем ты говоришь, дело сложное и мой тебе совет: не надо тебе этим заниматься». «Кайсын Шуваевич, – сказала я, – вот я принесла две статьи, прочитайте, пожалуйста, хотя бы вот эту» и дала ему свою работу с анализом перевода стихотворения «Час, когда птицы поют...» Поэт не стал возражать и прочитал. Реакция была довольно эмоциональная. Поэт схватился за голову и сказал: «Ты посмотри, что он (Наум Гребнев – С. Б.) со мной сделал. Как кукурузу перемолотил! ... Ай-ай-ай!». В это время к Кулиеву пришла Танзиля Зумакулова, и поэт снова начал возмущаться: «Танзиля, посмотри, что со мной сделал Наум Гребнев, – сказал он и дал Танзиле мою статью, – только сегодня я, старый дурак, понял, что он со мной сделал. Мне же некогда сверять переводы с оригиналом», – добавил он, оправдываясь. С этого дня Кайсын Кулиев стал как бы вторым моим научным руководителем». Защита диссертации состоялась 19 января 1981 года в институте языкознания академии наук Азербайджанской ССР. Кайсын Кулиев в адрес совета прислал отзыв, написанный на бланке депутата Верховного Совета СССР, а Светлане – поздравительную телеграмму. Дома она хранит две книги, подаренные поэтом, как дорогие реликвии.

«Я часто ловлю себя на мысли, как бы Кайсын отнесся к тем переменам, которые произошли за то время, что его нет?» – говорит Светлана. – Трудно ответить на этот вопрос. Но уверена в том, что если бы судьба не была бы столь жестоко и больно его, если бы он не отдавал столь щедро свою энергию всем, кто обращался и не обращался к нему за сочувствием, может быть, он прожил еще десятка два лет, ибо он имел на это право как никто другой. Но утешает другое, в связи с чем я вспоминаю одного чиновника, который в 1975 году, когда «Книгу земли» выдвинули на соискание Ленинской премии, сказал, что ничего особенного в стихах Кайсына Кулиева нет, ведь он пишет так, как писали во времена Гомера. Премии поэт не получил, чиновник, возможно, давно на пенсии, а может быть, и умер, но имя Кайсына Кулиева звучит на многих языках мира и через тысячелетие будет звучать так же современно, как и тридцать лет назад, и сейчас».

После защиты диссертации Светлана Конакбиевна решила глубже заняться фразеологией. На вопрос, почему именно фразеологией, она ответила: «Фразеология отражает древнейшие представления людей об окружающем нас мире. И если учесть то обстоятельство, что в большинстве языков мира нет письменных памятников, зафиксировавших ценнейший лингвистический материал, то фразеология представляет собой для исследователей тот клад, из которого можно почерпнуть многие сведения об истории, национальной культуре того или иного

народа. К примеру, возьмем русский фразеологизм «Как Мамай прошел». Кто такой Мамай – не многие уже помнят, а фразеологизм говорит об эпизоде из истории государства».

Приходилось много работать, собирать фразеологический материал как русского, так и балкарского языков. Особую благодарность Башиева выражает кандидату филологических наук Зайнаф Коналиевне Жарашуевой, которая собрала богатейшую фразеотеку балкарского языка, итогом творческого сотрудничества с которой стал школьный фразеологический словарь карачаево-балкарского языка. В 1996 г. С.Башиева успешно защитила докторскую диссертацию по специальностям русский язык, общее языкознание, психолингвистика, социолингвистика при Кубанском государственном университете. По отзывам известных в стране ученых Зимина В. И., Шахнаровича А. М., Крысина Л. П. и др., работа эта «представляет собой серьезный научный труд, полезный не только в теоретическом, но и в практическом отношении...», а сам диссертант обнаружил значительную эрудицию в сфере исследуемых проблем».

Сегодня Светлана Конакбиевна Башиева – доктор филологических наук, профессор, проректор КБГУ по безотрывным формам обучения, послевузовскому и дополнительному образованию, председатель диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальностям «Языки народов РФ»; «Теория языка»; член комиссии при Правительстве Кабардино-Балкарской Республики по присуждению Государственных премий в области науки и техники. Как видно из перечня ее служебных и общественных обязанностей, забот у нее предостаточно. Но тем не менее она находит время и для преподавательской деятельности, и для научной работы. Конечно, ни один университетский профессор не мыслит себя вне учебного процесса, без живого общения со студентами в аудитории. Так и Светлана Конакбиевна: она ведет курсы «Основы культуры речи» и «Русский язык и культура речи». А области научных интересов – это фразеология, стилистика, культура речи, гендерная лингвистика. Под ее руководством защищены 9 кандидатских и 2 докторские диссертации. По мнению Светланы Конакбиевны, языкознание – научная целина для молодых ученых. Ее аспиранты работают над актуальными проблемами современной лингвистики. Два ее аспиранта занимаются исследованием вопросов вербализации женского и мужского поведения в различных лингвокультурах.

«Проблема женская приобрела большую актуальность в постсоветском пространстве, в том числе и в России, в связи с изменением социального статуса женщин, – говорит Светлана. – Во многих республиках созданы центры гендерных исследований. И это неслучайно, ибо женщины в новых социально-экономических условиях быстрее адаптировались к ним, стали более инициативными. Исследования показывают, что удель-

ный вес женщин в науке не изменился: в последние 20 лет он держится на уровне 51–52 % (в Японии это цифра равна 15 % в Америке 36 %), то есть отечественная наука достаточно феминизирована. Каждая женщина, пришедшая в науку, совмещает две роли – профессиональную и семейную, и в том, и в другом случае она одинаково активна. Но женщина остается женщиной и в деловой, и в приватной жизни: ярким примером сказанному являются коллеги и многие другие российские женщины, занявшие достойное место в обществе. А ведь в XIX веке некоторые исследователи Кавказа писали, что горянка находится чуть ли не на положении домашней рабыни. Вместе с тем в мифологии сохранились следы почитания женщины как хранительницы очага, как матери. Так, героиня нартского эпоса кавказских народов Сатаней (Сатанай), дочь Солнца и Луны, воплотила в себе лучшие черты женщины: мужество, мудрость, широкий кругозор, прозорливость, верность и т. д. Исследователи усматривают в поведении Сатанай отпечаток матриархата, однако, как нам представляется, скорее всего, предки кавказцев в этом образе смоделировали идеал женщины. Наши исследования показывают, что образные выражения, отражающие понятия «мужской пол», «женский пол» в языках народов Кавказа, многочисленны, представляют собой определенную «генетическую память», и, несмотря на свою амбивалентность, в качестве ментальных единиц отражают позитивный и негативный опыт в сфере взаимоотношений мужчины и женщины. Об этом свидетельствует и лингвистический материал, социально и культурно обусловленный, некоторых народов Северного Кавказа (балкарцев, кабардинцев, карачаевцев, черкесов), который мы используем, привлекая и русские языковые единицы.

Конечно, у профессора красноречия, каковым в сущности является Светлана Конакбиевна, огромная любовь к слову, к речи, к глубинам все еще таинственной науки о языке. В то же время она осознает и свой долг педагога и воспитателя, ведь студенческая жизнь сегодня сложна и нелегка. Человека, который всю свою сознательную жизнь посвятил изучению богатств языка и умению правильно ими пользоваться, не могут не волновать проблемы сегодняшнего состояния языка и культуры речи. Светлану очень огорчает то, что многие молодые люди плохо владеют родным языком, зачастую разговаривают на какой-то смеси русского и балкарского. «Каждый язык – это неоценимое сокровище мировой культуры, а его уничтожение – трагедия более ошутимая, чем уничтожение природы, трагедия более глобальная, чем исчезновение редких видов растений и животных, – говорит она. – Проблема сохранения языков – это часть проблем, встающих сегодня перед нами, она насущная проблема и малых, и больших языков. Даже великий и могучий русский язык оскудевает на глазах, сохраняясь во всей своей мощи разве только в классической литературе. Наш долг – вос-

питывать в себе и в других любовь, уважение к языкам сегодня, завтра и всегда. Мы должны быть благодарны судьбе за то, что наши языки не постигла участь тех 63 языков народов России, которые в 1994 году вошли в Красную книгу миноритарных языков – от абазинского до юкагирского, 18 из которых – языки народов Северного Кавказа. Без развития своей культуры, без любви к родному языку, к родителям и обычаям предков возрождение и развитие наших народов просто невозможны, – говорит Светлана. – Пусть нам всем хватит ума, желаний и сил сохранить обычаи и традиции нашего народа, чтобы сделать жизнь на нашей земле еще красивее и богаче, ведь как сказал Д. С. Лихачев, самое ценное, что есть в национальных культурах, – это языки, ибо мышление и язык теснейшим образом связаны. Не будет многих языков – унифицируется мышление, обеднеет. Утрата языка неминуемо ведет к утрате традиций».

14. Дочь двух народов

Вот уже два десятка лет, как имя ее на сходит со страниц газет, да и сама она постоянно радует жителей Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, благодаря телевидению приходя к ним домой и затевая интересные беседы об удивительных делах и людях, мало кому до тех пор известных: то о наших соплеменниках, впервые пришедших к людям со светилami знаний в руках; то о горячих сынах Балкарии и Карачая, так отчаянно и самозабвенно боровшихся за народное дело, то о современных нартах-ученых и писателях, убивающих, как сам Ерюзбек, эмегенов – все плохое в нашей жизни. И всегда, все, везде: и ученые мужи в университетских залах, и студенты в аудиториях, и домохозяйки на кухне, и школьники – все, затаив дыхание, позабыв обо всем, слушают ее. Она, конечно же, гипнотизирует.

Не только своей лучезарной улыбкой и добрыми, немного грустными, но в то же время и искрящимися глазами, но и, самое главное, – своей эрудицией, глубокими знаниями и проникновением в суть того таинственного мира, о чем она говорит. А говорит она в основном об очень интересном – об истоках самобытной культуры карачаевцев и балкарцев, о фольклоре, о выдающихся деятелях культуры и т. д. Она – доктор филологических наук и звать ее Тамара Шамсудиновна Биттирова, заведует отделом балкарской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Некоторые, слушая таких людей, как Тамара Шамсудиновна, иногда, качая головами, удивляются – где, мол, они научились так ладно да красиво говорить, при этом совершенно забывая о том, что язык-то сам по себе ничего не делает, он исполняет лишь волю мозга, а говоря по народному – волю и веление ума. Следовательно, красиво, ладно и увлекательно могут говорить лишь люди высококультурные, а если по научному – люди, об-

ладающие достаточными знаниями в той области, о чем идет речь. И если Тамару Биттирову внимательно и с удовольствием слушаю и пожилой профессор, и поглощенный своими заботами политик, и студент, и слесарь, и чабан, и просто домохозяйка, значит, она говорит о тех вещах, о которых она много знает, и даже гораздо больше, чем то, о чем сейчас она рассказывает.

А такие знания, как известно, не валяются ни на дороге, ни в сундуках родителей. Их ищет и находит человек, коли он любознателен и не боится трудностей. Этот процесс – поиск и накопление знаний, как все знают, называется учебой. В школе, в университете, в жизни вообще.

Где же и как училась Тамара Биттирова, чтобы стать вот такой – любимой дочерью не только своей Балкарии, но и Карачая?

Первым и главным своим учителем Тамара Шамсудиновна считает своих бабушек и дедушек, и вообще всех своих предков, тот особый мир, что создается их рассказами и легендами о жите-бытье в старину. А бабушки и дедушки родственными своими корнями связывали многие известные роды Балкарии – и Мисировых, и Асановых, и Бозиевых, и Созаевых, и Чочаевых, и Эристовых... С особой любовью Тамара рассказывает о своей бабушке по матери Налжан Эристойой. У Налжан аж четверо дядей были хаджи, а в то время хаджи и были наиболее образованными людьми, умели не только читать и писать, но и сами слагали зикиры – нравоучительные песни на религиозные темы, песни и поэмы. Среди этих четырех братьев-хаджи большой известностью пользовался Локман-хаджи Асанов, друг и сподвижник самого Кязима Мечиева, с которым они вместе и совершали хадж в Мекку.

И в 1931 году, когда умер Локман-хаджи, Кязим сложил в память о нем большое стихотворение, где есть и такие строки:

Еще молодым он наукам отдался,
От каждой науки он долю взял,
Он знал гораздо больше нас
И книги он печатал.

Не в чем было его упрекнуть,
Жил, неся народу знания,
Без дел не прожил и дня,
Так и ушел он с этого света.

Улетела птица счастья села,
Черная земля накрыла его,
И родня, и друзья бесконечно горюют.
И стало на свете темней.

(Подстр.. пер. М. К.)

Видно, великий Кязим, никогда не крививший душой, не зря написал про Локман-хаджи эти горестные строки, воздавая должное человеческим качества своего друга, оплакивая потерю, понесенную всем народом.

И конечно же, росшая в такой среде, Налжан тоже была в чем-то похожа на этих людей – искренне верила, честно жила, ни в чем не кривила душой и была трудолюбива. Как и все бабушки того времени, была по-житейски мудра, знала бесконечное множество легенд и сказок, пословиц. И этот прекрасный и таинственный мир предков с самого детства заморозил и сделал ее навсегда неистовым своим приверженцем и поклонником. И точно также, как вера стала смыслом жизни бабушки Налжан, так и духовный мир родного народа стал для Тамары и домом родным, где она счастливо живет, и чудесной страной, где она, удивляясь и все больше и больше увлекаясь, изо дня в день отправляется в новое путешествие...

И даже рассказ о бабушке Тамара начинает опять же с бабушки.

– Бабушка, бог весть каким образом, но узнала, что бабушка находится где-то в Ростове. Перед войной Касым Эристов был директором школы в Ташлы-Тале, а когда началась война – ушел на фронт добровольцем и воевал в составе 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. В сентябре 1942 года он был тяжело ранен, но, как стало известно бабушке, находился в госпитале в Ростове.

– И тогда на поиски отца отправилась ее 14-летняя дочь Нажабат (моя будущая мама) с 11-летним братом Алием – рассказывает Тамара Шамсудиновна. – Почему сама бабушка не поехала? Потому что ее убеждения не позволяли ей выходить из дому, ехать на военных грузовиках, чтобы достичь Ростова. Но она без конца молилась, верила не только в смелость и находчивость своей дочери-подростка, но и в то, что Аллах им поможет. Мама рассказывала, что только они переехали мост, как он тут же был взорван. Успели. Своего отца она узнала по кашлю среди раненных бойцов на ростовском вокзале. Привезла домой, подлечила. Потом дедушка стал председателем колхоза. Дед дожил почти до 90 лет, хотя в жизни ему привелось увидеть и много тяжелого. По натуре смелый, веселый, доброжелательный, он успокаивал, как мог, всех жителей Ташлы-Талы, когда нагрянула беда – стали выселять весь народ. А когда поезд уже мчал их всех в Казахстан, в вагоне у бабушки случился сердечный приступ. После этого он два года болел – отнялись руки и ноги.

И тогда девочка-подросток, будущая мать Тамары, стала glavной семьи – не набожной же матери им быть в это сумасшедшее время, когда ничто не делалось по уму, а лишь, наверное, по хотению и велению дьявола-Иблиса, как ни ей – решительной и трудолюбивой Нажабат, дочери коммуниста-фронтовика! И она блестяще справилось с этой нелегкой ношей, тяжесть которой не выдерживали и многие сильные мужчины. Она была «начальником» дома в первые годы ссылки, самые тяжелые, когда от голода и болезней вымирали целые семьи и фамилии, а Нажабат провела свою семью через эту «полосу смерти» без потерь, были живы все – и мать, и отец, который уже поправился, и младшие братишка и сестренка. И только потом, когда отец уже встал на ноги, окреп и тоже вышел на работу, она передала ему полномочия тамары и... вышла замуж. За высокого, синеглазого и отчаянно красивого Шамсудина, колхозного табунщика. Там, на просторах

казахстанских степей, и родилась девочка у Нажабат, которую называли Тамарой. Наверяд ли тот, кто давал имя девочке, знал, что давным-давно, в Грузии, рожденная нашей соплеменницей девочка Тамара стала легендарной царицей, и ее имя стало известно всем миру, и о том, что значит это имя – Середина Дома (основа, опора дома) – тоже навряд ли он знал. Но, как любят утверждать люди, сведующие в таинственных связях человеческой судьбы и космоса, уже одно имя человека во многом предопределяет его судьбу. Наверное, что-то в этом есть. И разве в ней, умом и блестящей эрудицией заслужившей любви и уважения двух братских народов, одолевшей многие вершины науки, чьим словом и мнением дорожат и именитые ученые и писатели, нет чего-то царского, срединного, сущностного? Действительно, наверное, есть какая-то таинственная, связанная с космосом, сила в имени. Потому что, спустя годы, и ей, Тамаре, как когда-то и матери, суждено было стать тамадой в доме, растить и воспитывать шестерых своих младших братьев и сестер – быть в некоторой степени и царицей и опорой, срединной сущностью дома...

Ссылному гражданину СССР Тамаре Биттировой было всего пять лет, когда ее, как и остальных ее соплеменников, освободили из-под надзора и разрешили вернуться на родину, на Кавказ. Хотя, по документам, ее родина – это Казахстан, а вовсе не Кавказ. Школу окончила в Герпегеже, куда и приехала после ссылки семья Шамсудина Биттирова. После школы – университет, русско-балкарское отделение языка и литературы. Здесь, скорее всего, и проявилось инстинктивно то, что еще в детстве в ее душе проросла любовь к силе и красоте слова – основе всего, что связано с языком и его любимым детищем – литературой. А семена этой любви были посеяны в ее душе сказками и легендами бабушки и дедушки.

В 1975 году Тамара заканчивает университет с отличием. Она собиралась в аспирантуру, но в это время умирает мать, и она, естественно, поехала в село, чтобы попрощаться с ней, побыть в дни печали дома, пока не пройдут два-три траурных месяца. Но ее наставник и учитель, профессор Ибрагим Хашимович Ахматов, заведующий кафедрой балкарского языка и литературы КБГУ, в то время проявил о ней поистине отеческую заботу. Он специально приехал в село, серьезно поговорил с ней и убедил, что все-таки следует ей ехать в Баку. Так она стала аспиранткой Бакинского государственного университета.

После блестящей защиты диссертации, в которой было всесторонне показано развитие балкарской прозы и ее народные истоки, вытекающие из фольклора, она стала работать в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований старшим научным сотрудником отдела фольклора и литературы. «Стала работать» – это конечно же, по отношению к Тамаре Шамсудиновне совершенно не подходящие бюрократические слова, так как она вовсе и не работала, а с превеликой радостью с головой окуналась в прекрасный, солнечный и необъятный мир тюркской словесности и истории. Но она, ученая, не переставала учиться – теперь уже в основном у известных и неизвестных предков многих

тюркских народов – читая и перечитывая поэмы и стихи великих поэтов Востока и произведения народного эпоса. Много времени она проводила в архивах и библиотеках не только Нальчика, Магачкалы, Владикавказа и Баку, но и Москвы, и Петербурга. И все забытые жемчужины из культурного прошлого нашего народа возвращала нам в виде книг. Так появились книги, которые уже в год издания переходили в разряд редких – это и «Басият Шаханов», литературное наследие одного из лучших сынов-интернационалистов не только Балкарии, а и всего Кавказа, впервые в истории Северного Кавказа сумевшего создать либеральную политическую партию, объединившую всех передовых людей своего времени – «Союз объединенных горцев», и двухтомник «Карачаево-балкарские деятели культуры XIX-XX вв.», и «Итиль суу агъа туур» – сборник очерков по истории карачаево-балкарской литературы, и др. Часто участвует в работе различных научных конференций, семинаров и симпозиумов, выступает на телевидении и по радио, на страницах газет и журналов с рассказами и докладами о первых балкарских и карачаевских просветителях, о современных писателях и поэтах, о взаимовлиянии и взаимообогащении культур народов Северного Кавказа, всего тюркского мира. Ее также приглашают прочитать курс лекций в университетах братских республик. И везде ученые-коллеги отмечают, что Тамара Шамсудиновна Биттирова не только авторитетный ученый, но и интересный, блестяще эрудированный лектор и собеседник.

В октябре 2000 года в столице Ингушетии Магасе состоялась Всероссийская научная конференция, посвященная 150-летию со дня рождения первого ингушского этнографа, просветителя Чаха Ахриева, где выступала и Тамара Биттирова. Общенациональная газета Ингушетии «Сердало» так писала о выступлении Тамары Шамсудиновны: «Ярким и содержательным было выступление Т.Ш. Биттировой, доктора филологических наук, ведущего научного сотрудника отдела карачаево-балкарского фольклора и литературы КБЦ РАН. Тема ее доклада «Чох Ахриев и Абай Шаханов – у истоков духовного братства». Она подарила президенту РИ Р. С. Аушеву книгу Басията Шаханова «Избранное», в которой много страниц, посвященных защите интересов ингушского народа».

– Как известно, в начале строительства столицы Ингушетии – Магаса принимали живое участие многие соседние народы Кавказа, – рассказывает Тамара, – а потому, в знак благодарности, в Магасе появились улицы, носящие имена братских народов. При беседе с Русланом Аушевым, первым президентом республики Ингушетия, который принимал участие в работе конференции, я сказала о том, что о нас, балкарцах, в мэрии города почему-то совсем забыли. Он обещал мне, что попытается исправить положение. Так в Магасе появилась улица «Балкарская».

А 3 июля 2004 года в газете «Сердало» под заголовком «Друг и защитник горца» была напечатана большая статья Марией Ялхаровой о Басияте Шаханове, посвященная 125-летию со дня его рождения. Статья заканчивается словами: «Очень хотелось бы, чтобы имя интернационалиста и гуманиста Басията Шаханова было увековечено у нас, в Ингушетии. Этим мы отдадим дань памяти славному сыну Балкарии, в горячем сердце которого нашлось немало места и нам».

Здесь следует сказать, что появлению этой статьи в газете наверняка способствовало также выступление Тамары Биттировой, обратившей внимание научной общественности и журналистов Ингушетии на дружбу и духовное братство ярких представителей наших народов.

В сентябре 1999 года Тамара Шамсудиновна Биттирова в Махачкале защищала свою докторскую диссертацию на тему: «Духовно-культурные основы карачаево-балкарской литературы». Один из ведущих ученых Дагестана, доктор филологических наук С. Акбиев так отозвался о диссертации Биттировой: «Вызывает чувство особого восхищения трудолюбие соискательницы... В работу привлечены ценные источники, обнаруженные соискательницей в государственных архивах Карачая и Балкарии, Ставрополя и Дагестана, Москвы и Санкт-Петербурга, Махачкалы. Не остались вне поля зрения Биттировой сведения и факты, сохраненные в семейных архивах, опубликованные в прошлом на страницах старопечатных книг, а также в журналах стран Западной Европы и Ближнего Востока»...

Диссертационный совет, состоявший из 12 ведущих ученых, среди которых было 6 докторов наук, единогласно отметил, что основные положения и выводы диссертации Биттировой могут быть использованы в создании истории литератур народов Северного Кавказа, в разработке спецкурсов и семинаров в вузе, в составлении учебно-методических пособий.

В настоящее время доктор филологических наук, член Союза писателей России Тамара Шамсудиновна Биттирова возглавляет отдел балкарской литературы Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований.

Под ее руководством написана двухтомная «История балкарской литературы», сотрудники отдела с большой отдачей работают над различными актуальными проблемами карачаево-балкарского литературоведения.

Сейчас она работает над новой, до сих пор никем в республике не исследованной темой, содержание которой можно сформулировать как «светский взгляд на духовную литературу» и мы надеемся, что и здесь ей будет сопутствовать успех.

К сожалению, многие девушки, женщины, увлекшись науками, профессиональной карьерой, политикой и бизнесом, иногда

обкрадывают себя как человека, не уделяют должного внимания семейной жизни, родственникам и друзьям, духовному миру. Тамара Шамсудиновна не из таких, фанатично увлеченных делом, и приносящих в жертву основному все остальное. Она с детства приучена к гармонии, к тому, чтобы у человека все было по-людски. Ведь это и есть сердцевина народной мудрости, под естественным присмотром которой она и росла. А потому у нее все по-людски – любимая работа нисколько не мешает ей быть заботливой невесткой, хорошей женой и чуткой матерью, а в ответ от родных и близких она тоже получает заряд бодрости и энергии, и просто человеческую любовь.

Теперь, конечно, ей уже легче – уже повзрослели обе дочери – и Нюржан, и Аслижан. Нюржан, закончив Карачаево-Черкесский университет, работает тележурналисткой, Аслижан – студентка 4 курса университета, будет психологом.

15. Кайсын Кулиев – лауреат Ленинской и Государственной премии, народный поэт Кабардино-Балкарии

Кайсын Кулиев, выдающийся балкарский поэт XX столетия, лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР и лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького, народный поэт Кабардино-Балкарии родился 1 ноября 1917 года в селении Верхний Чегем Чегемского района Кабардино-Балкарии. Род Кулиевых был узденским – родом свободных людей, они были не богатыми и не бедными: жили своим трудом, как и тысячи других горцев.

Мать Кайсына Узеирхан была второй женой отца Шуа и родила двоих сыновей и одну дочь. Старший ее сын умер, не дожив и до года. Девочка и второй мальчик – Кайсын выжили. Повзрослев, Кайсын стал большим поэтом и прославил свое родное Чегемское ущелье...

Кайсын еще был совсем малышом, его еще укладывали спать в люльку, когда в горы нагрянула беда, которая называлась Октябрьской революцией и Гражданской войной. Октябрьская революция загипнотизировала, как и миллионы крестьян по всей России, простых горцев иллюзией о прекрасной жизни, где не будет ни капли зла, а будет царить мир и равенство для всех. И люди, поверившие, что и на этом свете можно оказаться в раю, поднялись на защиту этой своей заветной мечты от тех людей, которые не поверили большевикам, в их красивые слова, а хотели, чтобы не нарушались устоявшиеся жизненные принципы.

Шуа поверил большевикам и воевал с Деникиным, который не верил большевикам и не хотел крутых перемен. И когда белоказачьи эскадроны Деникина вошли в Чегемское ущелье, Шуа с другими красными партизанами ушел за горы в Сванетию.

Но вскоре заболел тифом и умер. Это было в 1919 году. Кайсыну тогда не исполнилось еще и 2-х лет.

Кайсын, как практически все его сверстники горские мальчишки, с ранних лет приучился работать и хоть как-то помогать матери, семье. Он возил дрова из леса на ослах, пас овец, телят, коров, а когда чуть-чуть подрос – косил, пахал.

Кайсын впервые пошел в школу в 1926 году – она только что открылась в селении Нижний Чегем.

Кайсыну не было 18 лет, когда он с группой балкарской молодежи стал слушателем Государственного института театрального искусства им. Луначарского (ГИТИС). К этому времени он уже печатался и был твердо убежден, что ему суждено стать поэтом. И даже намеривался бросить ГИТИС и перейти в Литературный институт. Но директор института Анна Никитична Фурманова сумела убедить Кайсына, что ему, молодому горцу-поэту, совсем не будет лишне пройти курс знакомства с мировой культурой в ГИТИСе, если даже он вовсе и не собирается стать актером. Кайсын послушался ее совета и никогда об этом не жалел. ГИТИС стал для него как бы подготовительным курсом для входа в прекрасное здание мировой культуры. Днем он учился в ГИТИСе, вечерами – в Литинституте (тогда занятия в Литинституте проводились вечерами). Так он и закончил одновременно два высших лучших гуманитарных вуза страны.

По возвращении в Нальчик Кайсын, конечно, в артисты не пошел, а стал преподавать литературу в пединституте.

Первая его книжка стихов вышла в 1940 году под названием «Здравствуй, утро!». В ней были такие стихи, как «Песенка горной речушки», «Снежок», «Во дворе», «Песенка мальчика, едущего на ослике». В эпоху, когда всюю лилось славословие партии, Сталину и Советской власти, молодой поэт, вздумавший воспеть снежки, речушки да осликов, конечно же, был раскритикован ретивыми старшими братьями по перу в пух и прах. Но это, хотя и огорчило его, никак не могло испортить радостного настроения – он понаставил всем своим студентам хорошие оценки по литературе и ... уехал в Армию. Это случилось в том же 1940 году. А через год началась война. Кайсын был в парашютных войсках. Осенью 1941 года танковая армия Гудериана прорвала Брянский фронт и захватила г. Орел. Немцы рвались далее – к Туле, оттуда – к Москве. Парашютный полк, где служил Кулиев, был срочно переброшен самолетами к северу от Орла, чтобы с подходящими туда же другими частями Красной Армии и остановить врага. Туда уже подходила, к примеру, танковая бригада генерала Катукова. Вечером парашютисты сели на танки и пошли на Орел. Оттеснили немцев с окраин, ожесточенные бои завязались в центре города. Уже наступила ночь, но бой продолжался, хотя и было очень трудно определить где немцы, а где свои.

Тяжелые бои продолжались несколько дней. Парашютисты и танкисты, хотя и несли тяжелые потери, сдерживали немцев. Кайсын, получив тяжелые ранения, оказался в госпитале в гор. Чебоксары.

Вынужденный лежать в госпитале, Кайсын, как, наверное, и любой поэт, конечно же, не просто валяется, а усиленно работает – пишет стихи. К этому времени его как раз стали часто печатать в центральных газетах и журналах, циклы его стихов передавались по радио. Судя по воспоминаниям самого Кайсына, в это время живое участие в его судьбе принял сам А. А. Фадеев: он часто звонил начальнику госпиталя, справлялся о здоровье Кайсына, просил особо заботиться о нем. А когда Кулиев поправился, то Александр Александрович через начальника политуправления Красной Армии А. С. Щербакова добился того, чтобы его, Кулиева, включили в список писателей, которых намеривались демобилизовать и оставить жить в Москве. А через несколько дней после приезда Кайсына в Москву, Фадеев организовал его творческий вечер с большим для того времени размахом. На том вечере присутствовали и сам Фадеев, а также Пастернак, Асеев, Самед Вургун и другие известные писатели и поэты, а читали стихи Кайсына известные мастера-чтецы и среди них поэт Дмитрий Кедрин. Кроме того, во время пребывания в Москве Кайсын выступал и по радио, читал свои стихи и в воинских частях, и на заводах.

Когда Кайсын все-таки стал настаивать, чтобы его отправили в действующую армию, Фадеев сделал так, чтобы он поехал на фронт как корреспондент газеты «Красная Звезда» вместе с Константином Симоновым. Но, еще не зная эту новость, Кулиев перед этим уехал в Чебоксары в госпиталь, уладить какие-то дела, но из-за сложностей с железной дорогой не сумел вовремя вернуться, и Симонов поехал на фронт один.

Перед самым новым – 1943 годом Кулиев выехал на Сталинградский фронт, где все еще продолжалась великая битва, за которой следил весь мир. Политуправление фронта направило его корреспондентом газеты 51-й армии «Сын Отечества».

Редактор газеты Жуков и его заместитель Гильбух были очень рады приезду Кулиева, уже известного поэта-фронтовика – в редакции был постоянный «голод» на материалы, не хватало корреспондентов. Но их радость оказалось преждевременной. Так как боевой парашютист Кулиев считал, что настоящие мужчины, если даже они и корреспонденты, в первую очередь должны воевать, собственноручно бить врага, а лишь потом писать статьи и очерки о героях и их подвигах. А потому неделями пропадал на передовой, ходил в атаку, а в то время в редакции не хватало материалов. Кончилось тем, что Гильбух и Кулиев, в пылу полемики, схватились за пистолеты. Но, в конце концов, видимо, и сам Кайсын начал понимать, что каждый человек в первую очередь должен заниматься тем, чем дол-

жен, а лишь потом тем, чем хочется. Возможно, ему помогли «поумнеть» и Алим Кешоков, и Вениамин Гоффеншефер, тоже работавшие в этой же редакции. Известно, что Алим Кешоков всегда очень серьезно относился к своим служебным обязанностям, у него никогда не было, как у многих больших поэтов, «шалостей», а Кайсын так и не смог до конца дней своих стать «серьезным». Но, видно, Алим все-таки сумел убедить тогда Кайсына, что в тяжелое военное лихолетье следует немного обуздать свой характер, да и Вениамин Гоффеншефер, этот высокоинтеллигентный эрудит, тонкий знаток литературы, которого очень уважал и любил Кайсын, судя по всему, не мог не оказать соответствующего влияния на своего друга.

В результате всего этого Кайсын вскоре стал более дисциплинированным и расторопным корреспондентом. А на очередной летучке сам Гильбух похвалил очерк К. Кулиева «Руки убийцы». Здесь следует отметить, что, несмотря на близкое родство работы поэта и журналиста – и тот, и другой имеют дело с языком, со словом, – не всегда хороший поэт может стать журналистом, точно так же как хороший журналист не всегда сумеет стать поэтом. Поэзия и журналистика, конечно же, вещи очень даже разные. Все это говорится к тому, что все-таки журналистика не очень-то, видно, нравилась Кайсыну, потому что тут в первую очередь надо писать то, что надо, что требуется (редакции), а не то, что ты хочешь. А в поэзии – наоборот: пишешь что хочешь, о чем не можешь не писать, а то, о чем надо – пишется не очень-то охотно или же вовсе не пишется.

Вот именно поэтому-то – потому что у Кайсына была чисто поэтическая натура – он так нелегко овладевал профессией журналиста. Но, как бы там ни было, после «пистолетного» случая Кулиев потихоньку стал полноценным военным корреспондентом. И это тоже еще одно доказательство сильной воли поэта, которая всегда упорно одолевала все преграды на его жизненном пути. Хотя многие современники считали и считают Кайсына Кулиева таким добродушным счастливым, родившимся в рубашке, на которого, как из рога изобилия, так и сыпались и слава, и удача без особого труда с его стороны.

Это, конечно же, не так. Да, правда – и слава, и удача, и всенародная любовь сопутствовали ему всю жизнь. И все знали и помнят его таким – вежливым, добродушным, который никогда не скажет обидного слова ни о ком. Многие это объясняют мягкостью его характера. Наверное, это так и есть. Но не надо забывать, что в наше жестокое время быть добрым во сто крат труднее, чем быть злым. А потому, неверное, та доброта, которой так щедро одаривал окружающих Кайсын, подпитывалась не только его природным человеколюбием, но и глубоким интеллектом.

О трагедии, постигшей его народ, Кайсын узнал в конце

марта из письма Керима Отарова, когда он с наступающими войсками собирался форсировать Сиваш. И он, словно ища смерть, пошел в атаку с первой волной наступающих. Он подобрал ручной пулемет убитого бойца и поливал им фашистов. Кругом рвались мины, свистели пули. Смерть безжалостно косила людей. Но Кайсына она тогда почему-то не тронула.

На подступах к Севастополю Кулиев был тяжело ранен, и его друг Алим Кешоков сам отвез Кайсына в Симферополь, в госпиталь. Здесь, в госпитале, он и получил орден Отечественной войны II степени за героизм при форсировании Сиваша.

В Симферопольском госпитале Кайсын лечился два месяца, оттуда его отправили в Кисловодск.

Он ехал на Кавказ, домой, на родину! Домой, на родину? А разве бывает дом без родных и близких, родины без твоего родного народа?..

Санитарный поезд прибыл в Пятигорск рано утром. Но Кайсын уже давно не спал и вышел в тамбур. И увидел свой белый Эльбрус!. Он так ослепительно празднично сиял, словно ничего страшного и не случилось, и от этого Кайсыну стало даже обидно...

Осенью Кулиев приехал в Нальчик, был в родном ущелье, с грустью читал на стенах опустевших домов надписи на родном языке: «Смерть фашизму!», «Да здравствует наша Советская Родина!».

В декабре Кулиев поехал в Москву, его вызвал Николай Тихонов, председатель правления Союза писателей СССР. Тихонов сообщил Кулиеву, что по его поводу отправлено ходатайство в высокую инстанцию и надо дожидаться ответа. Тот же Тихонов через месяц сообщил ответ – поэту Кайсыну Кулиеву власти разрешали жить где он пожелает, но только не в Москве и Ленинграде.

От этой милости властей Кайсын отказался и поехал добровольно в ссылку – в Среднюю Азию, во Фрунзе. Кайсын был очень рад, что и во Фрунзе, как и в Нальчике, совсем рядом такие же белоснежные горы, как и Кавказские.

У Кайсына было письмо от председателя правления Союза писателей СССР Николая Тихонова главе писательской организации Киргизии с просьбой обеспечить поэта Кулиева работой и жильем.

Следует особо отметить, что в те времена к подобным просьбам из Москвы относились более уважительно, чем ныне, а потому Кайсын вскорости стал работать в Союзе писателей Киргизии и получил жилье.

Как это ни покажется странным, но годы жизни в Киргизии, пусть и в ссылке, были для Кайсына годами необыкновенно наполненными: он и много работал, исполняя свои служебные обязанности как председатель русской секции Союза писателей Киргизии, активно сотрудничал с русскоязычными газетами и журналами, выходящими во Фрунзе, переводил на рус-

ский киргизских писателей и, конечно же, писал стихи и поэмы на своем родном языке. Так что, у него, наверное, всего-то оставалось свободного времени разве что на сон.

Скорее, так и было. Потому что такому человеку – творческому, думающему, глубоко переживавшему все, что произошло и происходило с его народом – или надо было постоянно быть погруженным по горло в работу, в суету жизни, ни на что иное не имея времени, или же дать мощному и беспощадному водовороту горьких размышлений унести себя в беспросветное болото отчаяния. Кайсын сумел выбраться из опасной стремнины горьких раздумий на спасительный берег постоянной занятости работой и творчеством. Благодаря этому, он не только просто выжил, а достойно и мужественно прожил годы ссылки. Он много читал и за эти годы стал большим мастером слова. Он много работал, ведь не даром же, как только обрел свободу, в 1957 году, в Москве сразу вышли две его книги – одна, которая называлась «Горь», была издана «Советским писателем», другая, «Хлеб и розы» – «Молодой гвардией». А до этого толстые журналы «Новый мир» и «Дружба народов» тоже опубликовали большие подборки стихов.

Если Кайсын Кулиев не пал духом в ссылке, а на зло року жил полноценной творческой жизнью, то стоит ли говорить о том, что, обретя свободу и свой родной Кавказ, наш замечательный поэт запел, если можно так сказать, во весь свой голос. Тем более теперь он, свободная птица, был там, где хотел, дружил и встречался со всеми теми, кого любил, с кем хотел дружить. А любил он – весь мир! Его друзьями были многие талантливые люди XX века – Борис Пастернак, Александр Фадеев, Николай Тихонов, Ярослав Смеляков, Ираклий Андронников, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Михаил Дудин, Давид Кугультинов, Алим Кешоков, Наум Гребнев, Семен Липкин, Яков Козловский, Олег Чухонцев, Ираклий Абашидзе и другие.

Об этом времени поэт сам написал в 1971 году так: «По возвращении из Средней Азии я был хорошо принят в Москве и в республике. Я был избран депутатом Верховного Совета СССР. За эти же годы вышло в свет много моих книг на родном и русском языках. Но особенно приятно мне русское двухтомное издание моих стихов и поэм, осуществленное издательством «Художественная литература» в 1970 году. Это значительное событие в жизни литератора, пишущего на языке малочисленного народа.

Я объездил почти всю нашу страну. Нет, пожалуй, такой республики, где бы я ни был. Ездить мне нравится. Хочу подчеркнуть, что я не только приезжал в разные республики и с радостью видел красоту каждой земли, с благодарностью ел хлеб, пил вино, но и писал о культуре и литературе многих народов. Так было, к примеру, с Грузией, Арменией, Таджикистаном, Казахстаном, Туркменией, не говоря уже о России. Уваже-

ние к культуре разных народов, интерес к ним у меня в крови, и я считаю это благом и радостью для себя. Сейчас я работаю над книгой в прозе, где будет рассказано о поэзии и искусстве многих народов мира. Всякую национальную замкнутость и ограниченность считаю неприемлемым для себя и вообще для художника нашего времени. Я уверен в том, что все ценное в культуре человечества должно быть достоянием всех народов. Мне так же пришлось побывать в странах Азии и Европы. И это было полезно для меня и для моей работы. Я люблю свой дом и мир».

Да, Кайсын любил и свой дом, и весь мир. Как и все великие люди.

Он перешел в тот мир 6 июня 1985 года. А в этом мире остались его стихи. И жить они будут долго – века.

16. Наша Танзиля

Так называют все жители нашей республики народную поэтессу Кабардино-Балкарии, Лауреата Государственной премии РСФСР им. Горького Танзилю Мустафаевну Зумакулову. Рассказать о ней, о всеобщей любимице нашего народа, которую все готовы носить на руках, дело очень трудное, так как не так-то просто подобрать слова, живые и полновесные, без излишнего звона и блеска, чтобы они смогли раскрыть это глубокое восхищение, которое мы все, ее читатели, испытываем, соприкасаясь с ее поэзией – ее душой.

Эту трудную задачу нам помогут решить известные мастера слова, выдающиеся поэты – лучше их мы, конечно же, сказать не сможем.

СЧАСТЛИВОЕ ПРАВО

...Лучшие поэты Балкарии черпали серьезность, человечность и образность из устной поэзии родного народа.

Глубина, своеобразная образность, яркость и пронзительность чувства характерны также и для Танзили Зумакуловой, стихи которой переведены на многие языки. Теперь она встала в один ряд со славными мастерами многонациональной советской поэзии.

У Танзили Зумакуловой есть строки:

Пусть будет славен сочинитель тот,
Кто знает, что писать имеет право.

Сказано сильно и мудро. Это свидетельство углубленного, строгого и счастливого отношения мастера к святому делу поэта.

Танзиля Зумакулова – поэт серьезный, мыслящий, отсюда эта убежденность и понимание того, что художник прежде всего обязан быть совестливым, честным, открытым, что эти ка-

чества для него так же необходимы, как и дарование. Без этой искренней убежденности немислим большой поэт. И мы можем смело, не погрешив против истины, сказать, что Танзиля обладает счастливым правом – правом писать.

Стихи поэтессы, отличающиеся содержательностью, проникнутые высокой гражданственностью, ныне знает вся страна, сегодня ее имя называют среди крупных мастеров советской поэзии.

И балкарский народ, так много переживший, но не погибший в самые жестокие периоды своей глубоко драматической истории, не теряя надежды, слагавший прекрасные песни, может гордиться, что сумел взрастить таких поэтов, как Танзиля Зумакулова.

Девочка-балкарка, бегавшая по каменистым тропинкам, ведущим в аул Гирхожан, затерянный в глубине Баксанских гор, стала поэтом, известным всем, кому дорога и близка наша многонациональная советская поэзия. Что и говорить, счастливая судьба: такое могло случиться с балкаркой только при советской власти. Это хорошо понимает и знает Танзиля. Не о том ли свидетельствуют проникновенные строки ее стихотворения «Горские поэтессы», давно ставшего знаменитым:

Как много поэтесс лежит безмолвно
На кладбищах в селениях у нас.
Они ль виновны, что беспрекословно
При жизни были немые, как сейчас?
Праматери мои, мне хвастать нечем,
Из сердца слово я могу извлечь
Не потому ль, что вас лишали речи,
А мне сегодня подарили речь?

Балкарские поэтессы, которым принадлежат шедевры нашей устной народной поэзии, навсегда остались неизвестными. Однако именно к ним обращаемся мы со словами благодарности за то, что в их сердцах родились строки, которыми восхищаемся мы и над которыми плачем сегодня. Первой балкаркой-поэтессой, ставшей известной миру, является Танзиля Зумакулова. Поэтому мы относимся к ней особенно сердечно. Танзиля Зумакулова также первой из писателей-женщин, представляющих национальные республики и области Российской Федерации, стала лауреатом Государственной премии РСФСР имени М. Горького. Радость читателей Танзили в горах была велика в те дни, когда ей присудили высокую премию.

Говоря о художнике, мне думается, необходимо сказать о земле, где он родился и рос, об истоках его творчества. Поэт зорче всех должен видеть облик родной земли и понимать ее язык. Так повелось от века. Так было с Гете, Пушкиным и нашим Кязимом Мечиевым. Так должно быть всегда. Я смею утверждать, что Танзиля Зумакулова понимает язык родных гор, язык дорог, деревьев, колосьев, подсолнухов, камней и звезд, посы-

дающих свой вечный свет на притихшие дороги и дворы. Да, она понимает их язык. Она – поэт. Сказанное мною легко подтвердят ее стихи. Лучших свидетелей не бывает, ибо притворяться в поэзии невозможно, ведь поэт «говорит, как дышит».

Приэльбрусье, над которым сияет знаменитый Кавказский хребет, где высются известные всему миру горы Эльбрус, Ушба, Шхельда, является красивейшим, уникальным творением природы, ее шедевром. Те, кто впервые видят этот край, обычно говорят, что родиться и жить здесь и не быть поэтом нельзя. Думаю, что можно родиться и жить на земле с весьма скромным обликом и быть великим поэтом. Но дело не в этом. Мне хочется сказать о счастье Танзили Зумакуловой родиться в таком сказочном краю, известном своей красотой всему человечеству, о счастье родиться талантливой и стать истинным поэтом, своим дарованием умножившим славу чудесной земли. И быть певцом такой земли – это, разумеется, редкая удача. Стало быть, Танзиле повезло вдвойне. Верная традициям, завещанным нам Кязимом Мечиевым, Танзиля Зумакулова пишет: «Я требую правды любой ценой!». Это не только серьезное, но чрезвычайно ответственное заявление. Большую и трудную задачу ставит перед собой поэт, хотя известно, что задача художника всегда трудна. Быть верным тому заявлению, которое сделала Танзиля, значит – быть истинным художником. Мне всегда было по душе, радуется и сегодня требовательное отношение Танзили к поэзии, своему труду, работе поэта.

Танзиля, разумеется, училась не только у балкарских поэтов старшего поколения, ей преподали серьезные уроки великие мастера русской и мировой поэзии, лучшие советские писатели. Без такого углубленного отношения ко всему мировому поэтическому наследию нельзя двигаться вперед. И это Зумакулова хорошо понимает. Недаром она написала:

И оттого так строго и сурово

Сужу я каждый мной рожденный стих.

Она не зря произносит слово «сурово», и я говорил о суровости балкарской музыки недаром. Эта особенность нашей литературы связана с обликом родной земли, а также с трудной и суровой исторической судьбой балкарского народа. Наша поэзия учила и учит людей стойкости, жизнелюбию, мужеству и трудолюбию. Балкарская муза похожа на балкарских женщин, на наших матерей, которым мы обязаны за свет доброты и жизнестойкость, за преданную любовь, за небывалую терпеливость. Творчество поэтессы вобрало в себя многообразие красок нашей прекрасной отчей земли и – самое главное – лучшие черты балкарского народа.

Кайсын КУЛИЕВ,
народный поэт КБР,
лауреат Ленинской премии

ТАНЗИЛЯ

Четверть века тому назад, впервые перелистывая стихи Танзили Зумакуловой, я обнаружил в них много неожиданного и привлекательного. Они тут же захватили меня, и я стал внимательно читать одно, другое, третье. Мною овладело радостное волнение – я понял, в балкарских горах родилась поэтесса. Об этом волнующем событии я поделился с земляком Танзили Зумакуловой, моим давним другом Кайсыном Кулиевым. Он сказал, что Танзиля Зумакулова – действительно большая надежда балкарской поэзии. С тех пор я знаю Танзилю по многим замечательным книгам. Только мне не нравится, что она подписывает их «Танзиля Зумакулова». Не потому, что я против фамилии Зумакуловой – Зумакуловых много, но Танзиля – одна. Хорошо бы просто писать «Танзиля», не потому, что это поэтично, а потому, что это еще и загадочно.

Я до сих пор продолжаю любить поэзию, светлый талант Танзили. Стихи Танзили Зумакуловой привлекают своей искренностью, откровенностью; героев ее книг можно узнать по ее поэтическому почерку: по образному выражению мысли можно понять, откуда она родом, какой у нее адрес. Ее адрес не только Кабардино-Балкария, город Нальчик. Ее мир – средоточие всего прекрасного, подлинного и благородного на земле. А ее книги являются продолжением поэзии Кязима Мечиева, Кайсына Кулиева и выражают дух и характер ее многострадального балкарского народа.

Эти страдания Танзиля испытала на себе с детских лет, ведь она была дочерью насильственно высланного народа. И только после тринадцати лет пребывания на чужбине Танзиля возвращается на родину со стихами, рожденными вдали от милой Балкарии:

Аллах! Услышь меня! Я погибаю!
Верни меня на родину, Аллах!
Родные горы жажду видеть я!
К нагорным травам приложить уста!..

По мысли А. Блока, поэт должен иметь не карьеру, а судьбу. И действительно, Танзиля имеет судьбу, которая переплетена с судьбой народа, которая является как бы продолжением и подтверждением его истории. Танзиля могла быть озлобленной, мстительной за обиду, нанесенную ее народу, но она «мстила» только добротой и мужеством, ибо природа настоящей поэзии – это мужество и доброта.

Только поэтесса, наделенная большим мужеством и подлинной добротой, могла сказать так:

И хоть радость моя не обильна,
Мне раздать ее хочется всем,

И хоть горе мое непосильно,
Не хочу с ним делиться ни с кем.

К Танзили в полной мере относятся слова А. Твардовского об Анне Андреевне Ахматовой: «У нее есть достоинство таланта».

Ни браслеты на руках, ни серьги в ушах ничего не добавляют и не могут прибавить истинному таланту. А у Танзили самое драгоценное украшение – это ее поэзия, в основе которой глубокая мысль, щедрость души и любовь ко всему прекрасному.

Расул ГАМЗАТОВ,
*народный поэт Дагестана,
лауреат Ленинской премии*

ЭЛЬБРУССКАЯ САПФО

С Танзилей Зумакуловой я познакомился на Пушкинском празднике поэзии – на родине великого поэта.

На поэтические размышления располагало уже само место, поэтически настраивали и окрыляли чудесные весенние дни, поэтически заставила биться мое сердце удивительная женщина, имя которой Танзиля. Это имя осталось в моем сердце и в моей памяти, в лирической книге и во сне, так я ее здесь и буду называть, – Танзиля для меня звучит словно рифма.

Танзиля не пишет – она поет. Она не пишет – из ее щедрого сердца горным ключом поэзия бьет сама. О чем бы она ни писала – о своей матери, о своей горской родине, о ее трудолюбивых людях, о прекрасной природе, о земле, об истории и сегодняшнем дне, о прекрасном, об искусстве, наконец, о самой себе – и о горестных, драматических, сложных и счастливых своих переживаниях – все это глубоко меня волнует. Ибо это не только слова, не только строфы, не только стихи – это молекулы ее сердца и атомы ее души. А это и есть свойство большого, врожденного, неповторимого таланта.

Я не разделяю поэзию на мужскую и женскую. Многие поэтессы писали и пишут мужественную поэзию, многие пишут слабодушные и серые стихи. Поэзия прежде всего – поэзия. И не имеет никакого значения, кто ее пишет. Главное – чтобы творил тот, кто родился поэтом. Разве не мужественно звучит голос Танзили, когда она говорит:

Родина! С тобою радостью делюсь.
А коснется сердца огорченье, грусть,
Я в твои объятия кинусь, как дитя.
Буду твои камни, плача, обнимать.
Быть с тобою – счастье, даже и грустя...
Ты незаменима, как ребенку – мать!

Святые слова клятвы! Их можно вырубить на камне Эльбруса, который она крепко, как и все ее соотечественники, обняла руками и больше никому не отдаст и не оставит.

И все же звучание стали отличается от звучания серебра. Лирика Танзили серебряная – словно серебряные вершины ее родных гор, над которыми витает благородный дух. В серебряном ее голосе много женского тепла, доброты, нежности. Танзиля, кроме всего сказанного, очень человечный поэт. Вся ее поэзия дышит большой любовью к человеку. А это меня, автора человеческой темы, особенно волнует. Она любит каждого человека – и очень близкого и очень далекого, – неважно, на каких меридианах он живет, чем занят, каким говорит языком. Нашел я в ее последней книге стихи, посвященные и людям моей янтарной Прибалтики, за которые я бесконечно ей благодарен. Так поэзия помогает связывать крепкими узами дружбы целые народы и отдельных людей разных национальностей. Это благородная гуманистическая миссия поэзии. Не останусь перед ней в долгу. Давно ношу в своем сердце, словно рифму, красивое ее имя Танзиля – оно звучит, как музыка, и в день ее рождения ложится в новое, ей посвященное стихотворение. В интимное и очень дружеское стихотворение, в котором я желаю смелого и далекого поэтического полета нашей зльбрусской Саффо.

Эдуардас МЕЖЕЛАЙТИС,
лауреат Ленинской премии

«А ИСТИННЫЙ ПОЭТ, ТВОРЕЦ...»

Для Танзили Зумакуловой и ее литературных сверстников образцом служения Отечеству были и остаются их мудрые предшественники Кязим Мечиев и Кайсын Кулиев – поэты, чье творчество вошло в сокровищницу мировой культуры. Великий русский язык, ставший вторым родным языком для всех народов Советского Союза, дал возможность всем приобщиться к достижениям мировой цивилизации. Стихи Танзили Зумакуловой полны беспредельной любви к простому человеку. Ее творчество своими корнями уходит в глубь народной поэзии, симпатии которой всегда были на стороне слабого. Видимо, мудрость народа предполагала, что в поддержке нуждается слабый, а сильный и так силен. Поэзия Танзили Зумакуловой жизнеутверждающая, оптимистична. Но это вовсе не означает, что на каждой ее страничке мы слышим благостные хлопки в ладоши и прекраснородушные восторженные восклицания. В стихах балкарской поэтессы – жизнь, со всеми ее сложностями, радостями, горем. И она, эта жизнь, не вечна. Но смертен человек, а труд его, мечты, надежды бессмертны, они остаются в его народе. Об этом многие стихи Танзили Зумакуловой. В этом мы видим настоящий оптимизм, настоящее жизнеутверждение в творчестве поэтессы.

Активное добро проходит главной темой через всю ее по-

эзию. Человек не может быть счастлив, если рядом кто-то в горе. Более того, человек может совершить невозможное, только благодаря тому, что в другом ощущает себя:

И когда – перед землей в долгу! –
Онемев, сознание утрачу,
Я себя оплакать не смогу...
Потому я над другими плачу.

(Перевод Ю. Нейман)

Удивительные стихи – тонкие, пронзительные. Оплакивая другого – оплакивает себя. Только так и можно оплакать себя, утверждая себя в другом, в себе – другого. Такая слитность людей делает их выше времени и смерти. И тут невольно думаешь о слове «друг», от которого, быть может, происходит слово «другой», и потому «другой» тебе уже друг и брат, без которого ты – не ты, ибо ты мыслим только вместе с ним. Уметь чувствовать так может только талант высокого благородства.

Так живу я, и не к чему спорить,
Я по-прежнему радость делю.
И свое непосильное горе
Неделенным на сердце таю.

(Перевод Н. Гребнева)

Лирический герой поэтессы делит свою радость со всеми, ибо радость только для себя – не радость. Отдать другому хоть немного радости – обрести себе счастье. Это утверждение героя углубляется признанием в том, что свое горе он не разделит. Горе приносит страдания, герой не хочет, не может причинить страдание другому. Так решается извечная тема гуманизма в стихах Танзили Зумакуловой. Ее герой мерит человека только по мере человечности в нем. Даже горы, которым поклоняется поэтесса, их вневременное величие и холодная красота, лишённые человеческих качеств, вызывают в ней отрицательные эмоции:

Стоять, вершиною блестя,
Сиять, не зная милосердья...
Нет, я хочу качать дитя!
Мне ни к чему твое бессмертье...

(Перевод Ю. Нейман)

Поэтесса отказывается от такого бессмертия во имя высокого, божественно-человеческого права «качать дитя». Однако, любя человека, воспевая его благородство, поклоняясь ему, она не прощает ему самой малой слабости. Слабости она не прощает никому, даже... доброму псу:

Хоть раз обозлился, безответный ты пес!
Но вижу я, вижу сквозь марево слез,
Что он с обожаньем глядит на того,
Кто целится неторопливо в него!

(Перевод Ю. Нейман)

Эти строки по ассоциации напоминают нам повесть «Белый

Бим Черное ухо». Любое живое существо должно отстаивать себя, отстаивать свое достоинство. К этому зовет нас поэзия талантливой балкарской поэтессы Танзили Зумакуловой.

Давид КУГУЛЬТИНОВ,
лауреат Государственной премии СССР

ТАЛАНТ В ДАННОМ СЛУЧАЕ БЕССПОРЕН

Стихи Танзили Зумакуловой никогда не спутаешь с произведениями других авторов. У нее свой, индивидуальный, очень своеобразный почерк, отработанный мастерством, огромным жизненным опытом, глубоким проникновением в жизнь, в душу народа. Именно отсюда черпает она темы, образы, наблюдения. Черпает, а потом пропускает все через собственное сердце, через свою душу. Вот почему так взволнованно и проникновенно звучит ее стих, которому всегда чужды холодность, черствость, высокопарность, порой идущая от собственного пассивного восприятия. О чем бы ни писала Танзиля, всюду видишь в первую очередь умное, щедрое сердце самой поэтессы. Пишет ли она о прошлом, заглядывает ли в будущее – все ею самой выстрадано, пережито. Отсюда – неподдельная искренность, полное отсутствие малейшей фальши. Это тем более ценно, что стихи Танзили Зумакуловой, наряду с глубокой лиричностью, отличает высокая гражданственность. Просто, емко, честно пишет она о своем крае, где родилась, выросла, с которым навсегда связала свою судьбу. И каждое четверостишие – словно один из эпизодов жизни Кабардино-Балкарии, один из моментов жизни ее народа. Стих ее очень колоритен, но не в погоне за украшательством, а благодаря страстному желанию говорить с читателем голосом народа. И Зумакуловой это вполне удается. Отсюда – мудрость ее стиха, глубина содержания, оптимизм, национальный колорит, сочетание национального и интернационального.

ЗУЛЬФИЯ,
народный поэт Узбекистана,
лауреат Государственной премии СССР

ТАНЗИЛЯ-АЙНАЛАЙЫН

Я с большим удовольствием читаю стихи Танзили Зумакуловой. В них я слышу, улавливаю, чувствую, помимо пульса сегодняшнего дня, мелодии песен наших древних предков. Каждый поэт, пишущий на одном из тюркских языков, конечно же, если он по-настоящему талантлив, обогащая нашу советскую литературу, становится достоянием всех тюркоязычных народов нашей необъятной страны.

Такие писатели и поэты, как Мухтар Ауэзов, Чингиз Айтматов, Кайсын Кулиев, Мустай Карим, очень много сделали для развития и становления многонациональной советской литературы и всех литератур на тюркском языке.

Сегодня я с большой радостью хочу сказать, что и Ваше имя в этом ряду, Танзиля-айналайын.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ
(Казахстан)

ТАЛАНТ ЕСТЬ ЧУДО

Творчество Танзили Зумакуловой за последние годы заняло особое место не только в горской, но и во всей советской многонациональной поэзии. Оригинальные мысли, неподдельные чувства, выраженные в ее глубоко содержательных, философских стихах и драматических поэмах, поражают своей глубиной, самостоятельностью, потрясают своей страстностью...

Человеку не свойственно любить то, во что он сам не верит. Поэтому лучшим качеством любой книги является правдивость. Пусть правда будет даже очень горькой, все равно только она способна рождать ответное чувство в сердце читателя. Именно этой правдой и обладают в высокой степени произведения Танзили.

Вот целая жизнь человека, уместившаяся в небольшом стихотворении «Недоверие».

...Прошли года и, вслед мне глядя,
Не шепчут люди за спиной,
Что я вплела чужие пряди,
Чуть тронутые сединой.
Не думают, что поджелтила
Сама я щеки напоказ,
Что я нарочно прочертила
Морщинки тонкие у глаз.
О, как хотела бы теперь я
Всех поразить тугой косой
И вызвать чье-то недоверье
Своей былою красотой.

(Перевод Н. Гребнева)

Когда читаешь строки «Недоверия», щемящая грусть охватывает тебя. С волнением, с благодарностью к поэту, сумевшему точно и неотразимо передать смятенное чувство думающего о пролетевших годах человека, прочтет в этом стихотворении каждый.

Не раз обращается поэт к теме Родины. Самое любимое на свете — это она. И Танзиля умеет передать образно и зримо свою нежную любовь к родимой земле.

Поэт верен себе и в стихах о любви — всемогущей и ничтожной, верной и обманчивой, нежной и злой...

У Танзили Зумакуловой трудно найти стихотворение, к которому было бы не применимо высокое понятие «гражданственность», в этом смысле книги ее выгодно отличаются от многих сборников стихов.

Зубер ТХАГАЗИТОВ,
лауреат Государственной премии КБР

ПОЭТИЧЕСКИЕ КРУЖЕВА ТАНЗИЛИ

В жизненной суете, когда бывает неуютно, часто обращаюсь к любимым поэтам разных веков, разных народов, разных талантов. Они обступают меня, я оказываюсь в кругу самых близких друзей, становится хорошо: я вновь силен и богат...

Среди них и сестра всех наших поэтов Танзиля Зумакулова.

Есть у нее собственное поэтическое солнце и оно наполняет ее душу песней. Даже имя Танзили солнечного звучания, точнее – в нем что-то от рассвета. И всеми своими сокровищами она щедро делится с читателем.

Однако жизнь ее не баловала. Через суровые, порой невиданные испытания она прошла, и сегодня проходит сама, в одиночку.

И Танзиля Зумакулова творит, побеждая кратковременность и быстротечность жизни. Наверное, это и наполняет ее творчество искренностью чувств. Она, безусловно, художник от Бога. Как известно, это – основа всего творческого пути большого поэта.

Удивительная, своеобразная и неповторимая картина возникает, когда она начинает свои стихи: словно в интимном полете соединяясь со своей лирической сущностью, Танзиля, сама того не замечая, создает поэтические кружева, загадочную вязь стихов.

Мне нравится наблюдать, как она слушает стихи других поэтов. Много раз удавалось мне по одной только мимике определить, нравятся ли ей звучащие строки. И высказывается Танзиля о них точно и просто. А порой ее оценка – само молчание.

В высокогорной седоглавой Балкарии живет народный поэт Танзиля Зумакулова, освобождая людские души от ненависти, зависти и мести.

Нежная, светлоголосая Танзиля так любима народом!..

Балкарская поэзия, подарившая миру мудрого Кязима, великого Кайсына и других выдающихся мастеров слова, является сегодня светлым, теплым, уютным домом Танзили Зумакуловой. Читатель в нем – гость желанный.

Ахмат СОЗАЕВ,
*председатель правления
Союза писателей КБР,
лауреат Государственной премии КБР*

17. Поэты Балкарии

Известно, что у тюркских народов еще с древнейших времен наблюдается трепетное, уважительное отношение к слову, о чем свидетельствует их богатый фольклор. Практически весь глубинный пласт фольклора тюрко-монгольских народов – это мифы и эпические сказания в форме поэм. Это и казахский «Кобланды батыр», и киргизский «Манас», и бурятский «Гэсэр», и карачаево-балкарский «Нарты» и т.д. Певец, мастер слова, сказитель всегда пользовался у тюркских народов особым уважением, и даже всемогущие властелины вынуждены были считаться с этим, нередко стараясь склонить их на свою сторону лаской и дарами. Но певцы и сказители большей частью не прельщались никакими дарами и оставались выразителями народного, вольного духа, истины и свободы. Многовековой народный опыт по умелому пользованию словом, поэтические навыки, передаваемые из поколения в поколение, не могли не сказаться и на сегодняшнем состоянии письменной литературы – поэзия в значительной степени опережает нашу прозу. Если мы вполне уверенно и где угодно можем, нисколько не сомневаясь, сказать, что и у нас есть много «разных и хороших» поэтов, то, чтобы сказать то же самое о наших прозаиках, надо быть уж очень оптимистичным и не очень требовательным человеком.

Коль спросят, мы можем назвать имена наших поэтов как старшего поколения, так и относительно молодых, произведения которых могут быть причислены к лучшим образцам российской и мировой поэзии. Это и Кязим, и Кайсын из первой половины века, Танзиля Зумакулова, Ибрагим Бабаев, Магомет Мокаев для середины второй половины века, Мухтар Табоксоев и Аскер Додуев, проявившие себя в конце XX и в начале века XXI.

Назвать же прозаиков, достигших примерно таких же высот в литературе, очень затруднительно, несмотря на то, что некоторые из них неустанно называя друг друга живыми классиками, уверили в этом не только многих читателей (не читавших их произведения!), но и власти, и удостоились высоких званий и наград. Так что о прозе у нас предстоит отдельный разговор, а в этой главе мы расскажем о наших некоторых поэтах второй половины XX века. Мы уже ранее рассказывали о Кязиме Мечиеве, Саиде Шахмурзаеве, Кайсыне Кулиеве, Танзиле Зумакуловой. В этой главе мы расскажем об Ибрагиме Бабаеве и Магомете Мокаеве, Ахмате Созаеве, которые родились до войны, и о Мухтаре Табоксоеве и Аскере Додуеве, которые родились в ссылке, после войны.

Ибрагим Хизирович Бабаев – по всеобщему признанию, непревзойденная звезда балкарской лирики. Родился он до войны,

в знойном августе 1936 года в селении Белая Речка, которая в то время входила в Хуламо-Безенгиевский район, а ныне – пригород Нальчика.

Он один из первых балкарцев, сразу же выехавших на родину, как только были сняты оковы ссыльных спецпереселенцев еще до официального разрешения на это властей. Уже в этом поступке чувствуется, что у Ибрагима была чуткая, трепетная любовь к отчей земле, к легендарному Кавказу, которая росла и крепла в его душе все эти долгие годы на чужбине. Эта любовь к Отчизне, к земле отцов, к ее горам и людям, к росистой траве и речушкам и стала одной единственной темой всех его стихов и поэм.

Первая книжка его стихов на родном балкарском языке вышла в 1962 году, когда он еще учился в университете. Она символично называлась «Выхожу на дорогу». И читатели, и критики, и старшие собратья по перу сразу же поняли, что в литературу пришел не начинающий юноша, а уже зрелый поэт, со своим особым миром, с которым может с удовольствием соприкоснуться любой читатель, умеющий оценить красивое и меткое слово. Словом, Ибрагим Бабаев выходил на широкую дорогу большой поэзии, по которой он и будет идти всю жизнь уверенно и красиво.

Спустя лет шесть, когда он, окончив университет, уже работал редактором книжного издательства «Эльбрус», вышла его первая книжка на русском языке под названием «Продолжение весны». «Он истинно талантлив и уже вошел в число наилучших, наиболее своеобразных, оригинальных балкарских поэтов», – писал в предисловии сам Кайсын Кулиев. И эти слова были сказаны не просто так, дабы поощрить молодого поэта, а всерьез, и этому свидетельствует то, как отзывался тамада нашей словесности о Бабаеве, о его творчестве и в последующем. В книге «Так растет и дерево» Кайсын писал об Ибрагиме Бабаеве так: «...считаю Ибрагима Бабаева лучшим из балкарских поэтов – начав печататься лет десять назад, он сразу же обратил на себя внимание, и вскоре мы убедились в том, что дарование его незаурядное. Казалось, что у него ученического периода и не было, что первые же опубликованные вещи написал зрелый мастер – в чем же секрет? Только в таланте, который всегда в ближайшем родстве с мастерством. Только один талант всегда бывает полон жизни и приобретенное мастерство может применять с истинной пользой.

Отсюда и содержательность стихов, их новизна, точный язык, свежая образность, неожиданные, впервые применяемые рифмы. Да, талант и мастерство гармонически слились в его стихах. И это дает прекрасные результаты – в литературу пришел еще один большой поэт. Я вовсе не думаю преувеличивать его значение в нашей поэзии, а пытаюсь точно определить его место в ней. Могу с полной уверенностью сказать, что ему уготовано одно из первых мест среди поэтов балкарского языка».

Да, тамада нашей словесности второй половины XX века не ошибся – Ибрагима Бабаева смело можно назвать среди лучших поэтов Балкарии XX века, наравне с самим Кайсыном и с Танзилей.

Как известно, настоящий поэт – он честь и совесть народа, защитник и хранитель красоты, глашатай мира и согласия людей меж собой и людей с матерью-природой. Ибрагим Бабаев и является таким поэтом.

Я иву защищу на берегу
От топора, чтоб радовались дети;
Я рошу от порубки сберегу –
За все на свете я всегда в ответе!

Замкну я словом дуло у ружья
И целы будут трепетные лани.
Влюбленных песнь собой прикрою я,
Спасу косуль на утренней поляне.

Я встану против пули и ножа,
Я деревом воздвигнусь меж камнями,
Чтоб петь, родные тропы сторожа
И угощая путников плодами...

Хоть солнца в этом вовсе нет вины,
Но освещать пути злодеям больно,
И думы ею горячо полны,
И пятна появляются невольно.

Ему бы стать пылающим ежом,
Чтоб иглами отпугивать злодеев.
Чтоб каждый был поднят и сокрушен,
Кровавых преступлений не содеяв!

Земля не виновата в том ничуть,
Но чувство, что злодей по ней шагает,
Холодной болью сковывает грудь
И на чело морщинки налагает.

Да не зрит убийца торжество!
Болотом стать бы, просто провалиться,
Чтоб замыслы коварные его
Вовеки не смогли осуществиться...

Никто ни в чем дорогу не винит,
Но иногда дрожит она, рыдая.

Она о том тоскует и скорбит,
Что проводила к цели негодяя.

Кинжалом ей бы стать или стрелой,
В злодея бессердечного вонзиться!
Она от гнева горбится: долой,
Долой с меня, насильник и убийца!

Поистине – такие стихи может написать только настоящий поэт, готовый заслонить собой весь мир от бед и несчастий, чья душа болит при виде всякой несправедливости. К этой жизни Ибрагим Бабаев, как и его старший русский собрат Сергей Есенин, не очень-то приспособлен – не рвался на поклон к Власти, не лебезил перед ней, ничего не просил, да и в общении с товарищами, с поэтами и писателями всегда отличался прямоотой и независимостью суждений, а потому и считался «неудобным» в компании человеком. Ведь во все времена, в веке XX, да еще в нашей стране особенно, «удобными» и «лучшими» людьми общества Власть всегда стремится определять тех, кто ей угоден, кто день и ночь неустанно говорит, что она справедлива и мудра, а заодно взамен, также неустанно, изо дня в день просит такую малость – должность, награду, премию... А Ибрагим не только ходить и просить себе награду не мог, но даже мимо Дома правительства, если приходилось, проходил быстро, как бы опасаясь встречи с кем-нибудь из высшего начальства – еще подумают, что и он, как и многие, ходит и что-то просит.

«Да, Ибрагим Бабаев – один из самых лучших поэтов среди литераторов, пишущих на балкарском языке, – говорит об Ибрагиме Бабаеве поэт Аскер Додуев, который много лет работал вместе с ним в редакции журнала «Минги-Тау». – Бережное обращение со словом, незабываемые образцы, неповторимая музыка стиха, современная и вместе с тем отчеканенная рифма, глубина мысли – это те компоненты, которые делают поэзию Бабаева уникальной».

И с нами – ты, могучий Минги-Тау!
Я снова ощутил с тобою связь,
И кажется, что над землей взлетаю,
К ней в то же время ближе становясь.

Я с детства предан двум твоим вершинам,
Всю жизнь их о взаимности моля.
Я, как и ты, давно стал двуединым:
Равно близки мне небо и земля.

И ты, как я, поставлен между нами,
С обоими навеки обнялся:
Питаешься ты силами земными,
Но головой уходишь в небеса.

Мой Минги-Тау, ты – сродни поэту:
Его задача – также обрести
Возможность землю трепетную эту
С надмирной тишиной переплести.

Чем ближе мне тебя сковавший холод,
Тем жарче пышет пламенем строка,
И всякий раз я чувствую, как молод,
Когда гляжу на вечные снега!

Как воин, ты готов всечасно к бою,
Как тамада, благословляешь той...
И коль я чист – твоею чистотою
И коль высок – твоею высотой!

Другой широко известный поэт Балкарии второй половины XX века и в расцвете творческой зрелости вступивший в век XXI – это Магомет Хасуевич Мокаев. Родился он 15 июня 1939 года в селении Верхний Баксан Эльбрусского района КБР. Едва ему исполнился год – началась война, самая страшная за всю историю человечества и особо жестокая по отношению к балкарскому народу, следовательно, и лично к Магомету Мокаеву. По ее вине он стал не только сиротой, но и в неполные 5 лет стал политическим ссыльным и оказался в сухих степях Средней Азии. Рос и воспитывался он на руках у бабушки.

Но, как бы ни испытывала его судьба-злодейка, он все-таки, как и весь его народ, сумел выжить и одержать верх над всеми невзгодами. Сейчас балкарцы вновь живут на своей земле, работают и растят детей. И Магомет Мокаев тоже. Но он уже не у обочины жизни, куда балкарцев, а заодно и его тоже столкнули Сталин и его подручные, а на самой стремнине – он поэт, признанный певец своего народа, работает и воспитывает детей. Магомет Мокаев сегодня – это народный поэт Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, главный редактор литературного журнала «Минги-Тау», известный общественный деятель и публицист.

Понятно, что все это ему, не знавшему ни родительской поддержки, ни особой благосклонности судьбы, давалось не так уж легко. Он испытал все: и нерадостное детство, и голодное студенчество, и нелегкий хлеб начинающего журналиста. Но он никогда не сгибался под тяжестью судьбы, всегда сохраняя в душе веру в светлое будущее и изо всех сил стараясь быстрее приблизить ее учебой и упорным трудом. Известно, что человеческий прогресс достигается общим усилием всех людей – и тех, кто пашет и жнет; и тех, кто пасет и выращивает скот; и

тех, кто делает машины и строит дома; и тех, кто познает науки и заставляет их служить народу, наконец, кто метким и красивым словом очищает души людей от грязи и пошлости.

Магомет Мокаев посвятил себя труду на «ниве человеческой души», стал поэтом. Чтобы по мере сил своих очищать человеческие души и от всякого житейского мусора и облагораживать их. И достиг в этом больших успехов, иначе не назвали бы его Народным поэтом и в Кабардино-Балкарии, и в Карачаево-Черкесии.

И ничего в этом удивительного нет – ведь поэзии он посвятил всю свою жизнь, начиная со школьной скамьи. Как рассказывает сам поэт, он из Средней Азии вернулся не с чемоданом вещей, а с папкой стихов. Впервые его стихи появились в газете «Коммунизмге жол» в 1958 году. Вскоре одаренного юношу приняли в редакцию газеты корректором.

В 1960 году из печати вышла первая книжка стихов М. Мокаева под названием «Биение сердца».

И вскоре биение беспокойного сердца поэта в его стихах почувствовали и русские читатели – в 1967 году в издательстве «Эльбрус» вышла книга «Огонь очага», после которой перед его фамилией появилось слово «известный», означавшее, что именитым поэтам пришлось потесниться и принять его в свои ряды.

Произошло это по одной простой и всем известной причине – молодой поэт был талантлив, то есть он смотрел на мир и события по-своему, и читателям было очень даже интересно глянуть на давно знакомые вещи и действия людей глазами Магомета Мокаева.

Но ведь мироощущение и взгляды Мокаева на происходящие в мире события, как и у многих других поэтов и писателей, формировались и крепились не в пустыне Сахара, а на древней земле Кавказа, в отчих краях, а именно – в Кабардино-Балкарии. А Кабардино-Балкария – это не только высокие горы и зеленые долины, орлы и быстрые реки, туры и рододендроны. Кабардино-Балкария – это и нарты, силой своего ума побеждающие эмегенов, под которыми прогибается земная твердь, и Ерюзбек, предводитель нартов, спустившийся к ним с неба, и вещая красавица Сатанай, верная подруга Ерюзбека, и многие другие герои древних сказаний и легенд. Это и Кязим, и Кайсын, и Танзиля, это и Али Шогенцуков, и Алим Кешоков, и Юрий Темирканов тоже. Вот эта Кабардино-Балкария, страна нартов в прошлом, страна красивых и сильных, талантливых и трудолюбивых людей в настоящем и стала питательной силой поэта Мокаева, благодаря которой из-под его пера и потекли строки, идущие от сердца. От сердца поэта – к сердцу читателей.

Вот такие строки:

***

Мне малости не достает – твоей улыбки.
 Приходит снова день, – не вижу света дня.
 И робко над землей рассвет займется зыбкий.
 Живу, покуда ты – надежда для меня.

О если б радость мне доставила заря, –
 Заставил реки я запеть бы звонче скрипки
 И горы заплясать заставить смог бы я!
 Мне малости не достает – твоей улыбки.

***

Любовь и ненависть, – меня вы обе
 Вели туда, где думы, труд, борьба,
 Ликует недруг мой в нелепой злобе,
 Когда моя ломается арба.

Беда пройдет – я вновь светлею взглядом.
 Мед на столе, и на душе тепло.
 И верный друг сидит со мною рядом
 На радость мне и недругам назло.

***

В ауле я из чаши деревянной
 Испил воды – и понял: никогда
 Мне не наскучат рощи и поляны,
 Дороги, зори, белых гор гряда.

Из чаши золотой в чужом краю я
 Испил вина – и понял, что ни с чем
 Вовек мне землю не сравнить родную,
 Не позабыть Баксан мой, мой Чегем.

***

Тревогой вечной в сердце ты моем.
 Боль и бальзам ты для меня на свете.
 Тебя я ради вешним был дождем,
 Белел чистейшим снегом на Чегете.

Я солнечной поляной стал зимой,
 Чтоб, ступая, зла тебе не причинила.
 Я – туча, я – поток... А в летний зной
 Я – в тень тебя зовущая чинара.

Переводы стихов Л. Шерешевского.

Как и другие большие поэты Балкарии, Магомет Мокаев тоже не только певец родного края, но и всего мира, всех наро-

дов, так как его поэзия – это песня любви к матери-природе, к жизни, к добру, красоте и человечности, присущие всем людям в этом подлунном мире, независимо от того, где они родились и живут. А потому он с неутомимой жадностью окунается в мир поэзии иных народов и с удовольствием переводит своих любимых поэтов на балкарский. Среди них не только Уильям Шекспир, Александр Пушкин, Михаил Лермонтов, Сергей Есенин, но и известные поэты Кавказа и Кабарды – Расул Гамзатов, Алим Кешоков, Петр Мисаков, Зубер Тхагазитов и другие.

Ахмат Султанович Созаев, один из видных современных балкарских поэтов, тоже родился до войны – 21 января 1941 года, в пос. Белая Речка г. Нальчика Кабардино-Балкарской Республики. Окончил Кабардино-Балкарский госуниверситет, по специальности филолог, литературный работник.

А. С. Созаев многие годы совмещал деятельность радиожурналиста с активной общественной работой. Имя его знают во всех «городах и весях» республики, его поэтические и публицистические выступления находили и находят отклик как в душах интеллигенции, собратьев по перу, так и в сердцах простых чабанов и пахарей в самых дальних уголках Балкарии.

Первой же книгой своих стихотворений «Кюнню кёреме» («Вижу солнце»), которая вышла в 1968 г. в книжном издательстве «Эльбрус», он обратил на себя внимание таких выдающихся мэтров литературы, как Кайсын Кулиев, Алим Кешоков, Лев Озеров, Эдуардас Межелайтис. Его поэтические произведения в дальнейшем охотно переводили такие мастера, как Лев Озеров, Лазарь Шерешевский и другие.

Его сборники «Вижу солнце» (1968), «Солнечные тени» (1972), «Голоса трав» (1978), «Белая Речка» (1983), «Летающие окна» (М., 1985), «Руки» (1987), «Открываю утро» (1991), «Даст Бог» (1995), «Голос рассвета моего» (1998) отличаются неповторимым созаевским почерком, метафорически наполненным и в то же время просто и безыскусно говорящим нам о сокровенных человеческих чувствах, далеких от витания в безвоздушном пространстве небытия, но влекущих нас к грешной земле – туда, где есть боль и отрада, где есть мечта и крушение иллюзий, где есть Ее Величество Жизнь.

Созаев – поэт кайсыновской поры, поэт плеяды шестидесятников, впитавший всем существом заботы и запахи нашего времени, певец жизни, земли и неба, солнца, вершин и трав, устремлений человека, желающего выжить и выстоять, да еще спеть собственную песнь, утверждающую превосходство духа над бренной плотью.

А. С. Созаев входит в пятерку самых замечательных поэтов балкарского народа, мастеров художественного слова. Он внес значительный, весомый вклад в развитие балкарской поэзии, обогатив тем самым и российскую литературу, возможно – одним, но сияющим лучиком, необходимым ей и родным.

Творчество Ахмата Созаева по достоинству оценено общественностью Кабардино-Балкарии. Он лауреат Государственной премии КБР, премии Комсомола республики. Награжден медалью «За трудовое отличие», ему присвоено звание «Заслуженный работник культуры КБР», «Отличник телевидения и радио СССР», его рассказ «У расставания соленый вкус», написанный ритмической прозой, переведенный и на язык братского кабардинского народа, получил большое признание читателей и удостоен в 1994 г. премии Совета Министров КБР. А писатели республики по своему наградили его, избрав председателем правления писателей КБР.

Из поэтов послевоенного поколения, родившихся в ссылке и творческие дарования которых раскрылись в конце XX века, наиболее известным является Аскер Тауканович Додуев. Родился он в год смерти Сталина, и это символично – пришел Поэт и Палач ушел. И еще одна символическая случайность – он родился там, где в это время жил великий Кязим – в сел. Тельман Талды-Курганской области Казахстана, дышал одним воздухом с ним.

После возвращения из ссылки на родину семья Таукана Додуева стала жить в Шалушке, где Аскер окончил среднюю школу. Математика была его любимым предметом, и он поступает на физико-математический факультет КБГУ. Но через два года его призывают в армию и он служит до 1973 года. После возвращения из армии заканчивает учебу в университете и начинает сам учить детей математике в своей родной школе. Десять лет работает в школе, учит детей, казалось бы, что он уже вышел на большак своей жизни и идти ему по ней долгие-долгие годы, зарабатывая негромкую, но такую сладостную славу народного учителя. Но не получилось – увлечение красивым и к месту сказанным словом, сочинением стихов победило в нем педагога и он, как только представилась возможность, сразу же перешел с общепризнанного, авторитетного и давным-давно укатанного большака народных учителей на ухабистый проселок писателей и поэтов – он устраивается на работу в только что учрежденный журнал «Минги-Тау» редактором отдела поэзии, где главным редактором был Ибрагим Бабаев, а ответственным секретарем – его друг, тоже молодой поэт, Муталип Беппаев. Спустя пять лет, завороченный голубым экраном, он переходит на телевидение и готовит литературные передачи на балкарском и русском языках.

Первая книжка его стихов увидела свет в 1980 году и называлась «Идущий по снегу». Книжка оправдала ожидания читателей, уже знакомых с ним по публикациям в газете «Заман» и в журнале «Минги-Тау» – это были ярко выраженные лирические стихи – любовные и патриотические. Их отличала ясность мысли и глубина чувств лирических героев, оригинальность и

стремление к красоте слова. Через четыре года выходит второй сборник – «В пути», а спустя еще четыре года новый сборник стихов – «Черек». Эта книжка стала этапной в творчестве поэта – она означала, что Аскер Додуев из разряда так называемых молодых стихотворцев переходил в стан уже состоявшихся поэтов. Теперь он уже действительно известный поэт, серьезный журналист и глава прекрасной семьи. Соответственно возмужали и его стихи – в них чаще, чем раньше, стали появляться стихи-раздумья. О смысле жизни, о доброте человеческой души, о судьбах мира и человечества и, разумеется, о любви. Все это литературоведы называют лирико-философской поэзией.

Следующая его книга стихов, «Лицом к лицу», это уже поэзия серьезного мастера слова.

Как известно, у писателей и поэтов – у каждого своя тропа, своя дорога, и все они ведут туда, к труднодоступным заснеженным высотам и взошедших на них потом потомки называют классиками. Правда, у нас зачастую гениями, классиками провозглашают друг друга и довольно посредственные и даже бездарные подмастерья от литературы, но ведь серьезные люди им не верят.

Сможет ли Аскер Додуев в будущем добраться если уж не до самых высоких вершин поэтического Олимпа, а хотя бы на те вершины, на которых уже бывали старшие его соплеменники – поэты, покажет время. А сейчас, в начале XXI века, взобравшись на половинный перевал своей жизни, он и в поэзии лишь на полпути к вершине – Аскер Додуев талантливый, известный поэт-лирик, песни, сложенные на его стихи, поют на фестивалях и в концертных залах, передают по радио. И люди любят их. Но читатели ждут от него, поэта Аскера Додуева, большего. Кажется, что-то сдерживает его талант, не дает ему проявить себя, слететь на белые чистые страницы прекрасными строками и зазвучать в мелодичных песнях. Может быть, поэт немного устал от этой суетной жизни (надо работать, детей на ноги ставить), и он решил немного отдохнуть на удобном перевале на полпути к своей жизни и поэтического Олимпа? Если так – хорошо, мы, читатели, подождем немного. Только бы он, познав все трудности поэтической тропы, получив в подарок не только розы, но и раны от шипов, махнув рукой, решил бы не подниматься выше, а спуститься вниз, в уют и тепло обыденной жизни...

Но наверняка Аскер так не поступит, потому что по натуре он человек-борец, настойчивый и целеустремленный. К тому же, как известно, «больные» литературой, поэзией также трудно излечиваются, как и наркоманы.

А Аскер «поражен» поэзией настолько, что навряд ли ему удастся так просто с нею расстаться. Если не в стихах, не на бумаге, то где и кому он сможет высказать свою большую сыновнюю любовь к родной земле, к своим землякам, к своим го-

рам и речушкам. Кому он расскажет о своей мечте, о своих раздумьях о смысле жизни, о тревогах при виде торжества зла и подлости? Не на улице же, не на стадионе перед футбольным матчем. Он ведь не ненормальный. А держать долго у себя в груди такую большую любовь, такие сладкие мечты, такие тревожные размышления он, конечно же, не в силах. А потому в скором будущем мы, безусловно, будем держать в руках новые и новые книжки стихов Аскера Додуева, многие герои которых чистые и честные, веселые и задумчивые, нерешительные и бесшабашные, понравятся нам и станут нашими друзьями.

Поэт Мухтар Табаксоев – наиболее яркий представитель нового поколения балкарской творческой интеллигенции, которая родилась и выросла уже не зная ни ужасов войны, ни унижения ссылки, ни горький привкус хлеба на чужбине.

Он родился в селении Верхняя Балкария в 1959 году. После окончания школы он поступил на филологический факультет Кабардино-Балкарского госуниверситета. После завершения учебы в университете работал в комсомольских органах г. Нальчика.

После демократических перемен в стране перешел в книжное издательство «Эльбрус», где и работает в настоящее время заведующим отделом художественной литературы на балкарском языке.

Его стихи с самого начала, как только начал печататься, привлекли внимание читателей четко выраженной авторской позицией, смелыми и искренними размышлениями на животрепещущие темы социальной и общественно-политической жизни. Да, Мухтар Хасанович Табаксоев вырос уже у себя, на земле своих отцов, но, видимо, та громадная беда, пережитая народом, вопиющая несправедливость власти к его народу и лично к его ближайшим родственникам, не остались для него где-то в далеком прошлом, а, перейдя от старших к нему, глубоко ранили и его душу. И он зорким своим взглядом, всеми фибрами своей души чувствует, что и сегодня не все хорошо в нашей жизни, в нашей стране. И он, словно сокол, бросается на всякую несправедливость и ложь, призывая одновременно честных и добрых людей к единству и решительности. Если говорить языком литературоведов, его стихи носят ярко выраженный гражданский характер, и автор нисколько не старается скрывать своей позиции, а наоборот – клеймит позором, разоблачает, призывает, просит. Клеймит позором ловкачество, хамство и казнокрадство, призывает людей не быть равнодушными в эти напряженные годы, а, объединившись, бороться за справедливое устройство мира.

Особо следует отметить его высокое поэтическое мастерство, чеканность его стихов. Трудно, почти невозможно найти в его произведениях слова, вошедшие в стихи ради ритма или рифмы, не несущие особого смысла, что довольно часто случается у многих поэтов, в том числе и маститых.

Первую его книгу уже ждали нетерпеливые читатели, знакомые с его стихами по публикациям в газетах и журналах. Она вышла в 1995 году. И, конечно же, была восторженно встречена любителями настоящей поэзии. Следующая его книга появилась уже в 2004 году и называется «Игра с колесом».

Тысячелетия канули, как сон,
Не счесть того, что скрылось в их пучине,
Но игрища с железным колесом*,
Как видно, продолжают поныне.

Идет, как встарь, кровавая игра,
Забава, не щадящая живого.
Неужто ей прерваться не пора?
Закончившись едва, заходит снова.

И застывает в ужасе народ,
С тоской мечтая спрятаться, скрыться –
Иначе дело примет оборот
Такой, что лучше б вовсе не родиться.

Идущий вверх порой глядит назад.
Не всяк тот мудр, кто просто долгожитель.
Не всякий может с гордостью сказать:
«Родные корни – вот моя обитель!»

Хвалу пустую слуги Сатаны
Тем, кто родства не помнит, возглашают,
Даруют им награды и чины –
И на места почетные сажают.

Следя за тем, чтоб спорилась игра,
Кого-то назначают коноводом:
«Век есть тебе со злата-серебра,
Коль нам поможешь справиться с народом!»

Сноровисты посланцы Сатаны –
На расстоянии чуют негодяя.
И снова гибнут лучшие сыны,
Кто лоб, кто грудь железу подставляя.

---

* Игра с колесом – сюжет из нартского эпоса. С высокой горы скатывали огромное железное колесо и смельчаки должны были остановить его грудью или лбом.

Вот сгорбленный, трясущийся старик
 Выходит в круг – игру продолжить хочет.
 Ему вослед звенит потомков крик,
 А свита сатанинская – хохочет!

«Всех разобшив, нетрудно и подмять!
 Мы одолеем их поодиночке!» -
 Так Сатаны услужливая рать
 Усмешливо торопит дело к точке.

Толкают старика: «Скорей, скорей!» -
 И вот глаза, подернутые ряской,
 Обводят ряд напрягшихся парней,
 А те отходят в сторону с опаской.

Не всяк тот смел, кто молод и здоров,
 Кого Всевышний силой не обидел.
 Не всякий в пламя бросится готов,
 Воскликнув: «Корни – вот моя обитель!»

Кто сделает отважный первый шаг,
 Кто примет вызов яростного рока?
 Кивая на других, все спешат
 Уйти, укрыться, спрятаться до срока...

Опять один... но ты не одинок –
 Ведь Родина твоя всегда с тобою.
 Пускай живым тебе поможет Бог
 Вернуться из сражения с судьбою.

Вот колесо огромное ревет,
 Оно все ближе, след его – разруха...
 И замер в ожидании народ,
 Лишившись в миг и разума, и духа!

Наверное, в нашей жизни многие в ожидании перемен к лучшему действительно предпочитают не бросаться безоглядно вперед, на борьбу, но только не поэт и гражданин Мухтар Табасоев. Он и сам занимает в жизни активную, переднюю позицию, такими являются и его лирические герои.

Опять виденьем моря взгляд мой ранен –
 Бескрайнего, безбрежного, без дна.

Неужто мой корабль к нему отправлен?
Не виден след. Тень тоже не видна.
Что предо мною? Гибельная нива?
Не к Черному ли морю я пришел?
Ручей, с горы сбегавший торопливо,
Не здесь ли тьму могильную нашел?
Опять горит в усталом сердце рана –
Оно без песен ноет и болит,
А море вновь кипит, клокочет редко,
Волнуется, вздымается, бурлит.
Вдруг из-под спуда волн, что воют дико,
Дошли до слуха голоса сирот:
«Не пожалей отчаянного крика –
Вот, буди свой дремлющий народ!
Кавказ, плененный вольными ветрами,
Забылся, одурманен тяжким сном.
Дороги закрываются пред нами,
Едва лишь успокоившись, уснем...»
А я тотчас припомнил Минги-Тау –
Мой белый парус! Вздымленная грудь...
В его судьбе свою судьбу читаю
И кровью окропляю трудный путь.
Мой Минги-Тау! Белоснежный парус!
Ты не сдавайся бешеным ветрам,
Осиливаешь волн слепую ярость
И море рока режешь пополам!

Перевод стихов Георгия Яропольского

Из истории братского карачаевского народа

18. Вся жизнь поэта – это поиск правды

Представляем с незначительными сокращениями рассказ кандидата филологических наук, доцента КЧГУ Т. Х. Хапачевой о народном поэте КЧР Азамате Суюнчеве. Этот очерк напечатала газета «Карачаево-Балкарский мир» в феврале 2003 года.

Народный поэт Карачаево-Черкесии, прозаик, ученый и педагог Азамат Алимович Суюнчев родился 10 января 1923 г. в карачаевской крестьянской семье в ауле Джегута Усть-Джегутинского района Карачаево-Черкесской Республики.

Его произведения вошли в антологические сборники поэтов Карачаево-Черкесии «В краю степей и гор», «Слово о братстве»,

«Верность» на русском языке. Стихи и песни автора включены в «Антологию карачаевской поэзии» Ставрополь, 1965; в сборник «Карачаевские народные песни» – Москва, 1969 г. На стихи поэта написано композиторами Северного Кавказа и Москвы около 200 песен на различные темы. Он работал в содружестве с видными композиторами, заслуженными деятелями искусств В. Караханом, А. Дауровым, У. Тхабисимовым, А. Байчекуевым, продолжает работать с М. Ногайлиевым и другими, которые отмечают музыкальность его стиха. Большой популярностью пользуются песни: «Россия», «Теберда», «Ожидание», «Белая лебедь в синей волне», «Двойная радуга» и другие.

Его песни исполняют лучшие певцы Северного Кавказа О. Отаров, Л. Кульбаева, З. Алтуева, Ч. Анзороков, В. Краснова и другие.

Песни А. Суюнчева выпущены в грамзаписях Всесоюзной фирмы «Мелодия».

Известны поэмы «Голос времени», «Красная дорога», «Годы судьбы», «Там, где мчался конь богатыря», «Воспоминания» и другие.

Хорошую оценку литературной общественности получили экологические поэмы «Белый тур», «Зеленый мир», посвященные защите уникальной природы Кавказа.

Писатель не замыкается изображением национального мира Кавказа. География его творчества гораздо шире. Герои его произведений действуют в России, в Средней Азии, в Казахстане, на Украине, в Белоруссии и далеко за пределами страны. В творчестве его нашли изображение многие важнейшие события и потрясения прошедшего века. Поэту характерны признаки планетарного мышления (стихи «В этом мире», «Рукопожатие материков», «Спешите творить добро» и др.)

Значительное место в поэзии А. Суюнчева занимает гражданская лирика. В его поэзии отражаются темы Родины и родного края, созидательный труд, судьба родного народа, философские размышления, традиции, обряды и обычаи... Нашли образное изображение в его поэзии любовная лирика, пейзажная тематика, роль поэта и поэзии в обществе. Поэзия его лишена риторики и назидания. Он – яркий представитель «почвенной поэзии» в карачаевской литературе.

Плодотворно работает А. Суюнчев в прозе (в жанрах новелла, рассказ, повесть). Они лаконичны и выразительны, проникнуты гуманистическими идеями.

Высокую оценку получили К. Кулиева, К. Симонова, О. Хубиева, А. Караевой его повести «Халал джюрекле» («Щедрые сердца»), «Звон караванного колокольчика», «Огонь очага», «Двойной узел» и другие.

Многогранна и многокрасочна публицистика горского литератора.

В ней поднимаются патриотические, интернациональные темы, запечатлены образы представителей русского народа и других народов.

Он является инициатором идеи и автором серии очерков под названием «Жизнь замечательных людей Карачаево-Черкесии». Так, например, писатель посвятил свои произведения исторической личности, основателю Карачая легендарному Карче, видным государственным и общественным деятелям республики К. Курджиёву, У. Алиёву, Х. Аппасёву, землякам-военачальникам советской армии генералам С. Магомётову и В. Семенову, многим героям войны и труда. Им написаны десятки литературных портретов современников – поэтов и писателей, ученых и художников.

По мотивам очерков А. Суюнчева созданы телефильмы «Полководец» о генерале С. Магомётове, «Человек-легенда» о Герое России Д. Узденове (ГТРК «Карачаево-Черкесия», 2001, 2002 гг.).

Как заметил Е. Евтушенко, «поэт в России – больше, чем поэт».

Азамат Суюнчев известен как писатель – правозащитник. Он один из немногих литераторов, поднявший свой голос протеста против национальных репрессии в СССР («Азиатская тетрадь». Стихи и поэма. 1944–1956). Им была создана рукописная книга «Очерки о ссылке» (1955) о положении репрессированных народов России (о карачаевцах, балкарцах, чеченцах, ингушах, калмыках, российских немцах и крымских татарах). Эта рукописная книга была отправлена в ЦК КПСС с ходатайством об отмене ссылки целых народов и возвращении их на историческую родину еще задолго до XX съезда КПСС, в тот период, когда власти страны считали ссылку «вечной» и «наказанные народы» еще были под надзором спец. комендатур МВД. И всякое осуждение политики центральных властей расценивалось как клевета, порочащая первое государство, строящее коммунизм.

Продолжая начатое правозащитное дело, А. Суюнчев участвовал на съездах репрессированных народов по вопросам их реабилитации и в 1980–1990-е годы, в составе национальных делегаций регионов встречался с руководством страны в Москве. В 90-е годы писатель принимал личное участие на встречах деятелей культуры по урегулированию межнациональных конфликтов в Азербайджане, Ингушетии, писал об Абхазии и Чечне, опубликовал ряд статей и поэтических произведений в печати, призывая к урегулированию разногласий.

Поэт выступил в печати со своей сатирической поэмой «Затмение полумесяца» в 2000 году, где подверг резкой критике фальсификацию национальных отношений на Северном Кавказе в телефильме «Кавказский полумесяц» (автор Е. Масюк, Москва, РТР).

Литературное творчество поэта и писателя характеризуется гражданским пафосом, новаторскими поисками, образностью мышления. Поэзия, проза и публицистика Суюнчева дополняют друг друга своим художественным рисунком и гуманистическими устремлениями.

Многогранна и научно-педагогическая деятельность А. Суюнчева. Ученый-педагог А. Суюнчев – один из составителей

капитального труда «Русско-карачаево-балкарский словарь» (Москва, 1965), автор ряда учебников по карачаевской литературе для средней школы, по которым школьники республики занимаются более 40 лет.

Перу литературоведа А. Суюнчева принадлежит ряд статей и исследований по истории и теории карачаевской литературы. Очерки об основоположниках карачаевской поэзии «Касбот Кочкаров – народный поэт», «Исса Каракотов – поэт и героический образ», «Хасан Аппаев» – монография о родоначальнике карачаевской прозы, «Основы теории карачаево-балкарского стихосложения» и другие.

Он – один из активных собирателей и хранителей фольклора родного народа. Имеет свой богатый фольклорный фонд в рукописях.

Произведения А. Суюнчева изучаются в средней и высшей национальной школе Карачаево-Черкесской Республики, переводятся и на языки других народов.

Он же переводчик произведений классиков русской литературы А. Пушкина, М. Лермонтова, С. Есенина, Н. Рыленкова, а также поэтов других народов Т. Шевченко С. Вургуна, М. Джалиля и др.

А. Суюнчев посвятил около 30 лет научно-педагогической деятельности. Он прошел путь от учителя начальных классов до преподавателя вуза. Свои знания и опыт он передавал и передает молодому поколению.

Писатель А. Суюнчев принимал и принимает активное участие в литературно-общественной жизни республики. Он несколько лет руководил секцией в Карачаево-Черкесской областной писательской организации, был участником Дней литературы Карачаево-Черкесии на Ставрополье, в Кабардино-Балкарии, Адыгее, на Украине и других республиках.

Им также немало сделано в деле сохранения памяти поэтов и писателей старшего поколения, ставших жертвами сталинских репрессий и погибших на фронтах Отечественной войны (Х. Аппаев, А. Хасанов, А. Биджиев, А. Уртенев, И. Каракотов, Д. Байкулов, Х. Бостанов, Т. Борлаков, М. Урусов и других). Их имена по инициативе Суюнчева были увековечены в камне и бронзе.

Под редакцией А. Суюнчева выпущены книги писателей К. Кочкарова, У. Алиева, А. Хасанова, сборник «Литературный Карачаевск» (в 1981–2001 г.г.). Последние двадцать лет он занимается исключительно литературным творчеством. Им написано много стихотворений, ряд поэм и повестей, несколько драматургических произведений, рукописи которых ждут издания.

Республиканским книжным издательством с 1988 года по настоящее время не издано ни одной книги народного писателя из-за отсутствия средств.

Автор 60 лет посвятил литературному труду.

Своей многогранной деятельностью писатель-энциклопедист

внес весомый вклад в развитие карачаевской литературы XX века, обогатив ее новым содержанием, жанровым разнообразием и художественным уровнем.

Писатель, ученый и педагог Суюнчев оказал влияние и на возрождение науки, образования и культуры народов Карачаево-Черкесии. Его имя вошло в «Историю карачаевской литературы» и в «Историю советской многонациональной литературы», изданные издательством «Наука», ИМЛИ АН СССР. Ветеран литературы Карачаево-Черкесии и ныне успешно продолжает работать над новыми произведениями, активно выступает в печати и теле-радио КЧР и других регионов, помогает молодым авторам.

А. Суюнчев, участник Великой Отечественной войны, в боях на Дону был ранен. Участник освоения целинных земель в Казахстане. Имеет правительственные награды: награжден орденом Отечественной войны и рядом медалей.

Ему присвоено почетное звание «Народный поэт Карачаево-Черкесии» (1997).

Исследованию его творчества учеными посвящены монография и серия научных статей. Отзывы благодарных читателей публикуются в средствах массовой информации.

Тема современного состояния балкарской литературы в публицистике

19. Гении на вершине Нартии

Размышления накануне съезда балкарских писателей

Статья писателя Магомета Кучинаева из газеты «Кабардино-Балкарская правда» за 1 декабря 1994 г.

На днях должен состояться съезд балкарских писателей. Будучи одним из них, видимо, имею право поразмышлять вслух и о предстоящем съезде, и о нашей литературе.

Конечно же, для нас, хоть на толику причастных к литературе, сутью всего является она сама – литература. В последнее время нам так часто говорили, что наша литература достигла таких высот, что ей уже больше некуда и подниматься, так как, мол, более высоких вершин уже нет, что подвергать это сомнению уже небезопасно. Поэтому, полностью соглашаясь с этой оценкой, хочу только выяснить одну незначительную деталь – когда говорят о том, что наша литература покорила уже все вершины, то имеют в виду герпегежско-нальчикские окрестности или же весь земной шар? Это очень важно, так как вокруг Нальчика и Герпегежа нет более высокой вершины, чем гора

Нартия (Большая Кизиловка), которая у альпинистов, я уверен, и за гору-то не считается.

Оседлать вершину с таким гордым именем, конечно же, почетно, но для нас, горцев, Нартия – это все-таки не гора! И если наша литература, взобравшись на вершину Нартии, провозглашает, что она уже на «крыше мира», то это просто наивное заблуждение – до истинной «крыши мира» еще надо подниматься и подниматься.

А если имеются в виду не только окрестности Нальчика и Герпегежа, а весь мир, если говорят, что наша литература покорила и Эверест, и Эльбрус? И в доказательство назовут имена Кязима, Кайсына. У кого повернется язык сказать, что Кязим и Кайсын не высочайшие вершины мировой литературы?

Но если это так, если наша литература уже покорила все вершины мира, то ей фактически уже нечего делать, так как ей дальше уже некуда развиваться. Тогда даже самый что ни на есть заурядный философ без всяких колебаний скажет – это остановка, это смерть! Таков закон естества – в природе все, достигнув предела, гибнет. А балкарская литература, как нас уверяют, достигла предела в своем развитии. Говорят, что вот этот наш писатель создал столько же романов, сколько и Чингиз Айтматов, что его произведения нисколько не уступают чингизовским, и он не столь популярен лишь потому, что он сын маленького народа. Когда наши писатели говорят друг о друге, они уже не употребляют такие жалкие эпитеты, как «одаренный», «талантливый», «хороший» («фахмулу», «уста», «иги»), а непременно только «гениальный» («закый»). Все правильно: все балкарские писатели и поэты – гении, балкарская литература не уступает литературе любого многочисленного народа!

И в душу невольно закрадывается страх – как и в свое время прекрасная Эллада, как надменный и роскошный Рим, как Золотая Византия, вот-вот погаснет и яркая звезда современности, освещающая мир, – балкарская литература! Погаснет согласно законам природы, достигнув высшего предела. Неужели невозможно ничего придумать, изменить? Неужели, как и после Эллады и Рима, мир опять погрузится во тьму?

Долго я предавался таким грустным размышлениям, и вдруг меня осенила радостная мысль – а что, если не все так трагично, может быть, наша литература еще не достигла самой высокой точки, может быть, еще можно продлить ее жизнь, хотя бы пока она не достигнет этой «самой высокой точки»? Конечно, это слабая надежда, как та соломинка; но что делать, коль другого выхода нет?

Но, как принято в науке, новая гипотеза должна быть подкреплена хотя бы несколькими фактами. А где их взять, если мы, балкарские писатели, все гении, и наша литература поднялась так высоко, что парит над облаками?..

Да вот беда – опять же у нас сомневаться считается признаком невоспитанности, чуть ли не варварства. Хотя, замечу в скобках, наши бедные историки все доказывают, доказывают и никак не могут доказать консервативной науке, что мы потомки самых что ни на есть настоящих варваров – то есть скифов и алан. А потому стоит только робко заикнуться о том, что герои наших романов как-то уж слишком нелогично поступают, и хорошо ли бедных старых эфенди заставлять день и ночь гоняться за вдовушками, и честно ли всех наших князей показывать действительно уж такими тупыми варварами-людоедами, как ты сразу становишься и жалким завистником, неспособным ни создать что-либо путное в области литературы, ни пуститься в те лихие донжуанские приключения, на которые способны седебородые эфенди. Так что, мы, балкарские писатели, не знаем и знать не хотим, что такое сомнение, а по литературному – критика. А без сомнения, без критики, как говорится, ни туды и ни сюды. Так мы и живем – гении, создавая шедевры. И даже знать не знаем о том, понимает ли простой народ то, что мы создаем. А собственно, к чему нам это знать? Известно же, что простой народ неспособен понять настоящие шедевры. Знаем это и мы. Знаем и особо не переживаем – дорастет, докультурился когда-нибудь и наш народ, тогда и начнет читать и понимать наши шедевры...

«Шутить изволите, Кучинаев, смеетесь? Над кем смеетесь?» – могут гневно воскликнуть возмущенные читатели...

Извините меня, мои соплеменники, наши терпеливые читатели – да, я смеюсь, но это – смех сквозь слезы! Как и вы, я тоже голодным волком набрасываюсь на не так уж часто появляющиеся на книжных полках новинки, но все еще ни один роман, ни одна повесть не принесли мне ожидаемой радости: я не получаю удовольствия от общения с их героями, так как они для меня совершенно неинтересны – слишком уж они бледны и неискренни, неуклюжи в поступках, неповоротливы умом.

Что же это такое – мы, балкарские писатели, чуть ли не все гении, а читать нечего? Здесь не идет речь о поэзии. Наша поэзия действительно радует нас, с ней мы можем, не стесняясь, появиться и перед самой взыскательной публикой. Почему так получилось, почему два крыла нашей литературы не одинаково сильны? По-моему, здесь все очень просто: поэзия – это душа народа, она появляется, растет и набирается ума-разума, то есть совершенствуется вместе с народом, еще задолго до появления письменности, а потому – здесь богатый опыт, большие традиции. А проза – дитя просвещенного века, у нас же, у балкарцев, она только на стадии становления, наша проза – еще ребенок по существу. Но мы не хотим этого признавать, мы хотим, чтобы нашего ребенка все считали зрелым, да не только зрелым, но и высокообразованным и хорошо воспитанным мужем! Мы, пи-

сатели, воспитатели этого ребенка, вместо того, чтобы уберечь его душу и тело от бактерий самодовольства и лени, учить его честности, порядочности, красоте и мужеству, всячески восхваляем его, приписывая признаки необычного ума и гениальности обычному лопотанию дитяти, радуемся и хохочем, если он лезет в лужу и грязными ручонками пачкает нашу одежду и лицо. А ведь любому здравомыслящему человеку понятна простая истина – ребенка надо воспитывать, надо с самого раннего возраста приучать его разбираться в том, что хорошо и что плохо. Но мы не хотим его этому учить, мы лишь балуем его, умиляемся им. Нам и в голову не приходит мысль о том, что в таких условиях он никогда не повзрослеет, навсегда останется ребенком.

Вот так мы заботимся и о развитии нашей литературы – вернее заботимся о том, чтобы она не росла, не набиралась опыта, не взрослела. Полное отсутствие критики, взыскательного разбора произведений, восхваление друг друга, если мы друзья, люди «своего круга», или же полное умолчание какой-либо новинки, если автор не относится к «нашим», – вот те болезни, которые сковали душу и тело нашей литературы и не дают ей нормально расти и развиваться.

К этому надо добавить и то, что мы, писатели, практически знать не знаем ничего о том, как в действительности читатели относятся к нашим произведениям. Наивные восторги и похвалы школьников в адрес неожиданно нагрянувших взрослых дядей-писателей, спешно, по заданию учителя, кое-что да кое-как прочитавших за два – три дня до этого, навряд ли стоит принимать всерьез. Это скорее всего надо воспринимать как «Добро пожаловать!» гостеприимных людей. А так – нигде ни одного серьезного разговора писателей и читателей, даже в среде самих писателей!

Вообще, читает ли кто-нибудь наши книги – неизвестно. Зато хорошо знаем, что книги и журналы можно купить только в городе, в селениях же нет ни киосков, ни книжных магазинов.

Сможет ли съезд встряхнуть писателей, даст ли серьезную, правильную оценку состоянию нашей литературы, совершенной бездеятельности правления в этих условиях? Я сильно сомневаюсь – навряд ли писатели, считающиеся гениями, захотят что-либо изменить; ведь их, гениев, в нашей литературе, как уже говорил, абсолютное большинство. Пусть все так и идет – у нас есть свои Айтматовы, Толстые, Шекспиры и Ахматовы, есть литература, «которая не уступает литературе любого многочисленного народа» (это утверждение стало обязательным для каждого уважаемого писателя во время телевизионных передач), – что еще надо? Ничего не надо!

Может и так. Может быть, нам уже действительно ничего и не надо?

20. Большой Теппеев и маленький Распутин

Статья писателя Магомедта Кучинаева в редакцию газеты «Кабардино-Балкарская правда»*

В 1994 году, в преддверии намечавшегося съезда балкарских писателей, в газете «Кабардино-Балкарская правда» (№ 230 от 1 декабря 1994 г.) была опубликована моя заметка под названием «Гении на вершине Нартии», где я выражал обеспокоенность атмосферой безудержного взаимного восхваления и совершенного отсутствия критического взгляда на развитие литературы в среде определенной части балкарских писателей. И это, мол, в то время, когда состояние прозы, правого крыла нашей литературы, не внушает особенного оптимизма – трудно найти в нашей литературе роман или повесть, с которыми можно было уверенно выйти в мир. Съезд почему-то (это для неосведомленных, но мы-то, имеющие к этому отношение, хорошо знаем почему!) не состоялся, и серьезного разговора о литературе не было. Как и нет такого разговора о балкарской литературе нигде – ни в среде самих писателей, ни на страницах газеты «Заман» и журнала «Минги-Тау», ни на радио и телевидении – в последние лет десять-пятнадцать, с тех пор как начальником балкарских писателей официально и неофициально является Алим Теппеев.

Ведь элементарно – в спорах рождается истина, без критического анализа никакого движения вперед, никакого развития нет! Тогда почему же Алим Теппеев, официальный руководитель балкарских писателей, ни разу за годы своего начальствования не провел ни один серьезный разговор среди литераторов о состоянии нашей литературы, не стал инициатором ни одной литературной дискуссии ни по поводу той или иной книги, ни по поводу состояния фундаментальной прозы (роман, повесть), ни по состоянию, вернее, отсутствию критики, ни по какому-нибудь иному поводу литературной жизни?

Почему? Наивный вопрос. Испокон веков известно – людям, и в особенности посредственным людям, вкусившим, хоть и маленский, но опьяняющий плод власти, свойственно неодолимое тяготение быть беспрекословными властелинами на подвластной им земле. Пусть на этой «земле», скажем, и пяди твердой земли не будет, а пусть она будет, скажем, балкарской литературной средой. А какая польза человеку, желающему быть властелином, от всяких там разговоров да советов по поводу того, как следует хорошо вести дела на его «земле», если ему самому важно вовсе не это, а то, какая лично ему от этого выгода? Правильно – никакой. А если никакой, то и заниматься

этим не стоит. И никто никогда этим не занимался, а если и занимался (Сталин, к примеру, с его Верховным Советом), то только для отвода глаз, а не для дела.

Не занимается этим и Теппеев. И правильно делает. Для себя лично, конечно. А чем надо заниматься? Опять наивный вопрос. Опять ответ прост, как дважды два-четыре: надо, во-первых, «окапываться», говоря языком военных, то есть укреплять свои позиции, а для этого надо постараться убедить всех в том, какой он хороший да пригожий. При монархах это делают особо приближенные люди – придворные, щедро награждаемые властелином. При Теппееве это делают писатели, перед которыми он тоже в долгу не остается. У монархов есть деньги, земли, ордена. У Теппеева есть возможность в довольно уважаемых кругах и местах дать очень высокую оценку произведениям того или иного писателя, в результате чего у того появляется авторитет. А вместе с авторитетом приходит и все остальное – и почет, и звания, и премии. Чем не деньги, земли, ордена?

Своей заметкой «Гений на вершине Нартии» я хотел сказать: «Давайте покончим со своеобразным литературным фаворитизмом, самовосхвалением, а более серьезно поговорим о литературе – это пойдет на пользу всем нам, балкарской литературе!» Но это вызвало лишь раздражение у Теппеева и его окружения. Зейтун Толгуров, выступая по телевидению, заявил, что «наша литература, что бы там не болтали некоторые (уж сказал бы прямо – Кучинаев, чего тут!), не хуже, чем литература любого другого народа». Вот так – и все тут!

Не выдержал и сам Теппеев. В статье «Окунаясь в неясный мир» («Литературная Кабардино-Балкария» № 4 за 1996 г.) завуалированно, но вполне ясно обозвал ненавистного ему Кучинаева злым старичком (между прочим мы с Теппеевым ровесники) и говорит: «Озлобление – порождение неведения, невежества, но возрастает и на почве зависти, испуга, чувства вины». Да, Теппеев – воистину большой знаток этого чувства – озлобления – видеть давно он с ним в дружбе, коль так подробно знает его родословную!

Я еще раз говорю: давайте серьезно поговорим о литературе, а точнее – о нашей прозе, так как состояние поэзии ни у кого из нас не вызывает чувства тревоги – она и вправду сильна и красива, хотя совершенству, как говорится, предела нет. Но в прозе положение совсем иное. Может ли кто-нибудь протянуть мне хотя бы один роман или две-три повести и сказать честно, не кривя душой: «Вот, возьми, Магомет, – с этими книгами ты можешь появиться где угодно: хоть в Москве, хоть в Париже, хоть и в Веллингтоне – тебе не придется краснеть!»? Наверяд ли кто это сможет сделать от чистой души. А так, для отвода глаз,

конечно, можно и целый чемодан романов и повестей предложить. И если б вдруг мне посчастливилось оказаться среди знатоков и ценителей литературы, то я – извините меня великодушно – не осмелился бы им предложить ничего из нашей прозы, кроме первой книжки Эльдара Гуртуева – сборник юмористических рассказов «Белый телефон».

Писатель А. Теппеев часто любит повторять мысль о том, что простой люд, если даже и перечитает несколько раз, произведение Богом одаренного талантливого писателя не поймет, не может, мол, он, простой люд, дорости до такого высокого сознания. Если эта мысль действительно является истинной, то Теппеев, несомненно, очень высокоодаренный человек, так как иногда, сколько не перечитывай, а понять его не так-то легко. Возьмем хотя бы его последнюю статью в «ЛКБ». В начале статьи:

«Художественная литература (балкарская, конечно, имеется в виду – М. К.) – проза и поэзия – не сумела предугадать и воплатить в себе жажду увидеть и понять свои истоки. В пору духовного раскрепощения и обновления национальная художественная словесность оказалась в тупике творческого застоя». Но чуть позже: «Провинциально то, что плохо написано, но что талантливо, что носит печать национальной самобытности – явление мирового духа. Я, например, не считаю и никогда не считал свою родную балкарскую литературу провинциальной. При моей жизни в ней работали и работают такие разные и самобытные поэты как К. Отаров, К. Кулиев, Т. Зумакулова, И. Бабаев, С. Гуртуев, М. Мокаев, А. Байзуллаев, А. Созаев, М. Беппаев, А. Бегиев, С. Мусукаева, каждый из которых являет собой целый мир поэтического видения. Но из каких корней они выросли! Каким богатством поэтическим они владеют!»

Так что же происходит с нашей литературой все-таки по Теппееву – она в тупике или цветет-расцветает? Выходит, одной стороной – в тупике, а другой стороной – цветет-расцветает...

Вы думаете, что Теппеев нечаянно здесь целый полк известных и не очень известных наших поэтов скопом зачислил в «мировые» поэты. Как бы не так! Этим самым он как бы вдавлиывает в толпу слишком уж высовывающихся из общего уровня таких, поистине талантливых поэтов-сверстников, какими являются Ибрагим Бабаев и Магомед Мокаев. Пусть поменьше будет высот в литературе, глядишь и может случиться так, что он один останется горой среди невысоких холмов! А несколько ласковых слов в адрес целого взвода поэтов – это надо, ведь они тоже руки имеют. И руками этими будут голосовать когда-нибудь. И если ты их перечислил вместе с Кулиевым и Зумакуловой, Бабаевым и Мокаевым, разве они уже не обязаны тебе?

Здесь есть еще один нюанс, на что неискушенный читатель и внимания-то не обратит: все перечисленные здесь писатели, ранг которых Теппеев поднимает до уровня «мировых», – это только поэты. Почему? А просто потому, что Теппеев сейчас стихи не пишет, а потому ему совершенно безразлично, сколько «гениев», «мировых» и других выдающихся «пасется» там, на поле поэзии! Чем больше «гениев» будет на поле поэзии, тем меньше их будет на другой половине литературной долины – на поле прозы. Теппеев, конечно, хотел бы, чтобы на поле, именуемом «Балкарская проза», была бы только одна вершина и чтобы эта вершина называлась бы «Теппеев». Да вот беда – надо рядом иметь хотя бы троих-четверых, на которых можно было бы опираться, которые должны постоянно держать на высоте его авторитет. Нет, трое-четверо – это много! И Теппеев берет только одного, но удачно. Тот Теппеева хвалит, возносит до небес, Теппеев – того. Хорошо – им совсем не тесно, тем более – главное дело того – в несколько иной плоскости. Это – что они нужны друг другу и им совсем не будет тесно, сколько бы они ни раздували авторитет друг друга – они, видно, поняли довольно давно. Так давно, что на сегодняшний день их нерушимый союз принес каждому из них вполне ощутимую пользу; на поле прозы сегодня они лишь вдвоем числятся настоящими гениями. Этот союзник Теппеева – профессор и писатель Зейтун Толгуров. Если даже и не учитывать того, что в составленных в основном ими же или же их родственниками учебниках литературы чуть ли не во всех классах школ в балкарских селениях дети вынуждены «изучать» их произведения, а просто выйти к людям и спросить их: «Кто и кто у нас сегодня являются самыми большими писателями-прозаиками?», то они первыми назовут, конечно, Теппеева и Толгурова. И это вполне естественно: ведь тамада балкарских писателей при малейшей возможности везде и всегда превозносит писателя Толгурова, а профессор Толгуров, и выступая по телевидению или радио, и в многочисленных пухлых исследованиях литературы, и в бесконечных вступительных статьях к различным сборникам и в газетно-журнальных публикациях всегда и непременно будет проводить параллели с использованием классиков мировой литературы и балкарского писателя Теппеева. Уместно здесь вспомнить дедушку Крылова:

«За что же, не боясь греха,

Кукушка хвалит петуха?

За то, что хвалит он кукушку»

А так, спросите любого – Теппеева он знает как большого писателя по его произведениям, основываясь на личных впечатлениях от прочитанного, или же благодаря «разговорам», то

сразу выясняется, что практически все знают его таковым «по разговорам». Точно так же и с «высоким» рейтингом писателя Толгурова. Потому что все «разговоры» о литературе практически подконтрольны этим двоим, и они, «разговоры» эти, между прочим, доносятся отовсюду и делают свое дело. Вот, к примеру, опять же эта статья Теппеева в «ЛКБ», главная цель которой – довести до читателей тот факт, что есть на свете некто Магомет Кучинаев, никчемный, бездарный, виноватый, завистливый и вечно злой старикашка, который говорит нехорошие слова в адрес одаренных балкарских писателей. Казалось бы, ну ругай себе этого злого гномика – что еще? Так нет же – и здесь (почему бы нет, раз есть возможность?) он не преминул вознести З. Толгурова до небес, а заодно с ним, конечно, и самого себя. Вот, прочтите сами эти строки Теппеева в той самой статье, посвященные З. Толгурову. Извините, что длинновато, но по-иному здесь просто невозможно. Итак, Теппеев о Толгурове: «Вот, к примеру, два наших современника – русский писатель Валентин Распутин и балкарец Зейтун Толгуров. Они ровесники по возрасту, пришли в литературу одновременно – в начале 60-х годов, привнесли в развитие литератур много нового, новаторского. Знающий обоих прозаиков, прочитавший и перечитавший все ими написанное, я не могу сказать, что Зейтун Толгуров менее талантлив, чем Распутин, и что художественный уровень произведений Толгурова отстает от уровня повестей Распутина и т. д. Кроме того, Распутин – замечательный публицист, общественный деятель, но и Толгуров – крупный ученый-литературовед, живой основоположник балкарской литературной науки. Но у Зейтуна Хамидовича Толгурова к тому же есть еще одно колоссальное моральное преимущество перед Распутиным: русский писатель Валентин Григорьевич Распутин не знает Толгурова, может быть, и не слышал ничего о нем, а провинциальный балкарский писатель Толгуров не только хорошо знает всю литературную судьбу своего русского собрата, но и то духовное богатство, от Кантемирова до Есенина, из которого вышел и на котором стоит Валентин Распутин».

Надо же было так опростоволоситься бедному Распутину – не знать такого большого писателя, как Зейтун Толгуров, чего доброго, видимо, и не увидеть гору, о которую опирается этот большой писатель – Алима Теппеева. Ведь они, Теппеев и Толгуров, всегда рядом, несутся вперед – к славе, влекомые друг другом, и разлучать их просто грех! Но что с него, Распутина, возьмешь, ведь мы над ним имеем «колоссальное моральное преимущество»! Он ведь рядом с нами маленький. Так и видится: вот стоят они рядом – Большой Теппеев и Маленький Распутин, с жалким, виноватым видом.

Ах, мечты, мечты!..

Вы, видимо, обратили внимание на кое-что в этой цитате из статьи Теппеева – что-то не то, верно? Точно. Во-первых, с чего это вдруг «еще одно» преимущество Толгурова перед Распутиным, ведь до сих пор автор о каких-либо других преимуществах вроде бы не упоминал? А все очень просто: семь бед – один ответ! Одно-то преимущество как-нибудь пришью, а другие пусть сами по себе появятся, с них не убудет, а читатель, глядишь, все и проглотит, вроде бы не заметит, но информация о многих и многих преимуществах Толгурова перед Распутиным, хочет он этого или нет, все-таки протиснется в его мозг! Вот так-то.

И еще, любители литературы, видно, просто ахнули от удивления – как, большой-пребольшой писатель, друг, товарищ и брат «крупного ученого-литературоведа» и «живого классика» и не знает о том, что никакого краеугольного камня у основания ни русской словесности, ни русской культуры, имя которому было бы «Кантемиров», просто нет!

Конечно, нетрудно догадаться, что Теппеев, видно, где-то что-то прослышал о «первом сподвижнике Петра Великого на поприще литературы», как назвал его Белинский, – об Антиохе Дмитриевиче Кантемире. А. Д. Кантемир, сын молдавского господаря, получил блестящее образование, всю жизнь прожил в России и служил ей. Он, а также Василий Тредиаковский, Михайло Ломоносов и Александр Сумароков стали «отцами-основателями» русской классической поэзии. Если Теппеев имеет в виду именно А. Д. Кантемира, то, когда он услышал про него, следовало, не стесняясь, спросить – как же все-таки правильно пишется фамилия этого самого поэта – патриарха. А то ведь неудобно, это все равно, что Геродота назвать Геродотовым, Гегеля – Гегелянским, Байрона – Байроношвили... Кстати, А. Д. Кантемиру принадлежат и вот такие строки:

«Ум недозрелый, плод недолгой науки!

Покойся, не понуждай к перу мои руки!

Не писав летящи дни, века проводи

Можно, и славу достать, хоть творцом не слыти».

Ну – просто второй Нострадамус: неужели патриарх русской поэзии еще лет 250 тому назад предвидел, что в конце тысячелетия где-то у подножия седого Эльбруса появятся люди, которые сумеют «и славу достать, хоть творцом не слыти» с помощью «недолгой науки» самовосхваления?! Просто удивительно!..

Теппеев часто любит говорить вот так – мы-то, мол, большие и даже очень большие писатели, не меньше других, под другими подразумевая, как и в данном случае, лучших писателей России и мира, да вот, мол, беда: мы дети маленького народа, а потому нас и не хотят пускать на большую литературную ар-

ну. Резонно тогда задать вопрос: «Вас ведь – и Теппеева, и Толгурова – издавали же в Москве – это что, не большая арена?» Видимо, дело не в том, что Теппеев дитя маленького народа, а в том, что он дитя в литературе, хоть уже и взрослый по годам. И еще по поводу «больших сыновей маленьких народов» – а что, всемирно известные Тембот Керашев, Расул Гамзатов, Юрий Темирканов, Кайсын Кулиев, Фазиль Искандер – дети больших народов?

И вообще, у Теппеева не проходит с годами эта юношеская страсть непременно сообщать народу во всеуслышание о том, как он, бедный, много читает и сколько потов проливает, чтобы стать вот таким, какой он и есть, большим эрудитом, и все для того, чтобы у этого народа балкарского, никак не могущего дорасти до того, чтобы понимать и оценивать его произведения, был такой большой-большой писатель, как он, Теппеев. Только в одной этой статье он информирует нас, темных и забытых, о том, что он сейчас читает Альберта Камю, читал и перечитал все, что написали Валентин Распутин и Зейтун Толгуров, читает и «Литературную газету» (а как же!), а в ней – Григория Померанца; ездил в Якутию, выступал там «на пленуме Союза писателей России» (хотя у Союза бывают съезды, а пленумы – у правлений); читал и Айтматова, и Толстого, и Э. Хемунгуейя, читал киргизских писателей К. Баялинова, Т. Сыдыкбекова, Т. Жантошева и др.; повесть Муссы Батчаева «Мои земляки», Гарсия Марксса, армянского поэта П. Севака, а также Х. Бештокова, М. Кармокова; прочитал роман К. Кулиева «Была зима» и произведения еще примерно двух дюжин больших балкарских писателей. Вот так – только попытайтесь теперь заикнуться о том, что А. Теппеев не имеет права носить пурпурную мантию Верховного Литературного судьи!

И точно – никто и не пикнет! Еще бы – ведь он, Теппеев, в каждой своей статье сообщает множество известных и не очень известных (поди разберись там, кто они такие, может, и поважнее многих, кого считали гигантами, – смотри, даже Распутин у него стал маленьким, а ведь он не такой уж и маленький!) писателей и мудрецов, чьи произведения он прочитал! Короче говоря – гипнотизирует! Помните, повадился было в одно время заезжать к нам гипнотизер Зах. Из простого любопытства я однажды был у него на сеансе. Все, что происходило – то, как он нас «усыплял», и как многие «спящие» поднимались на сцену, и как потом он «нагонял» на нас потоп – все это меня забавляло, не более. Ну, шарлатанство и есть шарлатанство. Но удивило другое – грубость этого гипнотизера. Очень грубо, словно каких-то отпетых хулиганов, он прогнал из зала десятка два лю-

дей только потому, что они не «уснули», а посмели, хоть и негромко, но переговариваться между собой. Потом, спустя несколько лет, был (почти насильно потащил меня сосед) на сеансе заезжей дамы-экстрасенса. Фамилии ее я уже не помню; дело было во Дворце профсоюзов. И опять же меня удивило не то, как она и ее молодцы-помощники без всякого сомнения брались лечить всех от всех болезней, «заряжать» воду и т. д., а ее грубость. Помню, как одна старушка безуспешно пыталась на уже плотно заставленный центр авансцены втиснуть свою «трехлитровку». И вот в это время появляется она сама, эта дама, и видит старушку. Она взяла банку, пристроила ее и поблагодарила старушку – ведь она, старушка, уважила ее, пришла на ее сеанс? Как бы не так! Она грубыми окриками прогнала старушку к краю сцены, где еще можно было поставить банку, и тут же, обратясь к залу, заявила буквально следующее: «Я объездила полмира, весь Советский Союз, но такого бескультурного народа, как здесь, в Нальчике, не встречала!» Вы заметили – посредственности, каким-то образом на какое-то время оказавшись у власти, всегда хамовиты, как и шарлатаны-целители? Шут их поймет, может они и в самом деле уже и сами подпали под собственный гипноз? Уверяли, уверяли людей, что они имеют исключительные способности, и вот, пожалуйте, сами же в это и поверили!..

У нас, у горцев, есть такое незыблемое правило – ни в каком случае ни близких, ни родственников, ни детей своих при людях не хвалить. А себя самого – тем более! Даже это, казалось бы, святое правило, не помеха Теппееву и Толгурову, когда они пекутся о собственной славе. Теппеев пишет: «Больше того, подлинными выразителями исторического развития всегда были не правильные во всем заступники правды, а Дон-Кихоты... Если идя в одну дверь, они попадали в другую, или, близкое к балкарской действительности, – видя в своем переулке крытые «студебеккеры», пришедшие увезти народ в изгнание, достраивали свой дом, то это отнюдь не их вина. В этом проявлялась их человеческая сущность: жизнь преподносила им новые и новые испытания, но и они находили в себе все новые и новые силы, чтобы противостоять ударам судьбы».

В этой цитате читателю кое-что надо разъяснить. Конечно же, когда к домам балкарцев подъезжали «студебеккеры», которые должны были увезти их в изгнание, никто из них в реальной жизни и не помышлял о том, чтобы достраивать свой дом, а заботился лишь о том, о чем в такой момент и должен заботиться любой нормальный человек, – они, балкарцы, спешно готовились в тяжкий путь: запасались едой, собирали в узелки свои

пожитки и т. д. Это только в плохих романах так бывает – человека и всю его семью собираются навсегда насильно вывезти отсюда и выбросить черт знает где, а он всю ночь спокойно достраивает свой дом! Точно – это в романе А. Теппеева «Мост Сират»! И своего героя он сравнивает с Дон-Кихотом! И он, герой его романа, по уверению самого Теппеева, и «балкарская действительность», и «человеческая сущность»! Впору по-пушкински воскликнуть: «Ай да Теппеев!». Не по-горски это – хвалить своего ребенка, а произведение – это любимое дитя автора! Разве не так?

Примерно так «работает» и Зейтун Толгуров, лишь с соответствующим его ученому сану нюансом – он пишет особым «ученым», не так-то просто понимаемым языком. Недавно вышла антология балкарской прозы, где опять же главные ответственные лица Теппеев и Толгуров. Ответственный за выпуск – А. Теппеев, составители – З. Толгуров, Х. Шаваев. Руководитель редакционной коллегии – опять же З. Толгуров, предисловие профессора З. Толгурова и Х. Шаваева.

Так вот, в предисловии, где дается обзор балкарской прозы, больше всех хвалебных профессорских слов достались... самому профессору, большому писателю Зейтуну Толгурову и такому же большому писателю Алиму Теппееву! Через все предисловие красной нитью, вернее, красной, всесокрушающей конницей, проходит мысль о том, что произведения этих писателей – на самом высоком уровне. Все остальные писатели удостоились перечисления «в строю», а многие – слова «башхала да», что на русском значит «и др.» И так везде, всегда, всюду!

Итак, съездов – нет, собраний – нет, дискуссий – нет, встреч с читателями – тоже, практически, нет, обсуждений книг – нет! «Что же тогда есть?» – спросите вы. А ничего. Есть Теппеев. Большой-большой писатель. Есть такой же большой писатель Толгуров. А потом есть и др. И все. Ничего больше. Ни раньше – «первопроходцы», «пионеры», «основоположники» «создать художественные ценности не могут», ни в будущем – «национальная художественная словесность оказалась в тупике творческого застоя». И все. Тишина. Только и высятся среди ровного литературного плоскогорья две горы, пробившись гордыми головами за облака, а на их вершинах Теппеев и Толгуров. Вот такая картина. Это мираж, мечта. А на самом деле они не покорили более высокой вершины, чем Нартия, которую многие называют Кизиловкой.

10.01.97 г.

21. Рецензия на рецензию, или о том, как трудно публиковаться писателям, не принадлежащим к влиятельному клану

Написать данную рецензию совсем не трудно, так как «Заключение» Кошубаева, если выразаться его же словами, сколочено совершенно безграмотно и беспомощно как в смысле написания рецензии, так и в грамматическом отношении.

Первые полторы страницы – это просто перепечатка части сносок из рукописи с целью показать позорное невежество автора в вопросах истории и этнографии. Но ведь история и этнография – это сфера, куда не только такому профану как Кошубаев, но даже и вполне владеющему определенными знаниями в этой области редактору не следует особо соваться, так как это не дело редактора, каких это взглядов придерживается автор произведения на те или иные спорные исторические реалии. К тому же следует добавить, что (по словам известного ученого-скифолога Нейхарда) «...почти все предложенные решения (о скифах. – М. К.) носят гипотетический, предварительный характер». А говоря по-простому – все, что сказано до сих пор об этнической принадлежности скифов, а если еще понятнее – о языке скифов – это лишь предположения ученых. Не более. Следовательно, ираноязычность скифов – это лишь страстное желание некоторых амбициозных ученых и больше ничего. Так что, если асы (а не ассы, как пишет Кошубаев) в романе Кучинаева говорят на балкарском (на одном из наречий тюркского), то из-за этого обвинять автора в пантюркизме, как с большим удовольствием это делает Кошубаев, по крайней мере – просто глупо. Что, герои романа балкарского писателя обязаны говорить на языке Кошубаева, что ли?

Как ярчайший пример множества величайших этимологических глупостей Кучинаева Кошубаев называет то, что в сносках автор говорит о том, что слово «Азия» происходит со слов «ас» и «уя», т. е. от словосочетания «гнездовье асов». Согласно словарю М. Фасмера, пишет он, слово «Азия» восходит к греческому *Asia*. Бедный Кошубаев даже не может допустить и мысли о том, что в греческий это слово пришло из самой же Азии, т. е. из страны асов. Такие недоучки как Кошубаев, ослепленные блеском недавних или сегодняшних цивилизаций, и подумать не могут о том, что догомеровская Греция, мать сегодняшней мировой христианской цивилизации, была в не таком уж далеком историческом прошлом лишь окраиной восточных цивилизаций – Шумерской, Египетской и, естественно, многое заимствовала от них, в том числе и это злополучное слово «Азия».

Все, что сказано фактически по существу романа – это последние три абзаца 2-ой страницы «Заключения». Приведу их полностью: «Язык романа беден и невыразителен, а местами просто безграмотен. Приведем несколько примеров:

«И вдруг Ас-Уя-Зан заметила, что оба всадника были одинаковы – один из них не был тоньше, меньше другого. И только заметила это, как радость ее, словно лошадь, забывшая о путях на ногах и попытавшаяся понестись вскачь, рухнула о оземь – ни один из этих всадников не был Алан-Батыром!» (стр. 43).

«Но как бы там ни рыскали их мысли, словно необъезженные лошади в загоне, для выхода из того непростого положения, в котором все они оказались, ничего путного не находили. Устав от бесплодных поисков, все их мысли, в конце концов, пришли к одному и тому же – более разумного пути выхода из этого дурацкого положения, чем найденный Сабыр-Заном, на верное, нет...» (стр. 66).

Прочтите еще раз, пожалуйста, внимательно эти два абзаца из романа, которые, как утверждает Кошубаев, доказывают «безграмотность», «беспомощность», «бедность» языка автора. И теперь скажите честно, как на духу, – видите вы здесь такую уж безграмотность и нищету языка автора?

Конечно же, вкусы и пристрастия автора и рецензента наверняка будут не совпадать, но это не дает никакого права рецензенту оскорблять автора, называя его «бедным», «беспомощным», «невеждой» и т.д. Такое может допустить лишь тот редактор, у которого на время случилось умопомрачение из-за сильной ненависти к автору. Что и случилось, видимо, с Кошубаевым.

3-я страница полностью – опять о несущественном: о кое-каких стилистических, на взгляд Кошубаева, прегрешениях автора, которого он обвиняет в том, что он «постоянно сбивается на язык современности». К тому же из приведенных им примеров следует, видимо, считать «современными», значит и непригодными для употребления в тексте исторического романа, почти все слова и выражения. На каком же, интересно, языке писать, чтобы угодить капризам рецензента? На неизвестном никому языке Кошубаева?

В конце 3-й страницы рецензент обвиняет автора в том, что его герои по «современному» не едят свинину, пьют айран, бузу, носят кинжалы, чтят своих аксакалов». Здесь я даже слов не нахожу – настолько глупо это обвинение. Да, господин Кошубаев, никогда, даже и до нашей эры, кочевники не ели свинину по очень простой причине – они не держали свиней, так как свинья – не «отгонное» животное, не годится для кочевого хозяйства. Почему по «современному» пьют айран? Да потому, господин Кошубаев, что пьют – и все. Всегда пили – об этом пишут все античные авторы. Возможно, вы и их захотите «не пущать»? Ничего у вас не выйдет – они уже «пущены» более

двух тысячелетий тому назад! Ах, вы не знали? Какая досада! И чтят своих аксакалов, вызывая этим у вас искреннее недоумение. Потому что так у них водится издревле. И кинжалы носят. И зря вы их обвиняете в «современности», как раз сегодня и не носят кинжалы, потому что не разрешают это делать, а в древности кинжал был обязательной вещью любого мужчины. Не знали? Жаль, жаль.

Последняя строчка 3-й страницы и начальные строки 4-й страницы представляют собой самое что ни на есть «расстрельное» обвинение автора. Какая наглость со стороны «пантюркиста» Кучинаева – «в его романе русские именуется «будинами». Будины живут в дремучих лесах, и, как пишет автор, являются младшим братом народа аланас, то есть находятся (внимание! – М. К.) в вассальной зависимости». Между строк так и слышится вопль Кошубаева: «Посмотрите, посмотрите – этот сумасшедший Кучинаев уже и русских себе подчинил!».

Во-первых, в романе русские как народ вообще не упоминаются, так как такого народа еще не существовало. Поэтому, как пишет Кошубаев, «русские в романе именуется «будинами» – это просто глупость. Речь в романе идет о скифском (по античным авторам. – М. К.) племени будинов, которых многие ученые (а заодно с ними и автор романа) предположительно считают одним из восточнославянских племен. Вот и все – и никаких русских, которые лишь спустя 1500 лет под предводительством Рюрика завоюют Новгород и дадут свое имя славянским племенам, обитавшим в Новгородской земле и в Приднестровье. А то, что эти, возможно, далекие предки современных русских находились когда-то в вассальной зависимости от скифов – тут уж ничего не поделаешь, это исторический факт.

Многие современные русские ура-патриоты в пылу полемики, как и наш Кошубаев, с жаром восклицают: «Россия никогда и ни перед кем не склоняла своей головы!». Увы, это не так! Склоняла, да еще очень даже низко! Но это – не позор, а просто жизнь, судьба, история. И ведущему редактору государственного книжного издательства следовало бы это знать, а не кичится тем, что все это ему неизвестно.

Свое «заключение» Кошубаев заканчивает так: «Что касается сюжетной линии – она проста. В первой части «Дети Солнца» (в пылу гнева даже не замечает, что по-русски так не пишется!) идет борьба за право сидеть на ханской тахте, во второй части «Война» (опять неграмотно) повествуется о походе Дария на аланов. В романе отсутствуют какие-либо сюжетные неожиданные ходы, повторы (хотел, видимо, сказать, что есть повторы, но не смог и получилось наоборот – отсутствие повторов ставится в вину автору!), способные привлечь внимание читателя. Действие романа развивается словно в замедленной съемке».

Что касается сюжетной линии (и, видимо, очень позорной, по мнению Кошубаева), так ведь такое можно и про любое про-

* * *

Рано утром на стук в дверь моего дома в Карачаевске я вышел во двор. Снегопад кружил жгутами метели. В этом снежном потоке поодаль я заметил человека в бушлате с капюшоном. Подойдя ближе, я узнал своего давнего знакомого художника Магомед Хабичева. Спрашиваю:

– Магомед, какая нужда привела тебя в такую пургу ко мне?

– Дело в том, – сказал Хабичев, что я сейчас охвачен идеей тамады карачаевской поэзии Касбота и не могу найти подлинную фотографию аксакала. Вы – хранитель памяти литераторов старшего поколения, а где же мне искать, как не у Вас.

– У меня есть фото Касбота в групповом снимке, оригинал, единственный экземпляр, но я никому его дать не могу, если только переснять копию... Храню десятки лет как реликвию, – и рассказал ему историю фотографии. Лично видел старца, слушал его песни. Тогда ему было 105 лет, а мне – 15.

Показал фото – оно Магомеду понравилось. Мы с ним пошли в копировальное учреждение и сделали ксерокопию. Он попросил у меня еще литературу о Касботе. Я дал все, что просил Магомед, он, довольный, уехал в Черкесск, где жил.

Через некоторое время, уже летом, Хабичев снова обратился ко мне с просьбой приехать в Черкесск и в его мастерской посмотреть созданный им в глине образ Касбота. Ему хотелось узнать мое мнение, как одного из очевидцев героя его произведения

Я посетил. Со мной были профессор-историк К. Лайпанов и заказчик работы Р. Кочкаров, представитель фамильного Совета рода Кочкаровых.

С тех пор, как я видел живого Касбота, прошли многие десятилетия и трудно зримо сохранить черты увиденного человека, тем не менее, я понял, что на высоком постаменте стоял знакомый мне с юных лет величественный образ мудрого песнопевца Касбота. Мы поздравили художника с удачей, сделали несколько замечаний, которые он принял.

Весной 2002 г. памятник народному поэту Карачая Касботу Кочкарову был торжественно открыт в парке г. Карачаевска. Возвращение к народу в бронзе любимого поэта было истине всеобщим праздником жителей города и республики. А сколько труда скульптор вложил в воссоздание этого замечательного образа, подлинного произведения искусства, мало кто знает. Магомед Хабичев ездил в Ростов, месяцами жил там, чтобы в мастерских отлить памятник из вечного металла.

Я рассказываю об этом, чтобы поделиться с читателем сво-

им восхищением не только в выборе темы, полезной и нужной, но самоотверженной работой художника.

Магомед Хабишева я знаю с молодых его лет. Я работал преподавателем литературы в пединституте, часто посещал художественно-графический факультет по приглашению его первого декана Георгия Васильевича Беды, выступал перед студентами как поэт. Слышал от декана много лестных отзывов о талантливой студенческой молодежи, в том числе он называл и имя Магомед.

Сегодня, минуя несколько десятилетий, видя великолепные работы бывшего студента художественно-графического факультета, ныне известного ваятеля республики и за его пределами, душа наполняется радостью, что наш край богат талантами и в области изобразительного и станково-монументального искусства.

Магомед родился 22 февраля 1953 года под солнцем Туркестана, точнее в Джамбульской области Казахстана, куда родители были безвинно сосланы вместе со всем карачаевским народом. И, по всей вероятности, он с молоком матери впитал в себя чувство любви к родине предков. И не случайно гражданская тема в его работах занимает одно из важных мест.

Магомед Хабишев после возвращения карачаевцев из депортации жил с родителями в Малом Карачае, благодатном по климату районе, в живописной Учкеевской долине, где открываются, как занавесы, красивые многокрасочные картины природы и белоснежных гор Кавказа. И нет сомнения, что все это будило в мальчике особо трепетное отношение к красоте. Интерес к изображению окружающей среды у Магомед появился рано, еще в школе, первые карандашные наброски и поделки из глины и пластилина говорили о неординарных способностях юноши.

После окончания средней школы Магомед Хабишев учился в Карачаево-Черкесском пединституте. Помню, тогда преподавали на художественно-графическом факультете такие колоритные знатоки истории изящных искусств, талантливые художники-педагоги как Г. Беда, Г. Островский, А. Хворостов, Т. Гребенникова, М. Ершова, А. Яшухин и другие. Магомед учился у них, отличался большим трудолюбием, шаг за шагом постигал азы мастерства.

Большое значение имели в его судьбе встречи с заслуженным художником России, скульптором Хамзатом Крымшамхаловым в Нальчике, куда молодой художник был направлен для выполнения дипломной работы. Уроки мастера кисти и резца Крымшамхалова стали своеобразной школой для начинающего художника. Хамзат Басханукович учил практиканта Хабишева не только приемам и методам скульптуры, но и наставлял Магомед идти по важным и значимым темам в истории жизни своего народа и общества, утверждая общечеловеческие ценности непреходящего значения, как доброта, трудолюбие, му-

жество, человеколюбие. Он конкретно называл темы подобного характера, которые волновали его самого. Скульптор выразил желание иметь своих пресмников и продолжателей его дела среди талантливой молодежи.

Уроки мастера не прошли даром. Одна из тем наставника была избрана сознательно. Это героические образы современников. И судьба послала молодого художника по этому пути.

После окончания пединститута в 1976 году Магомед Хабичев был призван на воинскую службу и направлен в гор. Владикавказ. Служба его проходила в 1-ом Общевоинском командном училище имени Маршала А. И. Еременко. Руководство учебного заведения заметило способности молодого художника и доверило ему создание бюста маршала Советского Союза А. Еременко, и еще дало задание изваять образы 4-х Дважды Героев СССР – бывших выпускников училища. Он выполнил и это поручение успешно.

Затем Хабичев был командирован в распоряжение военкомата г. Кисловодск для оформления аллеи боевой Славы города. Молодой скульптор за короткое время изваял с натуры скульптурные портреты в гипсе живых 11 кисловодчан – Героев Советского Союза: Григорьевского, Татаренко, Власенко, Нестерова, Артюхина, Кибизова, Попова, Егорова, Прядкина, Антонова и Пухова. Он создает композиции «На дозоре», «Партизаны».

Вернувшись с воинской службы, Магомед Хабичев работает на предприятиях родного района, но вскоре переходит на профессиональную работу художника.

Около 25 лет Магомед Исмаилович посвятил своему любимому делу. Он работает во многих жанрах (графика, живопись и скульптура). Художник обращается к изображению исторических личностей. Живописные картины автора «Карча», «Княгиня Гошаях», «Исламбий Крымшамхал» вошли в учебники по карачаевской литературе для средней школы.

Им выполнены бюст из гранита генерал-полковнику С. Магометову, скульптурная композиция «Скорбящий конь» – памятник погибшим воинам в Отечественной войне (п. Красный Курган).

М. Хабичевым в соавторстве с Дарчи Хасахановым созданы памятники – бюсты Героям России Д. Голаеву, Х. Чочуеву, А. Ижаеву, кавалеру ордена Славы трех степеней И. Бежанову (с. Учккен), гранитный портрет Герою Союза О. Касаеву (г. Карачаевск).

Художник в дереве и гипсе создал образы Героев Социалистического Труда П. Шидаковой, З. Байрамкуловой, славной труженицы Х. Кубановой.

Высокое мастерство показал скульптор и в художественном литье при исполнении бронзовых бюстов, посвященных на-

родному поэту Касботу Кочкарову и правозащитнику Мудалифу Батчаеву, которые украшают г. Карачаевск.

Кисти художника принадлежат сюжетные картины по истории родного края «Страна Алания», «Эмина» и другие.

Достойное место занимает в изобразительном искусстве Карачаево-Черкесии и Юга России работы художника философского и обрядово-бытового характера «Мыслитель», «Совет старейшин», «Воспоминания», «Думы о былом», «Возвращение», «Голова чабана», «Горянка», «Три грации» и другие.

Конкурсная работа – конная композиция «Хозяин степей» установлена в г. Элисте.

Им великолепно созданы жизнерадостные мифологические образы «Апсаты – божество охоты», «Дочь Апсаты – Фатима».

Хабичев Магомед Исмаилович – член Союза художников СССР и России, участник республиканских, зональных, всероссийских, всесоюзных выставок, дипломант международного конкурса «Тюркский мир» в г. Казани, победитель конкурсных проектов на тему «Великий шелковый путь» в г. Элисте.

В 2000 г. Хабичев М.И. награжден Министерством культуры, Союзом художников России ДИПЛОМОМ в номинации за произведения, представленные на выставке «Мастера изобразительного искусства Северного Кавказа – защитникам Отечества».

Творческой фантазии М. Хабичева доступны и иные миры. У художника находит отражение и планетарное мышление. Он создал ряд скульптурных работ – резьба по дереву на космические темы: «Рождение планет», «Движение планет», «Галактика». Они экспонировались в музее Зеленчукской астрофизической обсерватории АН СССР и получили отличные отзывы как ученых, так и посетителей музея.

Произведения Хабичева по достоинству оценивают с профессиональной точки зрения и художники нашей республики.

М. Данашев, доцент кафедры живописи КЧГУ, член Союза художников России пишет: «Художественный талант М. Хабичева многогранен. Но главная стихия художника – скульптура. В ней он особо выразителен и оригинален. Заметная склонность М. Хабичева к скульптурному делу, скорее всего, связана с характером мироощущения и возможностью сильного и здорового человека. Нам кажется, что немаловажную роль здесь сыграл и этногенетический фактор. Ведь хорошо известно, что у древних тюрков скульптура была традиционным высокоразвитым искусством. И не поэтому ли в ряде произведений мастера проглядываются черты, общие с каменными изваяниями древности».

Зухра Тулпарова (искусствовед): «Скульптор, график, живописец, он работает в разных жанрах изобразительного искусства. Произведения глубоко логичны и воспитывают в нас любовь к народу, своей земле».

Скульптурные изображения у карачаевцев имеют древние корни (работы по камню, железу, дереву). Но самым значительным явлением считается наследие профессионального скульптора, основоположника этого жанра изобразительного искусства КЧР талантливого художника Хамзата Крымшамхалова, жившего в прошлом веке. И по праву настоящим достойным продолжателем его дела следует назвать Магомед Хабичева.

Я спрашиваю у М. Хабичева, какие известные мастера имели влияние на его творчество. Он называет в числе своих кумиров имена С. Коненкова, М. Сарьяна, Ван Гога.

– Чем же занят художник сегодня?

Задумавшись, он ответил:

– Хочу выполнить давний замысел: создать монументальную скульптуру предводителя карачаевского народа Карчи. Идею создания памятника Карче впервые высказал Хамзат Крымшамхалов еще в Нальчике и выразил опасение, что у него нет времени и не хватит сил для выполнения этой мечты. Я решил эту идею осуществить, если меня поддержит население республики. Это будет монумент в виде всадника. Эскизы и макет памятника уже готовы. Он может быть установлен у въезда в Карачаевск, на возвышенном месте, как символ защитника Отечества, созидателя-миротворца, поборника объединения людей и дружбы народов.

Итогом достижений М. Хабичева являются его труды. Произведения его занимают почетные места на главных площадях городов и сел. Около них всегда многолюдно. Что может быть выше, чем признания заслуг творца простым зрителем, читателем. В этом отношении художнику повезло, у него много почитателей таланта. Не случайно по опросу общественного мнения в республике, как сообщает газета «Новая жизнь», скульптор Магомед Хабичев назван «Человеком года».

Я бы хотел отметить еще две великолепные черты скульптора. Это одержимость и скромность Залог будущих успехов Хабичева в том, что он всегда в поиске новых образов и в неутомимом труде. Здесь хочется вспомнить высказывание известного египетского скульптора, автора композиции «Возрождение Египта» Махмуда Мухтара: «Будущее представляется мне блестящим, как солнце. Мне остается только идти к нему и с терпением и настойчивостью в труде». Таков и наш земляк.

23. Художники Балкарии

Значительных успехов добились балкарские художники в живописи и скульптуре. Наиболее широко известны имена скульптора Хамзата Крымшамхалова, и живописцев Якуба и Сияры Аккизовых, Бориса Гуданаева и Владимира Баккуева.

Будущий первый и лучший скульптор из коренных народов Северного Кавказа, заслуженный художник РСФСР и КБАССР Хамзат Баксанукович Крымшамхалов родился 23 февраля 1917 года в селении Теберда, в Большом Карачае. И отец, и мать Хамзата были из знатных бийских родов Балкарии и Карачая.

Отец из знаменитого рода Крымшамхаловых, был родным братом первого карачаевского профессионального художника и известного просветителя Ислама Крымшамхалова. Мать – из не менее знаменитого рода Абаевых из Большой Балкарии, дочь первого балкарского историографа и этнографа Мисоста Абаева.

В 1933 году семья Крымшамхаловых, как и многие другие княжеские семьи, после начала массовых репрессий, уехала в Дагестан, где, видимо, «чуждых элементов» преследовали не с такой жестокостью, как в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии. В 1935 году Хамзат едет в Тифлис и поступает учиться в художественную академию, но через два года вынужден был оставить учебу, так как не на что было жить. Вернувшись в Махачкалу, Хамзат стал работать художником в редакции газеты «Дагестанская правда». С первых же дней войны он – на фронте. За храбрость и мужество, проявленные им в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Хамзат Крымшамхалов был награжден орденом Отечественной войны.

В 1943 году после тяжелого ранения демобилизован и вернулся опять в редакцию «Дагестанской правды». Отсюда и его, как и других карачаевцев и балкарцев, оказавшихся в Дагестане, сгребли и отправили в ссылку. Долгие годы ссылки стали для Хамзата годами усиленной работы и упорного совершенствования своего мастерства. Он стал одним из лучших скульпторов Казахстана. Иначе ведь не доверили бы ему сделать памятник вождю мирового пролетариата Ленину и герою-полководцу Панфилову, установленные в центре Алма-Аты.

В 1957 году Хамзат Крымшамхалов вместе со всеми вернулся на Родину и до самой своей смерти – до 2 октября 1985 года – занимался своим любимым делом – ваял и рисовал. И одновременно, являлся долгие годы председателем Союза художников республики, пестовал молодых художников, которых вместе с высокими талантами Всевышний зачастую одаривал и не менее высокими амбициями. Дискуссии о художественных ценностях созданных ими произведений иногда грозили перерасти в банальную ссору, и тогда недовольно вставал со своего места тамада, со своей копной пышных белых волос, похожий на какого-то ангела небесного или языческого бога. Авторитет его среди коллег был непрекращаем.

За почти тридцатилетнюю творческую деятельность после возвращения на Кавказ создал целую серию скульптурных памятников и бюстов, посвященных людям родной земли – героям

революции, Отечественной войны и героям труда. Памятники революционеру Хамиду Калабекову в сел. Булунгу, выдающемуся флотоводцу Арсению Головки в г. Прохладном, аксакалам культуры и литературы балкарского и кабардинского народов Кязиму Мечиеву и Бекмурзе Пачсву в г. Нальчике, Герою Советского Союза Алимуну Байсултанову в сел. Яникон, выдающемуся поэту, основоположнику современной кабардинскому поэзии Али Шогенцукову – все это творение рук Хамзата Крымшамхалова. Но наиболее выдающимся произведением стал памятник «Скорбящий горец», посвященный погибшим горцам в период Великой Отечественной войны и установленный в Баксанском ущелье возле дороги в Приэльбрусье у въезда в сел. Кенделен.

Лишь только художник-горец, глубоко знающий быт родного народа, его обычаи и психологию и безмерно их уважающий мог создать такой поистине шедевр скульптурного искусства, каким является «Скорбящий горец». Как известно, балкарские и карачаевские мужчины, какое бы горе не выпадало на их долю, принимают, переживают и преодолевают его молча, чуть склонив голову, этим как бы давая знать Всевышнему, что они готовы безропотно вынести ниспосланное на них испытание, но в это же время гордой осанкой своей показывая, что они не сломятся, одолеют и эту беду, и жизнь в горах будет торжествовать, как и всегда. Вот именно такой скорбящий, но не сломленный горец и стоит перед зрителем, когда тот смотрит на памятник Хамзата Крымшамхалова.

Говорят, что сам он очень любил «Гармонистку», которую он создавал в первые годы после возвращения на Кавказ. После долгих лет преследований, ссылки, страха и вечной заботы о хлебе насущном, годы обретенной свободы, относительного душевного покоя, скорее всего, показали вечно гонимому Крымшамхалову если уж не райской жизнью, то, по крайней мере, – довольно сносной. И всю свою радость он воплотил в этой скульптуре, где изображена молодая, брызжущая здоровьем, веселая горянка, беззаботно поглощенная игрой на гармонике. Ему так хотелось, чтобы все вокруг были здоровыми и красивыми, добрыми и веселыми! Этому он и посвятил всю свою жизнь и большой свой талант.

Поэтом гор называли коллеги и искусствоведы рано ушедшего из жизни художника Якуба Алиевича Аккизова. Родился он в 1942 году в Нижнем Чегеме. После окончания Махачкалинского художественного училища чаще всего работал в области станковой живописи, рисунка и эстампа. Член Союза художников СССР с 1975 года, он участвовал во многих открытых выставках Союза художников КБАССР, в зональных выставках «Советский Юг», во всероссийских, всесоюзных и международных выставках.

В живописных полотнах и гравюрах Я. Аккизова поражает легкость и как бы прозрачность рисунка, неожиданность и бо-

гатство, разнообразие фантазии художника, который находит органическую внутреннюю связь между всем тем миром существ и предметов, изображаемых в его картинах.

Это хорошо видно как в живописных полотнах, таких как «Старый сад» (1987), «Ожидание» (1981), «Играющий на бубне» (1987), где преобладает яркий пламенный цвет, и в таких как «Тихая грусть» (1988), «Имара» (1989) и «После дождя» (1986), где преобладает цвет синего, голубого неба.

Много работал Якуб Аккизов как иллюстратор книг. В этом случае он пользовался техникой эстампа. Наиболее интересные его работы в графике – это «Века истории», «Семья», «Осенняя мелодия», «Окно», «Весенний праздник».

Рядом с ним, а зачастую и вместе с ним работала его жена, вместе с ним закончившая Махачкалинское училище, – Сияра Киясовна Мизиева. Она – первая профессиональная художница – лезгинка. Как известно, искусство Дагестана, и в особенности в области народного искусства и чеканки, больше тяготеет к Востоку. И это не могло не сказаться на творчестве Сияры Мизиевой. Как и Якуб, она стала членом Союза художников СССР в 1975 году, и тоже участвовала во многих республиканских, всесоюзных и международных выставках.

Сегодня она часто работает и в области иллюстрации детских книг, выпускаемых книжным издательством «Эльбрус».

Один из профессиональных талантливых художников Балкарии, Борис Гуданаев, живет и работает в г. Тырныаузе. Он окончил Краснодарское художественное училище и Ленинградскую художественную академию, несколько лет работал в Ленинграде, а картины его пользовались завидным спросом. В 1988 году художник, поддавшись уговорам друзей, вернулся на родину. Он хотел остановиться в Нальчике, но ни с мастерской, ни с жильем власти ему не помогли, и ему пришлось ехать к родителям в Тырныауз. С тех пор там живет и работает.

В настоящее время у него в Тырныаузе есть прекрасная просторная мастерская, которой даже он сам доволен, тут же, сбоку, и его квартира.

Раньше, в первые годы после Ленинграда, Борис сильно переживал, что застрял в глухой провинции, не может следить за временем и новациями в живописи, оторван от культуры большого города. Со временем страх превратился в безнадежно отсталого провинциала прошел, и пришло сознание того, что для истинного творца, художника, жизнь в провинции вовсе и не помеха делу. А возможно даже и благо. «Теперь все мои творческие планы связаны только с родным краем», – говорит художник.

Полотна Бориса Гуданаева имеются в музеях Москвы, Ростова, Ставрополя, во многих частных коллекциях стран, но их нет... в Нальчикском музее изобразительных искусств. Яркий

факт, подтверждающий печальное изречение: «Нет пророков в своем отечестве!»

Другой известный художник, Владимир Баккуев, живет в сел. Хасанья, имеет мастерскую в Нальчике, где и работает. Действительно широко известным он стал после выхода на экран осенью 1995 года фильма «Дорога на край жизни» режиссера Рубена Мурадяна, где Владимир Баккуев был художником-постановщиком. Несмотря на то, что фильм являет собой совершенно бездарное халтурное творение, которое недостойно было вообще показывать людям, тем более самим перенесшим трагедию ссылки, к работе художника Владимира Баккуева следует отнестись несколько иначе. Так как за сценарно-режиссерскую халтуру он-то, в сущности, не в ответе. Он, как художник, вполне удовлетворительно выполнил свою работу. Тем более что это – пока первая возможность, предоставленная балкарскому художнику стать соавтором полнометражного художественного фильма. И упустить эту возможность только из-за того, что маститый московский режиссер схалтурил, он не мог.

В последние годы Владимир Баккуев в основном создает пейзажные полотна. Участвовал во многих выставках, в том числе проводившихся в Москве и Ленинграде. Его картины есть в музеях Нальчика и Элисты, находятся в частных коллекциях людей, живущих в Англии, Германии, Сирии и, конечно же, в России.

Искусствоведы наиболее удачными его работами считают пейзажные и портретные полотна «Осень в Хасанье», «Афсаты», портреты Саида Шахмурзаева и артистки Зои Махневой.

Хотя Адрахман Занибеков и его супруга Халимат Атабиева в последнее время в основном живут и работают в Италии, в последнем году ушедшего столетия, осенью 2000 года, состоялась первая их персональная выставка и на родине – в Нальчикском музее изобразительных искусств. Об уровне их мастерства говорит тот факт, что их картины имеются во многих музейных собраниях и частных коллекциях картин в России, Италии, Франции, Германии, Швейцарии, США, Австрии, Турции и Финляндии.

Главой и душой этого семейного союза художников, по признанию самого Адрахмана, является Халимат, так как она имеет высшее образование именно по живописи – она окончила Высшее художественное училище им. Строганова и несколько лет работала в Нальчике как профессиональный художник. Адрахман, в сущности, учился у нее, учится и сегодня. «Я, скажем так, пытаюсь приблизиться к ней», – признался он в беседе с корреспондентом молодежной газеты. И это действительно так – он учится у Халимат сути живописи – мастерству в высоком понимании этого слова. Чтобы краски ложились мягче, чтобы линии рисунков были изящнее, тоньше... Как, например, на полотне самой Халимат, которая называется «Изобилие». Две девушки в длинных шелковых халатах на босу ногу, беседа

друг с дружкой, несут на головах корзины, наполненные фруктами – ананасы, бананы, виноград, гранаты, груши, яблоки... Их длинные золотые волосы развеваются, окутывают их тела, словно легкие накидки; кажется, это вовсе и не земные существа, а ангелы изобилия, летящие над землей и несущие дары к столу самого Всевышнего. Эта картина – гимн молодости и жизни, труду и миру. Преобладающие в картине золотисто-зеленые тона как бы символизируют основы жизни – Солнце и Землю. Возможно, что художника вдохновили на эту символику и нартские сказания, где люди на Земле, нарты – это дети Солнца и Земли. Но как бы там ни было, но эта картина Халимат является образцом живописи на вечную тему торжества жизни. И вообще буйство жизни, молодость, красота занимают в творчестве этого художника ведущее место. Вот, к примеру, портрет девушки под названием «Молодость» – это и красота природы в образе девочки-подростка, и несколько сдержанное торжество жизни вообще, которая способна вот на такое совершенство, как человек. И даже в пейзажах осени «Осеннее солнце», «Осенний день», «Поздняя осень» больше ощущается красота природы, а не «вечер» жизни, не увядание. Это, так сказать, ее реалистические картины. Но у нее есть и немало таких полотен, которых в недавнем прошлом наверняка отнесли бы к «сумасбродным» направлениям в живописи, которые ныне вполне уважаемо именуются авангардизмом, символизмом, импрессионизмом, сюрреализмом и т. д., в которых автор выражает свое видение мира в оригинальной форме. Таковы полотна из триптиха «Сны в лунную ночь» и т. д.

Вдохновителем Адрахмана на занятия живописью и его терпеливым учителем была и остается по сей день Халимат Атабиева. До знакомства с ней он окончил кооперативно-строительный техникум, работал и лаборантом, и корректором. Потом познакомился с Халимат, у которой в то время уже была своя мастерская в Нальчике, Адрахман стал чаще у нее бывать, увлекся живописью, и в один прекрасный день сделал-таки смелый шаг – ушел с редакции газеты и решил стать художником. Халимат и ее друзья-художники всячески ему помогли владеть кистью и чувствовать цвета краски.

Адрахман прекрасно понимал, что, как и во всяком деле, в живописи тоже мастерство приходит с годами и с опытом, а потому он писал много и постоянно. При том старался идти каким-то своим путем. Наверное, многие его работы можно отнести к авангардизму, символизму. Это в основном картины-фантазии на тему космос, мир, человек. Но есть у него и, так сказать, реалистические, такие как «Горный пейзаж», «Водопад», «Мираж», «Вечер», «Всадник», триптих «Источник» и т. д.

В настоящее время начали радовать любителей живописи и молодые художники. Как говорится, слава Богу, не оскудела земля наша талантами.

24. Страну души творящие любовью...

Мария и Виктор Котляровы – коренные жители республики, профессиональные журналисты, литераторы, издатели, написавшие ряд публицистических книг по истории республики.

Личность Кязима Мечиева – особая страница в творческой биографии Марии и Виктора Котляровых. В 2003 году увидели свет три работы о первом балкарском поэте – «Слово посланника», «Слово пророка», «Слово судьбы». Они легли в основу исследования «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве», вышедшего в том же году.

Много нового, ранее неизвестного узнает читатель о балкарском классике, так как авторы, шаг за шагом скрупулезно восстанавливая хронологию жизни поэта, встретились с десятками людей, чья судьба в той или иной мере связана с мечиевской, – достаточно сказать, что только в биографическом разделе представлено около пятидесяти литературных записей-воспоминаний. Это позволило пересмотреть год рождения, уточнить даты женитьбы, рождения детей, составить генеалогическую таблицу рода, по воспоминаниям реконструировать портрет супруги Канитат. Но главное, что на этой документальной основе, с привлечением самых разных первоисточников написан всесторонний биографический очерк, свидетельствующий, что Кязим из числа поэтов, приобщенных к мировому духу, истинный художник, у которого есть и всегда будет и литературная репутация, и творческая судьба.

Главная мысль, которую доносят авторы до читателя: Кязим, заполняя собой духовные пустоты безжалостного времени, осуществлял связь времен, наполняя ее нравственным смыслом. Растревоженная душа его ставила недоуменные вопросы не только перед людьми, но и перед самим Милостивым и Милосердным. Его беспокойство о «свете» в душах, о добре и свободе делают Кязима нашим поэтом еще больше, чем для современников.

Книга, без сомнения, привлечет к себе внимание. 420 страниц ее текста – это 17 глав, построенных по тематическому принципу. В их заголовках обыгрывается название мечиевского стихотворения «Хорошее слово»: «Подаренное слово», «Высокое слово», «Мужественное слово», «Живое слово», «Услышанное слово», «Главное слово», «Чистое слово», «Неумирающее слово», «Духовное слово» и т. д.

О содержании этой книги можно говорить долго, ведь это – своеобразная энциклопедия кязимовской жизни и творчества, в ней представлены в той или иной мере практически все, кому небезразлична судьба человека, являющегося душой Балкарии.

Вот что говорят сами авторы: «Начиная заниматься темой Кязима, мы ставили весьма скромную задачу: познакомить русскоязычного читателя с жизнью и творчеством балкарского поэта. Практически сразу же выяснилось, что белых пятен в его биографии больше, чем достоверных сведений. Это вполне объяснимо и временем, в котором он жил, и кругом лиц, которые занимались изучением его творчества. Время было жестокое, а почти все кязимоведы – поэты и писатели, что и определило литературный угол зрения на пророка из Шики.

Наше историко-культурное рассмотрение проблемы принесло результаты. Вслед за архивистом Е. Тютюниной, одной из первых обнаружившей сведения о Кязиме и его родственниках в материалах российской переписи населения 1886 года, проанализировав десятки воспоминаний, различных документов, сопоставив приводящиеся в них факты, мы пришли к твердому убеждению, что поэт родился не в 1859-м, а 1865 году».

Книга «Балкария: боль и гордость» была по-доброму встречена читателями. Вот что, в частности, писала в газете «Заман» от 16 сентября 2003 года доктор филологических наук Тамара Биттирова:

«...Вышла из печати удивительная работа – «Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве». Она посвящена великому поэту и, по сути, является энциклопедией. А поскольку творчество и личность Кязима Мечиева последние сто лет во многом определяют духовные и нравственные ориентиры балкарского народа, то и название книги «Балкария: боль и гордость» как нельзя лучше характеризует поставленную авторами Марией и Виктором Котляровыми цель – постичь сущность творчества поэта и секреты его воздействия на мир культуры народа.

Пожалуй, впервые в этой книге найден ответ на вопрос: «Почему Кязим нужен всем и во все времена?». Но, чтобы приблизиться к ответу, Марии и Виктору пришлось изучить все, что было написано о поэте, разыскать, записать и проанализировать воспоминания современников, почитателей его таланта, учеников, друзей, родственников и потомков Мечиева. Этот большой круг заинтересованных читателей и почитателей Кязима помогает авторам создать панораму жизни народа на протяжении всего XX века, с его радостями и трагедиями, надеждами и потерями. А воссоздав облик поэта, поразиться масштабу его личности.

Без большой, настоящей любви такие работы невозможны. В последние месяцы работы Марии и Виктора над книгой мы часто общались. Много говорили о поэзии Кязима, о его пророчестве, о загадочности этой незаурядной личности, о судьбе его творческого наследия. И я была свидетелем, с какой дотошностью и одновременно с трепетом они относились к каждому сообщению, к каждому, казалось бы, незначительному эпизоду из жизни Мечиева. Такое отношение не может не вызвать уваже-

ния и восхищения. Возможно, поэтому авторы находили повсеместно живой отклик среди респондентов. А встреч было бесчисленное множество во многих населенных пунктах республики. И каждая встреча приносила что-то новое в книгу. Услышав имена авторов будущей книги, люди начинали искать старые тетради, документы, фотографии, называть имена друзей людей, кто мог бы оказать им помощь.

Магическое слово «Кязим» вызывает у всех, кто имеет возможность читать его в оригинале, желание прочитать эти стихи и сказать о невозможности разделить судьбу поэта с судьбой народа. И к кому бы ни было обращено это слово, реакция всегда была одинаковой – рассказать о значении поэта в своей собственной судьбе.

Я видела, как у Марии, слушающей Азимат Шаваеву, закипают слезы. Ибо невозможно спокойно реагировать, как в ответ на вопрос о годах выселения Азимат вспоминает мальчика, умершего от голода. Когда у нее не хватает слов, она садится на пол и начинает показывать, как мальчик, употреблявший траву вместо пищи, опухает и начинает падать, как изо рта мертвого ребенка вытекает зеленая жижа. Я вопросительно смотрю на Марию, а она мне шепчет: «Не нужно переводить, я понимаю все...». Когда мы уходим из этого дома, Мария мне говорит, что за время подготовки книги она почти выучила балкарский язык, ибо ей приходилось работать без переводчика, и она вслушивалась в звучание слов, соединяя интонацию и смысл».

А вот строки из авторских послесловий.

От имени Марии: «...Жить по совести – большая редкость во все времена, тем более тяжела эта ноша для художника, но это стремление к правде пронизывает культуру и искусство изнутри, высвечивая подвижников. Кязим – из их числа.

...В народе живет его имя как нечто сердечное и родное. Множество людей было обеспокоено, что недосыгаемо далеко, в Казахстане, находится его могила, что заносит песком это святое для балкарцев место. В 1958 году по инициативе К. Отарова и А. Эрнстова оно было обнесено штакетником, в 1989 году там появился железный обелиск. Его поставили Абдуллах Бегиев, Хабибулах Гаев, Таука и Хызыр Мечиевы, Бахаутдин Этезов. Поставили, чтобы вернуться через год. Но получилось только через десятилетие. Но до этого Исхак Кучуков и Ильяс Топалов, чья мама живет в Кичмалке на бывшем подворье поэта, отправились в Алма-Ату на встречу однокурсников-юристов. Потом преодолели неблизкий путь в сторону Талды-Курганской области. Родных могил они не нашли, зато в зарослях высокой травы обнаружили кязимовскую.

Оба испытали шок, а вернувшись в Кабардино-Балкарию, на всех уровнях стали говорить о необходимости перенесения

его праха на родину. Широкой публике почти не известно имя Исмаила Кайтаева, который в 1989 году профинансировал и сделал возможной поездку в Казахстан пятерых энтузиастов, которые – напомним – поставили железный памятник. Если бы этого события не было, то и сейчас, возможно, мы горевали бы, что время поглотило земной приют одного из самых ярких сынов Балкарии».

От имени Виктора: «...Детство мое прошло на улице, называвшейся Дачной. В начале шестидесятых она получила другое название – Балкарская, что вызвало одобрительную оценку отнюдь не у всех, проживавших на ней. И этим пересудам имелось свое объяснение – сталинская закваска была еще достаточно сильна в обывательском сознании, и в половинчатую, строго дозированную правду хрущевской оттепели поверили далеко не все. Мы, мальчишки 8–10 лет, по-своему интерпретировали реплики родителей и соседей, решив, что раз улица переименована, то теперь на ней могут проживать только балкарцы. С вопросом: «А как теперь быть нам?» – я и пришел к своему отцу. Журналист Николай Васильевич Котляров в то время только что перешел из газеты «Советская молодежь», у истоков которой он стоял, на республиканское телевидение и был занят подготовкой сценария фильма «Люди заоблачной долины», рассказывающего о жителях селения Верхняя Балкария. Помню его улыбку и тот долгий, совсем не детский разговор, который он вел со мной, малолеткой, о страданиях, выпавших на долю балкарского народа, о несправедливости огульных обвинений, жертвами которых стали ни в чем не повинные люди – старики, женщины, дети. Именно тогда впервые в мою жизнь вошли имя Кязима Мечиева и его книжка, вышедшая на русском языке в 1962 году в Кабардино-Балкарском книжном издательстве. Она и сейчас передо мной – в темно-зеленом колленкоре, чуть поистрепаншемся на сгибе, на плотной, с желтизной, бумаге, с тончайшими, ажурными гравюрами А. Е. Глуховцева. И с пометками отца во вступительной статье Кайсына Кулиева – подчеркнуты строки о культуре личности, о том, что «ЦК нашей партии и Советское правительство восстановили ленинскую революционную справедливость, горцы вернулись на свою древнюю землю, политую их кровью и потом, снова разожгли потухший огонь родных очагов. А Кязим, величайший из горцев, не дожил до этого часа торжества справедливости, которую любил, как жизнь, и которой служил неизменно».

В те годы жили мы, как уже сказал, на улице Балкарской, а бабушка, мать отца, – на улице им. Орджоникидзе, куда я возвращался из школы, так как отец и мать работали допоздна. Случилось так, что все мои погодки проживали в основном на соседней улице – тогда Клинической, а впоследствии Юбилей-

ной, куда, забросив портфель после учебы, я и мчался тут же, проводя на ней практически весь световой, такой долгий в детстве, день. И видится особый смысл в том, что именно эта улица спустя годы обрела новое имя – близкое мне имя Кязима Мечиева.

... Не знаю, достаточно ли я убедителен в обосновании того, почему на протяжении многих месяцев, изо дня в день мы жили с именем Кязима – утро начинали с разговора о нем и вечером продолжали его.

Мы пытались реконструировать его биографию и радовались, когда кто-то из очевидцев подтверждал наши догадки, мы сидели в архивах и библиотеках, выискивая любое упоминание о поэте.

Мы побывали во всех селениях, где живут люди, помнящие Кязима, и долгие часы провели за обработкой диктофонных записей, стремясь вычленив главное из рассказанного, сохранить интонационную манеру, стиль собеседников.

Мы писали запросы, посещали музеи, фотографировали все, что было в той или иной мере связано с героем нашего повествования.

Мы печалились, сталкиваясь с равнодушием, когда нам демонстрировали, к примеру, тубетейку, якобы принадлежащую Мечиеву, но при этом подчеркивали, насколько она не новая, засаленная. Хотя какой она могла быть, пройдя через время, скитания, судьбы.

Мы горевали, узнавая, что пришли к Кязиму слишком поздно – еще вчера, буквально вчера были живы последние из его детей, многие из тех, кто хорошо знал его... Мы не успели с ними поговорить, выяснить волнующее, какие-то детали и эпизоды.

Наша вина: мы действительно пришли слишком поздно, и поэтому книга имеет немало пробелов, страдает определенными недоработками. И в то же время – мы ничего не придумали: каждый кязимовский год, шаг, поступок имеют или документальное подтверждение, или основаны на рассказах живых свидетелей. Хочется верить, что мы хоть в какой-то мере смогли показать его подлинного, настоящего – жившего когда-то и продолжающего жить сейчас; что нам удалось ответить на поражающие своей наивностью вопросы (не обывателей, а людей, относящих себя к интеллигенции!): «А был ли Кязим? А не написал ли за него все Кайсын?». Был, есть и будет.

Мы старались не задевать тех, кто – и, видимо, по праву – называет себя кязимоведом; не стали оспаривать датировку ряда стихотворений, хотя теперь знаем точно – она не соответствует действительности; не полемизируем с теми, кто, выразимся так, видит себя в Кязиме, а не Кязима в себе.

Мы ставили своей целью привлечь к участию в сборнике всех, кому дорого и близко это имя. Не обижайтесь, если кого пропустили, чьи работы не прочитали и чье мнение не привели:

это не специально, а только по причине отсутствия необходимой информации.

Это книга о поэте, которого мы любим.

Это книга о Балкарии, с которой мы сроднились.

Это книга о людях, чьи имена нам близки, чье творчество созвучно, чья жизнь дорога.

Искренность водила нашими руками, а руки писали на бумаге и набирали на компьютере только то, чем болели сердца. И если у одного из авторов книги, когда он поставил последнюю точку в своем повествовании, пронзительно закололо в груди, то хотелось верить: это он, Кязим, из своего небесного далеко дал знать – мы одной крови».

Впоследствии тема Кязима стала постоянной в деятельности издательства Марии и Виктора Котляровых. Они выступили инициаторами издания кязимовского сборника «Живое слово», первый из которых был приурочен к республиканской научно-теоретической конференции, посвященной 60-летию со дня смерти поэта (14 марта 2005 года). В дальнейшем издатели планируют выпускать сборник регулярно – раз в год-два, по мере накопления материала, публикуя на его страницах все в той или иной мере связанное с личностью и творчеством Кязима.

Но самое главное, на наш взгляд, что сделала Мария и Виктор Котляровы – это возвращение кязимовского наследия. В 2003 году ими была издана книга религиозных стихов на балкарском языке «Дин китабы», которую подготовил А. Бегиев. Красочное оформление, заставки к разделам, рамки в полосе набора, добротное полиграфическое исполнение нашли самый доброжелательный отклик у читателей.

В конце 2003 года вышел второй том – «Стихи, поэмы» – наиболее полное издание произведений Кязима на русском языке. Ведь за годы Советской власти его произведения отдельными книгами издавались всего четыре раза. Это «Стихотворения и поэмы» (1962 г., 160 стр.), «Эхо гор» (1967 г., 60 стр.) и два московских издания – «Огонь очага» (1970 г., 134 стр.) и «Избранное» (1976 г., 144 стр.). За исключением первой, все книги выходили в мягких обложках, две из них на газетной бумаге.

Чем же отличается от предыдущих издание «Стихи, поэмы»? Помимо стихов, многие из которых были переведены впервые, в сборник вошли как широко известные поэмы «Раненый тур», «Бужжигит», так и ранее не публиковавшиеся «Тахир и Зухра», «Желтый кош». Стихи публикуются в параллельных переводах таких мастеров слова, как Семен Липкин, Наум Коржавин, Игорь Ляпин, Георгий Яропольский, что позволяет увидеть творческую манеру каждого.

В книге «Кязим. Стихи, поэмы» 400 страниц, вышла она

«...Всякий подвиг тяжел для души. Выживший в местах депортации балкарский народ уже одним этим совершил подвиг. А его душа неизменно скорбит о тысячах и тысячах погибших соплеменников. Погибших от холода, дистрофии, тоски по родным местам.

Оказывается, спецпереселенцам полагалось вспомоществование в виде зерна, скота, теплых вещей и т. п. Вместо этого в большинстве своем людей выбрасывали в чистом поле, где промерзшая земля служила им и кровом, и домом. Как пригодились бы этим несчастным людям те десятки килограммов груза, полагавшиеся каждой семье по условиям выселения в виде продуктов питания, одежды, домашнего инвентаря.

Но кому позволили их взять?..

И что стало с теми, кто присвоил питание и другую помощь, выделяемую обездоленным кавказцам?

Много подобных вопросов возникнет у каждого, взявшего в руки настоящий сборник воспоминаний. И кровь застынет в жилах, и гнев опалит сердце, и родится надежда, что никогда больше в нашей истории не случится ничего подобного.

И ужас вновь открывшегося знания высветит наше извечное равнодушие к судьбам иных народов, иных племен, легко-весно-снисходительное отношение к тому, что было в прошлом.

Говорят о колесе судьбы, колесе истории, вращение которого приводит к повторяемости, цикличности происходящего.

Почему-то чаще повторяется плохое, и лабиринт зла как бы не имеет выхода.

Нам кажется, что выход есть, он в том, чтобы чаще, больше и по-разному говорить о геноциде. Чтобы люди, как это произошло в Европе с идеей фашизма, со всей очевидностью отвергли возможность не только навешивания ярлыков на народы, но и сам допуск предположения, что «ни за что» не наказывают. Нужны книги, фильмы, своего рода энциклопедия выселения. Нужно дать слово каждому, кто хочет выговориться, кто хочет быть услышанным, кто несет в душе тяжелый груз депортации. Молох истории должен быть остановлен.

Событие, о котором вспоминают участвующие в книге люди, осталось в прошлом, став фактом истории. Но сталинская депортация из того ряда фактов, которые невозможно понять, постичь, хотя имеются достаточно пространственные объяснения.

Привычная память о марте 1944 года пронизана ужасом и болью, страхом и ожиданием смерти, даже если носитель этой памяти родился сравнительно недавно,— таков глубинный закон человеческой психики. Заставить себя забыть происшедшее

невозможно, но преобразовать энергию привычной памяти в силу суждения стоит, потому что тогда включается основная сила человека, его источник истины и морали.

Размышление ныне живущего охватывает и прошлое и будущее. Безнравственность жестокости, проявленной властями при решении судеб малочисленных народов, поражает. Как поражает и стойкость людей, названных спецпереселенцами, не допустивших перемен в подходе к истинной ценности жизни, верящих, что изменится их положение и они смогут вернуться домой.

Несмотря на огромные людские потери, балкарский народ сумел воссоздать себя и обогатить национальную культуру. Это тоже подвиг. И это есть сама жизнь, утверждающая то, что должно быть.

Дух созидания, оплодотворенный привычной памятью и подвигом, двинет вперед новые шеренги поколений. Они должны быть более свободными, более самодостаточными, вобравшими в себя нереализованные возможности и таланты погибших и выживших. Только такой ответ достоин истории, самого народа».

* * *

...Такая книга, конечно, должна была бы выйти гораздо раньше. И не одна, чтобы каждый, кто пережил депортацию, мог рассказать о происшедшем с ним лично и с его народом. Пепел марта 1944 года всегда будет стучать в сердце балкарцев, сколько бы воды ни унесла река Времени; эту печаль возможно понять любому, кто даст себе труд прочесть бесхитростные автобиографические по сути воспоминания людей, прошедших испытание выселения и жизни на чужбине.

Есть боль, печаль – нет ненависти. И это – из главных уроков балкарской трагедии, высвечивающих подлинное величие народной души. Множеством бытовых подробностей создается цельное по восприятию полотно существования людей в обстоятельствах, навязанных политиками. Самое страшное здесь – даже не бесчисленные смерти людей от голода, резкой смены климата и отчаяния, обусловленного непредсказуемостью, неизвестностью даже самого близкого будущего, оторванностью от родного дома и привычного национального уклада жизни.

Самое страшное – нести крест унижения того, чего ты не делал, в чем был неповинен, о чем не помышлял. Ярлык изменника, предателя, врага позволял любому желающему поизмываться над спецпереселенцами. Пирамида обид могла бы раздавить своей тяжестью даже самые чистые и наивные сердца, если бы не чувства благодарности к местному населению, ко-

торое достаточно быстро разобралось в характере тех, кого к ним прислали.

Сочувствие – мощный, психологический фактор. От него, сочувствия, совсем близко находится эмоциональное сопереживание чужой боли, желание эту боль смягчить, если нет возможности устранить ее причины.

Из такого сопереживания жертвам нацизма в Европе выросли не только антифашистская литература, но и правовая база и общественное сознание европейцев, не допускающих возможности легального существования античеловеческих идей.

Постановление ЦК КПСС о восстановлении национальной автономии балкарского народа вышло в 1956 году. А писать о депортации стало позволено с 1989 года. Местная пресса поэтому не богата на публикации воспоминаний конкретных людей с их изломанными судьбами. Больше все-таки материалов, где делаются попытки изучения и осмысления тяжких тринадцати лет изгнания, достижений восстановительного периода. Конечно, это очень важно для общенационального сознания. Но пока жив хотя бы один участник этой трагедии, его голос должен быть нами услышан, чтобы ушла боль и осталась лишь печаль, смягчаемая чувством, что мы, люди самых разных национальностей, эту печаль его понимаем. В этом – смысл книги. В этом – суть солидарности человечества и залог гуманизации общества.

И еще один проект Марии и Виктора Котляровых, посвященный Балкарии. В 2003 году в их издательстве «Полиграфсервис и Т» вышли три фотоальбома под общим названием «**Балкария: время и лица**». Это своеобразная фотолетопись, первый выпуск которой охватывает конец XIX – начало XX века, второй – 20–30-е годы XX века, третий – 50-е годы XX века, то есть переломные периоды в истории народа.

Каждого, знакомящегося с этими фотоальбомами, ожидают поистине удивительные открытия – встреча с Балкарией, которая для большинства своего рода «терра инкогнито», то есть страна неизвестная.

Необычность альбомов в их цельности – зритель, листая страницы, как бы путешествует по ущельям Балкарии – Черекскому, Хуламо-Безенгийскому, Чегемскому, Баксанскому, причем одновременно это и путешествие во времени. Необычность и в том, что часть фотографий могут существовать сами по себе, извлеченные из альбома – они сделаны в виде открыток, которые можно вырезать по линии перфорации и послать своим знакомым, дать весточку о себе, напомнив о малой родине. Сами альбомы крепятся на пружинном переплете, тоновая одноцветная печать (в начале века, напомним, фотографии были

только черно-белые) передает малейшие детали пейзажа, выражение лиц героев снимков.

В рамках проекта планируется выпустить также альбомы «Чужбина», «Священная война».

В 2005 году Мария и Виктор Котляровы выступили авторами еще двух проектов. Их издательство приступило к осуществлению публикаций первоисточников по истории Балкарии – «Страницы прошлого». Исследования, отчеты, заметки ученых, путешественников XVIII–XIX веков, в подавляющем своем большинстве незнакомые современному читателю, а также малоизвестные работы современных исследователей, составят десять выпусков, два из которых уже вышли. В первый, в частности, вошли «Отчет об экспедиции 1867 года в Балкарию и Кабарду» Н. А. Нарышкина (1873), очерк «У подошвы Эльбруса» И. Иванюкова и М. Ковалевского (1886), извлечения из путевых очерков М. З. Кипиани «От Казбека до Эльбруса» (1889) и исторический очерк М. К. Абаева «Балкария» (1911).

Второй выпуск составили работы выдающегося кавказоведа Л. И. Лаврова «Из поездки в Балкарию» (1939), «Карачай и Балкария до 30-х годов XIX века» (1969), «Альбом и макеты Д. А. Вырубова по этнографии и археологии Кабардино-Балкарии» (1978), снабженные послесловием Юрия Карпова «Из истории этнографического изучения карачаевцев и балкарцев».

Второй авторский проект – подготовленный издательством цветной фотоальбом «Потухший очаг, потерянный кров».

...В марте 1944 года практически в одночасье перестали существовать десятки аулов, в которых столетиями жили балкарцы. Впоследствии в подавляющее большинство из них жители так и не вернулись. Время не пощадило людские жилища – дожди и ветра практически сровняли сакли с землей, развалины их заросли травой, камни послужили горцам основой для новых домов.

Что же осталось? Память. О прошлом, которое нельзя забывать. О трагедии, которая не должна повториться. О корнях, без которых народ обречен на исчезновение.

Цветной альбом «Потухший очаг, потерянный кров» – это фоторассказ о путешествии по аулам Балкарии, совершенном авторами в 2004 году – в год 60-летия депортации.

Без знаний – нет памяти. Без памяти – нет истории. Без истории – нет настоящего. Без настоящего – нет будущего. Вот авторское кредо Марии и Виктора Котляровых, внесших весомый вклад в воссоздание подлинной истории Балкарии и этим заслужившим уважение балкарского народа. Ведь, как говорили древние, сотворенное с любовью любовь порождает...

23. «Балкария» – Душа Балкарии

В первые годы после возвращения на родину балкарцы, занятые в основном бытовым обустройством, не особенно-то и обращали внимание на то, что в государственных учреждениях культуры Кабардино-Балкарской Республики они все еще не представлены в должной степени. Но вскоре балкарская интеллигенция, хотя и робко, начинает напоминать власти о том, что хотела бы и свой театр иметь, и альманах преобразовать в журнал, да и вообще было бы хорошо, если бы и в музыкальном театре, и в филармонии, и в Государственном ансамбле песни и танца балкарцев было бы не единицы только ради галочки для графы «национальный состав». В ответ власти в 1965 году назвали Государственный ансамбль песни и танца Кабардино-Балкарии «Кабардинкой», стали давать курортным корпусам и иным туристическим зданиям кабардинские вариации имен нартских героев и кабардинское название Эльбруса: «Сосруко» – ресторанный комплекс на Малой Кизиловке, «Ашамаз», «Сатаней», «Ошхамахо» – корпуса санатория «Грушевая роща», Кабардино-Балкарскому государственному университету было присвоено имя его первого ректора Глостанова, в столице республики устаревшие названия улиц заменялись новыми, в результате в центре Нальчика появились улицы, названные именами кабардинских просветителей и общественно-политических деятелей. Конечно же, это хорошо, когда вместо ничего не значащего имени «Почтовая» улица называется именем Шоры Ногмова, известного историка и просветителя кабардинского народа. Но не очень хорошо, когда в столице Кабардино-Балкарской Республики до сего времени нет ни одной улицы, носящей имя хотя бы одного из блестящей плеяды балкарских просветителей, в то время, когда здесь несколько улиц до сей поры носят имена палачей и военных преступников, виновных в трагедии балкарского народа.

Такие действия властей, когда задеваются национальные чувства одного из титульных народов республики, естественно, вызывали сильное недовольство передовой балкарской интеллигенции. В республике усиливалось межнациональное напряжение. Но руководителей республики, выросших на большевистском принципе маузерной политики, то есть на политике силы, такие тонкости мало волновали.

Так и жила республика до горбачевской оттепели: низшие начальники выслуживались перед высокими, а высокие – перед высшими. А высшие – перед Матушкой-Москвой. И все они – большие и маленькие начальники – получали ордена и медали за это – за то, что усердно выслуживались.

Ордена и медали получали также и рабочие с колхозниками. Но это им давалось гораздо труднее – им для этого прихо-

дилось потеть до седьмого пота. Или же быть родственниками начальников. Или же оказывать им важные услуги – молчать, когда начальники скармливали большим начальникам колхозный скот или же вовсе помогать им (если, скажем, ты шофер) воровать государственное добро. А когда началась политика Перестройки и Гласности, оживилась общественно-политическая жизнь, хоть и чуть-чуть, но все же приоткрылась дверь свободы, и люди, долгие годы «счастливы» жившие в затхлом полуразваленном мире «строителей коммунизма», вдохнули, наконец-то, глоток свежего воздуха. И чуть-чуть воспряли духом. Поверили в то, что в этой стране можно все-таки хоть что-то изменить к лучшему. Эти надежды, как выяснилось потом, были, конечно же, слишком уж оптимистичными, но кое в чем они все-таки оправдались, а именно в том, что не боязно стало хотя бы говорить. Но в то же время, разумеется, не забывая, что ты живешь в СССР, где даже горсть свободы кажется властям морем произвола и анархии.

В этих условиях, когда стало возможным и власть покритиковать, многие этим воспользовались. Одни – пытаясь выразить недовольство общества тем или иным положением, другие – в личных, корыстных интересах, стремясь таким путем пробраться к кормушке власти. И как зачастую бывает в жизни, кое-что удалось и тем, и другим.

Лучшим представителям балкарской интеллигенции удалось-таки наконец добиться того, чтобы взяли на государственный баланс уже два года существующий на общественных началах ансамбль балкарского танца, чтобы открылся свой театр, преобразовали альманах в журнал. С грустью приходится констатировать, что все эти радостные события в культурной жизни балкарцев стали возможными лишь после того, как первым секретарем Обкома КПСС стал человек со стороны, объективно относящийся к проблемам всех народов республики, – русский человек, ранее работавший в Сибири – Евгений Алексеевич Елисеев. Балкарские интеллигенты до сих пор вспоминают его с благодарностью за то, что он сумел внести весомую лепту в культурное развитие балкарского народа. Такой благодарности, к сожалению, не заслужил ни один руководитель республики – представитель наших собственных народов.

Самым значительным событием в жизни балкарского народа в период Перестройки и Гласности было, безусловно, триумфальная победа ансамбля «Балкария» над местной бюрократией, в результате которой она получила и статус государственного ансамбля и сохранила свое красивое крылатое имя, которое госчиновники старались отнять у нее до последнего дня.

Первый концерт Государственного фольклорно-этнографического ансамбля балкарского танца «Балкария» состоялся 4 июня 1990 года во Дворце культуры профсоюзов на проспекте Мира (сейчас – проспект Кайсына Кулиева) в городе Нальчике. Конечно же, это не было просто концертом. Это, в сущно-

сти, был грандиозным праздником духовного возрождения балкарского народа, ибо только теперь, именно в этот теплый июньский вечер поняли все собравшиеся в зале, а это была почти вся передовая интеллигенция Балкарии, что они, наконец-то, по-настоящему почувствовали себя полноценными людьми, способными на многое и достойными многого, как люди, живущие у себя на Родине, на своей земле. Это большое, светлое чувство праздника мог испытать на концерте обычного танцевального ансамбля только балкарец, прошедший через все круги ада жизни в ссылке и испытывающий до сих пор на себе несправедливое и неуважительное отношение как государственных, так и местных властей.

А праздник этот подарили своему народу балетмейстер Мухтар Кудаяев, бизнесмен Исмаил Кайтаев, а также джигиты и девушки из ансамбля.

Это он, Мухтар Кудаяев, два года назад сумел увлечь несколько пар парней и девушек безумной в то время идеей создать свой родной балкарский ансамбль танца. Удивительно, но он также смог найти спонсора, директора кооператива «Алтын кьоль», который согласился им помочь – Исмаила Кайтаева. Опять же удивительно, но Мухтар Чукаевич заразил своей идеей и главного врача санатория «Терек» Валерия Боттаева, и тот согласился сдать клуб санатория в аренду, где и репетировал ансамбль.

Это он, Исмаил Кайтаев, сумел уговорить членов своего кооператива поддержать джигитов и девушек с таким жаром взявшихся за благородное дело – возрождение народных танцев и танцевального искусства, несмотря на то, что время было трудное, и многие не очень-то охотно жертвовали своими средствами.

И в течение двух лет Исмаил Кайтаев и его коллеги из кооператива материально поддерживали ансамбль – шили для танцоров костюмы, давали деньги хотя бы на небольшую зарплату. Правда, вскоре недругам Исмаила Кайтаева удалось-таки закрыть его кооператив, но свое благородное дело он уже успел сделать.

Это он, Валерий Боттаев, государственный служащий, рискуя своим положением, дал возможность ансамблю целых два года репетировать в клубе санатория.

Это они – Фатима Теммоева, Борис Токумаев, Хасан Кудаяев, братя Альберт (гармонист) и Артур (танцор) Аппоевы, Магомед Энеев и их коллеги, несмотря на все сложности и невзгоды жизни в «переходный период», ходили все время на репетиции ансамбля так, как будто они уже работали в профессиональном ансамбле. Желание совершить для своего народа, уставшего духовно и телесно от вечной борьбы с множеством несправедливостей в этой жизни, какой-то большой, светлый праздник, было у всех у них так велико, что все они, казалось, вовсе и забыли о своих личных делах, заботах и тревогах.

В абсолютной неизвестности о том, чем все это может закончиться, долгих два года молодые танцоры, упорно учатся и трудятся (именно – трудятся, работая до седьмого пота!), овладевая мастерством профессионального артиста балета. И они достигли того, к чему стремились! Своим концертом они совершили подвиг – заставили свой народ устыдиться своего безволия и как бы сказали ему: «Достоинная жизнь всегда приходит к тому, кто борется за нее – кто неустанно работает, учится, совершенствуется. Не ждите ни от кого ничего! Выше голову – все в наших руках!».

Своим рождением, своей жизнью, своей судьбою с первых же дней «Балкария» стала душой Балкарии, ее радостью и надеждой.

Воспользовавшись словами Хемингуэя, можно сказать, что «Балкария» – это праздник, который всегда с нами – с каждым из балкарцев.

А теперь коротко о наших лучших мастерах танцевального искусства. И если ансамбль «Балкария» является поистине любимцем народа, то Фатима Теммоева, бессменная солистка с первого и до сегодняшнего дня, несомненно, является душой ансамбля. Она – лучшая танцовщица Балкарии, и никто с этим спорить не будет.

Она танцевала с раннего детства. И даже когда пошла в школу, находила время для танцев – ходила в ансамбль современного танца во Дворце культуры в родном городе Тырныаузе. После окончания восьми классов она не захотела далее тратить время «попусту» в обычной школе, а поступила в Нальчикское культпросветучилище на хореографическое отделение. Училась самоотверженно, до мельчайших деталей осваивая особенности «характера» каждого из изучаемых танцев. И неизменно получала отличные оценки по основным дисциплинам.

По окончании училища стала работать в ансамбле «Кабардинка». Здесь такие мастера национальных танцев как Надежда Мисакова, Раиса Карачаева, а в первую очередь, конечно же, художественный руководитель ансамбля Мутай Ульбашев помогли ей отшлифовать свое классическое мастерство, полученное в училище, с тем, чтобы оно более ярко засияло национальными красками. А когда узнала, что Мухтар Кудаев создает национальный балкарский ансамбль, Фатима сразу перешла туда. Вскоре ансамблю дали красивое, легкокрылое имя – «Балкария». Это было в 1990 году. И с тех пор Фатима Теммоева – первая и ведущая танцовщица, а если сказать более правильно – прима-балерина Государственного ансамбля народного танца «Балкария».

В ней счастливо сочетается все, что необходимо для первой балерины национального балкарского ансамбля – и гордая скромность горянки, и изящность стана, и необыкновенная пластичность и мягкость, легкость и стремительность в движениях, тонкое чувство «души танца» и отточенность техники исполнения. Особенно удачны в ее исполнении партии девушки в танцах «Бийнёгер» и «Кьол жаулуку».

С родным и любимым ансамблем Фатима Теммоева объездила почти полмира – она была во Франции, Турции, Голландии, Испании, Польше, Чехословакии, несколько раз была в Москве и в других городах России.

И в начале нового – XXI века – Фатима Теммоева – яркая звезда на небе искусства нашего народа, которая радуется всем своим теплым светом.

Одной из ярких звезд танцевального искусства Кабардино-Балкарии второй половины XX века был Каншаубий Соттаев.

Начало его биографии ничем особо не отличается от биографии тысячи его сверстников – отец был репрессирован, рос без отца. Когда балкарцев выселяли, дед, человек умудренный опытом нелегкой жизни, отправил свою сноху – кабардинку с детьми (два сына и дочь) в Заюково, к ее родителям. «Нас увозят неизвестно куда и зачем, а ты и дети останетесь в живых у твоих родителей», – сказал дед. И еще попросил: «Там запишешь, что дети – кабардинцы».

Так Каншаубий стал кабардинским мальчиком Каншоуби Шомаховым, по фамилии матери. И вскоре язык матери знал не хуже своих одноклассников.

В 1954 году, повзрослев, Каншаубий приезжает к отцу в Джамбульскую область Казахстана. Потом по призыву комсомола поднимал целину, был награжден Почетной грамотой.

В 1957 году он все-таки пришел в Государственный ансамбль песни и танца КБАССР, где сам Юрий Гальперин, художественный руководитель ансамбля, дал высокую оценку его таланту. Так он начал свою блестящую карьеру выдающегося танцора.

Слава к нему пришла как-то сразу, и он стал ведущим солистом ансамбля. Восторг зрителей, цветы и долгие аплодисменты теперь сопровождали каждый его выход на сцену. В 1961 году ему уже присвоено высокое звание «Народный артист Кабардино-Балкарской АССР».

В последние годы Каншаубий Соттаев учит своему мастерству молодежь республики в созданном им совместно с Мухтаром Кудаяевым ансамбле «Алан-Ас».

26. Блестящий ученый, прекрасный организатор

(Анатолий Измаилович Рахаев)

22 июня 1953 года в солнечной Киргизии у ссыльного балкарца Измаила Рахаева и русской девушки Тамары Черкашиной, которые поженились всего-то год назад, родился сын. Назвали его Анатолием.

А 17 сентября 1999 года распоряжением Председателя Правительства Российской Федерации В. В. Путина Анатолий Измаилович Рахаев был назначен заместителем министра культуры нашей большой страны.

Удивительная судьба мальчишки, родившегося в ссылке, на чужбине!

В 2003 году, когда Анатолию Измаиловичу исполнилось 50 лет, в Нальчике вышла книга «И цельность, и размах», где друзья и родственники рассказывают об интересной и наполненной жизни А. И. Рахаева.

Наверное, наиболее полно его образ раскрывается именно в этих удивительно искренних рассказах его родственников и друзей, так и его самого, когда он беседовал с корреспондентами.

Анатолий Измаилович – из беседы с корреспондентом «Кабардино-Балкарской правды» Ж. Аппаевой:

– Без ложной скромности могу сказать, что мой отец всегда был предан балкарской культуре и потому мечтал о том, чтобы и его дети внесли посильную лепту в ее развитие. Сам он окончил два московских института – ГИТИС и культуры, чуть ли не с младенческих лет приобщал меня к балкарской литературе и искусству. Помню, когда мы еще жили в Средней Азии, двоюродный брат отца по матери (кабардинец по национальности) прислал ему прекрасно изданную книгу «Нарты» Аскерби Шортанова. Вот тогда я, пожалуй, и впервые по-настоящему приобщился к родному краю. Помню, как поражали мое детское воображение грандиозные образы нартов, их неукротимое желание бороться за счастье народа. Во всем этом царил неуловимый национальный дух. По возвращении на Кавказ я понял, насколько точно Аскерби Шортанов сумел передать местный колорит.

Музыке я начал учиться тоже благодаря отцу. В детстве это было делом подневольным, позже я, так сказать, вошел во вкус, а когда поступил в Ленинградскую (ныне Петербургскую) консерваторию, то вообще отдался музыке всей душой. С самого начала отец говорил мне о моем долге перед народом. Свой труд я должен был рассматривать с точки зрения пользы родному народу. Отец всегда заботился о развитии балкарской культуры, и это чувство ответственности передалось и мне.

Михаил Залиханов, академик Российской Академии наук, Герой Социалистического труда, депутат Государственной Думы РФ:

– А. Рахаев – первый в КБР и Северо-Кавказском регионе профессор – доктор искусствоведения. Он член Союза композиторов Российской Федерации, академик трех Российских и одной Международной академии наук, ему присвоено почетное звание «Заслуженный деятель искусств КБР». Участник многих престижных всероссийских, всесоюзных и международных симпозиумов и конференций, на которых выступал с докладами о нашей музыкальной культуре. Научные музыковедческие работы А. Рахаева, посвященные музыкально-песенному фольклору балкарского и карачаевского народов, его многочисленные статьи и очерки по истории и теории музыки получили высокую оценку специалистов и широкий отклик общественности.

Махти Улаков, академик Международной тюркской академии, доктор филологических наук, профессор:

– Нет секрета в том, что избрать «тропу», которая приведет сына в «храм искусства», помог наш высокочтимый аксакал Измаил, выполняя отцовский и профессиональный долг. Он передал эстафету ярко горящего факела любви к народной музыке своему сыну и ученику. Измаил неустанно «вкраплевал» в изучаемые сыном азы национального и мирового культурного наследия, в первую очередь – очень бережное, чуткое, тонкое отношение к народному искусству. Он разъяснял, что музыка для балкарцев – это жизнь народа, выраженная в звуках, правдивый и волнующий рассказ о счастье и горе, радостях и страданиях, красоте души и чувств. Измаил убедил Анатолия в том, что музыка лечит человека от ран и обид, успокаивает и вливает в него жизненные силы и энергию. А самое главное – он научил своего сына-ученика слушать песни серьезно, с чувством благоговения и восхищения. Будучи человеком высокообразованным, Измаил-аксакал дал возможность молодому Анатолию самому определиться в выборе пяти основных мотивов, движущих людьми: слава, власть, богатство, вождение, мудрость.

Трудно сказать, когда мой друг сделал окончательный выбор. Но к тому времени, когда мы с ним начали работать в КБИГИ, всем вокруг уже стало ясно, что он на стороне мудрости. Имея незаурядные качества исследователя, он вместе с тем не смог скрыть свои задатки лидера.

Людмила Шауцукова, заведующая кафедрой Северо-Кавказского государственного института искусств:

– Когда Анатолию исполнилось четыре года, свершилось то, чего ждали все ссыльные народы, – разоблачение культа Сталина, реабилитация оклеветанных народов и великий праздник справедливости – возвращение балкарцев на Родину.

В одном из первых эшелонов семья Рахаевых возвращается в Нальчик. Еще в детском садике, куда стал ходить Анатолий, воспитатели обратили внимание на его музыкальность, артистичность, любовь к музыке и пению. Впрочем, раньше всех это заметили родители, поэтому отец уже в семь лет отвел сына в детскую музыкальную школу № 1 г. Нальчика. Измаил Ибрагимович любит рассказывать, как блестяще выдержал экзамены его мальчик – ведь получить одобрение и похвалу у таких специалистов, как директор школы Николай Гетегезев и преподаватель по классу фортепиано Беатрис Фридман, было делом нелегким. Но абсолютный музыкальный слух ребенка и его любовь к музыке не оценить было невозможно.

Одноклассники по общеобразовательной школе № 2 и музыкальной школе вспоминают, что ученик Рахаев постоянно

находился в центре внимания. Он был генератором идей, учился с легкостью, все давалось ему просто, но вместе с тем он умел и работать, ведь освоить фортепиано без труда невозможно. При этом он был образцовым сыном, помощником матери и как старший брат опекал маленького Тенгиза.

Дальнейший путь Анатолия был определен – поступление в Нальчикское музыкальное училище на теоретическое отделение и его успешное окончание в 1972 году. Именно здесь определится интерес Анатолия Измаиловича к народной музыке. Изучая творчество великих композиторов, музыкальную литературу, гармонию, сольфеджио и другие предметы, он увидел, как глубоко, полна красок и удивительна музыка родного балкарского народа, как неповторим и оригинален героико-исторический музыкальный эпос народов, населяющих Кабардино-Балкарию и Северный Кавказ, как много дают душе и сердцу старинные горские мелодии.

В 1972 году Анатолий поступил на теоретико-композиторский факультет Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова. Ленинград стал для Анатолия очень близким и дорогим городом. Здесь он окончил консерваторию и аспирантуру. Эти годы были заполнены напряженной учебой, интересными лекциями всемирно известных педагогов, изучением российской и мировой музыкальной культуры, посещениями театров, музеев, встречами с известными мастерами искусства. В годы учебы Анатолий все больше увлекается музыкальным фольклором своего народа и по совету известного музыковеда, доктора искусствоведения Ф. А. Рубцова работает над кандидатской диссертацией на тему: «Антология музыкально-песенного фольклора балкарского и карачаевского народов».

Занятия наукой не помешали Анатолию исполнить свой воинский долг. Он отслужил, а после окончания аспирантуры был направлен на работу в Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики, где вначале работал старшим научным сотрудником, а затем заведующим сектором искусства.

Тамара Биттирова, доктор филологических наук, заведующая отделом балкарской литературы КБИГИ:

– Мы начали свой трудовой путь одновременно, придя в Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований в начале 80-х годов после окончания учебы, – Анатолий закончил аспирантуру при Ленинградской консерватории, я – при Азербайджанском университете им. Кирова. Поскольку кабинетов тогда не хватало, молодежь в основном сидела в полуподвальном помещении. Но эти невзрачные кабинеты благодаря оптимизму и задору начинающих ученых запомнились как начало светлого пути к вершинам науки.

С легкой руки Анатолия обитателей этих кабинетов стали называть «детьми подземелья». Надо сказать, что сегодня эти

«дети» составляют основной костяк нашего института и во многом определяют развитие гуманитарной науки республики. Потом у него были другие кабинеты, но я хочу поделиться своим наблюдением, в какой-то мере характеризующим Анатолия как человека собранного и целеустремленного: в каком бы кабинете он ни сидел, прежде всего делал все, чтобы он был не столько уютным и комфортным, как располагающим к работе и творчеству.

В истории КБИГИ 70-80-е годы по накоплению археографического, полевого материала были, пожалуй, самыми яркими и плодотворными. В те десятилетия практически ежегодно проводились комплексные экспедиции по сбору полевого материала по языку, фольклору, этнографии, истории, в которых были задействованы все научные сотрудники соответствующих отделов. Запомнилась первая фольклорная экспедиция 1981 года. Нас было пять человек – фольклористов, литературоведов, руководителем назначили Анатолия Рахаева. Обследование проводили в двух ущельях Балкарии – Баксанском и Безенгийском. И куда бы мы ни приезжали, нас очень приветливо встречали, и оказывалось, что Анатолий хорошо знает народных певцов. Дело было в том, что он еще будучи студентом теоретико-композиторского факультета Ленинградской консерватории, неоднократно принимал участие в подобных экспедициях. Его первыми наставниками в этом сложном деле были наши талантливые собиратели фольклора Саид Шахмарзаев и Азрет Холаев. Не каждому выпадает такая удача. Помню одну историю. Во время записи исполнителей приходилось одновременно и подпевать в традициях национального «эжуи». Лучше всего это получалось у Анатолия, обладавшего абсолютным музыкальным слухом. Но поскольку он был типичным блондином, что встречается среди балкарцев нечасто, то певцы говорили другому участнику экспедиции, старавшемуся изо всех сил, но нещадно фальшивившему: «Ты, молодец, отдохни, пусть подпекает этот русский парень». Потом Анатолий отвечал на чистейшем балкарском языке, приводя певцов в изумление. Это повторялось неоднократно.

Султан Теуважев, заслуженный деятель искусств РФ:

– Когда Совет Министров РСФСР принял решение открыть в Нальчике институт искусств, встал вопрос о том, кто может и должен возглавить это уникальное высшее музыкальное учебное заведение, призванное готовить специалистов для республик и краев Северного Кавказа. Кандидатов на должность ректора оказалось немало. Однако, обсудив потенциальные возможности претендентов, все их плюсы и минусы, обком КПСС и Министерство культуры Российской Федерации остановили свой выбор на Анатолии Измаиловиче Рахаеве, заведующем сектором искусства КБНИИИФЭ, в то время кандидате искусствоведения, питомце Ленинградской государственной консерватории. И не ошиблись.

Анатолий Рахаев, как говорится, засучив рукава, взялся за сложную и ответственную творческую работу. Он умело организовал подбор преподавательских кадров, прием талантливой молодежи Северного Кавказа и других регионов России.

Это были сложные годы «перестройки», когда особое значение придавалось организации слаженной работы на местах. К этому времени в кабардинском, балкарском и русском театрах республики стал ощущаться недостаток молодых талантливых актеров. Старшее поколение актеров покидало сцену, нехватка кадров негативно отражалась на репертуаре и творческой деятельности театров. В новых экономических условиях жизни страны было очень трудно готовить кадры актеров в Москве, Ленинграде.

И вот, по инициативе А.И. Рахаева в СКГИИ было открыто театральное отделение по подготовке специалистов для наших театров. Для преподавательской работы на театральном факультете института ректором были приглашены ведущие актеры театров, лучшие мастера театрального искусства республики.

Анатолий Рахаев в беседе с корреспондентом газеты «Синдика-Информ» И. Хуторным (2001 г.):

– С самого начала работы в Министерстве культуры РФ для меня были определены следующие сферы курирования по федеральным органам исполнительной власти Министерства культуры РФ: наука в сфере культуры и искусства, вся система образования в сфере культуры и искусства РФ и информатизационная политика в сфере культуры как в РФ, так и в международном масштабе. Как вы знаете, в связи с Указом Президента Российской Федерации в мае Министерству культуры были переданы функции упраздненного Государственного комитета РФ по кинематографии. В связи с этим в структуре центрального аппарата министерства произошли изменения, и в том числе изменения в сфере направления деятельности курирующего заместителя министра. И к тому большому объему работы, который был на меня возложен до этого момента, добавилось еще руководство организационным управлением МК, а также вся региональная, национальная политика, включая работу с вновь учрежденными федеральными округами РФ. Все это, помноженное на правовую, юридическую и экономическую сферу в курируемых мною направлениях.

– *Ваши планы на ближайшее время, что вас ждет в Москве? Как проводите свободное время? Как отдыхаете?*

– К сожалению, большим временем для отдыха не располагаю, приезжаю на работу до начала рабочего дня и уезжаю после того, как техничка закончит свою уборку. Это связано не только с тем, что нас, в Кабардино-Балкарии, руководство республики приучило хорошо работать, а и тем, что новые обязанности и обязательства по отношению как к федеральному ведомству, так

и к своей работе, к собственной совести заставляют трудиться с удвоенной энергией, удвоенной силой. Поскольку территориальная и региональная политика в сфере культуры возложена на меня, приходится достаточно много ездить как по России, так и бывать за рубежом. Недавно принимал участие в международном симпозиуме, который проходил в Эдинбурге, в Шотландии; скоро улетаю в Германию на несколько дней; в начале октября предстоит работа в Федеральном совете по культуре, который состоится в Новосибирске, здесь же будем работать с администрацией Федерального округа; в середине февраля предстоит поездка в Сеул. Ну и, конечно же, с 29 сентября по 3 октября в республике пройдет Международный фестиваль, посвященный юбилею нартского эпоса, куда я приглашаю всех жителей Кабардино-Балкарии.

– *Северо-Кавказский государственный институт искусств – ваш родной дом. С каким чувством вы расставались с ним?*

– Во-первых, Северо-Кавказский государственный институт искусств я могу назвать своим родным детищем. Уехать и забыть – ни у одного нормального человека это не получается. Должен сказать, что коллектив, с которым я работал в течение десяти лет, интернационален, стабилен, очень дружелюбен. Более того, это высокопрофессиональный состав. И мне радостно, что, год работая без меня, он так же крепок и работоспособен, как было при мне. Естественно, что, находясь в Москве, курируя вопросы образования, никоим образом не забываю и поддерживаю родной коллектив, родной институт.

Из сообщений СМИ (22 ноября 1999 года):

– Трагическое происшествие прервало визит вице-премьера Валентины Матвиенко в Пензенскую область. Днем 20 ноября микроавтобус «Шевроле», в котором находилась Валентина Матвиенко и сопровождавшие ее высокие чины, недалеко от Пензы столкнулся с автомобилем «УАЗ-452». Удар был столь сильным, что перевернул микроавтобус. Водитель «уазика» и заместитель главы администрации Пензенской области Вячеслав Тарасов скончались от полученных травм на месте. Валентина Матвиенко, руководитель ее секретариата Виктор Черепанов, губернатор Пензенской области Василий Бочкарев, замминистра культуры Анатолий Рахаев, замминистра здравоохранения Евгений Дедков и водитель микроавтобуса Дузканов были госпитализированы с серьезными повреждениями, а Валентину Матвиенко, получившую черепно-мозговую травму и множественные ушибы, немедленно доставили в областную клиническую больницу. Состояние вице-премьера было оценено врачами как средней тяжести и не представляло угрозы для жизни. А уже в ночь с 20-го на 21 ноября по распоряжению Председателя Правительства РФ Владимира Путина за Валентиной Матвиенко выслали специальный самолет с медиками, который и доставил вице-премьера в Москву.

Уважаемые Измаил Ибрагимович и Тамара Максимовна!

Сердечно благодарю Вас за теплые слова сочувствия и поддержки в связи с трагическим происшествием, которое случилось со мной и моими коллегами, среди которых был и Ваш сын. Автокатастрофа действительно была очень тяжелой, но, к счастью, все обошлось. Судьба подарила нам второй день рождения, и все мы должны быть ей за это благодарны.

Анатолий Измаилович – очень мужественный человек. Он получил самые тяжелые травмы, но, несмотря на это, прекрасно держался, не терял присутствия духа. Меня очень радует, что его выздоровление проходит успешно. Надеюсь в скором времени увидеть его на работе. Анатолий Измаилович – прекрасный специалист, мне очень приятно работать с таким высокопрофессиональным, интеллигентным человеком. Сама я чувствую себя хорошо и уже приступила к полноценной работе.

Примите мои поздравления с наступающим Новым годом. Надеюсь, что он принесет всем нам мир и удачу. От всей души желаю Вам и Вашим близким здоровья и благополучия.

С глубоким уважением и искренней признательностью,

Заместитель Председателя

Правительства Российской Федерации В. Матвиенко

Из рассказа Владимира Гутова, друга детства А.И. Рахаева:

– Главное, вынесенное Толиком из случившегося, что некоторые вещи в работе нужно делать быстрее и качественнее, что к близким тебе людям надо относиться с большим теплом, нежностью, ценить каждый день общения, понимая, что нет и не может быть большей радости, чем человеческие узы, связующие всех нас. От родителей его крепкое физическое здоровье, благодаря которому он так быстро встал на ноги. Именно от родителей передалась ему и та важнейшая нравственная составляющая, дающая ощущение радости жизни, встречи нового дня, желание быть полезным, нужным людям, обществу. Анатолий смотрит на мир глазами отца и матери. То же самое можно сказать и о его детях. Его девочки талантливы, нацелены на выполнение поставленной задачи. Они по-хорошему упрямы, умеют, если надо, собраться в кулак. Младшая учится на первом курсе Плехановской академии – особый уровень требований, сложностей не перечислить, но не хнычет, за компьютером просиживает до полуночи, старается держать фамильную марку. Старшая работает в Комитете по культуре Санкт-Петербурга, закончила аспирантуру, защитилась, кандидат искусствоведения. В разработке темы – «Истоки профессионального карачаево-балкарского театра» – ей немалую помощь оказал дедушка Измаил Ибрагимович. Факт знаменательный – старший Рахаев был одним из основателей первого в истории своего народа профессионального театра, его внучка одной из первых

научно осмыслила, глубоко проанализировала, детально восстановила истоки становления национального театрального коллектива. И еще, о чем бы хотелось сказать. Вот уже 28 лет Анатолий и Татьяна, его супруга, вместе – они поженились очень молодыми, так как знали друг друга и дружили с первого класса. И время показало, что выбор их был правильным и достойным. Таня – женщина красивая, талантливая, способная, но надо отдать ей должное, она все сделала для того, чтобы Толик шел вперед, пожертвовала собой, своей карьерой. Дом, дети, быт – все на ней, а это много значит, когда твой тыл надежен и крепок. Жизненная философия Анатолия в семейном плане очень проста – он считает, что призвание мужчины оберегать родных и близких от невзгод, сделать так, чтобы они ни в чем не нуждались, чтобы постоянно чувствовали плечо старшего.

Твердое надежное плечо ощущаем и мы все, его друзья. Это особенно заметно, когда собираемся вместе, когда Анатолий берет гитару, и ты невольно подпеваешь ему – кто вслух, кто мысленно. Особое умиротворение царит в душе в эти минуты – хорошо, что жизнь соединила нас, хорошо, что мы близки, что дружеские узы делают нас чище, добрее, искреннее, лучше, талантливее, в конце концов. Ведь хороший друг – это тоже талант, которым Анатолий наделен сполна.

Анатолий Рахаев в беседе с писателем и журналистом Виктором Котляровым:

– Кем себя вижу в дальнейшем? Не собираюсь останавливаться на достигнутом. Есть большой накопленный опыт работы, и достаточно еще сил для того, чтобы эту работу сделать хорошо, поэтому – только вперед. Это зависит от меня, я считаю, что человек – хозяин своей судьбы. Есть над нами и старшие наши, и начальство, и Всевышний, но, если ты работаешь хорошо, если поступаешь по совести, тебя заметят и отметят. В этом я тоже уверен. Всегда считал основой благополучия, радости и здоровья нормальную работу. Хорошую, добротную работу, за которую не стыдно. Какой бы она ни была, где бы ты ее ни делал.

Я никогда себя не отрывал, не отрываю и не смогу оторвать от Нальчика. Люди, уехавшие в столицу, закрепившиеся там и бравирующие тем, что они москвичи, или неискренни, или занимаются самообманом. Я не чувствую себя москвичом, более того, снобизм столицы меня не коснулся. Ощущаю себя временно нанятым менеджером. На какой-то срок, после которого обязательно вернусь на родину. Мой столичный быт достаточно обустроен, но душа моя здесь, в Нальчике. И случается, в пятницу вечером я сажусь в самолет и лечу сюда лишь с одной целью – вдохнуть родной воздух, взглянуть на любимые горы, услышать родную речь.

Я работаю, что называется, на износ, ибо прекрасно понимаю, что если за кем-то наблюдают одни глаза, то за мной десяток. Чтобы держаться не то что на плаву, а быть в лидерах, надо трудиться в десять раз больше, в десять раз качественней, потому что своему простят и ошибку, и недоработку, а мне нет. Поэтому постоянно быть в тонусе, постоянно быть в курсе, постоянно быть ответственным – жизненная необходимость. И так работают практически все наши ребята, находящиеся в Москве.

Я не чувствую прожитых лет. Да, по паспорту мне уже пятьдесят, но по мироощущению я все тот же, каким был в двадцать-двадцать пять. Я думаю, что это мироощущение меня не покинет и через десяток лет, иначе и жить не стоит.

27. Ёрюзбеки нашего времени

Большой радостью для Балкарии и балкарцев в начале нового XXI века, несомненно, стала победа молодого спортсмена-тяжелоатлета из города Тырнауза Хаджи-Мурата Аккаева – он стал обладателем серебряной медали XVII Олимпийских игр, которые впервые в новое время проводились на их родине, в Греции, в столице страны в Афинах.

Уже в начале августа стало известно, что в составе сборной команды России на Олимпийские игры поедут трое ребят из Кабардино-Балкарии – это штангисты Хаджи-Мурат Аккаев и Заур Тахушев, дзюдоист Хасанби Таов. Первым обрадовал жителей республики Хасанби Таов – он удостоился бронзовой медали. Заур Тахушев, к великому огорчению всех жителей республики, не сумел пробиться к финальным схваткам.

В ночь с 23 августа на 24, наверное, в республике многие не спали – планировалась прямая трансляция из Афин, в тот день соревновались и штангисты в весовой категории до 95 кг, в их числе был и Хаджи-Мурат. Не спали и журналисты газеты «Заман» – утром 24 августа на первой странице газеты читатели увидели портрет молодого красивого парня – это был Хаджи-Мурат Аккаев. Наверху на всю полосу большими красными буквами было написано: «балкарец Хаджи-Мурат Аккаев, штангист, на Олимпиаде в Афинах удостоился серебряной медали. Поздравляем всех с этой большой радостью!». Сообщалось, что Хаджи-Мурат поднял в рывке 185 кг, а в толчке 220 кг, набрав в сумме 405 кг, что было всего-навсего на 500 граммов меньше, чем у болгарского атлета, ставшего обладателем золотой медали.

А спустя несколько дней – 28 августа земляки героя Олимпиады встречали его в аэропорту Минеральных Вод. Несколько усталый и растерянный тем, что встречать его пришло столько людей – более чем на 60 автобусах и машинах – Хад-

жи-Мурат благодарил всех за внимание и говорил, что главная радость для него – это то, что он сумел оправдать ожидания своих земляков и привез с Олимпиады «серебро».

Как издревле принято у балкарцев, как это водилось у их мифических предков нартов, Хаджи-Мурату преподнесли чашу героя, правда наполненную не бужой, как это обычно делается, но не менее уважаемым национальным напитком – айраном. А как же – если нарты, из дальних походов – жортуулов привозили отнятые силой сокровища, то Хаджи-Мурат привез серебро не отнятое ни у кого, а наоборот – подаренное ему, как благодарному и сильному нарту-джигиту. А потому та добыча, которую он привез из дальнего журтуула в начале XXI века, нам гораздо дороже тех сокровищ, что привозили нарты из походов за Дунай или же в Переднюю Азию.

Медаль Хаджи-Мурата – это награда настоящему народному богатырю, нарту наших дней, за то, что он свои силы, свой ум и способности отдает делу украшения и облагораживания мира, а не делу зла и войны.

Завершились торжества 31 августа в Доме правительства, где Президент КБР Валерий Коков от имени всех жителей республики горячо поздравил их, призеров Олимпийских игр Хаджи-Мурата Аккаева и Хасанби Таова и вручил им свидетельства о том, что им присваивается почетное звание «Заслуженный работник физкультуры и спорта КБР». А мэр г. Нальчика Хазретали Бердов вручил героям Олимпиады ордера на квартиры в Нальчике.

Кто же он, наш сегодняшний Ёрюзбек, еще до Афин совершавший «жортууль» по всей Европе и неизменно привозивший отовсюду золото и серебро? Кто его отец и мать, друзья и товарищи?

Родился он в гор. Тырнаузе в семье Магомеда и Фатимат Аккаевых. С детских лет занимался спортом, сперва боксом, но потом, увидев, что этот вид спорта стимулирует в человеке какие-то нехорошие качества, жестокость, стал заниматься штангой. Так он оказался у тренера Хакима Маккаева. И вскоре стал участвовать в крупных соревнованиях.

В 2000 году он становится чемпионом Европы среди юношей своего возраста и веса. В следующем году вновь выходит победителем, к тому же установив новый рекорд. И вот первенство мира среди юниоров в Мексике. Вместе со своим питомцем летит в Мехико и Махти Маккаев, его тренер.

Как известно, самый крупный город мира Мехико лежит в котловине, и редко когда там свежий ветерок продувает воздух. Вот и тогда над городом нещадно палило солнце, температура воздуха доходила до 40 градусов. Как только обустроились в гостинице, Хаджи-Мурат включил кондиционер и прилег отдохнуть – летели долго и все очень устали. И не заметил, как уснул. Сильно продрогнув, проснулся. Ночью поднялась

температура, а на завтра вечером уже надо было выходить на помост. Короче, чувствовал он себя перед выступлением не очень-то важно. И сумел взять «только» серебро.

В марте 2004 года Хаджи-Мурат вновь завоевывает звание чемпиона России, опять же установив новый рекорд. А уже в мае в Минске проходили соревнования на первенство мира среди юношей. И там он побеждает с новым рекордом. На сегодняшний день он является обладателем одиннадцати различных рекордов. И вот теперь он – герой Олимпийских игр. И с этого времени он уже переходит в совершенно новую категорию – теперь он будет выступать в составе взрослой сборной страны.

Как и у всякого человека, у Хаджи-Мурата тоже семья – это его и главный учитель, и главный наставник, так как любовь и тепло родных людей – это источник и душевных, и физических сил человека, а для спортсмена мирового уровня, каким является Хаджи-Мурат, тем более. Все в доме: и отец Магомед, и мать Фатима, и старший брат Омар, и все другие близкие родственники всегда старались сделать так, чтобы Хаджи-Мурат учился хорошо, и спортом бы занимался, ничем его особо не огорчали. И, конечно же, всегда переживали и с нетерпением ожидали от него вестей. Так было и в мае 2004 г., когда Хаджи-Мурат уехал в Минск на первенство мира среди юношей. «Мы пытались дозвониться хоть куда-нибудь, но в тот вечер нам это так и не удалось, – рассказывает мать. – Почему-то были отключены телефоны и Хаджи-Мурата, и его наставника. А отец его так разволновался, что не смог даже усидеть дома и ушел в Гирхожан к родственникам, лишь бы хоть как-то отвлечься. И лишь поздно вечером позвонил сам Хаджи-Мурат и сказал, что он победил. Что и говорить, моей радости не было предела. И, конечно же, мы не спали всю ночь. Постоянно звонили и родственники, и друзья, – не успеешь положить трубку, как сразу же вновь раздастся звонок. А рано утром его отца я нашла сидящим у гаража. Я сообщила ему радостную весть, но даже и тогда он не смог что-либо членораздельное сказать – настолько он волновался и переживал. Он лишь просиял, встал и, глядя на горы, свободно так, облегченно куда-то зашагал».

Так было и на этот раз, когда он уехал в Грецию, в эту легендарную страну. Конечно, то, что вместе с сыном поехали и его наставник Махти Маккаев, и даже сам Хызыр Макитов, глава района, успокаивало родителей и родственников парня, но все равно, ожидание в таком случае – нелегкое испытание.

К примеру, Хаджи-Мурат рассказывал потом, что перед выходом другого нашего земляка Заура Тахушева, с которым в Олимпийской деревне они жили в одном номере, он похудел от волнения аж на целых 1,5 килограмма. Что же тогда говорить о том, как волновались отец и мать. Как потом говорили они, ни отец, ни мать даже не смогли смотреть телевизор, хотя, конечно же, не спали все время.

Про ту ночь отец героя Магомед вспоминает так: «... Опи-

сать чувство радости и гордости, думаю, даже и не сумею: слов не хватит. Могу сказать только одно: я желаю испытать такое всем родителям. За детей радуешься трижды. Первый раз – когда они появляются на свет, второй раз – когда они создают собственную семью, и третий – когда убеждаешься, что они могут приносить в дом такую радость. Сам я в ту ночь был у матери и выступления не видел. Телевизор включил только тогда, когда уже шла церемония награждения. А сейчас думаю: может, оно и к лучшему, что не видел».

Но потом, Магомед, наверное, все-таки видел, как его сын брал в решающем толчке 220 килограммов. Видели это и миллионы людей во всем мире, но многие из них, конечно же, не знали того, что знали мы, его земляки – что этот богатырь в сущности все еще мальчик, юноша с неокрепшими костями, а потому мы боялись за него, как бы ни надорвался, перестаравшись, и в то же время хотели, чтобы он вышел победителем, хотя и знали, что его соперники – уже взрослые богатыри, с крепкими костями и мышцами. И если нам, простым его землякам, вовсе с ним и не знакомым, уже неделю не давали покоя эти мечты и опасения, то нетрудно догадаться, как нелегко давалось это долгое ожидание самой матери нашего мальчика-богатыря.

«Вечером я неожиданно расплакалась, – вспоминает Фатима. – Не знаю как, но я почувствовала тогда, что он именно в этот момент выступает. А потом пришли соседи с шампанским. Несмотря на поздний час, весь двор перед домом был полон народа. Устроили салют».

Как говорят философы, на пустом месте ничего не бывает. Как и у всех народов, у балкарцев тоже издревле идет уважительное отношение к добрым и сильным людям. В легендах и сказках часто говорится о том, что герой и даже героиня так сильны, что запросто поднимают быка или огромный камень, а безымянная героиня из нартского сказания «Кто больше?» концом веретена переворачивает лисицу, которую до нее не смогли перевернуть на другой бок все жители ее же селения. Ходят целые легенды и о действительно живших совсем недавно богатырях, которые удивляли многих своей недюжинной силой. К примеру, про Эрменбия Ксанаева из селения Кашхатау. Многих борцов он одолел в Средней Азии. Но больше всего он известен даже и не тем, что был силен, а в связи с одним курьезным случаем, якобы с ним приключившимся уже опять в Кашхатау, когда балкарцы вернулись на родину. Одним из первых у него была машина, но вот он однажды решил, наконец-то, ее продать. Тот, кто купил у него машину, выехал с его двора, дав задний ход, развернулся и уехал. А Эрменбий так и стоял на дворе, разинув рот от удивления. Оказывается, он не знал, что машина может ехать и задом, а потому, каждое утро, поднимая ее за перед, разворачивал ее «носом» на улицу, и так выезжал. Видно это занятие ему так надоело, что он взял и продал машину. А тот на его глазах дал задний ход и укатил. Говорят, что Эрменбий тогда сильно огорчился, что продал машину...

Так что, богатыри в Балкарии бывали во все времена. И сейчас они есть, только не хватает государственной заботы и внимания к ним, а так, конечно же, ни Мурат Карданов, завоевавший на XVII Олимпийских играх золотую медаль, ни Хаджи-Мурат Аккаев, ни Хасанби Таов, призеры Афинской Олимпиады, не были бы для нас такими уж редкими героями. Яркое тому свидетельство и успех Хаджи-Мурата, и многих других джигитов, которые воспитываются и тренируются в Тырнаузской комплексной спортивной школе, которым руководит Арсен Чеченов, и не только он один, а все руководство района заботливо опекает спортсменов, оказывая им всяческую помощь. Это в первую очередь, конечно же, председатель районного спорткомитета Магомед Джаппуев и глава района Хызыр Макитов. Скольких замечательных спортсменов, чемпионов республики, России, Европы и даже мира воспитала одна только эта школа. Это просто удивительно – всего несколько джигитов всерьез и от души взялись за дело – и такой успех. А ведь школа действует всего-то лет десять! Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров. Принимали участие на международных соревнованиях на первых порах боксер Юсуп Кумыков и каратист Владимир Хашев. Владимир стал призером европейского первенства среди юношей. Аслан Губашиев стал победителем чемпионата мира по каратэ-до. Чемпионами России были Руслан Сижажев и Азгор Акбаев, Расул Куготов. В 2002 году стал победителем на молодежных соревнованиях Алим Эминов. Больших успехов добивается и тяжелоатлет Магомед Созаев. Рагнета Карданова – победительница первенства Европы среди девушек, вторая в мире и чемпионка России. Вслед за Хаджи-Муратом идет и Таукан Геккиев – он тоже призер европейского чемпионата среди юношей.

Неплохо выступают и боксеры этой школы. На всероссийских юношеских соревнованиях побеждали и Алибек Газов, и Замир Темиров, буквально им на пятки наступают более юные спортсмены Бузжигит Ногайлиев, Мурат Атмурзаев, Тенгиз Доттуев. Они тоже и победителями, и призерами были на различных первенствах страны. А взрослые боксеры Малик Гулиев и Ахмат Соттаев стали мастерами спорта еще в студенческие годы. Всего же за десять лет подготовлено около десяти мастеров спорта.

Конечно же, чтобы делать такие успехи в обыкновенной районной спортшколе, в ней, наверное, должны работать тренерами действительно не только большие мастера своего дела, но и люди всей душой любящие и свое дело и ребят. Так оно и есть. Именно такими людьми и являются и Сергей Криваковский, который растит каратистов, и Махти Маккаев, наставник тяжелоатлетов, и Евгений Могилевец, и Артур Байбеков, и Аслан Уянаев, и Расул Текуев, и Юсуф Хаджиев и другие. Примечательно, что многие опытные спортсмены сами уже выступа-

ют в качестве тренеров, и, конечно же, вполне успешно. Это и Алибек Газов, и Хамид Кумыков, и Алим Байсултанов. Спортивные энтузиасты из Тырнауза хотели бы, чтобы, как и положено, секции их спортшколы действовали и в сельских школах. Они пытались это организовать, но, столкнувшись с очень странной позицией некоторых директоров школ, малость поостыли – дело в том, что директора школ требовали от них... деньги за аренду спортзала! Их же детей тренируй, учи, им же деньги и плати! Конечно, жалко что ли, можно было бы и заплатить ради дела – да только где их взять спортшколе, которая сама нуждается в помощи?

Уроженцем Эльбрусского района является и широко известный в России и за рубежом известный наш боксер Ахмат Доттуев. Он – боксер-профессионал, завоевывал звания чемпиона России, интерконтинентального чемпиона мира по версиям Всемирного боксерского совета и международной боксерской ассоциации. В 1999 году успешно провел свой бой в Дании и стал финалистом чемпионата Европы.

Родился Ахмат Доттуев в с. Кенделен и с 12 лет, еще школьником, стал заниматься боксом у уже известного в то время тренера Салиха Хаппаева. Из года в год Ахмат совершенствовал мастерство ведения боя и стал побеждать на различных турнирах, даже в школьные годы не раз побеждал на первенстве России, ВЦСПС, на других таких же крупных юношеских соревнованиях.

После окончания школы поступил в Волгоградский государственный институт физкультуры. И, разумеется, там тоже регулярно занимался и участвовал во многих встречах спортсменов.

В профессиональный бокс, как он сам рассказывает, Ахмат попал почти что случайно. В 1990 году спортсменам СССР было разрешено выступать на профессиональном ринге, и Владимир Лавренев, тренер российских профессиональных боксеров, привез своих подопечных в Волгоград, где у местного института физкультуры имелся хороший, со всем оборудованием, зал для тренировок. Как известно, профессиональным боксерам во время тренировок нужны напарники – спарринг-партнеры. Лавренев попросил местных студентов-боксеров, чтобы они выступили в этом качестве. Среди боксеров-студентов был, конечно, и Ахмат Доттуев. Дольше всех студентов выдерживал поединок Ахмат – целых 6 раундов. Опытный глаз Лавренева это, разумеется, заметил, и он пригласил Доттуева в свою команду, которая в следующий раз намеривалась собраться в Кисловодске. Ахмат подписал контракт и вскорости переехал в Москву.

Через три года, в 1993 году, на чемпионате России среди профессионалов в последнем двенадцатом раунде нокаутировал сильнейшего в то время боксера страны Юрия Епифанцева и стал чемпионом страны. Впоследствии еще четыре раза отстаивал этот высокий титул, побеждал во многих международ-

ных соревнованиях. В одно время выступал за один из английских клубов.

После нескольких лет жизни и работы в иностранных профессиональных боксерских клубах вернулся на родину, работал в Тырныаузе директором спорткомплекса «Геолог», учился на экономическом факультете Московского государственного университета, был избран депутатом Эльбрусского районного Совета.

В настоящее время живет и работает в гор. Тырныаузе.

О том, что наши подающие большие надежды спортсмены не получают со стороны руководства соответствующей заботы говорит и судьба дзюдоиста Муссы Настуева. В 2001 году 25-летний Мусса Настуев стал серебряным призером прошедшего в германском городе Мюнхене чемпионата мира по дзюдо. Как говорят знающие люди, победа на соревнованиях такого уровня сравнима с победой на Олимпийских играх. Но между тем возвратившегося из Мюнхена домой Муссу в аэропорту, кроме близких родственников и друзей, никто не встречал. Но и потом никто его не вызвал в Дом правительства, не вручали награды и цветы. Кто знает, наверное оттого, что он в Мюнхене выступал в составе украинской команды. А кто же виноват в том, что он оказался не в российской, а украинской команде?

А на Украине нашего джигита чествовали как положено. «Для сборной Украины моя медаль стала единственной за всю историю украинского дзюдо. Поэтому в Киеве меня встречали как национального героя, – рассказывал Мусса Настуев, – после Мюнхена осаждали журналисты, организовывались встречи то там, то здесь. Обещали квартиру. Но большую часть времени я все равно провожу дома, в Нальчике, где живу вместе с родителями и учусь в аспирантуре в КБГУ. На Украину выезжаю лишь на сборы».

С детских лет Мусса увлекался спортом, занимался гимнастикой, потом ходил в «Спартак», где под руководством Вячеслава Бегидова стал заниматься дзюдо. Здесь и стал мастером спорта. Потом тренер и 10 его воспитанников уехали в Майкоп. Причина столь странного поступка тренера и части его воспитанников проста до банальности – отсутствие возможностей профессионального роста из-за недостаточной финансовой поддержки со стороны государства. Вот что сказал об этом сам Мусса Настуев: «В то время добиться материальной поддержки, необходимой хотя бы для того, чтобы регулярно выезжать на соревнования, было практически невозможно. А в Адыгее нам предоставили прекрасные условия для занятий и поездок. Результат не замедлил сказаться. В настоящее время четверо из воспитанников Бегидова имеют разряд мастеров международного класса. Я прожил в Майкопе 4 года. Это время совпало для меня со службой в армии. Поэтому выступал за команду Вооруженных Сил».

Годы пребывания Настуева в Майкопе оказались в его

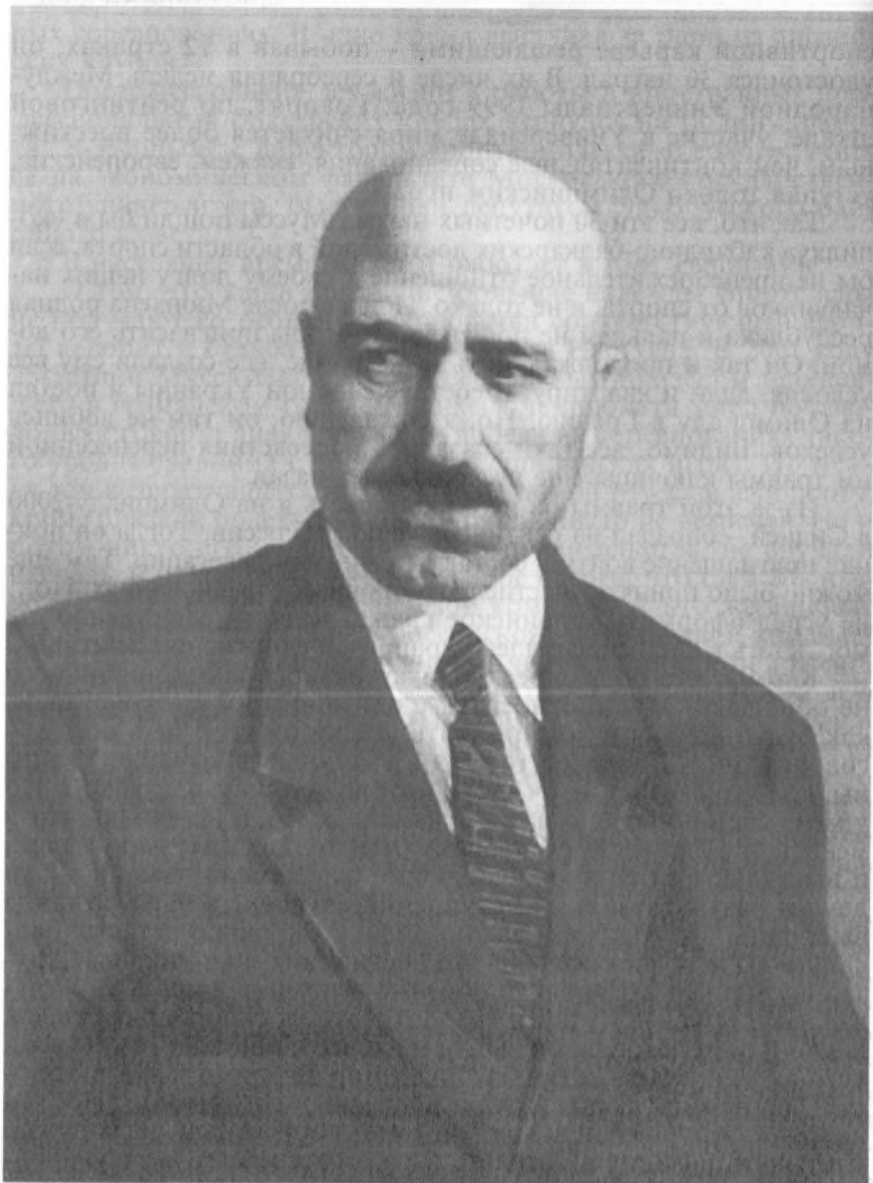
спортивной карьере решающими – побывав в 12 странах, он удостоился 30 наград. В их числе и серебряная медаль Международной Универсиады 1999 года. Говорят, по рейтинговой шкале, участие в Универсиаде мира считается более престижным, чем континентальные соревнования, скажем, европейские, уступая только Олимпийским играм.

Так что, все эти 30 почетных наград Муссы пошли бы в «копилку» кабардино-балкарских достижений в области спорта, если бы не пренебрежительное отношение к своему долгу наших начальников от спорта, и не только. И даже после Мюнхена родная республика и пальцем не пошевелила, чтобы пригласить его домой. Он так и продолжал жить на Украине, где создали ему все условия, дали и квартиру. В составе сборной Украины и поехал на Олимпиаду в Грецию. Но, к сожалению, он там не добился успехов. Видимо, все-таки сказались последствия перенесенной им травмы ключицы еще несколько лет назад.

Из-за этой травмы он не смог попасть и на Олимпиаду-2000 в Сидней – опоздал на рейтинговые бои в России. Тогда он принял приглашение войти в состав Украинской делегации. Там еще можно было принять участие в отборочных соревнованиях. Но... не успел оформить украинское гражданство и, естественно, не мог лететь в Сидней как член украинской спортивной делегации.

К тому, что родная республика никакого внимания на него не обращает, Мусса относится с олимпийским спокойствием, как будто все так и должно быть. «Я ни на кого не в обиде, – говорит он. – Наверное то, что я выступаю в команде Украины, кое-кто считает не очень-то патриотическим поступком. Но у меня свои понятия о патриотизме и долге, и не думаю, что я меньше люблю свою республику, чем те, которые живут здесь и выступают от ее имени. Ведь для спортсмена главное – это дело и результаты его выступлений. А где и в чьей команде выступать – не так уж и важно. Ведь я все равно остаюсь балкарцем. И мои достижения – это достижения моего народа. Друзья шутят, что в Нальчике обо мне вспомнят лишь в том случае, если приедет Путин и ему потребует спарринг-партнер». На вопрос, а готов ли он выйти на ковер с президентом, Мусса, улыбаясь, ответил: «Думаю, Владимир Владимирович в хорошей спортивной форме и будет достойным соперником. Но, тем не менее, этот поединок вряд ли будет корректным. Ведь нужно учитывать разницу в возрасте и то, что я мастер-международник, а он – обычный мастер».

Остается только надеяться, что в скором времени и в нашей республике найдутся и возможности выделять больше денег на развитие физкультуры и спорта, а также учителя-энтузиасты, как в городе Тырнаузе. И тогда наши ребята и девушки почаще будут привозить золото и серебро с Олимпиад, и Универсиад, и с других больших спортивных игр и соревнований. Как говорят горские старейшины, лишь бы был мир на нашей красивой земле и люди уважали друг друга.

Кайсын Кулиев

С картины Б. Гуданаева

6

Часть

**СВЕТ ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ:
ДУХОВНЫЙ МИР
И НАРОДНОЕ ИСКУССТВО
БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ**

Али и Се

Кавказом и со Спарфией. А высшие боги сканди двух именовали
я неами и обитали там, где и обитали рим (или фин) - в мифическ
Доли, в северном Причерноморье.

Сербские [REDACTED] [REDACTED] [REDACTED]
многие тюркские и армяне - славяне народы. Славян верили в
то, что вселенная состоит из трех миров: Верхнего - мир богов и
вечных существ, Среднегой мир - мир людей и живых существ
и Нижний мир - мир мертвых, мир предков. Славбы, как и мно
гие народы, армяне, верили в то, что со смертью человек не
перестает существовать, а лишь переходит в иное место. Тако
жине, переходят в Нижний мир. Смерть восток, но на Балканско
мич, предельно мучит, абал, как и на Небесах. Чтот - Смерть
закрыто то, что мочет дойти в армяне как Смерть. Доче
звать, и мочет 14-ю до времени, дабы воскреснуть. Но ели
Славно-славян в 170 одну ночь, - это спавше, что в балканско

Академик Михаил Залиханов

Хайсан Кулмев

Ташкент, 1998

1. Скифская культура

Скифский мир и скифская культура оказали существенное влияние на культуру и духовное богатство многих народов Азии и Европы, да и на всю мировую культуру. В духовном отношении древние верования скифов впервые в мире достигли высшего развития – единобожия. Великий Таргитай, впоследствии Великий Тейри (Тангри, Тенгери и т. д.) всех тюркоязычных народов, сын Неба и Земли, уважительно-ласково именуемые в скифской мифологии Дедушкой и Бабашукой (Папай и Апи). Танг – это небо; эр – это воин, мужчина; тай – это сорвался, упал, слетел. Значит, Таргитай – это чуть-чуть «отшлифованное» слово «Тангэритай» – Сорвавшийся с Неба. Нетрудно догадаться, что скифский Таргитай живет в наших нартических сказаниях под новым именем Ёрюзмек. Ёрюзмек – это не мифологизированный, «простонародный» вариант Таргитая, так как он тоже – Сорвавшийся Сверху. Просто в «Ёрюзмеке» слово «небо» заменено на «простонародное» «верх» и общетюркский «тай» – «ушел», «удалился», «сорвался» заменен – на более близкий к обыденной жизни «юз» – «сорви», «оторви». А так смысл и Таргитая, и Ёрюзмекка один и тот же. В чуть-чуть видоизмененном виде Ёрюзмек живет во всех национальных версиях Нартиады. Следовательно, вполне уместно сказать, что древние верования и фольклор скифов оказали существенное влияние на духовную культуру конкретно почти всех кавказских народов, предки которых жили по соседству со скифами и их потомками. Нет сомнения и в том, что скифская мифология оказала значительное влияние также и на мифологию древней Греции и Рима. Об этом говорят не только «родословные» некоторых обитателей Олимпа, пришедших туда с Азии и Скифии, но и то, что многие мифы греков связаны с Кавказом и со Скифией. А высшие боги скандинавов называются асами и обитают там, где и обитали асы (скифы) – в низовьях Дона, в северном Причерноморье.

Скифское представление об устройстве мира унаследовали многие тюркские и другие – соседние народы. Скифы верили в то, что вселенная состоит из трех миров: Верхний – мир богов и высших существ, Срединный мир – мир людей и живых существ и Нижний мир – мир мертвых, мир предков. Скифы, как и многие народы древности, верили в то, что со смертью человек не перестает существовать, а лишь переходит в некое иное состояние, переходит в Нижний мир. Скорее всего, по их религиозным представлениям, люди, как и их Небесный Отец – Солнце, со смертью не навсегда уходили, а временно, как Солнце после заката, и после какого-то времени могут воскреснуть. Но если Солнце «спит» всего одну ночь, – оно сильное, оно быстро вос-

становливает силы – то, человек, наверное, «спит» долго. Но он все равно опять «проснется». А так как Нижний мир это не стоянка соседей, до него довольно далеко, то покойника снабжали всем необходимым – и конем, и оружием, и продовольствием, и слугами, коли он и в жизни пользовался их услугами. Поэтому и находят археологи в скифских могилах много и золотых вещей и оружия, и бытовых предметов, и скелеты проводников и коней и т. д.

Когда речь заходит о скифской культуре, даже мало-мальски начитанные люди сразу же вспоминают так называемый скифский «звериный стиль» в искусстве. Этот своеобразный стиль наблюдается во всем, что связано со скифами: его нетрудно заметить в украшениях и конской сбруи, и ремней воинов, и керамической посуды, и зеркал, и кубков и т.д. Суть этого стиля состоит в том, что все предметы украшаются рисунками или пластинками из металлов, в которых изображаются различные «благородные» звери, и обязательно в беге, в прыжке – в стремительном движении. Золотой олень, золотой гребень и многие другие золотые вещи скифских ювелиров известны всему миру.

Античные авторы, в том числе и «отец истории» Геродот, часто пишут о скифах, сарматах и аланах невероятные вещи, но потом, задумавшись, вдруг догадываешься, что греки и другие представители «цивилизованного» мира просто не знали сути того, о чем писали, а лишь фиксировали факт. Вот, скажем, какой-то любознательный грек или же просто пленник оказался в скифской среде, на коротком привале у ручья скифские воины решили перекусить. Они берут обернутое в ткань (чтобы мухи не садились и не пылилось) вяленое мясо и начинают есть, иногда запивая родниковой водой. Вернувшись домой, этот грек рассказывает о том, что скифы едят сырое мясо, которое они держат под потником седла. И все – уже и до наших дней многие, в том числе и ученые мужи, продолжают верить в то, что скифы ели сырое мясо. А такое «сырое мясо», между прочим, является настоящим деликатесом у балкарцев, карачаевцев, ногойцев, да и всех тюркоязычных народов и сегодня. Или же такая картинка. Примерно в такой же ситуации воины снимают прикрепленный к седлу мешочек, высыпают из него коричневатую-грязную муку в чашку, заливают кислым молоком, размешивают и едят эту жидкую, темную кашу. И опять рождаются легенды о необычной скифской пище, они, мол, едят, совсем даже не сварив, жидкую кашу из муки. Откуда мог знать грек, что скифы едят не «сырую» кашу из темной муки, а очень даже вкусное и питательное блюдо, которое готовится из муки жареного зерна и айрана. Это блюдо – и сегодня любимое кушанье карачаевцев и балкарцев. Мука из жареного зерна называется кууут.

Многие виды одежды скифов дошли до наших дней – это башлыки, кафтаны, которые известны в литературе как черкески, чабыры – мягкая обувь из кожи, ноговицы и т. д. Но более всего

скифская культура известна миру по оригинальному «звериному стилю» древних ювелиров и художников. Золотые и серебряные скифские изделия хранятся во многих музеях мира и, конечно же, в центральных музеях России – в Эрмитаже, Оружейной палате и т.д. Исконно скифскими художественными сюжетами, видимо, все-таки следует считать изображения зверей и птиц, а также и орнамент. А мода на изображения людей, скорее всего, в скифский мир пришла из Греции, а возможно и из Индии, так как этот вид искусства получает широкое распространение лишь после контактов скифов с Передней Азией и Грецией – это VII–IV века до нашей эры. К тому же следует учесть и то, что после этого времени – после начала освоения греками Северного Причерноморья – у скифов вообще появляется мода на все греческое, и это естественно – все новое привлекает к себе особое внимание, люди хотят иметь вещи, которых нет у других и т. д. Так, увлечение греческим вином для скифов обернулось трагедией – многие стали пьянствовать, так как пили вино не разбавляя водой, как это делали греки. А какая скифянка могла устоять при виде красивых греческих тканей, украшений, зеркал, кубков и расписной керамической посуды тонкой работы? А какой скиф не будет стремиться купить с чудесной рукоятью кинжал или меч, тонкой работы кольчугу или щит, шлем или колчан? Нельзя исключать и того, что греческие художники и мастера были в связях со скифскими знатными людьми и исполняли их заказы, и что у них могли учиться и сами скифы. Как бы там ни было, но в скифском искусстве, в частности, в оформлении чаши из кургана «Гайманова могила» явно чувствуется влияние греческого стиля рисунка орнамента.

Но следует отметить и то, что как и мы, кавказцы, сегодня стараемся сохранить свой самобытный духовный мир и культуру от всеобщего влияния западной культуры, которая, по нашему мнению, не всегда действует на человека облагораживающе, точно так же в VII–IV веках, да и в последующем скифы скифский мир и тоже изо всех сил старались оградить свой духовный мир, религию и культуру от разрушающего влияния греческой цивилизации, где, как известно, даже жители Олимпа, сплошь состоящие из богов, и то постоянно пьянствуют, прелюбодействуют. Что же тогда говорить о простых смертных, которые, ясное дело, не боги и не прочь вволю поразвлечься и насладиться всеми прелестями жизни. И это так, ведь вино для греков было все равно что айран для скифов – как известно, ни одно застолье, даже обычный обед или ужин не обходились без вина. А из литературы известно, что и сам Александр Македонский, и его отец Филипп, да и все воины греческие, особенно во время персидского (азиатского) похода почти все время пьянствуют. Примеров того, как скифы ревностно сохраняли свои обычаи, религию и культуру говорят и те печальные факты, которые мы сейчас приведем.

Наверное, многие знают, что скифа Анахарсиса в Древней Греции причисляли к семи мудрецам. Но, наверное, не все знают, что его матерью была гречанка и, стремясь лучше познать мир родной матери, он отправился в Элладу. Конечно же, он знал греческий. Приведем несколько высказываний древнегреческих и римских авторов об Анахарсисе.

Клавдий Элион, римский писатель начала новой эры (II–III вв.) автор широко известных «Пестрых рассказов» в 14 книгах. В этих сборниках морально-назидательного характера он, рассказывая анекдоты и различные истории, и забавляет, и поучает читателя. Читаем отрывок из «Пестрых рассказов»: «Слабостью к вину страдали, говорят, сиракузский тиран Дионисий, тиран Нисей, сыновья упомянутого Дионисия, Аполлокрот и Гиппарин, фиванец Тимолай, Харидем из Орея, Аркадион, Эрасипсен, македонец Алкет и афинянин Диотим, которого даже прозвали Воронка за то, что он, взяв в рот воронку, мог без отдыха пить льющееся через нее вино. Лакедемонянин Клеомен (ок. 520–491 гг. до н. э. – спартанский царь. – М. К.), как говорят, не только много пил, но был также повинен в скифском пороке – пил неразбавленное вино... Рассказывают также, что Анахарсис много пил, будучи гостем у Перкандра (Коринфский тиран, один из семи мудрецов – 627–585 гг. до н. э. – М. К.) Эту привычку он усвоил у себя на родине, ибо скифы не добавляют в вино воду...

Скифы странствуют только в пределах своей страны. Анахарсис же, как человек мудрый, нарушил этот обычай, посетил Элладу и привел в восхищение Солона (Солон – знаменитый афинский государственный деятель и поэт VII–VI вв. – М. К.)»

Из этого отрывка видно, что в те далекие времена и в такой цивилизованной, скажем, стране, как Эллада (Греция), пьянство было почти таким же бедствием, каким оно является для нас сегодня. Сегодня греки, если и пьют, то, видно, вполне умеренно, как правило, в пьянство не впадают, но а мы, наверное, решили хотя бы в этом, коль в чем ином нам это не удастся, быть впереди планеты всей. И это, конечно, печально.

Сегодняшние наши джигиты, увлекающиеся спиртным, пусть хотя бы призадумаются, узнав кое-что новое и трагическое из жизни их соплеменника, жившего более 2500 лет назад. Как видно из этого отрывка, Анахарсис уже был любителем выпить, еще будучи у себя в Скифии, т. е. еще совсем молодым. А жаль – ведь у него была светлая, умная голова!

Диоген Лаэртский, греческий писатель, тоже жил в конце II и в первой половине III в. н. э. Он пишет: «Анахарсис, скиф, сын Гнула и брат Кадуна, скифского царя, по матери же эллин, и оттого владевший двумя языками. Он сочинил стихи в 800 строк об обычаях скифских и эллинских в простоте жизни и в войне; а в свободоречии своем он был таков, что это от него пошла поговорка «говорить, как скиф».

Сосикрат говорит, что в Афины он прибыл в 48-ю олимпиаду, в архантство Евкрата (это около 594 г. до н. э. – М. К.) Гермипп говорит, что явился к дому Солона и велел одному из рабов передать, что к хозяину пришел Анахарсис, чтобы его видеть и стать, если можно, его другом и гостем. Услышав такое, Солон велел рабу передать, что друзей обычно заводят у себя на родине. Но Анахарсис тотчас нашелся и сказал, что Солон как раз у себя на родине, так почему бы ему не завести друга? И, пораженный его находчивостью, Солон впустил его и стал ему лучшим другом.

По прошествии времени Анахарсис воротился в Скифию; но там по великой его любви ко всему греческому он был заподозрен в намерении отступить от отеческих обычаев и погиб на охоте от стрелы своего брата, произнеся такие слова: «Разум оберег меня в Элладе, зависть погубила меня на родине». Некоторые же утверждают, что погиб он при совершении греческих обрядов. Вот наши о нем стихи:

После скитаний далеких Анахарсис в Скифию прибыл,
 Чтоб уроженцев учить жизни на эллинский лад,
 Но, не успев досказать до конца напрасное слово,
 Пал он, пернатой стрелой к миру бессмертных прирчен.

Это он сказал, что лоза приносит три грозди: гроздь наслаждения, гроздь опьянения и гроздь омерзения. Удивительно, говорил он, как это в Элладе участвуют в состязаниях люди искусные, а судят их неискусные. На вопрос, как не стать пьяницей, он сказал: «иметь перед глазами пьяницу во всем безобразии». Удивительно, говорил он, как это эллины издают законы против дерзости, а борцов награждают за то, что они бьют друг друга. Узнав, что корабельные доски толщиной в четыре пальца, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти. Масло он называл зельем безумия, потому что, намазавшись, борцы нападают друг на друга как безумные. Как можно, говорил он, запрещать ложь, а в лавках лгать всем в глаза? Удивительно, говорил он, и то, как эллины при начале пира пьют из малых чаш, а с полными желудками – из больших. На статуе его написано: «Обуздывай язык, чрево, уд»... На вопрос, какие корабли безопаснее, он ответил: «Вытащенные на берег». Самое же удивительное, что он видел у эллинов, – это что дым они оставляют в горах, а дрова тащат в город (Анахарсис, видно, имел в виду углежогов, готовивших древесный уголь в лесу и продающих его в городе. – М. К.). На вопрос, кого больше, живых или мертвых, он переспросил: «А кем считать плывущих?»

Афинянин попрекал его, что он скиф, он ответил: «Мне позор моя родина, а ты позор твоей родине». На вопрос, что в человеке хорошо и дурно сразу, он ответил: «Язык». Он говорил, что лучше иметь одного друга стоящего, чем много нестоящих.

Рынок, говорил он, – это место, нарочно назначенное, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга...

Изобрел он, как уверяют некоторые, якорь и гончарное колесо.

Письмо его такое:

Анахарсис – Крезу. «Царь лидян! Я приехал в эллинскую землю, чтобы научиться здешним нравам и обычаям; золота мне не нужно, довольно мне воротиться в Скифию, став лучше, чем я был. И вот я еду в Сарды, ибо знакомство с тобою значит для меня весьма многое».

Из этой записи греческого писателя выясняется, что Анахарсис был не простым скифом, а принцем, а по-нашему – сыном хана. Видно, у его отца, как и водилось тогда у владык, было немало жен, и одна из них была эллинка, сыном которой и был Анахарсис. Видно по всему, ученые правы, когда утверждают, что, как правило, интеллект людей, рожденных от родителей разных национальностей, бывает выше, чем у обычных. И Анахарсис, сын скифа и элинки, тоже от природы был, видно по всему, исключительно умным, находчивым, весьма любознательным и вместе с тем гордым и самоуверенным – он же ханских кровей, в конце концов. А потому он запросто напрашивается в гости к знаменитостям и царям, и, как равный, желает быть их другом. Как его принял знаменитый царь Лидии Крез нам неизвестно, а вот великий Солон сразу же был сражен находчивым ответом Анахарсиса и действительно стал потом его другом. Конечно, не Анахарсис изобрел гончарное колесо, скорее всего через него познакомились у него на родине с гончарным колесом.

Конечно, мы можем сейчас многое предполагать, но то, что одной из причин его смерти стало чрезмерное поклонение им перед греческой цивилизацией и, как следствие этого, непросительно пренебрежительное отношение к обычаям и культуре своего народа, совершенно ясно. Поднять руку на своего родного брата – дело очень тяжкое, но скифский хан, видно, посчитал, что чистота народных обычаев, авторитет религии предков – это такие ценности, что никто не смеет на них посягнуть. И он убил своего брата, дабы он не позорил ни свой народ, ни род ханский. Конечно, это очень жестоко, но не надо забывать, что и времена были иные – все-таки не XX и не XXI века...

Следует отметить, что найденные во многих скифских курганах вещи подтверждают то, что скифский мир не имел особых отличий, и главный его признак – «звериный стиль» и специфический орнамент – прослеживается повсеместно как на европейской части от Волги до Дуная, так и в азиатской части – от Волги до Китая, в том числе в Сибири и в Средней Азии. Но, разумеется, с какими-то своеобразными вариациями. К примеру, в Средней Азии и на Алтае преобладающим видом искусства был орнамент – одежды, ковров и т. д., а в европейской части – изображения людей, зверей и птиц.

Никто не может сказать, какой громадный урон искусствоведению и вообще истории развития человеческой цивилизации

нанесено «разбойничьими» искателями сокровищ, которые раскапывали древние курганы и грабили находившиеся в них драгоценности. Сколько бесценных свидетельств мастерства, жизни и быта наших предков утрачено. Но многое порастерял и сам народ, в суете повседневных забот и в борьбе с бесконечными катастрофами и трагедиями. А то, что сохранилось, нашли в курганах ученые – оказалось почти в недоступных для нас музеях Москвы и Петербурга, Парижа и Лондона, Киева и Берлина и нам досталась лишь та часть богатства наших предков, которую невозможно отделить от народа – это чудесные сказания и героические песни о нартах. Но мы рады и этому – тому, что народ в течение тысяч лет, пережив неимоверно тяжкие беды и трагедии, еле-еле уцелевший от огня и меча безжалостных завоевателей, переживший не только свое изгнание, но и изгнание своего духа со своей родной земли уже в наше «счастливейшее» советское время, сумел все-таки сохранить в своей памяти песни своих героических предков, их «слова» – пословицы и поговорки. И мы, дети суетного XX века, уже вступившие в век XXI, читая эти поэмы-сказания, поговорки и пословицы не перестаем удивляться фантазии, живости ума и мастерству безымянных поэтов и мудрецов, живших на нашей земле «давным-давно, очень давно».

Давайте вспомним, что многие нартские сказания дошли до нас со скифских времен и еще раз соприкоснемся с духовным миром наших предков. Эти же песни-поэмы, быть может, слушали и аланы в далеком Китае, куда их занес монгольский ураган, вечером у костра на берегу горной реки, так похожей на родную Вздыхающуюся реку (Кубань).

АЧЕМЕЗ И КУБУ

Ачеевы в Ташлы Сырте жили, говорят.

Их было шестьдесят всадников, говорят.

Всех их шестьдесят человек убил тот, кого звали Кубу, говорят.

Из этого рода (только) один мальчик остался по имени Ачез, сын Ачея, говорят.

[Однажды] Ачез, сын Ачея, выиграл у одного мальчика все альчики, говорят,

Тот мальчик в слезах пошел к своей матери.

– Ачез, сын Ачея, выиграл [все] мои альчики! – сказал

Мать [мальчика] пришла к Ачезу, сыну Ачея:

– Ты бы показывал свое мужество не перед моим сыночком, а перед тем, кто убил твоего отца! – сказала.

Сын Ачея вернул мальчику альчики, пришел к своей матери и сказал:

– Ой, мать моя, болит у меня живот!

– Что мне делать, дитя мое, чего ты желаешь? – спросила [мать].

– Ой, мать моя, если бы ты пожарила кукурузы, я поел бы немного [горячей кукурузы], – ответил [он].

[Его] мать пожарила кукурузы и подала в стеклянной тарелке, говорят.

– Ой, мать моя, ты думаешь, у меня стеклянная душа? – сказал он.

Мать подала [ему кукурузу] в деревянной чаше.

– Ой, мать моя, ты думаешь, у меня деревянная душа? – сказал он.

– Ой, душа моя, свет очей моих, что мне делать, в чем [же тебе] подать? – спросила она.

– Ой, мать моя, если бы ты подержала горячую кукурузу в руке, я поел бы немного, – ответил [он].

Как только мать взяла горячую кукурузу, он крепко сжал [ее] руку.

Тут мать: «Что ты делаешь, дитя мое? Разве в стране нартов нет женщины, кроме меня? – сказала. – Отпусти руку, [ведь] обожжет!» – сказала.

– Если не назовешь убийцу отца, не отпущу, – сказал.

– Отпусти руку, жжет. Пусть участь [твоего] отца постигнет того, кто об этом сказал тебе!

[А] род твоего отца истребил некий Кубу, паук-кровопийца.

– Где конь моего отца, его седло, оружие? – спросил Ачемез.

– И его коня, и оружие я дам тебе, – сказала она, – только ты не борись с Кубу!

– Нет, мать моя, я не успокоюсь, пока не отомщу за кровь отца, – сказал.

Когда мать поняла, что [сын] не слушает ее, [она] так сказала Ачемезу:

– [Ну что же], дитя мое, возьми побольше оружия, и доброго [тебе] пути, – сказала, говорят. – Все [мужчины] из твоего рода выезжали на бой на этом коне.

Запомни, когда выедешь из аула, делай все, как посоветует твой конь, – наказала она.

И только Ачемез выехал из аула, конь, [что был] под ним, заговорил человеческим голосом, говорят:

– Ой, Ачемез, сын Ачея, запомни то, что я скажу, – сказал. – [Сейчас] мы проедем по железному мосту, что перед нами, – сказал, говорят. – Когда ступим на железный мост, Кубу проснется от грохота и выйдет, – сказал. – Впереди сторож Кубу – черный гриф, – сказал. – Если при встрече мы упустим [его], – сказал, – Если ты не сможешь застрелить этого черного грифа, [он] полетит к Кубу и даст ему знать [о нас], – сказал. – [А] если застрелишь грифа, мы сможем проехать на пастбище Кубу, – сказал. – На пастбище я остановлюсь на высоком кургане, – сказал, – На [этом] кургане ты выкопай в свой рост три ямы, – сказал. – [Потом] снимешь с меня седло, обмажешь меня клеем и натрешь песком, – сказал. – У Кубу есть златохвостый жере-

бец, который стережет [его] табун, – сказал. – Когда я стану на виду, [он] примчится и начнет со мною грызться, – сказал. – И когда он на мне будет клей с песком кусать, я буду кусать его самого и свалю [его], обессиленного, – сказал. – Ты же подбеги, прыгая из одной ямы в другую, и садись [на него], – сказал. – А я в это время угоню табун Кубу! – сказал.

Ачемез [без шума] проехал железный мост, и Кубу не проснулся, говорят.

Проехал [мост] и добрался до черного грифа, говорят.

Только черный гриф взлетел, [Ачемез] выстрелил и убил [его], говорят.

На высоком кургане [он] выкопал три ямы, говорят.

Потом он своего коня обмазал клеем и песком, говорят.

На виду у златохвостого рыжего жеребца его конь встал и заржал, говорят.

[Жеребец] прискакал и напал на него, говорят.

– Когда рыжий жеребец кусал клей на моем коне,

Мой конь стал рвать [его самого],

Так он лишил сил рыжего жеребца и свалил [его], говорят,

И тогда [я] оседлал [его] и вскочил на него,

А мой жеребец погнал табун Кубу.

Когда я ехал по дороге, навстречу мне выехал Кубу и спросил:

– Мальчик, ты не видел табун? – спросил [он меня].

– Табун ушел вон туда, – сказал я и указал не туда.

Встретил [меня Кубу] во второй раз и спросил:

– Мальчик, не видел коней?

– Я опять указал не ту дорогу: «Только что вон туда прошли», – сказал. [Когда] в третий раз подъехал ко мне Кубу, (он) спросил: «Кто же ты – шайтан или джинн?»

– Я не шайтан и не джинн, а Ачемез, сын Ачея, – сказал я.

– Если так – стреляться [нам] или бороться? – спросил [Кубу].

– Бороться – дело бабье, будем стреляться! – сказал я.

Ачемез, сын Ачея, допоздна сражался и получил много ран, говорят.

– Если ты мужчина, утром будешь здесь! – сказал Кубу.

А Ачемез: «Прихвати стрел не только для себя» – сказал, говорят.

Юный Ачемез, истекая кровью, без пищи без огня всю ночь на морозе пролежал, говорят.

От прикосновения руки жены Кубу [любые] раны заживали, говорят.

Жена Кубу, знахарка Аймелек, исцелила мужу [все раны], говорят.

Кубу приехал утром и, высыпав стрелы на бурку:

– Давай теперь поделим пополам, возьми свою долю! – сказал, говорят.

И опять [они] бились до вечера, говорят.

Когда Ачемез упал, истекая кровью, говорят,

Кубу подъехал, положил Ачемеза за седло, привез домой и бросил в глубокую яму, говорят.

Своей жене Кубу сказал так, говорят:

– Я бился с шестьюдесятью мужчинами из рода Ачеевых, но ни с одним не было так трудно, как с этим, – сказал.

Жена перевязала раны Кубу, накормила его и спать уложила, говорят.

Как только Кубу заснул, его жена пошла посмотреть на Ачемеза, говорят.

Промыла [она] раны Ачемеза теплой водой, перевязала и вылечила [его], говорят.

Увидев, что Ачемез очнулся, сказала: «Славный юноша, твой враг спит, делай с ним что хочешь!»

Ачемез, сын Ачея, ударил мечом и снес Кубу голову, говорят.

– Теперь, хочешь, сестрой тебе буду, хочешь – матерью буду, [только] не оставляй меня здесь, – сказала, говорят.

– У меня есть и мать, и сестра, – ответил Ачемез, говорят.

– Если согласишься, сделаю тебя снохой своей матери, – сказал.

– Хоть собакой вели мне стать, что бы ты ни повелел, все сделаю, – сказала Аймелек, говорят.

– Ну, если так, я поеду в свой аул и дам знать своей матери [о тебе], – сказал Ачемез, говорят.

– Я старалась спасти тебя, не жалея жизни, – сказала, говорят.

– Если [я] тебя обману, да будет проклято для меня молоко моей матери и прольется [моя] кровь! – сказал, говорят.

Ачемез приехал в свой аул, рассказал всем, что с ним было, говорят.

Все нарты собрались и пошли к дому Кубу, говорят.

Табуны, скот Кубу пригнали в аул нартов Ташлы Сырт, говорят.

Ачея сын Ачемез собрал весь аул, скот и все добро раздал людям, говорят.

А мать Ачемеза девять дней [подряд] устраивала жертвоприношения и свадебные пиры и сделала Аймелек своей невесткой, говорят.

После этого Ачеевы снова большим родом стали, говорят.

2. Семья, род и родственники

Фундаментальным богатством народа, невидимым, но играющим в его жизни главную роль, определяющим его менталитет, как принято говорить сегодня, являются его душевные качества, устоявшиеся моральные нормы и принципы, которые развивались и совершенствовались в течение тысячелетий на основе жизненного опыта народа. Не будет преувеличением,

если сказать, что обостренное чувство единства семьи и всех его членов, чувство ответственности перед семьей и родом, поддержка родственников – это и есть один из краеугольных камней, на коих и зиждется все великолепие моральных и этических принципов балкарского народа.

Конечно, было бы наивно утверждать, что сегодня, когда на выпестованные временем принципы этической морали со всех сторон идут массивированные атаки голого прагматизма, когда человеку внушается мысль, больше соответствующая животному миру, а не человеческому, что он сам, его судьба – превыше всего, душевные качества народа с успехом выдерживают и отражают все эти атаки. Нет, к сожалению, и люди сегодня не так привязаны и к семье, и к своему роду, и к родственникам тоже, как раньше, но все-таки следует однозначно признать – слава Небу, и балкарцы, и карачаевцы в этой схватке с «пепси-моралью», пожалуй, показали себя довольно устойчивыми народами. Да, конечно, сегодня горская семья не так крепка, как, скажем, хотя бы сто лет тому назад, и родственные связи обрываются уже на близких подступах, а не на седьмой позиции, как раньше, но все равно – и чувство единства семьи, и родственные отношения пока что довольно устойчивы и крепки. И если, скажем, для большинства «цивилизованных» народов мира двоюродные и троюродные братья и сестры уже дальние родственники, которые запросто могут, и без всякого осуждения, вступать в брачные отношения, то у нас они – все еще ближайшие родственники, с которыми могут быть только родственные братские, сестринские отношения. То же самое и с семьей: если на Западе, во владении «пепси-морали», юноши и девушки с 14–16 лет уже почти самостоятельны и основной их заботой (с позиции морали) становится «безопасный секс», то у нас, слава Всевышнему, все еще сохраняются «замшелые, патриархальные правила и обычаи», из коих следует, что девушка, сохранившая свою честь до замужества, считается не «ископаемым» существом, а хорошей девушкой, воспитанной и достойной всякого уважения. Конечно, страны Запада на сегодняшний день достигли наилучших результатов на Земле как в развитии народного хозяйства, так и в использовании научных достижений для улучшения жизни населения, и в этом нам следует всячески стремиться хотя бы сравняться с ними. Но это ни в коем случае не означает того, чтобы мы во всем им подражали, и в особенности в области культуры и морали. Правда, неразумно отрицать определенную прогрессивную роль индивидуализма и прагматизма, довольно мощно стимулирующих физические и творческие качества личности, что приводят к ускоренному развитию всего человечества. Но, на наш взгляд, чрезмерное увлечение индивидуализмом (предоставление личности слишком больших прав, что приводит его к конфликту с обществом), и прагматизмом (действовать, лишь учитывая материальную выгоду) наносят человечеству такой мо-

ральный урон, который потом может обернуться такими экономическими потерями, что они могут даже превзойти и выгоды, полученные вначале. Так, падение традиционных норм морали на Западе уже привело к тому, что молодые люди, состоящие в браке, не спешат обременять себя заботами о детях, а спешат «брать от жизни все», как и призывает их «пепсиколовая» мораль. В результате сейчас практически ни одна страна Запада не может обойтись без иностранных рабочих, а присутствие «чужих» людей, если государством не ведется должная систематическая моральная подготовка населения, всегда разжигает националистические, фашистские взгляды, что, естественно, чревато катастрофами. Несмотря на действительно важные усилия официальных властей западных стран по пресечению националистических и профашистских проявлений, все-таки в них в последнее время постоянно нарастает напряженность между «пришлыми» и «своими». А это, как известно, верные признаки национализма и фашизма, которые неизбежно ведут страны и народы к катастрофе. Следует признать, что причиной и сегодняшней глобальной беды-болезни человечества – терроризма – явился националистический экстремизм, разновидность фашизма, бурно произрастающий там, где люди чувствуют себя ущемленными другими народами или странами.

Так, прагматизм и вытекающий из него эгоизм западных стран, широко использующих для своего процветания сырье из афро-азиатских стран, но не проявлявших должную заботу о судьбе их народов, стали причиной противостояния Запада и Востока, вернее Севера и Юга. И сегодня Запад тратит намного больше средств на борьбу с терроризмом и экстремизмом, чем те, которые нужно было направить на развитие тех стран, откуда он по дешевым ценам получал нефть, лес, кофе, апельсины, хлопок и т. д. Таким образом, еще в середине прошлого века, после окончания Второй мировой войны, можно было не дать разгореться очагам ненависти к себе у народов этих стран. Но прагматизм и эгоизм, уже воцарившиеся к тому времени на моральном поле Запада, не дали его деловым кругам и правителям поделиться своими прибылями с истинными хозяевами несметных богатств, которыми они пользовались. В результате одни (Запад) сказочно разбогатели, а другие (Африка и Азия) так и остались бедными. Но, как известно, богатство и бедность не могут мирно сосуществовать. И между ними начинается борьба, где, как говорится, все средства хороши. В том числе и такие бесчеловечные, как война, терроризм, расизм и т.п. уродливые явления...

Это вынужденное отступление в сферу текущей политики мы сделали лишь с одной целью – постараться убедить наших читателей в том, что не все золото, что блестит. Да, это правда, на так называемом Западе люди живут намного обеспеченнее нас, они лучше одеваются и лучше питаются, и у них более просторные, более комфортные жилища. И нам, конечно же,

следует стремиться работать как следует – а главное – делать все добротнo! – чтобы тоже жить, как и они, в хороших домах и с достатком. Для этого надо всемерно овладевать знаниями и опытом, в том числе, разумеется, и западным. Да, и еще раз да – надо использовать достижения науки и техники, надо учиться и делать все добротнo и красиво. Но в то же время ни в коем случае не отталкивать в сторону культуру и мораль нашего народа, которые словно жемчужины, долго и тщательно растили и сберегали наши предки. И в этом пусть нам будут примером японцы. Ибо только в нашей культуре, в нашей морали живет душа нашего народа. Без своей культуры, без своей морали, без своего языка, без своей истории – и народа нет! Пусть кое-кто и снисходительно улыбнется, сочтя это за слишком уж сильное преувеличение, но мы, вслед за Басиятом Шахановым вновь горячо заявляем – по сути своей наша культура, наша мораль стоят на гораздо более высокой ступени, чем культура и мораль сегодняшних «цивилизованных» народов. Не потому, конечно, что мы особый, более благородный народ, как иногда заявляют иные, а просто потому, что мы, запертые в своих горах – в своей крепости, меньше, чем сегодняшние «цивилизованные» народы, подверглись атакам полководцев нового времени – индивидуализма и прагматизма. И ничего более. Хозяйничавшим на Западе преуспевающим Ясаму и Выгоде просто было недосуг штурмовать Кавказские твердыни, где засела лишь горстка людей, когда весь остальной мир лежал у их ног. Вот и все. И кавказцы, в том числе, конечно же, и балкарцы с карачаевцами, сумели сохранить и свою культуру, и свою мораль в относительной чистоте. И наша, живущих сегодня людей, задача состоит именно в том, чтобы в теперешнее сложное время, когда Ясам и Выгода вновь двинулись на нас, выстоять и не пустить их ни в наши горы, ни в наши дома. Потому что, коли они воцарятся в наших горах и в наших домах, то вещами будут забиты не только наши дома, но и наши души. И в них уже не найдется места ни братьям и сестрам, ни друзьям и приятелям – никому. Нашими родными и близкими будут только холодильники да видеомагнитофоны, как сейчас у многих людей в «цивилизованном» мире...

Итак, мы должны быть рады, что у нас, благодаря и природным условиям, и особому менталитету, более или менее, но сохранились «патриархально-родовые» нормы морали и этикета, что и составляют на сегодняшний день жемчужину душевного богатства нашего народа.

Как известно, краеугольным камнем существа и нашего этикета, и нашей морали является уважительное отношение к старшему, к чести семьи и рода. Попробуем же, хотя бы и несколько упрощенно, но все-таки уяснить себе, как это было раньше, и как сегодня обстоят дела с этим у нас.

Из рассказов дедушек и бабушек, многие из нас знают, что

раньше относились к старшим более уважительно, чем сейчас. Хотя заметим попутно, об этом сетовали еще и в древнем Шумере, так что, чувство неудовлетворенности новым поколением, видно, характерно для всех времен и народов. Об этом, о том, что раньше люди старших и уважали больше, и слушали больше говорят и многие исследователи XIX века, бывшие в Балкарии и Карачае. И это, конечно, не они сами устанавливали, а слышали из уст старых жителей гор. Одним из внешних, бытовых проявлений уважительного отношения к старшему является так называемая большая патриархальная семья, когда несколько поколений родственников живут вместе, одним двором, и управляет этой семейной общиной старейший, обычно отец нескольких женатых и неженатых сыновей. В больших семьях, как известно, сообща выполняются все хозяйственные работы, как правило, все питаются из одного котла, совместно воспитывают детей и т. д. А это практически невозможно без уважительного отношения к старшему, к главе семьи, который и является организатором и руководителем всей хозяйственной и общественной жизни этой большой семьи. Как отмечают многие ученые, еще в XIX и в начале XX века, примерно 40 % семей в Балкарии все еще были патриархальными – то есть они фактически состояли из нескольких обычных семей, и насчитывали в своем составе от 20 до 50 и даже более человек. Так, в начале XX века Б. А. Ланге писал: «Являясь совокупностью нескольких родственных семейств, владеющих сообща как движимым, так и недвижимым имуществом, балкарский двор очень напоминает большие неразделенные дворы, еще сохранившиеся кое-где у нас в Великороссии и Малороссии. Состав балкарского двора определяет обыкновенно человек в 20–30, но в виде исключения попадают дворы и с значительно большим населением. Но уже в настоящее время семейная община балкарцев находится в периоде разложения и под давлением процесса индивидуализации стремления, личности выйти из-под опеки и обеспечить за собой результат своего личного труда, от этого любопытного института родового быта не останется скоро и следа».

А вот что писал о большой патриархальной карачаевской семье академик Миллер в конце XIX века: «Не только теснородственной, но и самостоятельной хозяйственной единицей в Карачае является «двор», представляющий, как мы увидим ниже, довольно типичную форму т. н. семейной общины, большой семьи. Большая семья повсеместно распространена в Карачае: малых семей нам почти не приходилось встречать, и в большинстве случаев они принадлежали иногородним... По составу своему дворы представляют сожителство дедов, отцов и внуков, иногда правнуков; эта форма преобладающая; реже сравнительно встречается сожителство дядей с племянниками, т. е. нераздельных братьев. Объясняется это тем, что в настоящее время, после смерти старика, родоначальника двух, трех

поколений, большая семья представляется настолько разросшеюся, что дальнейшая совместная жизнь родственников делается затруднительной. Те центробежные элементы, которые при жизни главы семьи сдерживались его авторитетом, теперь обнаруживают свое влияние, и большая семья распадается по числу составляющих ее отдельных семей».

Как видим, оба этих исследователя уже тогда, сто лет тому назад, отметили разрушительные действия индивидуализма и прагматизма, предсказывали скорую гибель большой семьи, но, как мы знаем, большая семья, как последняя крепость одного из полководцев ополчения нашей морали – Уважения Старших – все еще держится: в редкой семье и сегодня в горах нет дедушек и бабушек с внуками, а то и с правнуками на коленях. И сегодня, слава Всевышнему, они уважаемы, и дети (уже взрослые), и внуки их слушаются. Конечно, работающий директором школы сын не спрашивает сегодня разрешения у отца на поездку в Нальчик на августовское совещание учителей, но, если он воспитан погорски, то обязательно скажет родителям, да и домашним тоже о том, что он едет по работе в Нальчик на такое-то время. Трагические события XX века, революции, войны и репрессии, и в особенности ссылка всего народа в Среднюю Азию катастрофически повлияли на родственные связи балкарцев и карачаевцев. Если после возвращения близкие родственники как-то еще нашли друг друга и сумели кое-как наладить родственные отношения, то широкая сеть родственных связей практически была разорвана. И только теперь активные люди различных родов стараются наладить эту животворную связь между родственниками хотя бы внутри своего рода: созывают сходы родов, где люди рода знакомятся друг с другом, создают родовые советы, фонды и т. д. И это, конечно же, хорошо. Жаль только, что не все люди к этому делу относятся одинаково серьезно.

Сейчас, в XXI веке основной хранительницей народной души – народных обычаев и норм морали – стала семья, как наиболее дееспособная социальная общность людей, объединенных крепкими родственными узами. Семья, в сущности, – это и есть корень народа. Хорошая семья, которая живет и работает, соблюдая обычаи и нормы морали предков, и является одним из здоровых корешков дерева, именуемого народом. Если все корешки здоровы, то они работают и дают кроне все, что ей нужно, отсюда, из земли, где живут корешки, и дерево растет, становясь все краше и сильнее. И с каждым разом, когда болеет, слабеет или же вовсе отмирает корешок, слабеет и дерево.

Учитывая это, следует признать, что самое важное дело, первейшая задача всего нашего народа (и каждого народа, конечно же!) – это и есть борьба за благополучную, крепкую семью, чтобы она жила и разрасталась, и тем самым укрепляла жизненную силу своего народа, способствовала его расцвету. Слава семьям, в которых нет пьяниц и наркоманов, воров и лен-

тяев, этих паразитов на корнях нашего народа. Слава и почет семьям, где растут здоровые и телом, и духом трудолюбивые дети, которые став взрослыми, не чураясь любой работы, обеспечивают свою семью всем, и даже близко не подпуская к своему двору бедность и нужду, этих вечных дружков пьяниц и лентяев. Троекратная слава и почет семьям, чьи любознательные и неутомимые дети, неустанно карабкаясь по тропам науки, взбираются на высоты, прославляя тем самым и своих родителей, и свой народ, и весь свой край. И таких семей, где растут и воспитываются больших ученых, прекрасных врачей, постигающих тайны наук, но и бережно хранящих душевные качества своего народа – этикета, нормы морали – у нас не так уж и мало. Мы расскажем лишь о нескольких из них.

Начнем, как и принято по горскому обычаю, со старших – о семье Маштая и Сурат Черкесовых. В этой семье было десять детей, трое из них – Сарбий, Аскербий и Мариям – были детьми Маштая от первой жены, которая рано умерла. Но никто из этих троих не считал Сурат мачехой. Как рассказывает известный балкарский журналист Алий Кульбаев, который до войны жил, как и Черкесовы, в сел. Кашхатау, много лет спустя как-то раз жена Сарбия во время разговора произнесла слова «ваша мачеха», которые так задели Сарбия, что он не выдержал и прервал ее словами: «Она не была для нас мачехой, а была родной матерью! Чтоб я больше не слышал от тебя подобных слов!»

Так и жила эта семья, и никто ни для кого не был ни мачехой, ни пасынком, а все были друг другу родными и близкими.

Глава семьи Маштай, несмотря на возраст, как коммунист, ушел на войну добровольцем, за мужество и героизм был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За отвагу». Так же отважно сражался с врагами и его старший сын Сарбий, который после возвращения балкарцев из ссылки работал и заместителем председателя Совета министров КБАССР, и редактором газеты «Комунизмге жол».

Почти что все дети Маштая и Сурат учились хорошо и получили высшее образование, и каждый из них достойно представлял в свое время и свой род, и свой народ, как у нас в республике, так и в других местах, где им приходилось жить и работать. Так, старшая их дочь Мариям, как рассказывает Алий Кульбаев, который вместе с ней учился и в одной школе, и в пединституте, закончила институт уже во Фрунзе, во время ссылки, что само по себе равносильно подвигу. После окончания института работала учителем, директором интерната, а потом, после смерти Сталина и ослабления его тиранического режима, была 17 лет заместителем министра просвещения Киргизии.

Была педагогом и младшая сестра Мариям – Елизавета Маштаевна, которая тоже окончила институт в ссылке – в 1951 году в Джалал-Абаде, в Киргизии. А после возвращения на родину закончила еще и химико-биологический факультет КБГУ и Высшую партийную школу при ЦКПСС. Была учителем, партий-

ным и профсоюзным работником, а в последнее время является председателем профкома республиканского полиграфкомбината, пользуется авторитетом в коллективе. Хорошо знают в республике и ее двух младших братьев – Георгия Маштаевича и Анатолия Маштаевича. Георгий Маштаевич долгое время работал на разных руководящих должностях, а в 1992 – 1997 годах был председателем Совета Министров КБР, потом – министром лесного хозяйства. И где бы он ни работал, всегда относился к делу серьезно и ответственно, имел собственное мнение по любому вопросу и не уходил от решения сложных дел, не перекладывал их на плечи других, коль они были в его компетенции. Ведь именно такими – честными и ответственными росли все дети семьи Черкесовых. Самый младший из братьев Черкесовых – Анатолий в настоящее время является заместителем представителя Кабардино-Балкарской Республики в Москве.

В пригородном селении Кенже редко кто не знает семью Хакима Атабиева. И если в 70-х годах прошлого столетия люди, проходя сквозь зеленый коридор по тротуару у дома Хакима, образуемый разросшимся виноградным кустом, срывали иногда несколько виноградин и говорили, несколько сочувствуя: «Дай Аллах им силы поставить всех детей на ноги!», то сегодня уже не без гордости говорят: «Это дом Атабиевых!», имея в виду то, что и они, эти знаменитые Атабиевы, тоже их односельчане. И, конечно же, село может гордиться этой семьей, где обычный шофер грузовика Хаким и его жена Жаннет вырастили и поставили на ноги десять детей, из которых ни один не уронил чести семьи и рода, а многие стали большими людьми, которыми гордятся теперь и весь народ. И разве у кого-нибудь сегодня может вернуться язык сказать, что Хакиму и Жаннет, только что вернувшимся на родину из ссылки, было так уж легко растить столько детей. Ведь люди все еще помнят эти годы, когда многие ютились в чьих-то задворках, ели сводили концы с концами. Во время беседы с корреспондентом радио Магомедом Кучинаевым в начале 80-х годов, когда старший сын Алий, только что закончив инженерно-строительный факультет КБГУ, стал работать в тресте «Каббалкпромстрой», а младшему все еще было только 5 лет, глава семейства Хаким говорил, несколько не кривя душой: «Мы никогда и не думали о том, насколько нам трудно растить детей, да никогда и не было нам трудно – не голодали, не холодали... Главное богатство человека – это его человечность, а потому мы тоже стараемся учить их добру и человечности, стремиться к знаниям. Конечно, нам самим, наверное, все это было бы не по силам, помогает государство...»

Горец, воспитанный на обычаях своего народа, которые строго требуют от мужчины не бояться никаких трудностей и упорно работать, дабы его дети, семья ни в чем не нуждались, Хаким так и жил – никто никогда не слышал, чтобы он жало-

вался на трудную жизнь, на свою нелегкую судьбу. И своим жизненным примером, и мудрым, спокойным словом отца учил своих детей не бояться жизненных невзгод, а мужественно преодолевая их, упорно идти к своей цели, к своей мечте. Он сам осуществил свою мечту – сумел живыми и здоровыми вырастить своих детей, и никто из них не сбился на кривую тропку, а все старались учиться, как и хотел отец, и многие из них сегодня являются известными и уважаемыми людьми республики.

Аминат, старшая из пяти дочерей, помощница матери, растившая наравне с ней почти всех своих младших братьев и сестер, окончила медицинский факультет КБГУ и работает в Республиканской больнице. Алий, старший из пятерых братьев и из всех детей в семье первым начавший работать, сегодня является директором Кабардино-Балкарского филиала Современной гуманитарной академии, которую, вопреки миллиону преград, чинимых коррумпированными чиновниками, сумел организовать его и отстоять. Он кандидат наук. Следующая по возрасту в семье – Халимат – она профессиональный художник, окончила Строгановское художественное училище. Большею частью живет и работает в Италии, где все, даже и сам воздух, насыщено искусством. Сакинат – историк, работает в нашем университете. Аслан окончил знаменитое Плехановское училище, кандидат экономических наук, живет и работает в Москве, он – заместитель руководителя инспекции Счетной палаты РФ. Бияслан окончил историческое отделение КБГУ, сегодня он – директор Института археологии Кавказа, который тоже, как и старший брат, сам создавал и пестовал. Хасан – юрист, является судьей Верховного суда КБР. Две младшие дочери Хакима и Жаннет – Фатима и Жанна живут и работают в Италии, у них свой салон модной одежды. Самый младший – Ибрагим тоже юрист, у него своя небольшая фирма, свое дело.

Хаким сам, да будет его душа в раю, умер лет 15 тому назад, а жаль, конечно, что и он вместе с Жаннет не радуется, усаживая на колени своих внуков и внучат. Их сейчас более дюжины.

Да будут и они похожи во всем на своих отцов и матерей, на Хакима и Жаннет, и пусть тоже живут, упорно стремясь к высоким своим целям, на радость себе и на благо народа.

Говорят, нет худа без добра, и это, наверное, так и есть. Самая худая беда настигла наш народ в 1944 году – он весь был сослан в Сибирь, образно выражаясь, ни за что, ни про что, как и ссылались и расстреливались «нашим любимым вождем» и «родной советской властью» многие тысячи людей. И вот, «благодаря» тому, что народ был сослан, и встретились во время ссылки дочь Черекского ущелья Айшат из рода Хучинаевых и сын Баксана Магомет из рода Сабанчиевых. Полюбили друг друга и создали новую семью.

И вот прошли годы, и молодое семейное деревцо Сабанчиевых выросло и окрепло, и ветви его разрослись – дети Маго-

мета и Айшат сами создали свои семьи и растят своих детей. Новый, XXI век Магомет и Айшат встретили уже счастливыми дедушкой и бабушкой, у которых все шестеро детей имели и высшее образование, и свои семьи. В одной семье восемь взрослых, и все они имеют высшее образование. Ни это ли пример хорошей, упорной в труде и учебе, семьи, где практически все, взрослая, добиваются исполнения своей мечты? Конечно, кто-то может сказать: «Им просто повезло, что все их дети оказались такими, послушными да упорными» И, наверное, это правильно, – им действительно повезло, что дети их и слушались, и в учебе были настойчивыми, и работу, предназначенную им судьбой, выполняли хорошо. Но ведь им повезло совершенно не случайно. Им повезло потому что они сами «везли», извините за каламбур, тяготы своей судьбы, нелегкие свои родительские обязанности тоже упорно и настойчиво, насколько им хватало сил и терпения, как и положено это делать настоящему мужчине-горцу и настоящей женщине-горянке. Они не старались, как делают иные, лишь ласками да красивыми словами исполнять свои родительские обязанности, а просто исполняли сами эти обязанности: работали и обеспечивали достаток семьи, воспитывали детей, как и требуют народные обычаи, – не баловали, учили уважительно относиться к старшим, и в особенности к учителям, не лениться, были строги, коль требовалось. Как и принято в народе, они любили своих детей так, как и положено их любить в горской семье – не столько ласками и поцелуями, сколько делом-заботой о них, о том, чтобы они росли без нужды, трудолюбивыми и с хорошими привычками. Как говорится, сказка быстро сказывается, а в жизни все надо делать постоянно, каждый час, каждый день, всегда. Магомет и Айшат так и жили всегда – в вечных заботах о семье, о детях, о их здоровье, да о их успехах и в учебе, и в труде. Потому им повезло, и дети у них выросли не пьяницами и ворами, а умелыми врачами, строгими судьями да хорошими педагогами. Фатимат, старшая дочь, врач, заместитель главного врача Нальчикской городской клинической больницы № 1, Аминат – окончила химико-биологический факультет, работает педагогом в школе; Халимат юрист, является судьей Верховного суда КБР; Хадижат и Мариям финансисты, Хадижат работает в министерстве финансов республик и Мариям – в банке; а брат этих замечательных сестер Юсуп, медик, работает главврачом республиканского психоневрологического диспансера.

3. Народное искусство и ремесло

После гуннского и в особенности после татаро-монгольского нашествия эволюционная цепь жизни алано-асского мира на Северном Кавказе, в Причерноморье и в степях между Итилью и Днепром была прервана на взлете своего развития – ведь ко

времени татаро-монгольских походов Алания и Асия (Салтово-Маяцкая культура) хоть и были в состоянии феодальной раздробленности, но достигли во всех областях жизни довольно высокого уровня развития. Как и другие крупные их соседи – русичи и грузины, армяне и дагестанцы, аланы и асы тоже строили города и крепости, возводили храмы и каменные жилые дома, разводили сады и виноградники, растили зерно и выращивали скот. Все шло так, как и должно идти, когда жизнь течет без особых катастроф и потрясений – преумножаются знания и умения людей, используя опыт поколений, они совершенствуют свое мастерство. И вот люди уже возводят великолепные дома, чеканят необычайной красоты изделия, ткнут шелка и другие тонкие сукна, вырезают из кости и камня великолепные статуэтки и памятники. Но вдруг – катастрофа: какой-то стихийный катаклизм или глобальная, жестокая всежигающая война. И тогда гибнут цивилизации и народы. Так ушли в небывшие и Атлантида (предполагается), и Шумер, и Вавилон, и Ассирия, и Помпея и планета № 5 (тоже предположительно) и т. д. Такими страшными катастрофами для алано-асского мира Восточной Европы и были гуннские и татаро-монгольские завоевания. И если после гуннского нашествия из обширного алано-асского мира, простиравшегося от Истра и до Итиля, еще сохранились довольно крупные общины асов на Дону и аланов на Кавказе, то после татаро-монголов практически исчезли асы и лишь в высокогорных ущельях Центрального Кавказа сохранились жалкие остатки алан. И им, после ухода Темирлана, еще долгое время было совсем не до городов и храмов, чеканки ювелирных изделий и золотого шитья. Лишь бы не умереть от голода и холеры, лишь бы как-нибудь избежать смерти во время чумы и тифа. И такая жизнь, а вернее – борьба за жизнь – продолжалась примерно двести лет. И, конечно же, знания и навыки предыдущих поколений в области ремесла и народного искусства практически были забыты и утеряны за ненадобностью, сохранились лишь те виды ремесла и элементы прикладного народного искусства, которые просто само собой сохраняются даже в труднейших житейских условиях. Так, у человека, хоть какое-то, но жилище должно быть, значит у него должны быть элементарные познания в области архитектуры и строительства; человек должен одеваться, значит он должен обрабатывать шерсть и шкуру, ткать, шить одежду; чтобы жить, человек должен питаться, значит у него в доме должна быть посуда и деревянная, и металлическая.

Вот и сохранились почти до сегодняшнего дня у балкарцев и карачаевцев именно эти виды ремесла и народного прикладного искусства – чисто утилитарного характера, совершенно необходимые в их обыденной жизни. Но тут же надо отметить, что сегодня, в век всеобщего ускоренного развития человеческой цивилизации, многие виды народного ремесла и искусства

пришли в упадок и постепенно угасают. Так, в связи с обилием привозной фарфоровой и металлической посуды, полностью исчезло гончарное производство, резьбой по кости и дереву теперь занимаются лишь редкие мастера, изделия которых используются большей частью как музейные экспонаты, а не в качестве домашней утвари. Угасает, под нажимом элетрогазосварки и точильных станков, кузнечное мастерство. Редко кто сейчас выделывает шкуры, валяет бурки и тклет полотно для домашних кафтанов, известных в мире как черкески. И чабыры, мягкую обувь, которые дошли до наших дней со скифских времен, уже никто не шьет, никто и не носит. И даже в таких довольно консервативных областях материальной культуры, как жилище и одежда, произошли такие кардинальные изменения, что в них сегодня трудно уловить какие-либо традиционные национальные мотивы.

Но по поводу этого не следует так уж сильно переживать и грустить – все это результат прогресса и обновления всех сфер жизни, и было бы просто смешно призывать сегодня балкарцев и карачаевцев не забывать «свои корни», наряжаться в национальные одежды, изготавливать деревянные чаши и ложки, есть и пить из них, использовать кийизы вместо ковров и т. д. Корни свои, конечно же, забывать не надо, а наоборот, надо стремиться знать больше о своем народе, о своем роде и родине, но в то же время не следует становиться живыми музейными экспонатами, а надо жить так, как и живут все люди на земле – стремись в полной мере воспользоваться возможностями, которые дают наука и опыт всего человечества для улучшения качества жизни. Итак, какие ремесла были в ходу у балкарцев и карачаевцев в новое время – в послетемирлановскую эпоху, какие виды прикладного народного искусства были развиты у нас и каково их состояние на начало XXI века?

Как и было сказано в начале главы, после ухода Темирлана из Кавказа в самом начале XV века, жалкие остатки аланов, уцелевших в высокогорных ущельях, оторванные от всего остального мира, фактически оказались в условиях каменного века, и все приходилось начинать сначала. И, естественно, всего-навсего за два столетия – со времени ухода Темирлана и до прихода на Кавказ России – эти остатки аланов (вначале состоящие в основном из стариков, старух и детей) никак не могли достичь того, чего достигали народы за тысячелетия. А потому, как и в древние времена у всего человечества, у балкарцев и карачаевцев в это время – в XV–VII вв. развивались лишь жизненно необходимые ремесла и те виды народного прикладного искусства, которые неосознанно, интуитивно присутствуют в различных изделиях.

Что же нужно живущему человеку в первую очередь? Наверное, жилище. Чтобы хотя бы укрыться от холода, хищников и врагов. Сперва люди жили в пещерах, лишь потом стали стро-

ить жилища, но их память еще долгие века хранила опыт предков и они часто строили дома так, что задней стеной служила срезанная часть скалы – так надежнее и прочнее. Исследователи установили, что в Балкарии и Карачае в эти несколько тяжелых веков (XV–XVII вв.), как и в древние времена, люди тоже часто так и строили свои дома – срезая скалу и пристраивая к ней остальные три стены.

При возможности, балкарцы и карачаевцы поселялись на солнечных склонах гор – так, конечно же, и само поселение выглядело более жизнерадостно, и дома зимой хоть немного согревались.

В Черекском ущелье, наверное, в связи с нехваткой поблизости строительного леса, дома строились из слоистого скального камня, которого здесь предостаточно. Это и сегодня хорошо видно на руинах известного селения Кюннюр. После депортации балкарцев в этом селе никто не поселился, и его развалины желтеют на фоне черной горной громады, как позорный памятник жестокости сталинской тирании.

В облике балкарского жилища XV–VII вв. тщетно было бы искать явные признаки второго компонента слова «архитектура» – художественного, эстетического. Балкарское жилище вплоть до XX века – это строение, почти полностью созданное из утилитарных соображений, без особых украшений и стремлений к абстрактной красоте. Таковы были, к сожалению, требования времени, которое можно охарактеризовать словами: «Быть бы живу – не до жиру». Но это совсем не говорит о какой-то ущербности или неполноценности народа. Об этом хорошо сказал знаменитый исследователь балкарского народного жилища Эммануил Бернштейн, проводивший научные обследования в наших горах в 1938 году. «Мы восторгаемся суровой строгостью ничем не разукрашенных горных селений, ставших памятником могучего духа народа, загнанного своей непростой историей на неприступные кручи высокогорий Кавказа и сумевшего найти в себе силы приспособиться к невзгодам безжалостной природы, преодолеть их, соорудив свои жилища-гнезда среди недосыгаемых скал и превращая казалось бы безжизненную каменистую почву одним им ведомым хитросплетением искусно направляемых ручьев в сочные высокогорные пастбища для тучных овечьих отар. При этом первозданность, примитивность старых балкарских жилищ вовсе не означает какой-то особой примитивности или ущербности их строителей. Характер их построек зависел от тех специфических условий, в которые они были поставлены в результате длительной изолированности от окружающего мира. И, наоборот, можно только поражаться находчивости, смекалке, природной интуиции и развитому «чувству материала» тех, кто в этих суровых условиях «первобытного» существования находил замечательные по своей оригинальности решения возникавших задач».

Исследователь отмечает, что, несмотря на то, что балкарские зодчие строили свои дома несколько не задумываясь о их внешней красоте и не украшали их, они, пусть и интуитивно, неосознанно, но стремились к гармонии и красоте и в результате нередко жилища балкарцев радовали глаз стройностью и ритмикой столбов-подпорок, и гармоничной чередой поперечных чердачных бревен и стройным рядом оконных проемов.

Балкарские и карачаевские жилые дома и строились, естественно как с учетом имущественных возможностей семьи, так и ее численного состава. И, вполне естественно, что князья строили более обширные и даже с несвойственными для горцев элементами художественного оформления. Нет особой надобности подробно останавливаться на типах жилищ, на технике их строительства, на используемых материалах, так как подобные вопросы рассматриваются в специальной литературе. Но вкратце отметим, что, как правило, в описываемое время балкарцы и карачаевцы жили большими семьями, и в связи с возникающими потребностями, т. е. с женитьбой, скажем, следующего сына, приходилось к имевшемуся жилому комплексу пристраивать новый отой – отдельное жилище для молодых. Таким образом разрастаясь, дом большой состоятельной семьи мог насчитывать кроме центрального помещения, называемого Уллу Отой – Большая комната, где жил глава семьи, до десятка жилых комнат. В них жили не только женатые сыновья со своими малолетними детьми, но и взрослые юноши и девушки, а также подростки, которым по морально-этическим соображениям спать в одной комнате с родителями не полагалось. Как типичный пример такого жилого комплекса-усадыбы Бернштейн называет дом Таукаша Хочуева в сел. Шыкы, Ахмана Кулиева в Эль-тюбю, дом Тимузара Гулиева в сел. Курмо в Баксанском ущелье, а в книге А. Я. Кузнецовой «Народное искусство карачаевцев и балкарцев» – дом Мухи Жабелова в сел. Думала. Может показаться странным то, что довольно примитивные балкарские жилища в XX веке привлекли к себе пристальное внимание специалистов, в то время как существуют Дагестан, Чечня и Ингушетия с их уникальными памятниками как жилищного так и фортификационного зодчества. Но, оказывается, это неспроста. Вот как это объясняет профессор архитектуры Бернштейн: «Пожалуй, может показаться странным и даже невероятным, что маленькая занесенная на кручи высокогорий Кавказа Балкария вдруг оказалась источником для заполнения недостающих страниц истории всей мировой архитектуры. Но тут уместно вспомнить, что еще в труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» то, что касается истории возникновения и роли семьи как общественной формации, тоже основано на наблюдениях быта именно балкарцев, описанных М. М. Ковалевским в очерках, опубликованных в «Вестнике Европы»... За хаотичным нагромождением приземистых саклей открывалась глубокая историческая значимость этого зрелища. По этим строениям,

по обнаженности их конструкции и ясности планировочной структуры, по слитности их с окружающей природой, из которой, казалось, они выросли, можно было представить со всей очевидностью, как выглядело самое «детство» архитектурно-строительной деятельности человечества, когда жилище уже не было всего лишь укрытием вроде пещеры, но еще не стало объектом сознательного художественного творчества».

Так что, сохранившиеся старинные дома в Балкарии и даже руины старых сел являются не только памятниками старины, но и «живыми» объектами для специалистов в области архитектуры и строительства, а также для историков и краеведов.

Большой интерес для любителей истории родного края и специалистов представляют фортификационные сооружения Балкарии и Карачая. При их возведении, несомненно, наиболее полно проявилось мастерство древних строителей. Многие специалисты считают временем их сооружения чуть ли не «вчерашний день» – XVII век. В это не очень-то верится, так как даже летописец походов Хромого Темирлана Рашид-Эд-Дин писал в конце XIV века, что его войска осаждали крепости на землях сегодняшней Балкарии, которые находились в глубине ущелий на такой высоте, что падала шапка, когда приходилось на них смотреть, и даже стрелы не долетали до них. И, конечно же, они наверняка строились не приуроченные именно к походам Темирлана, а гораздо раньше. Наиболее типичным и мощным оборонительным сооружением на современной территории Балкарии являлась крепость Зылгы-кала, у входа в долину Большой Балкарии. Это был целый оборонительный комплекс, закрывавший вход в высокогорную долину Черека, которая была издавна густо заселена. Но сегодня, конечно же, люди больше внимания уделяют башне «Абай-кала», которая расположена в заброшенном ныне селении Кюннум. «Абай-кала» – типичный образец фамильной башни-крепости, характерной для периода феодальной раздробленности. Зылгы-кала, на наш взгляд, – памятник более древней эпохи, когда княжеские усобицы еще не успели расколоть единство народа хотя бы одного ущелья. Такое мощное оборонительное сооружение ведь невозможно было построить не только отдельной патриархальной семьей, как, скажем, башню Абаевых или «Амырхан-кала» здесь же, в Верхней Балкарии, в сел. Шканти, а даже целым родом. Этот грандиозный оборонительный комплекс по силам только всему обществу ущелья, к тому же при умелом и твердом управлении им, обществом. А это, как известно, достигается лишь при беспрекословном подчинении всех феодалов и родовых старейшин одному предводителю – великому князь, хану, императору и т.д. Так что, стены Зылгы-калы в Черекском ущелье наверняка являются свидетелями времени татаро-монгольских нашествий, видели и зеленые знамена войск Темирлана...

Важнейшими видами народных ремесел в Балкарии и Кара-

чае являлись ремесла, связанные с фундаментальной отраслью народного хозяйства – с овцеводством – это и ткачество, и изготовление из домотканого сукна, чепкена, различных видов верхней одежды и валяние кийизов, бурок и шляп, а также обработка шкуры овец и изготовление из них шуб и полушубков, шапок и даже одеялов, которые назывались «тон жууургъан» – «шубовое одеяло». Насколько важную роль в жизни горцев играли эти виды народного ремесла наглядно видно хотя бы из того, что в начале XX века ежегодно Балкария производила домотканого сукна для изготовления черкесок около 400 тыс. аршин, большое количество бурок и т.д. Только в одном 1867 году жители Урусбиевского общества продали сукна и других шерстяных изделий на 3 тысячи рублей. Это довольно большая сумма для тех времен.

Не было ни в Балкарии, ни в Карачае ни одной семьи, где не обрабатывали бы шерсть, не ткали бы полотно, и не изготавливали бы кийизы. А изготавливать пряжу девочки умели уже с ранних детских лет – с пяти-шестилетнего возраста. В первые теплые весенние дни девочки от 6 до 12 лет стоят на плоской земляной крыше дома рядом и прядут шерсть, их урчуки, веретена, свисают вниз, во двор – это типичная картинка для любого балкарского села прошлых веков, вплоть до второй половины XX века. А что касается умения ткать полотно, то у нас есть даже поговорка: «Тауат артына кирмеген – эл кылыгъын билмеген» – «Не садившая за станок – не знающая этикет», – смысл которой ясно говорит о том, что женщина, не умеющая ткать полотно, не может считаться нормальной, домовитой горянкиной. Чепкен, домотканое сукно, изготавливалось, естественно, нескольких сортов; из тонкой чисто белой шерсти, конечно же, получалось самое лучшее полотно, которое называлось «айрылгъан чепкен» – «чепкен из отборной шерсти». Из этого полотна и изготавливались в основном длиннополые княжеские чепкени, которые известны в литературе как черкески. А впоследствии, когда и казаки переняли горскую одежду, да и многие русские дворяне и генералы увлеклись этой модой, из высшего сорта домотканого горского сукна стали изготавливать для генералов и даже для самого императора Николая черкески для парадного выхода. Очень высокого уровня достигло в новое время (XV–XIX вв.) в Балкарии и Карачае искусство изготовления одежды и ее украшений. Сейчас, когда наши народы тоже почти полностью перешли на унифицированный, так называемый «европейский» стиль одежды, мастеров золотого шитья и ювелирных изделий для украшений одежды найти не так легко, их почти уже нет. Но сохранившиеся образцы этого искусства не только во многих музеях, но и в некоторых семьях, дают достаточно полное представление о том, какого высокого мастерства в своем деле достигли народные умельцы в прошлом в ювелирном искусстве и в золотом шитье.

Все специалисты, хоть мимоходом касавшиеся искусства

народов Кавказа, одинаково восхищались красотой и строгостью одежды горцев, и в особенности богатым и красочным украшением женского платья, костюма. Что, конечно же, полностью относится и к искусству шитья и украшения одежды балкарцев и карачаевцев. Не вдаваясь в подробный анализ искусства горцев изготовлять и украшать одежду (это, естественно, делается в книгах и монографиях специалистов), мы отметим лишь характерные его особенности.

Во-первых, как правило, верхняя часть одежды как мужчин, так и женщин плотно облегает тело, в чем подчеркивается гибкость стана, а нижняя часть – просторного покроя.

Во-вторых, заметная скупость украшений мужского костюма, за исключением ремня и оружия и яркое, богатое украшение праздничной женской одежды. Это и крупное золотое нагрудное шитье (тююме), и такое же богатое и яркое шитье по швам и подолу платья, а также богатый, наборный металлический пояс, каждая пластина которого сама является настоящим шедевром ювелирного искусства, украшенный как узорной вязью, так и драгоценными камнями. Вместе с таким нарядным платьем женщина во время торжеств надевала также украшенные золотым шитьем тапочки (чарыки) и шапочку (бокка). И разумеется, у нее должны быть и соответствующие платью кольца, серьги и браслеты.

Но здесь следует отметить, что в послетемирлановское время, когда Алания была фактически уничтожена, в Балкарии потом уже так и не возродилось в должной степени ювелирное искусство, и большая часть ювелирных изделий, – когда появилась в них надобность, стала завозиться сюда дагестанскими купцами. Но шить золотыми и серебряными нитями умели уже и свои мастерицы. Как известно, и кумганы, тоже являющиеся предметами народного прикладного искусства, также завозились из Дагестана, где и ювелирное, и кузнечное ремесло достигли наивысшего расцвета на Кавказе в новое время.

Дожило до наших дней и искусство резьбы по дереву. Ранее, когда большая часть домашней утвари изготовлялась из дерева – чаши и тарелки, ложки и черпаки, подносы и столы, люльки и кровати – столяров и мастеров резьбы по дереву было много. Ведь этим в той или иной степени занимались практически все мужчины. В Кабардино-Балкарском краеведческом музее хранятся прекрасной работы чаши из дерева, изготовленные балкарскими умельцами. Среди них изделия и сегодняшних мастеров.

Еще один вид прикладного народного искусства, доживший с древнейших времен до наших дней – это изготовление войлочных ковров – кийизов. Сейчас, когда повсюду продаются относительно легкие, фабричной работы красивые ковры, конечно же, домашние войлочные ковры все реже и реже встречаются в домах горцев. Они теперь чаще всего становятся экспонатами музеев и выставок мастеров народного прикладного искусства.

К одному из древнейших видов прикладного народного искусства относится также умение изготавливать и украшать люльки. Люльки, пожалуй, остаются на сегодняшний день единственными предметами, которых никаким цивилизованным поветриям так и не удалось сколь-нибудь значительно не только потеснить, но даже и изменить. Секрет здесь в том, что никакие предложения сегодняшней мощной человеческой цивилизации, никакие нападки официальной медицины так и не смогли убедить людей в большей целесообразности других известных методов в этом деле – в деле создания оптимальных условий жизни для грудного младенца, и в первую очередь для сна. Как показывает тысячелетняя практика, горцы, выросшие в люльках, стройны станом и здоровы, и никаких нежелательных отклонений в их здоровье, которых можно было связать с люлькой, установлено не было.

В украшении и самой люльки, и одеяльца, и широких поясов, с помощью которых ребенок прикреплялся, балкарские и карачаевские мастера достигли больших успехов. И сегодня люлька в балкарской семье – это предмет, вносящий в жилище горца особый свет, и олицетворяющий собой признак благополучия и спокойной жизни.

4. Духовный мир и религия

Духовная культура любого народа – очень сложное явление и уходит своими корнями в глубь веков и тысячелетий и представляет собой в определенной степени кладовую, в которой хранятся сокровища, являющиеся душой народа. Как и во всякой кладовой, со временем часть содержимого устаревает и выбрасывается (забывается), а освободившиеся «полки» заполняются новыми понятиями и мифами. Так что, в духовной кладовой народа удивительным образом по соседству уживаются и сохраняются рядом драгоценные «вещи» различного происхождения – и мифы чуть ли ни с пещерных времен, и героические песни, отражающие времена средневековых войн, обычаи и верования, являющиеся «посланцами» различных религиозных воззрений, чьи волны, говоря образно, окатывали народ. В этом смысле духовная кладовая балкарцев и карачаевцев, являющихся наследниками как великого Скифско-Тюркского (Алано-Асского) мира, так и оригинального Кавказского мира, является небедной.

В связи с тем, что на «полках» духовной культуры народа, именуемых «Нартские сказания», «Нартские слова» (пословицы и поговорки), «Ёзденлик» (кодекс чести и нормы морали) хранятся особо ценные сокровища, мы о каждом виде этих сокровищ поговорим отдельно. А в этой главе мы будем говорить лишь о религиозных верованиях балкарцев и карачаевцев

в прошлом и сегодня. Даже в конце XIX века В. Жетховская писала, что «Верования горцев представляют везде смесь магометанства с доброй дозой христианства и еще большей – язычества». Сегодня балкарцы и карачаевцы являются приверженцами ислама суннитского направления. Мы это знаем. Знаем теперь и о том, что еще раньше, гораздо раньше даже чем Русь, приняла христианство православной (византийской) ветви Алании, страна предков сегодняшних балкарцев и карачаевцев. И что митрополит Алании находился на современной территории Карачая – в Нижнем Архызе. И, естественно, что следы исповедывания предками балкарцев и карачаевцев в течение чуть ли ни 5 веков с X по XV вв. – отмечаются у них и сегодня. А вот что это такое – «и еще большей – язычества», – об этом, нам кажется, следует поговорить особо. Потому что то, что наука несколько пренебрежительно называет этим словом, есть не что иное, как вера наших предков, которой они были верны в течение многих веков, если не сказать тысячелетий, так как когда зародилась у тюркских (асских) народов Тенгрианская вера никто определенного ничего сказать не может. Только можно отметить тот факт, что уже Геродот говорит, что родоначальником скифов был Таргитай, в котором даже и вовсе не вооруженный никакими академическими знаниями человек, знающий лишь балкарский, без труда узнает родного его душе Ёрюзмека. Таргитай расшифровывается несложно. Так как – Танг-Эри-Тай, что значит Небо-Воин (мужчина, человек)-Сорвался, а по смыслу Воин (мужчина, человек), сорвавшийся с неба; и Ёрюзмек тоже есть – Ёр-юзмек, что значит Сверху-Сорвался, а по смыслу – Сорвавшийся сверху. И еще. Скифы, как известно, были солнцепоклонниками. Танг-Эри-Тай, Тангри – это и есть Солнце – небесный воин. И имя родоначальника скифов, если убрать из него часть, означающую «сорвался» – «тай», получается Тарги, что является одним из вариантов написания древнетюркского высшего бога – Тенгри, Тейри (карачаево-балкарское) Тангри. Значит и у скифов, и у балкарцев с карачаевцами родоначальником является один и тот же герой – Сорвавшийся сверху, с неба. Балкарцы и карачаевцы своих мифических героических предков называют нартами – детьми Солнца. А как называли своих мифических предков скифы, солнцепоклонники? Ну конечно же – все солнцепоклонники называют себя детьми Солнца. Между прочим, так называли себя в древности многие народы во всех континентах Земли.

Итак, наши даже очень далекие предки верили в Тейри (Тенгри, Тангри), да и сегодня, как мы сами, балкарцы и карачаевцы, знаем, Тейри все еще «жив» и он пока не собирается в ближайшем будущем насовсем покинуть нас. А так как мы, балкарцы и карачаевцы, считаем себя людьми из почетного алано-асского рода-племени, то и к своему духовному наследию должны относиться уважительно, в том числе и к Первому нашему не-

бесному повелителю – Тейри (Танг-эри). Хотя бы из любви к прекрасным словам: «Танг ата турады». Вы, наверное, хорошо знаете значение этих слов – «Рассветает». Вы никогда не задумывались над тем, почему это одно явление у нас обозначается тремя словами? Нет? А зря. Если б вы хорошенько призадумались, то золотые летние рассветы вам наверняка полюбились бы еще больше. Ведь в этих трех словах целая легенда о нас, и наших предках, о их космогонических представлениях. Догадались? Ну конечно же – «Танг ата турады» – ведь это же «Небесный отец встает»! Солнце, наш небесный отец, уже начинает вставать и освещать мир! Видите как здорово! Значит, и наш Ёрюзбек, и скифский Таргитай – это земные имена нашего небесного отца – Тейри (Тангри) Солнца, когда он сам спустился на Землю, чтобы помочь нам, людям, бороться с змегами, желмаузами и разной другой нечестью.

В отличие от некоторых наших исследователей, мы считаем, как и Олжас Сулейменов, Тенгрианство не языческим культом, а религией, так как в нем есть главнейший признак религии, как мы это понимаем, – единый верховный бог. Бог, который создает и мир, и человека, и является вершителем судеб всего живого мира – это Танг-эри (Таргитай, Тейри, Тенгри, Тангра, Тиргимтай, Тенре). Танг эри – это Небесный Воин (Небесный человек, Небесный мужчина). И никто, кроме Него, Верховного Бога, не носит это имя – Танг эри. Нет и не было ни Тейри воды или моря, горы или леса, животных или земли, а были только и есть «сыйдыла» – «святые» и «иеле» – духи-хозяева, так сказать владетели реки или леса, земли или горы. Так что, Тейри – он единый и всемогущий небесный владыка, а все остальные, так называемые божества, вовсе не боги, а лишь святые покровители и духи-хозяева. Точно так же как и в исламе – есть единый и всемогущий Аллах, а все остальные пророки, святые, и в христианстве – традиционный бог (Иисус Христос, Отец и Святой дух) и апостолы-ученики и соратники Христа и другие святые.

Самый известный из так называемых богов-покровителей – это Афсаты, покровитель животных и охотников. Это наши ученые «полуэфенди» или же заезжие путешественники и ученые, не очень-то старательно вникавшие в суть дела, могут назвать Афсаты богом-покровителем, но в народе-то никто никогда не называл и не называет его так «Жаннуарла Тейриси» – «бог-покровитель животных», всегда и везде говорят «Сыйлы Афсаты» – «Святой Афсаты». Как можно назвать незначительного духа-покровителя ручейка, скажем, вот так пышно: «Небесный воин-покровитель ручья»? – Ведь, если скажем, как это предполагают некоторые, «Кездеу тейриси», то так и получается. Это все равно, как если бы сказать «Мухаммед-пророк этого ручья», или же «Иисус Христос источника»! Так что «Уллу Тейри», – «Великий Тейри», не потому велик, как полагают некоторые, что

есть еще и маленькие тейричики, а потому, что он просто Велик и Могуч, точно так же как и Великий Аллах не потому велик, что есть и другие, мелкие аллахчики, а потому, что он Великий и Всемогущий, и нет предела его возможностям и силе. Следовательно, в Тенгрианстве нет никаких многочисленных больших и малых тейри, а есть единый и верховный Великий Тейри – Небесный Отец людей, верящих в него. А в него верили и шумеры, и скифы, и аланы, и гунны, и древние тюрки, и хазары, и половцы. И даже сегодня, когда наши предки приняли сперва христианство, а потом – ислам, и прошло с тех пор много-много лет, мы все еще клянемся именем Великого Тейри. И его земным именем – Ёрюз-мек – балкарцы и карачаевцы называют своих сыновей.

Наши далекие предки верили в силу и в могущество Тейри, но также в способности многих «сыйльла» – «святых» не только благоденствовать людям (хорошим), но и наказывать их (плохим) за какие-то проступки. Наиболее популярный из них – это святой Афсаты, покровитель диких животных и охотников.

Люди верили в то, что без благосклонности Афсаты невозможно удачно поохотиться, а потому охотники всячески стремились облагодетельствовать его, обязательно выделяли ему долю из добычи, заранее, перед выходом на охоту, приносили ему жертву. И тогда Афсаты не мешал людям добыть на охоте зверя, но только столько, сколько им необходимо. Если же люди проявляли неумеренность и жадность, убивали слишком уж много животных, Афсаты их проклинал и непременно наказывал.

Наиболее ярким примером этому служит «Песня о Бийнёгере». Бийнёгер, знаменитый охотник, не знал меры и истреблял без всякой надобности всякую дичь, что попадалась ему на пути. Он даже ранил большого белого тура, любимца самого Афсаты. Разгневанный такими действиями охотника, Афсаты решил наказать Бийнёгера. И вот, когда тот поехал вновь на охоту, чтобы добыть молоко белой оленихи для своего больного брата, Афсаты и загнал его на неприступную кручу, где охотник и застрял. Но, оказывается, Бийнёгер и во время этой охоты поступал неразумно, нарушал охотничий этикет, запрещающий стрелять в белых оленей. И та белая олениха, за которой он гнался в горных кручах, оказалась дочерью самого Афсаты – красавицей Байдымат. И по ее просьбе Афсаты делает так, что Бийнёгер застревает на круче над пропастью, и не может двинуться ни вперед, ни назад. И никто его выручить не может. Потом, чтобы покончить с нечеловеческими мучениями, ему пришлось прыгнуть со скалы вниз. И, естественно, он разбился насмерть. Афсаты представлялся высоким седым стариком с белой, по пояс, бородой и с посохом в руке.

Кроме того в старину балкарцы и карачаевцы верили и в других духов-покровителей – в Аймуша (покровитель овцеводства), Голлу (покровитель коневодства), Тотур (покровитель волков) и т. д., а так же в то, что у каждой реки, у каждой горы,

у леса, у долины и т.д. есть свои духи-покровители. Пастухи, выезжая на летовку и ставя кош, в первый же день резали барана, и выделяли долю духу-покровителю этих мест прося его о том, чтобы он не вредил им.

Более близкими по времени пережитками прошлой веры наших предков являются признаки христианства, отмечающиеся как в материальной культуре (развалины старинных христианских церквей, находки крестов, документов и т. д.), так и в духовной. Это и понятно, ведь наши предки исповедовали веру в Христа целых пять веков, если не более, и это не могло пройти бесследно. Хотя, конечно же, как отмечали многие путешественники и христианские миссионеры, в том числе и сам знаменитый византийский патриарх Николай Мистик, исповедовали христианство в основном только верхи аланского общества, а народ по сути все еще оставался языческим, т.е. верил в своего давнего и родного всемогущего Тейри. Но все равно, 500 лет – это не 5 и даже не 50 лет, а потому ко времени монгольских завоеваний народ, по всей видимости, все-таки уже был довольно-таки достаточно христианизирован, хотя пережитки тенгрианства, разумеется, и сохранялись. Ничего удивительного – признаки нашей древнейшей религии сохраняются у нас даже и сегодня, когда народ исповедует ислам вот уже 300–400 лет. О том времени, когда предки балкарцев и карачаевцев исповедовали христианскую веру византийского (православного) толка, сказано в первой книге «Истории Балкарии». А потому нет особой надобности повторно уделять внимание этой теме. Поэтому перейдем к теме исламизации балкарцев и карачаевцев и о сегодняшней роли этой веры в их жизни.

Как и отмечали многие путешественники и исследователи, даже в конце XIX века (В. Миллер, М. Ковалевский, В. Тепцов, И. Леонтьев, Н. Тульчинский, И. Иванюков и др.), хотя балкарцы и карачаевцы, «как истинные мусульмане», держали уразу и отмечали мусульманские праздники, но в их повседневной жизни все еще были сильны пережитки и тенгрианства, и христианства. И ничего в этом удивительного нет, так как ислам для горцев Центрального Кавказа была новой религией, лишь лет 200–250 тому назад нашедшая дорогу в ущелья из Дагестана и Крыма. Так Е. Баранов и С. Фарфаровский писали, что в Балкарии чуть ли ни каждая река, ущелье или же гора имеют своих духов и покровителей. Да и в повседневной жизни балкарцы часто придерживались народных обычаев, а не норм шариата. Так С. Давыдович указывал, что право владения землей определялось согласно обычаям, а не по шариату, который требовал общественной собственности на нее. Да и женщина-балкарка обладала гораздо большими правами в семье, чем это позволялось шариатом.

Отступления от требований ислама наблюдались также в вопросах брака и наследования.

Но несмотря на санкретический характер духовной культу-

ры балкарцев и карачаевцев в начальный период их исламизации, уже в конце XIX века следует признать их такими же мусульманами, как и жителей многих других регионов Российской империи, населенных «мусульманскими» народами. Это значит, что ислам начинает играть в их повседневной жизни важную роль, занимая главенствующее место в их духовном мире. Недаром И. Леонтьев писал: «Свои посты и праздники Урусбиевцы, как истинные мусульмане, держат строго».

Религиозная жизнь уже полностью контролируется и управляется эфенди и муллой. Они скрепляли брак, совершая «неках», возглавляли погребальные обряды, освещали празднества, начало важных общественных дел и т.д.

Традиционным местом, где проходили важнейшие религиозные мероприятия, являлся межгит (мечеть). Там проходили жума намазы по пятницам, в межгите скапливались немалые средства, поступающие как в виде добровольных пожертвований, так и в виде закята, этого обязательного «мусульманского» налога на имущество. Межгит в свою очередь из этих средств оказывал помощь бедным и сирым, а так же другие расходы, связанные с религиозной жизнью общества – содержание медресе при мечети, помощь учащимся медресе, приехавшим из других мест и т. д.

Исследователи и путешественники отмечали, что эфенди и муллы за свои услуги получали определенное вознаграждение. В. Тепцов, к примеру, пишет, что многие муллы «сколотили значительные капиталы из добротных даяний своих прихожан». К тому же практически все верили в магические силы дуа – амулетов, которые на все случаи жизни составлялись муллой. Как пишет Н. Караулов, люди верили в листок бумаги с молитвами из корана или заклинаниями, составленными муллой. Эти дуа должны были предохранить стадо от волков, человека от глаза, имущество от порчи, предотвратить болезни и т. д.

Но вместе с тем следует особо отметить то, что до последнего времени ислам в жизни балкарцев и карачаевцев не претендовал на особую роль в их повседневной бытовой, хозяйственной и в общественной жизни, оставаясь в целом на позициях силы, стабилизирующей, объединяющей и умиротворяющей общество. Но в последнее время, после свержения Советской власти, этой твердыни большевистской тирании, в религиозной жизни, как и во всех сферах нашей жизни, произошли большие перемены и, к сожалению, не всегда в лучшую сторону. В политике – это прорыв в первый период демократизации в высшие эшелоны власти некомпетентных в политике самоуверенных демагогов, типа Гайдара, Шумейко, Бурбулиса; в экономике – это «дикий капитализм», когда в мгновение ока львиная доля богатств страны оказалась в руках наглых сомнительных личностей, невесть откуда взявшихся, типа Березовского, Быкова, Лебедева, Гусинского; в светской духовной жизни – это страшная пустота после краха главной народной мечты –

коммунизма и равенства; в религиозной жизни – официальное, на высшем уровне чрезмерное преувеличение ее роли в жизни народа и страны, фантастический взлет ее активности, которая стала переходить в агрессивность. Сегодня не только религиозные деятели, но и высшие государственные чиновники, телевидение и радио усиленно внушают народу мысль о том, что настоящий, хороший человек непременно должен быть верующим. Президенты и премьер-министры, министры и губернаторы, вчерашние рьяные коммунисты, рушившие церкви и ссылавшие мулл на Соловки, сегодня театрально, перед камерами, крестятся, совершают намаз, хвастаются тем, что соблюдают пост и т. д. Неужто они так быстро осознали свои грехи и стали праведниками? Что-то не очень в это верится...

На дворе уже даже не XX век, когда люди освоили не только все земли и моря, но и небо – стали летать чуть ли ни до «самого Солнца», а век XXI, ученые изучают ДНК, уже могут вырастить в лаборатории даже и человека, а мы духовно стали тяготеть к прошлому, средневековью, когда главенствовал не разум и наука, а религия.

Да, как говорят многие ученые и мудрецы, жизнь идет по кругу, но ведь не просто по кругу, а по спирали, взбираясь все выше и выше. А мы, наоборот, спускаемся вниз, к временам всевластия религиозных догм и фанатиков...

Человеку дана только одна жизнь, и не следует ее драгоценные дни и годы растрчивать на чрезмерное увлечение одной только ее «улицей» – религией. Ведь жизнь не одна только улица, а целый город, целый мир. И будет обидно, если человек всю свою жизнь проведет только на одной улице, так и не увидев красоту всего огромного города, да и мира в целом. Природа, к сожалению, не сделала так, чтобы опыт и знания людей генетически передавались из поколения в поколение, а потому нам приходится тратить лет двадцать своей жизни тому, чтобы хоть в какой-то степени обладать теми знаниями и навыками, которых достигли наши отцы и деды. И лишь тогда современный человек становится хорошим специалистом, и то только в одном из направлений науки и техники. Это и тяжкий, и долгий путь к познанию мира, к овладению навыками и знаниями, чтобы работать наиболее продуктивно как для себя, так и для человечества. Каждый человек, живущий на свете, должен стремиться как можно скорее хотя бы в одной какой-либо отрасли науки и техники овладеть достаточными знаниями, чтобы уметь и хорошо работать или же находить новые методы и приемы для повышения опять же самой человеческой деятельности как в создании материальных благ, так и в познании мира. Каждое поколение людей обязано вносить свою лепту в развитие человечества, своей страны, своего народа и даже своего рода, если хотите. И следует призадуматься над тем, будет ли разумно слишком уж столько времени и сил тратить только на то, что-

бы «заработать» себе место в раю на том свете, когда в этом свете у человека так много дел и забот. И вообще, не эгоистично ли это – посвятить свои молодые, лучшие годы жизни только ради себя, ради своего «будущего» на том свете, вместо того, чтобы исполнить свой долг перед своим народом и страной? Ведь каждый человек обязан делать все для дальнейшего улучшения жизни как в своей стране, так и в своей семье. Это его первый долг, а не «вымаливание» места в раю на том свете.

Как известно, главной задачей всех религий является воспитание честности, послушного, трудолюбивого человека и ограждение его от проступков, таких как воровство, прелюбодеяние, насилие и т. д. В подтверждение этого можно привести сколько угодно выдержек из всех святых книг. Зачем же тогда честному человеку, всю жизнь усердно учившемуся опыту и навыкам людей, работавшему на пользу и себе, и обществу, никогда не совершавшему никаких преступлений, не обманщику, не пьянице, вырастившему дюжину прекрасных детей, бояться немилости божьей на том свете? Ведь, как известно, и Великий Аллах, и другие известные нам боги всемилостивы и всемогущи, и никак не верится в то, что они будут недовольны таким человеком. Ведь, в конце концов, не число молитв и дней «голодовок» определяют веру человека и его праведность, а состояние его души. Разве не так? Ведь сколь угодно можно привести примеров из святых книг, когда в рай попадали люди не очень-то обременявшие себя соблюдением всех догм религии, когда жили, но зато были честными людьми, хорошими отцами или же сыновьями, усердными тружениками, совершали благие дела. И вообще, если плохие люди – воры и мошенники, лжецы и обманщики будут держать уразу, делать намаз, или же будут ходить в церковь и креститься, то не является ли это с их стороны попыткой обвести вокруг пальца Всевышнего своей показной набожностью, не похоже ли это на взятку? А таких ведь в сегодняшней нашей жизни, наверное, немало. Но, как известно, боги, в том числе и Великий Аллах, взятки не берут, да и «провести» их не удастся.

Конечно же, не очень-то и корректно в подобном духе вести разговор на такую серьезную тему. Но в то же время нельзя и обходить стороной острую проблему сегодняшнего дня, когда немногочисленные, но очень уж агрессивны настроенные молодые приверженцы ислама хотят верховодить не только в области духовной, но и в жизни целом, чуть ли не насильно навязывая обществу свои особые взгляды и на религию, и на жизнь.

Нельзя допустить того, чтобы религиозный фанатизм разрушил основы спокойной, созидательной жизни народа, внося в него раскол, и неприязнь к инакомыслящему, ко всем людям, которые желают жить в соответствии со своими понятиями, а не по чьему-то хотению.

Этим мы хотим просто сказать, обращаясь к молодежи – будьте здоровы и счастливы, упорно учитесь и не ленитесь рабо-

тать, больше думайте о том, чем и как вы еще можете быть полезны и своему дому, и своему народу, и самим себе. Смело мечтайте и стремитесь к ней. Будьте честны, старайтесь не совершать ничего такого, чего не одобряет ваша душа. И если вы будете так жить, то наверняка и в день Страшного суда ничего страшного с вами не произойдет – ведь вы не совершали ничего, что было не угодно Богу!

А если серьезно – то человек на этом свете должен жить как человек. А человек всю жизнь должен учиться, набираться опыта, стараться делать все как можно лучше, добротнее, растить детей, как родители и его растили, не воровать и не обманывать. Ну а о том, что с нами случится на том свете, можно же подумать, в конце концов, и тогда, когда там и окажемся. А что думать-то – ведь нашу жизнь и поступки будут оценивать другие, более неподкупные судьи, чем на этом свете. Так что – живите честно, делайте добро и все будет хорошо.

5. Нартский эпос – сокровища наших предков

Поистине, нартские сказания – это сокровища наших предков, которые они старательно копили тысячелетиями. Но, к сожалению, обреченный на трагическую судьбу, слишком уж часто оказываясь на грани исчезновения, наш народ не смог сохранить в своей памяти все богатства своих предков. Но, как отмечает известный балкарский фольклорист Махти Джуртубаев, мы, «несмотря на невосполнимые утраты, понесенные эпосом, все же имеем о нем достаточно полное представление». Хотя, разумеется, мы не можем оценивать то, что потеряно, так как мы не знаем его, потерянного. А ведь известно о том, что многие знатоки сказок и нартских сказаний еще в начале прошлого века могли ни часами, а целыми днями рассказывать, петь сказки и старинные песни-поэмы. Так что, к сожалению, наверное, потеряно слишком много, если учесть, что у родственных тюркских и монгольских народов немало фольклорных сокровищ, которых у нас уже нет. Тем не менее, отмечает Джуртубаев: «являясь народным эпосом в полном смысле этого слова, в котором каждая его часть прошла длительный путь бытования в устном исполнении, подвергаясь и шлифовке, и искажениям, нартский эпос и по сей день остается вершинным достижением карачаево-балкарской словесности. Это справедливо не только в отношении полнокровных образов действующих лиц, изображения конфликтов, масштабности и т.д., но и если говорить о мастерстве стихосложения, версификации. Древние поэты-певцы достигли поистине виртуозного владения словом (см., например, песни «Нартский пастух Соджук», «Песнь об Алаугане, сыне Дебета», «Еречикау», «Ширдан и Нёгер» и др.), благодаря чему эти произведения до наших дней сохранили печать их индивидуального творческого гения.

К сожалению, молодая карачаево-балкарская литература была лишена этой школы и почвы, в чем вины поэтов, конечно, нет – литература попала под надзор государства, которое само давало ориентиры; к тому же сбор и издание эпоса задержались, по меньшей мере, на целый век – и какой век! Поэтому то, что удалось спасти такую значительную часть духовного наследия наших предков, иначе как чудом назвать нельзя.

Сказанное касается не только нартских сказаний, но и всего карачаево-балкарского фольклора».

Конечно, Джуртубаев совершенно прав. Поэтому здесь будет вполне уместным вспомнить тех, кто по мере сил и возможностей берег и хранил сокровища наших предков, кто их обессмертил – напечатал.

Во-первых, следует сразу же отметить, что на сегодняшний день мы, благодаря стараниям двух замечательных дочерей наших народов – балкарки Т. М. Хаджиевой и карачаевки А. К. Ортабаевой, слава Богу, имеем полное академическое издание карачаево-балкарских нартских сказаний на двух языках – на карачаево-балкарском и на русском. Это результат труда и поисков десятков энтузиастов и ученых более чем в течение целого века – ведь первая публикация карачаево-балкарских нартских сказаний появилась в 1879 году. Автор публикации – П. Остряков, в журнале «Вестник Европы». Остряков сообщал, что эти сказания записал из уст князей Урусбиевых, которые «с прискорбием боятся, что не найдется человека, который бы, хотя бы в русском переводе, сохранил заветные песни». Таким образом, следует признать князей Урусбиевых, начиная с Исмаила, отца Сафар-Алия и Науруза, от которых и услышал о старинных горских песнях Остряков, первыми собирателями нартских сказаний и их хранителями. Тем более уже через два года, в 1881 году, уже сам князь Сафар-Алий Урусбиев опубликовал несколько сказаний о нартах в первом выпуске «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» – это песни о Ёрюзмеке, Карашауае, Рачикау и Сосруке. Исследовательница А. Н. Алиева отмечает, что эти публикации «в отличие от публикации П. Острякова – это развернутые тексты, по которым читатель мог составить более полное представление о карачаево-балкарском нартском эпосе. А Танзиля Хаджиева, балкарская ученая-нартовед, считает, что «небольшое предисловие к этим сказаниям, «Несколько слов от составителя и переводчика», и комментарии положили начало научному изучению эпоса балкарцев и карачаевцев». И, конечно же, она права. В то время, наверное, кроме князей Урусбиевых, навряд ли еще кто-нибудь так беспокоился о сохранности произведений устного народного творчества, этих поистине бесценных сокровищ наших предков. Вскоре появились и новые публикации – учителя Карачаев-

ского горского училища М. Алейникова, учащегося Закавказской учительской семинарии А. Б. Баташева, кавказоведа А. Н. Дьячкова – Тарасова и т. д.

Таким образом, к началу XX века основное ядро нартских сказаний балкарцев и карачаевцев (известных нам сегодня) было уже и записано, и напечатано, что явилось гарантией его сохранности.

В советское время в предвоенные годы в Балкарии и Карачае работали несколько научных экспедиций, которые собирали фольклор горцев, но в связи с войной и выселением карачаевцев и балкарцев результаты этих экспедиций не были опубликованы, и основная их часть была утеряна.

Более основательную работу по собиранию и публикации старинных карачаево-балкарских сказаний и песен проводили наши ученые уже после возвращения народа из ссылки на свою землю – после 1957 года. Большой вклад в это важнейшее дело внесли Народный поэт Кабардино-Балкарии Сагид Шахмурзаев, поэт Саид Отаров и фольклорист Азрет Холаев. В настоящее время наши ученые заняты в основном систематизацией, изучением и публикацией собранного материала. Уже вышли несколько сборников нартских сказаний и старинных песен. И «главная» книга о нартах – это, как уже говорилось, академическое издание «Нарты» – героический эпос балкарцев и карачаевцев, а вступительную статью Танзили Хаджиевой к этой замечательной книге следует признать как очень серьезный научный вклад в карачаево-балкарское нартоведение. А в 2004 году появилась солидная монография Махти Джуртубаева, одного из ведущих наших фольклористов, под названием «Карачаево-Балкарский героический эпос».

Это был краткий рассказ об истории собирания и изучения наших нартских сказаний. А теперь поведаем немного о самих нартских сказаниях.

Как известно, нартские сказания существуют у многих кавказских народов – кроме балкарцев и карачаевцев, они есть и у осетин, и у кабардинцев, и у ингушей, и у чеченцев и т. д. Времена, когда некоторые осетинские, да и не только осетинские, ученые, стараясь доказать, что нартские сказания сложил именно их народ, пренебрежительно говорили, что они, нартские сказания, «известны и балкарцам», которые якобы заимствовали эти сказания от своих соседей, т. е. осетин, уже прошли. Карачаевские и балкарские ученые спокойно и на фактах доказали, что нартские сказания не только «известны» балкарцам и карачаевцам, а сохранились в наиболее полном и неискаженном виде именно у балкарцев и карачаевцев. А это значит, что сказания о главных героях нартиады, о таких, как Ёрюзбек и Сатанай, Сосрук и Батрас, Карашауай и Созукку, Ачей и Ачемез, сложились первоначально именно в тюркоязычной среде, да и само слово «нарт», даже по признанию самого В. И. Абаева, являет-

ся тюрко-монгольским. Конечно, совершенно правильно отвечает Абаев на свой же вопрос «Кому же из народов Кавказа принадлежит нартский эпос?» «Ответ на этот вопрос очень простой, – говорит он: – эпос принадлежит тому народу, среди которого он бытует. Это значит, что осетинские версии принадлежат осетинам, кабардинские – кабардинцам, абхазские – абхазам и т. д.» Потом опять же очень справедливо отмечает «Другое дело – вопрос о генезисе... Не может быть и речи о том, чтобы термин «нарт» или имена главных героев появились независимо у каждого народа. Здесь вполне уместно ставить вопрос о национальной первооснове». После этого солидный ученый приводит, как он думает, неопровержимые «факты» в пользу того, что первоначально нартские сказания сложились именно в среде предков осетин. Приведем полностью перечень его фактов, якобы говорящих в пользу того, что нарты – это творение предков именно осетин.

«1. Термин «нарт» включает осетинский показатель множественности «Т» и образован по типу осетинских фамильных имен; стало быть, к другим народам Кавказа он вошел в осетинском оформлении».

Совершенно не убедительно – слово-то само тюрко-монгольское, да и сами сказания, как это признает и сам ученый, начали складываться еще до н. э. и в основном в скифо-сарматской среде, в «североиранской среде», как любят выражаться осетинские ученые, так почему же тогда «иранцы» называли своих народных героев нартами – детьми Солнце именно по-тюркски? И еще – как будто предки карачаевцев или тем более адыгов и абхазов не могли обойтись без «осетинского оформления»!

«2. Некоторые нартские сюжеты, как показали В. Миллер и Ж. Дюмезиль, имеют полную аналогию в быте и обычаях отдаленных предков осетин, скифо-сарматских племен».

Во-первых, ни Миллер, ни Дюмезиль, если они и известные ученые, как скажем, и сам В. И. Абаев, но все-таки не боги, а потому их слова не неоспоримая истина. Во-вторых, мы считаем совершенно по-иному – что скифы и сарматы являются не предками осетин, а именно балкарцев и карачаевцев.

«3. Имена Уархаг, Асмар, Ахсаргаг, Урузмат, женское имя Ацырухс, название чудесной чаши Уацамонга – бесспорно иранского происхождения».

По поводу первых трех имен, женского имени и названия чаши нет надобности сомневаться, они, наверное, действительно иранские имена, к тому же таких героев в карачаево-балкарских сказаниях вообще нет, следовательно они действительно привнесены в нартский эпос осетинским народом, а вот «Урузмаг» наверняка и есть балкарский «Ёрюзбек» в «осетинском оформлении», так как имя богатыря на балкарском означает «Сорвавшийся сверху». Как же, интересно, объясняется по-ирански «Урузмаг»?

«4. Имя главной героини Сатана (Шатана), хотя и не впол-

не ясное по происхождению неотделимо от имени аланской принцессы Сатаник, сохраненной армянскими рапсодами в связях с событиями II в. н. э. (походы аланов в Закавказье)».

Во-первых, имя Сатанай вполне ясно «по происхождению» – Сатан Ай означает «Ясная Луна», во-вторых аланскую принцессу Сатаник никак нельзя назвать осетинской, так как она аланская принцесса, а аланами сами себя называют не осетины, а балкарцы и карачаевцы. И даже сами осетины балкарцев называют асами, т. е. более обширным этническим именем, куда входят и аланы.

«5. Имя Сослан будучи, по всей видимости, тюркского (ногайского) происхождения, свидетельствуется на осетинской почве с XII в. н. э. (муж царицы Тамары Давид Сослан был осетинским владетелем); имя Сосруко представляет «адыгизацию» имени Сослан с закономерным перебоем Л>Р.»

Опять ложное отождествление осетин и асов пытаются выдать за факт принадлежности основы нартских сказаний осетинам!

«6. Имя Батраз образовано из Батыр-ас и означает «асский (аланский) богатырь».

Неужели и чисто балкарское «Батыр ас» – «Храбрый ас» – может служить неопровержимым фактом первичности осетинских сказаний о нартах и о «заимствованности» балкарских?!

После этих «доказательств» В. И. Абаев приходит, тем не менее, совершенно к правильному выводу – «Все это не оставляет сомнения, что материальным ядром эпоса послужил древний аланский цикл, восходящий некоторыми элементами еще к скифской эпохе...»

Совершенно правильно, только с одним уточнением – осетины (иранцы) никакого особого отношения ни к аланскому, ни к скифскому миру не имеют, если не считать, что они уже несколько веков (после Темирлана) живут по соседству с аским племенем дигорцев, ассимилировав ни только их самих, но их духовную культуру – нартские сказания, несколько переработав и «обосетинив» имена главных героев и добавив несколько новых.

У балкарцев и карачаевцев есть поговорка: «Посади пешего путника на круп своего коня, так он норовит и к седлу перебраться». Осетины-иранцы заимствовали основу своих нартских сказаний у тюркских народов Кавказа, а теперь их ученые норовят «с крупа коня перебраться в седло», оттеснив самого седока – дигорцев, балкарцев и карачаевцев.

Сейчас стало модным говорить «ученый, который не переписывает историю», в том смысле, что этот ученый – настоящий ученый, а те, мол, которые стараются переписать историю, ненастоящие ученые. Или же какие-то сходки ученых накладывают «моратории» на развитие и критическое осмысление исторических фактов, под тем предлогом, что это якобы обостряет межнациональные отношения.

Все это, конечно же, смешно. Как же не переписывать историю, если она лжива и большей частью сочинялась, и вовсе не соответствует тому, что было. Что, теперь мы и наши дети будем продолжать веки-вечные Владимира Ульянова почитать чуть ли не пророком, коли уже известны достоверные факты, говорящие о том, что он действительно был германским агентом и действительно немцы использовали его для разложения российской армии? И если опять же известны достоверные факты о том, что он был необычайно жестоким человеком, требовал безжалостно расстреливать всех «попов», «кадетов», «эсеров» и иных врагов большевиков, в кои зачислялись все нормальные и образованные люди, как-либо проявляющие неприятие «маузерной» политики новых хозяев страны?

Нет, лживую историю, сочиненную в угоду властителям, следует обязательно переписать. И ту историю, которая духовно обкрадывает народы, попавшие в немилость к властям, и обогащает за их счет народы, приласканные властями, тоже надо переписать. История должна быть исторична – соответствовать тому, что было, а не сочиняться для подкрепления «хорошести», «особой стати» одних народов и «плохости» и «недоразвитости» других народов. История, как и всякая наука, как и всякий живой организм, должен расти и развиваться, а это само собой предполагает, что в нем будут происходить какие-то естественные структурные изменения. История не должна подчиняться людям и ученым, для которых идейным знаменем являются поговорки типа «Нежданный гость хуже татарина», «Мучить гяура – богоугодное дело», ведь эти поговорки сложились, если говорить сегодняшним языком, расисты и фашисты, от коих сегодня с презрением отворачивается весь цивилизованный мир. Искажение истории, попытки «прихорошить» «облагородить» одни народы, унижить другие народы ведут – не думайте, что это преувеличение! – в конечном счете к кровопролитию, к войнам. Это – следствие того, что ученым удается порою убедить политиков, властителей в том, что сочиненные ими истории действительно соответствуют истории, т. е. было на самом деле. Не влезая слишком глубоко в историю, приведем примеры из недавнего прошлого. Выселение народов в середине прошлого века в период Великой Отечественной войны – результат клеветы на этих народов, неприкрытая ложь, совершенно не отражающая историческую истину. К примеру, чеченцы никак не могли переходить на сторону немцев, так как немцев на их земле вообще не было, а те чеченцы, которые были на фронте, сражались более храбро, чем многие другие – об этом свидетельствует и то, что по числу героев на 10000 человек населения чеченский народ опережал почти все народы СССР. И даже после реабилитации чеченцы и ингуши все время считались «нехорошими» – им не доверялось даже руководство собственной республикой, назло им в Грозном упорно ставили памятник

Ермолову, одному из наиболее жестоких покорителей Кавказа и т. д. Все это и привело к власти в этой республике во время Ельцинской «вольницы» Джохара Дудаева, амбициозного генерала с неприкрытыми сепаратистскими намерениями. Ельцинская Москва не смогла, да и не хотела оценить суть происходящего, не смогла усмотреть в этом неистовом стремлении части населения Чеченской республики выйти из состава России протест, долгие годы копившийся в душе народа против унижения национального достоинства, не захотела сгладить вину прошлых правителей перед чеченским народом хотя бы тем, чтобы, уважительно поговорив с Джохаром Дудаевым, уговорить его заняться своим профессиональным делом, предложив ему, генералу, соответствующий военный пост в Москве, и заверив как его, так и весь чеченский народ в том, что впредь Москва никогда не допустит недружественных действий в отношении и чеченского народа, так и всех других народов России. Так как, мол, Россия теперь раз и навсегда становится подлинно демократической страной, и все народы, населяющие ее действительно в равной степени ей дороги, как родные дети для любящего отца. Вместо этого Радионовы, Ерины, Грачевы, озабоченные лишь собственными интересами, уговорили Ельцина проучить и непокорного генерала, а заодно и весь «нехороший» чеченский народ. А что из этого вышло теперь мы все хорошо знаем.

Это отступление мы сделали с одной лишь целью – показать пагубность лжеистории и сказать, что в жизни во всем следует стремиться к правде и честности, ученым людям – тем более. Не надо думать, что солидные ученые мужи, осененные степенями и званиями, до сих пор никак не могут установить, что Ёрюзек – это с балкарского (с тюркского) Сорвавшийся Сверху; что Сосурук – это Сос Урлук, Сын камня (буквально – Семя Соса (камня); Сатанай – это Сатан Ай – Ясная, Светлая Луна (как Толганай у казахов – Полная Луна, символ женской красоты) Батрас – это Храбрый Ас; что название народа «гун» есть не что иное, как «солнце», что «нарты» – это «дети солнца», следовательно нарты – это и есть гунны, а гунны – народ тюркоязычный. И, видимо, совершенно прав Махти Джуртубаев, когда говорит, что и скифы, и сарматы, и аланы, и многие другие народы по сути и есть гуннские племена. Ученые мужи все это прекрасно знают, а если и не знают, то легко могут узнать, коли захотят, но им ужас как хочется, чтобы все, что есть лучшее вокруг, чтоб принадлежало только одному их народу, и чтобы он, их народ, до небес превозносил их, ученых, как мудрых и великих, сумевших доказать то, чего и не было! А так как они в этом к сегодняшнему дню довольно-таки преуспели, то и пытаются хотя бы сохранить то, что они «застолбили» в благоприятное для них время, пытаясь наложить различного вида моратории на дальнейшее изучение и развитие как нартских сказаний, так и всей истории.

Но, отметим еще раз, это совсем несолидно, это просто смеш-

но. И вредно. Все должно развиваться, расти, улучшаться. Таков глобальный закон природы. И никакие запреты и преграды не останвят всеобщее стремление к совершенству и гармонии...

Как и у многих народов, у балкарцев и карачаевцев нартические сказания тоже состоят из нескольких узловых циклов. Азрет Холаев условно делит нартические сказания на следующие четыре цикла: 1. Ёрюзбек и Сатанай. 2. Сосрук. 3. Дебет, Алауган, Карашауай. 4. Бёдене и Рачикау.

Махти Джуртубаев делит эпос на две основные группы циклов. К первой группе, которую он считает ядром эпоса, относит сказания:

- о Дебете и его сыновьях;
  - об Алаугане, сыне Дебета;
  - о Карашауае, сыне Алаугана;
- Вторым основным циклом считает сказания:
- О Ёрюзмеке и Сатанай-бийче;
  - О Сосруке, приемном сыне Ёрюзмека и Сатанай;
  - О Бёдене и его сыне Рачикау.

Несколько поэм и песен он относит к особому разделу эпоса, связь которых с основными циклами особо не прослеживается.

Но в любом случае следует отметить, что главными героями карачаево-балкарских нартических сказаний являются Дебет, прародитель всех нартов и кузнец, снабжающий народ нартский знаменитыми мечами, его сын Алауган и внук Карашауай, предводитель нартов и первый храбрец среди них, Ёрюзбек и его мудрая жена – красавица Сатанай, Сосрук, приемный сын Ёрюзмека и Сатанай. Сказания о Дебете, об Алаугане и о Карашауае занимают значительное место в эпосе. Сам Дебет сын Неба и Земли, сердце его из огня, а тело – из стали. Он знает язык зверей и птиц, видит, что есть внутри камней, а потому без труда определяет их состав, размельчает их в ладони.

У Дебета было 19 сыновей, они, когда подросли, решили найти 19 сестер, и только тогда жениться. Нашли семью, где было 18 сестер. Тогда Алауган, старший из братьев, сказал, что он, старший, обязан в первую очередь позаботиться о младших братьях, а потому настаивает на том, чтобы женились все его младшие братья, так как найти 19 сестер навряд ли им удастся. Так он и состарился холостым. А потому и решил жениться на эмегенше, так как среди людей не находил невесту. Но есть варианты, где говорится о том, что его жены часто умирали, а потому за него никто не хотел выходить замуж. Карашауай, самый сильный и самый добрый нравом нартский богатырь, и есть сын Алаугана и эмегенши.

Ёрюзбек, прилетевший на Землю с неба запеленатым в комету, воин-предводитель нартов, приемный сын Дебета, пожалуй, является центральной фигурой карачаево-балкарского героического эпоса. Вместе со своей женой Сатанай, которая тоже

небесного происхождения – она дочь Солнца и Луны, украденная хозяином моря, но потом чудесным образом убежавшая и оказавшаяся в стране нартов, где ее и выдали замуж за Ёрюзмека. Конечно же, пересказать весь эпос нет никакой необходимости, слава богу, теперь у нас есть замечательные книги сборников наших нартских сказаний, желающие могут еще раз их почитать. А мы лишь вкратце расскажем хотя бы об этих четырех центральных героях эпоса.

Как известно, главная сюжетная линия эпоса – это борьба нартов с эмегенами, с этими чудовищами с некоторыми человеческими чертами, в том числе и знающими язык людей. Нарты и не помышляют о том, чтобы силой одолеть их, коль придется с ними встречаться, настолько эмегены могучи телом и сильны, а почти всегда побеждают их хитростью и обманом, что совсем и не трудно, так как эмегены глупы и доверчивы. Но, тем не менее, эмегены тоже соблюдают иногда обычаи нартов-людей. Так, когда Алауган отправился на поиски невесты, он встретил на пути огромную эмегеншу, которая зашивала трещины земли, иголка у нее была величиною с дерева, а ниткой была толстая веревка из меди. Алауган спасся лишь тем, что незаметно подкрался к ней и стал сосать ее грудь. По обычаю нартов, выходит, и эмегенов, с этого момента считается, что он уже усыновлен. Соблюдает этот обычай и эмегенша, и она обращается к Алаугану уже как к сыну, называя его «балам» – «дитя мое». Естественно, эмегенша узнает о цели поездки Алаугана и предлагает ему взять в жены собственную дочь. Алаугану ничего не остается делать, как согласиться. Дружкам Алаугана приходится гнать невесту перед собой в селение жениха, так как ни одна лошадь не выдерживала тяжести невесты. Приключения не кончились и дома. Алауган сам съедал за один присест целого быка и хлеба, испеченного из двух десятков мешков муки, а невеста оказалась еще прожорливее. Она постоянно хотела есть, стала глотать даже собственных детей. Очередного ребенка, Карашауая, спасли хитростью. Мать Алаугана сказала как бы самой себе, но чтобы услышала и невестка, такие слова: «В наше время мы рожали из очажной трубы вниз, а ныне пошли какие-то странные невестки – рожают у себя в постели». А когда настали очередные роды, невестка-эмегенша взобралась на крышу со словами «И я могу так!» И как только новорожденный мальчик упал в очаг, мать Алаугана вместо него положила двух щенят, забрала ребенка и убежала. Ребенок рос в льдах Эльбруса, не по дням, а по часам. А вернее – за день вырастал на год. А когда он стал взрослым, стал известным нартским богатырем. Ёрюзбек и Сатанай – центральные и наиболее полнокровные образы карачаево-балкарского героического эпоса. В отличие от адыгского Озырмеса (М. Е. Талпа: «совершенно бесцветная фигура») и осетинского Урузмага (Т. Дюмезиль: «Герой могучий, но часто изображаемый в несча-

стью или в старости»; а по Вс. Миллеру занимает «скромное положение»), в карачаево-балкарском эпосе Ёрюзек – не только заботливый муж и мудрый старец, но и могучий воин-предводитель нартов. Нарты перед своими новыми походами всегда собираются у него и под его же предводительством выступают в дальние жортуулы. Во многих песнях-сказаниях постоянно подчеркивается его сила, мощь, доблесть и героизм.

Вот типичные строки о нем:

«Эмегены его боятся, хей!

Увидев его, обращаются в бегство, хей!

За нартов он встает, как булатный меч, хей!

На врага, как лев, бросается, хей!

Ой, Ёрюзек – солнце, освещающее страну нартов, хей!

Правдивый, верный своему слову, хей!»

«От его крика горы и скалы дрожали,

Дыханием своим он туманы разгонял,

Он головы рубил, как траву косил...

На вороном коне с гибкими подпругами,

Крылатый, как могучий орел,

С молнией равный всадник».

И даже уже старый Ёрюзек не теряет и силу, и разум – это хорошо видно из сказания «Ёрюзек и одноглазый Эмеген». Однажды Ёрюзек сидел на ныгыше опечаленный.

«– Ёрюзек, почему печален, не заболел ли ты? – спросил Сибилчи.

– Стар я ныне стал, – сказал Ёрюзек, – приближается час моей смерти. Но вот о чем я думаю: может, покуда я жив, вспомнить молодые годы и еще раз отправиться в путь?

– Хоть я стар, но я – нарт, – добавил Ёрюзек, и на другой день отправился в путь.

Ходил он, бродил и встретился с одноглазым эмегеном – самым старшим из эмегенов. Тот пас коз.

– Добрый день, толстопузый! – поздоровался Ёрюзек с эмегеном.

– Эй, хитрец из рода человеческого, чего ты бродишь? – спросил эмеген Ёрюзек.

– Нет, я не из тех хитрецов человеческого рода, о которых ты говоришь, – возразил Ёрюзек.

Затем эмеген сказал козлу-предводителю стада: «Приго-нишь сам. Не растеряй коз». – И вместе с Ёрюзекком пошел к себе в пещеру.

Эмеген продержал Ёрюзек в пещере три дня, кормил его недоваренным тухлым мясом. На четвертый день, когда эмеген вернулся с отарой и хотел развести огонь, он увидел, что огонь погас.

– Сын человеческий, вы догадливы, разведи-ка огонь, – приказал эмеген.

– Во времена моей молодости, когда у нас, бывало, погас-

нет огонь, мы вырывали с корнем сосну и подносили ее к солнцу, чтобы зажечь. Или сбивали с неба звезду и от нее разводили огонь. Теперь я состарился и сделать все это мне не под силу, – ответил Ёрюзбек.

Потом, сказав: «Однако придумаем что-нибудь», – собрал ветки, взял и оторвал от скалы огромный кусок камня величиной со стог сена и ударил им о скалу. От этого удара посыпались искры и осветили мир, как молнии. Искры, которые улетели на небо, превратились в звезды, а от упавших на землю зажегся огонь».

Потом Ёрюзбек убивает и самого эмегена. И этот эмеген был последним на земле.

Конечно, Ёрюзбек – и предводитель нарттов, и храбрейший из них, он могуч и умен, но в то же время практически он ничего не делает не посоветовавшись со своей женой Сатанай и не получив ее одобрения и согласия. Что еще более интересно – ее слушаются и все нарты, они «лишь исполнители ее воли и советов». Конечно, здесь эпос донес до нас сказания периода матриархата, когда женщина-мать имела большую власть над семьей, в основном состоявшей из ее детей и внуков.

В карачаево-балкарских сказаниях и героических песнях постоянно говорится о необычной и даже чудодейственной красоте Сатанай, у нее даже тело светится. Естественно предположить, что в ее образе эпос донес до наших дней отголосок древних мифов наших предков, и прежде всего, конечно же тентрианства – ведь Сатанай дочь Солнца. И как дочь самого Солнца, верховного бога скифов, гуннов и всех тюркоязычных народов, она является «матерью всех нарттов», не в том смысле, что именно она родила их, а в том, что она им всем заменяет мать, она заботится о них, кормит нарттов из своих запасов, когда приходит голод, и всячески помогает им, учит их готовить бузу и сыры, печь хлеб, ткать полотно, шить одежду. А когда понадобилось, даже, став их предводителем, ведет их в бой против иноземных войск и побеждает. К тому же она и чародейка, и колдунья, и вещая.

«Популярность, разработанность, многовариантность нартских песен и сказаний (О Ёрюзбеке и Сатанай. – М. К.) у балкарцев и карачаевцев дают нам основания говорить об их исконности для круга сказаний балкаро-карачаевского эпоса». Это пишет известный ученый-нартвед, доктор филологических наук Танзила Хаджиева. В отличие от героинь осетинских, адыгских и абхазских сказаний, Сатанай карачаево-балкарского эпоса – бессмертна. Согласно сказаниям, после того, как и Ёрюзбек улетел на Небо, Сатанай еще некоторое время оставалась на Земле, завершая обучение нартских женщин ремеслам и иным, необходимым в жизни способностям и навыкам, и лишь потом, завершив свое дело, тоже улетает на небо. И, как говорится в сказании, и «сейчас жива и живет на небесах и является советчицей нарттов».

Итак, Ёрюзмек, Сатанай и нарты, дети, внуки и потомки Неба и Земли, Солнца и Луны, исполнив на Земле свой долг – истребив всех эмегенов, врагов людей, вновь возвращаются к себе на Небо. Так красиво завершается наш героический эпос – целый клад сокровищ, который копили в течение тысячелетий наши предки.

6. Пословицы и поговорки – кладезь народной мудрости

И это действительно так. Ведь в пословицах и поговорках в краткой форме выражен весь жизненный опыт народа за многие века и тысячелетия! Ведь никто не может сказать когда народ изрек ту или иную истину в форме пословицы – нет, конечно. И если нартские сказания представляют собой, коль допустимо такое сравнение, сериалы о прошлом нашего народа, где авторы не очень-то ограничены ни временем, ни пространством, ни тем более какими бы то ни было рамками в использовании своей фантазии, то поговорки и пословицы более похожи на изречения мудрых академиков по тому или иному типичному случаю из жизни. Коль очутишься, мол, в таком положении, постарайся не ошибиться, постарайся поступить правильно.

Жизнь – многогранна, а потому поговорки и пословицы тоже разнообразны, как и явления в жизни и поступки людей.

К сожалению, наши ученые не уделяют должного внимания сбору и публикации наших поговорок и пословиц, их изучению и комментарию. Впервые небольшой сборник балкарских поговорок и пословиц был опубликован в 1965, спустя примерно 20 лет вышла маленькая (и форматом, и объемом) книжечка, составленная Азретом Холаевым, сотрудником НИИ, – вот и все.

Ни первая, ни вторая книжки не могут считаться достаточно подготовленными и полными изданиями, так как в них не оказалось слишком уж много пословиц и поговорок, имеющих хождение в народе. Тем не менее и эти две книжки дают достаточно ясное представление о духовном богатстве, о жизненном опыте нашего народа – до того они, собранные в этих небольших книжках, пословицы и поговорки, своеобразны и колоритны, полны мудрости, а порою и открытого юмора. Говорят, тот народ умен и мужествен, который может легко и свободно посмеяться над собственными недостатками. Если это правда, то наш народ – и мудрый, и мужественный. Чего стоит в этом плане одна только эта поговорка – «Пусть первая дума горца (то бишь балкарца) будет чьей угодна, лишь последняя – моей!» В этой поговорке балкарец выглядит не очень-то умным, раз народ согласен воспользоваться его думой и мыслью лишь после того, как он, образно говоря, набьет себе шишки и наберется опыта, думая и, соответственно, поступая то так, то этак. Он, наверное, и наивная душа, ничего в этой жизни не смыслящий, возможно туговат

в умственном отношении, или же, наоборот, не в меру горяч и скоропалителен, как он сам, народ, говорит, немножко «того», раз сам же не хочет ни думать, ни поступать так, как это делает его любимый горец, то есть он сам. Наверное, балкарец начинает нормально мыслить и поступать лишь после того, как жизнь набьет ему шишки. В этом же ряду стоит поговорка «Поздороваться по-чегемски». Поздороваться по-чегемски – это значит начинать здороваться тогда, когда уже пора и прощаться. Ведь бывают же в жизни такие курьезные случаи, когда человек, увлекшись встречей и выяснением каких-то деталей одного любопытного дела, забывает вовремя поздороваться.

Народ смеется и над теми, кто не чтит горский этикет, о чем и говорит поговорка «Саутулинец, коль наелся, сразу уходит». По горскому обычаю считается неприличным, если ты находишься в гостях, уходит сразу же после угощения. Надо еще хотя бы посидеть немного, поговорить с хозяевами о том о сем, а то подумают еще, что ты приходил-то только для того, чтобы поесть. Жители села Сауту, того самого злополучного Сауту, которое сожгли в 1942 году советские войска и партизаны, видно, опростоволосились, бывая в гостях в других селениях, именно подобным нарушением этикета. Вот и «прославились». Кстати, эту поговорку я не нашел ни в первой, ни во второй книжках. Может, авторы пожалели саутулинцев, не хотели их выставлять в нехорошем свете перед всеми? Возможно, но тогда ведь надо было пощадить и чегемцев, которые даже и поздороваться не могут, к тому же еще в доме после них как после Мамая (есть поговорка: «Балкарец (житель Черекского ущелья) придет – дом тебе поставит, чегемец придет – дом твой опустошит»). Но если щадить всех, то ведь обеднеет фольклор. А еще хуже – наши предки будут казаться не такими уж остроумными и жизнерадостными, какими они предстают в поговорках, пословицах, коли их знать по-больше.

Вот, видя чрезмерно горделивого человека, витающего в своих мечтах в облаках, народ говорит, добродушно улыбаясь: «Гордыня его – в небе, а зад его (а он сам) – в золе». Какой народ не знает и не высмеивает кичливых людей, попавших из «грязи в князи», есть и у нас поговорки на эту тему. Многие пословицы и поговорки строятся на игре слов, на созвучии звуков, а потому очень трудно их перевести так, чтобы они сохраняли сочность и ясность мысли оригинала. Вот, к примеру поговорка о таких кичливых, которые «из грязи в князи». «Кюн кёрмеген кюн кёрсе, кюндюз чиракъ жандырыр». Видите какая игра слов и созвучий: кюн, кюн, кюндюз. Кюн – это солнце, но в данном случае имеем дело с иносказанием. Здесь – это материальное благополучие. А слово кюндюз – это значит день. Дословный, нелогичный перевод будет таков – «Коль не видевший солнца увидит солнце, он и днем свечу (лампу) зажжет». А смысловой перевод будет примерно такой: «Коль бедняк разбогатеет, он и днем будет свечу

зажигать». Чтобы, мол, показать людям, что он не беден, что он богат. Другая поговорка на эту же тему тоже построена на игре слов. «Тапхан табанын кётюрюр». Дословный перевод: «Находящий поднимает стопу» – что к чему совершенно непонятно. А смысловой перевод примерно таков: «Коль человеку (легко) достается (богатство) – он возгордится». Или «Таба баргъан чаба барыр» Дословный перевод: «Находящий будет продолжать бежать». Тоже нелегко догадаться о смысле поговорки. А смысл таков: «Жадность человеческая безгранична, а потому кто (легко) находит богатство, тот будет желать его еще больше».

О бездельниках и лентяях тоже немало пословиц и поговорок. И это вполне понятно – ведь для нашего трудолюбивого народа бездельники и лентяи люди далеко не симпатичные и посмеяться над ними – вовсе и не грешно. Одна из лучших поговорок на эту тему такова: «У кого нет дела, тот гоняет собак на водопой». На первый взгляд вроде бы ничего особенного здесь и нет. И то правда – зачем гонять собак на водопой, коли они и сами могут найти воду, когда им захочется пить. Но здесь тот случай, когда юмор как бы скрыт в тени. И он проясняется лишь человеку с воображением, с чувством юмора. Стоит только представить себе как это на самом деле будет выглядеть, как сразу же начинается, словно на фотопленке в ванной, ясно выступать юмористическое содержание поговорки. Во-первых, собаки – это тебе не бараны, и их никак в группу не собьешь-не соберешь. Во-вторых, если даже это тебе как-то и удастся чудом, все равно погнать их на водопой не удастся – они, конечно же, разбегутся. В любом случае пытаться погнать собак на водопой – занятие совершенно бесполезное и неосуществимое. В этой поговорке народ как бы посмеивается над теми незадачливыми людьми, которые всерьез принимаются за какое-то совершенно бесполезное дело.

Иногда можно увидеть целую стайку работниц «Горзелентреста», одетых в оранжевые безрукавки, собирающих на проспекте редкие опавшие желтые листочки в начале осени или ранней весной сгребающих уже и так почти растаявший снежок, выпавший ночью. Ярко-желтые листья осенью – это же красота, пусть хоть недельку полежат на зеленой лужайке под деревьями. А еще лучше – до поздней осени. А потом можно сразу все и убрать. А снежок этот весенний, который и так еле прикрыл асфальт – он ведь растает и сам к полудню! Зачем и в том, и в другом случае попусту тратить время и силы, разве нет более серьезных дел? «Зачем гонять собак на водопой?»

Но, конечно же, абсолютное большинство наших поговорок и пословиц, как и у всех народов, имеет серьезный философско-житейский смысл. И каждая поговорка, каждая пословица здесь – целый клад мудрости. Всего несколько слов – и настоящий философский трактат! Вот послушайте: «Когда стадо поворачивает

назад – хромая овца окажется впереди». Всего-то одно предложение из нескольких слов – а какая глыба мысли, сколько трагедии! История человечества, да и нашей страны знает множество примеров, подтверждающих эту печальную истину – истину о том, что в смутные времена, когда рушатся основы устоявшейся жизни, когда общество делает крутой поворот, на вершине власти – «впереди стада» – оказываются «хромые овцы». Начало XX столетия, Россия: война, разруха, революции – и у власти оказывается целая гурьба «хромых овец» во главе с Лениным и Сталиным. И на целое столетие беда обрушивается на Россию, заодно и на соседние страны. И в Германии после Первой мировой войны и позора поражения тоже во власти оказываются «хромые овцы» – фашисты во главе с Гитлером. И беда обрушивается не только на саму Германию, но и на весь мир. В смутные годы, когда народы кардинально меняют пути своего развития, как правило, у них в предводителях оказываются «хромые овцы» – так было в Ираке (у власти стал Саддам Хусейн), так было в Конго (у власти стал Мабуту), так было в Югославии (у власти оказался Слободан Милошевич), так было и в Афганистане, и в Иране, и в Ливии во второй половине XX века. До и после распада СССР во главе России тоже оказались, к сожалению, «хромые овцы», которые чуть было не развязали в стране гражданскую войну, но поджечь Кавказ они все-таки умудрились – и теперь Чечня стала незаживающей раной России.

Не меньший философский смысл имеет и другая поговорка – «Плохому человеку делать добро – это то же самое, что шить тапочки собаке». Мы, люди XXI века, конечно, знаем о том, что на севере собак используют вместо лошадей, и запрягают в сани, и им, чтобы об льдинки не резали лапы, иногда шьют тапочки, но наши предки об этом, разумеется, не знали и были уверены в том, что собакам тапочки не нужны, и они, собаки, не оценят подобную заботу о них человека. Точно так же не оценит ни заботу, ни доброту и плохой человек.

И опять же мы должны признать, что эта поговорка, к сожалению, «глаголет» истину. Каждый взрослый человек примерами из своей жизни может подтвердить правоту этой поговорки, мы же приведем лишь один пример из истории.

Люди, интересующейся историей Золотой орды, знают о том, что Тохтамыш на трон посадил могучий эмир Темирлан. С тем, чтобы иметь у себя за спиной своего человека во время похода в Индию, о котором он мечтал больше всего. Трижды сгоняли Тохтамыш с ханской тахты, трижды, посылая вместе с ним большое войско, сажал его на трон Темирлан. Казалось бы, что Тохтамыш теперь в вечном долгу перед Темирланом, всегда будет ему опорой и поддержкой. Но, видно, не зря народ сложил такую поговорку. Наверное, действительно не имеет смысла делать добро плохим людям. А Тохтамыш, скорее всего, был плохим человеком. Потому что, окрепнув, напал на Темирлана. Темир-

лан разгромил Тохтамыша. Но тот, оправившись, опять напал на Темирлана. Тому ничего не оставалось, как вновь поднять саблю против того, кого сам и вскормил. И, как известно из истории, беспощадная сабля Темирлана сокрушила не только Золотую Орду, но почти полностью истребила многие народы Северного Кавказа, в том числе и аланов, бывших до этого одним из сильных и многочисленных народов в этом регионе.

Точно тот же смысл имеют и другие поговорки. К примеру: «Откормишь плохого ягненка – и нос, и губы будут в жиру; откормишь плохого человека – и нос, и губы будут в крови». И горькая поговорка на эту же тему, видно, уже сочиненная в XX веке. «Ни одно добро не остается безнаказанным».

Конечно, эти и другие поговорки отражают горький опыт жизни, когда некоторые плохие люди делают зло тем, кто им же помогал в трудную минуту. Но это совсем не значит, что все люди плохие. Ведь большинство людей все-таки хорошие, благодарны тем, кто приходит к ним на помощь в тяжкое время, и всегда готовы сами помочь другим. Так что, большинство людей все-таки человеки. А человеку свойственно делать добро. А злоба больше присуща животным. А потому – не бойтесь и не стесняйтесь делать добро! Замечательны поговорки и пословицы, посвященные восхвалению ума и человечности, мастерства и осмеянию жадности, тупости и лени. «У кого рука сильна – тысячу раз ударит, у кого голова сильна – один раз ударит». «Пустое ведро громко гремит». «Учение – пища знания, знание – кол достатка». «Без учения – нет знания, без знаний – нет солнца (нет радости, нет благополучия)». «Тот, кто не соревнуется, мужчиной не будет, хорошим людям товарищем не будет». «Хороший человек – богатство народа. Хорошая земля – богатство жизни». «У кого плохая нога – грязь месит, у кого плохой язык – народ месит (мутит)». «У кого есть голова, у того есть и пища». «Кто знает дело – делает, кто не знает дело – страдает». «Когда дело доходит до работы – он труп, когда дело доходит до еды – он волк». Здесь особо можно отметить и такую поговорку: «Топор, построивший дом, остался на улице». Эта поговорка имеет глубокий философско-этический смысл, выражающийся в том, что в жизни зачастую случается и так, что мы не умеем воздавать должное большим благородным делам и поступкам людей. В народной жизни и в быту эту несправедливость можно видеть почти каждый день. Типичный случай для второй половины XX века из жизни балкарцев примерно таков: в тяжелые послевоенные годы старшие в семье вынуждены были больше думать о выживании, а не об учебе, а потому они становились кормильцами семьи, где обычно отец репрессирован, самый старший сын не вернулся с войны, а мать еле управляется с домашними делами. И он, следующий старший сын, кормилец семьи, работает день и ночь, кормит младших братишек и сестер. Те подрастают, ходят,

как и все, в школу. И хотя бы один из них потом, выучившись, становится, бригадиром, агрономом, а возможно и большим начальником. И все – и родня, и соседи, и народ вообще хвалят этого начальника, говорят, что он возвысил своим умом и знаниями не только свой род, но и все село. А о том, что его старший брат фактически и спас его и от голодной смерти, и сделал все, чтобы он без особых забот учился, да и сегодня не уступит своему младшему брату не только по хозяйской сметке, да и по уму-разуму почему-то никто ничего обычно не говорит. Он как бы остается в тени, «на улице», в то время как «дом» (общее достижение семьи) фактически построил именно он.

В большой политике такое тоже часто бывает. И страна, и народ не всегда воздают должное человеку, сделавшему в трудную минуту мужественный поступок, в результате которого или «строится дом», или же сохраняется «дом» от разрушения. Так, в период попытки государственного переворота ГКЧ-пистами председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Руслан Имранович Хасбулатов первый и единственный из высших руководителей страны сразу же назвал действия ГКЧ-пистов как попытку государственного переворота, как антиконституционный акт и призвал мировое сообщество и граждан страны встать на защиту демократии и свободы в России. И именно его выступление по радио полностью прояснило политическую подоплеку происходящих событий, четко и ясно поставило перед всеми людьми чистой совести задачи – сорвать планы заговорщиков, отстоять в стране свободу и демократию.

Лишь потом, когда Хасбулатов вернулся из радиостанции в Белый Дом и практически стал организовывать отпор ГКЧ-пистам, отыскиали где-то в подвале Ельцина и он вышел к народу, взобрался на танк, являя собой символ новой демократической власти России.

И как же отблагодарили народ, страна, Ельцин Хасбулатова, за то что он фактически стал спасителем новой России, демократической России, когда ленинско-сталинские наследники попытались вновь ввергнуть страну в хаос большевистской вседозволенности правящей клики во главе с очередным своим божком с кличкой Генсек?

Ельцин, тот самый Ельцин, который, услышав о ГКЧП, со страху забился в какой-то угол, но потом, когда появился смелый и спокойный Хасбулатов, вдруг воспрявший духом и вскоре ставший символом новой демократической России, стал стрелять в него, в Хасбулатова из танка, как только тот попытался освободить его, Ельцина, от дурного влияния собутыльников во главе с Коржаковым, чтобы он, президент, занимался делами государственными, а не только винно-банными. И после окончательной победы ельцинизма в стране, когда президент страны бог и царь и волен говорить и поступать как хочет, никто не посмел произнести два-три добрых слова в адрес Руслана

Хасбулатова. И страна, и народ мигом забыли про своего спасителя.

И разве не удивительно хороши такие поговорки и поговорки: «Мышь не имела нору, куда самой залезть, а еще привязывала к хвосту колесо»; «Змея не любила мяту, а та шла и вырастала у ее норы»? Это о назойливых людях, которые чуть ли не насильно стараются навязать другим свою дружбу или же злоупотребляют знакомством или родством ради корыстных целей, не имея никаких моральных прав на благосклонность.

Как уже было сказано, поговорки имеются почти на все типичные случаи жизни. Много хороших поговорок и пословиц на тему «А бедняку постоянно не везет». Сколько горечи и скрытого юмора в них! «На бедняка и овраг обрушится». «Скотину бедняка волк задерет». «Бедного похвала погубит». «Коль начнет переиздавать и бедняк покажется богатым». «Дождь – и то над озером льет» – это о том, что, если уж и повезет кому, то опять же богачу.

Замечательна следующая поговорка: «Неумело шив, сделал высокую шапку, а народ, увидев это, в моду взял». Воистину, в жизни полно примеров, когда народ слепо копирует многое, лишь только потому, что тот или иной начальник так сказал или сделал, что за морями и горами кто-то так делает. Еще свежи на памяти людей нашей страны конца XX века подобные случаи. Так, министр иностранных дел СССР времен холодной войны, А. А. Громько, известный своей большевистской «упертостью», которого в мире дипломатии называли не иначе как мистер «Нет», так как и он сам, и его патроны – генсеки на все предложения Запада в области разоружения и снятия напряженности в мире непременно отвечали отказом, как-то держа свою очередную «нетовскую» речь, произнес аббревиатуру ФРГ не так как все (ФЭЭРГЭ), а так как «требует» алфавит русского языка (ЭФЭРГЭ). Радио и телевидение СССР мигом «пограмотнели» и стали «эфэрговать» и продолжалось это почти четверть века. И только сейчас политики и журналисты (с помощью Владимира Вольфовича Жириновского, между прочим!) стали вновь говорить как и раньше – ФЭЭРГЭ. А «высокая шапка» в исторической науке – «монголо-татары» вместо «татаро-монголы», – видно, останется в моде надолго, так как наука вещь, между прочим, очень консервативная. И это касается не только исторической науки. Разве не та же самая «высокая шапка» в физике – теория Большого взрыва и разбегающихся галактик? Как можно всерьез считать, что столько-то миллиардов лет назад вся вселенная (вся, а не только наша галактика!) находилась в сжатом состоянии и представляла собой лишь горошек!? И вот этот горошек взрывается, образуются галактики и они сейчас разлетаются во все стороны. Через некоторое время, мол, они начнут обратно сбегаться, и вновь соберутся в горошек! И опять произойдет Большой взрыв! И вся эта сказка – не сказка, а последнее достижение физики и вообще науки о мироздании!

Более правдоподобно и отвечают всему предыдущему опыту науки и человечества простые и ясные высказывания на этот счет нашего знаменитого земляка Джабраила Харуновича Бозиева. Никакого Большого взрыва на свете не было, и галактики никуда не разбегаются, – говорит он. Вот его основные выводы: «Вселенная стационарна, она не расширяется и не сжимается... Вселенная лишена временных рамок, ибо она есть объективная реальность, не имеющая ни начала, ни конца... Однако из этого вовсе не следует, что солнечная или любая другая планетная система, не имеет временных рамок. Напротив, она имеет начало, эволюционирует и приходит к определенному концу, но это локальная подсистема в звездной системе. А понятие Вселенной объединяет все бесконечное множество галактик».

Ясно, понятно и, главное, – не абсурдно, логично.

Человечество лишь только через тысячи лет пришло к пониманию того, что Земля вертится вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли. Настанет время и для понимания того, что вся вселенная не может сжаться до размеров горошины, и что эти гигантские звездные системы не испугались ни Фридмана, ни Хаббла, и вовсе никуда не разбегаются, а спокойно живут своей галактической жизнью, когда в положенное время, как и у всех на свете, рождаются их дети – звезды, и звезды эти живут-живут и, опять же в положенное время, умирают.

Все правильно. Все так, как в природе. Пусть так и будет. И не нужны нам «высокие шапки» ни в жизни, ни в науке.

7. Езденлик – кодекс чести и нормы морали балкарского народа

Наиболее полно духовное богатство народа проявляется в его обычаях и нормах морали, которые и составляют суть современного понятия менталитет нации, так как обычаи и нормы морали вырабатывались и шлифовались веками и даже тысячелетиями, постепенно выкристаллизовываясь и вбирая в себя жизненный опыт народа. Обычаи и нормы морали – это, в сущности, и есть Конституция народа. Совокупность обычаев и норм морали у балкарцев и карачаевцев называется Езденлик. Слово это происходит от слова «езден» (уздень), а это слово, как мы уже отмечали, происходит от «ез» – «я сам», и означает «я зависим только от самого себя», «я свободный человек». Следовательно, «езденлик», где «лик» – это суффикс определения, означает «то, что свойственно ездению (узденю)», т.е. нормы поведения и морали, свойственные, приличествующие узденю. А если пользоваться научными терминами, то это – этикет и нормы морали узденя. Если же чуть-чуть величаво – Кодекс чести и нормы морали узденя. Если же учесть, как мы и говорили, что уздени – это фактически и есть народ, то можно уверен-

но сказать, что Езденлик – это Кодекс чести и нормы морали балкарского народа.

К сожалению этого не учли наши ученые мужи – авторы академического толкового словаря карачаево-балкарского языка. Там слово Езденлик растолковали как «принадлежность к сословию узденей», что, мягко говоря, неверно. В нашем языке принадлежность к сословию определяется или словом, означающим само это сословие – бий, езден, къул; или же словосочетанием – ол бий тукъумданды, ол езден тукъумданды, ол къул тукъумданды – он из бийского рода, он из узденского рода, он из кулов. Если по аналогии с предлагаемым определением слова «езденлик» мы пытаемся уяснить себе и принадлежность к сословию биев и кулов, то получим «Бийлик – принадлежность к высшему сословию», и «къуллукъ» – принадлежность к низшему сословию». Но это совсем неправильно. Во всех тюркских языках слово «бийлик» означает государство, княжество или же владения бия, – в зависимости от уровня общественного развития народа. Балкарцы и карачаевцы, у которых после Темирлана фактически не было своего государственного образования, словом «бийлик» называют владения (земли) бия или же другого хозяина, если даже он и не бий. Но только не «принадлежность к сословию биев».

И слово «къуллукъ» совсем не значит принадлежность к сословию кулов, а означает сегодня лишь «должность», «начальник», а в меньшей степени – вынужденное исполнение обязанностей кула, т. е., если проще, – подневольный труд. К примеру, выражение «Ол бек уллу къуллукъчуду» означает: «Он очень большой начальник», «Он на очень большой должности». Как видно, здесь «кулом» (рабом) вовсе и не пахнет.

Точно так же в слове «езденлик» нет никакой «принадлежности к сословию узденей», а есть:

1. Кодекс чести и нормы морали карачаево-балкарского народа;

2. Проявление благородства и милосердия к кому-либо.

Второе значение этого слова тоже достаточно часто употребляется, когда во власти более сильного и могущественного человека, скажем, оказывается кто-то, к тому же провинившийся. В таких случаях люди, обращаясь к сильному, говорят: «Ийи, маржа, езденлик эт, Ахмат, бу хорипни беш сабий барды, бири биринден гитче – тутдурма, юйюне кетме къой». Перевожу эту фразу: «Ради Бога, Ахмат, прояви езденлик, у этого несчастного пятеро детей, мал мала меньше, – не делай так, чтобы его засадили, отпусти его, пусть уходит домой». Как видно, здесь «проявить езденлик» означает не что иное, как «проявить милосердие», «проявить великодушие», «проявить благородство», а все потому, что слово «езденлик» означает «этика и мораль узденя», т. е. благородного, доброго и свободного человека.

Очень жаль, конечно, что наши ученые, как уже отмечалось, все еще никак не могут, отложив в сторону свои суетные дела, собрать (возможно даже, что в архиве ИГИ КБР хранятся записи многих исследователей на эту тему) и опубликовать кодекс правил поведения и норм морали балкарцев и карачаевцев под его народным названием – «Ёзденлик».

Если б такая книжка была в каждой горской семье, можно было бы уверенно сказать, что она стала бы бесценной помощницей всем нам, а в первую очередь, конечно же, молодым отцам и матерям, которые, дай бог им здоровья и терпения, растят будущее нашего народа. Как же им, молодым людям, прививать с детства своим чадам любовь и уважение к обычаям своего народа, к его духовному богатству, коли они сами не очень-то в них сведущи? Да и сегодняшние бабушки и дедушки, избитые и оглушенные этим жестоким XX веком, многое порастеряли из духовного наследия народа. Так что, издания «Ёзденлика» на сегодня уже становится наиважнейшей задачей сотрудников Кабардино-Балкарского Института гуманитарных исследований. Хотя, как учит жизнь, полагаться на ответственное отношение руководства этого научного заведения к нуждам народа особо не приходится. Надежды, скорее всего, надо возлагать на кого-нибудь одного из ученых, который чувствует свой долг перед народом и сможет исполнить его достойно. Будем надеяться, что в скором времени найдется такой человек. Должен найтись. Недаром же сказано: «Жакъну керек тапдырыр» – «Необходимость найдет и то, чего нет». А у нас сегодня – совершенная необходимость в том, чтобы в наших домах был «Ёзденлик», а в наших сердцах – он сам, душа нашего народа – Ёзденлик.

Что же хочет от нас Ёзденлик? Да ничего особого – просто, чтобы мы были людьми – честными, благородными, мужественными, трудолюбивыми, милосердными, учтивыми людьми, – и больше ничего! Чтобы уважали и слушались старших, чтобы заботились о младших, чтобы не были скупыми и жестокими и т. д. Конечно же, раньше, лет 100 тому назад, наверное, почти все пожилые люди знали во всех тонкостях правила поведения и требования морали своего народа, а сейчас этого знают не все. Но, слава богу, их, знающих основные правила морали и требования этикета все еще немало, а потому можно надеяться на то, что энтузиасты из ученого мира успеют еще многое записать, дабы не потерялось хотя бы то, что все еще хранится в народной памяти.

А ведь уже сегодня мы ежедневно с болью в душе отмечаем, что многие наши люди даже и не знают о том, что существует Ёзденлик, существуют правила поведения и нормы морали их же родного народа, соблюдение которых не только унижают человека, а вознесут его на такую высоту, что у того и голова закружится. При том ведь не придется делать что-то такое, что не по

силам кому-либо. Главное в жизни народа – это хорошая семья, где все, от мала до велика, добросовестно выполняют свои обязанности, где есть достаток и уважение друг к другу. А это достигается, как мы и сказали, в том случае, когда все усердно выполняют свои обязанности. И в первую очередь, конечно же, старшие – дедушка и бабушка, если они есть в семье, отец и мать. На примере нескольких семей мы ранее постарались показать, что там, где старшие, родители добросовестно используют свои обязанности, показывают младшим хороший пример и заботятся о них, то там, как правило, дети вырастают хорошими людьми, успешно преодолевающими жизненные невзгоды. Почти все дети Мааштая и Сурат Черкесовых, Хакима и Жаннет Атабиевых, Магомеда и Айшат Сабанчиевых, благодаря заботам и усердию родителей, сумели получить высшее образование, стать уважаемыми людьми своего народа. Но можно привести и другие примеры, когда по тем или другим объективным причинам дети хороших родителей, которые тоже добросовестно исполняли свои нелегкие обязанности, не сумели получить высшее образование, но и они являются уважаемыми людьми в народе, не стали на кривую дорожку и довольно благополучно живут своим честным трудом. Это из так называемых обычных семей. Как, к примеру, семья Исмаила и Ольги Хочуевых из селения Хасанья. Ссылный балкарец Хочуев Исмаил и полноправная гражданка СССР Ольга Астафьева сыграли свадьбу в г. Кызыл-Кия, где Исмаил работал на шахте «Джал». С тех пор прошло 50 лет, и в начале XXI века все четверо их сыновей, невестки и внуки отметили их золотую свадьбу, подарили дедуле и бабуле, как их все любовно называют, подарки, и, конечно же, в том числе и золотые украшения. Но, разумеется, не столько подаркам были рады счастливые родители, сколько тому, что все ладно и хорошо в жизни у их уже взрослых детей. Все четверо сыновей долгое время работали вместе с отцом в стройуправлении № 2 треста «Каббалкпромстрой». Исмаил сам был и плотником, и бригадиром, и председателем профкома, пользовался большим авторитетом в коллективе. И сыновья тоже числились в лучших работниках управления.

Сейчас, когда почти все государственные предприятия начали работать с перебоями, Хочуевы стали работать на частных строительных фирмах. И все живут хорошо. Исхак, старший, женат на русской девушке Гале, у них двое детей – Ольга и Исмаил. Они сейчас временно живут, работают и учатся в Москве.

Борис тоже работает строителем-отделочником. Он женат на кабардинской девушке, зовут ее все родственники Фатимочкой, но она, конечно же Фатима Талушевна (из рода Пшуковых). Как же иначе – ведь даже ее сын теперь не просто Магомет, а Магомет Борисович, т. к. он юрист с высшим образованием.

У Алия и Фаризы дочь Алена тоже уже заканчивает наш университет, а сын Алим – школу. Алий тоже строитель-отделочник, и Фариза не сидит дома, работает, у нее свое небольшое дело.

Как и положено по нашим обычаям, младший из братьев – Ильяс живет вместе с родителями в селении Хасанья. Он и его жена Светлана, сами Исмаил и Ольга, а также Марат и Тимур, сыновья Ильяса и дом содержат в порядке, и скотину держат, и в огороде кое-что выращивают, к тому же Ильяс и Светлана еще и работают. А ребята учатся – Марат на последних курсах юридического факультета КБГУ, а Тимур в Сельхозакадемии.

Эта – обычная, хорошая семья. Таких семей, конечно же, у нас, слава богу, все еще много. Только жаль, конечно, что ни один из сыновей и невесток Исмаила и Ольги так и не смогли выполнить один из главных пунктов обязательной жизненной программы молодой горской семьи – сделать, достичь большего, чем родители. Да, конечно, все четверо сыновей Исмаила мастера не хуже его самого, да и внуки обгоняют родителей – в учебе, по крайней мере. Но в то же время в семьях сыновей Исмаила не более двух детей. А это, как известно, опасный минимум. Чтобы народ не вымирал, а хотя бы сохранял свою численность, в каждой семье должно быть не менее 3 детей. А в семьях таких малочисленных народов, как балкарцы и карачаевцы, в семье должно быть, как минимум, 4–5 детей. А так как есть семьи, в коих по тем или иным объективным обстоятельствам вовсе нет детей или же есть только один ребенок, и их, к сожалению, не так уж и мало, то тот минимум в 4–5 детей, совершенно необходим. Да, в сущности, трудно поселиться полноценной семейной радостью там, где мало детей, где нет их шума и гама, когда они малы, и забот и тревог о их судьбе, когда они подрастают. Разве не в этом и заключается основной смысл человеческой жизни – оставить после себя детей, которые умеют и делают больше и лучше тебя? Вот этого-то, чтобы горцы были хорошими сыновьями, отцами, чтобы горянки были послушными дочерьми, добрыми невестками, заботливыми женами и любящими матерями и требует от нас всех Езденлик от имени всех живших до нас. «Юйюм деген юйю тенгли таш кетпюрю». В этой поговорке – «Тот, кто думает о своем доме, сможет поднять даже и камень с величиной в дом» – в полной мере заключено требование Езденлика к горцу – делать все, и даже невозможное, ради благополучия семьи и дома! Ведь никто, кроме сказочных богатырей, не сможет поднять камень величиной в дом. А отец семейства, ради благополучия своего дома – своего государства! – должен это сделать, и если даже это ему не по силам, он все равно обязан пытаться сделать это изо всех сил! Вот в чем смысл поговорки, в которой так явственно слышатся и просьба, и требование наших предков к нам, живущим сегодня на этом белом свете – ради всех святых, будьте хорошими отцами, заботьтесь о своих детях и о своем доме, о их благополучии, день и ночь думайте о том, что вы еще можете сделать для них. Это даже не просьба, это – мольба, предки умоляют нас быть хорошими людьми и никогда не забывать о своих отцовских обязанностях.

А сегодня сотни, если не тысячи горцев кое-как исполняют или же вовсе забывают свои сыновние и отцовские обязанности, не только лодырничают и день-деньской слоняются без дела где попало, а даже опустились еще ниже – пьянствуют, бьют детей и жен, дерутся со своими собутыльниками. Есть и такие, что идут даже на воровство, имеют дело с наркотиками. Конечно, мы, чтобы оправдать свое бессилие, а также нежелание и неспособность государства сегодня ощутимо помогать хорошей семье, эффективно бороться со всякой преступной нечистью в нашей жизни, можем сказать: «А что мы можем поделать, если по телевидению по всем каналам с утра и до утра показывают одно насилие, кровь и порнографию?» Сказать что-либо в ответ трудно. Ведь это действительно так – сегодняшнее телевидение – это страшной силы аморальный ураган, сметающий на своем пути все, что веками копило, пестовало человечество в этой области – обычай и привычки, и всякие понятия о добре и справедливости.

Да, с этим трудно спорить. Телевидение сегодня – это Большое Зло, миллионкратно усилившееся в результате поедания им достижений человеческого разума. Но ведь есть очень эффективный и совершенно недорогой, не то что недорогой, а даже прибыльный способ борьбы с этим Большим Злом – это просто не впускать его в дом, когда он дышит ядом: когда идут бездарные сериалы и боевики, когда показывают «окна» и «двери», через которые в ваши жилища вползают змеи, выкормленные безнравственностью и пошлостью. Вы же знаете, что иногда это Большое Зло пытается нас загипнотизировать, усыпить нашу бдительность, подкладывая нам наживки из действительно нужной нам духовной пищи – беседы неугомонного «ДК» – Дмитрия Крылова, Тимура Кизякова, Оксаны Пушкиной, неуклюжего и смешного на вид, но такого симпатичного Павла Любимцева, фильмы о природе и т.д. Вот и приловчитесь «съедать сыры в мышеловках», если сможете, – смотрите, что считаете нужным и полезным, и сразу же выключайте телевизор. Вот и все. Никто ведь не заставляет нас с утра и до утра сидеть перед телевизором. Разве и врачи, и психологи, и зрелые политики, и просто знающие и опытные люди все хором не кричат нам и не предостерегают, что долго сидеть перед телевизором – это очень вредно? Говорят, советуют, умоляют. Так что – все в ваших руках. И не забывайте об этом – человек сам хозяин и своих поступков, и своей судьбы. Хотите, чтоб ваши дети выросли головорезами, пьяницами и наркоманами – позволяйте им побольше времени проводить у телевизора. Хотите, чтоб ваши дети выросли хорошими, знающими людьми – приучите их читать хорошие книги, прилежно учиться, уважать старших и учителей, уметь дружить, прощать незначительные ошибки и проступки людей и т. д.

В последнее время участились случаи, когда хорошие парни и девушки с высшим образованием, чрезмерно щепетильные в

вопросах выбора невесты или жениха, упускают время. По этому поводу наши предки сказали так: «Долго будешь выбирать, так вовсе и без доли останешься». Так что, не следует слишком уж зазнаваться, привередничать, долгими годами искать сказочного принца или же ханскую дочь-красавицу, достойные вас джигиты и девушки наверняка живут и работают недалеко от вас, в вашем же селении или улице. Надо только быть к другим более объективным и внимательным, и не очень-то преувеличивать свои достоинства и успехи. Жизнь ведь так коротка, а дел у каждого человека – невпроворот; и детей надо поднимать, и до своей мечты добежать, ведь это же естественно – стремиться к победе, к победе над всеми трудностями и достичь своей мечты. И, честно говоря, человек же мечтает не об одной только цели, их ведь у него бывает много: иметь свою семью, где все живут в радости и согласии; успешно подниматься как по служебной лестнице, так и по кругам науки, дабы добраться до серебряных вершин, которые будут купаться в золоте во время осеннего вечера жизни, поездить по свету, чтобы собственными глазами увидеть все эти бесчисленные чудеса света и т. д. И ведь многие из этих мечтаний вполне могут осуществиться, коли мы будем упорно продвигаться по правильной жизненной дороге, не отвлекаясь на мелочи и обманчивые, несущественные соблазны, которые сулят нам Лень и Покой...

Не обделили своими советами наши предки девушек и женщин, а как же – ведь именно от них во многом зависит семейная жизнь и благополучие дома. Заявления советской официальной науки о том, что женщина на Кавказе до Октябрьской революции не имела никаких прав и по существу была домашней рабыней – конечно же, совершенная неправда. Если в горском доме, в этом теле горской семьи, мужчина – это его руки и ноги, которые добывают и приносят в дом все нужное, то женщина – душа дома, хранительница и созидательница уюта и тепла, полноправная хозяйка домашнего очага, этой святыни любого горского жилища.

Недаром же говорили нарты:

«Хорошая женщина и плохого мужа в люди выведет, а плохая женщина и хорошего мужа изведет». И вправду, хорошие, умные женщины тактично, ненавязчиво обращая внимание мужа на его недостатки, частенько выводят своих мужей, ранее не очень-то уважаемых в селе людей, в разряд солидных и вполне добропорядочных, авторитетных мужей. Но ведь встречаются и другие женщины, которые вечно недовольны и ворчливы, постоянно допекают своих вполне порядочных мужей мелочными придирками и упреками. Вот и просят наши предки, живущих на свете своих дочерей, сложив эту поговорку, не быть плохими женами, не травить мужей ненужными упреками, а создавать в доме уют и атмосферу добра, чуткости и взаимного ува-

жения. Короче говоря, оказывать мужу намыс, не ронять его честь и достоинство, как таматы дома. Недаром же предки практически всех народов Кавказа, и, конечно же, и наши предки, в один голос говорят, стараясь убедить нас в этом, что «Там, где нет намыса, нет и насыпа». Конечно же, вы все знаете, что намыс – это честь и уважение, а насып – счастье. И, конечно же, предки были правы – о каком счастье может идти речь, коль люди не уважают друг друга и не заботятся друг о друге! Обычай горцев учат мужчин быть такими, чтобы их жены гордились ими, так как: «Крылья женщины – ее муж, крылья мужчины – его земля». Наши предки, составляя для нас свои заветы, вовсе и не собирались лукавить, иначе они вторую часть этой поговорки наверняка закончили бы по-иному, примерно вот так: «А крылья мужчины – его жена». Но этого не сделали, а сделали честно и прямо: «Крылья мужчины – его земля». И они, конечно же, правы, и женщины не должны быть на них в обиде, так как мужчина в хорошем настроении лишь тогда, когда он неплохо справляется со своей важнейшей обязанностью – обеспечением дома всем необходимым для нормальной жизни. А земля в горах, как известно, самое большое богатство. Если у мужчины есть достаточное количество земли – и пахотной, и сенокосной – то его уже не давит горькая мысль о том, чем же в эту зиму прокормить семью, да и скотину свою, чтоб голод и холод не пробрались в дом, где он в ответе за все. А о том, что значит жена для мужа наши предки сказали коротко и ясно: «У кого жена плохая – у того и лицо плохое». Печальное и хмурое, озабоченное всякими нехорошими думами. Так что, милые горянки, будьте внимательны к своим мужьям, отцам и братьям – поверьте, коль будете их беречь, создавать в семье для них комфортные условия и сами вы будете жить в радости, так как у них же нет других забот, кроме как сделать все, чтобы именно вам – составляющим их семью, их дом – жилось хорошо!

А о чем просят наши предки девушек в своих обычаях, поговорках и пословицах? Прежде всего не забывать о своей чести и о своем достоинстве. О том, что честь и достоинство – вещи настолько драгоценные, но в то же время и легко уязвимые, говорит поговорка: «Девушка – это все равно что фарфоровая чаша». Она и красива, и совершенна, но в то же время и очень хрупкая, стоит только проявить малейшую неосторожность – и она будет разбита. Берегите честь смолоду, носите высоко свое человеческое достоинство – вот что завещали предки нашим девушкам. Пусть кто как хочет считает, оправдывает свои причуды модой или цивилизацией, но для девушки-горянки никогда не должны быть старомодными и ненужными такие понятия, как «честь, достоинство, скромность, доброта, приличие». У нормальных людей всегда будет в моде честность и порядочность, скромность как в поведении, так и в одежде. Ниче-

го модного и цивилизованного нет в том, что девушка-студентка ходит в такой короткой маечке и тесных брюках, что молодые люди и то стесняются смотреть в ее сторону – между брюками и маечкой у нее в три-четыре пальца шириной остается неприкрытое тело, и когда такая девушка наклоняется, выходя из маршрутного такси, спина ее вовсе оголяется наполовину. Если это и есть сама цивилизация и мода, то нам они все равно не нужны. Эта цивилизация и эта мода Кавказу – все равно что корове седло. Мы имеем в виду, конечно же, не брюки вообще, потому что шаровары или штаны во все времена были одним из видов женской одежды на Востоке, в том числе и у нас, правда шаровары шили из атласа или тонкой ткани и сверху одевали еще халат, платье или юбку. А в своих чрезмерно коротких маечках и тесных брюках сегодня наши девушки выглядят просто неприлично вызывающе. Надо бы немного поскромнее. От этого они будут лишь еще красивее и симпатичнее, Вот и все. Так же и в поведении, в привычках – надо быть поскромнее, поменьше грубости, агрессивности, пренебрежительного отношения к окружающим людям.

Но это, так сказать, внешняя красота, а ведь наш народ всегда в первую очередь оценивал человека по его уму и душевным качествам. В том числе и девушек, конечно. Недаром же сказано «Не смотри на красоту, а смотри на ум», «Из ее красоты воду будешь пить, что ли?» Мол, если у нее нет ума и коли она не мастерица – какой толк из ее красоты? Хотя, конечно же, красота тоже очень высоко ценится. Так что, Езденлик просит наших девушек не очень-то полагаться на свою красоту, как на первооснову своего удачного замужества и благополучной жизни, а советует быть мастерицами на все руки, трудолюбивыми, скромными и добропорядочными. Если говорить сегодняшним языком – надо не лениться, в свое время усердно учиться, добросовестно работать, стараться и в семье, и на работе жить в ладу со всеми. И немаловажно никогда не забывать о том, что дела и поведение женщины, девушки в горской семье во многом определяют авторитет этой семьи, дома в селе, в народе. Сказано же: «Хороша или плоха девушка, видно по двору ее дома» У хорошей девушки в доме все чисто прибрано, во дворе тоже чистота и порядок.

Так что, Кодекс чести и достоинства балкарского народа «Езденлик» не требует от нас ничего, что было бы нам, мужчинам и женщинам, джигитам и девушкам, не по силам, не по душе, – он вообще ничего не требует и не навязывает, а только говорит как люди должны себя вести и что они должны делать, чтобы называться гордым именем человек. А человек, как известно атеистам, высшее достижение природы, и слеплен по образу и подобию самого Бога у верующих. И так, и так получается, что он просто обязан быть божественно красивым, сильным и благородным, стремящимся в своих мечтах совершить нечто грандиозное и красивое, чего еще никто на свете не видел.

Город Нальчик – столица Кабардино-Балкарии

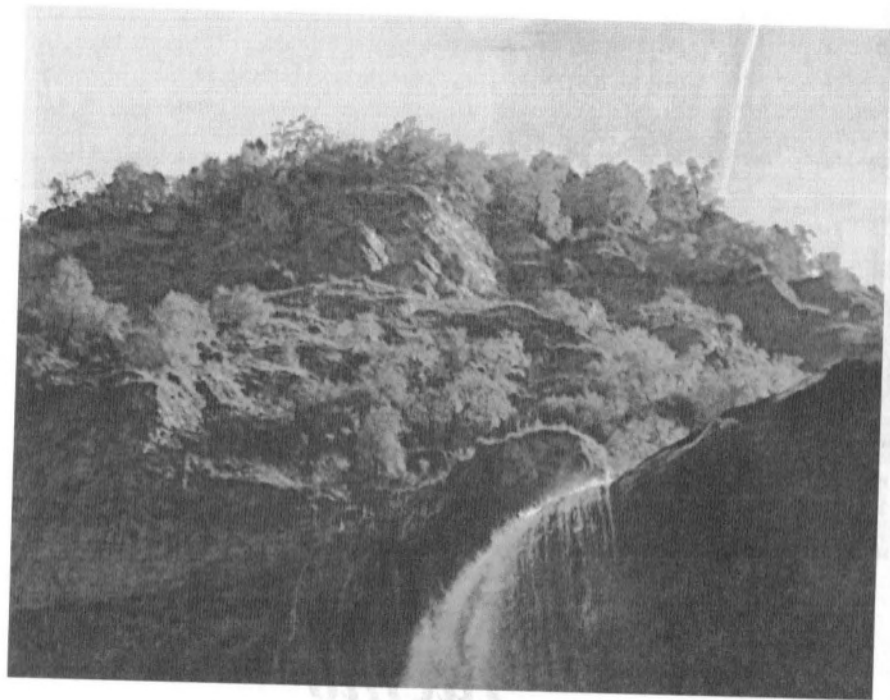
7

Часть

БАЛКАРИЯ НА ПОРОГЕ XXI ВЕКА

В Чегемском районе в границах его части раскинулись три старославянских села: Налаши, Чегем, Худоба-Сара и Бурдуга, а в центре — Худоба.

В Чародинском районе Балкария живёт в селениях Худоба на старца, Бабурали, Кавтатау, Кара Суу, Кочетовы-Кочетовы.

Горный пейзаж

ВАЛКАРИ НА ПУТИ КЪМ ВЕСА
ПОСРЕДСТВОМ КОТОРОГО СЪЩЕСТИЯТА

1. Кабардино-Балкария – страна белых гор и красивых людей

Итак, мы уже знакомы с историей Балкарии, и теперь пора поговорить о ее сегодняшнем дне, а также поразмышлять о ее будущем.

Сегодня Балкария вместе с Кабардой составляют одну республику – Кабардино-Балкарию.

Республика наша располагается на северных склонах в центре Главного Кавказского хребта и занимает площадь в 125 тысяч квадратных километров, население все еще не достигло одного миллиона – 900 тысяч человек. Из них балкарцев 126 тысяч, кабардинцев – тысяч.

Самая высокая гора Европы – двуглавый красавец Эльбрус является символом республики и изображен на нашем гербе и флаге.

Хорошо известно, что столица республики, город Нальчик не только один из красивейших городов Кавказа, но и крупный курорт. А Приэльбрусье является центром альпинизма и горнолыжного спорта в нашей стране.

Кабардино-Балкария – страна белых гор и зеленых долин. Когда в жаркой Терской долине зреют виноград, абрикосы и персики, на другом ее конце в цепи белых гор лежит вечный снег. Склоны гор покрыты буковыми лесами, в ущельях грохочут горные реки, гремят водопады, по горным тропам ходят медведи и волки, косули и туры. А на равнине растет кукуруза, пшеница, бегут по дорогам машины и автобусы.

В республике 10 районов.

В горной и предгорной зонах республики расположены следующие районы – с запада на восток: Зольский, Баксанский, Эльбрусский, Чегемский, Черекский, Урванский, Лескенский. В этих районах в основном живут балкарцы и кабардинцы. В Зольском районе два балкарских села. Это Хабаз и Кичмалка. В Эльбрусском районе все села балкарские, лишь в центре района – г. Тырныаузе, живут и кабардинцы, и русские. Но это и понятно – в Тырныаузе располагается крупнейший в нашей стране горно-обогатительный комбинат по добыче вольфрама и молибдена, и рабочих туда приглашали отовсюду. После восстановления Эльбрусского района в конце 90-х годов прошлого века, в Баксанском районе чисто балкарских сел нет, но они живут в селах Жанхотеко, Заюково и в г. Баксане.

В Чегемском районе, в горной его части расположены балкарские села: Нижний Чегем, Хушто-Сырт и Булунгу, а в низине – Яникой.

В Черекском районе балкарцы живут в селениях Верхняя Балкария, Бабугент, Кашхатау, Кара-Суу, Безенги (конечно,

надо было – Бызынги), Герпегеж, Верхняя Жемтала, и частично – в селениях Нижняя Жемтала, Зарагиж и Аушигер. В Лескенском районе есть только одно балкарское село – это Ташлы-Тала.

В плоскостной части республики расположены Прохладненский, Терский и Майский районы. В Прохладненском и Майском районе в основном живут русские – в этих районах и расположены казачьи станицы. В Терском районе есть только одно балкарское село – Новая Балкария. Во всех остальных селах и в г. Тереке живут в основном кабардинцы.

Если определить схематично, то можно сказать так – в горной зоне республики живут балкарцы, в предгорной – кабардинцы, а в степной – русские и кабардинцы.

Столица республики город Нальчик находится у подножия гор на берегу небольшой одноименной речки. Он основан в 1818 году как крепость, до 1921 был небольшой слободой. В 1921 году стал городом. С января 1922 года – столица Кабардино-Балкарии. Примерно треть населения республики живет в Нальчике – около 300 тысяч. Пригородами Нальчика являются три довольно больших поселка – Хасанья, Белая Речка и Кенже. Хасанья и Белая Речка – балкарские села, но и в Кенже живет значительное число балкарцев.

До развала СССР Кабардино-Балкарская республика славилась высокими урожаями кукурузы, своим знаменитым на весь Союз горно-обогатительным комбинатом, где, как любили писать наши журналисты, добывали из недр земли «звездные» металлы – вольфрам и молибден, которые использовались при изготовлении сверхпрочных сплавов для ракет и самолетов.

Кроме того в республике было хорошо развито приборостроение, успешно действовали также крупные заводы, где работали тысячи людей, такие как завод полупроводниковых приборов, телемеханический, электровакуумный, «Севкавэлектробор». Крупными предприятиями являлись Нальчикский машиностроительный и станкостроительный заводы, мебельный комбинат. Славился своими изделиями Прохладненский кабельный завод и завод алмазных инструментов в городе Тереке. Но сейчас, после развала СССР и в результате хозяйственной реформы, которая проводилась самоуверенными, но как теперь выяснилось, плохими экономистами и политиками, такими как Павлов, Гайдар, Шумейко, Чубайс, промышленность республики, как, впрочем, и всей страны, пришла в полный упадок. Ни один из крупных приборостроительных заводов не сумел выжить. Конечно, здесь сказалась не только некомпетентность высших государственных чинов, но и местных руководителей. Как правило, директорами предприятий в то время становились не умелые, инициативные специалисты с организаторскими способностями, а родственники, друзья и знакомые высших чинов республики. И если вред от их некомпетентности в советские

времена, когда все текло само собой по отлаженной схеме всемогущего Госплана, не очень-то бросался в глаза, то в условиях переходного периода ни один из наших хваленых директоров не смог быстро сориентироваться и наладить производство товаров, которые будут востребованы всегда и во все времена – холодильников, телевизоров, пылесосов, или хотя бы простых обогревателей, электрочайников, утюгов.

И теперь, по прошествии нескольких лет, от всех этих знаменитых некогда заводов высоких технологий и культуры остались одни лишь ржавеющие станки и пустые цехи (если остались, конечно).

И даже такие предприятия, которые никак не должны были обанкротиться, и то не устояли – такие, как мебельный комбинат, кондитерская фабрика, завод минеральных вод и т. д.

Лишь Прохладненский кабельный и кирпичный заводы, да Нальчикский машзавод, где продукция все еще востребована народной промышленностью, не обанкротились, работают...

Но есть все-таки надежда, что в республике будет возрождаться и промышленность. Яркими примерами этого являются усиленное развитие некоторых новых предприятий, таких как концерн «ЗЭТ» в пищевой промышленности и ООО «Каббалк-гипс» в промышленности строительных материалов.

Но все-таки Кабардино-Балкария известна была в стране не столько урожаями кукурузы и хитроумными приборами, которыми в не меньшей степени могли похвастаться и соседние республики, края и области, а красотой своих гор и долин, а также талантом и трудолюбием людей, живущих в этих сказочных долинах у подножия белых гор.

Кабардино-Балкария – это, конечно же, двуглавый красавец Эльбрус, краса и гордость России и Великий хан Кавказа, величественно восседающий в окружении своих младших братьев – серебристых гор. Еще с древнейших времен манила людей к Эльбрусу его взнезменная красота и величавость. А сейчас, когда белокрылые гигантские птицы – самолеты – за один только день могут доставить к Эльбрусу человека хоть и с края света, людей желающих увидеть его, побыть рядом с ним становится все больше и больше. И если удастся осуществить государственную целевую программу развития Приэльбрусья, то Кабардино-Балкария действительно может стать Меккой и Мединой альпинистов и туристов всего мира. Конечно же, и в других ущельях нашей республики надо развивать альпинизм и туризм – ведь по мере возрождения России любителей отдохнуть у снежных гор Кавказа будет, наверное, все больше и больше. Если, конечно, организовать дело умело, чтобы люди действительно могли комфортно жить в горах, отдыхать и любоваться природой. А для этого есть все условия и в Черекском, и в Чегемском, и Хуламо-Безенгийском ущельях.

Славилась ранее наша республика своим курортом. Десят-

ки тысяч людей со всех концов страны отдыхали и поправляли свое здоровье в здравницах Нальчика. Но опять же, в связи с экономическим кризисом и общей политической нестабильностью как в стране в целом, так и на Кавказе, наши прекрасные здравницы и пансионаты почти пустуют. Более или менее нормально действуют лишь переданные федеральным силовым структурам санатории – «Нальчик» и «Ленинград» («Туркменистан»), да санаторий «Голубые ели», где поправляют свое здоровье в основном ветераны войны и труда из нашей республики. А все остальные здравницы курорта или бездействуют, или время от времени принимают то беженцев, то школьников во время летних каникул, то детей Чечни и т. д., и этим существуют, кое-как оплачивая труд оставшихся сотрудников.

Будем надеяться, что в скором времени и в стране, и у нас на Кавказе, в конце концов, настанут хорошие, мирные времена, и тогда, несомненно, возродится и наш курорт.

Конечно, красива и благодатна земля Кабардино-Балкарии, но не менее красивы и ее люди, талантливые и трудолюбивые. Еще в давние времена восхищались соседние народы красотой и умом своих невест, привезенных из ущелий и долин Приэльбрусья, а путешественники неизменно отмечали природную статью и совершенство кавказских джигитов. Люди гор и долин нашей земли всегда отличались не только физическим совершенством, но и душевными качествами – умом и воспитанностью, честностью и мужеством, трудолюбием и гостеприимством.

Ныне живущие горцы продолжают лучшие традиции и обычаи своих предков, достойно представляют свои народы как в многонациональной нашей Родине – России, так и во всем мире. Горец всегда считал высшим мерилом человека его трудолюбие. Каким бы умным, каким бы красивым и сильным ни был человек, но если он лентяй и бездельник – какой с него прок? Как поет любимый певец Балкарии и Карачая Альберт Узденов, «что с того, что ты даже и комок ума, мудрец, коль от тебя народу никакого толка?». И если с этой меркой подходить к людям, живущим сегодня на земле Кабардино-Балкарии, то уверенно можно сказать, что они вполне соответствуют этому главному требованию горской морали – как их отцы и деды, они умеют и любят работать. Совсем недавно многие наши люди – рабочие и колхозники, учителя и врачи, инженеры и ученые за выдающиеся успехи получали высокие государственные награды.

Имена многих из них увековечены в названиях улиц наших городов и селений, а многие и сегодня живут и работают среди нас. Сейчас, когда многие колхозы и совхозы, заводы и фабрики разорились, стало немодно награждать простых тружеников, да и представителей интеллигенции особо не жалуют наградами. Но из этого вовсе не следует, что в наших селах и городах стали меньше рабо-

тать. А все гораздо проще – государство по-прежнему, по большевистски, не удостаивает своим вниманием настоящих тружеников села – фермеров и мелких хозяев (жителей села), не работающих в колхозах и совхозах, и не награждает их. И даже то, что они (фермеры и частники) уже давно дают гораздо больше продукции, чем коллективные хозяйства, не меняет отношения государства к этой категории сельских тружеников. Известно, что в горных селениях республики особо ощущается нехватка пахотных земель и сенокосных угодий, основы животноводства, традиционного промысла горцев. Но даже несмотря и на это, многие семьи горцев выращивают до десятка и более голов крупного рогатого скота, овец на продажу, выращивают капусту и картофель. А в низинных селах республики кроме того еще научились растить помидоры и огурцы. Повсеместно имеются и сады. Настоящими мастерами по выращиванию капусты и картофеля стали жители Былыма, Верхней Балкарии и Ново-Ивановки; помидоров и огурцов – жители Кахуна, Шитхалы и Лескена.

Как известно, человек – тоже животное, хотя и высшего порядка. Главное отличие человека от остального животного мира – это его разум. А если это так – то работа разума, интеллектуальная деятельность являются наиболее характерными человеческой сути работой и деятельностью. Говоря по-простонародному, именно активная умственная деятельность является основой человеческого прогресса, а физическая работа уже стала как бы подручным у нее. И там, где умственной деятельности, знаниям государство уделяет должное внимание, там гарантирован успех во всех областях жизни. И достижения США, Японии, Англии, Германии, Южной Кореи и многих других развитых стран объясняется не столько трудолюбием людей и твердым порядком на производстве, сколько постоянным и бережным накоплением знаний и навыков. Иными словами, основа всякого большого успеха – это ум и знания. Наука, литература, искусство – эти понятия характеризуют самые высокие сферы человеческой деятельности. И здесь сегодняшние горцы тоже имеют полное право без всякого стеснения чувствовать себя равными среди всех людей земли.

О выдающихся людях Балкарии XX века – об ученых и деятелях литературы и искусства ранее было рассказано, в этой же главе мы вкратце расскажем о нескольких таких же людях Кабарды, имена которых широко известны не только у нас в республике или в России, но и во всем мире. Чтобы у читателя сложилось более или менее целостное представление об интеллектуальном потенциале народов КБР.

Балкарца Кайсына Кулиева и кабардинца Алима Кешокова обычно называют «горской песни два крыла», и это действительно так. Если Кязим Мечиев и Бекмурза Пачев были выразителями несгибаемого духа наших народов, сказителями XIX века, то Кайсын Кулиев и Алим Кешоков стали народными певцами XX ве-

ка. В их стихах-песнях вся жизнь народа – и радость, и печаль, и надежды, и разочарования, и горе, и неожиданное счастье.

Лауреата Государственной премии РСФСР, народного поэта Кабардино-Балкарии, Героя социалистического труда Алима Кешокова некоторые литературоведы называют «кабардинским Солженицыным». И это справедливо в том смысле, что и Кешоков, как и Солженицын, никогда не искал дружбы с властью за счет своей совести и всегда сохранял независимость суждения. Это наиболее ярко проявилось в то время, когда писатель опубликовал свой роман «Сломанная подкова». Это было метко охарактеризованное журналистами «застойное время», когда сушили болота на земле, но сама страна и люди ее все глубже и глубже погружались в болото самодовольного гниения и распада, когда, казалось бы, в скором времени ниоткуда не может подуть свежий ветерок – ни со стороны политических вершин, ни со стороны моральной равнины, ни со стороны унизированной хамовитой экономики.

В своем произведении автор посмел иметь свое мнение о событиях на Северном Кавказе, да и в стране в целом, в предвоенные и военные годы. В романе рассказывалось о том, что наши руководители не были такими уж мудрыми и способными, какими они выглядели в выдуманных ими же самими легендах, и никаких недюжинных организаторских способностей и хладнокровия в период тяжелых военных лет не сумели проявить. А ведь руководителями нашей республики в то время были как раз те люди, которые с гордостью показывали своих предшественников не только старшими соратниками, но и своими мудрыми учителями. Следовательно, они ни в какой степени не могли стерпеть чье-либо покушение на своих кумиров, совершенно справедливо считая это посягательством и на их собственный авторитет. А что бывает у нас, когда возникает конфликт между творческой личностью и властью, вероятно, знают все. Если это происходит в столице – то взбешевавшегося поэта, артиста или ученого ссылают в дальние края или вовсе прогоняют из страны (в лучшем случае), а если это в провинции – его прогоняют за пределы этой самой провинции. При этом конечно, надо сказать спасибо и российским и провинциальным властям, а то ведь в первой половине века таких людей просто убивали или отправляли в лагеря и тюрьмы, откуда они почти не возвращались. А во второй половине века такие бунтари, изгнанные из страны, становились потом выдающимися деятелями науки и культуры на Западе, а провинциальные бунтари – выдающимися деятелями в России. Изгнанные из Москвы и СССР Сахаров, Растропович, Вишневская, Бродский, Шемякин стали впоследствии мировыми знаменитостями, вынужденные покинуть Кабардино-Балкарию Кешоков, Темирканов прославились не только на всю страну, но и на весь мир. Большой русский поэт и прекрасный переводчик Владимир Солоухин так сказал про

Алима Кешокова и о его произведениях: «Будучи сыном своего народа, прекрасно зная свой народ, свою землю, историю, свой фольклор,... Алим Кешоков, пока плетет канву романа, успевает столько рассказать нам душевного о быте, традициях, обычаях кабардинцев, о разных случаях и происшествиях, хранящихся в коллективной народной памяти, что романы приобретают поистине энциклопедическую ценность, и, думается, никогда ее не утратят».

Точно и ясно: романы А. Кешокова – это настоящая энциклопедия жизни и быта кабардинского народа в XX веке...

Весь мир восхищается искрометным талантом и виртуозным мастерством Юрия Темирканова – выдающегося дирижера современности. Повсюду, где он выступает, любители классической музыки одаривают его бурными овациями. Известны высказывания выдающихся людей о том, что гениями люди становятся на девять десятых благодаря своей работоспособности, и только на одну десятую благодаря своим талантам. Если это утверждение справедливо хотя бы отчасти, и то ясно, что Юрий Хатуевич не только талантливый человек, но и фантастически трудолюбивый.

Выходцами из того же кабардинского села Аушигер, где родился Юрий Темирканов, являются и Кардановы – родители другого всемирно известного нашего земляка художника Михаила Шемякина. Между прочим аушигерцем был и Герой Советского Союза Кубати Карданов.

Многие видные ученые мира знают, что «линзы Кумахова» являются яркими образцами точных технологий XXI века. Кабардинский ученый, доктор физико-математических наук Мурадин Кумахов вот уже более десятка лет возглавляет Институт рентгенооптических систем Российской Академии наук. Рентгенооптические приборы, разрабатываемые учеными и конструкторами института, находят применение практически во всех областях человеческой деятельности – в промышленности и в медицине, в экологических и контрольно-измерительных программах. Так приборы, разрабатываемые на базе «линз Кумахова», возможно, уже в скором времени станут «бомбить» раковые опухоли, уничтожая их. Уже сейчас с помощью рентгенооптических приборов можно быстро и точно определить «усталость» и дефекты несущих конструкций, скажем, самолетов, мостов, космических кораблей и т. д., состояние окружающей среды, чистоту жидкостей и газов, в том числе нефти и алмазов, а также многих других веществ и материалов. Уже сейчас рентгенооптическими приборами Института заинтересовались многие видные ученые и России, и зарубежных стран.

Свою лепту во славу республики вносят представители молодежи. В конце XX века яркой звездой первой величины засиял на эстрадном небосклоне России Заур Тутов, заслуженный ар-

тист России и народный артист Кабардино-Балкарии. А в начале века XXI, как бы на подмогу ему, «воцарилась» в Москве Катя Лель, воспитанница любимого всеми, поистине народного певца Льва Лещенко.

Хороших успехов добиваются наши люди и в экономике, и в бизнесе.

Широко известно в республике имя бизнесмена из Москвы, депутата Госдумы, почетного президента компании «Синдика», которую сам и создавал, Арсена Канокова. Арсен Каноков вносит большой вклад (и в прямом, и в переносном смысле) в возрождение духовности и морали в республике. Он финансировал строительство и соборной мечети в городе Нальчике, и памятника жертвам Кавказской войны, и еще некоторых других объектов. Равного ему человека из бизнеса, который бы также заботился о всестороннем развитии своей республики, к сожалению, пока нет. Правда, дела у него, видно по всему, идут хорошо: его компания занимается и гостиничным бизнесом – владеет лучшими ресторанами «Интурист» в городе Кисловодске, Пятигорске, Нальчике, планирует строительство комфортабельной гостиницы в Приэльбрусье; и промышленностью – куплен завод медной катанки «Налкат» в Прохладном и в его реконструкцию вложено около 2 миллионов долларов; и торговым бизнесом – только в Москве компания имеет 15 торговых комплексов, не говоря о других городах. В Нальчике «Синдика» планирует расширить и реорганизовать Центральный рынок, 75 % акций которого принадлежат ему. Компания согласна также приобрести электрические сети города, построить новые мощности по производству более дешевой электроэнергии с тем, чтобы снизить его цены.

Кстати, отметим здесь, что Арсен Каноков – доктор экономических наук. Так что, молодые люди, мечтающие стать успешными бизнесменами, должны помнить: знания в жизни вообще, и в бизнесе тоже – совершенно необходимая вещь. А потому надо всегда – с детских лет и до конца жизни – усердно учиться и накапливать знания. Они и есть тот самый надежный фундамент счастливой жизни, о которой мечтают все люди.

Ярким примером тому служит и судьба другого «московского» кабардинца – Валерия Хажмуратовича Жилова, руководителя крупнейшего акционерного строительного общества «Новое кольцо Москвы». Программа строительства высотных зданий на втором кольце Москвы рассчитана до 2015 года. После завершения строительства по второму кольцу Москвы поднимутся более 60 высотных зданий в 40 и более этажей.

Конечно, никто в селении Кашхатау в 60-е годы прошлого века не мог и подумать о том, что этот мальчишка, растущий без отца, который не всегда мог позволить себе роскошь полакомиться сладкой булочкой в школьном буфете, станет ровно через 30 лет од-

ним из богатых людей в России и большим начальником в самой столице страны – в Москве. Но он стал и тем, и другим. А все благодаря своему трудолюбию и постоянному стремлению знать и уметь больше и больше. Никакие козни нужды не могли остановить его – он неудержимо шел вперед по дороге знаний и накопления опыта жизни. Он работал в типографии печатником, слесарем на заводе, строителем и даже инструктором в ЦК ВЛКСМ, но все время учился – и закончил в конце концов Московский институт управления им. Орджоникидзе. А в 1991 году, когда в стране началась политико-экономическая революция, стал одним из организаторов крупной финансово-промышленной корпорации «Атомрудмет», куда вошли Курская и Ново-Воронежская атомные электростанции, Старо-Оскольский металлургический комбинат, Лебедянский горно-обогатительный комбинат, Первоуральский трубный завод и несколько московских банков.

С мая 2003 года Валерий Хажмуратович Жиллов – руководитель крупнейшей строительной программы столицы нашей страны.

Сегодня Кабардино-Балкария гордится не только выдающимися своими сынами, преумножающими ее славу, находясь в Москве и в других городах нашей страны, но и теми, кто живет и работает в республике.

Целая плеяда замечательных ученых трудится в Кабардино-Балкарском Государственном университете им. Бербекова, в сельскохозяйственной Академии, в других учреждениях науки и образования.

Ощутимы успехи и наших спортсменов. В 1975 году Леонид Богатырев стал обладателем Кубка мира по вольной борьбе, а в следующем году Аслан Жанимов победил на соревнованиях европейских чемпионатов. Артем Ашижев из Терского района в конце прошлого века стал одним из сильнейших борцов мира. Он был чемпионом и России, и Европы, выходил победителем в крупных соревнованиях борцов, состоявшихся в Иране, Турции, Болгарии и в других странах. XX век завершился замечательным успехом нашего земляка Мурата Карданова на XXVII летних Олимпийский играх в Сиднее, в Австралии, в 2000 году.

2. Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики

Нальчик – столица Кабардино-Балкарской Республики, город-красавец и город-курорт лежит у подножия Эльбруса в обрамлении зеленых лесистых гор по обоим берегам горной речушки, которая в верховьях называется Ак-суу, а уже в пределах города – Нальчиком. В нашей республике довольно часто встречаются такие удивительные вещи, когда реки, горы и долины носят двойные имена: река Сукан-суу, достигнув кабардинского села, меняет имя и становится Псыгансуом, одарив

своим именем и село; гора Нартия сразу же становится Кизилловкой, как только о ней заходит речь на русском языке, переименовал Кан жол (Кровавая дорога) тоже почему-то официально именуется Кинжалом (?!), а поселок Былым, как только попадает на карты или на страницы русскоязычных изданий сразу же худеет на одну букву и становится Былымом и т. д. Коренные жители нашей республики на эти странные лингвистические явления уже не обращают внимания, а вот гостей, туристов и отдыхающих они, видимо, часто вводят в заблуждение.

Нальчик – это значит подковка и по-балкарски, и по-кабардински – так ласково называют свой любимый город жители нашей республики. Конечно, жить в Нальчике или в республике и не любить его просто невозможно – до того он красив «и душой, и телом». Он, как и положено столице горской республики, за модой не гоняется и не строит, как скажем, Нью-Йорк или Гонконг, из холодной стали и стекла небоскребы. Самые высокие здания в Нальчике – это 10-этажки. Но и их, по сравнению с одно-двух – четырех-пяти этажными домами не так уж и много. Так что, Нальчик, скорее всего, в этом похож на Вашингтон, который тоже, как известно, презрительно относится к высотным зданиям.

Хотя Нальчик сравнительно и небольшой город, около 300 тысяч жителей, но он занимает довольно обширную территорию – более 130 квадратных километра.

Любоваться Нальчиком можно как с горы Нартия, куда можно попасть на машине или по канатной дороге, которая доставит вас прямо с городского парка, так и с других высот вблизи пригородных поселков Хасанья и Белая Речка.

С высоты птичьего полета Нальчик – это утопающий в зелени город, слегка затянутый в жаркий полдень в синеватый дымок. Западными воротами Нальчика является монумент, символизирующий дружбу русского, кабардинского и балкарского народов и состоящий из трех высоких стелл. Проехав мост через речку Шалушку, можно по прямой – по улице Гагарина – проехать Нальчик и отправиться в сторону Владикавказа. А если свернуть чуть вправо, то по улице Мальбахова (Баксанское шоссе) можно доехать до центра города. В треугольнике улиц стоит монументальный памятник воинам 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Всадник, обнимающий своего верного друга – коня: типичная разработка темы воина-горца.

По дороге к центру с левой стороны, уже на подъезде к горбтому мосту через железную дорогу виднеются корпуса Нальчикского машиностроительного завода, первенца индустрии Кабардино-Балкарии. В годы войны здесь выпускали снаряды к знаменитым «Катюшам». Проехав мост и свернув налево, турист окажется на улице Осетинской, рядом, справа – Центральный рынок города, а чуть далее слева – железнодорожный вокзал. Памятная доска на стене вокзала повествует о том, что отсюда отправля-

лись в дальний путь товарные эшелоны с балкарцами, которых «заботливый отец народов» высылал в Среднюю Азию, чтобы отдать Грузии красавец Эльбрус.

От вокзала туда, к белеющим на юге горам, при виде которых всякий раз добреет взгляд даже самого сурового горца, тянется главная улица Нальчика, которая все еще носит имя Ленина. Проспект Ленина, это, конечно же, – лицо города. В 70–80-х годах прошлого столетия по обе стороны от мостовой целое лето распускались «миллионы, миллионы» и алых, и желтых роз, сейчас их не так много, но улица, разумеется стала еще красивее – десятки модных магазинов засветились огнями, похорошели здания, да и «Горзеленхоз» старается вовсю: все прибрано, чисто, подкошено. Недаром же его работа получила высокую оценку даже придиричивых европейских специалистов по облагораживанию городов. А в России наш «Горзеленхоз» уже дважды признается лучшим предприятием в сфере жилищно-коммунального хозяйства и удостоивается Гран-при Госстроя РФ. Вот уже 15 лет это предприятие возглавляет умелый и предпринимчивый хозяйственник Ахмат Гелястанов.

В двух остановках от вокзала с правой стороны виднеется 4-х этажное здание с колоннадой в римском стиле – это бывшее здание горкома КПСС, а ныне здесь – Парламент КБР.

С 2004 года спикер Парламента – Ильяс Бечелов, а заместителями у него доктор физико-математических наук, академик Людмила Федченко и доктор физико-математических наук Натби Бозиев. С 2004 года наш Парламент вновь стал однопалатным. Сейчас в нем 110 депутатов, но на постоянной основе здесь работают всего 22 человека.

Чуть выше находится большое здание, где размещаются профсоюзы республики. Они, как и при Советской власти, когда фактически были частью государственной власти, сохраняют свой громоздкий аппарат. Как и раньше, и в настоящее время, профсоюзные чиновники в основном защищают и обеспечивают вовсе не трудящихся, а самих себя. Они еще не стали настоящими профсоюзами, а продолжают беззаботные годы прежней жизни. На другой стороне улицы находится оригинальное здание универмага «Детский мир», хотя здесь уже давным-давно настоящий супермаркет. Рядом – большая гостиница «Россия», а напротив – Музыкальный театр. На площади перед театром стоит памятник, посвященный 400-летию воссоединения Кабарды с Россией, названный в народе «Марией».

Через две автобусные остановки на другой стороне улицы стоит наш Белый дом – солидное четырехэтажное здание с колоннадой в классическом стиле и часами на башне. На шпилье башни развевается флаг республики.

В этом здании располагается исполнительная власть КБР – Президент КБР и Правительство. В настоящее время Президен-

том республики является Арсен Каноков, а премьер-министром – Андрей Ярин.

Перед домом Правительства первая в республике галерея фонтанов, которую замыкает перенесенный сюда памятник Ленину.

Выше Дома Правительства на другой стороне улицы стоит красивое здание среди зелени. Это бывший Дворец пионеров, теперь он – Дом творчества школьников. Здесь сотни детей учатся рисовать, петь и танцевать, моделируют ракеты и корабли.

Недалеко, но уже на другой стороне улицы стоит 12-этажное здание Дома печати. Здесь размещаются редакции пяти официальных республиканских газет и трех литературных журналов. Это газета «Адыгэ псалъэ» и журнал «Ошхамахо» на кабардинском языке, газета «Заман» и журнал «Минги-Тау» на балкарском языке, газеты «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодежь» и журнал «Литературная Кабардино-Балкария» на русском языке. Здесь же находится редакция и детского журнала «Солнышко», тоже на русском языке. Редакции детских журналов на кабардинском и балкарском языках располагаются в здании Книжного издательства на улице им. адмирала Головки.

Недалеко от Дома печати находится двухэтажное здание центрального универсама «Нальчик». Чуть выше располагается Северо-Кавказский государственный институт искусств. Организатор и первый ректор этого высшего учебного заведения – доктор искусствоведения Анатолий Измаилович Рахаев. Некоторое время он работал в Москве заместителем министра культуры России, но теперь вновь вернулся в Нальчик и возглавил свой родной институт.

На другой стороне улицы находится комплекс зданий Высокогорного геофизического института. Того самого знаменитого института, которым много лет руководил известный на весь мир академик, Герой Социалистического труда Михаил Чоккаевич Залиханов. Он уже несколько лет в Москве – является депутатом Государственной Думы России. А институт вместо него возглавляет теперь видный ученый Валерий Таппасханов. Здесь много авторитетных мужей науки, результаты исследований которых приносили и приносят немало выгоды, как в деле охраны окружающей среды, так и в сбережении наших садов, полей, да и населенных пунктов от града, селей и других стихийных бедствий. Такими учеными являются доктора физико-математических наук Михаил Глисов, Хажбара Калов, Анатолий Аппоев, Бузжигит Хучунаев и другие.

Чуть выше, с правой стороны проспекта виднеются белые корпуса Кабардино-Балкарской Государственной сельскохозяйственной академии. Это второе по численности студентов высшее учебное заведение республики. Здесь на 10 факультетах

учатся 19-ти специальностям очно и заочно около 8 тысяч студентов.

Их обучают 500 преподавателей, из них около 300 докторов и кандидатов наук. Среди них и такие известные ученые, имена которых знают и за пределами нашей республики. Это доктор экономических наук Башир Абубекирович Кумахов, доктор сельскохозяйственных наук Петр Григорьевич Лучков, доктор технических наук Кошкинбай Назирович Анахаев, доктор экономических наук Людмила Залимхановна Гукеева, доктор сельскохозяйственных наук Руслан Хаджимуратович Кудасев, доктор биологических наук Мухамед Музакирович Шахмурзов и другие.

С начала нового века ректором Академии является доктор сельскохозяйственных наук, профессор Борис Хажмуратович Жеруков.

И сельхозакадемия, и следующее здание – дом Республиканского телевидения находятся в зеленой зоне, расстояние между ними – одна автобусная остановка – занимают сады опытной станции садоводства. Телевидение располагается в солидном двухэтажном здании из розового мрамора. Даже сегодня немногие области, края и республики нашего региона могут похвастаться таким телецентром, а тогда, лет 25 тому назад, когда его возводили, он вообще был единственным на Северном Кавказе. Директором студии телевидения сегодня является Камал Макитов, ранее долгое время работавший редактором на радио.

Венчает главную улицу города телевышка, которая ночью так красиво светится, что хочется ее сравнить с Эйфелевой башней.

«Проехать» по всем улицам Нальчика у нас возможности нет, а потому сделаем краткий обзор достопримечательностей города, которые следует особо отметить. Раз мы оказались в центре то, конечно же, пройти мимо здания медицинского факультета КБГУ и Аллеи голубых елей просто невозможно. Потому что это не просто здание, а исторический и архитектурный памятник – здесь находилось первое официальное учебное заведение в истории наших народов – Нальчикское реальное училище, открывшееся в самом начале XX века. В 30-х годах прошлого столетия здесь размещался так называемый Ленинский учебный городок, ставший кузницей кадров советских и партийных работников. В 70-х годах здесь размещался историко-филологический факультет университета, а ныне – медицинский факультет. Чуть ниже, на улице Советской стоит двухэтажное кирпичное здание, тоже «с царских времен», с висячими на цепях балконами – это дом чегемского бия Ислама Балкарокова /Малкарукова/. История этого и другого дома, стоящего рядом (бывший клуб МВД), тоже принадлежавшего Балкарокову, это целая трагедия, такая же, какая и случилась со всей нашей страной в том тревожном XX веке.

В 1909 году богатый бий из Чегема Ислам Балкароков купил 2-х этажный кирпичный дом. Хотя у князя была большая

семья, восемь детей, но у каждого из них была своя комната. Казалось бы, чего еще – живи-поживай да добра наживай. Но князю захотелось построить еще один дом, но теперь уже на свой вкус. И архитектора, и художника он пригласил из-за границы. Как рассказала корреспонденту «Газеты Юга» Зинаиде Мальбаховой внучка князя Балкарокова – Жаннет Крымшамхалова, то, что висят на цепях вовсе и не балконы, как кажется, а просто подставки для кадок, в которых росли лимонные деревца. На зиму деревья, наверное, заносили в дом. Приведем небольшой отрывок из рассказа Жаннет, где характеризуется личность этого неординарного человека – князя Ислама Балкарокова: «Мой дед, по словам бабушки, был одним из тех, кого увлекали новые идеи переустройства общества. Будучи очень богатым и имея земли не только в Верхнем Чегеме, откуда он был родом, но и на равнине, еще до революции он отдал крестьянам те наделы, которые они обрабатывали. А затем и племенных быков. О том, откуда и как они появились, бабушка всегда рассказывала со смехом, неизменно повторяла, что от ее мужа всегда можно было ожидать каких-либо сюрпризов. Она вспоминала, как Ислам отправился на отдых в Швейцарию. Ждали его обратно месяца через два. И вдруг, спустя три недели он возвращается вместе с двумя вагонами швейцарских быков, которых купил, сойдя с поезда. Потом он объяснил, что не смог устоять перед соблазном приобрести таких же великолепных швейцарских коров, которых он увидел в окне...»

Рассказывают еще о таком случае. Отдыхал князь как-то со своими дочерьми на Кавказских Минеральных водах, а в это время там был и знаменитый певец Федор Шаляпин. В один из вечеров певец пытался выразить свое восхищение красотой средней княжны и ее игрой на фортепьяно, сказал, что будь он помоложе, то непременно украл бы ее, как это принято у горцев. На что Ислам Балкароков ответил так: если бы тот действительно был помоложе, да еще и дворянином, то после этих слов, сказанных отцу девушки, ему бы не избежать дуэли.

Удивительная судьба и рояли из дома Балкарокова. Когда в Кабардино-Балкарии большевики начали истреблять под корень княжеские роды, Ислам Балкароков вместе с семьей уехал в Кисловодск, оттуда в Баку. Рояль, подаренный когда-то сыну в день рождения, уезжая в Баку, он отдал учительнице музыки. Та из Кисловодска вернулась в Нальчик и все время работала в педучилище. И вот, спустя почти сорок лет, оставшиеся в живых дети и внуки князя вернулись из ссылки. Жаннет хотела купить рояль для своего усыновленного племянника, была в Москве и в Ленинграде, но ничего не находила. И кто-то из знакомых говорит ей, что здесь, в Нальчике, живет одна старая преподавательница музыки, у нее есть рояль, можно мол, попытаться уговорить ее продать его. Старушку отыскивали, уговорили и рояль купили. Когда рояль внесли в квартиру, мать Жан-

нет чуть было не упала без чувств – рояль оказался тот самый, подаренный когда-то ее отцом брату.

Вот такие трагические истории хранят старинные дома нашего города.

В царское время центральной улицей слободы Нальчик была Воронцовская улица, ныне Кабардинская, а потому большинство старинных домов (с царских времен) сохранились здесь. Но наиболее известным зданием на этой улице является кинотеатр «Победа», построенный в «золотое время» Советской власти – в предвоенные годы. Это здание, украшенное скульптурами танцоров и богатой лепниной, было центром культурного досуга жителей столицы республики вплоть до постройки нового широкоформатного кинотеатра «Восток» на проспекте Ленина во второй половине прошедшего столетия. И с этого времени на культурный и деловой центр Нальчика претендуют окрестности проспектов Ленина, Шогенцукова и Кулиева.

Конечно же, гордостью и самой замечательной достопримечательностью Нальчика и всей республики является Кабардино-Балкарский ордена Дружбы народов Государственный университет, ныне носящий имя его первого ректора Бербекова. КБГУ был открыт в 1957 году на базе пединститута. В первый год существования в университете было всего-навсего 4 факультета и 23 кафедры, а сегодня 12 факультетов, два института, 97 кафедр. Здесь около 20 тысяч юношей и девушек обучаются 29 специальностям, в том числе, конечно же, и таким востребованным временем специальностям как экономика и банковское дело, иностранные языки и литература, менеджмент и организация социальной работы, история и юриспруденция. В университете читают лекции около 1000 преподавателей, из них 650 докторов и кандидатов наук.

Проспект имени Кайсына Кулиева – одна из красивейших улиц нашего города. На этой улице находится Дворец культуры профсоюзов, где нальчане и гости города могут бывать на концертах лучших артистов республики и страны. А открытый совсем недавно памятник Кулиеву у дворца завершает оформление этого любимого места отдыха нальчан.

Одна из достопримечательностей нашего города – это памятник основоположнику современной кабардинской поэзии Али Шогенцукову и здание кабардинского театра, на площади перед которым и находится этот памятник. Следует сказать, что памятник Али Шогенцукову, – как нам кажется, – наиболее удачный из всех памятников, что стоят в столице нашей республики. Али на памятнике изображен сидящим на скамейке, закинув ногу на ногу, и о чем-то глубоко задумавшимся. Естественная и красивая картинка без «натяжки» из нелегкой, как мы знаем, жизни одухотворенной, одаренной личности в нашей стране в XX веке, и в особенности в первой половине века – в предвоенные годы, когда и жил этот выдающийся кабардинский поэт.

Балкарский драмтеатр располагается недалеко отсюда, стоит только пройти пешком по улице адмирала Головки, мимо здания Госбанка, книжного издательства, а потом перейти проспект Ленина и направиться вверх мимо Дома Правительства. Не переходя улицу Балкарскую, свернуть направо, сделать с сотню шагов и человек окажется у дверей Балкарского драмтеатра имени Кайсына Кулиева. Вся эта прогулка займет всего-навсего 5-10 минут. Театр, а вместе с ним и ансамбль «Балкария» размещаются сейчас здесь, в одном здании. Это бывший Дом политпросвещения обкома КПСС и, конечно же, строился совсем не для театра и танцоров. Но на сегодня другого помещения нет, и в зале, где раньше собирались партработники и пропагандисты, сидят зрители и многие из них во время концертов и спектаклей постоянно вертятся – сидящие впереди заслоняют им добрую половину сцены. У балкарцев есть поговорка: «Хромой конь до здорового доведет», смысл которой гласит: «Довольствуйся тем, что есть, делай свое дело, а там, глядишь, все может измениться к лучшему». И вправду, вдали уже виднеется и «здоровый конь» – рядом с кабардинским театром начали возводить Дворец театров, в котором предполагается разместить все три театра республики, и, разумеется, со всем комфортом, какой им и полагается. Но есть опасения, что в связи с началом явного уклона политики Правительства России в сторону милитаризации, которая у нас всегда туманно называется укреплением разумной оборотоспособности, финансирование этого объекта может резко сократиться. Дай бог, чтоб эти опасения не оправдались. Проспект Шогенцукова (ранее он назывался Балкарской улицей, потом, когда балкарцев сослали, эта улица была названа именем их палача – Сталина, потом стала Республиканской, а имя Али Шогенцукова стала носить лишь с последних лет прошедшего столетия) – одна из красивейших улиц города, в самом начале нашего столетия украсился еще одним оригинальным зданием на этой улице – наконец-то завершилось строительство Государственного киноконцертного зала. Перед огромным серебристым зданием довольно просторная площадка с прекрасным фонтаном и скамейками для отдыха, вся прилегающая территория под стать самому зданию со вкусом оформлена. И вот совсем недавно в начале лета, на этой же улице завершилось строительство прекрасного здания соборной мечети, на месте бывшего кинотеатра «Ударник», с двумя минаретами, по проекту архитектора Владислава Асанова. На открытии мечети был московский бизнесмен Арсен Каноков, на средства которого и была построена мечеть.

Одна из достопримечательностей Нальчика и любимое место отдыха его жителей – это городской парк, который тянется по левому берегу реки Нальчик до самого Долинска – курорт-

ной зоны. Территория парка занимает более 250 гектаров. Главная аллея парка, начинаясь у гостиницы «Нальчик», тянется до городка аттракционов в середине парка. На этой аллее разбиты несколько больших красивых клумб, а в центре – большой фонтан, где любят плескаться маленькие дети в летнюю пору. Здесь, где кончается аллея, с левой стороны, на пригорке на фоне каменной стены, символизирующей скалу, установлены бюсты основоположникам балкарской и кабардинской литературы – Кязиму Мечиеву и Бекмурзе Пачеву, исполненные нашими известными скульпторами Хамзатом Крымшахановым и Мухадином Тхакумашевым.

Нальчик, как известно, город-курорт. Здесь в 60–90 годы прошедшего столетия, в «золотые годы» Советской власти, когда и путевки стоили недорого, и за границу особо не пускали, и слово «Кавказ» было не пугалом для жителей страны, а ассоциировалось исключительно с горами, целебными водами, горами и чистым воздухом, ежегодно укрепляли свое здоровье десятки тысяч людей в таких прекрасных здравницах, как «Нальчик», «Туркменистан», «Эльбрус», «Грушевая роща», «Терек», «Голубые ели» и других. Развал СССР, неумелые действия горе-реформаторов Павлова, Гайдара, Шумейко, Чубайса и иже с ними привели к тому, что Россию фактически постигла разруха, сравнимая разве лишь с результатами военных действий. Многие тысячи заводов и фабрик, колхозов и совхозов разорились, их имущество разворовали чиновники. За десять лет «реформ» в руках всего лишь нескольких десятков человек оказалась большая часть богатства страны.

Основная часть населения страны кое-как сводит концы с концами и ей совсем не до санаториев и гор. Богачи же теперь отдыхают и лечатся за рубежом – на Багамах, на Канарах, на Альпах, на золотых песках теплых морей Турции, Египта и Юго-Восточной Азии, тратя миллионы долларов, полученные за нефть и газ, за лес и электричество, собственниками которых они стали в результате Гайдарово-Чубайсовской приватизации. В результате, прекрасные здравницы Нальчика, как и всего Кавказа, не используются в полной мере во благо народа России – многие из них просто пустуют, одни заполнены наполовину. Остается только надеяться на то, что все-таки настанут времена, когда в стране наладится нормальная жизнь, тогда и наш курорт будет нужен людям.

В курортной зоне, вблизи санатория «Эльбрус» находится мемориал жертвам репрессии балкарского народа в 1944–1957 годах и могила Кязима Мечиева – великого народного певца, мудреца и основоположника современной балкарской литературы. Это место стало святым для каждого балкарца. Здесь 8 марта, в день изгнания балкарского народа со своей Родины, ежегодно собирается народ, чтобы почтить память погибших во время ссылки на чужбине. Здесь же по субботним дням, когда

обычно проходят торжественные регистрации новобрачных, останавливается кортеж жениха и невесты, и они кладут живые цветы на могилу Кязима.

И это символично – прошел и этот проклятый XX век, принесший нашему народу неисчислимые страдания и беды, пришел новый век, век светлой мечты, мечты о том, что наш многострадальный народ станет наконец-то жить мирно и радостно на своей земле.

3. Люди из надежды – новая балкарская политическая элита

После Октябрьской революции с установлением Советской власти и диктаторского режима, как неизбежное следствие этого, резко возростала роль больших и малых начальников в жизни народа. А жизнь малочисленных народов, которые к тому же оказывались во власти даже не своих, а инородных мини-диктаторов, большинство из которых, как в силу своего невежества, так и общего традиционного несовершенства межнациональных отношений в нашей не очень-то во все времена передовой стране, было вдвойне тяжелым. Конечно, от бывшего табунщика Бетала Калмыкова, вдруг ставшего неограниченным диктатором Кабарды и Балкарии, пострадали все, но так как у него, ко всему прочему, еще была и голубая мечта убрать из названия области вторую часть, и получить «чистую» Кабарду, то, конечно же, чаще всего и скорее всего страдали лучшие люди Балкарии. Естественным продолжением недружественного отношения к соседнему народу со стороны Калмыкова и его верного ученика Кумехова явилась попытка физического уничтожения балкарцев массовыми арестами и расстрелами (Черекские события 1942 года) и высылкой. В результате этих репрессий было погублено более трети балкарского народа. Лучшая, более активная часть – добавим. Естественно, что при таких ужасных жизненных обстоятельствах, когда любые проявления учености и хорошего воспитания, способностей и талантов, не направленных на восхваление вождей или же их увеселение, губилось на корню, народ не мог иметь предводителей, начальников, или, как сейчас принято говорить, элиту, которая была бы озабочена судьбами своего народа. Вокруг Сталина и сталинчиков на местах, у нас – вокруг Калмыкова кучковались такие же преступники, но в то же время генетически предрасположенные к лести, подхалимству, обману и вероломству. Высокообразованные, умные, честные и принципиальные люди, каковыми и должны были быть народные предводители при диктаторских режимах вообще, а в частности – при Советской власти в нашей стране – редчайшее исключение. И то лишь на короткое время, пока не проявятся эти отличительные качества от остальных пронырливых хамов, пробравшихся к власти.

Поэтому-то, после катастрофических чисток 30-х годов, когда практически были расстреляны все революционеры-идеалисты, наивно верившие в красивые лозунги о свободе, равенстве и братстве, во власть уже приходили только подхалимы и угодники, готовые на все, лишь бы им быть у кормушки власти и самим оставаться в живых. Хотя и им никто не мог гарантировать безопасную и сытную жизнь на долгое время – режим проводил чистки, в том числе и верхов, систематически.

Учитывая все это, нетрудно предположить, что до конца XX века, пока страна фактически находилась в руках «верных сынов» партии большевиков, в элиту страны, и, естественно, республик, краев и областей, не могли пройти действительно высокообразованные, знающие дело, честные и принципиальные люди. Эпоха сталинизма потерпела окончательный крах лишь в самом конце XX века, когда стало ясно, что возрождение чисто диктаторского режима у нас уже невозможно. Но и сегодня, в начале XXI века, праздновать победу истинно демократическим силам рано – общество и страна в целом все чаще «больны» авторитаризмом, остаточными имперскими амбициями, проявлениями национальной и религиозной нетерпимости. Эти остаточные проявления старого режима могут быть искоренены лишь только при решительной и систематической борьбе в первую очередь самого государства, обязанного обеспечивать порядок и закон не только в Чечне, но и по всей стране, не только в Грозном, но и в Москве тоже. Лишь на примере того, как непростительно мягко относятся повсюду в стране на то, как с каждым днем все наглее и наглее творят свои дела откровенно расистские и фашиствующие молодчики, теперь уже избивая, иногда и насмерть, всех неславян, в том числе и иностранных граждан, можно говорить о том, что власть в государстве, милиция, суды и прокуратура не выполняют свои обязательства перед народом страны, не обеспечивают на должном уровне конституционные права граждан на мирную и безопасную жизнь.

Но, несмотря на все эти громадной, почти судьбоносной значимости проблемы, которые предстоит решать еще нашей стране, ее народу и власти, уже сегодня мы имеем полное право радоваться тому, что во власть все чаще и чаще начинают приходиться новые люди, все в большей и большей степени достойные представлять народ в качестве его лучших сыновей и дочерей у руля государства. Такие позитивные изменения происходят не только в Кремле, но и в республиках, краях и областях страны. Так как народ испокон веков мечтает о хороших, добрых и умных правителях, то их, некоторых наших новых руководителей, новых людей из элиты, действительно желающих честно служить и народу, и государству, и имеющих для этого все: и высокое образование, и порядочность, и управленческий талант, можно даже и высокопарно назвать людьми из мечты. Людьми, в определенной степени соответствующими вечной народной мечте о хороших правителях.

Конечно, ничего удивительного в том нет, что сегодня в нашей стране, для которой первостепенной жизненно важной задачей является подъем экономики, чаще всего во власти оказываются именно люди с хорошим экономическим образованием. Из таких людей среди сегодняшней балкарской элиты можно назвать, наверное, заместителя правительства Кабардино-Балкарской Республики Ануара Чеченова, депутата Парламента республики Хасыма Гызыева, самого молодого министра нашей республики – министра экономического развития Алия Мусукова. Получив еще один горький урок в начале нашего века верности народной мысли о том, что тяжесть власти и славы не всем молодым по плечу (мы имеем ввиду прискорбное событие в Баксанском ущелье, связанное с именем прославленного спортсмена) не будем здесь ничего говорить об Алие Мусукове. Лишь пожелаем ему успехов в нелегком деле, каковым является пока что в нашей стране и в нашей республике честная и добросовестная служба народу и государству. И еще раз напомним – сегодня быть знающим, умеющим и принципиальным государственным служащим – очень мужественная и опасная профессия.

Ануар Ахматович Чеченов – человек опытный в общественно-политической жизни, и надеемся, что несколько слов о нем в этой книжке с целью проинформировать читателей об одном из людей новой балкарской элиты, которая небезразлична к судьбам своей страны и своего народа, не будут восприняты им как всенародная слава и не собьют его на скользкую тропу самодовольства.

Тем более, что он – уже муж вполне зрелый и прекрасно знает, что судьба человека во многом зависит от него самого и не стоит тратить время на такие пустяки, как самодовольство, а надо постоянно стремиться знать и уметь больше и лучше.

Как и многие балкарцы, активно включившиеся в общественно-политическую жизнь республики на стыке веков, Ануар Чеченов тоже родился в ссылке – в селении Дон-Арик Чуйского района Киргизии. Конечно, никто не мог и подумать в те далекие годы о том, что только что родившийся сын ссыльного Ахмата, повзрослев, займет два высших образования, станет доктором наук, членом-корреспондентом Российской Академии естествознания и будет заместителем премьер-министра вновь воссозданной родной Кабардино-Балкарской Республики.

Даже самые заядлые мечтатели не посмели бы предсказать мальчику такую счастливую судьбу. Конечно, в судьбе человека, как и во многих земных делах, определенную роль играет, наверное, и счастливый случай, но если человек сам не способен в нужный момент схватить за хвост эту сказочную птицу счастья, то пусть хоть тысячу удачных моментов предоставит

ему жизнь, но эта пресловутая птица счастья может так и не выбрать его.

С первых же школьных лет уже можно было догадаться о том, что этот непоседа Ануар, сын Ахмата Чеченова, поселившегося после возвращения на родину на самой окраине села Кёндеден, которая так и называлась Теш арты – Забугорье, в этой жизни точно чего-то добьется. Потому что всегда был впереди – и в учебе, и в мальчишеских играх, и просто на улице, среди своих сверстников. Он не старался быть первым, но просто так получалось. Даже математика, эта головная боль для многих, давалась ему легко и просто, чем, конечно же, очень радовал учителя математики Нажмудина Хасанбиевича Ахметова. Уже с 6-го класса постоянно принимал активное участие в различных районных и республиканских олимпиадах, награждался дипломами. Стал первым секретарем комсомольской организации своей 8-летней школы, и эта организация была признана одной из лучших в республике. Он ездил даже на Всесоюзный слет секретарей комсомольских организации, который проходил в 1966 году в Ростове-на-Дону. Восемилетку он окончил на пятерки, лишь с одной четверкой.

Первая средняя школа села находилась примерно в 2-х километрах от дома Ахмата Чеченова и Ануару приходилось ежедневно проделывать этот путь туда и обратно. Но это несколько не мешало ни его учебе, ни его делам по дому. И здесь, в средней школе, вскоре он стал одним из лучших учеников и комсомольским вожаком. К окончанию школы четверо ребят претендовали на золотые медали, среди них был и Ануар Чеченов. В аттестате зрелости у Ануара Чеченова были одни пятерки, но оказалось, что в том году медали не дали.

Все четверо друзей приехали в Нальчик поступать в университет. Ребята решили обвести вокруг пальца приемную комиссию и всем поступить, посылая каждый раз сдавать экзамен по математике Чеченова. Первый экзамен за одного друга сдал на пятерку. Следующий раз пошел сдавать за себя и получил двойку. Попался тот же экзаменатор, и проделки кёндеденских ребят были раскрыты.

Ануар в том же 1969 году уехал служить в армию, попал в войска противовоздушной обороны в Карелию. До финской границы было всего 4 километра, кругом топь да топь. Свободного времени, если бы хотел что-то делать, было достаточно. А Ануар хотел и делал – он готовился к поступлению в университет основательно. И в ноябре 1971 года, прямо с вокзала, так уж получилось, поехал на собеседование в университет. Поступил на тот самый физико-математический факультет, куда так легкомысленно провалил экзамены три года назад, на отделение физики.

Как и всякого юношу, увлеченного физикой, Ануара тоже, как магнитом, тянули к себе и тайны атома, и тайны космоса. Уже на третьем курсе, к великой радости Чеченова, начались

спецкурсы – эти первые путешествия к вершинам науки. Спецкурс «Космические лучи» вел профессор Лев Исакович Дорман, из Института земного магнетизма и распространения радиоволн гор. Москвы. Заметив необычные способности и страстное увлечение Чеченова космическими явлениями, профессор пригласил юношу в Москву. Чеченов пробыл в Москве около двух лет, более углубленно изучая физику космических лучей, принимал активное участие во многих всесоюзных семинарах по космическим лучам. Его статьи на эти темы уже публиковались в научных журналах, представлялись в сборниках в Японии, США, Италии.

В 1977 году, закончив университет по специальности «Космические лучи», стал работать научным сотрудником научно-исследовательского центра Кабардино-Балкарского госуниверситета, затем – заместителем директора научно-учебной базы университета в Приэльбрусье. Здесь он работал с видными учеными-физиками республики Мурадином Кумаховым, который тогда заведовал кафедрой твердого тела, Вячеславом Шогеновым, начальником Эльбрусского спектрографа.

В том же 1977 году он был включен в состав 25 советской антарктической экспедиции на станцию «Восток» как специалист по изучению космических лучей, но получилось так, что ему не удалось поехать – помешал банальный нелепый случай, и он не смог вовремя приехать во Владивосток, откуда отплыла экспедиция в Антарктиду на научно-исследовательском судне.

Возвращаться на прежнее место работы было неудобно, и тогда Чеченов согласился на предложение занять должность заместителя начальника управления бытового обслуживания населения г.Тырныауза и проработал там девять лет – до 1986 года. Он не только работал, но и учился – в 1986 году окончил заочно учетно-экономический факультет КБГУ и поступил в аспирантуру Центрального научно-исследовательского института бытового обслуживания населения РФ. Через три года стал кандидатом экономических наук, успешно защитив диссертацию в Институте народного хозяйства Казахской ССР в г. Алма-Ате.

В это время, в конце 80-х и начале 90-х годов, в стране уже вовсю шли так называемые реформы, начатые «завлабами» гайдаровского типа, которые и привели потом экономику страны к катастрофе. Но тогда, замороженные необычным светом свободы, многие верили, что можно теперь делать что-то лучше, чем раньше. Ануар Чеченов тоже верил тогда, что теперь экономика, освободившись от многих пут, устремится вперед. А потому, желая самому участвовать в том деле, он согласился на просьбу коллектива комбината курортных услуг Кабардино-Балкарского совета по туризму и экскурсиям занять должность начальника комбината. Тогда появилась такая кратковременная мода – коллективам самим дозволялось выбирать

руководителя. Чеченов с удвоенной энергией взялся «двигать экономику вперед». И убыточный доселе комбинат в первый же квартал после прихода Чеченова получил 9 тыс. рублей прибыли, во втором квартале уже более 18 тысяч рублей. Ученый-экономист Ануар Чеченов был на седьмом небе – он, своими знаниями, умением искать и находить новое, смог хорошо наладить дело! Но радовался он рано – он не знал, что в то время в нашей стране бюрократия – это не хорошо работающий механизм, как во многих странах мира, а уже давным-давно являлась огромной, ненасытной пиявкой на теле страны и народа, сосущей из них жизненные соки. Бюрократии, оказывается, хорошая, прибыльная работа комбината была ни к чему – в таком случае она не могла сосать деньги из бюджета в виде дотаций. И она ринулась в атаку – в комбинат так зачастили контролеры КРУ и народного контроля, ОБХСС и иных контролирующих и проверяющих органов, что нормально работать стало невозможно. К тому же крупные чиновники: председатель Совета по управлению курортами, министр бытового обслуживания населения и даже сам зам. премьера уговаривали его... работать плохо или уйти с должности. Плохо работать он не мог, а потому ушел с должности. Каким-то образом узнав о том, что хороший экономист оказался не у дел, Нуриддин Ловпаче, тогда директор Нальчикского завода высоковольтной аппаратуры, пригласил его на завод. Он обещал специалисту в течение года дать квартиру (в семье Чеченова тогда было 4 человека, и она свою квартиру не имела) и сделать его в будущем своим заместителем по экономическим вопросам. А пока предлагал стать заместителем начальника экономического отдела. Чеченов согласился, но равно через год, когда директор не исполнил ни одного из своих обещаний, уволился с завода.

Вскоре, победив на конкурсе, стал директором фирмы «Труд» при республиканском Госкомтруде. Фирма разрабатывала для предприятий республики мероприятия по прогрессивной организации труда. Как-то его пригласил на беседу заместитель управляющего трестом «Каббалкпромстрой» Хачим Кармоков в связи с предложениями фирмы по улучшению работы треста. Беседа не получилась гладкой – взгляды на то, как улучшать работу треста, Кармокова и Чеченова не совпадали, а потому они просто спорили часа два. Вскоре Кармоков стал заместителем председателя правительства республики и тогда вспомнил о том экономисте, который так горячо и профессионально отстаивал свои взгляды. И Ануар Чеченов стал работать в Комиссии по экономическим реформам при правительстве республики главным специалистом. В 1992 году эта Комиссия была ликвидирована, и Георгий Черкесов, премьер-министр республики, предложил Чеченову должность заместителя министра строительства по экономическим вопросам.

Весной 1997 года председателем правительства республики стал работавший ранее проректором КБГУ Хусейн Чеченов. Стремясь предотвратить слухи о том, что премьер Хусейн Чеченов всячески содействует карьере своего родственника, которые были бы неизбежны, если бы он и впредь оставался в органах исполнительной власти республики, Ануар Чеченов решает баллотироваться в парламент КБР, выборы намечались на ноябрь. От Эльбрусского района в палату представителей полагался один депутат, кандидатов было семь, среди них и Ануар Чеченов. Несмотря на то, что административный ресурс и района, и республики больше работал на основного соперника Чеченова, который являлся известным человеком в районе, депутатом был избран Ануар Чеченов. Видно, за время его работы в Тырныаузе жители и города, и района сумели по достоинству оценить и человеческие, и профессиональные качества Чеченова. В декабре 2003 года повторно был избран в Парламент республики. За годы работы в Парламенте республики Ануар Чеченов проявил себя как опытный политик и знающий дело экономист, принимал активное участие в разработке около 400 законов, возглавлял парламентский Комитет по экономической политике, также являлся председателем Комитета по экономической политике и бюджетным вопросам Парламентской ассоциации Южного Федерального округа России. В 1999 году в Москве в Институте региональных экономических исследований успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Проблемы и методы активизации инвестиционного процесса в регионах России» и стал доктором экономических наук.

С февраля 2004 года работает заместителем Председателя Правительства Кабардино-Балкарской Республики.

Ануар Ахматович Чеченов в период работы в Парламенте не прерывал свою преподавательскую деятельность, читал лекции и в Кабардино-Балкарском госуниверситете, и в Нальчикском филиале Белгородского университета потребительской кооперации, вел руководство над соискателями ученых степеней в экономической науке. Под его руководством двое ученых успешно защитили свои докторские диссертации, а семеро аспирантов стали кандидатами наук.

Две дочери Ануара Ахматовича – Ася и Альбина живут своими семьями. Альбина с отличием окончила Сельхозакадемию и работает в республиканском комитете по землеустройству. Младшая дочь Лиана – школьница. Супруга – Лариса Султанбековна тоже ученый-экономист, кандидат наук, доцент КБГУ.

Тема политического и экономического состояния страны на пороге XXI века в балкарской литературе

4. Когда стадо поворачивает назад

Рассказ писателя Магомета Кучинаева

В доме кроме Поко никого не было. Старик запер за собой дверь на ключ – привычка, которую вынуждены были усвоить все жители страны: и стар и млад, и горец и «друг степей калмык» в последние годы «дикой демократии», – и прошел на кухню. Поко тоже припелся за ним, сел на стул и, как обычно, стал внимательно следить за всеми действиями старика.

– Что это ты такой серьезный? – спросил старик голосом, не требующим ответа, и стал выкладывать на стол нехитрую снедь, что принес себе и Поко с расположенного невдалеке рынка. – Да не смотри ты так тоскливо – принес и тебе кое-какое лакомство. Сейчас, дай все вытащить и разложить. Эх ты, мог бы к моему приходу хотя бы чайник на плиту поставить. Так и остался ты вечным дармоедом, ничего не хочешь делать.

Хотя слова старика и звучали обидно, но в его голосе не было никакого упрека, а напротив – чувствовалось, что он искренне любит Поко, а ворчливые слова были как бы завесой, скрывающей его истинные чувства обычной, ничего не значащей болтовней.

Старик зажег конфорку, поставил чайник, разорвал (не порезал!) лаваш на клочья, но сыр, который одинаково нравился и ему самому, и Поко, нарезал аккуратно, тонкими ломтиками. Потом вытащил из сумки батончик говяжьей колбасы. При виде колбасы у Поко радостно заблестели глаза.

– Это не для тебя, Поко, – ты же не любишь чеснок, а здесь есть чеснок. Понял? – Старик, конечно же, шутил, хотя, действительно, ни лук, ни чеснок Поко никогда не нравились. Но колбасу Поко все равно уплетал всегда за милую душу, если даже от него и шел густой чесночный запах. Старик, разумеется, знал это прекрасно, но не мог удержаться, чтобы малость не подразнить Поко.

На шутку старика Поко не ответил, лишь глаза его загорелись пуще прежнего – он, конечно, знал, что колбасу они будут есть оба, вместе. И вправду, старик отрезал от колбасы несколько кусочков и первую дольку, сжалившись, дал Поко. Поко, как и обычно, стал торопливо есть, молча, без хлеба.

– Мог бы и с хлебом, – упрекнул его старик.

Поко не ответил. Нет, не обиделся, – он прекрасно знал, что старик и не думал на самом деле попрекать его куском хлеба,

так сказать, а просто разговаривал с ним. А слова – это же просто звуки. Главное ведь – голос человека. Если в голосе полно любви и доброты, то стоит ли придавать значение словам – простым звукам?

Так, наверное, думал Поко, сообразно этому и поступал. То есть – Поко любил старика, никогда еще, как это делали многие другие его сверстники, не уходил из дому на целые дни и недели. И даже весной, когда никого, кажется, невозможно было удержать дома. Не курил, не пил, с наркоманами не знался. Во всем он был хорош. Только в одном вечно корил его старик – в лени, в нежелании сделать для дома хоть что-то полезное.

Весной они часто выходили из дому вместе, но уже во дворе они расставались – старик уходил на дачу, а Поко – к своим друзьям, к таким же, как и сам, бездельникам. Правда, старик всегда звал Поко с собой, на дачу, говорил:

– Пойдем! Хоть посмотришь на красоту, на пеньке посидишь. Так уж быть – не буду заставлять работать. Идем!

Иногда Поко шел за ним, но, дойдя до поворота, вдруг делал вид, что где-то его ждут ужас какие важные дела, и с показным сожалением возвращался назад.

Старик на него не обижался. Лишь бормотал себе под нос обычное:

– Вот дармоед! Вот лентяй!

Но странно – в его голосе вовсе не было ни досады, ни особого огорчения по этому поводу.

А когда старик возвращался с дачи, и Поко, у которого не было ключей от квартиры, ждал его во дворе или на площадке у дверей, то они радостно встречали друг друга, словно не виделись целую вечность.

– И долго ты здесь сидишь? Извини – я немного задержался, – говорил обычно старик, открывая двери и пропуская Поко в квартиру первым, словно тот был старшим...

Поко покончил с ломтиком колбасы и глянул на старика. «И все? Ты мне больше не дашь?» – хотел он спросить, но ничего не сказал.

– Вот эмеген ненасытный! Ладно, так уж и быть, дам тебе еще немного, но чур – больше не просить!

Хотя сравнение с эмегеном, с этим сказочным чудовищем и было обидно, но Поко и на сей раз ничего не сказал, промолчал, – он, видно, был согласен на все, лишь бы получить хотя бы еще один ломтик колбасы.

– Вообще-то, колбасу положено есть с хлебом, – опять легко упрекнул Поко старик, увидев как тот вновь уплетал только одну колбасу.

Поко молча продолжал есть. Старик дал ему еще и сыра, и лишь потом, включив телевизор, стал есть сам, присев за стол. Но вскоре закипел чайник и старику пришлось встать, чтобы

приготовить себе чашку чая. Поко чай не любил, он обычно пил молоко, но на сей раз старик почему-то не стал ему наливать молока. Вполне возможно, молока в доме и не было.

По телевидению передавали новости. Показывали замерзающие города и поселки в Сибири и в Приморье.

Старик смотрел на экран и возмущенно покачивал головой.

– Видишь, Поко, что получается, когда стадо поворачивает назад? – сказал старик, но Поко не понимал о чем идет речь и недоуменно поглядывал то на старика, то на телевизор. – Когда стадо поворачивает назад, Поко, хромые овцы оказываются впереди, – пояснил старик. – Вот, мы тоже, повернули назад, и впереди у нас оказались хромые овцы. А разве могут быть вожаками хромые овцы? Нет, конечно. И стадо, то есть мы все, Поко, стали легкой добычей всяких хищников – волков, шакалов там... И теперь, сколько бы мы, стадо баранов, ни шарахались из стороны в сторону, ни блеяли, ни плакали – толку не будет. Пока здоровые овцы опять не окажутся впереди. А это, мой друг, произойдет не скоро. Да, не скоро. Пока наши хапуги полностью все не поделят меж собой, пока у них не вытравится инстинктивный воровской страх перед страной... что? Конечно, ты прав, Поко, – и страну, и закон, и все забрабастали они. Но все равно – страх пока их не отпускает. А потому все, что ни наворуют, они поскорее перетаскивают за границу. И это плохо. Именно это и плохо, Поко. Я скажу, но ты не смейся – уж лучше бы они сразу все забрали – и власть, и заводы, и фабрики, и железные дороги, и нефть, и газ – все, все, все... И пусть бы все было узаконено, никакого, мол, возврата. Тогда бы, Поко, возможно, у них и не было страха, и не перетаскивали бы они все за границу. И вполне возможно, что мы помаленьку и на людей стали бы похожи – научились бы работать, жить, о чем-то мечтать... А так, Поко, мы забрели в болото... Украл – убежал, украл – утащил. В стране ничего не остается... Бедность, холод, голод, бомжи и пьянь... Кто может – ворует, кто не может воровать – бежит... Все бегут – и деньги, и мозги, и руки, и нефть, и газ... Тонем, Поко, тонем. Россия, великая Россия, наконец-то врезалась всей своей громадиной туда, куда и рвалась изо всех сил многие века – в хаос, в болото. Так как не хотела идти по дороге, на которую рано или поздно выходят все нормальные народы, на общечеловеческий большак, где самым главным считается человек и его жизнь. Хорошая жизнь... Все говорят: «Берегите человека, пусть он работает, пусть он хорошо и счастливо живет!». А мы говорим: «Жила бы страна родная». И ничего нам не надо! И за нее, за свою родную страну, мы «как один умрем»! У них и страны процветают, и люди хорошо живут. А у нас и страна сгнила, развалилась, и люди голодают, мерзнут. А как ты хотел – все время только и сеяли зло и ненависть вокруг, ни с кем не хотели мирно жить, все в болото и в заросли лезли, свой особый путь искали. Вот и на-

шли! Куда могли привести нас постоянная тупость и глупость. Туда и привели, куда и должны были привести – все нас ненавидят и презирают. И боятся. И еще как боятся! Иметь дело с сумасшедшим, у которого нож в руках, – ни к чему хорошему привести не может. А мы со своими ракетами да танками – как раз и есть сумасшедший с ножом.

И еще требуем, чтобы никто не смел обижать таких же психов и сумасшедших, как и мы сами – всяких там Хусейнов и Каддафи, Кастро и Милошевичей...

Тут по телевизору стали показывать Чечню, палаточные лагеря беженцев, горе и слезы матерей, которые не в силах помочь своим замерзающим больным и голодным детям. И негодующего по поводу всего этого лорда из Европы. И старик вновь возмущенно покачал головой.

– Видишь, Поко, до чего мы дошли. Вернее не мы, а страна. Да и мы тоже. Наша страна, наша Родина-Мать, стала настоящей эмегеншей – чудовищем – и пожирает своих же детей у всех на виду. И еще недовольна, когда нас, ее детей, пытаются спасти люди со стороны. А мы, бараны, молчим. Молчим – потому что мы бараны, а не люди. Были бы людьми – нашли бы возможность образумить свою слишком уж разбушевавшуюся мать... Да, случилось роковое совпадение – и во главе России, и во главе Чечни в один момент, когда стадо поворачивало назад, оказались хромые овцы – случайные люди, недальновидные политики, а вернее – авантюристы, политические наркоманы, неспособные на разумные действия. Им все – трын-трава. Пусть разваливается страна, пусть люди умирают от голода и холода, пусть ясным огнем горит Чечня, пусть в страхе таращит глаза Европа, пусть со всех ног бегут «братья» за крепостные стены НАТО – им все равно. Лишь бы Россия оставалась Россией – то есть сумасшедшей. И чтобы мы, люди России, тоже оставались бы баранами, а народ – стадом. И тогда они, хромые овцы, еще долго будут впереди...

В это время по телевизору стали показывать Павла Бородину, отреставрированный сказочный Кремль, Бруклинскую тюрьму, куда по просьбе швейцарского прокурора американцы посадили Бородину, так опрометчиво поспешившего на праздник вступления в должность вновь избранного президента Америки Джорджа Буша. Наши генералы от политики возмущенно говорили о коварстве американцев, которые сами пригласили бедного, доверчивого Пал Палыча и сами же вероломно его арестовали. Особое внимание обращали на неслыханное коварство спецслужб США, которые провернули эту, по их мнению, провокацию именно в тот момент, когда в Белом доме фактически никого нет – Клинтон уходит, он пакует чемоданы, а Буша там еще нет.

Старик опять возмущенно качает головой. Его удивляет политическая безграмотность наших высоких руководителей,

и стойкость «советской ржавчины», которая поразила их до мозга костей. Им и в голову не приходит мысль о том, что их дружку не смогли бы помочь, если бы в Белом доме оказались даже и оба президента вместе.

Так как в любой порядочной стране, и в Америке, конечно, тоже, в первую очередь уважают закон. И не только рядовые граждане, но и президенты, как это ни странно. И никогда президент Америки не будет заступаться за человека, которого разыскивает Интерпол. И вообще, у них не принято, как это у нас делается сплошь и рядом, чтобы большие государственные чиновники звонили судьям и разъясняли им, как лучше поступить, чтобы угодить им, чиновникам, а не закону...

– Видишь, Поко, до чего обнаглели хапуги – они уже ничего не боятся. Полная безнаказанность здесь лишила их чувства страха, как это случается с мышами в заброшенном колхозном амбаре, где коты не водятся. Но Дикий Запад не Россия – это тебе не заброшенный колхозный амбар, где мышам-воровкам разгульная жизнь. Там живут люди, а не бараны, и водятся коты-прокуроры. Да еще не ручные, как у нас, а злые и дикие, какими им и положено быть на Диком Западе. Вот они и сцапали нашего бедного, доверчивого Пал Палыча...

Ты, конечно, понимаешь все, да только сказать ничего не хочешь. Вообще-то ты, конечно же, прав – толку-то от пустой болтовни нашей никакого...

Видно, Поко действительно думал, что от болтовни старика или еще кого-нибудь никакого толку не будет. Потому что по-другому и быть не может: ведь старик и сам говорит, что все мы бараны, а раз так, то и наша болтовня – бляение баранов на судьбе России, большой-большой страны, никак сказаться не может. А потому – зачем болтать-блехать? Ни к чему, конечно.

Поко, судя по всему, это понимал. Но, видно, не хотел ничего говорить, чтобы не обидеть старика, которого очень любил.

Поко подошел к двери и еще раз, как бы извиняясь, посмотрел на старика, мол, я хочу на улицу.

– Ну вот, наелся и опять идешь гулять. Тебе все нипочем. Мог бы хотя бы для приличия немного побыть со мной, – пробурчал недовольно старик и открыл двери.

Поко, большой черный кот, не оглядываясь, сбежал вниз по лестнице.

Старик закрыл двери на ключ и, как бы продолжая беседу с котом, грустно сказал:

– Да, Поко, это очень плохо – когда стадо поворачивает назад...

5. Экономические проблемы и пути их решения

Географическое положение Балкарии таково, что об организации каких-либо крупных промышленных предприятий в балкарских селах всерьез говорить не приходится – нигде в мире не строят в высокогорных селениях фабрик и заводов. А что касается Тырнаузского горно-металлургического комбината, то он уже много лет подряд является нерентабельным, и собственно балкарскому народу, как и всему народу Кабардино-Балкарской Республики, от него больше хлопот, чем пользы – разрушение равновесия экологии, загрязнение реки Баксан и окружающей среды. Кроме ТГМК, на территории собственно Балкарии, если не брать во внимание столицу республики Нальчик, есть еще несколько предприятий – это Тырнаузский завод низковольтной аппаратуры, Тырнаузский завод ЖББИ, Кашхатауский консервный завод и Бабугентский Леспромхоз. Кроме того, в г. Тырнаузе и в поселках Кашхатау и Терскол имеются небольшие строительные организации. Вот, собственно, и все.

Итак, вся промышленность на территории собственно Балкарии – это крупный, но уже много лет не дающий прибыли, вольфрамо-молибденовый комбинат, который со дня своего основания и до сего дня загрязняет окружающую среду и дает мало пользы народу, а также два-три небольших предприятия, расположенные в райцентрах – в г. Тырнаузе и в п. Кашхатау. Во всех остальных балкарских селениях, а их около 20, кроме традиционных колхозов, которые сейчас почему-то называют КСХП (коллективное сельхозпредприятие), словно это лучше, чем простое и ясное «колхоз», есть еще школы, почтовые отделения и, разумеется, администрации сел. В развалившихся колхозах работают люди старшего и среднего возраста, в школе, на почте, в администрации села и правлении колхоза – тоже. Во всех этих учреждениях – лишь единицы из молодежи.

Несколько поколений подряд Советская власть упорно отучивала людей проявлять инициативу и смекалку в жизни, и в особенности в области, являющейся основой существования человека – в экономике, в развитии личного дела. А потому многие люди наших сел, обретя долгожданную свободу жизни, так и остались, по сути, колхозниками – они оказались неспособными начать свое дело, самим быть себе хозяевами и самим искать пути выживания. И тогда они начали...пить, воровать, употреблять наркотики...

Итак, безработица в балкарских селениях стала проблемой не только экономической, но главной составляющей многих других проблем – и политической, и социальной, и моральной. Следовательно, решение проблемы занятости населения, а по-

другому – экономической проблемы, является для Балкарии на сегодняшний день главным делом. Создание благоприятных условий для разрешения этой проблемы – прямая обязанность руководства Кабардино-Балкарской Республики, а для руководителей балкарских сел – святой долг.

Во-первых, следует, видимо, всячески поддерживать тех людей и семьи, которые уже наладили свое дело, и в особенности в традиционных для горцев областях производства. Это, разумеется, в первую очередь животноводство.

Да, в балкарских колхозах животноводство всегда было убыточным, но из этого вовсе не следует, что в горах ничего путного из попыток возродить скотоводство не получится. Ведь из истории хорошо известно, что в конце XIX века у балкарцев, так и у карачаевцев, в пересчете на душу населения было больше скота, чем у какого-либо другого народа России. Балкарцы обеспечивали себя практически всем необходимым, в том числе хлебом и изделиями промышленности, продавая скот и продукты животноводства, а также изделия из шерсти – сукно для черкесок, бурки, башлыки.

И сегодня, если жители наших сел возьмутся за это дело всерьез, они во многом могут вновь обеспечить свою жизнь развитием животноводства. Но это дело, как известно, весьма трудоемкое. А многие жители наших сел, к сожалению, работать не любят. Потому и важно, чтобы в селениях были в почете семьи, в которых люди своим честным трудом достигли хорошего материального достатка. И, разумеется, надо помогать таким семьям как пастбищами, так и сенокосами.

Животноводство – это не только мясо, сыр и масло, но и шерсть и кожа. Следовательно, хотя бы в каждом ущелье должен быть и чесальный цех, и цех по переработке кожи. И почти во всех семьях могут вязать традиционные пуховые платки-паутинки, теплые свитера, шапочки, носки. И если к тому же скооперироваться и организованно вывозить эти вещи в те регионы, где на них большой спрос – в северные районы страны, то выгода была бы гораздо большей, чем продавать их на наших базарах, где на одного покупателя приходится с десяток продавцов. А говоря языком бизнеса, где предложение превышает спрос в несколько раз, а это, как известно, ведет к «бросовым», т. е. слишком низким ценам.

Да, в балкарских селениях нет пахотных земель в сотни, тысячи гектаров и нет возможности выращивать товарное зерно, но и те земли, что есть, могут дать немало, если умело ими пользоваться. Небольшие фермерские хозяйства, объединяющие 2–3 родственные семьи, вполне могут выращивать приличные урожаи картофеля, капусты, а также смородины, крыжовника, выращивать, скажем, на 1–2 гектарном участке плодовый сад. И даже сегодня, имея крошечные приусадебные участки, многие селяне не только обеспечивают себя картофелем, капустой

и фруктами, но даже и продают эти продукты в довольно приличном количестве. К примеру, многие семьи в селении Верхняя Балкария ежегодно собирают от 20 до 50 ящиков отборных яблок и большую часть из них, естественно, продают. Жители этого села продают в Нальчике также картофель и капусту.

Вдобавок к этому в любом селе можно расширить сферу оказания услуг, а также создать малое предприятие. Ведь не во всех селах есть аптеки, парикмахерские, цехи кройки и шитья, мастерские по пошиву и ремонту обуви. А почему, скажем, не использовать во благо людей то, что есть больше всего в горах – камень: почему из гранита не делать облицовочные плитки, бордюрные блоки и многое другое? Или, скажем, почему не организовать цеха по розливу минеральной воды в тех местах, где есть источники такой воды. И, в конце концов, в любом селе можно организовать специализированный цех по массовому пошиву несложного, но постоянно пользующегося спросом швейного изделия – сорочек или, скажем, детских шортиков.

Все надежды людей земли, в том числе, разумеется, балкарцев, связаны с тем, что и у лидеров нашей страны, и у лидеров всех ведущих стран мира хватит разума и воли, чтобы не допустить более на нашей планете глобальной опустошительной войны. И все свои планы на будущее люди строят именно исходя из того, что эти вполне реальные их надежды сбудутся. А раз так, то и правительства наших республик, и сами балкарцы и карачаевцы должны, уже начиная с сегодняшнего дня, думать о том, как сделать так, чтобы приезжающие к нам туристы и отдыхающие, количество которых должно из года в год возрастать, были бы довольны всем: чистотой и красотой природы, высоким сервисом, а главное – дружелюбным и добрым отношением к ним местных жителей.

А этого невозможно добиться, если не объединить усилия и государства, и местных жителей. Государство должно обеспечить необходимое финансирование строительства нужных объектов, обустройство зон туризма и отдыха, охрану окружающей среды, а местные жители должны быть во всех отношениях не худшими хозяевами, чем скажем, швейцарцы, австрийцы или турки. А это значит, что в горах, а если говорить более конкретно и реально – в Балкарии и Карачае, пьянство, воровство, хулиганские поступки и другие негативные явления должны быть практически искоренены.

А это, коли принять во внимание сегодняшнее состояние в Балкарии и Карачае, очень трудная и сложная задача, которую возможно решить только при очень сильном желании всей общественности. Это, если говорить прямо, – даже более важная проблема, чем экономическая: ведь бедность можно преодолеть трудолюбием, но если у народа не хватает силы воли излечиться от пьянства и наркомании, избавиться от воров и хулиганов,

если в селениях верховодят преступные элементы, а не закон и порядок, то этот народ обречен на вымирание. Именно так сейчас должен ставиться вопрос во всех балкарских и карачаевских селениях – или мы одолеем пьяниц, воров и всякую мразь, которые втаптывают в грязь все наши хорошие обычаи, а вместе с ними и наши народы, или же мы все – балкарцы и карачаевцы – постепенно превратимся в скопища деградированных людей, в обычных бомжей, наркоманов, воров и пьяниц.

Не надо скрывать того, что в последние 10–15 лет пьянство, воровство, хамство и хулиганство одержали сокрушительную победу и над законом и порядком, и над нашими обычаями, и над обычными нормами морали и человечности. В селениях уже не могут даже телят спокойно выгнать за околицу пастись – крадут. Крадут колхозных яков десятками. Крадут коров у людей прямо из хлева, крадут овец. Если же не пресечь этот вид преступления, он станет одним из труднопреодолимых препятствий вообще на пути экономического развития Балкарии и Карачая, так как животноводство – это, что бы мы не говорили, пока что основа благополучия жителей наших сел.

В одном балкарском селении был такой случай. Молодые супруги уехали на Север, чтобы заработать денег на строительство дома и покупки мебели. Проработав несколько лет, вернулись на родину, построили дом, обставили его и собирались переселиться. Не успели – дом обокрали, забрали все, что можно было увезти: и аудио-видео технику, и ковры, и посуду. Хозяйка дома, конечно, огорчилась, но заявлять в милицию о случившемся не стали – как вскоре выяснилось, организатором этой кражи был их близкий родственник.

На примере этого случая видно: первое – это, к сожалению, то, что у нас в селениях появились люди, настолько низко павающие, что даже воруют у своих близких родственников; второе – это то, что, к счастью, живут еще в наших селениях люди, для которых честь рода и села стоят гораздо выше денег. Ведь этим супругам деньги на покупку и цветного телевизора, и видеомагнитофона, и других украденных вещей достались не так уж легко, и вернуть украденные вещи они могли без особого труда. Но они не стали этого делать, так как в этом случае пришлось бы назвать имя вора – их близкого родственника. И тогда они решили, что не стоит из-за недостойного поступка одного человека позорить доброе имя всего рода, да и целого села, а деньги – дело наживное.

Жаль, что таких людей ни в одной стране мира не награждают орденом «За честь и благородство».

Сейчас мы вынуждены признать, что наши мораль и культура безжалостно уничтожаются и растаптываются мощной безыдейной и разрушительной массовой культурой, точно так же, как в свое время большевики уничтожали и растаптывали генофонд наших народов – княжеские роды и зажиточных лю-

дей. И если большевистские маузеры выбивали из наших рядов лучших людей, то сейчас реалии типа «Я за безопасный секс», где проститутка преподносится нам как образец современной культурной девушки, расстреливают в душах наивных горских девушек и юношей последние частицы нашей морали и культуры. Сплошь и рядом можно видеть в наших селениях семьи, где отцы не думают о семье, не заботятся о детях, а лишь думают о выпивке, а также, где уже взрослые дети, которые бросили на произвол судьбы своих престарелых родителей. Такого позорного явления до сей поры в Балкарии и Карачае, нужно сказать, не было.

Вред, наносимый нашей морали и культуре попавшими в рабскую зависимость от западной массовой культуры центральных телевизионных каналов, огромен, страшно разрушителен. Осознавая это, все сознательные люди Балкарии и Карачая, и в первую очередь, конечно же, учителя, преподаватели вузов и колледжей, писатели и журналисты должны изо дня в день вести неустанную борьбу с этим злом, всеми способами стараясь убедить наших мальчишек и девчонок, юношей и девушек в том, что так называемая массовая культура это вовсе и не культура, а лишь ее подделка, суррогат, и что от нее больше вреда, чем пользы. На примерах классики – как прошлых веков, так и современной – следует показать молодежи, что и на Западе, и на Востоке была и есть всегда Высокая культура. И точно также как сияют серебристые вершины Эльбруса над Европой, светится своей высотой и наша тысячелетняя культура. А основой этой высокой культуры является мораль наших горских народов, тоже тщательно и скрупулезно вырабатывавшаяся тысячами мудрецов. Конечно, с точки зрения современных социологов да и здравого смысла вроде бы глупо призывать сейчас балкарцев и карачаевцев, чтобы они, как и их отцы и деды в совсем недавнем прошлом, уважали свой род, всячески укрепляли родственные и семейные узы, помогали друг другу. Да, да – правильно: человечество стало продвигаться по пути прогресса гораздо быстрее с тех самых пор, как кончилась уравниловка – первобытнообщинный строй – и начали обогащаться отдельные семьи и роды. Личная заинтересованность – двигатель человечества. Все правильно. Никто никого не призывает вернуться к родовому, первобытнообщинному строю. Не было первобытнообщинного строя в Балкарии и Карачае и двести, скажем, лет назад, когда наши предки очень дорожили честью рода и родственными отношениями. Ни в Балкарии, ни в Карачае никогда не было нищих, просящих подаяние. И это не потому, что у нас не было, как сейчас принято говорить, малоимущих семей. Были такие семьи, но им помогали всем родом, помогало все село. И от этого богатые не становились бедными, но зато бедные не становились нищими.

Богатые, имеющие достаток, более удачливые – помогите бедным, нуждающимся, менее удачливым своим сородичам!

И это вам зачтется – не только на том, но и на этом свете: вы почувствуете себя «больше человеками», чем раньше. А это ведь многого стоит!

Тема экономических проблем и инициативы людей в балкарской литературе

6. Когда за дело берутся настоящие джигиты

Статья писателя Магомета Кучинаева

в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» № 5, 2004 г.

Россия – удивительная страна, и мы, ее дети, тоже очень интересный народ. Несмотря на то, что правители, начиная с «вещего» Олега, в течение тысячи лет упорно сталкивали ее на обочину жизненного большака – в болото постоянных распрей и войн как с соседями, так и внутри самой Руси, она все-таки выжила и стала великой страной. Не такой, как она, конечно, стала бы при иных, более благоразумных правителях, – страной, прокладывающей путь цивилизованному человечеству, – но все-таки великой и могучей.

Великой и могучей не только ракетами да подводными лодками, но и умом, и знаниями, своими жизненными соками. И жизненные соки эти тоже не только нефтяные реки и необъятные леса, а и стойкость духа и целеустремленность людей, ее населяющих.

И мы сами, люди российские, тоже удивительный народ: мы никогда не любим власть, правителей и не доверим им, и это вполне понятно – никогда правители наши не ставили главной своей целью достижение мирной и обеспеченной жизни для своего народа. Вечно они хотели то Константинополь взять, то Болгарию, стремились то к южным морям, то к северным, то на запад, то на восток. В вечных войнах, смутах и революциях, при которых тяжело приходится народу, прошли долгие века. Особо жестоким для нас был прошедший XX век. Этот океанный век кинул нашу бедную Россию в самое пекло двух наиболее кровопролитных войн в истории человечества и двух таких же ураганных революций, опустошавших все. Будь на месте России любая другая страна – от нее остались бы только рожки да ножки. А Россия жива и здравствует. Правда, почти весь XX век она была больна большевизмом, но сейчас, слава богу, стала выздоровливать, встает на ноги и радуется весеннему солнцу. Да, да, – если для нас, людей, сейчас на дворе лето в зените, то для нашей России только-только настает весна новой жизни, новой эпохи. Она, Россия, вознамерилась, теперь уже кажется всерьез, тоже выйти, как и многие другие страны, на общечеловеческий путь развития, где единственный и главный приоритет страны – это забота о народе, о его обеспеченной, спокойной жизни. А мы, ее дети, воспитанные лживыми и коварными ее тиранами в XX веке, никак не хотим верить в сегодняшних ее правителей, все еще по

привычке опасаясь подвоха с их стороны. Обжегшись на молоке, как говорится, дуем и на воду.

И все никак не замечаем, как ростки новой жизни через толщу живучей, коррумпированной бюрократии и ожиревшей, хамовитой организованной преступности пробиваются то там, то здесь. Не замечаем, потому что во мгле слишком уж густого тумана преступности, покрывшего всю нашу землю, ничего, вроде бы, и не видно. Люди, уставшие и отчаявшиеся, уже с грустью вспоминают «золотые годы» Советской власти, когда в стране был порядок и никто не думал о завтрашнем дне. Жаль только, что они так быстро забыли, что порядок-то тот был тюремно-лагерным, и о завтрашнем дне никто не думал, так как, думай-не-думай, а ничего нового, радостного и завтрашний день не сулил. Жили поколениями в страхе и в бедности. А если более внимательно взглядеться в сегодняшний день, то нетрудно заметить, что и туман преступности и продажной бюрократии мало-помалу рассеивается под лучами укрепляющейся законности, все больше и больше встречаешь на улицах нарядно одетых людей с просветленными лицами, да и жизнь становится более красивой и увлекательной. А мы все говорим и говорим: «В это трудное время», «В нелегкие годы ломки устоявшихся порядков» и т. д.

Да, никогда в смутные времена, в поворотные моменты истории, во время войн и революций жизнь народа не была сладкой. Как потом будут писать историки – не знаю, но в 1991 году у нас в стране прошла настоящая демократическая революция, положившая конец тираническому правлению и открывшая дорогу в нормальную жизнь. И странно, что многие люди так и не хотят знать, что путь к истине – к нормальной жизни – тернист. И сегодняшние наши «кочки» и «ямки» на этом пути – вещи преходящие, главное – это то, что мы все-таки выбираемся на нормальный жизненный путь. На тот путь, лишь двигаясь по которому, наш народ может достичь своей вековой мечты – мирной и благополучной жизни.

И еще – мы, приученные суровой жизнью не любить правителей и не доверять власти, никак не хотим заметить того, что перемены происходят и там, наверху. Притом неплохие. К примеру, в кои-то веки лидером нашей страны был нормальный, довольно молодой, энергичный, эрудированный человек, а не слабовольный царь или же дряхлеющий невежда-тиран, облепленный Распутиными, Суловыми, Коржаковыми, которые и управляли страной по своему хотению. И все равно – многие недовольны Путиным и открыто, на демонстрациях говорят об этом. И даже кричат. А то, что даже и это – что они громко выражают свое недовольство правительством, президентом – уже есть величайшее завоевание демократической революции 1991 года почему-то мало кто отмечает. Вот и сегодня – многие недовольны тем, что льготы меняются на денежные выплаты. Хорошо, скажем, льготами на услуги ЖКХ пользуются милли-

оны людей, но ведь мало кто пользуется многими другими льготами. Скажем, репрессированные граждане имеют право раз в год проехать бесплатно на железнодорожном транспорте в любое место страны и вернуться обратно. Кто же реально этим воспользовался? Практически никто. Мало кто из инвалидов получает и положенные ему лекарства за счет государства. Многие льготники не пользуются даже и городским транспортом. Львиную долю денег, отпускаемых государством на эти цели, присваивает все то же ненасытное чиновничество. И кажется, что многие митинги и демонстрации в связи с льготами, ими и организовываются.

Но мало-помалу жизнь по всей стране нормализуется. И у нас в Кабардино-Балкарии тоже. Правда, не так быстро, как хотелось бы. Но ведь еще несколько лет назад никто бы не поверил в то, что крупный бизнесмен может выделить немало средств – многие миллионы рублей – на благотворительные цели, что он подарит общественности республики замечательную мечеть. А сегодня все знают – Арсен Каноков это сделал. Он даже ушел из очень прибыльного игрового бизнеса, дабы не навредить людям. Господин Потанин, один из крупнейших деловых людей страны, поддерживает науку, учреждает стипендии лучшим студентам. Конечно, пока что таких людей у нас еще мало, а некоторые олигархи даже умудряются обмануть государство, не платить налоги. Но мы уже свидетели и того, что государство все решительней начинает борьбу и с коррупцией, и со всякой организованной преступностью.

А самое отрадное явление в нашей жизни – это то, что все больше и больше людей забывают о том, что они «винтики» и уже осознают себя настоящими хозяевами и своей судьбы, и своей страны. Такие люди не хнычут, не ходят на демонстрации, не требуют и не ждут ничего ни от кого – они сами находят себе дело и отдаются ему всей душой. Они не ведают о той плебейской морали, когда люди не смели и шагу самостоятельно сделать без приказа. Они из свободного и беспокойного племени. Они сами ищут лучшее дело, лучший вариант, и, как правило, находят и такое дело, и такой вариант.

Таковыми людьми и являются Хасым Гызыев и его коллеги из Тырныауза. В то время, когда останавливались заводы и фабрики, когда, казалось бы, невозможно что-либо сделать, Хасым Исмаилович и его друзья сумели создать новое производство и обеспечить многих своих земляков постоянной работой и заработком. Сейчас, когда по телевидению чуть ли ни ежедневно журналисты рассказывают о том, как то здесь, то там шахтерам и учителям, врачам и рабочим месяцами не платят зарплату, создать новое производство и своевременно выдавать людям хорошую зарплату – это разве не достойно похвалы? Тем более, если все это происходит в Эльбрусском районе, где в связи с неустойчивой работой (скажем мягко) Тырныаузского горно-

обогащительного комбината сложилась напряженная обстановка с занятостью трудоспособного населения.

Кое-кто, наверное, скажет: «Подумаешь, открыли, небось, какую-нибудь мастерскую по ремонту обуви или стиральных машин, а шума...». Нет, не мастерскую, а настоящий завод по производству гипса и стройматериалов из него. Правда, официально он именуется иначе – «ООО Каббалгипс». Но это сути дела не меняет. На заводе уже сейчас, в период пуско-наладочных работ, заняты более 300 человек. Они стабильно получают хорошую зарплату, их бесплатно кормят горячим обедом. Притом не для показательной галочки, а по-настоящему – хороший, сытный суп, второе мясное блюдо, компот или чай. И раздевалки, и душевые – все как и положено на хорошем заводе. На доске висит объявление – предлагаются по сниженным ценам или же вовсе бесплатно путевки в дома отдыха и детские летние лагеря. Завод находится на берегу реки Баксан вне черты города, а потому рабочих на работу и домой возят на собственных автобусах.

Кому и как все-таки удалось это почти что невозможное дело в наше «трудное время»? Отвечаю – это удалось сделать нескольким джигитам из города Тырныауза. В данном случае слово «джигит» следует понимать не как «юноша», а как «молодец», «герой», «отважный» – у этого слова, между прочим, это и есть первое и главное его значение. А если за дело возьмутся настоящие джигиты – отважные молодцы-герои – то, конечно же, у них все должно получиться. Получилось, как видим, и у тырныаузских джигитов.

А заводилой всему, как и положено, был самый смелый и самый беспокойный из них – Хасым, сын Исмаила из рода Гызыевых. Кто знает, если ребенок рождается в то время, когда его родители окрылены осуществляющейся мечтой, переполнены радужными надеждами и готовы чуть ли не горы сдвинуть, то этот их душевный настрой, наверное, передается и их ребенку. А Хасымчик появился на свет именно в тот легендарный 57 год, когда даже последний бедняк-балкарец был самым счастливым человеком на свете – тогда балкарцы вернулись на родину, в объятия своего любимого Кавказа, и море им всем было по колено. Конечно, не может быть такого, чтобы дух времени не вселился в душу ребенка, иначе откуда было взяться у обычного парня столько сил и энергии.

Вначале и у него все шло как обычно, как и у многих его сверстников. Рос, учился, играл в футбол. Потом, окончив школу, пошел работать. А когда стал совершеннолетним, как и положено, служил в армии. Вернувшись со службы, пошел на завод железобетонных изделий в г. Тырныаузе. И, как и многие, готовился к поступлению в вуз. Готовился основательно и поступил. В Ленинградский инженерно-строительный. Окончив, вернулся на свой родной завод, но уже заместителем директо-

ра. Он в основном занимался вопросами реконструкции и расширения завода. Вот тогда-то, в 1983 году, все и началось. Основательные знания, полученные в институте, в соединении с его необычными душевными качествами любознательного, смелого и действенного исследователя дали свои замечательные результаты – он уже был не просто инженером на заводе, а патриотом, сыном своего родного ущелья. Занимался не только заводскими делами, а искал пути-возможности наиболее полного использования природных ресурсов ущелья для производства строительных материалов. И, естественно, делился со своими планами с товарищами из горкома и горисполкома. Знающего дело, горячего и честного коммуниста вскоре взяли в горком. Там он стал курировать строительство и производство стройматериалов. И именно тогда по его инициативе и началось строительство завода силикатного кирпича. Но, работая в горкоме, Хасым вскоре понял, что его место на конкретном месте, на производстве, что ему не по нутру аппаратная суета, когда ты вроде бы что-то делаешь, но в то же время ничего не делаешь. В горкоме не стали его насильно удерживать, и он был назначен директором своего же детища – кирпичного завода.

Гызыев завершил строительство завода, тот начал давать продукцию. Через год-другой был создан комбинат «Эльбрустром», в котором объединились все предприятия Тырнауза, изготавливающие стройматериалы. Гызыев стал генеральным директором.

Горно-обогатительный комбинат уже давно работал с переборами, больше стоял. В городе росло напряжение, людям нечем было заняться, не на что содержать семьи.

Конечно же, настоящих тырнаузских джигитов это очень беспокоило, и они искали выходов. Хасым поговорил со своими товарищами, и все они поддержали его – сырье есть у себя, в Ак-Топраке, надо строить гипсовый завод. Основной инвестор – акционерное общество «Эльбрустром». Завод еще не был завершен, когда Хасым Исмаилович перешел туда директором, передав «Эльбрустром» такому же джигиту, как и сам, Магомету Хаджиеву. «Чокнутый, наверное, – скажет кое-кто, – кто в наше время уходит с высокой должности на более низкую, да еще в той же системе?» Но, как известно, все настоящие молодцы-джигиты – это всегда немного «чокнутые» люди, так как обычные люди не способны совершать необычные дела, большие дела. И гении тоже, как говорят ученые, всегда необычные люди, слегка «чокнутые». Так что, мир, как говорится, держится в основном на таких людях – могущих совершить неординарный поступок, следуя зову души. А душа Хасыма хотела одного – самому довести дело на заводе, куда он вложил всего себя, так, как и хочется, как и надо – до конца, основательно, без каких-либо промахов, чтобы потом об этом не жалеть.

И он все сделал, как и хотел – добротнo, основательно, не

спеша. И оборудование закупил из Германии – уж там-то умеют делать надежные станки. Так же, не спеша, подбирал костяк инженерно-технических работников, которые и составляют стеновой хребет коллектива. Подбирал не так, как это делают многие руководители – не придавал никакого значения тому, из какого кто роду-племени, чьим племянником да зятем кто приходится, а учитывал только деловые и человеческие качества. Так Вячеслава Геннадиевича Овсянникова, опытного инженера, пригласил аж со Ставропольской стороны из г. Лермонтова, и тот сейчас ответственен за все производство – исполнительный директор, так называется его должность. Строительство тоже ведаёт «человек со стороны» – нальчанин Алексей Иванович Нагалович. И начальником ремонтного цеха является не двоюродный брат самого Хасыма Исмаиловича или же ответственного человека из администрации города, а «обыкновенный» человек – Жагафар Галямович Саликов, и главный экономист тоже «ничейный» человек – Борис Митрофанович Шкель. Вот они, вместе с самим Хасымом Гызыевым и его давними друзьями-товарищами – Артуром Хутуевым, Алием Аппаевым и Ахматом Башиевым, и составляют сейчас костяк тырнаузских джигитов, наладивших работу гипсового завода. Хутуев – замдиректора, а Аппаев и Башиев возглавляют цеха, где и выпускается продукция, или, если по-современному – линии.

Первые партии гипсов и гипсовых плит для перегородок уже отправлены в разные города – и в Нальчик, и в Черкесск, и в Ростов, и в Ставрополь. И отовсюду пришли хорошие отзывы. Но, пожалуй, лучшим подтверждением качества тырнаузского гипса служит тот факт, что сами заводские строители пользуются своим, а не привозным гипсом. Не потому, что на привозной нет денег, а все очень просто – свой лучше.

Вскоре завод должен выйти на проектную мощность – 6 тысяч тон гипса и гипсовых изделий в месяц. А через некоторое время планируется сдать и линию (считай – цех) гипсово-известкового порошка. Он будет использоваться вместо бетона во время укладки полов – он и дешевле, и в работе удобнее и ничуть не хуже бетона.

Можно не сомневаться – тырнаузские джигиты смогут осуществить свои планы. Ведь за дело возьмутся не только они сами, но и весь коллектив. А в нем немало таких же трудолюбивых и беспокойных людей. Это они доказали как во время строительства завода, так и сейчас, когда уже пошла продукция. Бульдозерист Ильяс Джаппуев, экскаваторщик Назир Узденов, шофера большегрузных самосвалов Магомед Атамурзаев, Ильяс Созаев, Келлет Афашоков, Тахир Чипчиков, слесари Валерий Федоров, Бахаутдин Салиев, сварщики Осман Кулиев, Николай Машков и многие другие делом доказали, что они могут многое.

Тырнаузские молодцы-джигиты на этом, конечно же, и не

думают успокаиваться, ведь они постоянно ищут любые возможности хоть как-то помочь народу своего родного ущелья, который в связи с простым градообразующего горно-обогачительного комбината, оказался в нелегком положении, когда здоровые, не чуряющиеся работы люди оказались почти без дела. Фантазии беспокойных людей иногда взлетают на небеса, но постепенно, в ходе дискуссий, все соглашаются с тем, что все-таки следует браться за реальные дела, которые им под силу. Одним из таких дел они считают строительство на Баксане каскада небольших электростанций, которые смогут обеспечить район более дешевой электроэнергией. Тогда можно было бы взяться и за «хвосты» (отходы) комбината – ведь все знают, что сейчас от них только вред...

Конечно же, такие же беспокойные, с хорошими знаниями молодцы-джигиты есть у нас и в других ущельях – и в Черекском, и в Хуламо-Безенгиевском, и в Чегемском. Вот если б и они, объединив свои знания и силы, тоже взялись за какое-нибудь большое и нужное дело. Говорят, что в селах сейчас выращивают довольно много скота, и люди испытывают трудности с их сбытом. Почему бы не организовать в крупных селениях цеха, где можно было бы делать колбасы, пельмени, или же мясные консервы? Кстати, в Кенделене был такой цех, кажется, построенный на деньги, отпущенные государством на развитие горных сел республики. Но его уже давно нет, обанкротился вроде бы. Почему, по чьей вине? По логике, такой цех должен был работать рентабельно – ведь его продукция всегда востребована.

Можно обратить внимание и на ...камни. Их-то в горах, по моему, достаточно. Разве такое уж и невозможное это дело – организовать в каждом ущелье цех по обработке камня? Делали бы прекрасные бордюрные камни, плитки для ступенек и другие нужные вещи.

Не надо только ждать и ничего не делать. Никто не придет в наши села и не будет здесь строить цехи по сборке компьютеров и сотовых телефонов, а тем более машин и телевизоров. Деловые, беспокойные, умелые джигиты сами должны найти дело с использованием местного богатства и скорее браться за работу. Весна пришла на просторы страны, мы все теперь свободные люди, и господь-госплан теперь ничего для нас не сделает.

Надо нам самим браться за дело.

7. Проблемы этнополитики и пути их решения

Не только Россия, но даже и Русь с первых же дней своего образования была полиэтническим государством. В Древнюю Русь, как хорошо известно историкам, входили многие народы, живущие на своих землях – это и русы, и славяне, и печенег, и чудь, и пермяки, и коми, и ненцы и т. д. О Российской империи и

говорить нечего, если в ней даже учреждались ордена для не христиан. Российская империя в период диктатуры большевиков называлась Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) – якобы равноправных. Но самом деле о каком-либо равноправии, конечно же, и речи быть не может, так как империя так и осталась империей, только вместо царя ею правили большевистские вожди. Формально – в СССР процветала дружба народов и ущемление прав граждан по национальному признаку считалось тяжким преступлением и должно было сурово караться. А на самом деле никакого СССР не было, была большевистская империя на территории бывшего государства Российского, где большевики разбили вдребезги сложившуюся при царизме относительно стабильную жизнь многих народов, и где само государство стремилось уничтожить, растоптать одни народы, вознести на пьедестал почета другие народы, где постоянно устраивалась травля людей по национальному признаку.

Вот именно поэтому – потому что была лживой, лицемерной и жестокой – и развалилась большевистская империя. Многие народы, силой оружия присоединенные к России, получили независимость. Стала независимой и Россия – независимой и от большевистской тирании, и от тяжкого груза метрополии огромной колониальной державы.

Но все равно Россия осталась многонациональной страной. Да не такой, каковой являются, скажем, Соединенные Штаты Америки, или же сегодняшняя Германия, или Англия. Коренной народ Америки – индейцы – не являются державным (доминирующим) народом. А все остальные американцы – предками которых были и англо-саксонцы, и французы, и негры, и испанцы, и мексиканцы, и китайцы, и русские, и люди других национальностей – это пришельцы из стран Старого Света. Так что, для всех их США – это единая Родина, «ничейная» земля, где они все вместе живут и работают. Никто не может никого попрекнуть в том, что он пришел и силой отбил его землю, оттеснив его в горы или болота. Кроме индейцев, конечно.

Несколько иное этнополитическое положение, скажем, в Англии, где в последнее время положение начало несколько осложняться. Люди, считающие себя наиболее коренными жителями Британских островов, шотландцы, насколько нам известно, не чувствуют себя людьми второго сорта в своей стране, как скажем, многие наши сограждане в России, да к тому же там, в Шотландии, начал работать и свой Парламент, чего, собственно и добивались самые что ни на есть шотландские радикалы. Проблему в стране создают некоторые радикально настроенные выходцы из бывших английских колоний, живущие сейчас в Британии. Многие из них, обманутые пропагандой руководителей экстремистских исламских организаций, становятся на опасный путь терроризма и иных преступных действий.

Напряженное положение на Ольстере возникло не на почве межнациональных трений, а религиозных – между католиками и протестантами.

Так что, в Британии фактически не существует каких-либо серьезных причин для межнациональных конфликтов.

В Германии постоянно живут более 2 миллионов турок, а также представители народов бывшей Югославии. Они в основном заняты на строительных работах, где остро ощущается нехватка рабочей силы. Иногда фашистские группы немецкой молодежи совершают погромы в местах, где живут турки, но полиция в ФРГ, как известно, работает хорошо, и такие антиправные действия происходят не часто. И, в конце концов, это не является проблемой межнациональных отношений коренных народов Германии, а потому и не является угрозой государственной безопасности страны.

Совершенно иное положение дел в России. В сегодняшней России живут многие народы, некогда или добровольно (чего на самом деле практически не бывает) вошедшие в состав России, или же завоеванные ею. Все эти народы живут на своей земле, следовательно, их никто не вправе упрекнуть в том, что они пришли и не дают, мол, нам, местным, житья. Как, скажем, говорят иногда националистически настроенные молодые немцы туркам или хорватам, французы – арабам и т. д.

Следовательно, все более или менее значительные межнациональные конфликты на территории России являются результатом столкновений жизненно важных интересов двух соседних коренных народов. Конфликт между коренными народами страны, пусть даже эти народы и не очень многочисленны, – это уже угроза безопасности страны.

К великому сожалению, как и бывшие руководители СССР, так и сегодняшние лидеры нашей страны, видимо, не осознают этого в полной мере. Вообще поразительно то, что в такой многонациональной стране как Россия по сегодняшний день так и нет солидного, наделенного широкими возможностями Государственного Комитета по делам национальностей. Пренебрежительное отношение руководства СССР к этнополитическим проблемам стало почти что главной причиной развала СССР. Пренебрежительное отношение новой России к этнополитическим вопросам привело к жестокой трагедии конца XX века – к Чеченской войне, которая, видно по всему, будет длиться вечно. Так как не предвидится, что в скором времени Россия избавится от влияния таких людей как Грачевы, Ерины, Шамановы, Куликовы, Будановы, Макашovy и т. д.

Пренебрежительное, неуважительное отношение к проблемам коренных народов России со стороны Правительства и его абсолютное нежелание вообще ими заниматься всерьез – это удивительный феномен, вполне свойственный российской поли-

тике. Для всех репрессированных народов это безразличие государства к судьбам людей, пострадавших по его же, государства, вине – конечно же не внове: ведь ни один из этих народов так и не получил существенной поддержки государства ни при переезде обратно на родину, ни во время обустройства, ни после для восстановления и развития необходимой инфраструктуры. Государство даже не проследило за правильным расходованием хотя бы тех мизерных средств, что были отпущены для этих целей, что позволило местным чиновникам часть этих средств своровать, часть пустить не туда, куда надо, в результате чего до тех, кому эти средства и предназначались, дошли только крохи.

Отношение государства к пострадавшим от геноцида властей народам – это только часть огромного количества сложных этнополитических проблем, которыми обязана была заниматься власть в России, но никак этим не желает заниматься.

Принимаемая сейчас Россией с восторгом западная модель демократии создавалась в монациональных государствах – в Греции, в Риме, во Франции, Британии, Германии, Голландии, Швеции и т. д. Правда, Римская Республика была многонациональной империей, но там кроме собственно римского (итальянского) народа, остальные народы в расчет не принимались. Итак, современная модель западной демократии, возможно, очень хороша для монациональной страны, в каковых она зарождалась и сформировалась окончательно.

Но для такой многонациональной страны, как Россия в чистом виде, она не очень-то подходит, так как в ней не учитывается именно эта главная особенность нашей страны – ее многонациональность. Поэтому западная модель демократии в России должна быть дополнена рядом новых принципов и правовых норм конституционного характера, которые должны гарантировать всем народам страны равные возможности для развития.

К примеру, обычные принципы демократии, где власть принадлежит большинству, не гарантируют равные возможности для развития балкарскому народу в его же родной республике – в Кабардино-Балкарии – так как представители этого народа во властных структурах практически не могут воспрепятствовать даже принятию закона о повторном выселении балкарцев из республики. Это и явилось в свое время главной причиной депортации балкарского народа в 1944 году.

Никто не может отрицать вот такого несовершенного этнополитического положения у нас в Кабардино-Балкарии.

По такой же причине в свое время Ингушетия вышла из состава Чечено-Ингушской Республики. И как теперь стало ясно, это был счастливый день в судьбе ингушского народа, который, обретя самостоятельность, избежал трагедии, случившейся как по глупости российских властей, так и не без вины фанатичных, радикальных элементов из самих чеченцев.

Ясно, что обычное унитарное устройство многонациональной республики не может гарантировать равных возможностей для всех ее народов, так как все жизненно важные вопросы все равно будут решаться доминирующей по своей численности нацией. А потому нужны особые способы этнополитических отношений в таких республиках, чтобы обеспечить реальную равную возможность для всех ее жителей, независимо от национальности для деятельности во всех сферах жизни.

Что именно надо для этого сделать – над этим должны думать государственные мужи как Кабардино-Балкарии, так и представители центральных органов государственной власти России. В конце концов, это их прямая обязанность. Главное – такое дело должно проходить под знаком усовершенствования межнациональных отношений и укрепления взаимного доверия между народами, живущими в одной республике. Между прочим, решение таких проблем – это прямая обязанность и Президента России, и Президента Кабардино-Балкарии, ведь и тот, и другой поклялись, вступая в должность, свято выполнять положения Конституции РФ, Конституции КБР в коих одним из главных пунктов является гарантия предоставления одинаковых возможностей для развития всем народам, всем гражданам страны (республики).

Будем надеяться, что в скором времени и в России тоже, как и во всех цивилизованных странах мира, правильно поймут всю важность проблем этнополитического характера, и тогда будут решены и наши проблемы.

8. Проблемы культуры и образования

Понятие «культура» имеет очень широкое толкование: оперные и драматические театры, кино и телевидение, библиотеки и красивые здания, начитанность и просто зубная паста – все это атрибуты культуры. Но в данном конкретном случае для нас важно главное, изначальное понятие в этом слове – «возделанный, обработанный». Исходя из этого, под словами «культурный человек» подразумевается человек высокой морали и безупречного поведения, человеческий человек.

Полностью осознавая, что таким человеком сегодня трудно стать не имея хорошего образования и воспитания, под таким углом зрения и будем вести разговор о проблемах культуры и образования.

В первую очередь сразу же следует констатировать факт – на сегодняшний день в Балкарии, как впрочем, и во всей России, более высокого дела, чем проблема кардинального повышения уровня культуры и образования, нет! Хотя бы по той простой причине, что в результате бескультурья – хамства, пьянства, невежества, да и просто хулиганства – калечатся судьбы тысяч, миллионов людей, а многие тысячи просто погибают от рук распоясавшихся бандитов.

Если всего 20 лет назад мы еще могли с чувством радости говорить, что, слава богу, у нас пьянство и воровство не так уж и распространены, то сегодня утверждать такое уже никто не осмелится.

Наверное, никто не сомневается в том, что все эти позорные явления, захлестнувшие в последние десятилетия как всю страну, так и наш край – воровство, пьянство, грабеж с убийством, озверелые драки с печальными исходами – все это и есть горькие плоды бескультуры.

Но почему именно сейчас, когда, казалось бы, наоборот, люди должны бы быть более человечными, чем раньше – ведь, что ни говори, а страна, пусть и не теми путями, через заросли, но все-таки потихоньку продирается к тому большаку жизни, по которому и идут все цивилизованные народы мира – к демократии.

Во-первых, десятки и десятки лет Советская власть растрчивала большую часть богатства страны на поддержание самой же придуманного мифа о том, что могущество СССР и есть оплот мира – строила дорогостоящие ракеты и танки, подводные лодки и бомбардировщики, а на жизненно важные дела – на благосостояние народа, на культуру и образование выделяла крохи.

Во-вторых, опять же поддерживала миф о том, что СССР является оплотом всех коммунистических и прогрессивных сил мира, тратя миллиарды долларов на поддержание всех экстремистских сил на всем земном шаре, финансировала многие грандиозные стройки в «братских» странах. И опять же не обращала должного внимания ни на условия жизни, ни на развитие культуры и образования собственного народа.

Копившаяся столько лет в душах людей злоба на глупую власть, невежество и бескультуры, прорвались, наконец, наружу после падения нашей Бастилии – Советской власти, и страну захлестнула волна преступности, пьянства и воровства. Сейчас эта волна вроде бы спадает. Но копившееся десятилетиями бескультуры и невежество не так-то легко одолеть. Да и Правительство России даже и сегодня все еще не вполне осознает всю опасность разгулявшегося бескультуры в стране, иначе, чем объяснить голодные бунты учителей, нищенские зарплаты преподавателей вузов, врачей, мизерные стипендии аспирантов. А о том, что делается на телевидении даже нет желания и говорить – там стала нормой пропаганда бескультуры и ежедневная, упорная атака на последние цитадели основ человеческой морали и нрава.

В этих условиях балкарцы сами должны предпринять срочные и действенные меры, чтобы оградить хотя бы то, что еще осталось у нас от нашей культуры и морали, а потом, вновь все возрождая, постараться достичь такого состояния в этом во-

просе, чтобы балкарцы XXI века хотя бы сравнялись своими душевными качествами с жителями гор XIX века, преодолев разрушительные последствия, оказанные XX веком.

Сейчас перед балкарским народом стоит непомерно трудная проблема, без решения которой о дальнейшем развитии и речи быть не может – это лечение страшно израненной души народа – его культуры, его морали, и обогащение потом благородной горской души последними достижениями мировой культуры и науки. Как это, к примеру, смогли сделать японцы. Они сумели сохранить душу своего народа – его культуру и мораль, и в то же время приобщились к лучшим достижениям мировой культуры и науки. В результате японцы достигли прекрасных результатов во всех областях человеческой жизни – достигли материального достатка, пользуются всеми благами цивилизации и в то же время сумели сохранить душу своего народа – его традиции, культуру и мораль. Вот с них и должны брать пример балкарцы. А для этого в первую очередь, как уже было отмечено, надо вылечить израненную душу народа – его культуру, традиции и мораль.

Если борьбу за это благородное дело не поведем всем миром – у нас абсолютно ничего не получится, настолько это трудное и сложное дело. В эту борьбу должны быть мобилизованы все силы народа – и власть, и милиция, и школа, а самое главное – вся сознательная часть населения.

Разумеется, в каждом селе, в каждом городе должен быть какой-то авторитетный орган, который должен постоянно организовывать и координировать работу всей общественности села или города именно только по этой проблеме. Надеяться, что это сумеют сделать властные структуры не следует, так как уже сто лет как они этим вроде бы занимаются, но положение все ухудшается и ухудшается. Нужен очень авторитетный орган и более правильные и решительные меры, только исключительно воспитательно-разъяснительного характера.

Таким органом могла бы стать авторитетная общественная организация, но, к сожалению, наши многочисленные общественные движения, не внося ничего существенно-полезного в нашу жизнь, уже успели всем набить оскомину. А потому следует создать новую организацию, мощную, с отделениями во всех селениях и городах, которая должна стать лечащим врачом наших больных душ: убеждать нас в том, что мораль и обычаи наших предков – это выработанная мудрецами многих веков и отшлифованная временем высокая культура, которая, если мы сможем стать ее верными приверженцами, в сказочно короткий срок превратит наш край в страну благородных и счастливых людей. И ведь это вовсе не пустая фраза – это действительно так! Представьте себе на минутку, что все балкарцы стали рев-

ностно соблюдать все нормы морали и этикета нашего народа, собранные в кодексе чести – Ёзденлике. Тогда бы у нас не было ни пьянства, ни воровства, никто никому не хамил бы, старшие заботились бы о младших, а младшие – слушались старших и хорошо учились – не только наукам, но и правильной жизни. И, конечно же, не было бы лентяев – все старались бы сделать что-то полезное и для семьи, и для народа – учились бы прилежно, работали бы хорошо. И, само собой, не было бы бедных и нищих.

Все религии такую жизнь обещают праведникам на том свете. Но ведь такую жизнь люди способны создать и на этом свете! Для этого есть все возможности – высочайшие достижения науки и техники, красивые и здоровые люди. От нас требуется такая малость – быть порядочными и трудолюбивыми – и мы можем жить как в раю! А вернее – как в Японии, Швеции, Голландии, США, Бельгии, Швейцарии и во многих других странах, где люди захотели жить лучше и теперь живут хорошо!

Ради такой высокой цели можно и побороться!

Итак, нужна хорошая, авторитетная организация, которая главной своей целью поставит именно духовное возрождение народа – сохранение и дальнейшее развитие горской морали и этикета, чтобы Ёзденлик, – кодекс чести балкарского народа, его нормы и принципы стали основой жизни и всех поступков каждого из нас.

Нашими героическими предками были нарты. А их извечными врагами были желмауузы и эмегены, которые зачастую перекрывали воду в верховьях рек, по берегам которых жили нарты. Так, лишив нартов живительной влаги, эмегены хотели известить их. Но эмегены, хоть и были большими и обладали могучей силой, были глупы, а потому нарты в схватках с ними всегда выходили победителями.

Сегодня, эмегены, которых зовут Бескультурье и Хамство, со своими сородичами перекрыли верховья всех наших рек и хотят наконец-то одолеть нас и превратить в своих послушных рабов – пьяниц и наркоманов, убийц и воров.

Наши предки нарты всегда побеждали эмегенов. Мы, если мы действительно потомки нартов, тоже должны победить эмегенов, которые уже превратили многих наших соплеменников в своих рабов. Нартия (Нарт-уя) – так называется страна нартов. Балкария и Карачай – это сегодняшняя Нартия. В каждом балкарском и карачаевском селе или городе живут потомки нартов. Так и назовем нашу новую организацию: «Нартия» – страна нартов. Официальное название будет таким: «Культурно-исторический клуб «Нартия». Именно культурно-исторический и именно клуб. Чтобы никому из политических деятелей не удалось втянуть эту организацию в сферу политики. Пусть политикой занимаются политические партии и другие общественно-политические движения.

У «Нартии» должна быть только одна благородная цель – возрождение духовного богатства народа, а через это – беспощадная борьба с бескультурьем, пьянством и наркоманией, воровством и другими антиобщественными проявлениями, угрожающими нашему народу полной деградацией.

Коммерсанты и врачи, учителя и старшеклассники, все здравомыслящие люди села немедленно создавайте в своем селе отделение клуба «Нартия» и начинайте борьбу. Настраивайтесь на трудную и долгую самоотверженную борьбу за здоровье и процветание нашего многострадального, несчастливое до сей поры народа!

Помните – никто не придет и не наведет порядка на нашей земле, если этого не сделаем мы сами.

Людам, создавшим отделение клуба «Нартия» не следует начинать свою работу сразу же с грандиозных дел, чтобы после возможной неудачи сразу же не опустили руки. Начинать надо с таких дел, выполнение которых не представляет особой трудности, хотя они, на первый взгляд и покажутся незначительными. Скажем, борьба с пьянством, воровством и наркоманией – это очень трудное дело, требующее долгой, кропотливой работы, да к тому же с обязательным участием почти всего села, что не так то легко организовать. А вот организовать по районному или же даже по республиканскому радио или телевидению передачу о большой хорошей семье, жизнь которой строится по законам морали, где все – и стар, и млад – стараются самым наилучшим образом исполнять свои обязанности, видимо удастся без особых осложнений. Потому что, надо полагать, ни один журналистский коллектив не сможет отказать просьбе группы односельчан подготовить передачу о хорошей семье, да еще если сами просители смогут оказать журналистам большую помощь – рассказать об этой семье.

Так, потихоньку – начиная с рассказа о хорошей семье и людях села, – можно шаг за шагом приблизиться к более сложным проблемам. К таким как бескультурье, пьянство, воровство и т. д.

Наверное, все понимают, что будущее ребенка в основном зависит от того, в какой семье он растет, а потом, когда повзрослеет, в какую школу он пойдет и кто будет его учителем. В семье, где отец пьяница, вор или наркоман, не так-то легко ребенку вырасти нормальным человеком. Наверяд ли вызовет любовь ребенка к той или иной науке и учитель-бездарь, лишь случайно ступивший когда-то на трудную тропу педагогики. Учитывая это, отметим, что пока что, слава Аллаху, большинство семей балкарцев – нормальные, где отец-трудяга и заботливая мать. Конечно же, было бы просто замечательно, если бы хотя бы во всех наших нормальных семьях взрослые увлекались бы в свободные вечерние часы не только боевиками и сериалами, а и книгами. В том числе и детскими книгами для дошкольников – чтобы читать их вместе с детьми. И так готовить

заранее в школу. Но и без этого дети из нормальных семей, коли попадут в руки хорошего учителя, будут успешно учиться и обязательно увлекутся какой-либо наукой.

Итак, отметим, что сельский учитель – главная фигура на селе: в его руках будущее села, всего нашего народа, так как большая часть нашего народа живет в селе. Но, к сожалению, в нашей стране принято за правило, что сельские школьники имеют право знать меньше, чем городские школьники. Почему? Просто потому что они сельские – и все!

А это значит, что само государство говорит сельским учителям: «Особо не напрягайтесь, ведь вам живется так нелегко на селе». И они, сельские учителя, к сожалению, особо и не напрягаются: сами не стараются набираться знаний и педагогического опыта, да и учеников не учат «грызть гранит» науки. Зачем, коль само государство фактически узаконило «слабость» сельской школы? Дело уже доходит до того, что уже думают о том, как суметь побольше протащить в вузы сельских мальчишек и девчонок, оттеснив в сторону городских, с которыми им трудно тягаться в знаниях. Это же абсурд – придерживать знающих, чтобы пропустить незнаек! Как это по-советски – бить вырывающихся вперед вместо того, чтобы подгонять отстающих!

Надо не городских ребят придерживать, а сделать так, чтобы сельские ребята получали не меньше знаний, чем городские. Но ведь для этого надо в селах строить хорошие школы, да чтоб в них было тепло и уютно, да чтоб классы были как следует оборудованы, да чтоб учили их настоящие педагоги, а не горе-предметники, для которых дети не дети, а сущие дьяволы и разбойники, и школа – не школа, а лишь место работы, где регулярно выдают деньги.

Нечего скрывать – в селах очень много, гораздо больше, чем в городах, учителей, вовсе не пригодных к педагогической работе, грубых и не любящих детей.

И это – очень большая проблема сегодняшней нашей жизни. Администрация села, вся общественность должны уделять школе особое внимание, всячески поддерживая учителей-наставников, педагогов, умеющих привить детям любовь к знаниям, к поиску и к желанию лучше устроить этот далеко еще несовершенный мир, чувствующих себя не только жителями гор Кавказа, но и ответственными гражданами великой нашей страны – России.

9. Духовное возрождение – это не религиозный фанатизм

После того, как рухнула большевистская Советская власть и развалился Советский Союз, у нас в стране поднялась настоящая буря общественно-политической активности, впрочем, как и во всех других странах, возникших на развалинах СССР.

У нас в России политический спектр общественных движе-

ний составил замкнутый цикл – от монархистов до фашистов. Общественно-политическая буря не обошла стороной и наши края. У нас есть такая поговорка: «Когда стадо повернет назад, хромые овцы окажутся впереди». Почти что так и случилось у нас: люди, раньше не только не спешившие бороться с засильем во всех властных структурах клановых и фактически преступных групп, что, надо признать, осмеливались делать не многие, но и вообще бывшие «молчаливыми ягнятами», вдруг, когда это уже стало не опасно, стали неустойчивыми борцами за народное дело и, естественно, оказались впереди «стада» – стали руководителями различных общественно-политических движений, эксплуатируя неутоленную жажду народа на свободу вообще, а на свободу слова – в особенности. Тем более, коли даже сам Ельцин, Президент сказал: «Берите столько суверенитета, сколько сможете проглотить!».

С тех пор прошло всего-то лет 10–15, а все эти движения фактически канули в лету, ничего существенного не внеся в народную жизнь. Наиболее осязаемый результат их деятельности – это полное разочарование населения, наверное, в то, что будет хоть какой-то толк вообще от какого угодно общественного объединения, движения. Вот именно поэтому-то и будет нелегко организовать отделения культурно-исторического клуба «Нартия» в селениях, что совершенно необходимо сделать в данное время. Не для достижения неудавшимися политиками своих амбициозных планов, а для начала борьбы за духовное возрождение народа, т. е. возрождение души народа – его этикета, морали и менталитета.

Некоторые представители общественно-политических движений почему-то посчитали, что одна из главных проблем духовного возрождения народа – это всяческое поощрение религиозных устремлений людей. Дело доходит до того, что иные религиозные ораторы, выступая по радио или телевидению, уже громко заявляют о том, что не может быть полноценным человек, если он не является истинным мусульманином – не держит уразу, не делает намаз и не совершает жаназы – заупокойную молитву на кладбище и т. д.

Никто – ни один государственный деятель, ни один ученый муж, ни тем более ни один из богословов не предостерег наших людей от чрезмерного увлечения религией – от фанатизма. В результате сегодня во многих наших селениях дети младшего школьного возраста усердно учатся читать Коран, и хотя бы некоторые его части – наизусть. Даже проводятся республиканские конкурсы малолетних чтецов Корана.

То, что большевики расстреливали служителей культа и преследовали верующих – это, разумеется, преступление. Теперь новые правители России, как бы пытаются смыть грехи

своих предшественников, чуть ли не обязывают всех граждан страны быть верующими. Тем, что патриарх Московский и всея Руси Алексей II теперь наряду с Президентом не сходит с телеэкранов, что он постоянно присутствует на важных государственных мероприятиях, тем, что ежедневно по каналам государственных телекомпаний показывают попов, освещающих то вновь построенный пароход, то новую казарму в армейской части или отремонтированную часовню где-нибудь на Севере.

Это – усиленное навязывание веры своим гражданам, тоже немаленькая ошибка государства. Во-первых, по Конституции религия отделена от государства. А во-вторых, не следует убеждать людей постараться смыть свои грехи перед Всевышним молитвами, как делают муллы и попы, а наоборот – надо убеждать людей не совершать грехи, т. е. не воровать, не пьянствовать, не вымогать взятки, не пользоваться служебным положением для личного обогащения, а быть честным и законопослушным гражданином.

Духовное возрождение народа – это вовсе не религиозный фанатизм. А если говорить напрямую, то религия практически не имеет никакого отношения к духовному богатству народа. Свое духовное богатство, этот клад, сокровище своего опыта и ума народ копил тысячелетиями, в то время как, скажем, ислам пришел в наши горы совсем недавно – лет 300 тому назад. А ранее наши предки были и язычниками, придерживались и Тенгрианской религии, исповедывали и христианство.

Так что, будет гораздо полезнее, если вообще не связывать духовное возрождение народа с религией, а постараться решать все ее проблемы на основе горской морали, обычаев и принципов. У нашего народа, слава богу, такое богатство и разнообразие этих самых красивых обычаев и моральных ценностей, что на их основе можно воспитать не только десятки и сотни тысяч карачаевцев и балкарцев, чтобы они стали замечательными людьми и достойными гражданами страны, но и миллионы.

К тому же не следует забывать, что фанатичное, экстремистское крыло любого общественно-политического движения, любой веры ведет к конфликтам и катастрофам. Экстремистское крыло христианства организовывало крестовые походы в средневековье. Экстремистское крыло мусульман в Турции добилося резни армян в начале XX века. Христианские экстремисты совершили первый еврейский погром на Руси еще в IX веке, а потом такие погромы совершались в России не раз. Экстремистское крыло национализма в Германии – в хорошо развитой промышленной стране – привело человечество к катастрофе Второй мировой войны. Не следует лукавить, а надо признать – фанатичное мусульманское духовенство многократно усилило ра-

дикализм чеченских сепаратистов, что и привело чеченский народ к страшной трагедии в конце XX века. И не замалчивать всячески надо причины этой трагедии, а наоборот – показывать на этом печальном примере то, к чему может привести народ фанатизм и радикализм в политике и религии.

Сторонники активных действий по духовному возрождению народа, объединенные сельским или городским отделением культурно-исторического клуба «Нартия» должны, дабы не отвлекаться на второстепенные проблемы, не втягиваться в политические дела, но они просто обязаны пытаться убедить своих односельчан не быть слишком уж фанатичным приверженцами ни политики, ни религии. Следует как можно быстрее усвоить, что мир, человечество слишком уж многое потеряли в результате вечных войн и конфликтов, что давным-давно пора додуматься жить в мире и согласии – всем людям, всем народам. Уже должно быть стыдно не осознавать этого нормальным людям!

Не Саддамы Хусейны, не Муаммары Каддафи, не Пол Поты, ни даже Фидели Кастро, а тем более такие сумасшедшие люди как Усама бен Ладен должны определять как нам, людям жить. Как жить? По этому поводу народы мира уже твердо сказали после Второй мировой войны еще в прошлом веке – мир должен жить в мире!

А если все-таки такие диктаторы как Пол Пот, Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи или Фидель Кастро, а тем более такой сумасшедший как Усама бен Ладен и их подручные будут пытаться нарушить спокойную жизнь землян и насильно навязывать другим свои сумасшедшие идеи, то мир должен найти способ обуздать их. На планете Земля не должно быть более мировой войны!

А чтобы эта вековая мечта людей сбылась наконец, всем нам все-таки для этого что-то надо делать. А что мы, простые люди, можем сделать, скажут некоторые – ведь такие проблемы не могут решать даже президенты!

На это можно ответить так: «Пусть президенты решают свои – глобальные, межгосударственные дела, пусть устанавливают мир между государствами, да и во всем мире, а мы будем решать наши – простые, людские дела: будем убеждать своих соплеменников, что гораздо лучше жить в мире и согласии с соседом, чем с ним ссориться, и точно также лучше жить с соседним народом в мире и дружбе, чем опять же искать причин для раздоров».

Вот это – убеждать людей, что гораздо лучше ладить с соседом, помогать друг другу, чем ссориться с ним по каждому пустячному поводу, и вообще куда приятнее жить с людьми по-доброму, по-человечески, а не ходить с вечно хмурым и злым – и есть одна из важных составляющих духовного возрождения народа.

Словно бы все злые силы природы обрушились сейчас на

наш народ, желая лишить его жизненных сил – его духовного богатства. Большие Начальники хвалят и возвышают подхалимов и взяточников, тем самым растапывая Честь и Достоинство, Знание и Умение; Государство спокойно взирает на своих Больших Начальников, творящих зло, тем самым душил своими руками Справедливость и Законность; Телевидение тысячу раз за день показывает как надо «брать от жизни все»: насилием, развратом, обманом.

Да, нелегко в этих условиях устоять на ногах даже умудренным опытом жизни людям, не говоря уж о молодых, для которых более сильного аргумента чем сама действительность не существует. А существует то, о чем мы только что сказали. А раз так, то и они, молодые, конечно же, стремясь «взять от жизни все», пойдут по тому пути, куда их и направляют Государство, Большие Начальники и Телевидение – постараются всячески угождать начальникам, брать и давать взятки, обманывать, хитрить, воровать и наживаться. Наживаться – любимым путем, через что угодно.

Удержать людей, а в особенности молодых, от соблазнов подобных фактически преступных по сущности мерзких путей в жизни – это тоже одна из главных составляющих духовного возрождения народа.

И таких проблем, имеющих для нашего народа судьбоносное значение, немало. Но бояться их не следует. Не зря же сказали: «Глаз – трус, да рука – смела!». Не начатое дело всегда кажется грандиозным, почти что невыполнимым. А стоит только решительно взяться за него – смотришь, и все спорится, и все идет хорошо!

Будем надеяться, что грандиозная проблема возрождения духовного богатства нашего народа, коли в скором времени за нее возьмутся сами дети сказочных нартов, будет успешно решена.

10. Михаил ЗАЛИХАНОВ:

«АРСЕН КАНОКОВ СУМЕЕТ ВЫВЕСТИ РЕСПУБЛИКУ НА УСТОЙЧИВЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ»

На внеочередном заседании Парламента КБР, где была одобрена кандидатура нового Президента республики, присутствовал и депутат Госдумы РФ, известный ученый Михаил Чоккаевич Залиханов. Заметила, как задумчив был он даже в те минуты, когда проходила торжественная церемония присяги.

– С чем это связано? Быть может, вам не по душе кандидатура Арсена Башировича? – спросила его при встрече.

– Я с большой грустью вспомнил нашего первого Президента Валерия Мухамедовича Кокова, ответил он, – вспомнились слова, произнесенные им на моем шестидесятилетии: «Я горжусь тем, что в детстве пил воду из одной реки с Михаилом Чоккаевичем». Не могу забыть и разговор, состоявшийся в апреле этого года. Он сказал мне дословно следующее: «Видишь, и кабинет у меня хорошо отремонтирован, но сколько я смогу в нем находиться, не хуже меня знаешь. Ты здесь общался и с Мальбаховым, и с Елисеевым, и со мной не один год. Если с новым Президентом поднимете стопки, то не забудь упомянуть и меня». После этих слов у меня тогда навернулись слезы на глаза. Оттого было грустно и тоскливо.

Что касается другой части вашего вопроса, то знаю Арсена Башировича Канокова давно. Ряд лет работали вместе в Государственной Думе. Что могу сказать о нем? Это исключительно деловой, компетентный, скромный, предупредительный, в высшей степени ответственный человек. И еще ему присущи такие качества, как целеустремленность, настойчивость, организаторский талант. Всего в жизни он привык добиваться своим умом, своим трудом.

А о доброте, душевной щедрости Арсена Башировича хорошо известно и у нас в республике, и за ее пределами. Какую бы сферу мы ни взяли – производство, культуру, спорт, науку, образование, духовную жизнь, везде он принимал самое активное участие, оказывал нуждающимся от чистого сердца помощь и поддержку, всячески содействовал росту, движению вперед, успеху. Все это снискало ему огромный авторитет и уважение. Как говорится, добрым быть – добрым и слыть.

Вот почему считаю, что А. Б. Каноков сумеет решить накопившиеся экономические и социальные проблемы, вывести республику на путь устойчивого развития, обеспечить заметный подъем уровня жизни населения. Убеден также, что Арсен Баширович своими продуманными, справедливыми решениями внесет весомый вклад в гармонизацию межнациональных отношений, укрепление мира и согласия в Кабардино-Балкарии.

Примерно такую же оценку ему я давал еще раньше в интервью газете «Коммерсантъ». Короче говоря, выбором Президента России Владимира Владимировича Путина я доволен.

– *Михаил Чоккаевич, что бы вы как человек большого политического масштаба, о чем свидетельствуют замечательные книги и многочисленные статьи и выступления в общероссийской прессе, посоветовали нашему молодому Президенту?*

– Знаете, в своем выступлении на втором съезде народных депутатов СССР я сказал такую фразу: «Всегда найдется жи-

тель экватора, который посоветует эскимосу, как бороться с холодом». Поэтому не стал бы ему что-либо советовать.

– *Но пожелать-то можете?*

– Пожелать, конечно, могу. В первую очередь сформировать совершенно новую команду, преданную не золотому тельцу, а республике и лично ему. Как образно говорят французы: «Короля свита играет».

Далее ему нужно вернуть покинувших республику из-за непомерных поборов способных бизнесменов. Ведь ни для кого не секрет, что это способствовало плачевному состоянию экономики Кабардино-Балкарии, тому, что некоторые ненасытные чиновники, пользуясь слабостью государственной власти, своими непомерными поборами вконец разорили средний и малый бизнес. Думаю, Арсен Баширович как человек из этой среды не меньше любого из нас знает проблему. Решение ее позволит преодолеть многие социальные трудности, в том числе и такую острую, как безработица.

Социальные вопросы республики повиснут в воздухе, если не поднять село. У нас прекрасные плодородные земли, пастбища и высококвалифицированные кадры, которых нет ни у одного из наших соседей. Казалось бы, должны жить лучше, чем они, но этого не произошло. Мы не дали ни коллективным хозяйствам, ни фермерам распрямить плечи. Разорjali, как могли, в том числе и поднимая цены на энергоносители. А в результате сегодня ввозим молочную продукцию из Карачаево-Черкесии, а мясо – со Ставрополя. Не гнушаемся и экологически недоброкачественной сельхозпродукцией из-за рубежа.

Но все эти проблемы нельзя решить, не наведя порядок в правоохранительных органах, которые давно поглотила коррупция. Это знают практически все, испытавшие на себе унижения и вымогательства. К нам, депутатам, обращаются сотни граждан, пострадавших от произвола работников прокуратуры, милиции. Нужны особые жесткие меры для восстановления законности в этой сфере, от чего напрямую зависит и борьба с терроризмом. Униженная, оскорбленная, безработная молодежь находит пристанище в стане ваххабизма, поскольку нередко не к кому обратиться за поддержкой.

– *Тем не менее нам удалось сохранить в республике мир и межнациональное согласие.*

– Здесь тоже не все так уж безоблачно. В последнее время наметились разногласия между кабардинцами и балкарцами. Есть и примеры вынужденного отъезда из республики русского населения. Сразу хочу сказать: без России и русского народа мы бы не сохранили свои культуру, язык. Без русских учителей мы, балкарцы, кабардинцы, да и другие малочисленные наро-

ды, не познакомились бы с достижениями мировой культуры, науки, техники. Не стали бы одним из самых просвещенных народов мира. Сегодня нам угрожает глобализация, и мы не выживем без поддержки Великой России, и об этом нам всем надо задуматься. Надо понимать, что ни Турции, ни Ирану мы не нужны. Вернее, мы нужны им и мировому империализму во главе с США для разрушения нашего общего дома, родной для всех нас России.

Возвращаясь к взаимоотношениям кабардинцев и балкарцев, хочу сказать, что не кабардинцы затеяли раздел балкарских земель, бесплодных гор и камней, где трудно набрать и охапку сена, а кучка хищников, которые в основном, закончив захват нажитого имущества, обратили свой алчный взор на горы Балкарии, которые сегодня становятся привлекательными для развития туризма. Уже проданы тихо-тихо, без проведения публичных торгов и тендеров участки в Приэльбрусье, но, как говорит мой кабардинский друг Владимир Сохов, ни рубля от этих сделок не поступило в бюджет Кабардино-Балкарии. Надеюсь и уверен, что в этом вопросе Арсен Баширович разберется.

Богом нам суждено вместе с кабардинцами жить, вместе растить детей, в том числе и совместных, как издревле повелось между нашими народами. Ведь 40 процентов кабардинцев и балкарцев находятся в родственных отношениях. Валерий Мухамедович Коков в свое время говорил, что закрепленные за населенными пунктами земли должны оставаться в ведении их жителей. И только они должны решать, кому и за что они должны отдавать эти территории. Поясню свою мысль. Предприниматель, получая от поселян участок, обязуется им построить больницу, школу, и так далее. Конечно, такая прозрачность будет не по нутру тем хищникам, которые нацелились на ту или другую долину. Но Президент, если хочет мира и спокойствия, должен к своему народу прислушаться.

Считаю, Президент должен решить и вопрос о двухпалатном Парламенте, как это принято в Российском Парламенте сегодня, как это было до недавнего времени и у нас. Когда в Верхней палате равное количество депутатов от кабардинцев, балкарцев и русских, это дает возможность всем трем народам одинаково отстаивать свои национальные интересы.

Разумеется, обозначил далеко не все накопившиеся проблемы. Они есть в учреждениях науки и образования, медицины и курортологии. Беспокоит и рост наркомании. Необходимо прежде всего разработать среднесрочную программу выхода из глубокого кризиса, в котором оказалась наша республика, и долгосрочную программу устойчивого развития, рассчитанную на десять и более лет. В разработку этой программы должны быть вовлечены ведущие ученые и специалисты Кабардино-

Балкарии. А выполнение сделать прозрачным для всех граждан республики.

В заключение хочу сказать нашему Президенту: в добрый путь, Арсен Баширович!

Римма КРОНИК

Газета «Кабардино-Балкарская правда»

Наверное, следует отметить то, что вместе с известным ученым многие тысячи и тысячи простых жителей нашей республики связывают надежды на лучшие перемены с именем нового президента. Еще никогда в Кабардино-Балкарии ни один руководитель не пользовался столь большим доверием народа, как Арсен Каноков. Будем же надеяться на то, что он оправдает оказанную ему честь.

11. Мы и сейчас!

Вот, пусть и несколько поверхностно, а мы теперь все-таки знакомы с той нелегкой жизненной дорогой, по которой пришлось пройти, одолевая невероятные трудности, нашим далеким предкам и нашему народу. Как теперь мы знаем, бывали в истории такие трагические события, когда, казалось, теперь-то точно оборвется жизненная нить нашего народа, и он исчезнет с лица земли, как исчезли шумеры, ассирийцы, киммерийцы и другие великие народы, некогда потрясавшие весь известный тогда мир. Это, к примеру, время гуннского нашествия, время завоевания татаро-монголами Северного Кавказа, время темирлановского нашествия, время завоевания Кавказа Россией и, наконец, время репрессий и геноцида в период диктатуры большевиков в первой половине XX века. Но, слава Всевышнему, после всех этих страшных катастроф и трагедий часть наших предков, а позже балкарцев и карачаевцев все-таки оставалось в живых, и жизненная нить народа не прервалась.

Да, был тернист и нелегок долгий путь нашего народа с древних времен и до сегодняшнего дня. Да и сегодня он живет не в райских условиях. Но, как бы там ни было, – он живет! И это главное. И, как поется в песне, «все, что кроме» – это всего лишь дело «наживное», т. е. зависящее от нас.

От того, что мы будем вечно «плакать», говоря, что мы, мол, зажаты в горах и нет у нас элементарных условий для нормальной жизни – ничего не изменится. До того времени, когда Правительство страны, осознав, что все-таки тогда Россия поступила слишком уж жестоко, загнав все народы Кавказа в бесплодные горы, где они, в тесноте и в обиде, постоянно ссорятся друг с другом, даст возможность им расселиться хотя бы на

части их исконных земель в предкавказских степях – уж очень далеко! И вообще – трудно себе вообразить, что Правительство России, той самой России, которую мы хорошо знаем, когда-либо вообще пойдет на такое, казалось бы, само собой разумеющееся решение этой сложной, но жизненно важной проблемы для всех кавказских народов. Между прочим это не только наиболее разумный и справедливый путь решения проблемы земельного голода горских народов Кавказа, но также наилучший и гарантированный способ раз и навсегда покончить с постоянными конфликтными ситуациями в этом беспокойном регионе страны. Народы, получив свои «огороды» с четко отмеченными межами, мирно занялись бы устройством своей жизни. И тогда и народам было бы радостно жить, и стране от них было бы больше пользы. Но, к сожалению, руководители России почему-то всегда выбирают наиболее трудную и ухабистую дорогу жизни, а не вполне устроенную и гораздо легкую, по которой и идет абсолютное большинство цивилизованных государств мира. Но, вполне возможно, что они, руководители нашей страны, и не хотели никогда, чтобы мы стали цивилизованной страной? Вполне возможно, ведь в этом случае, конечно же, ни людоед Сталин, ни обладатели всех наград и премий Брежнев, ни генерал КГБ Андропов, ни даже друг всех президентов Ельцин не смогли бы руководителями страны.

Так что, ждать того времени, когда государство наше смилостивится озаботиться, как ему и положено, жизненно важными проблемами довольно значительной части своих граждан, наверное, не стоит. Уж как бы это ни было трудно, но горским народам Кавказа придется, ни на кого не полагаясь, работать не покладая рук, именно так, как говорится в поговорке – «выжимая из камня воду».

Но, разумеется, никакая работа не будет ладиться коль – в прямом смысле – в семье согласия нет. А этого самого согласия к великому сожалению, во многих наших семьях нет. Это и есть результат влияния так называемой массовой культуры, которая высшим достижением демократии считает совершенную независимость человека чуть ли не с пеленок. Нормальные люди во всем мире прекрасно знают – люди не звери, они зависимы друг от друга, а близкие родственники – тем более. Чем ближе родственные отношения – тем сильнее зависимость людей друг от друга. Отец, к примеру, до самой своей смерти не может быть независимым от обязанности заботиться о здоровье и благополучии своих детей. И дети, соответственно, не могут быть независимыми от забот о своих родителях. Старший брат обязан заботиться о младших братьях и сестрах и т. д. Каковы должны быть взаимоотношения между людьми, между родственниками,

между братьями и сестрами, между родителями и детьми – эти правила вырабатывались людьми, и, разумеется, нашими предками тоже, тысячелетиями и пренебрегать этими правилами просто глупо. Также глупо, как пешком продираться сквозь терновник, когда есть хорошая дорога и прекрасная машина.

А наши предки из века в век считали, что основу жизни, благополучия и мира как в семье, так и в роду и в племени (народе) составляет уважение младшими старших и заботу старших о младших. Везде и повсюду и в семье, и на работе, и в любом сообществе людей. Дома уважай и слушайся старших – отца, мать, старшего брата; на работе – старшего по службе, начальника; в стране – законы, порядки, установленные народом, Президента, избранного народом. Нарушение этого основополагающего правила жизни ведет к распаду как семьи, так и коллектива, и даже целой страны.

Всякий нормальный человек хочет жить в дружной семье, работать в хорошем коллективе и быть гражданином цивилизованной страны, где закон и порядок соблюдает даже Президент. Естественно, что наверняка и балкарцы, как и все нормальные люди, хотят жить в хорошей, дружной семье, работать среди верных товарищей, чтобы их страна была благополучной и уважаемой мировым сообществом.

Балкарцы, если среди них впредь не будет даже ни одного преступления, не смогут оказать какого-либо существенного влияния на общее положение в стране – такая она у нас большая. Но в то же время обуздание преступности в среде нашего народа хотя бы до такого состояния, на каком она находилась всего-то менее полувека назад – ко времени возвращения балкарцев на Кавказ, и то было бы сегодня для нас большим благом.

Уменьшение преступности и правильное использование даже и той доли прав и свобод, что даны сейчас людям, – и уже можно добиться вполне благополучной жизни для абсолютного большинства народа. Надо постоянно помнить о том, что в течение всей жизни наибольший вред человеку наносят ни его многочисленные враги, кои и обязаны были делать это, а он сам себе, давая волю своим вредным привычкам – лени, пристрастию к спиртным, к курению и обжорству, раздражительности и невоспитанности.

И лишь тогда, когда все больше и больше взрослых балкарцев станут верить в то, что это действительно так и возьмутся как следует за себя – возьмутся очищать себя от этих и других вредных привычек и наклонностей, начнется настоящее возрождение нашего народа. И точно так же, как возрождались наши далекие предки и мы сами, из пепла от гуннских, татаро-мон-

гольских, темирлановских и большевистских пожарищ, да возродятся наши дети и потомки теперь из глубокого болота лени, пьянства и воровства, куда загнали наш народ большевики вкупе с беспомощными в практической экономике, но страшно самоуверенными и безгранично энергичными «демократами» Горбачевыми, Павловыми, Ельциными, Черномырдинами, Гайдарами с помощью девятибальной волны мощной, всеразрушающей западной псевдокультуры.

Надо, обязательно, надо, и надо в первую очередь выбираться нам именно из этого страшного болота – из болота лени, пьянства, воровства и обычной бытовой уголовщины.

С какой бы стороны не подходить к разговору о том, что нам сегодня делать, с чего начинать, чтобы вывести наш народ из состояния некоторой растерянности и страха перед будущим, все равно мы вынуждены вновь и вновь повторять – надо начинать с самих себя!

Каждый взрослый человек должен сам себе твердо сказать: «Самую большую помощь себе я должен оказать сам! И это совсем нетрудно сделать – надо лишь жить честно, не лениться и не позволять себе того, что плохо и для меня самого, и для других людей!».

Конечно, самому себе так сказать, и даже очень твердо сказать могут, наверное, все. Но ведь дело в нашем случае зависит не от сказанного, а лишь только от сделанного. То есть от того, как человек сдержит данное самому себе слово. А это – выполнить обещание – не всегда легко. Но в данном случае – совершенно необходимо: ведь судьба нашего народа напрямую зависит и от каждого из нас. Чем нас, желающих жить честно, желающих упорно учиться и неустанно работать ради собственного благополучия и благополучия народа, будет больше, тем легче и светлее будет жизнь и всего нашего народа!

А потому – смелее в путь, в путь, который очистит и возвысит нас и выведет наш многострадальный народ на дорогу, ведущую к благополучной и спокойной жизни. А ради этого стоит бороться. А когда вы почувствуете, что практически выполнили данное себе слово – поняли, что ваша жизнь, ваша судьба, в сущности, почти полностью зависят от вас самих и взялись за исполнение задач, поставленных перед самими собой на ближайшие годы, тогда – помогите своим родственникам и друзьям выйти на тот же спасительный путь самосовершенствования, укрепления души и воли, дабы и они упорно и неустанно стремились улучшить свою жизнь, знать больше и уметь лучше.

Очень важно, чтобы вот это – стремление к самосовершенствованию, к знаниям, к умению делать все, что требуется в этой жизни горцу или горянке – воспитывалось у детей, как и

было издревле, с самых ранних лет. Ребенок должен почувствовать, что он своим хорошим поведением, упорной учебой доставляет большую радость родителям, делает доброе, благородное дело и вносит свой вклад в благополучие семьи и всего народа! Ведь это действительно так: хороший ребенок, хороший человек лишь только тем, что он есть, уже вносит свой вклад в благополучие и семьи, и народа. Пусть ребенок со школьных лет (если не раньше!) знает, что и от его поведения, и от его усердия в учебе зависит не только его личная судьба, но и судьба, как его семьи, так и всего народа и страны.

Каждый народ на земле – это цветок на лугу человечества. Красив, но не очень интересен луг, где растут одни только ромашки. Наши горные луга богаты и красивы разноцветием и разнотравьем. Так и человечество. И как у каждого цветка, у каждой травы есть свой цвет и запах, так и у каждого народа есть своеобразные его цвета и запахи, составляющие его душу – это его мораль и этикет.

Все нормы морали и этикета балкарцев отражены в кодексе чести под названием «Ёзденлик». Ёзденлик – это наша национальная Конституция, которую некоторые наши ученые почему-то называют по-простонародному «Тау адет» («Горский адет»). Оттого, что балкарцы, бывает, обращаются друг к другу «таулу» («горец»), это вовсе не значит, что правильное научное их название и есть таулу. Точно также, если некоторые балкарцы вместо «Ёзденлик» говорят «Тау адет» это вовсе не значит, что кодекс норм морали и этикета балкарцев действительно так и называется. Между прочим сами себя горцами называют очень многие народы мира, в том числе и шотландцы. Так что, получается что «Тау адет» вполне может сойти и за кодекс чести шотландцев.

В одно время «ляп» какого-то нашего горе-ученого, сказавшего, что слово «алан» в языках балкарцев и карачаевцев означает «друг, товарищ», было умело использовано «ирианистами» в отстаивании своих взглядов, так и одностороннее и ограниченное толкование слова «ёзденлик» в новом толковом словаре карачаево-балкарского языка может привести в свое время к очередным неприятностям.

Так что, главное и очень даже главное значение слова «ёзденлик» вовсе не «принадлежность к сословию узденей» и «предложить кому-то из приличия», как нас уверяют составители словаря, а Кодекс чести балкарского народа; сборник норм морали и этикета балкарцев, которых они должны придерживаться в жизни и быту.

А раз так, то пусть так и будет – мы все должны стараться быть настоящими балкарцами: строго соблюдать в своей жизни все нормы и положения нашей народной Конституции, которая называется «Ёзденлик». Смысл этого слова – коли ты будешь соблюдать в своей жизни вот эти нормы морали и этике-

та, то можешь считать себя узденем, одним из нашего сословия свободных и честных людей алано-асского народа! Заметим, что кодекс чести нашего народа составили не правила жизни и поведения высшего сословия – биев, – а именно народа, основу которого всегда составляли уздени – свободные, гордые, честные воины-труженики.

Будем же узденями – свободными, честными, трудолюбивыми! Будем прислушиваться к советам старших и заботиться о младших! Будем верными друзьями и гостеприимными хозяевами! Будем достойными людьми своего народа и хорошими гражданами нашей великой страны – России!

12. Мир и согласие – верный путь к прогрессу и обновлению

Итак, мы уже знакомы с историей Балкарии, поговорили о ее сегодняшнем дне, а также поразмышляли о ее будущем. И теперь, как бы подытоживая, хотелось бы сказать несколько слов о главном, о том, что мир и согласие – лишь это верный путь к прогрессу и обновлению.

Сегодня Балкария вместе с Кабардой составляют одну республику – Кабардино-Балкарскую. Полагаем, что наш читатель довольно хорошо знает свою республику, и потому нет никакой необходимости подробно рассказывать о кабардинцах и Кабарде. Напомним только еще раз, что кабардинцы (адыги), как и балкарцы, являются одним из древних кавказских народов, и судьба сложилась так, что они оказались на сегодняшний день ближайшими соседями. Да такими, что не так легко даже при абсолютной доброй воле, провести между ними размежевание. Так что, для наших двух народов, если учитывать сегодняшние и географические, и политические, и экономические реалии, наиболее оптимальным путем дальнейшего всестороннего развития является мир и согласие между всеми народами республики на основе равных прав и возможностей для всех граждан, постоянно проживающих на земле Кабардино-Балкарии. Бесспорно, это очень хорошо, когда народ имеет собственную автономную республику и сам определяет свою судьбу, сам обустроивает свою жизнь и сам определяет свое будущее в соответствии со своим физическим и духовным потенциалом. Но ведь это так в теории, вернее – в идеале. А в жизни, как известно, не все складывается так, чтобы следовать принципам оптимального развития народа. Очень сложно, практически невозможно сегодня, еще раз подчеркиваем, учитывая и географию расселения наших двух народов и политическую ситуацию в стране, когда ни центральное Правительство, ни правящая элита республики не только не готовы, даже и не думают об этом – о том, чтобы создать условия для самостоятельного развития в своих автономных республиках балкарцам и кабардинцам, решать глобальные проблемы. А попытки ре-

шать подобные проблемы силой или односторонним провозглашением своей республики, как показывает жизнь, заканчиваются или просто поражением (в лучшем случае) или кровью и несчастьем для народа (чаще всего). Так что, наиболее правильный, разумный и оптимальный вариант решения всех национальных проблем на сегодня – это разрешение этих самых проблем конституционным, согласованным со всеми сторонами путем. Следовательно, до тех пор, пока Правительство страны всерьез не будет озабочено судьбами малых народов и не станет искать пути решения их жизненных проблем, пока это Правительство не будет готово сделать что-то существенное для этого – до той поры говорить о создании самостоятельных автономных республик балкарцев и кабардинцев совершенно ни к чему. Потому что ничего путного из этого не выйдет. В то время как даже просто разговоры на эту тему могут отнимать немало сил и времени у самой энергичной и образованной части населения. А если учесть, что эти разговоры в конце концов могут привести некоторых людей на скользкий и опасный путь национализма и экстремизма, то приходится признать – разговоры эти даже вредны. Вредны, так как отвлекают жизненные и духовные силы значительной части элиты народа на очень эмоциональные, но совершенно бесполезные дискуссии.

Так как, скажем, еще раз, к решению столь глобальной проблемы нет ни географических, ни политических условий, а также нет и четко выраженной доброй воли ни кабардинского, ни балкарского народов, что совершенно необходимо. Конечно, и балкарцы, и кабардинцы хотели бы жить каждый в своей республике, но как создать две республики на земле сегодняшней Кабардино-Балкарии? Да так, чтобы были довольны все – и балкарцы, и кабардинцы, и русские, и все остальные. Ведь иначе нельзя. Иначе – конфликт, а говоря попроще – война. А на войну сегодня идут безоглядно только сумасшедшие. Такие как Саддам Хусейн. Муаммар Каддафи – более непредсказуемого и амбициозного политика свет еще не видел! – и то одумался. А мы, слава Всевышнему, пока в своем уме. И не к лицу нам, ни балкарцам, ни кабардинцам, ссориться из-за практически неосуществимых пока что мечтаний. Мечтать, как говорится, не вредно. Но жить одними только мечтами – тоже не дело. Надо и дело делать. А наше дело одно – строить новую жизнь в ладу со временем, в ладу с природой.

На дворе XXI век. Все народы и страны стремятся к миру и согласию. Весь мир осуждает национализм и экстремизм и их крайнее проявление – фашизм и терроризм. «Мир – народам, счастливую жизнь – людям!» – вот знамя нового XXI века. И все честные люди земли должны сплотиться под этим знаменем и делать все для достижения этой глобальной цели всего человечества. Пусть не будет конфликтов и войн нигде – ни между народами, ни между людьми!

Мы живем в России – в красивой и богатой стране. Но, к сожалению, нам долго не везло на правителей, и в особенности XX веке. А потому мы живем не так хорошо, как нам следовало жить. Но теперь у нас появилась надежда. Да – все эти перемены, конечно же, можно было провести и поумнее, чем наши реформаторы, да – ни потом и трудом заработали свои миллиарды Березовские, Ходарковские, Черномырдины, Чубайсы, Быковы и другие, да – от продажных судей и преступников погоня на проходу нет, но все-таки у нас появилась надежда. Так как мы верим – уже никогда не вернутся времена Ленина-Сталина, когда страх и насилие царили в стране, когда миллионы и миллионы людей расстреливались и ссылались в Сибирь. Да, теперь мы верим, что в нашей стране, в любимой нашей России, наконец-то наладится жизнь, несмотря ни на что. Пройдут эти смутные времена, как проходят туманы весной. И наступит лето. Лето нашей страны. Люди станут хорошо работать, хорошо жить. Они станут уважать и любить друг друга. И правители страны станут считать своими приоритетами не подводные лодки и ракеты, а благополучную и устроенную жизнь народа и граждан, честь и достоинство человека. И тогда, возможно, они озаботятся и судьбами малых народов, и займутся решить и их проблемы. А до этого, к сожалению, еще, наверное, далеко.

А потому – не следует сейчас отвлекаться на пустые мечтания, а надо упорным трудом и настойчивой учебой добиваться того, что надо. А надо – чтобы мы жили лучше и лучше, чтобы мы знали и умели больше и больше. А потом, когда страна обновится и в ней наладится нормальная жизнь, и острота проблемы сгладится, так как права и свободы человека будут соблюдаться, надо полагать, по всей стране. А это значит, что и балкарцы, и кабардинцы, как и все граждане страны, будут иметь возможность жить и работать там, где им хочется. И воздаваться им должно не по тому, кто они и из какого «ущелья» да племени, а по тому, что они умеют и что сделали. А если человек чувствует себя полноправным гражданином страны, то права и свободы не ущемляются, то, естественно, он уже не так остро нуждается в существовании для себя особой территории, именуемой, скажем, автономной республикой, где он будет чувствовать себя более комфортно, чем в какой-либо другой области страны. А если развивать мысль в этом направлении, то мы непременно придем к тому, что автономия в свободной демократической стране фактически нужна лишь для развития культуры и сохранения самобытности народа, а не для решения жизненно-важных экономических проблем.

Из всего вышеизложенного, как говорится, следует такой вывод: любой гражданин нашей республики, в том числе, конечно же, и балкарец, и кабардинец, если даже он и самый что

ни на есть большой патриот своего народа, обязан, если только не хочет вреда своим соплеменникам, делать все, что в его силах, дабы в республике царили мир и согласие между всеми народами, между всеми людьми разных национальностей. Разумеется, на основе взаимного уважения и равноправия всех граждан. Иного пути мира и согласия между народами и людьми, между прочим, не бывает. Значит, нормальный человек, не сумасшедший, должен соблюдать в жизни общепринятые правила общежития и права человека. И идти к своей цели в жизни, не ущемляя ничьих прав, никого не унижая и не оскорбляя.

Многие могут сказать, что это все слишком банально, об этом, мол, все и так знают. Возможно, но беда в том, что не все, и даже не просто «не все», что означает «некоторые», а даже довольно значительное количество людей, на словах признавая все это, на деле поступают наоборот – иначе ничем не объяснить то, что националистические идеи и движения все более и более набирают силу. И в особенности на бывшей территории СССР, где интересы практически всех народов, в том числе даже и русского народа, грубо попирались.

Сегодня, в XXI веке, когда человечество достигло небывалых успехов в своем развитии, когда люди посылают свои корабли и на иные планеты, когда, казалось бы, религиозные, национальные и расовые различия между людьми не должны играть в их жизни сколько-нибудь существенную роль, мы наблюдаем некий нонсенс: усиление напряжения в отношениях между людьми и народами из-за религиозных, национальных и расовых различий. Это печальное явление конечно же стало следствием многих причин, но несомненно, что среди этих причин немаловажную роль сыграли стратегические ошибки как всего человечества, так и крупных стран мира, играющих на мировой арене ведущие роли. Ошибка человечества состоит в том, что уже в XX веке пора было бы ему, человечеству, повзрослеть и оставить кое-какие свои детские привычки – выдумывать какие-то иллюзорные миры, потом, поверив в них, стараться жить по законам этих миров, а не настоящего мира, где он живет. К таким иллюзорным мирам относятся как рай, так и коммунизм.

С той лишь разницей, что одни (верующие) обещают нам, при определенных условиях, конечно, счастливую, беззаботную жизнь после смерти, а другие (коммунисты) тоже при определенных условиях, – на этом свете. А в остальном они совершенно одинаковы – одинаково ненавидят тех, кто с ними не согласен, кто не следует их указаниям, кто не соблюдает выдуманные для рая и коммунизма правила и законы. В итоге – миллионы и миллионы людей погибли, человечество раскололось на часто конфликтующие религиозные и идеологические сообщества. И пока религии и идеологии будут по-прежнему оказывать боль-

шое влияние на государственные дела, невозможно добиться кардинальных успехов в борьбе против расизма, национализма и крайнего их проявления – фашизма и терроризма. Так как несмотря на постоянные громогласные заявления лидеров идеологических движений и религиозных конфессий, в основе и христианства, и мусульманства, и иудаизма, и коммунизма лежат одни и те же принципы разделения людей на «наших» и «чужих», и уже в этом, в самой основе этих движений и идеологий, заложен заряд недоверия и конфликтов.

Единственно верный путь развития человечества – это путь постоянного накопления знаний и улучшения навыков труда по обустройству жизни, локомотивом которого является тысячелетний опыт многих поколений людей. Это и есть научный путь развития человечества. Ни одна религия, ни одна идеология не может этого опровергнуть. Никакие молитвы не помогут человеку жить хорошо, если он не будет старательно учиться, копить знания и упорно работать, стремясь выполнить свое дело как можно быстрее и лучше. Иного пути к достатку и счастливой жизни нет и быть не может.

А раз так, то именно в этом духе и обязаны мы воспитывать молодежь, да и самих себя.

А для этого, для того, чтобы люди постоянно стремились больше знать и лучше работать, совершенно необходимы мир и согласие как между самими людьми, так и между народами и странами. Отсюда вывод совершенно простой и ясный – люди, коли они хотят лучше жить, должны не тратить свои знания и силы на конфликты и войны, а должны уважать друг друга, и если даже они не настолько умны, чтобы помогать друг другу, то, по крайней мере, не должны ничего делать во вред и назло другим. Лишь при соблюдении этого простого и известного каждому основного правила человеческого общежития люди как в небольшом коллективе или в селе, так и в республике или в стране, а также и во всем мире могут из года в год жить лучше и лучше. К сожалению, такого согласия между людьми в целом не только всего мира, но даже и в отдельной стране не так легко добиться. Порою нелегко прийти к такому согласию не только живущим по соседству народам, но даже и просто соседям. И даже в одной семье, среди очень даже близких родственников не бывает согласия. И это очень печально. Так как, согласно поговорке, где нет согласия, где нет уважения – там и счастья нет. «Намыс болмагъан жерде насып да болмаз». Отсюда вывод ясный и простой: каждый здравомыслящий человек должен делать все, чтобы люди в его семье, в его республике, в его стране, да и на всем белом свете жили в мире и согласии. Только в этом случае человек может быть счастлив. А ведь счастливыми хотят быть все!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всемирная история. В 10 т. Академия наук СССР. М.: 1958.
2. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века (Академия наук СССР). М.: Наука, 1988.
3. История народов Северного Кавказа (Академия наук СССР). М.: Наука, 1988.
4. История Древнего Востока. М.: Высшая школа, 2001.
5. История Древней Греции. М.: Высшая школа, 2001.
6. История Древнего Рима. М.: Высшая школа, 2001.
7. Жизнеописание знаменитых греков и римлян. М.: Просвещение, 1998.
8. Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1991.
9. Памятники литературы Древней Руси. М.: Художественная литература, 1984.
10. Как была крещена Русь. М.: Политиздат, 1989.
11. Россия на рубеже веков: Исторические портреты. М.: Политиздат, 1991.
12. *Абаев М. К.* Балкария: Исторический очерк. Нальчик: Эльбрус, 1980.
13. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
14. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы в Азии. М.: 1975.
15. *Алексеева Е. П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
16. *Бабаев С. К.* К вопросам истории, языка и религии балкарского и карачаевского народов. Нальчик: Эльбрус, 2000.
17. *Байрамкулов А. М.* И азиатские и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь, 1998.
18. *Баскаков Н. А.* Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Мишель, 1993.
19. *Бетров Р. Ж.* К древней истории племен Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1982.
20. *Биджиев Х. Х.* Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993.
21. *Битова Е. Г.* Социальная история Балкарии XIX века. Нальчик: Эльбрус, 1997.
22. *Будаев Н. М.* Западные тюрки в странах Востока. Нальчик, 2002.
23. *Гумилев А. Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. М.: Мишель и К°, 1993.
24. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М.: Товарищество «ККК», 1993.
25. *Гумилев Л. Н.* Хунну. СПб.: Тайм-аут-компас, 1993.
26. *Гумилев Л. Н.* В поисках вымышленного царства. СПб.: Абрис, 1994.

27. Гумилев Л. Н. Конец и вновь начало. М.: Айрис-пресс, 2001.
28. Гумилев Л. Н. От Руси до России. М.: Айрис-пресс, 2001.
29. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М.: Айрис-пресс, 2001.
30. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-пресс, 2001.
31. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Айрис-пресс, 2001.
32. Гумилев Л. Н. Черная легенда. М.: Айрис-пресс, 2002.
33. Документы по истории Балкарии. В 2 т. Нальчик, 1959; Нальчик, 1962.
34. Карачаевцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978.
35. Карачаевцы и балкарцы. М.: 2000.
36. Карачаевцы и балкарцы. М.: 2002.
37. Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX—начала XX в. Нальчик: Эльбрус, 1996.
38. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984.
39. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947–1949. № 1–4.
40. Лайпанов К. Т., Мизиев И. М. О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993.
41. Малкондуев Х. Х. Этническая культура балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 2001.
42. Мизиев Н. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик: Эльбрус, 1986.
43. Мизиев И. М. История рядом. Нальчик: Эльбрус, 1990.
44. Мизиев И. М. Следы на Эльбрусе. Ставрополь, 2002.
45. Мусукаев А. И. Балкарский тукъум. Нальчик: Эльбрус, 1978.
46. Мусукаев А. И. Топонимия высокогорья Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1981.
47. Мусукаев А. И. Об обычаях и законах горцев. Нальчик, 1986.
48. Мусукаев А. И. О Балкарии и балкарцах. Нальчик: Эльбрус, 1982.
49. Мунчаев Р. М. Кавказ на заре бронзового века. М.: Наука, 1975.
50. Невская В. П. Социально-экономическое развитие Карачаевия в XIX веке. Черкесск, 1960.
51. Нейхардт А. А. Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.
52. Опръшко О. Л. По тропам истории. Нальчик: Эльбрус, 1990.
53. Опръшко О. Л. Кавказская конная дивизия. Нальчик: Эльбрус, 1999.

54. Очерки истории Карачаево-Черкессии. Ставрополь, 1967.
55. Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961.
56. *Сабанчиев Х.-М. А.* Пореформенная Балкария в отечественной историографии. Нальчик: Эльбрус, 1989.
57. *Сафарян С. Н.* Султан-Бек Абаев. Нальчик: Эльбрус, 1988.
58. *Тебуев Р. С., Хатуев Р. Т.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.: Ставрополь, 2002.
59. *Плетнева С. А.* Салтово-Маяцкая культура. М.: 1981.
60. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. М.: 1967.
61. *Хабичев М. А.* К гидронимике Карачая и Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга вторая

1 часть. От Японской войны до Великой Отечественной

1. XX век – век несбывшихся надежд	9
2. Балкарцы и карачаевцы на сопках Маньчжурии	14
3. Причины и начало Первой мировой войны	20
4. В «Дикой дивизии»	26
5. Год тревог и надежд	33
6. Не следовало гневить богов!	41
7. Героев-защитников Отечества – под расстрел	48
8. Балкария в огне Гражданской войны	53
9. Образование Кабардино-Балкарской автономной области	62
10. Образование Карачаевской автономной области	68
11. Коллективизация и раскулачивание	70
12. Сын кулака и враг народа – Герой Социалистического труда. (Шо-хайб Келеметов)	75

2 часть. Великая Отечественная война

1. Мир и СССР перед Второй мировой войной	85
2. Сыны Балкарии на фронтах Великой Отечественной войны	92
3. Прорыв. Отрывок из повести Магомета Кучинава «Третий батальон»	98
4. Они защищали Москву	104
5. Сражались и в окопах Сталинграда	110
6. На огненной земле	115
7. Алим Байсултанов: сын Балкарии – сокол Балтики	119
8. Мухажир Уммаев – герой из Череха	124
9. Голубое небо было для них домом родным	128
10. Сыны карачая – храбрые защитники Родины	133
11. В лесах Белоруссии	138
12. Победители на Эльбе. Отрывок из повести Магомета Кучинаева «Горькая дорога в рай»	143

3 часть. Жизнь в ссылке

1. Черекская трагедия	155
2. Высылка балкарцев	162
3. Высылка карачаевцев	169
4. Годы горести и тоски	176
5. Встреча в степи. Отрывок из повести Магомета Кучинаева «Горькая дорога в рай»	184
6. Они остались там навсегда	189
7. Потому что мы – люди	195
8. «Сборная команда Балкарии»... в Киргизии	200
9. Верные сыны народа	206

4 часть. На вновь обретенной Родине

1. Долгая дорога домой	215
2. На крыльях мечты	219
3. Люди, людишки и нелюди	225
4. Наперекор всему	232
5. Поход в Сибирь. Отрывок из романа Магомета Кучинаева «Сто- ит ли с медведем груши есть?»	238
6. «Выжимавшие воду из камня»	255
7. Сусловщина и Карачай	260
8. Свежий ветер – мир давно о нем мечтал	272
9. Мы думаем... Статья журналиста Магомета Кучинаева для газеты «Известия»	276
10. Тревожные дни	283
11. Сегодня на тропу войны могут стать лишь сумасшедшие. Статья пи- сателя Магомета Кучинаева для газеты «Кабардино-Балкарская правда»	292
12. Генерал завоевывает мир	304
13. Меня расстреляли в Чечне. Статья писателя Магомета Кучинаева для газеты «Кабардино-Балкарская правда»	313
14. Наша матушка Россия сейчас не в своем уме... Потому и молчим. Статья писателя Магомета Кучинаева для «Литературной газеты» ..	317
15. Куда бы вы Москву не перенесли... Статья писателя Магомета Ку- чинаева для «Литературной газеты»	326
16. Бедные «ноги» России. Статья писателя Магомета Кучинаева для «Литературной газеты»	330

5 часть. Дети Прометея –
деятели науки и культуры Балкарии XX века

1. Развитие науки и культуры Балкарии после Октября	337
2. Кязим Мечиев – неподкупная мудрость Кавказа	345
3. Исмаил Семенов – непокоренная гордость Кавказа	353
4. Вклад балкарских ученых в развитие естественных наук	360
5. Профессор Магомед Таукиев и его коллеги	365
6. Джабраил Базиев, который «перелопатил» физику	370
7. Вклад балкарских ученых в развитие гуманитарных наук	378
8. Дорогу осилит идущий (Умар Алиев)	383
9. Ахмат Мусукаев – первый профессор-историк Балкарии	389
10. Путешествующие в веках	393
11. Его жизнь – история народа	402
12. Справедливый и строгий (профессор Рашид Аликаев)	406
13. С любовью к слову (профессор Светлана Башиева)	418
14. Дочь двух народов (доктор филологических наук Тамара Биттирова) ..	425
15. Кайсын Кулиев – лауреат Ленинской и Государственной премии, Народный поэт Кабардино-Балкарии	431
16. Наша Танзиля	437
17. Поэты Балкарии	447

18. Вся жизнь поэта – это поиск правды	460
19. Гении на вершине Нартии	464
20. Большой Теппеев и маленький Распутин. Статья писателя Магомета Кучинаева в газету «Кабардино-Балкарская правда»	469
21. Рецензия на рецензию, или о том, как трудно публиковаться писателям, не принадлежащим к влиятельному клану	478
22. Идущий к солнцу (художник Магомет Хабичев)	481
23. Художники Балкарии	486
24. Страну души творящие любовью	492
25. «Балкария» – душа Балкарии	503
26. Блестящий ученый, прекрасный организатор (Анатолий Измаилович Рахаев)	507
27. Ёрюзбеки нашего времени	516

6 часть. Свет из глубины веков: духовный мир и народное искусство балкарцев и карачаевцев

1. Скифская культура	527
2. Семья, род и родственники	536
3. Народное искусство и ремесло	545
4. Духовный мир и религия	553
5. Нартский эпос – сокровища наших предков	561
6. Пословицы и поговорки – кладёзь народной мудрости	572
7. Ёзденлик – кодекс чести и нормы морали балкарского народа	579

7 часть. Балкария на пороге XXI века

1. Кабардино-Балкария – страна белых гор и красивых людей	591
2. Нальчик – столица Кабардино-Балкарской республики	599
3. Люди из надежды – новая балкарская политическая элита	608
4. Когда стадо поворачивает назад... Рассказ писателя Магомета Кучинаева	615
5. Экономические проблемы и пути их решения	620
6. Когда за дело берутся настоящие джигиты. Статья писателя Магомета Кучинаева в журнале «Литературная Кабардино-Балкария» № 5, 2004 г.	625
7. Проблемы этнополитики и пути их решения	631
8. Проблемы культуры и образования	635
9. Духовное возрождение – это не религиозный фанатизм	640
10. Михаил Залиханов: Арсен Каноков сумеет вывести республику на устойчивый путь развития	644
11. Мы и сейчас!	648
12. Мир и согласие – верный путь к прогрессу и обновлению	653

Магомет Юсупович Кучинаев

**ИСТОРИЯ БАЛКАРИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
И ДО КОНЦА XX ВЕКА**

Книга 2

Зав редакцией *Л. О. Тамазова*

Художник *М. М. Горлов*

Технический редактор *Т. В. Демьяненко*

Корректор *Ж. М. Желетежева*

Рег. № 1020700753952 от 06.02. 2004

Сдано в набор 04.05.06. Подписано в печать 11.08.06.

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.

Гарнитура Times New Roman Cys. Бумага офсетная № 1.

Усл. п. л. 41,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 75.

ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат
им. Революции 1905 г.» Министерства культуры
и информационных коммуникаций КБР
Издательский центр «Эль-Фа»

360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 33

ISBN 588195776-8

9 785881 957766

Замеченные опечатки

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
86	16 сверху	«чужими элементами»	«чуждыми элементами»
88	8 сверху	Эта	Это
150	13 снизу	Придет или	Придет ли
259	3 снизу	сын Элибек	сын Элияса
274	9 сверху	Бразаускак	Бразаускас
279	18 снизу 19 снизу	Нальчик», республики, Кабардинская	Нальчик...», республики: Кабардинская
288	1 снизу	и эта	и что
447,449,451,453, 455,457,459	колонтитул	Наша Танзиля	Поэты Балкарии
467	11 сверху	сразу становиться	сразу становишься
469	9 снизу	своисвено	свойственно
470	18 сверху	Гений	Гении
475	20 снизу 22 снизу	Гарсия Марксса Хемингуейя	Гарсия Маркеса Хемингуэйя
481	1 снизу	г. Карачавск	г. Карачаевск
551	17 сверху	кийзы	кийзы
555	9 снизу	Жаннурла Тейриси	Жаныуарла Тейриси
580	12 сверху	мы пытаемся	мы попытаемся
591	11 сверху	балкарцев 126 тысяч	балкарцев около 120 тысяч
591	12 сверху	кабардинцев – тысяч	кабардинцев – более 400 тысяч
591	9 сверху	площадь в 125	площадь в 12,5

С В Е Т Л О Й   П А М Я Т И

ОТЦА *ЮСУПА ОГУРЛУЕВИЧА,*
безвинно репрессированного и загубленного в расцвете
лет на главной стройке ГУЛАГа – Беломорканале,

И МАТЕРИ *САЛИХАТ КЫПЫКОВНЫ,*
сумевшей в тяжкие годы преследований и ссылки
спасти своих детей от голодной и холодной смерти

П О С В Я Щ А Ю